

Л. Давыдычев

ИВАН
СЕМЕНОВ

*
ДЯДЯ КОЛЯ-
ПОП
ПОПОВ

*
ГЕНЕРАЛ
ШИТО-
КРЫТО
И ДР.

Л. Давыдычев

ИВАН
СЕМЕНОВ

*
ДЯДЯ КОЛЯ-
ПОП
ПОПОВ

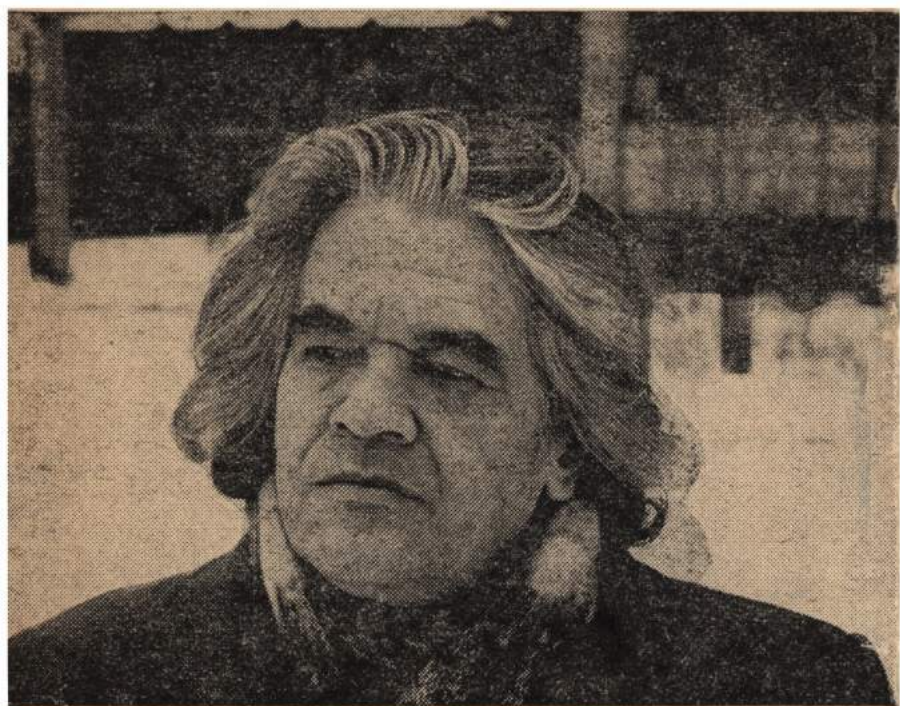
*
ГЕНЕРАЛ
ШИТО-
КРЫТО
И ДР.

Л. ДАВЫДЫЧЕВ

**ИВАН СЕМЕНОВ, ДЯДЯ КОЛЯ — ПОП ПОПОВ,
ГЕНЕРАЛ ШИТО-КРЫТО И ДР.**

Л. Давыдычев

**ИВАН
СЕМЕНОВ
*
ДЯДЯ КОЛЯ→
ПОП
ПОПОВ
*
ГЕНЕРАЛ
ШИТО-
КРЫТО
И ДР.**

**ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО • 1986**

Р2
Д12

Художник В. Вушув

Д $\frac{4803010102-66}{M152(03)-86}$ 55—86

© Оформление, Пермское
книжное издательство, 1986.

**МНОГОТРУДНАЯ,
ПОЛНАЯ НЕВЗГОД И ОПАСНОСТЕЙ
ЖИЗНЬ ИВАНА СЕМЕНОВА,
ВТОРОКЛАССНИКА И ВТОРОГОДНИКА,
НАПИСАННАЯ НА ОСНОВЕ
ЛИЧНЫХ НАБЛЮДЕНИЙ АВТОРА
И РАССКАЗОВ,
КОТОРЫЕ ОН СЛЫШАЛ
ОТ УЧАСТНИКОВ ИЗЛАГАЕМЫХ СОБЫТИЙ,
А ТАКЖЕ НЕКОТОРОЙ ДОЛИ
ФАНТАЗИИ**

**ГЛАВА ПЕРВАЯ,
служащая как бы вступлением
к описанию жизни Ивана Семенова
и объясняющая некоторые причины
его дальнейшего поведения**

**САМЫЙ НЕСЧАСТНЫЙ
ЧЕЛОВЕК НА СВЕТЕ**

Иван Семенов — несчастный, а может быть, самый несчастный человек на всем белом свете.

Почему?

Да потому, что, между нами говоря, Иван не любит учиться и жизнь для него — сплошная мука.

Представьте себе крепкого, рослого мальчишку, с наголо остриженной и такой огромной головой, что не всякая шапка на нее налезет.

И этот богатырь учится хуже всех в классе.

А честно говоря, учится он хуже всех в школе.

Обидно?

Еще как!

Кому обидно?

Да всему классу!

Да всей школе обидно!

А Ивану?

А ему хоть бы хны!

Вот так тип!

В прошлом году играл он в белого медведя, целый день на четвереньках ходил по снегу — заболел воспалением легких. А воспаление легких — тяжелая болезнь.

Лежал Иван в постели еле живой и хриплым голосом распевал:

Пирамидон-мидон-мидон!
Аспирин-пирин-пирин!
От лекарства пропаду-ду-ду!
Только в школу не пойду-ду-ду!

Долго лежал Иван. Похудел. И едва выпустили его на улицу, он давай кота Бандюгу ловить: хотел дрессировкой подзаняться. Бандюга от него стрелой, Иван за ним, поскользнулся — руку вывихнул и голову чуть не расколол.

Опять его в постель, опять он еле живой, опять хриплым голосом поет, распевает:

На кровати я лежу-жу-жу!
Вольше в школу не хожу-жу-жу!
Лучше мне калеккой быть-быть-быть!
Лишь бы в школу не ходить-дить-дить!

Хитрый человек этот Иван Семенов! Уж совсем поправился, а как врач придет, Иван застонет, глаза закатит и не шевелится.

— Ничего не могу понять, — говорит врач растерянно. — Совершенно здоровый мальчик, а стонет. И встать не может. Ну-ка, встанем!

Иван стонет, как раненный на войне, медленно опускает ноги с кровати, встает.

— Вот и молодец, — говорит врач. — Завтра можешь идти в школу.

Иван — хлоп на пол. Только голова состукала.

Его обратно в кровать.

А план у Ивана был простой — болеть как можно дольше. И всех бы он, Иван Семенов, перехитрил, если бы не муха. Муха, обыкновенная муха подвела Ивана.

Залетела она в комнату и давай жужжать. Потом давай Ивану на нос садиться. Он ее гонял-гонял — никакого результата. Муха оказалась вредной, ехидной и ловкой.

Она жужжит. Иван чуть не кричит.

Извела муха Ивана и спокойноенько уселась на потолок.

«Подожди, — решил Иван, — сейчас я тебе напишу».

Он подтащил стол, на стол поставил стул, взял полотенце, чтобы прихлопнуть муху, и — залез.

А муха улетела.

Иван от злости давай по потолку полотенцем хлоп-паты!

Вспотел даже.

В это время в комнату вошел врач. Ну и попало Ивану, невезучему человеку, так попало, что с тех пор он бьет мух кулаком, да изо всех сил!

ОСТАВИЛИ ИВАНА ВО ВТОРОМ КЛАССЕ НА ВТОРОЙ ГОД!

Все Ивана жалели.

А он?

А он хоть бы хны!

Ну не получается у него учеба! Вот сядет он уроки готовить, обмакнет перо в чернила, вздохнет с горя — клякса. Иван ее промокашкой — хлоп!

Клякса посветлеет, но станет еще больше. Иван снова обмакнет перо, снова вздохнет и — снова клякса.

Смотрит он на кляксы и мечтает. Хорошо бы сделать так, чтобы голова отвинчивалась. Пришел бы он в класс, спокойненько бы сел на свое место, отвинтил бы свою собственную голову и спрятал бы ее в парту.

Идет урок. Ивана, конечно, не спрашивают: не может же человек без головы говорить! Ведь говорит-то он ртом, рот-то у него в голове, а голова — где? В парте!

Звонок на перемену. Иван привинчивает голову и носится по школе.

Звонок на урок. Иван голову — вжик! вжик! вжик! — и обратно в парту. Сидит. Красота!

Думал Иван, думал и придумал однажды замечательную штуку. Пришел он как-то в школу, сел за

парту и молчит. Минуту молчит, вторую молчит, третью...

Пять минут прошло, а он — молчит!

— Что с тобой? — спрашивают ребята.

Иван отвечает:

— Зззззззззззз... — и голова у него дергается.

— Заболел? — спрашивают ребята.

Иван мелом на клас-
сной доске пишет:

Я зайка

— Да ты и не похож
на зайца.

Иван весь задрожал и:

— 33333333333333333333333...

— Зайкой он стал! — догадался Паша Воробьев. — Зайкой, а не зайкой.

Иван обрадованно закивал.

Как только в класс вошла Анна Антоновна, ребята загалдели:

— Семенов болен!

— Он зайкой стал!

— Говорить не может!

И всем классом, хором:

— 333333333333333333333333...

— Тише,— сказала Анна Антоновна, и вызвала Ивана к доске, и стала спрашивать.

А Иван отвечал так:

— Трр... бр... др... — и голова у него дергалась.

— Молодец, — сказала Анна Антоновна, — правильно ответил. Ставлю тебе пять с плюсом.

— Пять с плюсом?! — радостно переспросил Иван, который ни разу в жизни и четверок-то не получал.

А ребята захохотали.

А громче всех Колька Веткин.

Вызвали отца Ивана в школу. Ох и попало потом зайке-зайке!

И сказал он друзьям:

— Хватит. Точка. Не могу больше так жить. Буду проситься на пенсию. Со здоровьем у меня из-за этой учебы совсем плохо. Сегодня же напишу заявление.

— А куда, куда заявление? — с огромной завистью спросил Колька. — Отвечай давай, если совесть у тебя есть!

— Совесть у меня есть, не беспокойся,— со вздохом проговорил Иван.— Но не имею я права каждому рассказывать, куда я заявление о пенсии писать буду.

От обиды и возмущения Колька весь задрожал и крикнул:

— Всегда ты такой! Собакой лаять научишь, ручки в пол втыкать научишь, а на пенсию один отправишься?!

— Ты соображай,— посоветовал Иван.— Если все на пенсию уйдут, кто же учиться будет? — И он ушел, опустив свою большую голову.

Весь вечер трудился Иван над заявлением. Вот что у него получилось:

Вминистерство.

Учительница Меня Мучент за каждую ашипку ставит пару. Прашу принятмеру и асвабодит Меня по здоровю атучебы спасибо Хачу получит пенсьию. За это квам опять спасибо и првет

Иван Семенов

На конверте он написал:

**Сталица Москва
Вминистерство
насчет пенсьи
ат Ивана Семенова
сприветом квам заявление**

Через день почтальон принес письмо обратно и сказал:

— Нет такого адреса. И ошибок больно много. Ранно тебе еще жаловаться. И пенсию рано просить. Сначала школу окончи, поработай, потом жалуйся сколько тебе угодно.

Много разных историй с Иваном было, всех не расскажешь. Но вы уже, конечно, поняли, какой он несчастный человек.

И вот вам последний случай: задумали в шпионов играть. Ивану хотелось быть командиром советских разведчиков.

А что получилось?

КАК ВЫБИРАЛИ ШПИОНА

Никто не сомневался, что лучше всего выбрать шпионом первоклассника Алика Соловьева. Его и поймать легко, и настукать ему в любой момент можно, если будет спорить. А если еще учесть, что Алик никогда не ябедничает, то станет ясно: лучшего шпиона и не найти.

Правда, он трусоват. Играли как-то в американского летчика-шпиона Пауэрса. Пауэрсом выбрали Алика. Посадили его на крышу сарая — будто на самолете летит — и давай в него камнями (будто ракетами) стрелять.

С двадцатого выстрела попали — шишка!

Хорошо, в общем, поиграли. А он обратно слезать боится. Орали на него, орали, снова ракеты запускали.

Пришел милиционер Егорушкин. Полез он за Аликом, да сам с крыши грохнулся.

Попало ребятам.

И все-таки лучше шпиона, чем Алик, не найти.

Кстати, он никак не мог научиться правильно произносить слова с приставками «пре» и «пере». У него получалось:

— Я пер-прыгнул.

— Я пер-пугался.

— Я пер-бежал.

— Я пер-нес.

Значит, можно было считать, что Алик говорит на иностранном языке.

Всем было ясно, кто и на этот раз будет шпионом. Однако для видимости решили проголосовать и до того разорались, что Алик крикнул:

— Пер-катите!

Минутку помолчали и опять разорались.

Потом началась драка.

Драка началась из-за того, что Иван обозвал Кольку килькой.

— Какая такая килька? — обиженно спросил Колька.

— Маринованная, — ответил Иван, — или в собственном соусе. Ноль руб пятьдесят коп банка.

— Это я-то килька? — И Колька без лишних разговоров дал Ивану пинка. — Видал кильку?

Кто-то за кого-то заступился, и возник бой.

Главное в драке — не закрывать глаза.

А один друг Ивана — Паша Воробьев — всегда закрывал и стоял в центре боя, вытянув руки по швам. Ну и доставалось же ему!

Иван любил драться. Он вам не будет разбираться, кто свой, а кто чужой. Ему важно именно драться — машет он руками, а то и ногами во все стороны и даже бодается. И очень часто случалось, что он помогал противнику выиграть сражение, так как бил своих.

На этот раз все произошло немножко наоборот. Не забудьте, что в данной драке совершенно невозможно было разобраться, кому кого надо бить. Но каждый решил: не беда, начнется бой, видно будет, кто свои, кто враги.

Паша глаза по привычке закрыл, но руки его работали сами собой.

Свой первый в жизни удар Паша нанес своему другу — Ивану.

Иван от неожиданности рот раскрыл. А Паша ведь не видит, кого бьет, и опять — раз ему в то же самое место, то есть в лоб.

Иван до того растерялся, что закричал:

— Своих бьешь!

А Паша ни остановиться, ни открыть глаза не может: страшно.

Тогда Иван тоже глаза закрыл, Что тут случилось, никакими словами не передать!

Ребята так устали, что драка кончилась сама собой.

Все сели. Говорить никто не мог: кто язык прикусил, у кого губа распухла. И никто не может вспомнить, из-за чего друг друга молотили.

Вдруг откуда ни возьмись — учительница.

— Что у вас здесь происходило? — спросила она.

Алик Соловьев махнул рукой:

— Пер-дрались все.

А вы знаете, что, когда нужно срочно определить виновника драки, им всегда оказывается тот, кому больше всех досталось. А на сей раз больше всех досталось Ивану.

— Семенов, после уроков зайдешь в учительскую, — сказала Анна Антоновна и ушла.

— Так тебе и надо, — сказал Колька, — не будешь человека килькой обзывать. Да еще ноль руб пятьдесят коп банка.

Иван хотел ответить, но Колька закричал что было силы:

— Кто за то, чтобы Ивана шпионом выбрать, поднимите ноги!

А в это время звонок.

Ребята все — бух на спину и ногами задрывали. Это у них называлось голосованием.

Так Ивана выбрали шпионом.

Алик Соловьев сказал:

— Пер-касно,

ТЯЖЕЛЫЙ РАЗГОВОР

После уроков Иван проговорил мрачно:

— Прощайте, товарищи.

Все молчали, опустив головы: человека в учитель-

скую вызывают — не маленькие, понимаем, что к чему.

— Ябедничать я, конечно, не буду, — продолжал Иван, — но учтите, что страдаю я из-за Кольки.

— Вот это я понимаю! — воскликнул Колька (так он говорил, когда чего-нибудь не понимал). — Он один раз из-за меня пострадать не может. А сколько раз я из-за тебя мучился! А? Кто в прошлом году в коридоре во время уроков лаял?

— Иван! — хором ответили ребята.

— А кому попало?

— Тебе!

— Мне! — И Колька ударил себя в грудь. — А что придумал ручки в пол втыкать?

— Иван!

— А кому попало?

— Тебе!

— Мне! — И Колька так ударил себя в грудь, что ойкнул.

— Сравнил, — презрительно сказал Иван. — Подумаешь, собакой лаял. А тут — драка. Теперь меня как миленького из школы выгонят! — весело закончил он.

— Куда же ты тогда денешься? — спросил Паша.

— Не бойся, не пропаду. В милицию, например, устроюсь. Палку в руки и — пошел! Раз — грузовик стоп, два...

— Иди-ка лучше в учительскую, — перебил Колька, — там тебе раз-два и стоп.

Ушел Иван, а ребята загалдели: что делать, если его из школы выгонят?!

Иван, подходя к учительской, думал: «Несчастный я человек. Дрались все, отвечать мне. Будет она меня мучить. Говорить начнет. Мол, драться нельзя. Мол, выгнать тебя надо из школы. И ведь что обидно: не выгонят!»

Четыре раза подряд вздохнув, Иван вошел в учительскую.

— Жаль мне тебя, — сказала Анна Антоновна, — живешь ты плохо. Да?

— Плохо. — Иван опять вздохнул. — Не жизнь, а учеба. Мне бы только со школой разделаться, а там я... — Глаза его заблестели. — Да я сразу знаменитым человеком стану!

— Нет, не станешь ты знаменитым человеком, —

сказала Анна Антоновна, — ты ведь знаменитый лодырь.

— Ну и что? Я ведь сейчас лодырь, а потом — нет.

— Потом поадно будет. Надо теперь же за ум браться. Жаль, жаль мне тебя, — повторила Анна Антоновна. — Плохо ты живешь, неинтересно. Подумай над этим. Обязательно подумай. Можешь идти.

— Как?! — поразился Иван. — А насчет драки?

— Сами разберетесь. Иди и даже не надейся, что будешь знаменитым человеком. Если, конечно, не исправишься. Никогда лодыри не становились знаменитыми людьми.

— А я буду, — упрямо проговорил Иван. — Да вы знаете, кем я буду? Лунатиком! Первым лунатиком! — И сразу успокоился.

Анна Антоновна рассмеялась.

— Кем? Кем? — сквозь смех переспросила она.

— Лунатиком, — с гордостью ответил Иван. — На Луну полечу. Здоровых ведь будут подбирать.

— Так ведь... так ведь... — Смех мешал Анне Антоновне говорить. — Лунатиком!.. Ох... ведь лунатик... это болезнь такая... Кто ею болеет, того и называют лунатиком.

— Да ну? — удивился Иван, но, человек упрямый, добавил твердо: — Так я лунатик и есть. Давным-давно болею.

Вышел он из учительской, плечами пожал. Стало ему непонятно отчего грустно.

— Ну? — спросили ребята. — Здорово попало?

— В том-то и дело, что не попало, — ответил Иван. — Но разговор был тяжелый.

— Тяжелый? — спросили ребята. — Это как?

— А вот так. Лучше не спрашивайте. И жизнь у меня тяжелая, и даже разговоры у меня тяжелые. Не то что у вас. И еще она сказала, что я не лодырь, а просто несчастный человек.

— Врешь!

— Не верите — не надо. И еще она сказала: будешь ты, Иван Семенов, знаменитым человеком.

— Да врешь ты! — возмутился Паша. — Ты же двоечник!

— Ну и что? Она сказала, что все знаменитые люди в детстве были двоечниками.

— А это видал? — спросил Колька, показывая Ивану три пальца, сложенные, сами понимаете, в одну фигуру, названия которой я что-то не припомню.

Иван сжал кулаки.

— Пер-катите! — крикнул Алик. — А то опять пердеретесь!

— Тем более, — грозно проговорил Иван, — что я, к вашему сведению, лунатик.

— А это еще что такое? — с удивлением спросили ребята.

— Болезнь, — важно объяснил Иван. — Страшной силы болезнь. Просто не знаю, что и делать. — И, взглянув на ошеломленных приятелей, сказал: — Играть начинаем в двенадцать часов ноль-ноль минут. Еще пожалеете, что меня шпионом выбрали!

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой описывается игра в шпионов
и встреча Ивана с настоящими шпионами,
которые оказались ненастоящими

СТРАННЫЙ ЧЕЛОВЕК В ТЕМНЫХ ОЧКАХ

В двенадцать часов ноль-ноль минут милиционер Егорушкин заметил около клуба речников странного человека в пиджаке с поднятым воротником и в соломенной шляпе. Глаза его прятались за темными очками, руки были засунуты в карманы.

В двенадцать часов ноль три минуты милиционер Егорушкин подошел к нему и спросил:

— Чего это ты в таком подозрительном виде разгуливаешь? Да еще на территории клуба? Да еще зубы скалишь?

Странный человек ответил хриплым голосом:

— Не понимайт!

Милиционер Егорушкин проговорил сердито:

— Вот доставлю в отделение, сразу поймешь.

Человек в темных очках вытащил из кармана пистолет, прицелился милиционеру в нос, крикнул:

— Бах! Бах!

И бросился наутек.

— Я тебе дам «Бах! Бах!»! — крикнул Егорунин. — Ты у меня побахаешь!

Вскоре странный человек появился в продовольственном магазине. Он бросился к прилавку, оскалил аубы и хриплым голосом сказал:

— Биттэ, дриттэ, фрау, мадам, увай брот, шпиндель!

Продавщица спросила испуганно:

— Чего, чего?

— Р-рюки вверх! — прохрипел человек в темных очках. — Гутен так! Драй! Си бемольт! Урна!

Продавщица схватила нож, крикнула:

— Сам руки вверх, шпиндель!

Тогда странный человек вытащил пистолет, прицелился продавщице в нос и:

— Бах! Бах!

И выбежал из магазина.

ШПИОН УБИВАЕТ ДЕДА
ПО ПРОЗВАНИЮ ГОЛОВА МОЯ ПЕРСОНА,
А ДЕД ПЫТАЕТСЯ
ВЗЯТЬ ШПИОНА В ПЛЕН

Он промчался по улице и через несколько минут был у здания конторы. Там грелся на солнышке дед по прозвищу Голова Моя Персона.

Человек в темных очках подсел к нему, тяжело дыша.

Дед спросил:

— В шпионов, что ли, играете?

— Не понимайт!

— Я говорю, в шпионов, что ли...

— Р-р-рюки вверх!

Дед послушно поднял обе руки вверх и недовольно пробормотал:

— Посидеть спокойно не дадут. А ежели я тебя самого в плен возьму?

Человек в темных очках вытащил пистолет, прицелился деду в бороду и:

— Бах! Бах!

И дед повалился на скамейку. Странный человек от изумления открыл рот. Вы, конечно, догадались, что пистолет у него был деревянный и никак не мог выстрелить по-настоящему.

А дед по прозванию Голова Моя Персона лежал, закрыв глаза, не шевелился и только посапывал трубочкой.

— Дедушка, а дедушка, ты притворяешься?

— Ничего я не притворяюсь. Убил ты меня, голова моя персона.

— У-убил?!

— Наповал.

— А почему же ты разговариваешь?

— Вот поговорю немного, трубочку докурю и помру.

— Не умирай, дедушка, миленький!

— Нет, помру, — упрямо повторил дед, — а тебе отвечать, голова моя персона.

Странный человек бросился бежать.

Дед быстро сел, позвал:

— Былхвост!

Из-под скамейки выполз заспанный пес.

— Усь шпиона!

Пес по кличке Былхвост в несколько прыжков догнал странного человека, обежал его и отрезал путь к отступлению.

Смешной это был пес. Засоня, между нами говоря. Просыпался он только для того, чтобы поест и почесаться. Дед работал сторожем, и ему часто советовали сменить собаку.

— Засоня ведь он, — говорили деду, — проспит всех жуликов.

— Не беспокойтесь, граждане, — отвечал в таких случаях дед, — я его разбужу в один момент, как только жуликов заслышу.

Вот и сейчас Былхвост тут же, на дороге, задремал. Поэтому дед через равные промежутки времени будил его криком:

— Усы!

— Дедушка! — попросил странный человек. — Убери ты своего зверя!

— Не понимайт! — ответил дед и принялся неторопливо набивать свою трубку табаком. — Не так уж часто в нашем поселке шпионы встречаются. Я вот первый раз встретил. А ежели мы с Былхвостом задержали шпиона, то не отпустим. Отведем его прямо в милицию.

— Отпусти, дедушка!

— Как же я тебя отпущу, когда я убит наповал?

Тогда странный человек зарычал, оскалив зубы.

Пес проснулся.

Зевнул.

И нехотя зарычал.

Странный человек вытащил пистолет, прицелился в пса, крикнул:

— Бах! Бах!

Пес зевнул и ответил:

— Гав! Гав!

Странный человек хотел выстрелить еще раз, прицелился и крикнул:

— Гав!

И вдруг Былхвост начал лаять все быстрее и быстрее.

А дед не своим голосом закричал:

— Брысь! Брысь отсюда!

Странный человек испуганно оглянулся.

Выгнув спину дугой, на Былхоста двигалось чудовище, черное, безухое, трехногое, — бродячий кот Бандюга.

— Беги от него! Беги! — кричал дед.

Поджав остаток хвоста, жалобно взвизгнув, пес юркнул в подворотню.

Бандюга гордо оглядывался по сторонам и облизывался — будто съел бедного пса целиком.

Странный человек в темных очках был свободен. Он показал язык сначала Бандюге, потом — деду, крикнул:

— Гутен так!

И убежал.

ЖУТКИЙ СЛУЧАЙ. ИВАН В ОПАСНОСТИ

Как вы, конечно, догадались, это был наш знакомый Иван Семенов — самый несчастный человек на всем белом свете.

Игра началась. Теперь Ивану надо было прятаться, да так, чтобы его не могли найти.

Между нами говоря, глупая игра. Сначала шпион прячется, его ищут. Но — попробуй найди его, если он валезет на чердак, или в сарай, или дома под кроватью уснет!

Вот когда ему, шпиону, самому надоест прятаться, его поймают.

Так примерно случилось и с Иваном. Сидел он, сидел на чердаке, захотел есть до того, что начал грызть свой деревянный пистолет. Грыз-грыз — дуло отломилось. Пришлось пистолет выбросить. Иван решил сдаться в плен.

Только спустился он с чердака на лестничную площадку, как услышал голоса ребят.

— Вот это шпион, я понимаю! — кричал Колька Веткин.

Сдаваться в плен сразу расхотелось.

Куда бы спрятаться?

Забраться на чердак не так-то просто: лесенка до пола не доходила — обрывалась в воздухе.

Иван заметался. Вдруг он увидел, что дверь в квартиру № 16 приоткрыта. Иван прошмыгнул туда. Стоял он за дверью еле живой от страха, боялся дыхнуть.

А ребята спорили: залезать на чердак или нет?

Иван не сдержался и вздохнул, нечаянно дернул плечом, и дверь защелкнулась.

Сначала Иван испугался, потом обрадовался, потом опять испугался.

В квартире было тихо.

На лестничной площадке — тоже: ребята ушли.

Иван попытался открыть дверь, но это ему не удалось: замок был непонятного устройства.

С горя Иван сел на пол и вытянул ноги. Придут хозяева, подумают, что он вор, и посадят его, беднягу, в тюрьму.

Но не это самое страшное. Вдруг хозяева уехали куда-нибудь, и надолго, и Иван умрет здесь с голоду?

А есть ему хотелось — кота Бандюгу бы сейчас съел. Вот как!

Незаметно для себя самого Иван задремал. Во сне он увидел, что будто бы сидит в столовой и ест учебники. Они вкусные-вкусные. Особенно понравилась ему арифметика — с жареным луком и соусом. Как это раньше он не догадался учебники съесть?

Проснулся Иван от звука открываемого замка, стремительно пролетел в комнату и оказался под столом.

Чтобы зубы от страха не лязгали, Иван схватился за нижнюю челюсть руками.

В комнату вошли двое.

— Сразу начнем? — спросил мужской голос.

— Конечно, — ответил второй голос, — времени мало.

И вот что дальше услышал Иван:

— Пистолет на стол! Так... Давно заброшены сюда?

— Два месяца назад.

— Сумели что-нибудь сделать?

— Пока нет.

«ШПИОНЫ!» — пронеслось в голове у Ивана.

Они долго ругались, потом ушли на кухню, и Иван уже не слышал, о чем они говорили. Страх почти исчез. Иван торопливо соображал, что ему делать. И сообразил. Он вылез из-под стола, схватил пистолет и

спрятался за дверь. Тяжелый пистолет оттягивал руку.

Двое вернулись в комнату.

— Хорошо закусили, — сказал один, — можно снова работать. Продолжаем. Итак, вы согласны выполнить это опасное задание?

— Готов.

— Учтите, что если вы будете схвачены советской разведкой...

— Живым я им не дамся.

Иван стал медленно поднимать руку с пистолетом. «Сосчитаю до семнадцати, — решил он, — и бабахну обоим!»

— Постойте, — услышал он, — а где же пистолет?

— На столе.

— Не вижу.

— Что за чудеса?

«Сосчитаю до тридцати двух, — решил Иван, — и обоим бабахну!»

ПОЧЕМУ РАССЕРДИЛСЯ МИЛИЦИОНЕР ЕГОРУШКИН

О милиционере Егорушкине в поселке вспоминали лишь тогда, когда надо было забрать хулигана, или пьяного, или воришку.

Если все в поселке было спокойно, никто об Егорушкине и не вспоминал. Но только случится какой-нибудь неприятный случай, как все начинают ворчать:

— Куда это Егорушкин смотрит? За что деньги получает?

А он никогда не обижался на людскую несправедливость, потому что был умным человеком.

Казалось, что вывести его из себя нет никакой возможности. Разбушевавшихся хулиганов он усмирал с таким спокойным и брезгливым выражением лица, с каким мы снимаем муху с липучей бумаги.

И вдруг милиционер Егорушкин вышел из себя. Человек, который ночью гнался на мотоцикле за автомашиной, а в ней — трое вооруженных бандитов, сегодня рассердился.

Рассердил его не кто иной, как наш дорогой Иван.

Больше всего на свете Егорушкин ненавидел лодырей: ведь именно из лодырей и вырастают жулики. Конечно, не каждый лодырь становится жуликом, но каждый жулик — это лодырь.

Новая выходка Ивана — темные очки, «Не понимайт!», «Бах! Бах!» — рассердила Егорушкина, но он сдержался.

А тут еще возвращается из магазина жена и рассказывает... А жена Егорушкина — та самая продавщица, в которую Иван бабахал.

— Ну ладно... — сквозь зубы процедил Егорушкин. — Ты у меня еще узнаешь «гутен так», шпиндель!

РУКИ ВВЕРХ! СТРЕЛЯТЬ ВУДУ!

Шпионы, в квартире которых оказался Иван, перевернули вверх дном всю комнату в поисках пистолета.

«Сосчитаю до ста сорока трех, — решил Иван, — и бабахну прямо сквозь дверь!»

А у самого коленки трясутся, зуб на зуб не попадает. Одно дело — шпионов в кино смотреть, другое дело — живых шпионов встретить.

— Что же это такое? — спрашивал один из них. — Я отлично помню, что положил его вот сюда. Я же погибну без него. Сколько раз меня предупреждали... С меня голову снимут.

— Придется сразу сознаться.

«Значит, сейчас они уйдут, — подумал Иван облегченно, но сразу же озадаченно нахмурил лоб. — Они уйдут, а как же я подвиг совершать буду? Нетушки, нетушки, должен я героем стать!»

Иван ногой толкнул дверь, выбросил руку с пистолетом вперед и крикнул:

— Руки вверх! Стрелять буду!

Перед ним стояли двое мужчин: один длинный и старый, другой невысокий, помоложе.

Рука с пистолетом у Ивана дрожала.

— Стреляй, стреляй, — сказал длинный и сел.

— Только целясь получше, — посоветовал второй.

Иван нажал на спусковой крючок.

— Бах! Бах! — насмешливо сказал длинный. — Как ты сюда проник?

Иван понял, что дело его плохо, бросился в коридор, рванул дверь и...

Оказался в ванной комнате.

За его спиной скрипнула задвижка и раздался голос:

— Сиди, пока не придет милиция.

Взглянув на ванну, Иван радостно подумал: «Утоплюсь!» Он закрыл дверь на крючок, отвинтил оба крана.

— Что ты делаешь?! — раздалось за дверью. — Сейчас же открой!

Из одного крана била горячая струя, из другого — холодная.

Иван и обрадовался: ведь тонуть в теплой воде куда приятнее, чем в холодной.

Он начал раздеваться.

А за дверью кричали.

Она содрогалась от ударов.

Иван снял всю одежду, кроме трусов, и залез в ванну. Едва он погрузился в теплую воду, как сразу раздумал топить. Дурак он, что ли? Вот сначала искупается, а там видно будет. Конечно, лучше, если он утонет. На похороны соберется вся школа. Выйдет директор и заревет. А потом скажет: «Сли спокойно, дорогой Иван Семенов. Прости нас. Это мы виноваты в твоей смерти. Хоть ты и был лодырь, но человек ты был хороший. И зря мы тебя мучили. Зря не дали тебе уйти на пенсию...»

— Сюда, пожалуйста, товарищ Егорушкин, — услышал Иван и похолодел в теплой воде.

В дверь постучали.

— Гражданин Семенов, я требую, чтобы вы открыли двери! — сказал Егорушкин.

БЕССЛЕДНОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ИВАНА

Чтобы вы не очень долго гадали, в чью квартиру попал Иван, я сам расскажу. Здесь жил актер драматического театра. Со своим товарищем он репетировал сцену из новой пьесы о шпионах.

Милиционер Егорушкин сорвал дверь с крючка, вошел в ванную комнату, осмотрелся и...

нигде

не было...

Лежала на полу его одежда, а сам он словно растворился в воздухе или сквозь пол провалился.

— Сейчас обнаружим, — спокойно сказал Егорушкин.

Но спокойствие его было чисто внешнее, потому что, осмотрев ванную, он ничего не заметил, никаких следов, кроме маленькой лужицы на полу.

— Мистика какая-то, — прошептал один из актеров.

Егорушкин заглянул под ванну — пусто. Взглянул вверх — на смывной бачок.

Пожал плечами.

Вдруг все вздрогнули:

где-то рядом

раздался

писк.

Егорушкин резко нагнулся, заглянул за ванну и увидел голые пятки.

Он схватил их, потянул.

— О-о-о-ой! — нечеловеческим голосом закричал Иван. — Голову оторвете!

— Я же тебя за ноги тащу...

— Ой! Голова застряла!

Тут Егорушкин сказал несколько слов, приводить которые я здесь не буду, так как убежден, что они вырвались у него случайно. Больше я ни разу таких слов от Егорушкина не слышал, хотя мы бывали с ним в переделках куда опаснее, чем вот эта история.

Вытащить Ивана, застрявшего под прямым углом между ванной и стеной, удалось не сразу.

Ногами он еще мог пошевелить кое-как, а голова была стиснута. Сначала Иван от боли подвывал, потом скулил, а потом просто орал благим матом.

Егорушкин сбегал в домоуправление за водопроводчиками. Они отключили воду, развинтили трубы, отодвинули ванну и — вытащили Ивана.

Тело его было в красных пятнах, в краске и извстке. Говорить он не мог.

— Э-эх, — вздохнул Егорушкин, — такая огромная голова, а пустая. Придется тебя, дорогой друг, в больницу.

Иван обрадованно закивал.

— В сумасшедший дом,— уточнил Егорушкин.

— Нетушки,— с трудом выговорил Иван.— Я нормальный. Я есть хочу. Здорово есть хочу.

— Может, накормить его? — спросил один из актеров.— Как-никак нервное потрясение перенес.

— Кормите, если не жалко,— разрешил Егорушкин.— Только пусть оденется.

Иван съел полкилограмма колбасы, полбуханки хлеба, выпил четыре кружки чаю и тут же, сидя, уснул. Даже храпывал.

Устал, бедняга!

И чем, вы думаете, все кончилось?

Да тем, что милиционер Егорушкин отнес Ивана к нему домой. На руках!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой впервые появляется Аделаида,
а Иван Семенов пытается выдать себя за лунатика

ИВАНУ

ПРИХОДИТ В ГОЛОВУ МЫСЛЬ

Милиционер Егорушкин принес Ивана к нему домой, сдал родителям и сказал:

— Получите вашего обормота. До того нахулиганился, что захрапел.

Иван, конечно, проснулся, но притворился, что спит. Он подождал, пока уйдет Егорушкин, пока все в квартире уснут, тихонечко прокрался на кухню, поел хорошенько и снова лег.

И размышлял. Вот если бы за один день выучить все учебники за все классы! А? Ух, было бы здорово! Прощай, дорогая школа! Сидит Иван на выпускном вечере в президиуме, в самом центре, а выпускают его одного, Ивана. Играет духовой оркестр. Выходит директор и говорит:

— Товарищи, мы собрались сюда для того, чтобы выпустить на свободу из школы нашего лучшего ученика, выдающегося человека нашего поселка, гордость нашу — Ивана Семенова. Всю жизнь ему не везло. На-

до честно сознаться, товарищи, что мы вели себя плохо. Не жалели Ивана нисколько. Мучили его, воспитывали, заставляли учиться, не заботились о его здоровье. Поэтому он и был самым несчастным человеком на всем белом свете. Но он взял себя в руки и совершил небывалый подвиг — за один день окончил все классы, всю школу. Да здравствует Иван Семенов! Ура!

Тут Иван сообразил, что ведь все это показывают по телевизору...

Была ночь, и никто не услышал его крика.

В окно светила луна.

У Ивана сжалось сердце, когда он подумал: «А вдруг мне не удастся слетать на Луну? Вдруг какой-нибудь Колька Веткин окажется счастливым? Или Паша Воробьев? И уж совсем будет обидно, если я останусь на Земле, а на Луну полетит малявка Алик Соловьев!.. Нетушки! Я вас всех обскачу. С завтрашнего дня буду отличником — вот увидите. Ведь стоит только мне захотеть, и буду кем угодно!»

И опять размышлял Иван. Представьте себе: получает он сплошные пятерки. Никто его больше не ругает, не воспитывает. Все смотрят на него с уважением. Идет он по школе и слышит, как старшеклассники про него говорят:

— Это Иван Семенов, знаменитый отличник.

Заснул Иван крепко, сладко.

ИВАНА БУДУТ ТАЩИТЬ НА БУКСИРЕ

Утром был разговор с отцом. (Ну и любят же поговорить эти взрослые! Нет чтоб просто сказать, что вел ты себя плохо, обормот ты такой, — и все!)

— Скоро кончишь дурака валять? — спросил отец.

— Скоро.

— А то ведь надоело с тобой нянчиться. Понял?

— Понял.

— Тебе хоть немного стыдно?

— Стыдно.

— Немного, средне или очень?

— Очень.

— Больше не будешь?

— Нет.

И еще минут десять! Так и хочется сказать: «Да что, я маленький, что ли? Не понимаю? Все я прекрасно понимаю, но не везет мне. Я бы рад хорошо себя вести, но не получается!»

Вышел Иван на кухню, а там мама спрашивает:

— Скоро кончишь дурака валять?

— Скоро.

— А то ведь надоело с тобой нянчиться. Понял?

— Понял.

— Тебе хоть немного стыдно?

— Стыдно.

— Немного, средне или очень?

— Очень.

— Большие не будешь?

— Нет.

И еще минут десять! И когда в кухне появилась бабушка, Иван затараторил:

— Скоро кончу дурака валять, потому что тебе надоело со мной нянчиться. Мне стыдно. Очень. Больше не буду.

— Ненаглядный ты мой! — воскликнула бабушка. — И все-то ты понимаешь, бесценный!

Выбежав на улицу, Иван, конечно, тут же забыл обо всем, даже о том, что с сегодняшнего дня решил стать отличником.

Для него идти по улице — все равно что кино смотреть, а может, еще и интересней.

Кошку на окошке увидел — «Мяу, мяу», — поздоровался.

Собака мимо бежала — «Гав, гав» ей сказал.

«Кар! Кар!» — ворону передразнил.

Стайку воробьев разогнал.

Взглядом проводил самолет и погудел, как мотор.

Попробовал грузовик обогнать.

Девочке подножку подставил.

Все вывески прочитал и еще складывал их, получилось интересно:

БАКАНОМ ГАСТРОЛЕЯ

Около парикмахерской в зеркале соорил себе шестьдесят четыре рожицы.

Две старушки беседовали — послушал.

Впереди лейтенант шел — Иван за ним в ногу кварталов пять прошагал.

И вдруг вспомнил: школа!

Почесал затылок, скомандовал:

— В школу бегом — марш!

Только пятки замелькали. Бежал, бежал, запыхался. Остановился, огляделся и давай хохотать — не в ту ведь сторону бежал!

— Гвардии рядовой Иван Семенов, обратно шагом марш! Раз, два, левой! Раз, два, левой!

Кошку на окошке увидел — «Мяу, мяу», — поздоровался.

Попробовал грузовик обогнать.

Три старушки спорили — послушал.

Собака мимо бежала — «Гав, гав!» ей сказал.

Около парикмахерской в зеркале сам себе шестнадцать раз кулак показал.

И вдруг весело стало — поплясал немного.

Пришел в школу усталый, еле дышит.

— Почему опять опоздал? — спрашивает Анна Антоновна. — Проспал?

— Нет.

— А что случилось?

— Ничего.

— Почему же опоздал?

— По улице шел и... опоздал.

— Все по улице шли, а опоздал только ты. Почему?

— Не знаю.

— Не знаешь, — с укоризной сказала Анна Антоновна. — Тебе хоть немного стыдно?

— Стыдно. — Иван тяжело вздохнул. — Очень стыдно. Всем надоело со мной нянчиться. Я больше не буду.

— А мы тебе не верим! — крикнул Паша.

— Мы всем классом решили, что тебе необходим буксир, — сказала Анна Антоновна.

— Какой буксир? — удивился и немного испугался Иван.

— Который тебя тащить будет! — крикнул Колька.

— Куда тащить?

— Мы найдем для тебя самого лучшего ученика из четвертых классов, — объяснила Анна Антоновна. — Он поможет тебе учиться.

— А я и без буксира могу,— с гордостью сказал Иван.— Я еще вчера решил круглым отличником стать.

И тут раздался такой хохот, что Иван тоже захотел. И чем громче смеялись ребята, тем громче смеялся Иван.

«СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ»

Домой Иван из школы шел один.

Настроение у него было... охо-хо! Испортилось у него настроение. «Вот всегда так бывает,— размышлял он.— Только соберешься что-нибудь хорошее сделать — помешают. Буксир какой-то выдумали! Будто я сам не могу отличником стать. Ну, дело ваше... Вы этот буксир выдумали, вы и отвечать будете».

— Здорово живем, Семенов! — окликнул его гревшийся на солнышке дед Голова Моя Персона.— Как жизнь шпионская?

Хотел Иван с горя мимо пройти, но вспомнил, что дед — мастер рассказывать разные истории, и присел рядом.

— Что смурый такой? — продолжал расспрашивать дед.— Двочки мучают? У меня вот тоже беда. Можно сказать, несчастный случай. Надо нам с Былхвостом работу менять. Уж где только мы с ним не работали, и отовсюду я из-за него уходил.

— А почему, дедушка?

— Друг он мой. Не важно, что пес, а важно, что друг. Не могу я его бросить. А его отовсюду вежливо просят удалиться. Собачья у него жизни! Характер у него уж больно невозможный. Вредный, я бы сказал. С виду пес смиренный, засоня и лодырь. А вдруг вот найдет на него... ужас! Вот в кинотеатре мы с ним работали. Красота! Днем сплю, вечером кино смотрю, ночью дежурю, караулю. Так этот пес, будь он неладен, вдруг решил тоже в кино ходить. Пролезет в зал, полсеанса сидит смиренно, а потом как начнет лаять! Все с мест повскакивают, крики, а он от криков совсем одуреет и под стульями носится. Ну, привяжу я его на веревку, а он скулит, прощенья просит. «Дай,— говорю,— честное собачье слово, что больше не будешь». Он мордой кивает. Отвяжу я его. И опять старая история. Пришлось нам другую работу искать.

Приняли нас в аптеку. Тоже красота! А там ночью де-
журная старушка сидела. Кому ночью лекарство по-
требуется, тот постучит, старушка проснется и выдаст
лекарство. Удобно. И кто это пса научил в окно сту-
чать? Ума не приложу. Подойдет он к окну и лапой
стук-стук. Старушка просыпается, бежит открывать, а
на крыльце Былхвост сидит. И еще улыбается, дурак.
Терпела старушка, терпела и заявила начальству:
«Или я, или пес!» Пошли мы новую работу искать.
Вот в эту контору устроились...— Дед махнул рукой и
замолчал.

— Ну и что, дедушка?

— Ох... Даже и говорить страшно. Думается мне,
что Былхвост лунатиком сделался.

— Лунатиком? — оживился Иван.— Это как?

— А вот так. Ночь. Тьма кромешная. Бывало, друг
мой храпит вовсю. Пока есть не захочет. Или блоха
ему в ухо не заскочит. А сейчас ни с того ни с сего
встанет и — пошел! Прямо! А глаза закрыты! Спит! —
в ужасе крикнул дед.— Стоя спит! На ходу! Лунатик!..
Вот какие дела, голова моя персона.

— Так пусть себе гуляет, дедушка.

— А вдруг его на крышу потянет? Лунатики, го-
ворят, даже по проводам ходят. С крыши на крышу
перескакивают.

— А почему их лунатиками называют?

— Так ведь без луны-то лунатиков не бывает,— от-
ветил дед.— Тут все дело в луне. Она на них дейст-
вует.

Ивану эта болезнь понравилась. Только не знал он,
как ею заболеть.

Задумался.

И — придумал.

«ВОТ ЭТО БУКСИР!»

После звонка с последнего урока Анна Антоновна
задержала весь класс.

— Сейчас придет...— сказала она.

— Буксир! — крикнул Колька Веткин.

Приоткрылась дверь, и раздался голос!

— Можно?

— Входи, входи,— пригласила Анна Антоновна.

В класс вошла девочка.

— Буксир! — закричал Колька Веткин. — Вот это буксир, я понимаю! — И захохотал, будто Чарли Чаплина увидел.

Но больше никто не рассмеялся.

Иван втянул свою большую голову в плечи.

Дело в том, что если бы эта девочка родилась мальчиком, то из нее (то есть из него) получился бы борец или боксер самого тяжелого веса. Эта четвероклассница ростом была как семиклассница, а может быть, и больше.

Звали ее Аделаида.

ДОЧЬ КРОКОДИЛА

Стоял на улице киоск с вывеской «Мороженое». В киоске сидела тетя. Один зуб у тети был не простой, а золотой. Когда на него попадал солнечный луч, зуб сверкал, как прожектор.

Ребята говорили, что раньше на месте этого зуба рос клык. Потом его кто-то выбил или он сам выпал, и она вставила себе золото.

Конечно, к взрослым надо относиться с уважением. Взрослые — это, в общем, неплохие люди. Но у них есть один недостаток: они часто забывают, что в свое время сами были маленькими. Они забыли, например, что внутри каждого мальчишки вставлен моторчик. И этот моторчик вырабатывает так много энергии, что если мальчишка спокойно посидит больше, чем семнадцать минут, то может взорваться. Поэтому и приходится бегать сломя голову, драться, кусаться, обзываться — только бы не взорваться!

Бывают среди взрослых и плохие люди, даже очень плохие. Это я вам говорю по секрету, и вы уж меня, пожалуйста, не выдавайте. Подрастете — сами увидите, что я прав.

Сейчас же разговор идет только о тете с золотым зубом.

Паша Воробьев назвал ее однажды крокодилом.

— Какой же она крокодил? — удивился Колька Веткин. — Крокодил — это он. А она — это она.

— Значит, крокодил женского рода, — заключил Паша.

Так тетю и стали звать.

Почему же к ней такое отношение?

Пропусту говоря, тетя эта была страшная злюка. Если бы разрешили есть людей, то она в первый же день съела бы человек пять. Ох и злая была!

Мороженое стоит, к примеру, одиннадцать копеек, а вам дома дали двенадцать — гривенник и двоечку.

Вы бегом к киоску.

— Дайте мороженку!

Глаза у тети округляются, лицо наливается красной краской, и тетя кричит на весь поселок нечеловеческим голосом:

— Нету сдачи!

И тут вы хоть головой о киоск бейтесь, мороженки вы не получите. Ни за что.

И даже если вы сбегаете в ближайший магазин и разменяете деньги и принесете тете ровно одиннадцать копеек, то не думайте, что мороженка у вас в руках. Как бы не так!

Вполне может случиться, что тетя в это время жует. И на все ваши просьбы она будет кричать нечеловеческим голосом:

— У меня обед! Все люди едят, а мне нельзя?! — И еще кулаком погрозит.

А жевать она может долго. Скопится огромная очередь, а тетя жует и жует.

Наконец все съела. Так вы думаете, что теперь получите мороженку? Вряд ли. Тетя крикнет:

— Пить захотела!

И сколько бы вы ее ни просили продать вам мороженку, тетя будет кричать, поблескивая золотым зубом:

— Все люди пьют, а мне нельзя?! — И еще кулаком погрозит.

И уйдет на другой конец поселка к другому киоску, где торгуют газированной водой. Пьет тетя медленно и не меньше семи стаканов.

Я бы не стал о ней рассказывать, если бы у нее не было дочери по имени Аделаида.

СТРАШНОЕ УСЛОВИЕ

Вот кто она была, эта девочка, из которой получился бы боксер или борец самого тяжелого веса, если бы она родилась мальчиком.

И у нее тоже был золотой зуб на том же месте, что и у мамы, и он тоже сверкал, как прожектор, когда на него попадал солнечный луч.

Итак, Колька крикнул:

— Вот это буксир, я понимаю! — И захохотал, будто Чарли Чаплина увидел.

Как вы помните, больше никто не рассмеялся.

Аделаида взглянула на Кольку и сказала:

— Плохо будет тому, кто обзовет меня хоть еще один раз.

И все поняли, что обзывать ее просто опасно: это вам не малявка Алик Соловьев.

— Который? — спросила Аделаида.

Все повернули головы в сторону Ивана.

— Я, — еле живой от стыда и страха, ответил он.

— Ну как? — спросила Анна Антоновна. — Согласна взять его на буксир?

— Согласна. С одним условием.

— Каким условием? — хором спросил класс.

— Чтобы он не жаловался, — ответила Аделаида.

Иван спросил тихо:

— А чего мне жаловаться-то?

— А я стукнуть могу, — объяснила Аделаида, и ее золотой зуб сверкнул, как прожектор. — Характер у меня страшный. Разозлюсь — и стукну.

Тут Иван совсем растерялся и проговорил:

— Я бы тебе тоже стукнул, но с девочками драться нельзя.

— Правильно, — согласилась Аделаида, — потому что они слабее. А со мной можно. Я сильная. Но предупреждаю: драться со мной очень опасно.

— Почему? — хором изумился класс.

— Я силы рассчитывать не умею, — сказала Аделаида, — так стукнуть могу... — Она тяжело вздохнула.

— Как? — опять спросил класс.

— А так...— Аделаида показала свой большущий кулак.— Видите? Раз — и вызывайте «скорую помощь».

Класс притих.

И никто не замечал, как улыбалась Анна Антоновна.

— Я не согласен,— дрожащим голосом пробормотал Иван.— Это что же получается? Буксир обязан тащить, а не бить.

— А я и не собираюсь тебя бить,— сказала

Аделаида.— Если ты меня слушаться будешь, зачем мне тебя бить?

— Значит, договорились,— сказала Анна Антоновна.

ИВАН ВЫДАЕТ СЕБЯ ЗА ЛУНАТИКА

Впереди, боязливо втянув голову в плечи, шел Иван.

За ним широко и тяжело шагала Аделаида.

А на некотором от нее расстоянии стайкой семенили ребята.

Вдруг Иван резко остановился, обернулся и радостно закричал:

— Больной ведь я!

Подошли ребята. Аделаида спросила:

— Чем ты болен?

— Лунатик я,— гордо ответил Иван.— Ночами-то я не сплю. По крышам гуляю, по столбам прыгаю, по проводам хожу. Устану, не выплусь — какая тут может быть учеба?

Ребята смотрели на него с удивлением.

— А почему тогда не лечишься? — спросил Колька.

— Лечусь, да ничего не помогает.

— А не врешь? — спросила Аделаида.

— Можете проверить,— ответил Иван,— пожалуйста, в любую ночь выходите и проверяйте.

Ребята восторженно загалдели.

— Тише, мелюзга! — прикрикнула Аделаида. — Проверим лунатика. Когда по крышам ходишь?

— Ну... часов так с двенадцати до... до самого утра! Иногда вы уже в школу идете, а я все еще по крышам скок-скок.

— А где?

— А везде. Сначала на крышу влезаю. Потом прыг-прыг до клуба. Потом по проводам, по столбам!

— И не падаешь?

— Могу и упасть. Тогда уж смерть.— Иван подмигнул притихшим ребятам.— Очень серьезная болезнь.

— Вот это болезнь, я понимаю! — с завистью прошептал Колька.— А как тебе заболеть удалось?

— Не помню.

— А если тебя веревками на ночь связывать? — спросил Паша.

— Пробовали. Но я любую веревку раз — и пошел дальше.

— А цепью если?

— То же самое получается.

— Ладно, ладно,— грозно проговорила Аделаида, сверкнув золотым зубом.— Всю ночь буду за тобой смотреть. И если ты наврал...— Она погрозила большущим кулаком.

— Пожалуйста, смотри, проверяй сколько тебе угодно,— храбрился Иван.— Но учти: болезнь заразная. Тут один за мной подглядывал, так теперь ночами вместе со мной по крышам скачет. Понятно?

— Никаких болезней я не боюсь,— спокойно произнесла Аделаида.— Я очень здоровая.

— Мое дело — предупредить,— упавшим голосом пробормотал Иван.

— А мое дело...— Аделаида опять погрозила ему своим большущим кулаком.

И когда она скрылась за углом, Иван сквозь зубы процедил:

— Как бы я тебя на буксир не взял, крокодильская ты дочь!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,
в которой описываются события одной ночи,
а также подготовка к ней

ЛУНАТИК ТРЕНИРУЕТСЯ
И ЧУДОМ СПАСАЕТСЯ ОТ ГИБЕЛИ

Если вы думаете, что Иван струсил, то ошибаетесь. Конечно, ему было не по себе, конечно, он побаивался, но отступать не собирался.

Он сидел на крыше и размышлял: «Жалко, если навернись головой вниз. Реветь все будут, сто раз пожалеют, что такого человека погубили. Судить ведь всех будут! Ну ладно, так и быть — постараюсь не упасть. Придется для этого потренироваться».

Сказано — сделано: Иван начал тренировку.

Он пошел по гребню крыши. Дом трехэтажный, не очень и высоко, но коленки трясутся.

Но если решил стать лунатиком — вперед!

Балансируя руками, Иван осторожно переставлял ноги. Глаза у него были закрыты — как будто бы кругом ночь.

Вдруг он услышал глухой хриплый рев, и в ноги ему ударилось что-то тяжелое и упругое.

Иван полетел вниз.

На мгновение он открыл глаза — навстречу ему стремительно опрокидывалась земля.

Все перевернулось...

Он зажмурился...

Иван катился вниз по крыше, руками нащупывая, за что бы зацепиться. Пальцы его вцепились в водосточный желоб...

Руки от усилий онемели. Он не мог ими пошевелить. Ногами он шевелить боялся: казалось,

одно движение — и он соскользнет с крыши.

И даже лежать неподвижно и то было страшно.

«Да-а,— пронеслось в голове,— еще бы немного, и одним будущим отличником стало бы меньше».

Поднявшись на четвереньки, он вернулся на гребень крыши и сел. И тут-то увидел виновника своего падения, которое едва не кончилось гибелью,— кота Бандюгу.

Кот сидел на трубе и ехидно улыбался.

— Дурак! — крикнул ему Иван. — Ты соображаешь или нет?

— Ма-а-а,— ответил Бандюга.

— Ма-а-а,— передразнил его Иван. — Балбес! Был бы у тебя хвост, я бы тебя за него — и с крыши!

Бандюга показал ему язык, отвернулся и помахал обрубком хвоста.

«А вдруг он меня ночью так же? — испуганно подумал Иван. — Тогда — все. Надо поймать его и спрятать».

— Бандюжечка, миленький,— позвал Иван ласково. — Бандитик ты мой дорогой. Ну иди сюда, разбойничек.

— Ма-а-а! — ответил кот, даже не посмотрев в его сторону.

— Золотой мой, бесхвостенький, иди сюда!

Но недаром кота звали Бандюгой: хорошего к себе отношения он не признавал.

— Иди сюда, а то получишь, бесхвостая твоя натура! — закричал Иван.

И тогда кот подошел.

Загремела крыша и загудела, когда Иван бросился на Бандюгу и придавил его к железу.

— Ма-а-а-а-а!

— Два-а-а-а-а!

Куда же его спрятать?

ПОЕДИНОК НА ЧЕРДАКЕ

Справиться с этим ужасным котом не было никакой возможности. Он орал, будто раненый тигр, кусался и царапался.

До того оба устали, что умолкли.

— Дурак ты, — тяжело дыша, сказал Иван. — Чего ты? Я тебя накормлю, бай-бай уложу, а сам лунатить пойду.

Бандюга закрыл глаза и утих. Но Иван знал его подлый характер и рук не разжимал. Так они и сидели на чердаке, пока не отдышались.

Казалось, Бандюга совсем успокоился, но едва Иван поднялся, как кот снова обезумел. Опять он орал, кусался и царапался.

И — вырвался!

С победным ревом кот ринулся вниз, в отверстие, к которому была приставлена лестница.

По дороге он сбил с ног маленькую девочку. Иван девочку не заметил, зашнулся об нее и полетел кувырком, считая головой ступеньки.

Стук!

Стук!

Стук!

Стук!

Другой бы на его месте тут же умер. Но Иван столько раз в жизни падал и ударялся о твердые предметы, что для него подобный полет — ерунда. Встал он, шмыгнул носом, почесал ушибленные места и — побежал дальше.

Бегал он за Бандюгой до позднего вечера, вернулся домой еле живой от усталости, поел хорошенько и лег отдохнуть.

Впереди была трудная ночь.

ЛУНА ВЫЛА БОЛЬШАЯ И ЯРКАЯ

Предстояло сложное дело: надо было улечься спать, в двенадцать часов незаметно выскользнуть из квартиры, походить по крыше и так же незаметно вернуться домой.

Но Иван все продумал до мелочей и лежал себе, с трудом отгоняя сон.

Куда сложнее было уйти из дому Аделаиде. Мамаша ее до смерти боялась жуликов. Поэтому во дворе на здоровенной цепи сидел здоровенный пес, а на двери было четыре висячих и три врезных замка, две щеколды да еще цепочка.

Окна закрывались ставнями, а ставни — замками. Но Аделаида твердо решила сбежать.

Но как выскользнуть из дома, в котором даже окна закрываются на замки?

Мамаша Аделаиды в этот вечер так ругалась с покупателями, что еле дошла до дому, хриплым голосом попросила пить, выпила семь стаканов квасу и легла. И сразу заснула.

Около двенадцати часов ночи Аделаида уже была в условленном месте — на скамейке под огромной липой напротив клуба.

Сюда пришли еще трое: Паша Воробьев, Колька Веткин и — совершенно неожиданно! — Алик Соловьев.

— Мама с папой уехали в дом отдыха, — сказал он. — Я остался с бабушкой. А бабушку я легко перхитрил.

А Паша и Колька придумали так: соврали, что будто ночуют друг у друга.

— Смотреть в оба! — приказала Аделаида, и в лунном свете золотой зуб ее грозно поблескивал.

Луна была большая и яркая.

Смотрели ребята, смотрели на пустые крыши, закусали.

— А это правда, что ты его бить будешь? — спросил Алик.

— А это от него зависит, — ответила Аделаида.

Мимо прошел дед Голова Моя Персона с Былхвостом.

— Отведу я тебя, дурака, в больницу, — донеслось до ребят, — там тебе дадут жизни. Сто уколов как получишь, так взвоешь. Пожалеешь, что не слушался меня.

Вот уже и прохожих больше не было.

Ни одного огонька не светилось в окнах.

Алик уснул сидя и во сне сладко причмокивал губами.

Паша толкал его в бок, чтобы самому не заснуть.

Сияла огромная луна, будто дразнила незадачливых наблюдателей.

— Лунатик несчастный,— прошептала Аделаида,— получишь ты у меня...

— Я спать хочу...— жалобно протянул Паша.

— Сахара, сахара, сахара! — во сне крикнул Алик.

— А шоколада не хочешь? — рассердилась Аделаида.— Скоро пойдем по домам.

— По каким домам? — чуть не плача спросил Паша.— Я ведь у него ночую,— он показал на спящего Кольку,— а он у меня. А мы оба на улице.

— Пер-станьте! — во сне крикнул Алик, вскочил, побежал, упал и заревел что было сил.

Колька спросонья тоже закричал:

— Лампочки держите!

А Паша с испуга запел:

— Не кочегары мы, не плотники!

И тут Аделаида доказала, что если бы она родилась мальчишкой, то стала бы боксером или борцом.

Она стукнула Кольку по затылку и приказала:

— Цыц!

Она схватила Алика за шиворот, поставила на ноги и приказала:

— Цыц!

Паша с перепугу приказал сам себе:

— Цыц! — И замер, вытянув руки по швам, пятки вместе, носки врозь.

— То-то,— сказала Аделаида,— мелюзга несчастная. Пойдете ночевать к Алику.

— Бабушка утром пер-пугается.

— Ничего. Марш домой!

— А ты? — спросил Колька.

— Буду продолжать наблюдение.

Ребята ушли.

Луна-то была. А никакого лунатика не было...

НУ И НОЧКА!

Иван в это время спал, как сказал бы Алик Соловьев, пер-спокойным образом. И спал Иван потому, что устал. А устал Иван потому, что за Бандюгой гонялся. А гонялся он за Бандюгой потому, что хотел его спрятать. А спрятать его он хотел потому, что Бандюга мог помешать ему лунатить.

Устал Иван, лег отдохнуть да и уснул до утра.

Аделаида знала, что никакой он не лунатик и что вообще все это выдумки. Спорить же с Иваном бесполезно: он кого угодно переговорит и наврет столько, что не разберешь.

Вот и надо было его уличить.

Поэтому Аделаида и сидела на скамейке под огромной липой напротив клуба. Глаза сами собой закрывались.

Вдруг она вздрогнула и едва не вскрикнула.

Прямо на нее шел пес. Поймите, не просто шел, а прямо на нее.

Аделаида не шевелилась.

Пес ткнулся влажным носом в ее колени и замер с закрытыми глазами.

Из-за угла клуба появились две фигуры и направились прямо к Аделаиде.

Впереди шагал милиционер Егорушкин, за ним вприпрыжку торопился дед Голова Моя Персона.

«Попалась,— подумала Аделаида.— Теперь мне попадет! Да еще как!»

— Вот он, лунатик! — обрадованно закричал дед.— Былхвост!

— А это что за особа? — удивленно спросил Егорушкин, направив луч электрического фонарика на девочку.— Что ты здесь делаешь?

— Лунатика караулю.

— Какого еще лунатика?

И Аделаида рассказала о том, как ее попросили взять Ивана Семенова на буксир и что из этого вышло.

— Эх, сколь лунатиков-то развелось! — воскликнул дед.

Откуда-то донеслись не то крики, не то плач...

Все прислушались.

— За мной! — приказал Егорушкин.

Выбежав за угол, они увидели Пашу, Кольку и Алика, которые брели, спотыкаясь, по улице и ревели.

Увидев милиционера, ребята умолкли.

Оказалось, что бабушка Алика была глуховатой и они не могли ни позвониться, ни достучаться.

— Ну и ночь! — сказал Егорушкин.— Придется всех вас за нарушение общественного порядка отвести в отделение и составить протокол.

— Не надо-о-о-о!

— А что мне с вами делать прикажете?

— Иван во всем виноват,— прохныкал Колька.— Из-за него... вот его и отводите... вот на него протокол и составляйте...

— Виновата я,— сказала Аделаида.— Я здесь старшая...

— Граждане! — воскликнул дед.— Спросите меня, кто виноват! Отвечу! Спрашивайте!

— Кто виноват? — спросил Егорушкин.

— Я! — гордо ответил дед.— Это я, голова моя персона, про лунатиков Ивану рассказал. Значит, надоумил его. Готов понести заслуженное наказание.

— Сейчас надо решить, куда эту мелюзгу спроводить,— озабоченно проговорил Егорушкин.— Уж вы меня извините, а придется родителей будить.

Когда все разошлись под громкие вопли ребят, дед сказал:

— Идем, Былхвост, на дежурство. И не вадумай больше лунатика из себя строить. Кончилось мое терпение. Понял? И милиция вашим братом, лунатиком, заинтересовалась. Делай выводы.

...Утром Иван пришел в школу чуть ли не первым.

УТРОМ

Вернее, не пришел, а прибежал.

Он трусил. Очень. Даже стыдился немного. Он понимал, что теперь никто ему не поверит, сколько ни сочиняй про свою страшную болезнь. Невезучий он человек — что поделаешь? Не нарочно же он проспал.

Одна только и была надежда, что Аделаида тоже проспала.

Тут она и подошла. И с нею ребята.

— Вчера я себя прекрасно чувствовал,— сказал Иван.— Пилюль много съел. Да таблеток еще разных. Помогло. Всю ночь спал. Впервые за много лет. А вы?

— А мы ночью дежурили,— ответила Аделаида,— с товарищем Егорушкиным.

— А также с псом Былхвостом,— добавил Паша,— он тоже лунатик. Вроде тебя.

— Врун и хвастун,— сказала Аделаида.— Из-за тебя им дома знаешь как попало?

Ребята громко вздохнули.

— После уроков останешься, — приказала Аделаида, — начнем!

У Ивана мороз по коже пробежал.

— И правильно! — воскликнул Иван. — Еще мало попало! Да я бы вас всех за такое безобразие в милицию бы забрал! Суток на семьдесят!

— За какое такое безобразие?! — поразился Колька.

— Пер-путал ты чего-то, — сказал Алик. — Это преступников в милицию забирают.

— А может быть, вы и есть преступники во главе вот с этой особой. — Иван показал на Аделаиду. — Зачем к человеку пристали?! — крикнул он. — Почему человеку нормально жить не даете? Почему даже ночью ему от вас покоя нет?!

— Так ведь мы... — пробормотал Паша. — Так ведь мы человеку помочь хотели!

— Не нужна ему ваша помощь ни капельки! — сказал Иван, отвернувшись. — Он по-человечески жить хочет! Ему ночью спать надо, а вы хотите, чтоб он по крышам скакал да по проводам бегал! Не выйдет!

ГЛАВА ПЯТАЯ,

писать которую автору очень не хотелось,
потому что в ней Иван Семенов
снова совершает ряд плохих поступков,
начинает драку с Аделаидой,
терпит поражение и... выступает по телевидению

АДЕЛАИДА НАНОСИТ ПЕРВЫЙ УДАР

После уроков Аделаида поймала Ивана уже во дворе школы за руку и привела обратно в класс.

— Не могу я сейчас заниматься, — жалобно сказал Иван, — есть я хочу. Когда я голодный, то могу в любой момент хлоп на пол. Обморок.

— А если поешь?

— Тогда все в порядке. Могу хоть целый час заниматься.

Аделаида достала из портфеля сверток, развернула — шесть бутербродов с маслом и колбасой.

«Ух ты, крокодильская дочь! — подумал Иван. — Вот свалилась на мою бедную голову!»

— Ешь, — грозно проговорила Аделаида, — лодырь несчастный. Лунатик заспанный.

— А ты паровоз бесколесный.

— А ты... — но она сдержалась, иначе бы они разругались, и предложила: — Ешь на здоровье.

Чего-чего, а есть Иван любил и умел. И если бы за это умение давали звания, то Иван был бы примерно подполковник. Так что бутерброды он уничтожил быстро.

— Наелся?

— Спасибо. Ни капельки. Придется домой идти.

— Сначала выучишь уроки.

— Не могу. Учти: не не хочу, а не могу.

— Можешь.

Иван почувствовал, что сердце его замирает от страха, но проговорил громко и отчетливо:

— Не могу! Не могу! Не могу!

Аделаида крикнула:

— Можешь!

И — трах! — кулаком по столу.

Понимал Иван, что если сейчас отступит, то потом будет еще труднее. И, закрыв от страха глаза, он крикнул:

— Не могу и не желаю!

Тишина.

Иван открыл один глаз и у самого носа увидел большущий кулак.

— Последний раз предупреждаю, — сквозь зубы произнесла Аделаида, — если ты сейчас же не станешь учить уроки, я за себя не отвечаю. Так стукну, что живым отсюда не уйдешь!

— Ой-ой! — вскрикнул Иван и дернулся всем телом. — Ох! Ох! — И снова дернулся, еще сильнее. — Ух! Ух! — И объяснил: — Началось. Сейчас меня часа три дергать будет. Ох! Ох!

— Бух! — крикнула Аделаида и нанесла ему здоровенный удар по шее.

Иван стукнулся о стену так, что задребезжали стекла в окне. Он лежал на полу и думал: «Ну что, крокодилова дочь? Попало тебе? Испугалась? Не знаешь, что и делать? А я лежу себе на здоровье».

— Ну как? — спросила Аделаида. — Живой?

— Живой-то живой,— ответил Иван,— но голова-то совершенно не работает. Что-то в ней треснуло.

— Склеим потом. Вставай.

— Не могу.

Взяла его Аделаида за шиворот, подняла, спросила:

— Еще стукнуть?

Иван подумал и ответил:

— По-моему, не надо.

— Я тоже так считаю. Садись. Давай тетради, учебники, ручку. Что по арифметике задали?

— Вот этого я не помню.

— Зато я помню. Упражнение сорок третье. Приготовились. Начали.

«И откуда ты свалилась на мою голову? — с тоской подумал Иван.— Хоть бы ты заболела, что ли!.. А если Егорушкину на нее пожаловаться? Так, мол, и так, товарищ милиционер, избили среди бела дня. В голове трещина. Судить таких надо!»

— Ты же совсем не слушаешь меня! — рассердилась Аделаида.— А ну слушай!

«Слушаю, слушаю,— насмешливо думал Иван.— Вот вызовут тебя в милицию, послушаешь». А вслух сказал:

— Не забыть мне сегодня в милицию зайти. Акт составить. Об избиении. Отвечать тебе придется.

— За что?

— Так ведь... человека искалечила.

— Ваня! — сказала Аделаида.— Хватит! Ведь перед всем классом договорились, что жаловаться ты не будешь.

— А я и не жаловаться. Чего мне жаловаться? Просто милиция должна о всех хулиганах знать.

— Вань! Встань! — скомандовала Аделаида.

Иван тяжело поднялся, сказал:

— Интересно все-таки получается. Чуть-чуть человеку голову не раскокала, да еще командует!

— Вот что.— Она положила ему на плечо руку.— Хватит. Мальчик ты не глупый. Выдумывать умеешь здорово. Ну чего ты? Скоро кончишь дурака валять?

— Скоро.

— А то ведь всем надоест с тобой нянчиться. Понял?

— Понял.

— Тебе хоть немного стыдно?
— Стыдно.
— Немного, средне или очень?
— Очень.
— Больше не будешь?
— Не буду! Не буду! Не буду! — крикнул Иван, расхохотался, бросился к окну и — прыг!
Вы-прыг-нул!

ПОГОНЯ. СНОВА НА КРАЮ ГИБЕЛИ

Оглядываясь через плечо, Иван видел, что Аделаида бежит за ним ровно, словно не торопясь.

— Куда? Куда? — спросил его сидевший на окне Колька.

И хотя Иван не ответил, Колька спрыгнул с подоконника и помчался следом, на ходу спрашивая:

— А куда? А зачем?

Иван молчал: ему трудно было дышать.

Скоро к ним присоединился Паша.

— Куда? — спросил он, пристраиваясь за Колькой. — Зачем?

— Понятия не имею, — ответил Колька.

— Вы куда? — спросил Алик и, не дождавшись ответа, бросился следом.

Улица кончилась, и они выбежали в поле.

Иван обливался потом.

— Не могу больше! — крикнул Алик и остановился.

— Я тоже! — крикнул Паша и тоже остановился.

— Хватит тебе! — крикнул Колька и остановился.

Тут Иван споткнулся и плашмя упал в пыль на дорогу. Упал и не вставал. Лежал, вытянув руки и ноги, и не шевелился. Ему было все равно. Пусть грузовик его давит, пусть лошадь с телегой через него переезжает!

И даже когда подошла Аделаида, он не пошевелился.

— Вставай, — сказала она, — хватит лежать. Полежал и хватит. Ну?

— Не нукай, — ответил Иван. — Видишь, я еле живой. Ноги совершенно отнялись.

— А если машина?

— Пусть.

— Подождем, — сказала Аделаида и села в сторонке.

Подошли ребята и тоже сели.

— Долго лежать будешь? — спросил Паша.

— Сколько надо, столько и буду, — ответил Иван и вздрогнул: впереди по дороге пылила автомашина.

— Пер-едет тебя! — крикнул Алик.

— Задавит! — крикнул Паша.

— Лепешка из тебя получится! — крикнул Колька.

Иван закусил губу, чтобы зубы не стучали от страха, но не двигался.

— Машине его не обехать, — спокойно сказала Аделаида, — по обеим сторонам канавы.

— Не канавы, а кю... кю... кюветы, — запинаясь, поправил Иван.

— Да что нам с ним делать? — закричал Паша.

— Пер-двинуть его надо в сторону! — крикнул Алик.

Ребята бросились к Ивану, схватили его за ноги и уволокли с дороги в кювет-канаву.

— Ты что, сумасшедший? — спросил Колька. — Не соображаешь?

— Не сумасшедший он, — сказала Аделаида, — а лодырь, каких свет не видал. Лодырь из лодырей. Готов в пыли валяться, только бы уроки не учить. Но учти, — повысила она голос, — я заставлю тебя учить уроки.

— Как бы не так, — ответил из кювета-канавы Иван. — А я виноват, что лодырь? Такой уж я родился.

— Вруша ты. Все выдумываешь, выдумываешь. А вот кем ты вырастешь?

— Кем захочу, тем и вырасту. — Иван тяжело вздохнул. — Я, между прочим, и без тебя отличником могу быть. Если захочу.

— Я не понимаю, — сказал Колька, — ты собираешься вставать или нет? Или мы тут до утра сидеть будем?

— А мне-то что? — Иван вылез из канавы-кювета и сел. — Я лично могу хоть до утра.

— Нет и нет, — глухо проговорила Аделаида. — Сейчас мы пойдем готовить уроки.

У Ивана внутри все похолодело.

Он вскочил.

— Чего тебе от меня надо? — заикаясь от возмущения, спросил он. — Чего ты ко мне пристала? Чего ты надо мной издеваешься? Чего ты меня бьешь? Машина меня из-за тебя чуть-чуть не переехала! В милицию ты захотела?

— Напрасно ты кипятишься, — спокойно ответила Аделаида. — Я вовсе не собиралась тебя бить. Ты сам виноват.

— Я?! Сам?! Виноват?! — поразился Иван. — В чем же это я виноват — интересно мне знать! Я просил тебя сваливаться на мою несчастную голову?

— Меня просила Анна Антоновна и весь ваш класс.

— Но я-то не просил!

— А что с тобой делать? — закричал Паша, вскакивая. — Ведь ты можешь и на третий год во втором классе остаться! Это же позор! Это же безобразие!

— Идем готовить уроки, — твердо произнесла Аделаида.

— А ты его бить будешь? — шепотом спросил Алик.

— Постараюсь не бить, — ответила Аделаида. — Чего мне с ним драться? Слабенький он.

— Слабенький?! Я?! — У Ивана от возмущения кулаки сжались сами собой. — Да ты понимаешь, что ты говоришь?!

— Не кричи, — сказала Аделаида, — успокойся. Тебя по-хорошему просят: идем учить уроки. И через час ты свободен.

Иван молчал.

КОВАРНЫЙ ЗАМЫСЕЛ ИВАНА

— Ладно! — Иван махнул рукой и весело сказал: — Идем!

Пошли.

Впереди скакал неожиданно повеселевший Иван, с него летела пыль.

За ним, как милиционер за жуликом, готовая в любой момент схватить его, шагала мрачная Аделаида.

На некотором от нее расстоянии стайкой семенили ребята.

«Сбегу!

СБЕГУ!

СБЕГУ! — думал Иван. — Не дам над собой издеваться. Нашлась какая! Крокодиловская ты доченька — вот ты кто, а не буксир!»

— Только не вздумай бежать, — сказала Аделаида. — Все равно поймаю.

До самой школы никто больше не сказал ни слова... Остановились у подъезда. Лица у ребят были испуганными.

— А вдруг он опять пер-старается? — спросил Алик.

Аделаида пожала плечами, но ее золотой зуб сверкнул, как прожектор.

— Ваня, — позвал Алик, — ты это... ну... пер-терпи... Не надо.

— Конечно, не надо, — добавил Паша.

— Уговариваете? — возмутился Колька. — Как маленького? Деточка, выучи уроки? Конфеточку дам? Баю-бай, баю-бай, Ваню маленького бай?

И тут случилось неожиданное: Иван промолчал. Он даже не взглянул на Кольку. Он обдумывал коварный план избавления от Аделаиды.

— Ты не сердись, — пробормотал растерявшийся Колька. — Иди ты, выучи ты эти уроки.

— Ладно, ладно! — весело ответил Иван, подмигнул ребятам и стал подниматься по ступенькам.

Следом двинулась Аделаида.

— Пер-дерутся, — прошептал Алик.

ИВАН ВСТУПАЕТ В ДРАКУ

Они вошли в класс.

— Садись, — сказала Аделаида, — очень прошу тебя: садись.

Иван, ухмыляясь во весь рот, сел, собрал учебники и тетради, сложил их в портфель.

— Ты что?! — Аделаида шагнула к нему, но Иван выскочил из-за парты и попятился к окну. — Опять?!

— О-о-опять! — крикнул Иван. — Очень тебя прошу: отстань. Хуже будет.

— Даю тебе честное пионерское, — громко проговорила Аделаида, — что я от тебя не отстану. Ни за что. Я обязана, я дала слово помочь тебе.

— Обязана, обязана, — передразнил Иван. — Зато я не обязан. Привет, привет и — наших нет!

И — прыг в окно!

Вы-прыг-нул!

Тут же за ним выпрыгнула и Аделаида. С трудом устояв на ногах, она схватила Ивана за руку.

Сколько он ни пытался вырвать руку — не мог.

Ребята хохотали во все горло.

Тут Иван совершил, пожалуй, самый ужасный поступок за всю свою многотрудную жизнь. Не зная, как вырваться, он укусил Аделаиду за руку.

Аделаида вскрикнула, но руки не выпустила. Тогда Иван цапнул ее во второй раз, и посильнее. Затем он бросился головой вперед, чтобы боднуть Аделаиду в плечо.

А она выпустила его руку и отскочила в сторону.

Иван по всем законам физики полетел вверх тормашками, хотя и не знал пока этих законов.

— Наших бьют! — крикнул Колька, но не двинулся с места.

Бедный Иван лежал на земле лицом вниз. От обиды и бессильной злости ему хотелось расплакаться.

— Предлагаю мир, — сказала Аделаида, — идем учить уроки.

«Притворюсь мертвым, — решил Иван, — пусть попрыгают. Сто раз пожалеют, что издевались над хорошим человеком. Главное, чтоб крокодилова дочь от меня отстала. С остальными я справлюсь... Почему же они молчат?»

Осторожно повернув голову, Иван посмотрел через плечо — никого вокруг не было.

Аделаиды не было.

Кольки не было.

И даже Алик куда-то исчез.

Обиделся Иван. Друзья называется! Бросили человека лежать, можно сказать, валяться, на земле. Может быть, мертвого! А потом еще удивляются, что он часто и здорово болеет.

— Ура-а-а! — вдруг крикнул Иван, сел, встал на голову, поболтал в воздухе ногами и вскочил. Ведь если они ушли, то, значит, сдалась крокодиловская

доченька, отстала! Значит, победил ее гвардии рядовой Иван Семенов!

— Домой шагом марш! — скомандовал он сам себе, подпрыгнул, гоготнул и зашагал.

ПЕРВАЯ НЕОЖИДАННОСТЬ

— А тебя ждут, — такими словами встретила его дома бабушка.

Иван заглянул в комнату и чуть в обморок не упал: за столом сидела Аделаида.

— Проходи, — сказала она, — не стесняйся. Будь как дома.

— Проголодался, бедненький? — спросила бабушка. — Сейчас я тебя кормить буду.

— Ты зачем пришла? — прошептал Иван Аделаиде. — Чего тебе надо?

— Если ты не будешь учить уроки, — ответила Аделаида, — я все, все, все расскажу твоим родителям. И про буксир, и про это. — Она показала руку, на которой было два красных пятнышка — следы зубов Ивана.

— Рассказывай сколько хочешь. — Иван неестественно рассмеялся. — Я им тоже про тебя кое-что расскажу. И про то, как ты мне голову чуть-чуть не раскокала, и про все.

— Договорились.

Бабушка кормила Ивана вкусно и долго. Он столько съел, что еле дышал.

— Ты бы, девочка, шла погуляла, — сказала бабушка, — а Ванечке отдохнуть надо. Полежать. Он у нас слабенький здоровьем. Вот только питанием и поддерживаю.

— Уроки ему учить надо, а не отдыхать. А здоровье у него...

— Выучит, выучит, успеет, — перебила бабушка. — Самое главное — здоровье. Об нем надо заботиться. Иди, иди, девочка, подыши свежим воздухом.

— Погуляй, девочка, погуляй, — ухмыляясь, добавил Иван, — подыши свежим воздухом, подыши.

— Хорошо. — Аделаида встала. — Я пойду гулять и дышать свежим воздухом. А через час вернусь. Будешь делать уроки.

— Вот и правильно, — согласилась бабушка, — часа через два. А еще лучше — с половиной. Главное — вовремя поспать.

Ох и похохотал Иван, когда Аделаида ушла. Молодец бабушка — не дает внука в обиду и не даст. Никому и никогда.

ВТОРАЯ НЕОЖИДАННОСТЬ

Но почему-то не спалось и настроение было очень неважное.

Иван подошел к окну и увидел...

Аделаиду!

Она сидела на скамейке. Ивана она не видела, и он погрозил ей кулаком, показал язык и в изнеможении от справедливой злости лег.

Если она будет тут сидеть, то ему незамеченным не выйти из дома.

Что же придумать?

И хотя Иван считал себя невезучим человеком, на самом деле ему часто везло.

Читайте, что дальше было, и вы убедитесь в этом.

В дверь заглянула бабушка, позвала:

— Ванечка! Не спишь? Тут тебя дядечка какой-то спрашивает. Говорит, что ты сообразительный.

Иван вышел в коридор.

— Не узнаешь меня? — спросил его высокий дяденька и снял шляпу. — Не помнишь?

— Узнал! Помню! — радостно ответил Иван. — Это я у вас... — И прикусил язык. — Вы артист, который шпионов играет.

— Правильно. — Дяденька улыбнулся. — Ты ни разу не выступал по телевидению?

— Нет. А что? — У Ивана дух захватило.

— Понимаешь, через два часа передача, — ответил дяденька, внимательно разглядывая Ивана, — а мальчик, который в ней участвует, неожиданно заболел — охрип. Мне только что позвонили из студии и попросили кого-нибудь подыскать для выступления. И я вспомнил о тебе. По-моему, ты мальчик сообразительный, находчивый. Думаю, что у тебя все получится.

— Конечно, получится, — сказала бабушка. — Он у нас артист. Кого хочешь передразнит.

— Ты ведь во втором классе? — спросил дяденька. — Но это неважно. Ростом ты за четвероклассника сойдешь. Так поехали репетировать?

— Поехали, поехали! — радостно воскликнула бабушка. — Сейчас я его переодену. Новую рубашку дам, чтоб он красивым был.

И представьте себе такую картину: у подъезда стоит голубая «Волга».

Дяденька артист распахивает дверцу.

Иван садится на переднее сиденье рядом с шофером и говорит подбежавшей Аделаиде:

— Еду выступать по телевидению! Привет!

ТРЕТЬЯ НЕОЖИДАННОСТЬ

Если вас когда-нибудь пригласят выступать по телевидению, не вздумайте одеваться тепло.

Жара в студии страшная!

На вас направляют всевозможные лампы, много ламп, от которых идет свет и жар.

Дышать нечем.

Такое впечатление, словно вас накрыли горячей сковородкой.

Иван репетировал с Антоном Сергеевичем (так звали актера) целый час.

Интересно до чего!

Антон Сергеевич играл роль учителя, а Иван — роль ученика. Он быстро выучил текст наизусть и проносил его без запинки.

И вот началась передача.

Сидит Иван за столом с Антоном Сергеевичем, а на них направлены пушки — телевизионные камеры.

— Некоторые ребята, — говорит Иван, — считают, что учиться можно не то чтобы плохо, а так — средне. Они считают, что можно и без хорошей учебы стать, например, летчиком. Эти ребята ошибаются. Первый долг школьника — отличная учеба.

Все вокруг улыбаются, кивают: дескать, молодец гвардии рядовой Иван Семенов!

И он тоже улыбается: дескать, сам знаю, что молодец.

Но вдруг у него в горле словно сухой комок образовался — мешает говорить.

Испугался Иван. Стал глазами по сторонам водить, будто спрашивая: что это такое со мной творится?

И начал он спотыкаться чуть ли не на каждом слове:

— Все мы... мы... все мечтаем о подвигах... Всем нам... нам всем... хочется стать героями... Но кое-кто... то есть кто-кое... нет, кое-то... кое-кте... из нас, в общем...

— Кое-кто из ребят считает, что героем можно стать случайно? — спросил Антон Сергеевич, чтобы выручить Ивана. — А кто, по-твоему, может совершить подвиг?

— Тот, кто... кто тот... ну... у кого есть воля-силы.

— Сила воли? — переспросил Антон Сергеевич.

— Да. И еще... кто умеет бороться с этими... ну...

— Трудностями?

— Да, — унылым тоном ответил Иван.

— А лодырь может героем стать?

Иван отрицательно покачал головой.

Очень он расстроился, хотя все его поздравляли, хвалили, утешали и нисколько не ругали, что в конце передачи он растерялся и забыл текст.

А ведь он растерялся вовсе не потому, что забыл текст, а потому, что стало ему стыдно, и если бы изображение было цветное, то все бы увидели, как он покраснел. Ведь понимал он, что не имел права играть эту роль!

Но — опять он сидел в голубой «Волге» на переднем сиденье рядом с шофером.

Было Ивану грустно.

И еще он чувствовал себя виноватым, только не мог пока сообразить — в чем именно.

А вдруг скажут ребята:

— Лодырь, двоечник, а за кого себя выдавал? Напинай ему, чтоб знал!

Иван вышел из машины, боязливо оглядываясь по сторонам, словно кто-то мог его подкараулить.

И юркнул в подъезд.

НЕПРИЯТНЫЙ РАЗГОВОР

Дверь открыла бабушка, звонко чмокнула внука в обе щеки, сказала:

— Молодец ты мой ненаглядный! Настоящий артист!

— Иди-ка, артист, сюда,— позвал отец.

Иван, тяжело вздохнув, прошел в комнату.

— Может, он сначала поест все-таки? — обиженно и возмущенно спросила бабушка. — Устал ведь, намутился ведь.

— Поест он всегда успеет,— ответил отец. — Садись, сын, потолкуем. Ну как? Доволен?

— Нет,— буркнул Иван.

— Почему? Ведь вся область тебя видела и слышала. Вот, думали люди, вот это парень! Не только сам хорошо учится, но и других по телевидению учит!

Кстати, отец Ивана учился хорошо — в вечернем техникуме, а днем работал (тоже хорошо) на машиностроительном заводе токарем.

И мама Ивана тоже училась — в библиотечном техникуме, а днем работала в библиотеке.

— Все учатся,— сказала однажды бабушка,— я только неученая. Но ничего — тоже вот на курсы какие-нибудь поступлю.

И поступила — на курсы кройки и шитья.

Хуже всех в семье учился Иван.

— Маленький еще,— объясняла бабушка,— подрастет, поумнеет и начнет учиться.

Вот и сегодня отец отчитывал Ивана, а бабушка стояла в коридоре и громко вздыхала.

«Замучают ведь они несчастного ребенка,— думала она,— искалечат. И ничем ведь на них не угодишь! Только одно и знают — воспитывать да перевоспитывать! А ребенка жалеть надо, кормить его надо!»

— Когда в следующий раз выступать будешь? — спросил отец.

— Не буду больше,— пробормотал Иван,— не имею права.

— Теперь можешь есть. Заслужил.

Бабушка кормила внука вкусно и долго.

БАБУШКА НА ПОСТУ

Иван сидел на окне и со страхом ждал прихода Аделаиды: ведь она обещала поговорить с его родителями и обо всем им рассказать.

А это значит, что опять начнутся разговоры-пере-

говору, и никому в голову не придет, что человека не воспитывать, а жалеть надо. Трудно ведь жить человеку, почти невозможно! А его, видите ли, еще и на буксир... Голову человеку чуть не раскокали. Машина его чуть-чуть не переехала...

Но если вы решили, что Иван растерялся и не знал, что делать, то ошибаетесь. Ему в голову пришла замечательная мысль.

Он бегом к бабушке и пожаловался ей.

— Буксир? — возмутилась бабушка. — Я ей покажу буксир! Иди, внучек мой ненаглядный, спокойно отдыхай. А если она сюда заявится, я ей... кое-что скажу. Иди, иди, родименький, отдыхай.

То, что бабушка называла отдыхом, а ребята называли бегать, на самом деле было тяжелой работой.

После такого отдыха ребята возвращались домой, высунув языки.

Ни рукой, ни ногой пошевелить не могли.

Однако на этот раз Иван не бегал. Он все время поглядывал, не появилась ли во дворе Аделаида. То и дело приходили ребята из других домов и расспрашивали его о выступлении по телевидению.

Как Ивану хотелось похвастаться и приврать! Рты бы разинули от зависти и удивления!

Ахнули бы!

Но, кажется, впервые в жизни Иван не врал, и ребята уходили немного разочарованными.

«Все люди как люди живут, — горестно размышлял Иван, — один я несчастный. Заболеть бы, что ли, по-настоящему. Чтоб ни руки, ни ноги не двигались. Нет, чтоб одна-то рука работала бы: есть все равно надо. Лежал бы себе, как суслик раненый, и радио бы целыми днями слушал, а вечером — телевизор к твоим услугам. Благодать!»

На скамейке у подъезда с вязаньем в руках сидела бабушка.

Иван знал, что, если бы даже сам директор школы захотел сейчас пожаловаться на него родителям, бабушка бы его не пустила. Больше всего на свете она любила внука и за него была готова идти в бой.

И когда перед ней появилась Аделаида, Иван насколько не испугался, спрятался за поленницу и издали наблюдал.

Бабушка встала.

Вид у нее был воинственный.

«Сейчас она тебе! — торжествующе подумал Иван. — Крокодиловская ты доченька!»

Но что произошло дальше, этого никто не ожидал: ни Иван, ни бабушка.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

в которой бабушка неожиданно становится
одним из главных действующих лиц,
а Иван Семенов совершает героический поступок

АДЕЛАИДА ВЫЯСНЯЕТ ОБСТАНОВКУ

— Добрый вечер, — сказала Аделаида и улыбнулась.

— Вечер добрый, — сквозь зубы проговорила бабушка, — не знаю, как тебя звать-величать.

— Аделаида.

— Бывает.

Помолчали, внимательно разглядывая друг друга.

— А где ваш внук? Бегает?

— Может быть. Не твое это, между прочим, дело.

Опять помолчали, настороженно разглядывая друг друга, словно собираясь бороться.

— А уроки он сделал? — спросила Аделаида.

— А ты кто такая? — спросила бабушка. — Чего тебе тут надо? Зачем пришла? Думаешь, он без тебя с учебой этой не справится? Я у него буксир, а не ты. Видала, как он по телевизору выступал?

— Видала, видала! — радостно воскликнула Аделаида. — Замечательно выступил!

— Как настоящий артист. — Бабушка посмотрела на нее с подозрением. — Просто удивительно.

— Ничего удивительного нет, — осторожно возразила Аделаида, — ведь он очень способный. У него только один недостаток. Вот если бы он...

— Нет у него недостатков! — грозно перебила бабушка.

— Один маленький недостаток.

— Нет!

— Малюсенький недостаток. Совсем малюсенький.

— Допустим,— нахмурившись, сказала бабушка.— Поспать он любит.

— Не в том дело. Пусть себе спит сколько ему угодно. Плохо то, что очень уж он добрый.

— Это как понимать? — насторожилась бабушка.

— А вот мы решили помочь ему учиться,— стала объяснять Аделаида.— Другой бы на его месте сразу бы согласился: помогайте, пожалуйста, тратьте на меня силы и время! Правда? А он не такой. Ему неудобно беспокоить людей. Он добрый. Вот он от меня и бегаёт.

— Золотце ты мое! — Бабушка всплеснула руками.— Ненаглядная ты моя! Идем, милая, я тебя вареньем накормлю. Оно у меня восьми видов: клубничное, земляничное, малиновое, брусника с яблоками, крыжовник...

Бабушка и Аделаида скрылись в подъезде.

«Что делать? — испуганно подумал Иван, ничего не понимая.— Враг проник в мой дом. Что делать?»

В голове проносилось решение за решением. А если убежать в другой город? Поступить на работу, стать в вечерней школе отличником, потом — знаменитым человеком.

«Пусть без меня живут,— с болью в сердце думал Иван.— Пусть скучают, пусть грустят, пусть слезки льют».

Он так живо представил себе эту безрадостную картину, что сам чуть не разревелся.

«Нет, уезжать нельзя,— передумал он,— жалко всех. Да и поймают. Сядет Егорушкин на свой мотоцикл и догонит».

Иван обреченно побрел домой.

На кухне бабушка и Аделаида пили чай. Весь стол был уставлен банками с вареньем.

— А мы уже по третьему стаканчику! — весело сообщила бабушка.— Налить тебе, миленький?

Сидел Иван, без всякого удовольствия пил чай стакан за стаканом, заедая это дело ложками варенья всех видов, ждал, когда Аделаида заговорит о буксире и прочем, ерзал на табуретке.

А они разговаривали о варенье.

«Нарочно это она! — думал Иван про Аделаиду. — Любит людей мучить. Но я сбегу! Пусть только заикнется! Больше она меня тогда и не увидит!»

Допили чай, унесли банки в кладовку.

— Можно ему проводить меня? — спросила Аделаида.

— Конечно, конечно! Какой может быть разговор? — согласилась бабушка. — Он у меня такой вежливый, такой вежливый! Иди, иди, Ванечка...

УО

Иван был согласен на любой позор, даже на то, чтобы его дразнили женихом, лишь бы увести Аделаиду из дома.

Они вышли на улицу. Бабушка долго махала им вслед рукой. Аделаида оборачивалась и махала ей в ответ.

— Хорошая у тебя бабушка, — сказала она, — только балует тебя очень.

— Зачем приходила?

— Выяснить обстановку.

— Какую обстановку?

— Узнать, в каких условиях ты живешь, — объяснила Аделаида, — как тебя воспитывают.

— Ну и что выяснила?

— Все. Теперь я знаю, что ты бабушкин сынок. Няньчится она с тобой. Придется тебе ее с собой в армию брать. Ты ведь даже просыпаться сам не умеешь.

— Врешь! — неуверенным голосом крикнул Иван.

— Не вру. Это я бабушке немного наврала. Из-за тебя. По телевизору ты выступил ужасно. Я краснела. Стыдно было. Очень стыдно.

— Без тебя знаю, — буркнул Иван. Краешком глаза он поглядывал по сторонам: не видит ли кто-нибудь из ребят, что он гуляет с девочкой?

— В результате, — продолжала она, — я сделала важное открытие. Я поняла, что ты, может быть, УО.

— УО? — предчувствуя недоброе, переспросил Иван. — А это что такое?

— УО — значит умственно отсталый.

— Чего, чего? — почти крикнул Иван.

— Ты, может быть, умственно отсталый ребенок. Тебя надо перевести в специальную школу.

Иван остановился, вытаращив глаза, и долго с его губ срывались не слова, а какие-то непонятные отрывочные звуки. Еле-еле овладев собой, он спросил:

— В специальную школу?

— Конечно,— спокойно отозвалась Аделаида.— Тебе же будет лучше. Все будет в порядке. Ведь почему с тобой мучаются? Потому, что считают тебя нормальным ребенком. А ты УО. Умственно отсталый.

— Неправда! — жалобно крикнул Иван.— Я умный! Я сообразительный! Я умственно умный!

— Не кричи. Подумай обо всем спокойно. Вот тебе задание: или ты выучишь сегодня уроки, или я завтра сообщаю всем, что ты УО. До свиданья.

ОЧЕНЬ ГРУСТНОЕ ЗАНЯТИЕ

— Крокодиловская ты дочь! — вслед ей прошептал Иван.— В зоопарк тебя посадить надо! В клетку! За решетку! Тухлой капустой тебя кормить надо!

Аделаида обернулась и помахала ему рукой.

— Сама ты УО,— шептал Иван, демонстративно засунув руки в карманы,— это тебя в крокодильскую школу посадить надо!

Долго он стоял на одном месте. Было ему до того грустно, что хоть плачь на виду у всех. Он даже кулаками погрозил кому-то.

И побрел домой, опустив свою большую многострадальную голову.

Кажется, впервые он призадумался над своей жизнью очень серьезно. А когда ты совершил немало проступков, занятие это — думать о своей жизни очень серьезно — очень грустное занятие.

Вместо того, чтобы по привычке всех ругать, а себя жалеть от всего сердца, он шептал:

— Бабушкин сынок... УО... Умственно отсталый... Специальная школа... А почему? Потому, что я не люблю учиться? Ну и что? Если я таким родился? Вот если бы я не мог учиться, тогда другое дело. А я могу, но не люблю. Ведь мне ничего не стоит стать отличником. Стоит только захотеть.

Эх, обидно-то как! Дураком бы обозвала, лодырем,

двоечником, балбесом, туеядцем в клеточку, второгодником полосатым, еще как-нибудь, а то — УО, умственно, видите ли, отсталый.

Эти слова звенели у него в ушах. Он даже головой потряс, чтобы они вылетели, — не помогло.

Очень грустное это занятие — думать о своей жизни очень серьезно.

Дома Иван сел на кухне и молчал.

— Что с тобой? Что это такое с тобой? — обеспокоенно спрашивала бабушка. — Заболел? Намыкался? Ложись-ка спать, ненаглядненький.

А Иван представил себе, что придет он завтра в школу, уроки опять не приготовлены, опять его ругать будут, явится Аделаида, крикнет своим крокодильским голосом:

— УО! УО! УО!

Соберется общешкольная линейка, и все хором крикнут:

— УО! УО! УО!

Анна Антоновна командует:

— Семенов, в специальную школу вон отсюда!

А у подъезда стоит машина скорой помощи. Посадят в нее Ивана и увезут...

— Я, бабушка, уроки делать буду, — почти со слезами прошептал Иван. — Пожалей меня, бабушка!

— Жалею, золотце ты мое, из всех сил жалею! Была бы моя воля, я бы вовсе уроки в младших классах запретила. Пусть старшие мучаются. Хочешь ручки?

— Нет, — со вздохом отказался Иван. — Буду уроки учить. Потом уж поем. — «Если, конечно, жив останусь», — мысленно добавил он.

Ну что ж... Сел Иван, достал из портфеля тетради, учебники, ручку.

Вздохнул.

Подремывать начал.

Притопала лень-матушка, зашептала на ухо:

«Устал ведь ты, миленький. Приляг, отдохни. Я тебе песенку спою, сказку расскажу».

«Ладно, — ответил ей Иван, — лягу. С удовольствием. А завтра? Опять все сначала? Да еще в специальную школу отправят? Нетушки! Совершу-ка я сегодня героический поступок — сделаю-ка я уроки!»

И лень-матушка обратно утопала.

ГЕРОИЧЕСКИЙ ПОСТУПОК

Иван трудился, высунув язык: исписал половину страницы — ни одной ошибки не сделал, не поставил ни одной кляксы. И только хотел крикнуть «ура!», как...

...с носа

у

п.

а

л

а

капелька

пота.

Упала прямо в центр буквы «О». Хорошо, что Иван не поленился и написал ее вроде колеса — большую и круглую.

Иван остороженько поднес к ней кончик промокашки, и промокашка выпила каплю.

«Я тебе покажу, какой я умственно отсталый! — подумал Иван, вспомнив Аделаиду. — Как бы тебя в специальную школу не отправили! На крокодила учиться!»

Разделавшись с упражнениями по русскому языку, он принялся за арифметику.

Тут у него начался с цифрами самый настоящий бой. Цифры прыгали у Ивана перед глазами, как лягушки. Не было никакой возможности отличить их друг от друга. Тогда он представил, что цифры — его враги, и стал внимательно их выслеживать. «Понятно, понятно, — решил он, глядя на ненавистные цифры, — вы тоже считаете, что я умственно отсталый. Сейчас разберемся». И поднатужился — и решил первый пример.

Еще поднатужился, крикнул пять раз — и еще решил один пример.

Ручку кусал, пыхтел от злости, один раз даже порычал Иван, но трудился.

Все было против него.

Особенно — чернила. Они так и старались собраться на кончике пера в каплю и — хлоп на тетрадный лист.

Однако Иван следил за ними так внимательно, что ухитрился одну каплю схватить в воздухе левой рукой.

Вот тут-то упрямство впервые помогло ему.

И вдруг — несчастье!

Глупая муха попала в чернильницу. Иван проткнул муху пером, не заметил и написал мухой цифру «3». Представляете, что получилось?

Чуть не заревел Иван! Трахнул муху кулаком — брызги во все стороны.

«Не обращай внимания на умственно отсталых мух, — прошептала ему на ухолень-матушка, — иди спать».

«Вырви страницу, — прошептало упрямство, — и все перепиши заново».

«Устал ведь я, — жалобно ответил Иван, — сил моих больше нету ведь!»

«Правильно, правильно, — прошептала лень-матушка, — иди бай-бай. Я тебе песенку спою, сказку расскажу».

«Неужели ты сдашься из-за какой-то дохлой мухи?!» — удивилось упрямство.

Иван старательно вырвал забрызганный лист и начал переписывать примеры.

До того он увлекся, что не слышал, как подошла бабушка, стояла рядом и громко вздыхала — будто внуку уколы делали.

БАБУШКА ВЗБУНТОВАЛАСЬ

Утром Ивана будила бабушка.

А сегодня он проснулся сам. Честное слово! Сам открыл глаза, сам потянулся, сам зевнул и сам сел.

Настроение у него было замечательное, будто ему не в школу надо было отправляться, а на новогоднюю елку.

Раз! — встал на голову, подрыгал в воздухе ногами и грохнулся с кровати на пол — словно самая большая кастрюля упала с самой верхней полки.

Лежал на полу и хохотал.

Лежал, пока не замерз.

Пошел Иван на кухню, включил электрическую плитку, поставил на нее чайник, быстренько умылся, принес из кладовки варенье и решил разбудить бабушку.

Открыв глаза и увидев внука, она испуганно вскрикнула. Если бы она верила в бога, то перекрестилась бы и сказала: «Свят! Свят!» — как в старину полагалось говорить всяким привидениям и разной нечистой силе.

Но бабушка в бога, привидения, нечистую силу не верила и поэтому спросила:

— Это ты?!

Два слова она выговорила с таким трудом, словно у нее болело несколько зубов.

— Я. А что?

— Да как же... кто тебя разбудил?

— Никто. Сам.

— Сам?!

— А что особенного? — обиделся Иван. — Что особенного?

Бабушка не ответила, сидела, держась рукой за сердце.

Потом она вышла на кухню и в ужасе спросила:

— И чайник сам поставил?! И варенье сам принес?! — Она села, бессильно опустив руки, словно убитая большим горем. — Да что же это такое происходит?! Совсем от рук отбился. Против бабушки пошел. Получается, что я тебе не нужна?.. Не выйдет! — Она стукнула кулаком по столу. — Бабушка я тебе или не бабушка?

— Бабушка, — ответил ошеломленный Иван.

— Обязан ты меня слушаться или нет?

— Обязан.

— Так вот. — Бабушка встала и грозно посмотрела на него. — Я должна просыпаться и будить тебя, а не

ты меня. Я должна завтрак готовить, а не ты. Понятно? Я здесь командир.

— Кем же ты командуешь? — удивился Иван.

— Всей семьей.

— А кто же тебя слушается?

— А вся семья.

— Бабушка! — воскликнул Иван. — Но ведь я-то тебя не слушаюсь!

— Как не слушаешься? — удивилась бабушка.

— Да так. Я потому и люблю тебя, что тебя можно не слушаться.

— А не врешь?

— Нисколько. Ты меня слушаешься, а не я тебя. Потому мы и живем дружно.

— Ну и пусть, — помолчав, сказала бабушка. — Не важно, кто кем командует, важно, что дружба есть. Но дружбе нашей скоро придет конец, если ты будешь вести себя как сегодня. Нехорошо, Ваня, стыдно!

ИВАН ВЗВУНТОВАЛСЯ

— Почему — стыдно? — спросил Иван. — Что я такого сделал?

— Как — что?! — вспылила бабушка. — Да я же тебе объяснила. Не имеешь ты права выполнять мои обязанности! Бабушка я тебе или не бабушка?

— А я внук тебе или нет?

— Ты внук. А я бабушка. И не лезь в мои дела. Будь любезен спать до тех пор, пока я тебя не разбужу.

— А если я сам проснусь?

— Не имеешь права!

— А если проснулся?

— Все равно спи. Или просто лежи, пока я не приду. Если ты сам просыпаться будешь, зачем я тогда нужна? Если ты сам завтрак готовить будешь, что мне делать?

— Отдыхать.

— Отдыхать?! — возмутилась бабушка. — За кого ты меня принимаешь? Чтобы я да на старости лет бездельничала?

— А ты за кого меня принимаешь? — возмутился Иван. — Чтобы я да на молодости лет тунеядничал?!

Ты знаешь, как интересно самому просыпаться? Замечательно! Ты что, собираешься со мной в армию идти? И там меня станешь будить? А? Может, по-твоему, каждый солдат со своей бабушкой в армию пойдет?

Тут бабушка горько расплакалась.

— Ни в какую я армию не собираюсь, — сквозь слезы сказала она. — Но учти: пользы от нас в армии было бы много!

А Иван расхохотался.

— Бабушки! — скомандовал он. — По порядку номеров рассчитайсь! Бабушки, вперед шагом марш! Песню!.. Да ты хоть одну строевую песню знаешь?

— Знать не знаю и знать не желаю! — отрезала бабушка. — А только в армии ты без меня пропадешь! Ты ведь даже ботинки зашнуровывать толком не умеешь.

— В армии сапоги носят. У них шнуровки нет.

— Пожалеешь! — Бабушка снова горько расплакалась. — Я ли тебя не любила! Я ли за тобой не ухаживала! Я ли тебя не баловала! А ты?

— Эх ты, рева, — сказал Иван ласково, — а еще в армию собираешься.

— Я не рева, — сквозь слезы ответила бабушка, — просто я тебя люблю, а ты меня нет.

— И я тебя люблю. Только я с тобой не согласен.

— Когда любят, соглашаются!

— Не могу я с тобой согласиться, — твердо сказал Иван. — Ты что, хочешь, чтобы меня бабушкиным сыном дразнили?

— Хочу! — горячо призналась бабушка. — Очень!

— Значит, тебе меня несколько не жалко.

— А ты меня жалеешь? Ты меня и за бабушку не считаешь.

— Считаю. Ты замечательная бабушка. Только есть у тебя один недостаток.

— Нет у меня недостатков!

Иван чмокнул ее в щеку, шепнул:

— Один, маленький.

— Может быть, — подумав, нерешительно согласилась бабушка, — но я не знаю, какой. Не замечала.

— Ты не даешь мне нормально жить.

— Я?!

— Ты, бабушка. Только ты не сердись и не плачь. Держи себя в руках. Надо мне просыпаться самому.

— А давай по очереди? — обрадованно предложила бабушка. — Один раз я тебя разбужу, а один раз ты, может, сам проснешься?

— Нет, — отказался Иван. — Не хочу я быть умышленно отсталым.

— Не понимаю, — испуганно прошептала бабушка. — Кто от кого отстал?

— Я вот понимаю. Если бы я вчера не выучил уроки, то сегодня меня бы как миленького в специальную школу отправили.

— Вот, вот! — радостно воскликнула бабушка. — Вот что значит просыпаться самому! Соображать плохо стал! Еще будешь с бабушкой спорить?

— Буду, — тихо, но решительно ответил Иван. — Приходится. Я еще, может быть, отличником сделаюсь. Ненадолго, конечно. Чтобы всем доказать, что я не умышленно отсталый.

— А зачем это тебе, миленький? — ласково спросила бабушка. — Для меня-то ты всегда самый умный. Вот подрастешь, сил наберешься, тогда и станешь отличником. Сейчас-то зачем тебе надсажаться? Вспомни-ка, до чего мы с тобой замечательно жили!

— Жили-то мы с тобой замечательно, — согласился Иван, — но, может быть, как раз из-за этого я и чуть-чуть в УО не превратился. Чуть-чуть в специальную школу не попал. На радость дочке крокодильской, которую ты вареньем кормила. Она у меня еще попляшет! Сто пятьдесят пять раз с половиной пожалеет, что издевалась над гвардии рядовым Иваном Семеновым! Назло ей отличником стану! Да еще и круглым! Сам просыпаться буду! — со слезами в голосе крикнул Иван. — Сам одеваться буду! Сам... сам... сам...

Бабушка легла на кровать и сказала:

— Спасибо, дорогой внучек. Можешь вызывать «скорую помощь».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,
в которой бабушка снова пытается
быть одним из главных действующих лиц,
а Иван Семенов совершает
несколько выдающихся поступков

ИВАН ДЕЛАЕТ
ВАЖНОЕ ОТКРЫТИЕ

Вызывать «скорую помощь» не пришлось. Дали бабушке валерьянки, уложили в постель.

Сказала бабушка:

— Никому я, значит, не нужна. Пустое я, значит, место. Вроде старой сковородки. Выбрасывайте.

Тут все стали ее утешать, уговаривать, успокаивать. А она твердит свое:

— Надоела я вам. Мешаю я всем. Только и думаю, как бы от меня избавиться.

Тут ее опять стали утешать, уговаривать, успокаивать. Бабушка лежала с закрытыми глазами и тихонько постанывала.

— Я в школу, — сказал Иван, но она даже не посмотрела на него.

Утро было серое и дождливое. Иван весело прыгал через лужи. Правда, редкую лужу ему удавалось перепрыгнуть, чаще обеими ногами он попадал в воду. И хохотал от удовольствия.

Устал прыгать, пошел по тротуару.

Кошку на окошке увидел — отвернулся.

Собака мимо бежала — не обратил на нее внимания.

Вывески не читал.

В зеркале около парикмахерской соорудил себе всего одну рожицу.

В школу торопился Иван — еще как торопился!

А почему?

Да потому, что никого он сегодня не боялся.

Ребят не боялся.

Анны Антоновны не боялся.

Даже Аделаиды не боялся.

Да почему?

Да потому, что уроки-то он выучил! Пожалуйста, проверяйте! Сколько угодно! Вопросы задавайте, спрашивайте!

Идет Иван, подпрыгивает.

До чего, оказывается, приятно в школу шагать, когда уроки приготовлены!

НЕУДАЧА

Когда Иван подходил к школе, настроение у него немного испортилось. Он вспомнил, что предстоит разговор с Аделаидой.

«Но ничего,— подумал он,— выкрутимся!»

И опять ему стало весело.

— Доброе утро! — услышал он за спиной голос Аделаиды.

Иван обернулся, гордо кивнул и сказал небрежным тоном:

— Между прочим, у меня уроки сделаны.

— Да ну? Сам?

— Своими собственными руками и своей собственной головой,— важно ответил Иван.— Даже стишок выучил почти весь. Теперь никто не скажет, что я УО.

— Посмотрим. Кто тебя знает? Может, ты сегодня опять примешься за старое?

— Наверное, нет,— со вздохом негромко проговорил Иван.— Но ведь трудно.

— Конечно, трудно. А ты как думал? Это по телевизору чужие слова легко говорить. И за лунатика себя выдавать легко. Драться легко. И по лужам топтать легко...

— Я не топал, я перепрыгивал.

— А учиться трудно,— закончила Аделаида.

«Тебе-то хорошо,— мрачно подумал Иван, когда она ушла.— Ты с детства привыкла уроки делать. А я?»

Войдя в класс, он не закричал, как обычно, не запрыгал, а сел на свое место, сидел и помалкивал.

— Как жизнь? — спросил Колька.

— Нормально,— ответил Иван,— устал только. Всю ночь уроки делал. Не выспался.

— Всю?! Ночь?! — поразился Колька. — За час можно сделать.

Звонок.

«Сейчас вы все ахнете, — торжествующе подумал Иван, — сейчас меня вызовут и...»

Но сколько ни тянул он руку вверх, Анна Антоновна не замечала. Иван до того обиделся, что руки под парту спрятал.

В перемену он не двинулся с места, сидел, опустив свою большую многострадальную голову, и грустно размышлял: «Вот, пожалуйста! Только выучил человек уроки, так на него ноль внимания. А если бы он не выучил, будьте уверены, вызвали бы! А зачем уроки учить, если тебя не спрашивают?»

— Я уроки выучил! — крикнул он.

Весь класс окружил Ивана.

— Ну и молодец Аделаида! — сказал Паша.

— Вот это буксир, я понимаю! — воскликнул Колька.

— А она-то тут при чем? — с презрением отозвался Иван. — Я сам.

— Сам! Сам! — передразнил Колька. — Пока она тебя хорошенько не стукнула, ты и не собирался уроки учить.

В класс вошла Анна Антоновна.

«Сейчас все закричат, что я уроки выучил, — с надеждой подумал Иван, — и она меня вызовет».

Но ребята молчали. Урок шел своим чередом. Иван чуть руку не вывихнул, до того старательно тянул ее вверх.

Никакого впечатления!

«Нарочно она это, нарочно! — пронеслось у него в голове. — Нарочно! Чтобы помучить меня. Чтоб поиздеваться надо мной!»

Взял да и поднял обе руки.

— Семенов, не хулигань, — сказала Анна Антоновна.

«Если и по чтению не спросят, — решил он, — больше я вам уроков делать не буду. Ни разу в жизни».

Не спросили его и по чтению.

После уроков, когда Анна Антоновна ушла, ребята бросились из класса, устроили в дверях такую давежку, что Иван с трудом сдержался, чтобы не принять в ней самое активное участие.

Все убежали.

«Сговорились,— подумал он,— бросили меня одного, чтоб я погиб со скуки».

В дверях Иван столкнулся с Аделаидой.

— Куда? — грозно спросила она. — А домашние задания? Кто учить будет?

— Я,— ответил Иван неуверенно. — Домашние задания дома делают. Оттого они и называются домашними. Понятно?

— Понятно,— сквозь зубы сказала Аделаида. — Не возражаю. Пошли домой. Тем более, что бабушка приглашала меня приходиться почаще.

БАБУШКА ОПЯТЬ ВУНТУЕТ

— Напрасно ты со мной ссоришься,— сказала Аделаида по дороге. — Ну никак не могу понять, для чего тебе со мной ссориться?

— Дружить мне с тобой прикажешь?

— А что?

— Может, мне еще зуб золотой вставить прикажешь? — Иван хмыкнул. — Нетушки. Не бывает этому!

— Дело твое. Но я бы на твоём месте со мной подружилась.

«А я бы на твоём месте,— подумал Иван,— оставил бы хорошего человека в покое».

— Шла бы ты домой,— сказал он,— я и без тебя уроки сделаю. Как вчера.

— Не верится что-то.

Навстречу шел Егорушкин; приложив руку к козырьку, он сказал:

— Привет лунатикам!

— А он уроки вчера выучил! — радостно сообщила Аделаида.

— Какое важное событие,— насмешливо проговорил Егорушкин. — А то у телевизора я со стыда чуть не сгорел. — И серьезно добавил: — Желаю новых успехов! — Откозырял и пошел дальше.

— Событие, событие,— пробормотал Иван.— А чего смеяться?

— Забудем этот печальный случай,— предложила Аделаида.— Главное, что, кажется, ты не УО.

— Есть забыть этот печальный случай! — весело согласился Иван.

К его удивлению, дверь в квартиру оказалась незапертой. Они вошли, заглянули на кухню — никого, заглянули в комнату.

Бабушка лежала в постели. Увидев внука, она громко застонала.

— Что с тобой? — испуганно спросил Иван.— Все еще болеешь?

— Врача вызвать? — спросила Аделаида.

— Не надо,— еле слышно ответила бабушка,— врачи тут не помогут. Обидели меня.

— Кто? — удивился Иван.— Кто мог тебя обидеть?

— Все. Вся наша семья. Никому я, видите ли, не нужна. Вот и сидите без обеда. Узнаете, как без меня-то.

— Значит, я голодным буду? — Голос у Ивана дрогнул.— За что?

— За то, что против бабушки пошел.— И она закрыла глаза.— Не беспокойте меня. Мне необходим абсолютный покой.

Иван с Аделаидой постояли, постояли и ушли на кухню.

Сели. Помолчали.

— Да-а,— протянул Иван,— дела. А все из-за того, что один раз человек проснулся утром сам.

И он рассказал об утренней истории.

— Есть выход из положения,— подумав, решительно заявила Аделаида.— Надо приготовить обед.

— А что будет с бабушкой?

— С бабушкой будет плохо. Но иначе нельзя. Ее тоже надо воспитывать. Иначе она тебя избалует до безобразия.

ОКАЗЫВАЕТСЯ,
НЕ ТАК-ТО ПРОСТО

— Во-первых,— сказала Аделаида,— тихо. Во-вторых, не хныкать. Представь себе, что мы на необитае-

мом острове. Если мы не сумеем быстро, без шума приготовить пищу, то погибнем.

Велика ли важность — начистить картошки? Оказалось — велика. Картошка-то круглая, и так ей хочется выскользнуть из ваших рук и укатиться под стол! Вы за ней прыг, а на плечах-то у вас голова, и вот эта голова старается обо что-нибудь стукнуться. Нож не режет картофелину, но с удовольствием режет ваши пальцы. Еле-еле успеваешь их отдернуть.

— Молодец, — похвалила Аделаида, когда Иван расправился со второй картофелиной.

Осталось еще штук десять. А у Ивана от обиды и злости руки тряслись. Он решил: если картофелина выскользнет, ползать он за ней не будет. — возьмет другую. Но картошка была его хитрее. Она выскальзывала только тогда, когда кожуры на ней почти не оставалось. Сами понимаете, что бросать такую было жалко. И до того Иван разозлился, что твердо решил: «Все пальцы себе отрежу, а ни одну картошку больше не выпущу!»

Испугалась картошка, больше из его рук не выскальзывала.

— Ванечка... — позвала из комнаты бабушка.

— Ничего ей не говори, — прошептала Аделаида.

— Посиди со мной, — попросила бабушка, — скучно мне. Есть-то хочешь?

— Очень.

— А есть-то нечего, — весело сказала бабушка. — А я еще дней пять, не меньше, болеть буду.

БАБУШКА СДАЛАСЬ

Когда Иван вернулся из комнаты, на кухне уже вкусно пахло борщом.

— Ох и попадет... — испуганно прошептал Иван.

— Если ты очень труслив, — сказала Аделаида, — свали все на меня.

— Нетушки! — горячо отказался Иван. — А кто картошку чистил? — И с гордостью понюхал воздух.

— А что, если нам сейчас и уроки сделать? — спросила Аделаида. — Понимаешь, как будет здорово?

— Понимать-то я понимаю, — с кислой миной от-

ветил Иван и честно признался: — Да уж больно мне неохота.

— А ты думаешь, мне хочется за уроки браться? Как бы не так. Я иногда даже реву. До того не хочется. Зато, когда я уроки сделала, я — свободный человек.

— Свободным-то человеком я быть люблю, — сказал Иван.

— Вот для этого и надо уроки учить. И еще учти: если ты во втором классе к урокам не привыкнешь, то потом тебе будет просто беда. Привыкай сейчас.

— Я привыкаю. — Иван тяжело вздохнул и опять понюхал воздух: очень уж вкусно пах борщ.

— Это еще что такое?! — На пороге стояла бабушка. — Это еще что за безобразие?! Это как называется?!

— Борщ, — ответили Иван и Аделаида.

— Борщ? — переспросила бабушка, открыла крышку и ударила ею кастрюлю, как барабанщик медными тарелками. — Кто варит?

— Я, — ответили Иван и Аделаида.

— Та-а-ак, — грозно протянула бабушка, — понятно. Издеваетесь?

— Наоборот, — сказала Аделаида. — Как раз наоборот. Не о том он беспокоится, чтобы самому поест, а о том, чтобы вас, больную, накормить.

— Да ну? — удивилась бабушка. — Золотце ты мое бесценное!

Она хотела обнять внука, но он вырвался и сказал:

— Я, между прочим, картошку чистить научился.

Бабушка всплеснула руками, укоризненно покачала головой и проговорила:

— Так-так... Значит, зря я болела? Значит, мне и поболеть нельзя? В другой раз я заболею, а он и белье стирать научится, и пельмени стряпать, и варенье варить?! Кому я тогда нужна буду?

— А помощника вам разве не надо? — спросила Аделаида. — Разве вы не хотите, чтобы внук вам помогал?

— Может, и хочу. — Бабушка улыбнулась, понюхав, как вкусно пахнет борщ. — Но раньше-то я была незаменимая... Да мало ли что было раньше. Давайте-ка лучше есть борщ. Проголодалась я тут, пока болела.

Иван съел три тарелки.

Аделаида ушла домой, взяв с Ивана честное слово, что он и сегодня приготовит домашние задания.

Злой сидел Иван.

Эх, придумать бы такую специальную ручку, чтобы сама уроки делала! Колпачок бы с нее снял, положил бы ее на тетрадь — и поехала! Вжик-вжик, чик-чирик — готово домашнее задание!

Или бы специальную машину изобрели: сунул бы в нее тетрадь — тр-тр-тр-тр! — готово домашнее задание.

Или бы еще такой прибор сделали: трахнул бы им по голове, и она что угодно запомнила бы. Трах — правило запомнил, трах — стихотворение запомнил, трах, трах, трах — вот это учеба!

Иван ойкнул, потому что, размечтавшись, стукнул себя кулаком по голове.

— Гвардии рядовой Иван Семенов! — скомандовал он. — На упражнения по русскому языку вперед — марш!

Если бы кто-нибудь в это время подставил ухо к дверям, то подумал бы, что Иван с кем-то борется — так громко он пыхтел. Он врезался грудью в стол и высунутым языком чуть-чуть не касался страницы. Нагнул он голову на полмиллиметра ниже, и лизнул бы строку.

А лень-матушка стояла рядом и нашептывала:

«Бедненький, несчастненький! Пожалеть тебя, кроме меня, никому. Иди-ка лучше побегай. Или спать ложись. Я тебе песенку спою, сказку расскажу».

«Уйди ты от меня подальше, — отвечал ей Иван, — и без тебя тошно».

«Никуда я от тебя не уйду, — говорила лень-матушка. — Друзья мы с тобой на всю твою многотрудную, полную невзгод и опасностей жизнь».

Каждая буква давалась Ивану с великим трудом, и когда он поставил последнюю точку, рук поднять не мог.

«Не мучь ты сам себя, — шептала лень-матушка так сладко, что глаза у Ивана закрывались, — заболеть ведь можешь. Умереть ведь можешь».

— Гвардии рядовой Иван Семенов! — скомандовал Иван. — В атаку на примеры — марш!

И лень-матушка исчезла: видеть она не могла тех, кто добрым делом занят. (Между нами говоря, ушла она не так уж и далеко, все еще надеясь, что уговорит Ивана.)

А он побеждал пример за примером.

И хотя они сдавались не сразу, но — сдавались.

А когда сдался последний пример, Иван вскочил и заплясал. Он прыгал по комнате и что-то кричал, а что — и сам понять не мог.

Вот как радовался!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, последняя, в которой читателя уже не ждут почти никакие неожиданности

КАК ИВАН ПОЛУЧИЛ «ВОСЬМЕРКУ».

Ужас!

Иван проспал!

ИВАН ПРОСПАЛ!

ПРОСПАЛ ИВАН!

Он выскочил на кухню и увидел улыбающуюся бабушку.

— Здравствуй, внучек, — сказала она. — Побоялась тебя будить. Уж извини. Опоздал ты. Десять с половиной минут осталось до начала уроков.

Иван быстрехонько оделся и — на улицу.

Из-за угла выехал мотоцикл. А на нем Егорушкин.

— Беда! — не своим голосом крикнул Иван. — Опаздываю! Проспал! Спасите!

— Садись, — коротко приказал Егорушкин.

Хотел ветер Ивана с седла сдуть, но Иван удержался.

Тогда ветер рассердился и сдул с его головы фуражку.

Фуражка шлепнулась в воду.

Иван промолчал — после уроков ее можно выловить.

Егорушкин подвез Ивана к самому входу в школу. Иван слез с мотоцикла, сказал:

— Вот спасибо от всей моей души!

— В первый и последний раз,— сказал Егорушкин.— Просто не люблю, когда опаздывают.

На радостях Иван успел до звонка побороться с Пашей, поругаться с Колькой, отобрать у одной девочки портфель, забросить его на шкаф и достать обратно.

Когда в класс вошла Анна Антоновна, Иван сказал:

— А я опять уроки сделал!

— Я знаю,— сказала Анна Антоновна.— Сейчас раздам тетради со вчерашними заданиями.

— У кого пятерки? — спросил Колька.

— Семенов! — позвала Анна Антоновна.

— Не может быть! — крикнул Колька.

— За обе работы я поставила тебе три,— сказала Анна Антоновна.— Очень грязно и некрасиво. Но за старание ты получаешь две пятерки.

— Три да пять,— сказал Паша,— будет восемь. Ни разу в жизни восьмерки не получал.

— Маленький еще,— гордо сказал Иван.

— Вот это отметка, я понимаю! — жалобно, с завистью крикнул Колька.

К ЧЕМУ ПРИВОДИТ ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ

В перемену Иван искал Аделанду, но не нашел, только узнал, что в школу она не приходила.

«Заболела»,— мельком подумал он и тут же забыл об этом, хотя про себя и отметил, что сделала она такое нарочно: вот если бы он уроков не приготовил, она бы сама его разыскала.

Хорошее у него было настроение!

И вот к чему оно привело.

После уроков Иван вприпрыжку бежал по коридору. И, можно сказать, не сам Иван, а его левая нога сама дернулась в сторону. Об нее споткнулся Паша, полетел, головой ударил в живот Кольку, а Колька опрокинулся назад и сел в ведро с водой.

Сел и заорал со страха:

— Тону!

Со всех сторон сбегались ребята — ничего понять не могут. Видят, что сидит в углу человек на корточках и орет. А ведра не видят.

Тут Иван сообразил и приподнял Кольку за шиворот. А ведро будто приклеилось — не падает. А Колька разогнуться не может.

Разогнули ребята Кольку — воду разлили.

Вдруг — дежурный по школе. Ребята в с ы у
р с п ю.
а н

Иван — тоже бежать, да на ведро налетел и в луже растянулся, да еще проехался немного.

Лежит и чуть не плачет: ведь из него получилось что-то вроде промокашки — всю лужу его одежда в себя впитала.

— Скажи, кто тебя обидел, мальчик? — спросил дежурный, помогая ему встать.

Иван вопроса не расслышал и ответил:

— Семенов.

— Из какого класса?

— Второй «А».

— Хорошо, — сказал дежурный, — так и запишем. Не беспокойся, мальчик, хулиган будет наказан.

Побрел Иван — мокрый весь спереди.

На улице его ждал Колька — спереди сухой, зато сзади мокрый.

— Доигрался? — спросил он. — Как теперь домой идти? Попадет ведь.

— Пойдем сушиться, — предложил Иван. — С часик погуляем — и все в порядке. Фуражку мою из лужи выудим.

КАК СОХ КОЛЬКА

Фуражка намокла, утонула, и из лужи виднелся лишь кончик козырька. Иван сказал:

— Ведро бы достать и вычерпать бы всю лужу.

— Палку бы достать, — сказал Колька, — или разуться и босиком топ-топ.

— Так любой дурак достанет, — задумчиво сказал Иван. — А ты попробуй метод примени, а не палку.

— Нет уж. Ты давай сам метод применяй. А то знаю я твои методы.

— Пожалуйста. Ты держи меня за ноги в воздухе, а я руками топ-топ и дотянусь до этой утопленницы.

— За ноги?! — поразился Колька. — Тебя?! Ты тяжелый. Мне тебя не удержать. Уж лучше ты меня за

ноги держи, а я руками топ-топ. Я легкий. Я быстро.

— Всегда вот у тебя так,— проворчал Иван,— я придумаю, а слава тебе.

— Слава?! — опять поразился Колька.— Где я ее видал, славу-то? Вечно мне из-за тебя достаётся!

— Тогда держи меня за ноги.

— Не удержать мне тебя. А ты меня запросто. Я ловкий.— Колька, повизгивая от нетерпения, закатал рукава, встал на четвереньки, крикнул: — Пошли! Пошли! Полный вперед!

— Сначала на суше потренируемся,— предложил Иван.

Тренировка удалась: Колька руками ходил по земле, а Иван держал его за ноги в воздухе.

— Поворачиваю! — восторженно крикнул Колька и заработал руками по направлению к луже.

Он вошел в нее, погрузившись почти по локти, и, осторожно переставляя руки, приближался к фуражке.

До фуражки оставалось не более полуметра, как Иван скомандовал:

— Стоп! Полный назад!

Дело в том, что Иван оказался уже на самом краю лужи. Ему и в лужу заходить не хотелось, и Колькины ноги нельзя было отпускать.

— Самый полный назад! — снова скомандовал он.

А Колька увлекся, ничего не слышал и изо всех сил тянулся к фуражке. А Иван изо всех сил тянул его к себе. Колька почувствовал, что сейчас его тело разорвется на две части.

— Отпускай! — испуганно крикнул он.

Иван разжал пальцы.

И Колька шлепнулся в лужу.

Не крикнул.

Не пикнул.

Стоял на четвереньках, будто не знал, что ему делать.

— Вылезай,— прошептал Иван,— а то простудишься.

Колька на четвереньках добрал до фуражки, взял ее и вернулся на сушу; постоял еще немного на четвереньках и поднялся на ноги.

— Подсох! — жалобно воскликнул он.— Высох!

Жизни мне из-за тебя нет! Вечно ты меня в какую-нибудь глупую историю втянешь!

— Никто тебя не тянул. Сам в лужу полез.

— А кто меня на части хотел разорвать?

— Это что такое?! — услышали они испуганный голос Анны Антоновны. — Что с вами?

— В лужу спикировал, — хныча, объяснил Колька. — Вот из-за этого головного убора! — Он бросил фуражку обратно в лужу. — Сам доставай. Каким-нибудь методом. Свинство это, а не метод.

— Сейчас же идите по домам, — сказала Анна Антоновна. — Ну просто беда мне с вами. Вот кого ты сегодня, Семенов, в школе на перемене в лужу какую-то толкнул?

— Не в лужу, а в ведро, — сказал Колька. Он повернулся к Анне Антоновне спиной — сзади он тоже был мокрый. — Видали? — торжествующе спросил он. — Красота! А вы ему восьмерки ставите! Учтите, Анна Антоновна, что я зря страдал. И тут, в луже, и там, в ведре, зря страдал. Всю жизнь я из-за него страдаю.

— Хныкалка ты, вот ты кто, — презрительно проговорил Иван. — Хныкалка, нытик и паникер.

Тут Колька сжал кулаки и подпрыгнул к нему.

— Идите по домам, — сказала Анна Антоновна, вставая между ними. — Увидят вас люди — испугаются.

— Мне домой нельзя, — Колька опять захныкал, — мне здорово попадет.

— Тогда идемте ко мне, — предложила Анна Антоновна. — Я тут неподалеку живу. Приведу вас в порядок.

ЕЩЕ ВОПРОС — КОГО НА ВУКСИР ВРАТЬ?

Мальчишки остались в трусах и майках. Иванову одежду повесили на балкон сушить, а Колькину Анна Антоновна решила выстирать.

— А вы пока займитесь обедом, — сказала она.

— Вот это я понимаю! — воскликнул Колька. — А какой у вас суп?

— Супу у меня нет никакого. Его приготовить надо. Что ты умеешь делать?

— Я? — Колька ненадолго задумался. — Например, суп мешать умею. Пробовать умею... Посолить могу.

— А ты, Семенов?

— Я картошку чистить умею.

— Смехота! — Колька хихикнул. — У меня сестер две штуки. Зачем мне с картошкой возиться? — И он опять хихикнул.

Анна Антоновна поставила на газовую плиту кастрюлю с водой, положила туда мясо и ушла стирать Колькину одежду.

— И не стыдно тебе? — спросил Колька. — Хочешь, всем ребятам расскажу? Ведь задразнят тебя. Где это слыхано, где это видано, чтобы наш брат мужчина картошку чистил?

— А в армии?

— Там специальные повара есть. Солдаты воют, а повара картошку чистят и прочее. Ты поваром хочешь быть или смелым солдатом?

— А если убьют повара?

— Запасной всегда бывает.

— А если запасного убьют?

— Тогда сухой паек едят. Концентраты разные.

— Сам ты концентрат, — сказал Иван. — Сам ты сухой паек, а не смелый солдат.

— А тебя на буксир взяли.

— По ошибке. Зря взяли. Тебя надо было на буксире тащить.

— А за что?! — поразился Колька. — Я средний. У меня все в порядке. У меня всего покемножку. Все-го в меру.

— А вот я тебя на буксир возьму, — пообещал Иван. — Не сейчас, конечно, а потом.

Вернулась Анна Антоновна, развесила на балконе одежду, сказала:

— Часа через два высохнет.

— Красота! — воскликнул Колька. — Домой приду сухой, чистый. А суп скоро будет готов?

— Сухим пайком получишь, — пообещал Иван. — По-моему, теперь его очередь к буксиру прицепляться.

— Не смеши ты меня, — чуть не плача сказал Колька. — Чего ты ко мне привязался? Иди ты своей дорогой, вон у тебя все высохло.

— И пойду,— сказал Иван.— У меня дел много, не то что у тебя.

— Какие же у меня могут быть дела? Когда я в таком виде? — возмутился Колька.

— Довольно ссориться,— сказала Анна Антоновна.— А буксир никому не вреден. Не знаете, почему Аделаида сегодня в школе не была?

— Наверное, мороженым объелась,— ответил Колька.— Говорят, она в день по килограмму съедает.

— Не по килограмму, а по четыре,— с серьезным видом поправил Иван.

— Да ну?! — поразился Колька.

— У них дома только мороженое едят. Кошка ничего, кроме эскимо, в рот не берет. А собака — только сливочный пломбир.

— Вот это я понимаю! — воскликнул Колька.— Мне бы так денька три прожить!

Иван не сдержался и захохотал.

И Анна Антоновна рассмеялась.

— Обманул... — разочарованно протянул Колька.— А я поверил. Вот всегда он так, Анна Антоновна.

— Спорить мне с тобой некогда,— сказал Иван.— Вот возьму тебя на буксир, тогда...

— Ты еще пока сам на буксире,— перебила Анна Антоновна.— Не забывай.

— Я не забываю,— пробормотал Иван.— Только я бы на вашем месте вот этого Николая Веткина обязательно бы на буксир взял. И супом бы его не кормил, раз он даже картошку чистить не умеет.

Лицо у Кольки было такое испуганное и обиженное, что Иван добавил дружелюбно:

— Тебе же лучше будет.

ИВАН НАХОДИТ ЗОЛОТОЙ САМОРОДОК

Грустный брел Иван по улице. Как домой без фуражки явиться? Третью уже он в этом году посеял. Одну в автобусе забыл, другую на крышу клуба забросил. Пока лестницу искали, фуражка исчезла.

И где сил найти, чтобы сесть за уроки?

Вдруг Иван увидел, что в траве — будто осколочек солнца блестит. Он полюбовался сверканием, нагнулся, поднял... зуб!

«Пусть зуб,— подумал Иван,— все равно золотой самородок!»

Чей же это зуб?

Аделаиды, ее мамыши или еще чей-нибудь?

Что должен делать честный человек, если найдет драгоценность?

Вздохнуть, полюбоваться, еще раз вздохнуть, еще тяжелее, и — отнести в милицию.

Но Егорушкин, взглянув на зуб, сказал:

— Можешь взять это дело себе. Заявления о пропаже золотого зуба не поступало.

— Не могу я его себе взять,— возразил Иван.— Чужая вещь. Может, ищет кто, а найти не может. Слезы горькие льет, милицию ругает.

— Да у нас в поселке всего два золотых зуба в наличии,— сказал Егорушкин,— у гражданки из мороженого киоска и у ее дочери. Иди и отдай.

Идти к Аделаиде Ивану не хотелось: и ее он побаивался, и ее мамыши.

— Как живем, лунатик? — окликнул его дед Голова Моя Персона.— А я своего друга вылечил. Теперь ему никакая луна не страшна. На любую луну он ноль внимания. Оказалось, что еды ему не хватало. Ночью-то он есть захочет и спросонья идет куда-нибудь на запах. Стал я его с вечера сытнее кормить, и вылечился пес. Одна беда: больно уж крепко спит! Разбудить его иной раз нет моих возможностей. И вообще, совсем дурной стал. Ничего не соображает,— жаловался дед.— Нашел я сегодня утром золотой зуб. Возле киоска. Обрадовался. А зуб-то у меня из пальцев возьми и выскользни. А пес его хап! — и проглотил. Как говорится, съел за милую душу и «спасибо» не сказал.

Иван, вздохнув, разжал ладонь.

— Он самый! — воскликнул дед.— А откуда он у тебя?

— Нашел. Недалеко от киска.

— Выходит, что друг мой и не виноват. А я его... Придется прощения у Былхвоста просить.

— Берите, дедушка. Вы первый нашли.

— Я нашел, я и потерял. Теперь он твой. Можешь вставить,— с завистью сказал дед.— Красиво будет.

— А если Былхвосту вставить?

— Сторожевому-то псу?! — возмутился дед.— Да ведь зуб-то сверкает! Его в темноте за тысячу верст

будет видно! Отдай зуб законному владельцу — и точка.

— А чего это я его искать буду, владельца-то? — о тоской спросил Иван. — Он, может, сейчас сидит, компот ест, а я ищи его, мучайся?

— Не знаю, — дед вздохнул, покосившись на зуб, — может, компот употребляет, может, рыдает. Не знаю. У меня, голова моя персона, ни разу в жизни ни одного золотого зуба не было.

— У меня тоже.

— Вот и отнеси.

Иван потоптался на месте и побрел. Очень ему не хотелось идти к законному владельцу золотого зуба.

Боялся Иван.

«А чего бояться? — спросил он самого себя. — Не искушают же они тебя? А если и будут драться, то ударить можно».

Эх, поестъ бы сейчас и лечь спать!

И сон бы увидеть хороший!

Например, что прошло много-МНОГО ЛЕТ, и в школе, в которой Иван учился, на стенах в каждом классе ВИСЯТ ЕГО ПОРТРЕТЫ. А на здании прибита каменная доска, а на ней золотыми буквами написано:

В ЭТОЙ ШКОЛЕ СТРАДАЛ И МУЧИЛСЯ,

НО

С ОТЛИЧИЕМ ЕЕ ЗАКОНЧИЛ

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ,

НО

САМЫЙ НЕСЧАСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

НА ВСЕМ СВЕТЕ

ИВАН СЕМЕНОВ

Иван от умиления шмыгнул носом. Даже поплакать захотелось.

Однако плакать было некогда. Он уже стоял перед высоким забором.

ЗАКОННЫЕ ВЛАДЕЛЬЦЫ

ЗОЛОТЫХ ЗУБОВ

НАЙДЕННЫ

Калитка была закрыта. Иван постучал.

В ответ раздался страшный собачий лай и звон цепи.

«Только бы сама Аделаида вышла, а не ее мамаша», — испуганно подумал Иван. Из дома вышла мамаша. Иван ждал ее, еле живой от страха.

— Чего надо? — грозно спросила она, подойдя к калитке.

— Аделаиду.

— Болеет она! И я болею! Все болеем!

— А чем? — поинтересовался Иван и вдруг увидел, что на месте золотого зуба у нее дырка. — Вот! — крикнул он радостно и протянул в щель между досками руку.

Мамаша схватила зуб левой рукой, а правой — руку Ивана, спросила:

— Второй где? Второй зуб где?

— Не знаю, понятия не имею, — ответил Иван, пытаясь освободить руку.

— В милиции скажешь!

— Да был я в милиции! — чуть не плача крикнул Иван. — Отпустите меня! Больно мне! Вместе в милицию сходим, если хотите! Отпустите только!

— Не могу, — призналась мамаша. — Боюсь, убежишь.

— Не убегу! Честное слово!

Она выпустила руку, сказала:

— Жалко. Хороший был зуб. Нет у меня времени по милициям ходить! — вдруг закричала она. — Мне мороженым торговать надо! Мне план выполнять надо! А кто второй зуб нашел, пусть им подавится! А если ты найдешь, принеси.

— Не найти, — грустно сказал Иван. — По-моему, его собака съела. Былхвост ее зовут. Теперь ее Былзуб звать можно.

— Заходи, — тоже грустно сказала мамаша, а когда Иван закрыл за собой калитку, позвала: — Аделаида! Дочь! Иди сюда!

На крыльце появилась Аделаида. Глаза у нее были заплаканные, щека повязана платком.

— Здравствуй, — сказала она, и Иван заметил, что на месте золотого зуба у нее дырка.

— Один зуб принес — мой, а твой — нет. Говорит, собака съела. Кто поверит? Нет, нет, отдай зуб! — жалобно кричала мамаша.

— Нате! — сказал Иван. — Берите любой! Хоть все! — и оскалил зубы.

— Дразнишься?

— Нет, не дразнюсь, а жалею вас. Почему вы всех жуликами считаете?

— Не всех, а почти всех,— ответила мамаша.— Я торговать пошла. Может, по дороге в милицию зайду. Несдобровать тогда тебе.

Когда мамаша свернула за угол, Аделаида сказала:

— Посидим на крылечке.

Сели.

— Чего это зубы у вас выпали у обеих? — спросил Иван.

— Не выпали, а вырвали их. Заболели они. Вчера ночью. У меня и у мамы сразу. Мы утром в больницу. Нам их вырвали. А я их потеряла.

— Ну, я пойду,— озабоченно проговорил Иван.— Дел у меня много. Просто ни минутки свободной нет. Даже спать некогда.— Он встал.— Гвардии рядовой Иван Семенов отправляется выполнять домашние задания. Привет!

Выйдя за калитку, Иван помахал Аделаиде рукой и зашагал, напевая веселую песенку.

1961 г.

ЖИТЬ НЕ МОЖЕТ БЕЗ ФУТБОЛА ДЯДЯ КОЛЯ — ПОП ПОПОВ

ДЯДЯ КОЛЯ — ПОП ПОПОВ ЖИТЬ НЕ МОЖЕТ БЕЗ ФУТБОЛА ДЯДЯ КОЛЯ — ПОП ПОПОВ

Чем закон-
чилось для попа По-
пова приобретение им в рай-
онном центре телевизора ●
Полукруглый отличник Шурик
Мышкин мечтает стать обыкновен-
ным троечником ● Дядя Коля —
бывший поп Попов — на первой же тре-
нировке берет все мячи ● Бабушка Ан-
фиса Поликарповна считает, что за ней ну-
жен глаз да глаз, а не за ее внуком Шури-
ком Мышкиным ● Появление футбольного
тренера Жоржа Свинкина, личности пре-
дельно подозрительной и на редкость
хитрой ● Шурик Мышкин зна-
комится с очень веселым цент-
ральным нападающим по фа-
милии Веселых, а по имени
Егор ● Совершенно
загадочное

ДЯДЯ КОЛЯ — ПОП ПОПОВ ЖИТЬ НЕ МОЖЕТ БЕЗ ФУТБОЛА

ЖИТЬ НЕ МОЖЕТ БЕЗ ФУТБОЛА ДЯДЯ КОЛЯ — ПОП ПОПОВ

**ДЯДЯ КОЛЯ — ПОП ПОПОВ
ЖИТЬ
НЕ МОЖЕТ
БЕЗ ФУТБОЛА**

ЖИТЬ НЕ МОЖЕТ БЕЗ ФУТБОЛА ДЯДЯ КОЛЯ — ПОП ПОПОВ ЖИТЬ НЕ МОЖЕТ БЕЗ ФУТБОЛА

ДЯДЯ КОЛЯ — ПОП ПОПОВ ЖИТЬ НЕ МОЖЕТ БЕЗ ФУТБОЛА

*Внучке Оленьке
Постарайся вырасти
умной, доброй и ве-
селой*

Дедушка Лев

ГЛАВА ПЕРВАЯ

**Чем закончилось для попа Попова
приобретение им в районном центре телевизора**

Жил-был поп Попов.

Не беспокойтесь, не волнуйтесь, уважаемые читатели, все напечатано правильно, без единой ошибочки: да, действительно, жил-был поп по фамилии Попов.

Как же так смешно получилось?

Поп Попов!

— Сие, видимо, потому,— терпеливо объяснял поп Попов тем, кто удивлялся смешному сочетанию его звания и фамилии,— что весь наш род с наидревнейших времен был поповским. Конечно, не каждый раб божий по фамилии Попов обязательно из поповского рода, но и далеко не каждый поп носит фамилию Попов. Со мной же по воле господней произошел именно этакий редкостный случай. И вполне вероятно, что можно встретить кузнеца Кузнецова или сапожника Сапожникова. Но и не менее вероятно встретить кузнеца Сапожникова или сапожника Кузнецова. Все в руках божьих.

И сколько бы и скольким бы людям ни сообщал терпеливо поп Попов об этом, они, люди, все-таки удивлялись, а иные и посмеивались даже.

Жил поп Попов в далеком старинном селе. Церквушка там была весьма и весьма дряхленькая, готовая в любой момент развалиться, но и такая она еще требовалась некоторым богомольным старичкам и старушкам. Поп Попов и совершал там со своими немногочисленными помощниками положенные церковные дела.

Между нами говоря, поп он был неважный, плохой он был поп, а помощники его и того хуже. Вечно они

все путали, на работу опаздывали, прогуливали нередко, ссорились между собой, обзывались. Словом, с трудовой дисциплиной в церковном коллективе было примерно на троечку с минусом.

Сам поп Попов очень обожал рыбалку, любил собирать грибы и ягоды, с большим удовольствием пилил и колол дрова, часами возился на огороде, летом по многу раз в день купался, а зимой часто ходил на лыжах далеко-далеко в лес. И за всеми этими дорожными сердцу занятиями он мало внимания уделял своим церковным обязанностям.

Странный поп, не правда ли?

Но вы о нем, уважаемые читатели, еще и не такое узнаете!

Богомольцы и богомолки ворчали-ворчали, терпели-терпели до тех пор, пока их батюшка не увлекся футболом. А футболом поп Попов увлекся так быстро и страстно и, главное, неожиданно, что однажды на проповеди в церкви вдруг заговорил о том, что...

Ох, зароптали богомольцы и богомолки, глаза вытаращили от изумления и ужаса, обескураженно переглядывались, пожимали плечами в великом недоумении, испуганно крестились...

А поп Попов громогласно вещал о том, что рука господня обязательно покарает грешника-судью, который вчера в конце первого тайма не засчитал гол, а во втором тайме изгнал с поля совсем неповинного перед зрителями и богом достойнейшего раба его в майке с номером 10, чей гол он не засчитал в конце первого тайма...

— Помолимся, братья и сестры во Христе, — громогласно призвал поп Попов. — Помолимся за то, чтобы судейство в футболе было справедливым и милосердным, как милосердны и справедливы деяния господа! Амины!

Еще возмущеннее зароптали богомольцы и богомолки, еще больше вытаращили глаза от изумления и ужаса, совсем обескураженно запереглядывались, запожимали плечами в величайшем недоумении, очень испуганно закрестились, но их батюшка ничего этого не заметил, да и впредь не замечал ничего этого и теперь все церковные службы сводил к длинным и душевным разговорам на футбольные темы.

А началось все это вот с чего.

В районном центре поп Попов, вдруг неожиданно для самого себя купил телевизор. Собственно, приобрести его батюшка давно собирался, но считал сие не совсем удобным для священнослужителя. А тут он представил, как длинные, скучные, тоскливые зимние вечера будут — имей он телевизор — не такими уж длинными, скучными и тоскливыми.

Первой передачей, которую увидел поп Попов, оказалась трансляция футбольного матча. Батюшка и в кино-то не чаще одного раза в год ходил, в театре никогда не был, даже ни одного концерта художественной самодеятельности в сельском клубе не видел. А тут сидит он себе, чаек попивает из своего любимого самоварчика и с удивлением поглядывает, как два десятка рабов божьих за одним мячиком бегают, падают, толкаются, прыгают...

— Донельзя глупо, но тем не менее занятно, — вслух сказал поп Попов, и тут же ощутил какое-то неясное беспокойство, и не сразу понял его причину.

Правил-то игры он не знал, вообще ничего в футболе не разумел, ибо увидел его впервые, но уже незадолго до перерыва между таймами тихо и неуверенно выкрикнул:

— Мазила!..

И сам поразился, откуда ему в голову пришло это доселе неизвестное слово.

К середине второго тайма, забыв о любимом самоварчике, поп Попов уже разобрался в главном: играют две команды, и которая забьет больше мячей в ворота, та и станет победительницей.

Вот ему и захотелось, чтобы мячик как можно чаще попадал в ворота. В которые ворота, для батюшки сначала было безразлично.

Неясное же беспокойство усилилось, когда поп Попов уразумел, что ему — неизвестно отчего — нравится команда в белой форме. И он по привычке молил господа бога, чтобы тот покарал ее противников двумя-тремя-четырьмя голами...

Но команда в белой форме проиграла, и у попа Попова настолько испортилось настроение, что он выключил телевизор и стал мучительно размышлять о случившемся. Почему проиграла именно та команда, которая ему понравилась?! Конечно, все в руках божьих... И чудовищная мысль вползла ему в голову:

если речь идет о футболе, то так и хочется сказать, что все в ногах божьих... Поп Попов суматошно перекрестился, но думы о футболе вытеснили все остальные. Может, отслужить молебен за понравившуюся, но проигравшую команду? Футболисты, конечно, безбожники, но он, поп Попов, будет молиться за спасение их душ и ловкость ног, и тогда они, дорогие безбожники, никогда никому больше не проиграют! Милость господня распространится отныне и на футбол!

Уже рассвело, а поп Попов еще и не засыпал. Необыкновенное ощущение своей силы, здоровья, желания двигаться, что-то делать подняло его с постели. Поп Попов оделся и вышел в город. Ноги его сами собой стали выделять что-то похожее на удары по мячу, потом он несколько раз подпрыгнул, бодая головой воздух.

Набегавшись и напрыгавшись, поп Попов вернулся домой и заснул воистину богатырским сном.

Днем он, сколько ни боролся с собой, отправился в библиотеку, что-то там, сгорая от стыда, наврал и ушел домой с кипой спортивных журналов. В них он прочел все о футболе, но далеко не все понял и очень расстроился.

С кем посоветоваться? У кого спросить, например, что такое положение «вне игры»? Или что такое «угловой»? За что назначают одиннадцатиметровый?

Конечно же, смешно даже и предполагать, что хотя бы один богомольный старичок, не говоря уже о богомольных старушках, мог разбираться в футболе!

Казалось, что проще всего было бы обратиться к мальчишкам. Но их поп Попов боялся. Он был глубоко убежден, что почти в каждом мальчишке сидит бесенок, а то и два. Засмеют они батюшку, задразнят бедного.

Вот и приходилось надеяться на какой-нибудь счастливый случай. А пока поп Попов не пропускал ни одной игры и внимательно слушал комментаторов.

Нынешняя его жизнь стала куда интересней прежней. То он с острым нетерпением ждал очередного матча, то бурно радовался победе своей любимой команды, то чуть ли не до слез огорчался ее поражению, то пытался разгадать: радоваться или огорчаться ничьей?

Верующие уже открыто возмущались поведением своего непутевого батюшки, писали на него жалобы, как вдруг с нашим болельщиком произошло нечто, я бы сказал, совсем не церковное.

Представьте себе, уважаемые читатели: попу Попову самому захотелось играть в футбол! И он съездил в районный центр и купил мяч, всю дорогу бережно, даже нежно держал его в руках, дома поставил на стол, любовался, но, что делать дальше, понятия не имел.

Вечером, однако, он не выдержал, вышел в огород — там была небольшая полянка, — опустил мяч на землю и очень призадумался.

Конечно, господь бог вряд ли что понимал в технике удара по мячу, но поп Попов ни с кем больше не мог посоветоваться и иступленно прошептал:

— Господи, благослови... помоги рабу своему грешному...

Он истово перекрестился, отбежал назад, еще раз и еще более истово перекрестился, бросился вперед, к мячу, и со всей силы носком правой ноги пнул себе в левую пятку. Как сказал бы спортивный комментатор, удар был сильный, но неточный.

Лежал поп Попов на травке, тихонько постанывал от боли, думал, где бы ему раздобыть учебник для юного футболиста.

И хотя боль в пятке утихла только к утру, батюшка тут же вышел на тренировку.

Ничего у него не получилось!

Не получилось у него ничего!

У НЕГО НИЧЕГО НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ!

Сам по своим ногам он уже не бил, но толком попасть по мячу так и не мог ни разу. Ударит поп Попов по мячу, чтобы тот летел вперед, будто там ворота, а мяч летит вправо или влево — в горох или огурцы, в бобы или помидоры. Особенно доставалось бобам и помидорам: после нескольких тренировок все кустики были поломаны.

— Мазила ты, мазила! — бранил себя незадачливый футболист-самоучка.

Однако никто в селе о тренировках попа Попова и не подозревал. Он спокойно мог разрушать свой огород.

Скандал разразился совершенно неожиданно. Шел поп Попов через село к себе домой и вдруг увидел: мальчишки гоняют мяч.

Сердце попа взыграло, как сердце профессионального футболиста, который почувствовал возможность забить верный гол. И когда мяч подкатился к его ногам, он успел лишь быстренько перекреститься.

И ударил без подготовки.

Мяч, сами понимаете, уважаемые читатели, полетел не вперед, а в сторону, а батюшка, запутавшись в рясе, рухнул во весь рост на землю.

Разбив окно в ближайшей избе, мяч, как потом выяснилось, сбил со стола трехлитровый бидон молока, влетел в еще непротопившуюся печь, полежал там немного и лопнул со страшной силой.

Из печи в избу полетели искры, угольки, клубы дыма и пепла.

Хозяйка — совсем старая старушка — в ужасе зашептала:

— Свят, свят! Свят, свят! Пронеси, господи!

Она упала на колени перед иконами и стала быстро-быстро, быстро-быстро молиться.

Ну, знаете ли, это уже анекдот!

Набезобразничал-то кто?

Да поп, самый настоящий, самый обыкновенный поп!

А совсем старенькая старушка быстро-быстро, быстро-быстро молилась, чтобы господь спас ее.

От кого?

От попа, получается, самого настоящего, самого обыкновенного попа!

Анекдот, конечно. Хотя нашему попу-футболисту было не до смеха. Да, да, скандал разразился невероятный!

Мальчишек поп Попов успокоил без труда: отдал им свой мяч.

— Не поп, не игрок, а мазила какая-то! — повторяли с тех пор, хохоча, мальчишки. — У него даже с правой удар не поставлен!

А к вечеру пришел милиционер, оштрафовал попа Попова, сказав при этом:

— Вообще-то за такие дела, то есть за хулиганские выходы, положено пятнадцать суток. — И еще припугнул, уходя: — Не бывать вам, батюшка, в сборной.

В том-то и дело, уважаемые читатели, что поп Попов был опечален только одним: научится ли он когда-нибудь бить по мячу более или менее точно? И случившееся он переживал не как священнослужитель, а как начинающий футболист, мечтающий попасть в сборную команду страны.

Мне даже трудно передать, до чего же ему тяжело было. Сидит он вечером один-одинешенек. Мяча у него нет. Телевизор не включен, потому что трансляции матча сегодня нет. И любимая прежде рыбалка представляется сейчас глупейшим занятием. И даже чай из самоварчика пить не хочется.

Ох...

И за что ему такое наказание?

Эх...

Может, попробовать совсем забыть о футболе, буд-то его, любезного поповскому сердцу, и на свете нету?

Ах...

Нет, не может он жить без футбола!

В душе попа Попова уже крепки, незаметно для не-

го самого, качества настоящего спортсмена. Вот и сейчас, ненадолго поддавшись унынию, батюшка решил не вешать носа, не сидеть сложа руки, не тосковать, не сдаваться плохому настроению. Ведь к этому времени он привык почти ежедневно делать утреннюю гимнастику, трижды в день заниматься тяжелой атлетикой (поднимал во дворе тяжелый камень), прыгал в высоту (через изгородь) и в длину, много плавал.

Так что, можно сказать, поп Попов достаточно закалился, мускулы и нервы у него окрепли, и он был готов к любым испытаниям («соревнованиям», как подумал он).

Да, он не мог жить без футбола.

И настало время выбирать: **КЕМ БЫТЬ?**

Попом или футболистом?

Футболистом или попом?

Промучившись очень сильными сомнениями несколько дней и ночей, сел поп Попов писать заявление с просьбой уволить его с работы по собственному желанию, то есть снять с него церковный сан.

Если вы, уважаемые читатели, подумаете, что это решение далось попу Попову хотя бы относительно легко, то вы заблуждаетесь. Даже когда он запечатывал заявление в конверт, руки плохо его слушались, а когда он относил конверт на почту, ноги у попа Попова чуть подкашивались.

Перекрестившись, он отправил заявление заказным письмом и только тут почувствовал некоторое облегчение: выбор был сделан, все пути назад отрезаны. Оставался лишь один путь — вперед, в футбол!

Прямо с почты пошел поп Попов в парикмахерскую.

Кстати, по дороге с ним не поздоровались ни один богомолец, ни одна богомолка, но он весело приветствовал всех! На лице у него так и было написано: физкульт-привет!

В парикмахерской оторопевшая от потрясающей неожиданности пожилая уборщица слова вымолвить не могла, только мелко-мелко крестилась, вытаращив на батюшку испуганные глаза.

Бывший поп в третий раз сказал:

— Мастера мне.

— Зачем, зачем, батюшка? — в третий раз еле-еле выговаривала уборщица.

— Власы лишние убрать желаю,— в третий раз отвечал бывший поп Попов,— а также бороду и усы.

— Что же это такое творится-то? — запричитала уборщица. — Уж не сатана ли тебя попутал, батюшка? В здравом ли ты уме, батюшка?

— Никто меня не попутал. В уме я самом здравом. Просто снимаю с себя сан. Ухожу из лона церкви.

— Куда, батюшка?

— В большой футбол. Или, по крайней мере, в средний. На худой конец, в маленький. Да я в любой футбол согласен. Я без футбола жить не могу. Зови мастера.

Мастера богомольная уборщица позвала, а сама убежала сообщить селу не укладывающуюся в голове новость.

Сбрили бывшему попу Попову усы и бороду, коротко остригли волосы.

Помолодевший, радостный, шагал он и негромко напевал:

— В футбол играют настоящие мужчины, поп не играет в футбол!

(Хоккей он, кстати, не признавал, называя его братоубийством.)

Да и как ему было не радоваться, если теперь он мог посвятить футболу всю свою жизнь без остатка, а сегодня по телевидению — два матча!

Физкульт-ура!

Придя домой, бывший поп Попов начал немедленно готовиться к отъезду.

А куда?

А хоть куда! А хоть куда!

А куда — хоть?

В любой город,

городок,

поселок,

село,

деревню,

где есть стадион и футбольная команда, отправится бывший поп Попов! Отсюда он и начнет путь в БОЛЬШОЙ, средний или даже маленький футбол!

Но вот только зря писал он заявление с просьбой уволить его с работы в церкви по собственному желанию. Жалобы богомольцев уже дошли до его начальства, и вечером приехал новый поп. Был он стар, суров

и немногословен; плотно поел и сразу лег спать, предварительно усердно помолившись. А так как он был к тому же еще и глух, то не мешал бывшему попу Попову до глубокой ночи смотреть футбол.

На этот раз, как-то особенно глубоко переживая за игру своей любимой команды — московского «Торпедо», бывший поп Попов впервые подумал о том, что ему хочется стать не защитником, не полузащитником, даже не нападающим, а **ТОЛЬКО И ТОЛЬКО ВРАТАРЕМ!**

Хорошо человеку, когда он прямо и твердо идет к своей заветной цели! Когда он не боится трудностей! Когда он готов к любым испытаниям-соревнованиям!

Даже сквозь довольно крепкий сон бывший поп Попов чувствовал, какие великие перемены ждут его в жизни в самое ближайшее время.

И хотя он, честно говоря, понятия не имел, что и как предстоит ему делать, он знал, что находится на вернейшем пути.

Утро выдалось прохладное и веселое. Бывший поп Попов, будущий вратарь, сделал гимнастику, семнадцать раз поднял во дворе огромный камень, одиннадцать раз перепрыгнул через изгородь, искупался и пошел в контору совхоза просить машину до станции.

Новую жизнь свою он решил начать с того, чтобы посмотреть в Москве большой футбол.

И там, в столице, — вы только представьте себе, уважаемые читатели! — бывший поп Попов попал на самый настоящий матч, да еще на стадионе в Лужниках, да еще играла его любимая команда — московское «Торпедо»!

И — выиграла!

«Господи, господи! — несколько раз по привычке подумал бывший поп Попов. — Хвала, тебе, всевышний, что направил раба своего грешного, сына своего недостойного на путь истинный — в футбол!»

Будущее представлялось ему разноцветным и шумным, как переполненные трибуны стадиона, веселым и ярким, как зеленая травка на милом сердцу футбольном поле, и огромным, как небо над ним!

Купил бывший поп Попов три футбольных мяча, полную футбольную форму: свитер, кепку и вратарские перчатки.

И ничего не волновало, не тревожило, даже не беспокоило его, до того он был уверен в правильности избранного самим собой пути. Пусть все в руках господних, а все мячи в его руках будут.

В поезде, лежа ночью на верхней полке со спортивной газетой в руках, он вспоминал свою жизнь. Да, вот так и получилось: он, сын попа, сам бывший поп, решил стать вратарем.

Куда же он едет?

И что же с ним будет?

Как говорится, почитаем — увидим.

Николай Попов надел свитер, кепку, вратарские перчатки и уснул. Во сне он стоял в воротах и пропустил всего один гол.

«Неплохой результат для начала, — подумал бывший поп Попов сквозь сон. — Если так будет продолжаться и дальше, я войду в число лучших вратарей сезона!»

ГЛАВА ВТОРАЯ

Полукруглый отличник Шурик Мышкин вполне может стать потомственным, абсолютно круглым отличником, но по ряду причин мечтает стать обыкновенным троечником

Когда в дневнике у Шурика Мышкина среди пятерок оказывалась четверка, его мама в невероятном ужасе восклицала:

— Ты вырастешь недоучкой!

И восклицала она это в таком невероятном ужасе, словно хотела сказать, что из-за единственной несчастной четверки ее сын, тихий, скромный, старательный, предельно послушный, вырастет убийцей-рецидивистом.

Папа нервно ворчал:

— С таким прохладеньким отношением к учебе ничего путного из тебя не получится.

И папа ворчал так нервно, словно был убежден, что из-за одной случайной четверки его сын, тихий, скромный и т. д., после школы станет, по крайней мере, взломщиком-рецидивистом.

Дедушка говорил наиназидательным тоном:

— Тебе, внук мой, следовало бы твердо помнить, что в нашей семье все всегда были только круглыми отличниками. И ты вполне можешь, ты просто обязан, следуя семейным традициям, быть потомственным, абсолютно круглым отличником.

И дедушка говорил таким наиназидательным тоном, словно его внук, тихий, скромный, старательный и т. д., будет в каждом классе по два-три-четыре года сидеть.

В ответ Шурик виновато вздыхал и молчал. Был он маленького роста, со взъерошенными волосами, чем-то похожий на озабоченного воробышка.

Он даже и не ходил, а подпрыгивал почти на каждом шаге и часто останавливался, задумчиво склонив голову набок.

Никому он в этом не признавался, но в глубине души никак не мог понять: почему нельзя хотя бы изредка получать четверки?

Что в этом страшного?

А ведь в школе ему буквально каждый день и по несколько раз напоминали:

— Эх, Мышкин, Мышкин, ты вполне мог бы стать абсолютно круглым отличником!

И доходило до того, что Шурик видел себя во сне круглым, словно мяч, и уже не ходил, а перекатывался, а двоечники с троечниками в диком восторге играли им в футбол!

А вот самому Шурику Мышкину играть в футбол папа и мама с дедушкой не разрешали. Он должен был беречь силы для учебы.

Вы, уважаемые читатели, удивитесь, и я вас очень хорошо понимаю: а почему, собственно, Шурику Мышкину и не стать абсолютно круглым отличником? Если он уже полукруглый? Тогда бы все от него, как говорится, отстали. Сейчас же ему доставалось больше, чем любому троечнику или даже двоечнику.

Троечнику — что? Напекают ему, конечно, чтобы он не забывал, что существуют на свете и четверки, не говоря уже о пятерках. Намекать-то намекают, но в общем-то все лишь о том думают, как бы он с троек куда пониже не скатился.

У двоечника же забот и того меньше. Никаких забот у него просто нету! Тю-тю! Кто-то о нем беспокоится, а он знай себе, извините за выражение, круглого дурака валяет. Не его это дело — успеваемость поднимать. Двоечник от всех беспокойств об успеваемости, можно сказать, начисто избавлен. Одна забота у него только и осталась — как бы веселее побездельничать.

Лично его, двоечника, давным-давно не ругают хотя бы потому, что занятие это совершенно бесполезное.

Он ведь в классе, да и во всей школе, вроде бы как посторонний. Кого-то там критикуют за низкую успеваемость, и здорово критикуют, так здорово критикуют, что двоечнику иногда этих людей, которых критикуют, очень искренне жаль.

И если бы у него, у двоечника, была совесть нормальных размеров, он вполне мог бы сделать следующее почти официальное заявление:

— Во-первых, никого ко мне впредь не прикрепляйте. Никого больше из-за меня не критикуйте. Во-вторых, припугните вы меня самым серьезнейшим образом. Меня лично припугните. Чтоб я хоть раз в жизни почувствовал хотя бы малюсенькую, прямо-таки микроскопическую, ответственность за свое безответственное отношение к учебе. Издайте, например, строжайший

приказ: опытных двоечников, которые упорно не желают учиться по-человечески, из школы исключать. Да, да! И без лишних долгих разговоров. И пусть идут куда хотят. На все четыре стороны. Тут-то мы, двоечники, за ум и возьмемся. Не все, может быть, но большинство. Тут-то мы и призадумаемся и даже — испугаемся... А сейчас нам просто неинтересно учиться лучше, чем на двойки. Зачем? Не мы же за себя отвечаем, а кто-то другой. Мы-то знаем, что нас как минимум до восьмого класса, прямо скажем, за уши из класса в класс будут перетягивать.

Словом, уважаемые читатели, вы и сами, без меня знаете: жизнь у троечников и двоечников, если они к ней привыкли, не такая уж трудная.

Зато уж бедному полукруглому отличнику, который мог бы стать абсолютно круглым, не дают покоя.

Вот я и приступаю к краткому изложению тяжелейшей жизни Шурика Мышкина. Многое в ней вас поразит, а кое от чего вы содрогнетесь.

Да, да, вы только вдумайтесь, уважаемые читатели: его заставляли учиться даже по воскресеньям, даже во время летних каникул, не говоря уже о весенних и зимних! Он, горемыка, ежедневно весь год решал задачи и примеры, писал диктанты, зубрил все учебники подряд.

Над его столом — это в каникулы-то! — висело расписание уроков и внеклассных занятий, которые по очереди вели папа, мама и дедушка.

Был дома и специальный звонок, которым оповещали о начале и конце уроков!

Несчастный Шурик Мышкин вел домашний дневник, получал отметки в домашнем журнале, выпускал стенгазету «Голос круглого отличника», сам с собой соревновался. Его поведение обсуждали на собраниях. В семье работал педсовет.

И все-таки не мог Шурик Мышкин стать абсолютно круглым отличником! Никак не мог, сколько ни старался! Потому что во взъерошенной его голове давным-давно все стало постепенно е пр е п у т ь в а т ь с я.

И то здесь,

то там,

то еще где-нибудь —

Ч Е Т В Е Р К А ! ! ! ! ! ! ! ! ! !

— Мне не хочется, мне абсолютно не хочется, — втянув взъерошенную голову в плечи, признавался Шурик, предварительно три раза вздрогнув. — Я не понимаю, для чего быть потомственным абсолютно круглым отличником. Мне больше нравится быть полукруглым. Кроме того, у меня в голове давным-давно все еперпуютолось...

— Это как?! Это что?! — в ужасе спрашивала мама.

— Это как?! Это что?! — ужасно недоумевал папа.

— Чего? Чего? — испуганно удивлялся дедушка.

Шурик от сознания собственной виноватости долго вздыхал и отвечал тихо:

— У меня в голове давным-давно все... пеерупатлось... пе-ре-пу-та-лось... Например, мне часто снится сон, что дважды два пять, а слово «врач» пишется с двумя мягкими знаками — «ВРАЧЬЬ». И еще мне снится, что в каникулы я свободный человек и играю в футбол.

Должен вам прямо сказать, уважаемые читатели, что разговоры эти ни к чему не приводили, все продолжалось по-прежнему.

Но однажды случилось то, что рано или поздно все равно должно было случиться.

После того как Шурик получил очередную четверку, состоялся очередной семейный педсовет. Начался разговор как обычно, и продолжался долго, как обычно, и мог бы закончиться как обычно, то есть ничем.

Однако мама вдруг заявила:

— Больше так быть не может! Не должно быть! Неужели, сынок, ты совсем забыл, что абсолютная отличная учеба — это путь к знаниям, дорога в большую научную жизнь? Я вижу тебя великим ученым!

— А я — врачом! — горячо воскликнул дедушка. — Обыкновенным участковым врачом! Замечательным специалистом! Как только у меня вот здесь заколет, я немедленно вызываю внука и...

— Нет, нет, нет и нет! — очень категорически протестовал папа. — Если у вас, папа, заколет вот тут, мы действительно вызовем обыкновенного участкового врача. Но это будет не наш сын и не ваш внук. Шурик же пойдет по моим трудовым стопам. Он будет выдающим счетным работником. Нет, нет, нет и нет, не таким бухгалтером, как я! Он будет работать на уникальнейших счетно-вычислительных машинах!

— Он будет ученым! — совершенно твердо сказала мама.

— Он будет участковым врачом! — еще тверже сказал дедушка.

— Он будет выдающимся счетным работником! — скомандовал папа.

Шурик виновато молчал, так виновато, словно был не полукруглым отличником, а самым распоследним двоечником, которого вот уже несколько лет не могут перетащить в следующий класс.

— Возникает естественный вопрос, — предельно недовольно и совершенно обиженно произнес дедушка. — А кем же ты, внук, собираешься стать? Ученым, врачом или электронным бухгалтером? Отвечай! Мы должны быть в курсе твоих желаний!

— Мне хочется быть шофером, — тихо, ласково и виновато ответил Шурик, — чтобы уезжать из дому далеко-далеко, надолго-надолго. И еще я хочу быть футболистом. Это так замечательно!

Мама, шатаясь, подошла к сыну, взяла его за взъерошенную голову обеими руками, поцеловала в лоб, словно прощаясь с ним навсегда, отошла к окну и заплакала горько-горько-горько.

Но Шурик не успел даже пожалеть ее, потому что папа быстро пробежал по комнате, кому-то грозно приказывая:

— Не возражать! Не возражать! Не возражать! — Он остановился, убедился, что никто ему возражать и не собирается, сказал все так же грозно: — Ошибка заключается в том, что у нас в семье плохо поставлена воспитательная работа с единственным сыном.

— И с единственным внуком, — уточнил дедушка.

— Предлагаю, категорически предлагаю, — возбужденно продолжал папа, — организовать ряд мероприятий, направленных на расширение кругозора нашего сына и вашего внука, папа. Надо провести для него встречи с интересными людьми, передовиками производства, ветеранами труда — словом, с лучшими представителями самых разнообразных профессий, кроме, конечно, шоферов и футболистов. Мы составим подробный план, обсудим и утвердим его на заседании нашего семейного педсовета и приступим к выполнению. Кто — за? Кто — против? Кто — воздержался? Принято единогласно. Шурик, ты согласен?

Шурик громко и виновато передохнул и ответил:

— Нет. — Он отрицательно помотал взъерошенной головой. — Я ничего не понял из того, что вы мне сейчас тут говорили. — Ведь никто, кроме меня, в каникулы не учится. Встречи с интересными людьми у нас бывают и в школе. И все равно я мечтаю стать шофером и футболистом.

В наступившей тишине было слышно, как падают и разбиваются о стол большие капли маминых слез.

— Успокойся, дорогая, — нервно попросил ее папа. — Не обращай на его слова особого внимания. Наша задача остается прежней: воспитывать, воспитывать и воспитывать! Если воспитание не даст положительных результатов, займемся перевоспитанием!

— Может быть, он все-таки имеет претензии к питанию? — сквозь крупные слезы спросила мама. — Сынок, тебе не хватает калорий, да?

Шурик вздохнул совсем уж очень жалобно:

— Но абсолютно круглого отличника из меня никогда и ни за что не получится... Я обыкновенным учеником хочу быть! — довольно резко и несколько громко крикнул он. — Нормальным я хочу быть! Как все!

— Достукались, — мрачно заключил папа. — До-вос-пи-ты-ва-ли! Это крах наших совместных педагогических усилий. Полный крах!

Шурик молчал.

Мама молчала.

Молчал папа.

Молчал дедушка.

Все молчали.

Конечно, главного Шурик родителям и дедушке не сказал: жалел их. А главное заключалось в том, что ему давным-давно просто-напросто не только надоело, а ОПРОТИВЕЛО учиться. Он, если можно так выразиться, ПЕРЕучился, ПЕРЕстарался, ПЕРЕслушался, ПЕРЕзубрил и т. д. и т. п.

Ведь сколько он ни старался, вместо слов ободрения, слышал одно и то же:

— Эх, Мышкин, Мышкин, ты же можешь учиться лучше!

«Конечно, могу! Могу, конечно! — хотелось крикнуть в ответ на эти слова Шурику. — Только отстаньте от меня хотя бы на недельку! Всего на семь денечков! Дайте мне хоть недельку пожить по-человечески! По-

бегать сломя голову разрешите! Один раз можно мне под глаз синяк заработать? Штаны хоть раз порвать можно? Я еще никогда по лужам досыта не бегал! Я еще ни разу вдоволь в футбол не поиграл! Буду я вам только пятерки получать, только отстаньте от меня хотя бы на семь денечков!»

Никто и не подозревал, что в маленьком, взъерошенном, похожем на озабоченного воробышка Шурике с каждым днем все сильнее крепло желание стать САМОСТОЯТЕЛЬНЫМ.

Шурику хотелось быть бойким,
смелым,
шустрым,
вертким,
сообразительным,
ловким,
веселым!

ШУРИКУ ХОТЕЛОСЬ ЖИТЬ!

Даже когда он сидел смирнехонько, все внутри у него пело-распевало, крутилось-вертелось, ликовало-буйнило! И сколько ни пытался Шурик унять себя, ничего из этого не получалось. Каждую минуту он ждал, что вот-вот сорвется с места и запрыгает, засмеется, а может, и песенку споет прямо посреди урока!

Песенку прямо посреди урока он не спел, но кое-что натворил. Вызвали его как-то к доске решать задачу, в которой дружно и здорово запутались троечник и двоечница. Шурик тоже быстро и здорово запутался, потому что в его взъерошенной голове все давным-давно ерепунапатлось!

— Ну, Мышкин, Мышкин, не может быть! — поразилась учительница. — Соберись, вникни, подумай!

Но ни собираться, ни вникать, ни думать полукруглomu отличнику не хотелось. Не хотелось и — все!!!

— Не тани ты резину, — шепнул ему троечник, — и так надоело у доски торчать. Решай по-быстрому.

— Мышкин, Мышкин, что с тобой? — опять поразилась учительница. — Ты уже в таблице умножения путаешься! Вот здесь — смотри! Сколько будет семью шесть?

— Тринадцать с половиной! — весело и наобум ответил полукруглый отличник. — Или половина с тринадцатью!

— Да сорок два, — пробурчал троечник, — даже я и то знаю.

И двоечница закивала головой: дескать, я тоже такого же мнения.

— Эх, Мышкин, Мышкин, интересно мне знать, кто научил тебя таким неумным шуткам, — насмешливо сказала рассерженная и растерявшаяся учительница. — А может быть, ты запомнил, сколько будет хотя бы дважды два?

— Дважды два? — переспросил Шурик Мышкин и помолчал, все еще пытаясь сдержаться. — По-моему, дважды два будет... пять будет дважды два! — очень весело крикнул он и расхохотался.

Но тут даже никто и не рассмеялся. А троечник и двоечница глаза вытаращили.

— Эх, Мышкин, Мышкин! — горестно воскликнула учительница. — Ты просто кулиганишь, и это, признаться, на тебя не похоже. Не может же быть, чтобы ты, полукруглый отличник, не знал, сколько будет дважды два!

— Я знаю, — с вызовом сказал Шурик. — По-моему, дважды два будет... пять!

В классе раздался не хохот, а ропот.

Даже двоечница не выдержала, гордо выговорила:

— Четыре будет. Это точно.

— Дважды два... — Шурик повысил голос. — Будет...

Класс замер, вытянув шеи.

— Пять! — закончил Шурик с достоинством.

— Ну, Мышкин, Мышкин... — Учительница с большим сожалением и не меньшим удивлением покачала головой. — Ставлю тебе двойку. Буду разговаривать с твоими родителями. Надо выяснить, что же это такое с тобой происходит.

После уроков Шурик впервые в жизни не пошел домой, а отправился куда глаза глядят, искал лужи, топал по ним, долго бегал за поливочной машиной, вымок весь и, лишь когда замерз, вспомнил, куда ему идти полагается.

Что же произошло дома, вы, уважаемые читатели, и представить себе не можете!

Пока Шурик снимал грязные ботинки и мокрую одежду, дедушка восемь раз протер очки, чтобы лучше разглядеть эту невероятнейшую картину. А вер-

нее, дедушка просто-напросто не верил своим очкам. Обескураженный увиденным, он слова вымолвить не мог.

— А я двоечку схватил! — радостно сообщил Шурик. — В таблице умножения перезапутался. Не мог сообразить, сколько будет дважды два! Я думал, что пять, а оказалось, что нет!

И на это дедушка от растерянности ничего не мог выговорить. И Шурик впервые в жизни был предоставлен самому себе. Он не стал мыть руки. Он не стал есть суп и котлеты с кашей. Он, как говорится, навалился на компот и торт. Замечательно пообедал!

И лишь тогда дедушка спросил, убедившись, что очки не врут:

— Что случилось? Ты не болен?

Уж не знаю, где Шурик слышал такое выражение, но ответил:

— Я здоров как бык!

Это он-то? Похожий на воробышка?

— Допустим, допустим и еще раз допустим. — Дедушка все никак не мог прийти в себя. — Но почему ты весь грязный и мокрый? И как ты мог забыть, сколько будет дважды два? В детстве я видел в цирке обыкновенного петуха, так он, самый обыкновенный петух, знал наизусть почти всю таблицу умножения! Петух!

— Но ведь я, дедушка, не петух! — весело возразил Шурик. — Я самый обыкновенный мальчишка! Сейчас я иду богатый! Все нормальные люди после школы отдыхают!

Тут дедушка, приготовившийся проводить с внуком диктант, до того растерялся, что даже не сделал ни малейшей попытки удержать внука, сидел и яростно протирает очки, словно они были во всем виноваты.

Шурик вволю набегался, досыта наигрался в футбол, подрался, и очень удачно: первый раз в жизни заработал синяк под левый глаз!

Дома его встретила, как писали в старинных романах, гробовая тишина.

Папа молчал.

Молчала мама.

Дедушка молчал.

И Шурик ничего не говорил.

Все молчали.

Наконец папа довольно нервно сказал:

— Я наблюдал с балкона за твоим сверхбезобразным поведением. Объясни нам: что с тобой происходит?

— Со мной произошёл синяк! — гордо и чуть хвастливо ответил Шурик. — И ещё со мной произошла двоечка! А вас, мама и папа, вызовут в школу! Вам здорово попадет! Родителям всегда здорово попадает за двойки!

— Надо немедленно принимать меры! — очень взволнованно предложил дедушка. — Ведь происходит что-то уму непостижимое!

— Прежде чем предпринимать какие-нибудь меры, — мрачно и грозно сказал папа, — надо точно сформулировать, что же случилось с нашим сыном, жена, и с вашим внуком, папа. Слушаем тебя, виновник наших несчастий.

— А что особенного? — совсем искренне удивился Шурик. — Троечник и двоечница не могли решить задачу. И я не мог. А потом я бегал по лужам, играл в футбол! Я ддрррался! Как все мальчишки! Я не хочу быть пе-ту-хом, который только то и знает, что таблицу умножения!

Когда разобрались, при чем тут петух, мама возмущенно произнесла:

— Как все мальчишки! Что значит — как все мальчишки? Неужели сегодня все мальчишки вернулись домой с двойками и с синяком под левым глазом? Ты полукруглый отличник, который обязан стать потомственным абсолютно круглым...

— Не-е-е-е... стану! — тихо, еле слышно выкрикнул Шурик, предварительно вздохнув семь раз. — Ни за что не стану! — уже громко повторил он и еще громче добавил: — Ни-ког-да!.. А если и стану, то лишь тогда, когда сам, лично захочу! — Он тут же пожалел растерявшихся родителей, особенно дедушку, и сказал: — Дайте мне пожить, как нормальные мальчишки живут, и, может быть, я захочу стать потомственным абсолютно круглым отличником. А сейчас я просто хочу есть.

Накормить-то его, конечно, накормили, но ел Шурик без всякого удовольствия: ведь весь семейный педсовет не сводил с него осуждающих, очень скорбных взглядов.

— А я понял! — вдруг радостно воскликнул дедушка. — Я понял, что такое происходит с моим внуком и вашим сыном! Он попал под чье-то вредное и не менее дурное влияние!

Шурик отрицательно покачал взъерошенной головой, помолчал, вздохнул виновато пять раз и ответил:

— Я наконец-то попал под свое собственное влияние.

— Можешь идти, — повелительным тоном разрешил папа, — а мы проведем срочное заседание семейного педсовета. Мы не покинем тебя, не позволим тебе стать заурядным, то есть обыкновенным тунеядцем. Мы пере — уж будь уверен — воспитаем тебя!

Ночью Шурик долго не мог заснуть. Он впервые думал о том, как же ему жить дальше. Раньше за него думали родители и дедушка, а сейчас ОН САМ ЗАХОТЕЛ СТАТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНЫМ, значит, все вопросы — большие, средние и маленькие — ему предстоит решать самому.

Ничего определенного он придумать не мог, потому что не умел думать самостоятельно.

А на завтра он пришел в школу, впервые в жизни не приготовив домашних заданий. И его, конечно, вызвали. Надо было выучить наизусть стихотворение, а Шурик дома его даже и не читал.

Ура! Опять двоечка! Не хотели четверочек — получайте двоечки!

— Ну, Мышкин, Мышкин, — совершенно растерявшись, сказала учительница. — Что с тобой? Ты тянешь назад весь класс. Из-за тебя мы теряем переходящий вымпел за успеваемость! Стыдись, Мышкин!

Между нами говоря, уважаемые читатели, Шурикнисколько даже и не стыдился. Он ничего не мог с собой поделать. Просто ему хотелось бегать, топать по лужам, играть в футбол, иногда драться...

За последнюю четверть он заработал целых три тройки, а за поведение — четверку!

Вообразите-ка себе, уважаемые читатели, что у него творилось дома... Кошмар творился у него дома.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Дядя Коля — бывший поп Попов —
на первой же тренировке берет все мячи

Встретились совершенно случайно два невеселых человека, можно сказать, очень невеселых человека.

Один из них — бывший поп Попов, другой — бывший полукруглый отличник Шурик Мышкин.

Присели они на скамейку в садике около поселкового клуба да так и сидели вот уже минут сорок.

Первым не выдержал бывший поп Попов, спросил:

— А что ты здесь сидишь, мальчик? Вот уже минут сорок сидишь!

— А что вы здесь сидите, дяденька? — спросил бывший полукруглый отличник. — Тоже вот уже минут сорок сидите?

— Сижу — вот и... сижу, — услышал он в ответ. — Захотелось, значит, посидеть, отдохнуть, о жизни поразмышлять... А почему ты такой невеселый?

— А почему вы такой невеселый?

Бывший поп Попов ненадолго призадумался и предложил:

— Сначала ты ответь на мои вопросы, потому что я первый вопрошал. Итак: почему ты здесь сидишь вот уже больше сорока минут?

— Сижу — вот и... сижу.

— Это я тебе так ответствовал! А ты будь любезен отвечать по-своему. Зря, да еще так долго, не сидят. Зря невеселыми не бывают. Может, мы с тобой познакомимся, если ты не возражаешь? Меня зовут отец Николай, то есть дядя Коля, — быстро поправился бывший поп Попов.

Познакомились они, а о чем говорить дальше, не знали. Вернее, бывший-то поп Попов знал, о чем ему хочется говорить, но пока не мог на это решиться. И Шурику было что рассказать своему новому знакомому, но он пока стеснялся. Шурик сейчас вообще понятия не имел, что ему делать. Друзей ведь у него не было, потому что дружить ему было некогда: он все время учился. А знакомые ребята куда-то запропастились, и, как проводить время одному, Шурик просто догадаться не мог.

Дядя Коля спросил:

— Ты как насчет футбола? Играть умеешь?

— Немного умею.

— А любишь?

— Кто же не любит в футбол играть? — удивленно отозвался Шурик. — А вы кто? Футболист? Или тренер?

Почему-то оглянувшись по сторонам, словно боясь, что их подслушают из-за кустов, дядя Коля внимательно посмотрел Шурику в глаза, проговорил почему-то шепотом:

— Не футболист я пока. И, конечно, не тренер, но я без футбола жить не могу... Понимаешь, Шурик... — Дядя Коля опять оглянулся по сторонам. — Я очень хочу научиться играть в футбол. Честное слово, я без футбола жить не могу! Но я даже всех правил не знаю... Ты почему молчишь?

— Удивляюсь.

— Чему ты удивляешься?

— Хотите учиться играть в футбол? Так учитесь себе на здоровье!

— Где? Как?

— Неужели вы не знаете, где учатся играть в футбол?

— Не отвечай мне вопросом на вопрос! Отвечай мне ответом на вопрос! — рассердился дядя Коля, но спросил виноватым тоном: — Где учатся играть в футбол?

— А где вы работаете, дядя Коля?

— Опять вопрос на вопрос! Нигде я пока не работаю, — с удивлением услышал Шурик и спросил:

— А почему нигде не работаете?

— А при чем здесь работа? — в свою очередь удивился дядя Коля. — И когда ты будешь отвечать на мои вопросы ответами, а не вопросами? Я тебя спрашиваю о футболе, а ты мне о работе!

— Например, если бы вы работали на домостроительном комбинате, — начал объяснять Шурик, — все было бы просто. Там есть футбольные команды — взрослая, юношеская и детская. И стадион есть, даже с трибунами.

— Вот это да! — восторженно прошептал дядя Коля, но сразу же помрачнел. — А если меня не примут на этот самый домостроительный комбинат?

— Футбольная команда есть в совхозе, здесь неда-

леко. В леспромхозе команда, но это далековато... Дядя Коля, а вы кто?

— Я-то? Как бы тебе растолковать? Приехал я в ваш поселок только сегодня... Не успел еще и оглядеться... Самое главное в том, что я жить без футбола не могу. А все остальное суета... ну, то есть не имеет для меня никакого значения... Вот устроюсь на работу, в команду... Вообще-то я бы тебе все о себе рассказывал, если бы ты согласился поиграть со мной в футбол.

— Когда?

— Сейчас, конечно.

— Прямо вот сейчас? — восторженно переспросил Шурик.

— Немедленно! Мяч у меня есть! Понимаешь, я ни минуты ждать не могу! — Дядя Коля очень уж разгорячился. — Понимаешь, я мечтаю вратарем быть, но еще ни разу в воротах не стоял! Найти бы нам с тобой такое местечко...

— Знаю, знаю я такое местечко! — Шурику передалось волнение дяди Коли. — Там даже ворота есть, правда, без перекладины...

— Идем, идем, идем! — Бывший поп Попов схватил бывшего полукруглого отличника Шурика Мышкина за руку, и они торопливо направились, почти побежали к выходу из скверика, зашепили по дороге на окраину поселка.

Смотреть на них со стороны было довольно-таки смешно. Дядя Коля ростом был без малого два метра, Шурик едва доставал ему взъерошенной головой чуть выше пояса. Дядя Коля вышагивал огромными шагами, а Шурик мелко подпрыгивал рядом с ним, как воробышек.

Всего третий день бывший полукруглый отличник был, говоря его словами, свободным человеком, еще не привык к этому положению и не умел использовать с таким трудом завоеванную свободу в свое полное удовольствие.

Вчера состоялось заседание семейного педсовета, значение для дальнейшей судьбы Шурика оно имело колоссальное, длилось не очень долго, и я, уважаемые читатели, хотя бы коротенько, расскажу о нем.

Первым слово взял папа. Стараясь не выдать растерянности, возмущения и, можно сказать, очень

крупного горя, он заговорил почти срывающимся голосом:

— Вы все знаете, и я не буду повторять, с какими ужасными показателями мы пришли к концу очередного учебного года. Страшны не только сами показатели, то есть полученные нашим сыном, жена, и вашим внуком, папа, отметки. Сердце кровью обливается, когда я думаю о том, как разительно изменился он сам в худшую сторону. Его не узнать. Он вышел из-под нашего полезного влияния и попал под свое собственное, весьма и весьма вредное и опасное. Пусть проживет лето, как хочет. Мы, взрослые, устали, изнервничались и впервые летом будем отдыхать, а не учить. К Шурику придет бабушка Анфиса Поликарповна. Она будет следить за квартирой и за Шуриком. За квартиру я не беспокоюсь.

Мама очень глухо сказала:

— Я выплакала все свои слезы по поводу того, как наш сын, муж, и ваш внук, папа, отбился от наших заботливых рук. Я почти рассталась с мечтой, что Шурик когда-нибудь станет потомственным абсолютно круглым отличником. Я убеждена, что при нынешнем его отношении к учебе он не будет великим ученым. Но я люблю его и совсем немножечко надеюсь, что, может быть, он исправится.

Дедушка говорил, схватившись за голову руками:

— Я потерял внука, а вы — сына. Как он проведет лето? Чем будет заниматься? Увы, неизвестно. Вряд ли одна бабушка, уважаемая Анфиса Поликарповна, справится с ним, если это не удалось нам троим. Желаю тебе, дорогой внук, быстрее осознать, в какую пропасть ты катишься.

— Напрасно вы беспокоитесь, — весело и даже ласково ответил Шурик. — Лето я проведу замечательно — на свободе. Буду играть в свой любимый футбол, а потом с новыми силами примусь за учебу, вспомню, что дважды два четыре.

— Если бы! — радостно воскликнула мама.

— А я не верю, — упрямо произнес дедушка, — не вижу никаких оснований.

— Не будем гадать, — уныло предложил папа. — Будем ждать. Лично у меня самые тяжелые предчувствия.

На этом заседание семейного педсовета закончилось.

Сразу же расскажу вам, уважаемые читатели, и о том, как в поселке, где жил и учился Шурик Мышкин, оказался поп Попов и что он собирался делать.

Вы уже знаете, что он собирался научиться играть в футбол, все остальное в жизни его мало интересовало, а точнее говоря, совсем не интересовало.

А именно в этот поселок он попал случайно. Ехал он в поезде, ехал, ехал, ехал, ехал, ехал, надоело ему ехать, с каждой минутой все сильнее хотелось играть в футбол. И тут поезд остановился, и бывший поп Попов увидел: мальчишки гоняют мяч! Нисколько не задумываясь, он решил поселиться именно здесь.

Весь багаж его состоял из чемодана, телевизора и рюкзака, в котором среди прочих вещей был и его любимый самоварчик.

Сдал бывший поп Попов чемодан и телевизор в камеру хранения и поспешил посмотреть, как мальчишки играют в футбол. Хотя бы посмотреть!

Но к этому времени мальчишки убежали, и бывший поп Попов, сразу загрустив, побрел, не зная куда, оказался в садике около клуба и присел на скамейку, чтобы обдумать, как ему быть дальше.

Вскоре рядом присел Шурик, которому тоже надо было обдумать, как ему быть дальше, а остальное вам, уважаемые читатели, известно.

Пришли они на окраину, за огороды, где было, можно сказать, почти настоящее футбольное поле, только ворота были одни и без перекладины.

Пока Шурик накачивал мяч насосом, дядя Коля переоделся и предстал перед ним в полной вратарской форме.

— Ого! — восхитился Шурик. — С виду вы прямо мастер международного класса!

— Мечтаю, мечтаю! Надеюсь, надеюсь! — искренне признался дядя Коля. — Жить без футбола не могу! Вот и дал обет: стать выдающимся вратарем.

— Какой обед? — удивился Шурик. — Вы что, будете много обедать, чтобы стать сильным? Да вы и так вон какой богатырь!

— Не обед, а обет. Буква «тэ» на конце. Клятва, значит, серьезное обещание... Давай, давай играть, хватит разговаривать!

Ох и весело же им стало! Никто им не мешал, никто их не ругал, никто их даже не упрекал! Сами себе хозяева!

Шурик отсчитал одиннадцать метров, поставил мяч, а дядя Коля замер в воротах, громко шепча:

— Господи... господи...

— При чем тут господи? — поразился Шурик, взглянул на дядю Колю и испуганно крикнул: — Что с вами?

Дядя Коля, бледный, с неестественно расширенными глазами, пошатнулся и обеими руками ухватился за штангу, чтобы не упасть.

— Не знаю... — еле слышно ответил он. — Не знаю... что со мной... я... я волнуюсь... у меня... это... поджилки трясутся... я боюсь...

— Чего вы боитесь? Чего вы волнуетесь? Чего у вас поджилки трясутся?

— Боюсь... гол боюсь пропустить... господи, как боюсь гол пропустить...

— Ничего не понимаю, — недовольно сказал Шурик. — Какой-то господи... Поджилки трясутся... Но ведь голы пропускают все вратари, даже знаменитые.

— А я не хочу! — хриплым голосом выкрикнул дядя Коля. — Не хочу я голы пропускать! Не пропущу ни одного мяча! Я его поймать хочу! Бей! Да бей же, тебе говорят!

Шурик, пожав плечами, сказал:

— Странно... вы же совсем не умеете играть... вы первый раз в ворота встали, а...

— Не пропущу! — грозно, с горящим взглядом крикнул дядя Коля. — Я его... я его поймаю! Схвачу! Бей! Господи, благослови! Не дай пропустить гол!

Тут Шурик немножечко рассердился. Конечно, он не считал себя очень уж хорошим игроком, знал, что удар у него довольно слабенький, но зато и довольно точный.

— Господи так господи, благослови так благослови, — насмешливо проговорил Шурик, отошел от мяча, разбежался и уверенно послал его в левый нижний угол. — Не поймать! Штука!

И тут случилось что-то совершенно непонятное. Шурик ясно видел, что мяч пролетел мимо неподвижного дяди Коли. Но дядя Коля, издав какой-то воинственный клич, похожий на рев, бросился к мячу,

схватил его, как показалось Шурику, не только руками, но и ногами, а спиной врезался в штангу.

Раздался треск — штанга обломилась у самого основания и рухнула.

Дядя Коля лежал на земле, вцепившись в мяч, прижав его к себе, и твердил упоенно:

— Поймал... поймал ведь голубчика... вот он... вот он, миленький... попался...

— Ничего себе бросочек, — почесав в недоумении затылок, сказал Шурик, не веря своим глазам. — Я слышал, что когда-то нападающие будто бы мячом ломали штанги. Но чтоб вратарь! Не ушиблись?

— Оглушило немного, — восторженно признался дядя Коля. — Это я когда головой об землю. Но поймал ведь! — Он с трудом встал, потер поясницу, ощущал голову, бросил мяч Шурику. — Бей! Ни одной штуки не будет! Беру все мячи! Бей!

Ко второму удару Шурик готовился тщательно. На этот раз он решил забить гол во что бы то ни стало. Он ударил, и опять ему показалось, что мяч уже влетел туда, где должен был быть правый верхний угол, если была бы перекладина.

И опять в какое-то последнее мгновение дядя Коля, издав воинственный клич, похожий на рев, взлетел в воздух, схватил мяч и гулко упал на землю.

— Невероятно, — прошептал Шурик. — Вот это реакция. Не разбились?

— Что-то во мне вроде бы хрустнуло, — весело признался дядя Коля. — Но ведь поймал, поймал голубчика! Вот он, миленький! Попался!

До полного изнеможения бил Шурик по воротам (вернее, по тому, что от них осталось), И ДЯДЯ КОЛЯ НЕ ПРОПУСТИЛ НИ ОДНОГО ГОЛА! Он кидался, бросался, метался к мячу с дикими выкриками и, грохнувшись на землю, не всегда сразу мог подняться.

— Бей! Бей! Бей! — просил он и не утомился даже тогда, когда сломал и вторую штангу, врезавшись в нее головой. — Ничего, ничего! — успокаивал он Шурика. — Цел я, цел! Бей, бей!

И Шурик бил, бил, бил...

А дядя Коля ловил, ловил, ловил...

Наконец Шурик умыкался, измотался до того, что еле стоял на ногах.

— Я больше не могу, — пролепетал он. — А вра-

тарь из вас получится классный. А у меня больше нету сил.

— Разика два-три-четыре-пять! — умолял дядя Коля. — Ну, хоть разик один пробей!

— Не могу больше.

И Шурик сел.

Дядя Коля и сам еле живой опустился рядом, сказал:

— Тогда нам надо поесть.

В рюкзаке его нашлась уйма всякой снеди: вареные яйца, огромные луковицы, соленые огурцы, колбаса, сало (которого Шурик ни разу в жизни до этого не пробовал), плавленые сырки, пряники, вареная картошка...

Но больше всего Шурик обрадовался самоварчику, спросил восторженно и недоверчиво:

— Неужели настоящий?

— Сейчас проверим. Я чай только из своего самоварчика пью. Мне бы, Шурик, купить избушечку с огородиком... Люблю, грешным делом, на грядках возиться. Кошку бы я себе завел, собаку, а то и козу... Приходил бы ты ко мне в гости. А я бы ворота футбольные соорудил! И мы бы с тобой тренировались! А потом бы чай пили во дворе под черемухой.

Дядя Коля сходил на речку, кружкой аккуратно наполнил самоварчик до краев. Шурик насобиравал щепок и веточек, и вскоре из самоварчика показался дымок.

Они по очереди дули в дырочки у основания самоварчика, так старательно и весело дули, что пепел и искорки летели во все стороны.

Закипел самоварчик!

И Шурику казалось, что и у него внутри все кипело от радости, счастья и удовольствия.

Это было как в сказке. А дядя Коля походил на доброго великана.

Никогда еще в жизни не ел Шурик с таким аппетитом и восторгом. Слезы брызгали из глаз, когда он хрустел огромной луковицей, потыкав ее в соль. Обыкновенная вареная картошка с соленым огурцом и ломтем черного хлеба — настоящее объедение! Сало оказалось — пальчики оближешь!

— Очень калорийная пища — не зная, как похвалить еду, сказал Шурик.

— Вполне вероятно, — согласился дядя Коля, — простая пища, полезная.

Насытившись, наши футболисты принялись за чай. Ого-го, здорово-то как! Можно, оказывается, представьте себе, сахар не класть в чай, а пить вприкуску, — и это куда вкуснее и интереснее!

— Теперь не вредно бы и полежать, — зевая, сказал дядя Коля, и наши футболисты развалились на траве.

Едва прикоснувшись затылком к земле, дядя Коля тут же захрапел, да так громко и так занятно, что Шурик заслушался: он ведь только в книжках читал о богатырском храпе, но никогда еще не слышал его.

В носу дяди Коли спрятался целый оркестр! Там рокотали разные трубы и трубочки, пели флейты, пищали кларнеты, гудели гобои, и казалось, вот-вот загремят барабаны... а Шурик от восторга запоем!

Лежал Шурик, блаженствовал всем своим существом, слушал богатырский храп и невольно со страхом думал о том, что ведь могло и не быть такого удивительного дня.

Лежать бы вот и лежать... Никуда ведь она, учеба эта, от него не уйдет. Раз появился на свет, значит, учиться надо. Честное слово, вот отдохнет он все лето по-человечески и будет, если уж это вам, дорогие родители и дедушка, так необходимо, будет он потомственным абсолютно круглым отличником. А что? Главное, чтобы голова отдохнула, чтобы он почувствовал себя сильным и чтобы каждый день не слышать надоевшее:

— Эх, Мышкин, Мышкин, ты бы мог учиться значительно лучше!

Будет он учиться значительно лучше, будет, честное слово!

В это время дядя Коля со спины перевернулся на бок, и оркестр в его носу сразу смолк, и Шурику стало грустно... Он продолжал размышлять о своей жизни. Вот есть счастливые ребята, которых папы и мамы на рыбалку отпускают. А ему, Шурику, разрешалось только учиться. Интересно, кстати, что же представляет из себя эта бабушка Анфиса Поликарповна?

— Дядя Коля! Дядя Коля! — испуганно позвал Шурик. — Мне же давным-давно домой надо! У меня же родители и дедушка уезжают, а бабушка приезжа-

ет! То есть наоборот, сначала бабушка приезжает, а потом родители и дедушка уезжают!

Не открывая глаз, дядя Коля медленно сел, долго потягивался, громко хрустя костями, будто опять штанги ломал, долго и широко зевал, вкусно так зевал, похлопывая по губам ладонью, открыл глаза и сонным-сонным голосом спросил:

— Кто куда уезжает? Кто куда приезжает?

Выслушав Шурика, он с сожалением проговорил:

— Понятно, понятно... А я мечтал еще потренироваться. А куда же я сегодня денусь? Мне ведь ночлег искать надо.

— Какой ночлег?

— Обыкновенный. Где ночь проспать.

— Как же вы... куда же вы...

— Как-нибудь. Мир не без добрых людей. Попрошусь к кому-нибудь. Приютят на ночь-то.

— А завтра?

— Работу буду искать. А может, и угол дадут.

— Какой угол?

— Экий ты непонятливый. Ну, койку дадут. Место какое-нибудь, где я жить буду. Углом это называется. А со временем избушку себе с огородиком куплю. Вот уеду я с командой в другой город играть, а ты мою избушку караулить останешься. Будешь мою кошку и собаку кормить... — размечтался дядя Коля. — Завтра же пойду на домостроительный комбинат, где футбольная команда есть. Попрошусь вратарем! Вдруг возьмут, а? Любой мяч — мой! Ни одного не пропущу! Ни одной штуки не будет! Вот те крест! — И дядя Коля быстро-быстро перекрестился.

— Это еще что такое?!?!?! — Шурик оторопело отодвинулся от него. — Чего вы рукой машете? Какой такой крест?

— Привычка... — Дядя Коля был явно смущен. — Я это... так... А ты иди, иди, иди кого-то провожать, кого-то встречать. А завтра с утра сюда приходи. Потренируемся, и я работу искать отправлюсь. Мяч заberi. Это тебе от меня подарок. Бери, бери, у меня еще два есть. Да бери, бери, раз дают.

— Вот спасибо, дядя Коля! У меня еще никогда настоящего футбольного мяча не было. Только где же вы все-таки ночевать будете?

— Да где-нибудь! — беспечно отмахнулся дядя

Коля. — Ночи теплые, можно и на природе под звездами устроиться. Иди, иди, заждались тебя родные-то.

Но Шурик медлил уходить, о чем-то сосредоточенно раздумывая, склонив набок взъерошенную голову.

— Есть такое дело! — вдруг обрадовался он, вскочил на ноги и несколько раз подпрыгнул. — Попроситесь на ночлег ко мне! Я вам дам угол! Да, да! Папа, мама, дедушка уезжают, а приезжает всего-навсего одна бабушка! Места много!

— А верующая у тебя бабушка-то? Ну, в бога она верит или нет?

— Вот уж не знаю. А почему вас это интересует?

— С верующими мне как-то легче договариваться. Как-никак, я ведь бывший поп.

Кто тут больше растерялся, судить, уважаемые читатели, не берусь: то ли Шурик от неожиданнейшей новости, то ли случайно проговорившийся дядя Коля.

Во всяком случае, Шурик долго таращил на него глаза, а тот виновато и даже стыдливо отворачивался. Наконец дядя Коля пришел в себя, сказал глуховатым голосом:

— Нечего удивляться. Нечего глаза на меня таращить. Был попом, буду вратарем. Попом я был неважным, вратарем буду непробиваемым.

— Попо-о-о-о-ом?!?! — все еще тараща глаза, в крайнем изумлении протянул Шурик. — Так ведь... они во-о-от с такими бородами и усами бывают. Я в кино видал. И волосы у них длинющие.

— От бороды, усов и лишних влас я избавился. И не пяль ты на меня глаза-то. Ну, был попом... И, слава господу, снял с себя сан. Стал обыкновенным человеком. Из-за футбола. Я без футбола жить не могу. Да не пяль ты на меня глаза-то!.. Ну, прошу тебя... Никому только, не дай бог, не проговорись. Смеяться будут — это еще ладно. Но вот если меня из-за этого во вратари не возьмут... не переживу! Вот побожись... то есть дай честное слово, что не проболтаешься.

— Проболтаюсь, дядя Коля поп Попов, — тихо и виновато, подумав, признался Шурик. — Я, конечно, буду очень стараться, но... но ведь так интересно! Поп — вратарь!

— Я не поп! Не поп я больше! — Дядя Коля очень обиделся и не менее того рассердился. — Я ни одного мяча не пропущу! Никогда! Ни одного! Ни за что!

И такая великая убежденность, такая наитвердейшая уверенность прозвучали в его громовом голосе, что Шурик сказал:

— Вполне может быть. Все может быть. Хотя такого еще и не бывало. Но ведь все равно смешно!

— Что, что смешно?

— А то. Смешно, что вы бывший поп.

— Ничего смешного не вижу,— печально сказал дядя Коля.— Видимо, не так-то просто будет мне проникнуть в футбол. Но ничего, перетерплю. Мне без футбола не жить. Давай, Шурик, беги.

— Бегу, бегу, а то мне здорово попадет. Запомните мой адрес: улица Стахановская, дом семнадцать, квартиры шесть. Моя фамилия Мышкин. Я вас буду ждать на ночлег, дядя Коля. Я вам дам угол. Приходите, пожалуйста, я вас очень прошу. Если не придете, я буду ужасно волноваться.

— Приду, Шурик, приду обязательно.— Дядя Коля погладил его по взъерошенной голове.— Хороший ты человек, Шурик Мышкин. Спасибо тебе. Обязательно приду. Мы с тобой перед сном чайку из самоварчика попьем с шанежками. Иди.

Шел Шурик, и было ему невыносимо грустно, как еще никогда не бывало. Сами подумайте, уважаемые читатели, всю школьную жизнь ему твердили: «Эх, Мышкин, Мышкин, ты бы мог учиться значительно лучше!», и никто, ни один человек до сих пор не говорил ему самого главного: «Хороший ты человек, Шурик Мышкин!»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Бабушка Анфиса Поликарповна считает,
что за ней нужен глаз да глаз,
а не за ее внуком Шуриком Мышкиным

Придя домой, а если можно употребить такое слово, прибредя домой после встречи с дядей Колей — бывшим попом Поповым, Шурик уже толком и не слышал, как родные бранят его за опоздание, за чумазое лицо и пыльные ботинки... Пустяки-то какие! Лицо можно вымыть, ботинки можно почистить.

Пусть он немного опоздал, пусть из-за этого роди-

тели и дедушка немного понервничали... Но как ему хотелось, как ему требовалось, как ему было просто необходимо сказать примерно следующее:

— Дорогие мои папа, мама и дедушка! Выслушайте хоть один раз внимательно вашего сына и вашего внука. Вы абсолютно правы. Я абсолютно виноват. Но вы когда-нибудь играли в футбол с бывшим попом? Вы когда-нибудь видели попа-вратаря? Который берет все мячи? А я видел! Я играл с ним! Это же очень интересно! Знаю, знаю, вам важно только одно: чтобы я стал потомственным абсолютно круглым отличником. А вы знаете, дорогие мои папа, мама и дедушка, что можно быть потомственным абсолютно круглым отличником, но никто никогда и нигде не скажет тебе: «Хороший ты человек!»? А мне захотелось стать очень хорошим человеком. Понимаете?.. Но я еще пока не знаю, что для этого надо делать...

— Ты, конечно, не мог не огорчить нас,— не сдержавшись, откровенно недовольно пробурчал папа.— В день приезда бабушки, в день отъезда папы, мамы и дедушки ты, конечно, не мог не...

Тут папа, опять не сдержавшись, махнул сначала левой рукой, потом правой, а дедушка совершенно устало сказал, с огромным сожалением глядя на внука:

— Он все равно ничего не поймет.

«А я пил чай вприкуску из настоящего самоварчика,— думал Шурик.— Я съел луковицу невероятно больших размеров, у меня из глаз слезы брыгаали! Я до того наигрался в футбол, что еле выстоял на ногах. Впервые в жизни мне подарили настоящий футбольный мяч. Правда, мне пришлось спрятать его во дворе, чтобы вы меня не спрашивали, откуда он взялся...»

— Да все будет хорошо! — по возможности весело сказал Шурик.— Все будет на пять с плюсом. Вот увидите. Отдыхайте себе на здоровье и не беспокойтесь обо мне. Понимаете, один человек назвал меня сегодня хорошим человеком! Да, да! Он так и сказал: «Ты хороший человек, Шурик Мышкин». И ведь я это слышал сам, своими собственными ушами!

— Хороший человек? — недоуменно и недовольно переспросил папа.— Очень расплывчатое понятие. Неточное, во всяком случае. Потомственный абсолютно круглый отличник — это я понимаю. Приведи себя в порядок, и пойдем встречать бабушку.

По дороге на станцию папа скорбно, вернее, подчеркнуто скорбно, молчал. Мама с огромным сожалением поглядывала на сына. Дедушка смотрел под ноги и делал это тоже подчеркнуто, а Шурик думал: «Буду я хорошим человеком, обязательно буду».

Когда затрубил приближавшийся электровоз, папа со знакомой Шурику нервностью сказал:

— Очень прошу тебя слушаться бабушку. У нее, мне удалось узнать, нет опыта по воспитанию внуков. Ей с тобой будет, видимо, неимоверно трудно. Постарайся облегчить ее участь.

Седьмой вагон, указанный в телеграмме, остановился прямо против Мышкиных.

— Простите, мы встречаем бабушку, она же, собственно, и мать моей жены...— обратился папа к проводнице, а та в ответ чуть ли не закричала:

— Спит ваша бабушка! Она же, собственно, и мать вашей жены, спит! Два часа ее всем купе будили! А она не просыпается! Не желает просыпаться! А стоянка всего четыре минуты! Идите будите!

Действительно, бабушка Анфиса Поликарповна крепко спала, широко и добродушно улыбаясь во сне.

— Не просыпается! Никак не просыпается!— возволнованно сообщили пассажиры в купе.— Она здесь останется, а поезд пойдет!

— Мама! Мама!— стал торопливо будить ее папа.— Да проснитесь же! Поезд стоит всего четыре минуты, а полторы минуты уже прошло! Проснитесь, мама! До отхода поезда осталось всего две минуты!

— Ничего, ничего, подождет,— сладко и громко зевнув, ответила бабушка Анфиса Поликарповна и открыла глаза.— К вашему сведению, я никогда никуда не спешила и поэтому спокойно достигла возраста семидесяти шести лет.

Пассажиры и папа суматошно помогали ей собрать вещи, а она сидела и всех успокаивала:

— Да не спешите вы, пожалуйста. Торопиться— это чрезвычайно вредно для нервной системы человека. Никуда этот поезд не уедет, пока я с него не сойду.

— Он уже гудит!— испуганно крикнул Шурик.

— Да пусть себе гудит сколько хочет,— беспечно отмахнулась бабушка Анфиса Поликарповна.— Это он просто пугает слабонервных. А у меня нервы крепкие, прямо-таки железные. На них никто и ничто не дей-

ствует. Не торопитесь, не суетитесь, пожалуйста. Этим вы только мешаете друг другу. Желаю вам, милые мои попутчики, счастливого пути, здоровья, бодрости, хорошего аппетита...

— Мама-а-а-а! — взмолился папа не своим голосом.

— Советую вам, мои милые попутчики, никогда никуда не спешить. Вообще живите так...

— Мама-а-а-а-а-а!

Еле-еле успели сойти на перрон, и поезд тронулся с места, а проводница крикнула:

— Никогда еще такой засони не видела!

Бабушка Анфиса Поликарповна спокойно объяснила:

— Сон продляет человеку жизнь. Чем больше спишь, тем дольше живешь. А укорачивают жизнь любые волнения, в том числе и самые пустяковые... Что у вас сегодня на обед?

— Не знаю, — ответил папа, — какая-то еда. Но в честь вашего приезда, мама...

— Питаться надо разумно и вкусно, регулярно и калорийно, — сказала бабушка Анфиса Поликарповна. — Я придаю еде большое значение.

Была она невысокого роста, полновата, но подвижна, легко катилась, как колесик, и без умолку говорила:

— Обожаю разумный образ жизни. В этом я ни на кого не надеюсь. Устраиваю себе жизнь сама. Ни в чем себе не отказываю. Не замечаю, кстати, своих семидесяти шести лет. Терпеть не могу, когда меня называют бабушкой. Я жизнерадостна и свободолюбива!

С каждым ее словом папа мрачнел все больше и больше, а Шурик тоскливо думал о том, что его теперь ждет.

Когда пришли домой, бабушка Анфиса Поликарповна сразу начала командовать, и все старательно, торопливо выполняли ее неторопливые указания. Никто сначала этого и не заметил: просто все бежали, суетились, мешали друг другу, а бабушка Анфиса Поликарповна повторяла:

— Да не волнуйтесь вы, не волнуйтесь. Да не спешите вы, не спешите.

Наконец сели за стол. Дедушка сказал довольно наставительным тоном:

— За Шуриком, уважаемая Анфиса Поликарповна, нужен глаз да глаз.

— И не подумаю! — весело отозвалась она. — Это за мной нужен глаз да глаз. Ведь я нахожусь на пенсии, то есть на заслуженном отдыхе. Вот и сюда я приехала отдыхать.

— Но, мама! — воскликнула мама. — Я же писала тебе, что Шурик отбился от рук, стал плохо учиться...

— Это его личное дело. Мне, пожалуйста, еще тарелочку этого превосходного супа. Отбился от рук? А мне-то что? Плохо учиться? А при чем здесь я?

— Я ничего не понимаю, — растерянно проговорил папа, все еще не притронувшийся к супу. — По нашей договоренности с вами Шурик остается у вас на руках...

— У? Меня? На? Руках? — Бабушка Анфиса Поликарповна совершенно откровенно рассмеялась, почти расхохоталась. — Он что? Грудной младенец? Или ясельного возраста? Суп действительно выше всяких похвал. Только лаврового листа я бросила бы чуть поменьше. Вы, дорогие мои, не волнуйтесь и не спешите с выводами. Все у нас с внуком будет в полном ажуре, если он более или менее нормальный человек. И не я, конечно, буду за ним ухаживать, а он — за мной! Я ему не нянька, а бабушка со стороны матери. Обеды готовить он умеет? Ну, самый обыкновенный суп он сварить, я надеюсь, может?

Тишина — в ответ.

В ответ — тишина.

Ее, тишину, удивленным голосом нарушила бабушка Анфиса Поликарповна:

— И полы он мыть умеет? Ну, если плюс ко всему этому он способен погладить себе рубашку и брюки, то мы с ним прекрасно проведем время.

Ах... ах... ах, какая наступила тишина...

Папа молчал нервно.

Мама молчала растерянно.

Дедушка молчал грозно.

Шурик молчал с интересом.

Бабушка Анфиса Поликарповна молчала с любопытством.

— Он же еще ребенок! — испуганно воскликнула мама.

— Не отрицаю. А соуса у вас не приготовлено?

— У нас нет никакого соуса! — в высшей степени нервно ответил папа. — А может быть, у нас и есть соус! К вашему сведению, мама, ребенок должен не обе-ды готовить, не полы стирать и не белье мыть, то есть наоборот, а у-чить-ся!

— Чему учиться? — поинтересовалась бабушка Анфиса Поликарповна, принимаясь за жаркое. — Чему учиться?

— На одни пятерки!

— Я спросила, не на ЧТО учиться, а ЧЕМУ он учится. И учтите, что с соусом жаркое было бы значительно вкуснее. Мне еще кусочек, пожалуйста. Мальчик должен расти настоящим мужчиной, а настоящий мужчина должен уметь все делать сам, чтобы ни от кого не зависеть, в том числе и от бабушек. Шурик — будущий мужчина...

— Но учеба, учеба, учеба! — сердито и принципиально перебил папа. — Мы мечтали, чтобы он вырос потомственным абсолютно круглым отличником.

— Я готова к сладкому, — сказала бабушка Анфиса Поликарповна. — Будет он у вас каким угодно отличником, если вы перестанете трястись над ним. Он у вас совершенно затумканный.

— Это как прикажете понимать? — совсем оторопело спросил папа.

— Затумканный. Ну, очень уж несамостоятельный. Словно пришибленный какой-то. Вполне мог нести с вокзала мой чемодан. Нет, ему даже этого не доверили.

— Он маленький, мама, — сквозь зубы процедил папа.

— Тем более! Даже маленького чемодана вы ему не доверили.

— Да ребенок маленький, а не чемодан! — очень рассердился папа. — Его главная и единственная задача — отлично учиться!

— Чудесный компот, — похвалила бабушка Анфиса Поликарповна, — правда сахару чуть-чуть переложили. Что это за мальчишка? Не бегает, не прыгает, ни разу никому не показал язык! Не сказал ни одной глупости! Но и умного тоже ничего не сказал. Затумканный, затумканный, затумканный!

— Простите меня, уважаемая Анфиса Поликарповна, — мрачным, глухим голосом сказал дедушка, — но вам нельзя доверять воспитание ребенка.

— Это вам нельзя, я бы сказала, категорически нельзя доверять воспитание ребенка,— спокойно возразила бабушка Анфиса Поликарповна, налив себе еще чашку компота.— Шурика вы просто пере-за-воспитали. Пере-старались. Ему надо отдохнуть от воспитания и учебы. Скажи мне, внук, чего ты больше всего желаешь?

— Не знаю,— тихо и виновато ответил Шурик.— Очень многого я желаю.

— Тогда неплохо. Я постараюсь, чтобы большинство твоих желаний исполнилось! — Бабушка Анфиса Поликарповна подмигнула Шурику.— Но и о своих желаниях я, естественно, не забуду. Внук, ты должен научиться варить такой прекрасный компот! Ты ведь можешь быть круглым или еще каким тамнибудь отличником?

— Конечно, могу. Потомственным абсолютно круглым. Если отдохну.

— Вот, вот! А я приложу все усилия, чтобы захотел стать еще и хорошим человеком.

— Я очень хочу стать хорошим человеком! — воскликнул Шурик умоляюще.— Даже очень хорошим человеком!

— Великолепно, великолепно,— устало похвалила бабушка Анфиса Поликарповна.— Великолепно, что ты хочешь стать очень хорошим человеком. Можно считать, что о главном мы с тобой договорились. Дети, как известно, это будущие взрослые. Но пусть они, дети, пока еще не стали взрослыми, бегают, прыгают, набивают шишки, получают изредка синяки под оба глаза и прочее. Я сама была абсолютно круглой отличницей. Но я умела не только учиться. Понимаете? Учение надо любить. Лишь тогда от него будет радость и польза. А вы, говоря стихами, к учению внушили мальчику отвращение.

— Не понимаю, не понимаю, отказываюсь понимать! — Папа быстро и взволнованно зашагал по комнате. — Ребенок должен учиться! Именно для этого, только для этого он и появился на свет!

— Ребенок должен жить, — улыбаясь Шурику, возразила бабушка Анфиса Поликарповна, — именно для этого и только для этого он и появился на свет — жить! Он должен расти сильным, смелым, задорным, веселым! Он должен быть мастером на все руки, а если он еще и играет в футбол, то и — мастером на все ноги! Компот очарователен!

— Нам пора на поезд. — Дедушка с трудом поднялся из-за стола. — Я уезжаю в ужасном состоянии.

— Может, нам лучше остаться? — почти трагическим голосом спросила мама.

— Тогда уж лучше мне уехать, — весело предложила бабушка Анфиса Поликарповна, — а то вчетвером мы совсем за-ез-дим бедного Шурика.

— Прошу внимания! — громко и грозно сказал папа. — Объясните нам, мама, почему вы противопоставляете задачи воспитания и обучения всей остальной жизни? Почему вы отрицаете ведущую роль учебы в жизни ребенка?

— А мы спросим об этом внука, — предложила бабушка Анфиса Поликарповна. — Слушаем тебя, внук.

— Я говорил им, чтобы они не волновались, — тихо и виновато ответил Шурик. — Я говорил им, что все будет хорошо. Я отдохну и с новыми силами примусь за учебу.

— Чего же вам еще надо?! — поразились бабушка Анфиса Поликарповна. — Ребенок мыслит абсолютно здраво.

— Я надеюсь на тебя, мама, — неуверенно произнесла мама. — И, пожалуйста, отвечай на мои письма. Нам пора на поезд.

— Провожать вас, с вашего разрешения, я не пойду, — сладко зевнув, сказала бабушка Анфиса Поликарповна. — Я лучше вздремну. Письма я писать не люблю и не буду. А вот Шурик будет подробно описывать нашу жизнь. Счастливого вам пути, дорогие. Ни о чем не беспокойтесь.

Расставание было печальным, одна гостя была веселой.

Дорога на станцию показалась Шурику невероят-

но длинной, потому что все удрученно молчали и вздыхали иногда по очереди, а иногда враз.

И поезд не приходил неимоверно долго.

— Не волнуйтесь за меня, пожалуйста, — сказал Шурик, — я буду вести себя нормально. Вы будете мною довольны.

А когда поезд ушел, Шурик почувствовал себя настолько одиноким, что подумал: «Может, зря я захотел свободной жизни? Может, лучше бы, если бы никто никуда не уезжал, а я все лето опять бы учился?»

Домой он побрел медленно, словно ему не хотелось туда возвращаться. Но он вспомнил, что вечером к нему придет проситься на ночлег дядя Коля — бывший поп Попов, и сразу повеселел.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Дядя Коля видит поразительный сон, в котором он, бывший поп Попов, встречается с самим господом богом, оказавшимся неплохим специалистом в вопросах развития современного футбола и пытавшимся пробить по воротам дяди Коли пенальти

Шурик Мышкин убежал домой, а дядя Коля, снова вскипятив самоварчик и неторопливо его осушив, то есть выпив, собрал свои вещи, прилег на травку и опять уснул на самом солнцепеке, и опять богатырским сном.

Уж лучше бы он и не ложился спать!

Такой он увидел сон, что мучился потом...

Поразительный это был сон.

Но, прежде чем этот сон описывать, должен я, уважаемые читатели, уточнить с вами одно немаловажное обстоятельство. Нам-то с вами легко: мы-то знаем, что сейчас дядя Коля увидит сон. Но ведь сам-то бывший поп Попов, когда окажется в поразительном сне, не будет знать, что это сон, а станет по-настоящему, очень серьезно все увиденное переживать.

А приснилось ему вот что и вот КТО...

Будто бы оказался он, дядя Коля, в совершенно неизвестном месте, но чем-то удивительно знакомом.

Дядя Коля огляделся, пригляделся, еще раз огляделся, снова пригляделся и чуть не ахнул от страха и

восторга: ОН БЫЛ НА НЕБЕ! Да, да, он был на небе, на большом, этак с половину футбольного поля, облаке.

А вверх, а вниз, а кругом, а везде — было небо, одно сплошное небо...

Боясь пошевелиться, чтобы не провалиться сквозь облако, дядя Коля все оглядывался и оглядывался, присматривался и присматривался, но — ничего не видел, кроме беспредельного неба и облаков.

«Что же это такое со мной происходит? — очень испуганно подумал дядя Коля. — Преставился, что ли? Помер я, то есть? И вот душа моя вознеслась на небо, что ли?!»

Не мог он поверить, что умер, ведь совсем недавно он был совсем здоровым, вратарем знаменитым собиравшийся стать... И вдруг ноги у дяди Коли подкосились от ужаса. Подумалось ему, что это господь бог наказал его за то, что он, дядя Коля, перестал верить в него, в господа бога!

Дескать, вот тебе за это!

Не бывать тебе вратарем, если попом быть не захотел!

От сознания столь тяжелой вины бывший поп Попов чуть не грохнулся на колени, чтобы помолиться, да испугался: не провалиться бы сквозь облако-то!

Ну, а что дальше-то делать?

Так вот и стоять истуканом?

Ведь и присесть даже не на что!

И не успел дядя Коля самому себе ответить на свой вопрос, как услышал знакомый торопливый голос спортивного комментатора:

— Идет сорок вторая минута первого тайма... Счет не открыт. Ноль : ноль. Веремеев стремительно продвигается по левому краю. К нему бросаются сразу двое защитников. Он посылает мяч направо, к центру. К мячу спешит Блохин. Он обводит одного защитника, второго... Гол!

— Го-о-о-о-о! — раздались в небе радостные детские голоса. — Один : ноль ведет киевское «Динамо»! Ура-а-а-а!

Наступила тишина. Можно сказать, наступила небесная тишина, и дядя Коля явственно услышал шелест крыльев, поднял голову и увидел, что сверху к нему спускаются два ангела. В руках у одного из них был транзисторный приемник.

Это были даже и не ангелы, а этакие ангелята, мальчишки, если можно так выразиться, лет по десяти, одетые — бывший поп Попов глазам своим не поверил! — в белые футболки с буквой «Д» на груди и голубые трусы.

Ангелята опустились рядом с дядей Колей и радостно крикнули:

— Физкульт-привет!

— Привет... привет... физкульт... физкульт,— еле выговорил от изумления дядя Коля, отметив, что один ангелок рыжий, другой — черноволосый, на ногах у них гетры и настоящие футбольные бутсы.

Черноволосый ангелок предложил:

— Поторопимся, сын божий, а то опоздаем к началу второго тайма.

Сколько ни был растерян и ошеломлен дядя Коля, он пересилил себя и спросил:

— Куда торопиться, божьи детки?

Рыжий ангеленок ответил:

— Мы должны были доставить вас к господу, но вы оказались очень уж тяжелым, а мы опаздывали на трансляцию матча. Вот и оставили вас на этом облаке. Полетели!

Ангелята взяли вконец обескураженного дядю Колю под руки, шумно помахали крыльями, словно пробуя их силу, и взмыли вверх, и полетели вперед, в беспредельное голубое пространство.

«Доставить к господу... господи! — с большим испугом думал дядя Коля.— Господи... доставить к господу!»

Ангелята летели небыстро, плавно.

Через некоторое время дядя Коля немного успокоился и спросил:

— А с кем играет киевское «Динамо»?

— А-а, с московским «Торпедо»! — презрительно ответил рыжий ангеленок.— Слабенькая команда!

— Киевляне — команда мирового класса! — с гордостью воскликнул черноволосый.

«Святых небес достиг футбол»,— с благоговением подумал дядя Коля, а вслух сказал:

— Я верую в «Торпедо».

Тут ангелята так долго и громко хихикали, далеко закинув головы — рыжую и черную — назад, что едва не выпустили из рук дядю Колю.

Еле-еле справившись с хихиканьем, рыжий ангеленок проговорил серьезно:

— Господь простит тебе, раб божий, заблуждение. Черноволосый ангеленок добавил:

— Милосердие господя безгранично, но пора бы знать силу киевского «Динамо». Идем на посадку!

Они медленными и плавными кругами стали снижаться на большое, размерами в несколько футбольных полей, облако, осторожно поставили на него дядю Колю.

Всего он ожидал здесь, на небе, самого невозможного, немыслимого, невообразимого, недоступного простому человеческому уму, но то, что увидел бывший поп Попов здесь, на небе, заставило его в полнейшем изнеможении покачнуться и с большим трудом удержаться на мгновенно ослабевших ногах.

Дядя Коля оказался перед... цветным телевизором! Да, да, перед обыкновенным земным цветным телевизором, на экране которого волк мчался за зайцем в одной из серий мультика «Ну, погоди!».

А перед телевизором полукругом, тесно прижавшись плечиками друг к дружке, сидели ангелята, штук этак двадцать.

Увидев ангелят-приятелей и дядю Колю, они загалдели:

- Да не сюда его!
- К господу ведь велено!
- Опять вы все перепутали!
- Смотреть не дадут!
- К господу его, к господу!
- Скоро второй тайм начнется!

И все ангелята — штук этак двадцать — нестройным хором прокричали:

- К господу его, к господу!

Рыжий и черноволосый подхватили ошеломленного бывшего попа Попова под руки и заставили бежать, затем взлетели с ним на гору из облака и...

...и упал бывший поп Попов от неожиданности, благоговения и страха на колени, громко и исступленно повторяя:

- Слава тебе, господи! Слава тебе, господи!
- Встань, сын мой,— устало проговорил господь бог,— или, еще лучше, сядь. А вы, мелкие хулиганы,— обратился он к ангелятам,— марш к телеviso-

ру. За безобразное отношение к своим ангельским обязанностям вы мне потом ответите!

Когда ангелята, радостно взвизгнув, исчезли, господь бог присел на облако рядом с дядей Колей и виноватым голосом объяснил:

— Никакой дисциплины среди юного ангельского поколения. В голове у них один футбол, прости меня, господи, как говорится. Хорошо еще, что в хоккей играть не могут — крылья часто ломают. Вот кончат смотреть телевизор, начнут мяч гонять до полного, я тебе скажу, изнеможения. — Господь помолчал и еще более виноватым голосом продолжал: — А меня судить заставят, тоже до полного изнеможения. Но способные есть игроки... Эх, если бы нам сюда, на небеса, хорошего тренера!

— Господи! — воскликнул дядя Коля. — Прости меня, грешного, но ведь все в твоих руках, господи! Ты весь мир сотворил!

— Но футбол придумал не я. И потом, сын мой, в спорте надо быть честным. Побеждает достойный. — Господь бог опять помолчал. — Знаешь, Коля, захотелось пожить по-человечески. Ведь на каждый чемпионат мира по футболу собираюсь. Но все дела, дела, дела, заботы всякие... Трудно совместить божеское с футболом. Вот и не обижаюсь, не сержусь, не гневаюсь, что бросил ты меня. Счастливой тебе дороги в большой футбол.

— Господи! — взмолился дядя Коля, упав на колени. — Неужели ты, всемогущий, не властен...

— Над футболом — нет! — строго оборвал господь бог. — Я тебе не какой-нибудь джинн из кувшина. Не желаю вмешиваться в дела футбольные. А то давным-давно чемпионом мира стало бы московское «Торпедо», прости меня, грешного, как говорится!

— Да ну?! — Дядя Коля, очень пораженный, так и сел. — А ваши ангелята...

— Разумом они пока еще очень слабы! — грозно произнес господь бог, помолчал, вытянув шею, к чему-то прислушиваясь, вздохнул, опустил голову. — Киевляне второй гол забили... Болеть надо, сын мой, не за ту команду, которая в данном сезоне преуспевает, а за ту, которую полюбил всем сердцем раз и навсегда.

— Так ведь и я за «Торпедо», господи!

— Перспективная команда. — Господь бог удовлет-

воренно кивнул.— Играет, правда, нестабильно. Много доставляет нам, болельщикам, и радостей, и, увы, огорчений.

— Господи, господи! Но вы-то как... это... ну... как вы-то болельщиком стали?

Господь бог поправил нимб над головой, почесал затылок, ответил неохотно:

— Во-первых, пути господни неисповедимы. Во-вторых, по-моему, все это сатана подстроил. До сих пор никто не знает, как у нас в царстве небесном оказался цветной телевизор. И кто его включил в то самое время, когда транслировался футбольный матч.

— А куда вы его, телевизор-то, включаете?

Господь бог обиженно поджал губы и скромно отозвался:

— Ну, это я как-нибудь умею... Но, сын мой, к делу. Тебя я вызвал вот для чего. Кой-какие навыки тренерской работы у меня есть. Литературу специальную, журналы, газеты читаю довольно регулярно... И вот что ты должен, так сказать, бывший сын мой, уразуметь. Я не стал карать тебя за то, что отрекся от меня...

— Прости, господи!

Отмахнувшись, господь бог продолжал:

— Ты решил стать футболистом. Я лично буду следить за каждым твоим шагом, и, как говорится, не дай бог тебе разгневаться на меня равнодушным отношением к игре. Или ленью на тренировках. Футбол требует от спортсмена полной отдачи сил,— назидательно говорил господь бог.— Ты всегда обязан быть в отличной спортивной форме. Я имею в виду, конечно, не трусы и майку, а состояние твоих моральных и физических качеств.

— Клянусь, господи, всегда быть в отличной спортивной форме!

— Далее. При твоём росте и весе, как говорится, дай бог каждому, у тебя почти совершенно нет прыгучести.

— Правильно, господи! Будет у меня прыгучесть!

— Развивай цепкость пальцев,— наставлял господь бог.— Чтобы мяч был в них как приклеенный. Не дай бог, как говорится, выпускать мяч из рук.

— Повинуюсь, господи! Не случится такого!

— Осторожнее и разумнее действуй на выходах. Но и не бойся покидать ворота, если это необходимо.

Внимательно изучи книгу Льва Ивановича Яшина «Записки вратаря». Учись у него не только технике и тактике, но и честному, бескорыстному, беззаветному служению отечественному футболу.

— Твоя воля, господи!

— И еще! — сурово продолжал господь бог. — Специально работай над взятием одиннадцатиметровых ударов. Чтобы они стали для тебя обычным делом.

— Так и будет, господи!

— И последнее. На производстве или вообще куда поступишь работать будь примером для других. Это тоже закон спортивной жизни. Тебе, безбожнику, многому придется учиться заново. Можешь не верить в меня, — господь бог уныло махнул рукой, — но не забывай моих советов. Они скорее просто спортивные, чем божеские.

— Я твоих советов вовек не забуду, — с благодарностью в голосе сказал дядя Коля.

— Дай-то бог, как говорится, — грустно ответил господь бог. — А сейчас пойдем немного разомнемся... — Он встал, прислушался, вытянув шею. — Вот и «Торпедо» отквитало один гол!.. Играть мне с моими ангелами неудобно, но, когда их нет, мы с одним апостолом отрабатываем одиннадцатиметровые. Он — в воротах, я — бью.

Лоб дяди Коли мгновенно покрылся очень холодным потом. Только представьте себе, уважаемые читатели, сейчас ему, хоть и бывшему, но попу, слуге господню бывшему, будет бить по воротам сам господь бог.

В совершенно страшном смятении дядя Коля и не заметил, как оказался между стойками, а в одиннадцати метрах от него перед мячом, в торпедовской форме, правда, с нимбом над головой, предстал господь бог.

— Готов, сын мой? — спросил он.

В горле у дяди Коли до того пересохло, что он даже и не попытался ответить, лишь судорожно кивнул несколько раз.

Господь бог отошел далеко от мяча, поправил нимб над головой, решительно двинулся вперед, занес для удара ногу и...

...и...

...и дядя Коля проснулся!

Проснулся он весь в очень холодном поту, долго не

понимал, где он, что с ним, и даже некоторое время не мог никак сообразить, кто он.

Сначала дядя Коля вспомнил, кто он такой, затем догадался, где он находится, и только после этого осознал, что спал и видел поразительный сон. Сам господь бог собирался бить ему по воротам! По воротам ему бить собирался сам господь бог!

А вот что интересно... Интересно вот что...

Дядя Коля вскочил на ноги.

Интересно: пропустил бы он гол или нет?

В великом смятении дядя Коля взглянул на небо и еле слышно, но в высшей степени страстно прошептал:

— Господи, был бы гол или нет?

Конечно, с неба ни ответа ни привета. А дядя Коля не мог успокоиться.

Эх, как жалко, что он не вовремя проснулся!

А что, если снова заснуть?

Сказано — сделано. Дядя Коля рухнул на траву во весь свой богатырский рост, крепко-накрепко закрыл глаза и даже попытался захрапеть. Но чем крепче он жмурил глаза, чем громче старался храпеть, тем яснее становилось, что ему сейчас ни за что не заснуть и уже никогда не узнать, взял бы он или не взял пенальти от самого господа бога!

Грустно стало дяде Коле, а потом даже и тяжело. Но пора было идти к Шурику Мышкину, хорошему человеку, обязательно рассказать ему о поразительном сне и задать невероятно важный для дальнейшей судьбы дяди Коли вопрос:

— А забил бы или нет мне одиннадцатиметровый сам господь бог?

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Самый ужасный конфуз,
обнаруженный бабушкой
Анфисой Поликарповной.

Появление футбольного тренера Жоржа Свинкина,
личности предельно подозрительной
и на редкость хитрой

И мы, уважаемые читатели, вместе с дядей Колей спустимся, как говорится, с небес на грешную землю.

— Никаких попов, даже бывших! — весьма возмущенно сказала бабушка Анфиса Поликарповна.

— Он уже давно не поп, а будущий вратарь, — упавшим голосом возразил Шурик. — Он станет замечательным футболистом.

— И футболистов никаких! — еще более возмущенно заявила бабушка Анфиса Поликарповна. — Пустить в квартиру на ночь попа, вратаря и футболиста! Ужас!

— Ужаса никакого, — еще более упавшим голосом возразил Шурик. — Бывший поп, вратарь и футболист — это один дядя Коля. У него самоварчик есть, соленые огурцы, луковицы во-о-о какие, сало...

— Сало я в пищу не употребляю! — презрительно оборвала его бабушка Анфиса Поликарповна. — Ты лучше подумай, дорогой внучек, чем мы с тобой будем полдничать и ужинать? Неужели скудными остатками обеда? А что у нас завтра на завтрак?

— Тогда я уйду с ним, — нерешительно проговорил Шурик. — Я не могу бросить его одного. Ему негде ночевать. Я пригласил его — и вдруг... Нет, нет, он будет ночевать здесь! Я обещал!

— А я тогда вызову милицию, и заберут твоего поповского вратаря куда следует. И уж точно выяснят, поп он, вратарь или обыкновенный жулик.

— Вы не имеете права так говорить! — Шурик вскочил и даже очень крепко сжал кулаки. — Вы его в глаза не видели! А он, дядя Коля, замечательный человек!

— О, у тебя, дорогой внучек, оказывается, есть характер! — с большим уважением заметила бабушка Анфиса Поликарповна. — Это замечательно. А то, что дядя Коля, твой бывший поп, замечательный человек, меня не касается. Что будет, если все замечательные люди станут приходить к нам ночевать?

— Я уйду с дядей Колей искать ему ночлег, — совсем тихо и не совсем твердо произнес Шурик.

— Пожалуйста, пожалуйста, уходи, уходи. — Бабушка Анфиса Поликарповна явно обиделась. — Уходи, пожалуйста, уходи, — насмешливо продолжала она, — а я посмотрю. Я люблю, я обожаю смотреть, как люди делают глупости... Интересно, а чем я буду питаться, когда ты уйдешь? Ты об этом подумал?

— Чем вы будете питаться? Питаются пищей.

— А я и не знала! — Бабушка Анфиса Поликарповна гордо и оскорбленно поднялась. — Где тут нам с

тобой оставленные деньги? Мы их с тобой разделим, дорогой внук, на две равные части. И будем отдельно друг от друга питаться пищей. Итак, где оставленные нам с тобой деньги?

— Понятия не имею. — Шурик пожал плечами. — А у вас разве нет денег?

— Немножко есть. Но слишком мало. Неужели они, твои родители, ничего не говорили тебе о том, на какие деньги мы будем с тобой питаться пищей?

Шурик отрицательно помотал взъерошенной головой.

— Какой конфуз! — жалобно и возмущенно воскликнула бабушка Анфиса Поликарповна. — О! — Она в бессилии опустилась на стул. — Это что же такое получается?! Смерть от голода... Шурик, что ты как воды в рот набрал? Я чуть не упала от ужаса, а ты даже не пошевелился!

— Я не знал, что вы собираетесь падать, — уныло ответил внук. — Скоро придет дядя Коля, и мы с ним пойдем куда-нибудь искать ему угол.

— Нет, нет, дорогой внук, никуда ты не пойдешь, пока мы с тобой не найдем выхода из создавшегося положения... Ну, почему ты молчишь?

— А что мне говорить?

— Скажи, например: бабушка, успокойся.

— Бабушка, успокойся, пожалуйста.

— Вот, мне сразу стало легче. А я и не беспокоюсь, внучек. Я просто злюсь. Вместо отдыха — самый ужасный конфуз! Но будем действовать. Обыщем в квартире каждый уголок. Постараемся обнаружить деньги. Предположим наиболее страшное: денег мы не найдем. Тогда будем ждать письма от твоих преступно-забывчивых родителей... Но ведь за это время мы можем погибнуть с голоду... — Бабушка Анфиса Поликарповна очень тяжело передохнула. — Остается еще одно: ждать твоего поповского вратаря. Если он не вызовет у меня особых подозрений, пусть ночует. А я впервые в жизни поем сала.

Шурик от радости пискнул и запрыгал по комнате, но бабушка Анфиса Поликарповна остановила его грозным голосом:

— Прекрати радоваться раньше времени! Дня два-три-четыре мы продержимся. Дальше — мрак, неизвестность, голод. Ты не знаешь, сколько времени че-

ловек может прожить без пищи? Не знаешь. А я забыла. Нам придется лежать и не двигаться, чтобы экономить силы... Сначала я иду на проверку запасов продовольствия, затем будем разыскивать деньги.

Она стремительно ушла на кухню, а Шурик запрыгал по комнате: ведь скоро придет дядя Коля, который считает его, Шурика Мышкина, хорошим человеком!

Из кухни раздался голос бабушки Анфисы Поликарповны:

— Конфуз, честное слово, конфуз! Самый ужасный конфуз! От обеда, оказывается, ничегошеньки не осталось! Только вот компот остался, но я его уже допила! Посуду не вымыли! Рассчитывали, что это сделаю я! А я уже семнадцать с половиной лет не мыла посуду! Кошмар! Я безумно хочу есть! Я скоро упаду в обморок — и очень глубокий обморок — от голода! — Она вошла в комнату, остановилась, покачнулась. — Ты умеешь ходить в магазин?

— Конечно, — подумав, ответил Шурик. — С мамой. Или с папой. Или с дедушкой.

— Кошма-а-а-ар... — Бабушка Анфиса Поликарповна дошла медленно-медленно до дивана, легла, зашептала: — Сначала я росла избалованной дочерью, затем — избалованной женой, а семнадцать с половиной лет — избалованной бабушкой. Я умею только руководить. Но для этого мне нужны умные, опытные, знающие подчиненные. А как же руководить тобой, если ты, как я, ничего не умеешь делать?.. Скорее бы пришел твой вратарский поп или поповский вратарь! Ведь он-то уж наверняка может сходить в магазин! Учти, что если я минут через двадцать девять не приму пищу, то упаду в очень глубокий обморок!

— Придумал! — радостно крикнул Шурик. — Придумал! А... а... а холодильник?

— Ты гений, внучек! — еще радостнее крикнула бабушка Анфиса Поликарповна. — Я обшарила всю кухню, а на холодильник не обратила внимания. Вперед, к еде!.. Шурик! Шурик! — позвала она уже из кухни и, когда внук пришел за ней следом, растерянно спросила: — Ты не знаешь, каким образом делают яичницу с колбасой? А?

— Мама говорит, что нет ничего проще.

— Это я тоже знаю. Вообще-то можно поест кол-

басу и так. Но, жаренная с яичницей, она полезнее и вкуснее!.. Вот что, дорогой внук.— Бабушка Анфиса Поликарповна ненадолго, но довольно глубоко призадумалась.— Быстренько иди к соседям и разузнай, как именно готовят яичницу с колбасой. Только ничего не перепутай. Учти, что моя жизнь в твоих руках. Через двадцать семь с половиной минут я, по всей вероятности, упаду в невероятно глубокий обморок от недоедания.

Вышел Шурик на лестничную площадку и остановился в нерешительности: к кому же из соседей идти? Поразмыслив, он отправился в соседний подъезд к тете Варваре — мама всегда обращалась к ней за советами по разным кухонным делам.

Тетя Варвара, очень высокая, худощавая старушка, которая ни секунды не сидела без дела, непрестанно суежилась, выслушала Шурика и поразились:

— Тебя одного, что ли, оставили?!

— Нет, с бабушкой. Она сегодня приехала. Она страшно хочет есть, но, как я, ничего не умеет готовить. Она, как я, помнит только, как надо есть. И примерно минут через двадцать пять от недоедания упадет в невероятно глубокий обморок.

Когда тетя Варвара сердилась, она говорила басом. Вот и сейчас она пробасила:

— Это еще что за чудо-юдо морское к тебе вместо бабушки приехало?! Которое яичницу с колбасой готовить не способно?! Да ведь такую тунеядницу по телевизору показывать надо! Детей бедных там все время критикуют! А тут бабушка — тунеядка ленивая! А в остальном она нормальная?

— Она интересная, — ответил Шурик.

— Чем же это она интересная? — возмущенно пробасила тетя Варвара. — Тем, что может тебя с голоду уморить? Подумать ведь страшно: родная бабушка и... ту-не-яд-ни-ца! Чудо-юдо морское! Может, она чем-то болеет?

— Нет, нет, она очень здоровая, но без пищи долго жить не может.

Минут девять таким образом возмущалась, удивлялась, поражалась, сердилась, негодовала и металась по кухне тетя Варвара, а Шурик, склонив набок взъерошенную голову, уныло думал о том, что время идет, минуты мелькают и бабушка Анфиса Поликарповна

вот-вот упадет в невероятно глубокий обморок от недоедания. Но остановить тетю Варвару, метавшуюся по кухне, он не мог, сколько ни пытался.

Только раскроет он рот, чтобы напомнить о своей голодной бабушке Анфисе Поликарповне, как тетя Варвара грозно пробасит:

— По-мол-чи! — И продолжает возмущаться, удивляться, поражаться, сердиться, негодовать и метаться по кухне.

И, набравшись смелости, Шурик громко перебил:

— Она уже! Она уже в невероятно глубоком обмороке от недоедания! Двадцать семь с половиной минут прошло! Спасайте!

— И не подумаю! — Бас тети Варвары стал угрожающим. — Я всю жизнь с детским тунеядничеством боролась. Теперь буду бороться с бабушкиным тунеядничеством. Может, еще удастся ее перевоспитать! Пусть твое чудо-юдо морское, — бас тети Варвары стал еще более угрожающим, — само сюда придет! Я ему покажу, как яичницу с колбасой жарить! Я ему покажу, чуду-юду этакому!

— Тетя Варвара! — взмолился Шурик. — Ее не перевоспитывать, а кормить надо! Вы, пожалуйста, боритесь с любым тунеядничеством сколько вам угодно, но ведь моя-то бабушка лежит в невероятно глубоком обмороке от недоедания! Мне ее накормить надо немедленно!

— Ничего, ничего, ничего с твоей родной лентяйкой не сделается. Лентяи долго живут. Пусть сама ко мне приходит. Я ее отучу при родном внуке в обморок от недоедания падать. Посылай ко мне свою тунеядку.

Домой Шурик возвращался как можно медленнее, напряженно соображая, как передать решение тети Варвары. И ничего, конечно, придумать не мог.

Подойдя к дверям своей квартиры, Шурик уловил за ними густой запах съестного.

Открыв двери, бабушка Анфиса Поликарповна неимоверно радостно сообщила:

— Твой вратарь — великолепный кулинар! Мы съели уже одну сковородку! Вкуснота необыкновенная!

— Дядя Коля пришел? — чуть ли не закричал Шурик.

— Пришел, конечно, пришел! Куда он денется?

Только он, оказывается, не Коля, а Морж! И не вратарь, а...

— Какой Морж?!

— Клетчатый и... полосатый.

И тут раздался довольно-таки противный, хриплый, чуть-чуть скрипучий голос:

— С вашего позволения, не Морж, а Жорж. Позвольте представиться, Шурик: тренер футбольной команды «Питатель» Жорж Робертович Свинкин собственной персоной.

Нет, нет, уважаемые читатели, я не имею права спешить, я обязан подробно описать вам внешне уморительного субъекта, а на самом деле предельно подозрительную и на редкость хитрую личность, которую Шурик увидел на кухне.

Одет этот уморительный субъект был в клетчатый пиджак и полосатые брюки. Вместо галстука у него красовалась огромная, похожая на пропеллер, «бабочка». Его красные ботинки на небывало толстой подошве, если можно так выразиться, поражали воображение, и сам он был достаточно толст.

Маленькие выпуклые глазки находились почти вплотную у плоского, широкого — утиного — носа, под которым рыжела щеточка усов.

Был он совершенно лыс, только над узеньким лбом сохранилась тщательно расчесанная челочка из двадцати шести волосков.

Когда этот субъект, уморительный с виду, а на самом деле предельно подозрительная и на редкость хитрая личность, улыбался толстогубым, широким — от уха до уха — ртом, обнаруживалось, что половина зубов там стальная, а половина — золотая.

От изумления Шурик слова вымолвить не мог, и уморительный субъект хрипло прокрипел:

— Да, да, футбольный тренер Жорж Свинкин собственной персоной к вашим услугам! Надеюсь, мы станем друзьями, Шурик. С твоей очаровательнейшей бабусей я быстро нашел общий язык.

— Это не он... Не он это... — испуганно пролепетал Шурик. — Я его не знаю. И... и... и знать не желаю...

— Морж великолепно готовит!

— Жорж, с вашего позволения.

— Какая разница! — отмахнулась бабушка Анфиса Поликарповна. — Главное, вкусно! Садись, садись,

внучек, он тебя покормит! А какой прелестный он заварил чай!

— Я есть не буду, — отказался Шурик сердито. — Что вам здесь надо? Откуда вы?

— Я уже имел честь сообщить вам, что я футбольный тренер Жорж Робертович Свинкин. Тренирую команду «Питатель», — скрипучей скороговоркой рассказывал незваный гость. — До меня она называлась «Пищевик». Какое неблагозвучие! Поэтому она и развалилась, все игроки разленились и разбежались. Сначала я назвал мою команду «Воспитатель», то есть мы, работники питания, вас питаем. Но оказалось, что уже есть слово «воспитатель». Короче, моя команда «Питатель» зреет, набирает сил, ума и опыта. Мы готовы соперничать с командами самого высокого класса, но... — Он выпучил и без того выпуклые глазки и со скрипом прохрипел: — Но у нас нет приличного, достойного такой команды вратаря! Я объездил десятки городов, просмотрел около сотни вратарей — безрезультатно! Ведь мне нужен вратарь — супер! Вратарь, так сказать, люкс! И вдруг — подарок судьбы! Награда за все мои мытарства! Я уже вижу в воротах моей команды «Питатель» необыкновенного голкипера, который берет все мячи!

— Это вы про дядю Колю? — сразу обрадовался Шурик.

— Да, да! Попов Николай — это и есть супер! Попов Николай — это и есть, так сказать, люкс! — скрипело прохрипел Жорж Свинкин, подняв вверх большой, похожий на полсардельки палец. — Я ведь сам бывший вратарь, знаю толк в нашем голкиперском деле. Попов Николай украсит мою команду.

— Дядя Коля может украсить весь большой футбол, — уточнил Шурик.

— Вполне возможно, но это вопрос будущего. А сейчас ему надо тренироваться, тренироваться и тренироваться под руководством такого опытного, авторитетного тренера, как я. Я разовью его природные способности, передам ему свой немалый опыт и большие знания, и в кратчайший срок Попов Николай станет знаменитостью... Прошу вас! — Жорж Свинкин поставил на стол сковороду. — Питайтесь, наслаждайтесь! — Он положил на тарелку бабушке Анфисе Поликарповне ровно половину яичницы с колбасой, другую поло-

вину — себе, и они с очень большим аппетитом начали есть.

— А как вы узнали про дядю Колю? — настороженно спросил Шурик.

— А это для чего? — и Жорж Свинкин показал вилкой на свое левое ухо, потом на правое. — Человеческий шепот я слышу на расстоянии двенадцати с половиной метров. Я слышал ваш разговор с Поповым Николаем в садике перед поселковым клубом. Затем посмотрел вашу тренировку. Впечатление грандиознейшее!

— Морж, а вы не сварите мне на завтра суп из чего-нибудь? — перебила бабушка Анфиса Поликарповна. — Принцип изготовления яичницы с колбасой я в общих чертах усвоила. Но колбаса и яйца кончились. И какой же обед без супа, уважаемый Морж?

— Я Жорж, а не Морж! — обиделся тренер команды «Питатель». — Морж — это какая-то морская, извините, корова! А суп я из чего угодно могу сварить. Хоть из старых тапочек! И все равно пальчики оближете!

— Из тапочек — это, конечно, смешно, — не унималась бабушка Анфиса Поликарповна, — а я спрашиваю серьезно. В морозильнике что-то есть.

— Да сделаю, сделаю! — отмахнулся Жорж Свинкин. — Я решил помочь Попову Николаю, и он с большой благодарностью согласился.

— Понимаете, Жорж Робертович... — Шурик очень нервничал из-за того, что все еще не мог понять, почему этот уморительный с виду субъект вызывает огромное недоверие. Грубо говоря, он все-таки больше походил на жулика, чем на футбольного тренера. — Понимаете, Жорж Робертович... — растерянно бормотал Шурик и вдруг резко спросил: — А зачем вы сюда пришли и где сейчас дядя Коля?

— Как зачем??? — искренне возмутилась бабушка Анфиса Поликарповна. — А что бы я делала, если бы не его изумительные кулинарные способности?

Жорж Свинкин неторопливо, даже торжественно разлил чай по чашкам, ответил Шурику:

— Я пришел сообщить тебе, что ночевать сюда Попов Николай не придет. В настоящее время он уезжает туда, где его встретят представители моей команды, и завтра же приступит к регулярным тренировкам. Сей-

час же позвольте пожелать вам всего самого наилучшего. Попов Николай будет извещать вас о своих успехах.

— Нет, нет, я иду с вами! — испуганно крикнул Шурик. — Я должен сам поговорить с дядей Колей!

— Но, дорогой Морж! — взмолилась бабушка Анфиса Поликарповна. — А суп на завтра? Вы же обещали! Это непорядочно: дать слово и не сдержать его!

— Я иду с вами, — решительно повторил Шурик. — Я сам должен поговорить с дядей Колей. А вам я не доверяю.

— Будет вам суп, — взглянув на часы, скрипло прохрипел Жорж Свинкин. — Пальчики оближете. Ты мне можешь не доверять, мальчик. Мне достаточно безграничного доверия ко мне Попова Николая.

Он быстренько достал из морозильника мясо, опустил его в кастрюлю с водой, поставил на газ, начал чистить овощи и вдруг озабоченно и хрипло проскрипел:

— Ого-го! Го-ого! Какой же борщ без свеклы?

— Шурик, немедленно организуй свеклу! — взволнованно приказала бабушка Анфиса Поликарповна. — Умоляю! Борщ без свеклы — это действительно недообразие! Миленький, бегом!

Потом Шурик так и не мог понять, почему это он согласился идти за какой-то разнесчастной свеклой и... Он вообще плохо тогда соображал, в его взъерошенной голове все перепуталось. Шурик помнил только одно: дядя Коля обещал прийти к нему ночевать. И никакие жоржи свинкины не должны были помешать этому!

Тетя Варвара страшно долго искала свеклу, так и не нашла и отправилась к соседке. И — как в воду канула. У Шурика от недоброго предчувствия закололо в сердце. Он сразу, вдруг, в один миг понял, что Жорж Свинкин все-таки обыкновенный жулик и задумал по отношению к дяде Коле что-то очень нехорошее.

Оказалось, что добрая тетя Варвара не поленилась сходить за свеклой в магазин, так как ни у кого из соседей этого в данном случае злополучного корнеплода не было.

Примчавшись домой, Шурик узнал, что теперь уже не просто уморительный с виду субъект Жорж Свинкин, а предельно подозрительная и на редкость

хитрая личность — исчез, как говорится, в неизвестном направлении.

Ошеломленный Шурик, борясь с острым желанием разреваться, стоял посередине кухни.

А бабушка Анфиса Поликарповна удовлетворенно говорила, радостно нюхая воздух:

— Очень прелестный аромат! А Морж очень вежлив и воспитан. Прощаясь, он поцеловал мне руку, а тебе просил кланяться. Попробуй, внучек, разрезать эту свеклу на несколько частей. Только будь осторожен. Режь именно свеклу, а не пальцы.

— Да ведь он жулье обыкновенное! — в отчаянии крикнул Шурик. — Он же специально отправил меня за этой несчастной свеклой! И дядю Колю он обманывает! — Шурик неожиданно вскрикнул и долго молчал, чтобы не расплакаться. — Ведь дядя Коля назвал меня хорошим человеком. Не мог он не прийти, не мог он меня бросить, если бы не этот клетчато-полосатый.

— Конечно, этот Морж-Жорж несколько подозрителен, — задумчиво проговорила бабушка Анфиса Поликарповна, — но что заставило его помогать нам?

— Откуда я знаю? Я знаю только одно: в дом пришел неизвестный субъект, а мы и уши развесили. Что вот мне сейчас делать?

— Доваривать борщ. И ждать.

— Чего ждать?

— Событий.

— Нет, я должен идти искать дядю Колю.

— Никуда никого искать ты не пойдешь! — резко возразила бабушка Анфиса Поликарповна. — Твои родители поручили тебе ухаживать за мной, а не за каким-то там дядей Колей — поповским вратарем!

— Он очень хороший человек, — пытался убедить ее Шурик. — Никто в жизни не относился ко мне так замечательно, как он. Мы подружились с ним. И вдруг какой-то Морж...

— Жорж! — очень возмущенно поправила бабушка Анфиса Поликарповна. — Он спас нас от голодной смерти. Почти научил варить борщ. Никуда ты не пойдешь. Точка.

Шурик был в полной растерянности. Он и бабушку оставить не мог, по крайней мере, до тех пор, пока не сварится борщ, и должен был бежать, чтобы успеть до отхода поезда увидеть дядю Колю и узнать, что задумал.

мал сделать с ним клетчато-полосатый подозрительный субъект. Ведь дядя Коля по доброте своей и не догадается, что имеет дело с жуликом.

— Он обещал прийти! — в большом отчаянии воскликнул Шурик. — Он не мог не прийти! А вдруг он попал в беду? Вдруг этот Морж...

— Жо-о-о-орж! — с уважением поправила бабушка Анфиса Поликарповна. — Ничего плохого он нам не сделал.

Шурик вымыл свеклу, очистил, разрезал и положил в кастрюлю.

Вдохнув густой запах, бабушка Анфиса Поликарповна сказала:

— Ты какой-то нервный. Если твой поп хочет быть вратарем, а Жорж — тренер, так тебе надо радоваться их встрече.

В коридоре, можно сказать, истощно задребезжал дверной звонок, занадрывался, можно сказать.

Испуганный Шурик открыл дверь и в страхе отпрянул, увидев перед собой...

Как бы мне описать вам, уважаемые читатели, то, что увидел перед собой Шурик?

Условно можно было предположить, что перед ним стоял человек, так как он стоял и состоял из головы, туловища, рук и ног. Но все это было изранено, испачкано, ушиблено, деформировано. Самое же страшное заключалось в том, что лица у этого существа вроде бы и не было. Целыми остались только глазки, и они сверкали злобой. Вместо носа — что-то невообразимо вздутшее, величиной с крупную картофелину и цвета свеклы. А на месте щек, подбородка и лба — сплошные ссадины, царапины, ранки всяких размеров. На безволосой голове красовались три одинаковые по размерам огромные шишки разных цветов — красная, синяя и черная.

Так что можно было с полным основанием считать, что перед Шуриком стояло некое человекообразное существо в изорванном и запачканном клетчатом пиджаке, рваных и грязных полосатых брюках, в красном полуботинке на одной — левой — ноге. В правой руке существо держало пустой чемодан без крышки.

Оно, это существо, выговорило, с трудом шевеля разбитыми губами:

— Представьте себе — Жорж Швинкин шобшт-

венной першоной. Где прештупник? Где мой футболишт Попов Николай?

И Жорж Свинкин, ибо это был он, мимо совершенно испуганного, пораженного, прямо говоря, ошарашенного Шурика шагнул через порог и прошел в кухню.

Бабушка Анфиса Поликарповна, увидев неожиданного гостя, очень громко охнула.

— Не бойтешь, ушпокойтешь,—сказал Жорж Свинкин.— Прошто я неудашно шошкошил на ходу ш поежда. Выбил шебе непшколко жубов. В ошновном жолотых. Где этот шумашедший прештупник? Я буду ишкать его ш милишией! Шпряталша где?

Шурик понял, что ничего страшного не произошло: дядя Коля никуда не уехал, и то, что хотел сделать с ним Жорж Свинкин, не получилось, не удалось, не вышло!

— Штаканщик воды,— скрипло прохрипел Жорж Свинкин.

— Как вы страшно ужасны,— прошептала бабушка Анфиса Поликарповна.— Можно подумать, что вас избивали человек четырнадцать!

— Я шам! Я шам ражбилша! По шобштвенной воле! На шолном ходу ш поежда! Жа этим прештупником! Он шпрыгнул раньше! Я не мог его ражишкать! А то бы жадушил швоими шобштвенными руками!

— Гошподи! — вырвалось у бабушки Анфисы Поликарповны.

— Не дражнитешь! — Жорж Свинкин обиженно шыгнул тем, что совсем недавно было носом, а стало чем-то вспухшим, величиной с крупную картофелину и цвета свеклы.— Где у ваш жеркало? — Он подошел к трюмо, долго разглядывал свое отражение.— Ш ума шайти! На улишу не пойду. Вше в штороны шарахаются. Жнашит, прештупник не у ваш?

— Нет, нет,— заверил Шурик,— я шам...

— Перештань!

— Простите, Жорж Робертович. Я сам его жду.

— А ешли он ражбилша вдребегги?

— Я считаю,— испуганно и тем не менее авторитетно заявила бабушка Анфиса Поликарповна,— надо немедленно сообщить в милицию. Ведь вы потеряли золотые зубы?

— Жубы я шобрал. И жолотые, и штальные. Так

што беж милииши обойдемша. Куда делша прештупник? Вот ошновной вопрош.

— Расскажите, пожалуйста, что с вами произошло? — попросил Шурик.

Позвольте мне, уважаемые читатели, в последующем рассказе Жоржа Свинкина не передавать его шамаканье. А то вы все равно будете хихикать, а потом, чего доброго, ешиш нашьнете его пердражнивать, и вам от вжрошлых попадет. Да и мне доштанетша.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

О том, как Егорка Хряков
превратился в Жоржа Свинкина
и что из всего этого получилось

Егор Романович Хряков, он же Жорж Робертович Свинкин, был не только с виду уморительным субъектом, но, как и предполагал Шурик Мышкин, личностью предельно подозрительной и на редкость хитрой, хотя, добавил бы я, и достаточно глуповатой.

Сейчас он и вправду числился футбольным тренером, но команды пока не существовало, а было только название «Питатель». Дядя Коля, бывший поп Попов, и оказался первым игроком, который по неопытности согласился иметь дело с такой подозрительной личностью, как Жорж Свинкин, да и то с условием, что он, будущий вратарь «Питателя», обязательно посоветуется со своим другом Шуриком Мышкиным, хорошим человеком.

А обманывать хороших людей Жоржу Свинкину было не привыкаты!

Но он никак не мог даже и предполагать, что на пути исполнения его замыслов встанет всего-то навсего маленький, взъерошенный, похожий на озабоченного воробышка Шурик Мышкин! Именно он и только он помешает бескомандному тренеру Жоржу Свинкину увезти замечательного вратаря и такого же человека дядю Колю Попова.

Увезти же его надо было обязательно и немедленно: ведь послезавтра кончался срок, в который этот тренер должен был найти хотя бы одного достойного игрока. Если такого не случится, Жоржа Свинкина переведут в ночные сторожа, и тогда долго ему еще, а

может быть, и никогда, не видать легкой, красивой, обеспеченной жизни.

Вот о чем сейчас и тревожился изо всех сил тренер без команды!

И, прежде чем продолжить наше повествование, позвольте, уважаемые читатели, хотя бы в общих чертах описать превращение Егорки Хрякова в Жоржа Свинкина.

Если бы его, Жоржа Свинкина, спросили, какие годы в его жизни были самыми ужасными, он бы с нескрываемым гневом ответил:

— Когда мои родители насильно принуждали меня учиться в школе.

А если бы Жоржа Свинкина спросили, какой же день самый счастливый в его жизни, он бы со значительным восторгом признался:

— Когда мои родители грубо сказали мне, что такому тупоголовому остолопу, как я, нет ни малейшего смысла учиться в школе.

Сказано действительно грубо, но зато ведь и точно, да не очень уж и грубо, если учесть причины, по которым у родителей вырвались такие слова. Произносить их, такие слова, родителям было, конечно, больнее, чем сынку выслушивать.

Самое же любопытное и, на первый взгляд, совершенно необъяснимое заключалось в том, что

родители Егорки,
старший и младший братья,
сестренка,
бабушки и дедушки,
дяди и тети,
племянники и племянницы,
даже двоюродные братья и сестры,
тем более, один прадедушка
и две прабабушки —

все родственники Егорки были нормальными, то есть трудолюбивыми людьми.

Один Егорка мечтал о легкой, беззаботной жизни.

Тупоголовие его было не от природы, то есть не от того, что он родился остолопом и никем другим стать будто бы не имел возможности. Так называемое тупоголовие Егорки было результатом постепенно, достаточно медленного, но неуклонного самооболванивания.

Явление это, уважаемые читатели, хотя и наблюдается довольно нередко, изучено совершенно недостаточно. В книгах о нем не пишут, по радио и телевидению о нем ничего не передают, в кино и театрах его не показывают, посему расскажу о нем поподробнее.

Самооболванивание начинается с того, что еще в малом возрасте человек вдруг делает для себя прелюбопытнейшее открытие: оказывается, иногда выгодно прикидываться этаким ничего не понимающим дурачком. Дескать, пусть те, которые умными себя полагают, всякие дела делают, разные работы работают, силы тратят, но он, самооболванец-то, будто бы и не понимает, для чего все это, и живет себе потихонечку-полегонечку.

Вот зачем, например, каждый день выполнять все домашние задания, если спрашивают не каждый день?

А старшим зачем помогать? Что они, сами не справятся?

Или для чего, предположим, на пятерки учиться, если и за тройки никто тебя в милицию не заберет?

Вообще зачем учиться хорошо, когда никто еще не умирал от того, что получал двойки?

Кстати, самооболванец не считает себя лентяем, хотя тунеядец он стопроцентный, но, как мы увидим дальше, несколько своеобразный. Он, видите ли, не ленился учиться, а будто бы не понимает, для чего это надо, когда и без учебы жизнь прекрасна.

Вокруг самооболванца люди трудятся, учатся, занимаются интереснейшими делами, а он и не понимает, что в этом хорошего, если самое приятное на земле дело — ничего не делать.

Ничего не делать полезного Егорка Хряков привык уже годам к шести, когда у него только-только начался процесс самооболванивания. Тогда уже самая малюсенькая просьба — помочь, например, — вызывала в нем панический ужас и не менее паническое отвращение.

А своеобразие Егоркиного тунеядства заключалось в том, что, если ему приходилось что-нибудь делать для себя, — тут уж никакого лентяйства.

Или, к примеру, писал Егорка Хряков прямо-таки потрясающе безграмотно, грязно и некрасиво, зато вот считал замечательно. Правда, и считал-то он довольно своеобразно опять же.

Вот полюбопытствуйте, пожалуйста, уважаемые читатели.

Еще в первом классе спрашивает Егорку Хрякова учительница: сколько будет шесть плюс два?

Он глазки прищурит, губами быстренько-быстренько пошевелит и ласково отвечает: восемь.

Как, по-вашему, уважаемые читатели, он сосчитал? Или просто помнил, что шесть плюс два будет восемь?

Нет, нет! Сосчитал Егорка Хряков вот как. У меня, мол, было шесть рублей, я шел по улице и нашел, умница, два, стало у меня восемь!

Или классе во втором спросит Егорку Хрякова учительница: сколько будет, если из двадцати одного вычесть двенадцать.

Тогда он глазки прищурит, губами быстренько-быстренько пошевелит и зло ответит: девять!

Как, по-вашему, уважаемые читатели, он это сосчитал? Или просто помнил, что, если из двадцати одного вычесть двенадцать, будет девять?

Нет, нет! Сосчитал Егорка Хряков вот так. Была, мол, у меня двадцать одна копейка, а я, дурачок-разиня, двенадцать копеечек потерял, и осталось у меня, недотепы, всего девять.

Вот так арифметика!

Ну, а как он, по-вашему, уважаемые читатели, делал умножение? Оригинальнейшим, я вам скажу, способом.

Сколько будет дважды три? — Всем известно, что шесть. А у Егорки Хрякова в воображении сразу возникает такая приятная картина: ему, сестренке и младшему брату дали по два яблока, а он, герой, взял да и отобрал у родственников фрукты — стало у него шесть!

Ну и арифметика!

С возрастом Егорка Хряков все больше сам о себе ванивался, и это привело его не только к тупогловию, то есть к полнейшему нежеланию и неумению думать, но и к вреднейшему решению: жить лишь для себя, заботиться лишь о себе.

А когда он сменил себе имя на Жорж, то сообразил: кроме легкой работы, есть легчайшая (найди ее!), кроме легчайшей работы, есть наилегчайшая (найди ее!) и т. д.

Свою трудовую деятельность Жорж Хряков начал

с торговли квасом и газированной водой. Занятие это нравилось ему, особенно тем, что работал он сидя.

Вы, уважаемые читатели, вполне резонно можете спросить: а почему он к школе никак приспособиться не мог, бросил ее полуграмотным недоучкой?

Ответ простой: легкой учебы не бывает, а для лентяев она особенно трудна, тяжела и даже невыносима.

Но так как Жорж Хряков хорошо умел считать, а самооболванивание позволило ему относительно быстро научиться хитрить и жульничать, то жизнью своей и сидячей работой своей он был вполне доволен.

И горько жалел Жорж Хряков об одном: никто ему, кроме оболванцев, не завидовал. А ведь он еще в школе мечтал, чтобы ему все завидовали, особенно отличники, чтобы знали они, что жить надо совсем не так, как они живут. И тогда, еще в школе, никто Егорке Хрякову не завидовал, кроме самых отъявленных двоечников, и сейчас никто не завидовал Жоржу Хрякову, кроме самых отпетых оболванцев.

Очень его это огорчало и даже тревожило. Ведь он стремился доказать, что быть таким, как он, и выгоднее, и интереснее, и почетнее, чем быть нормальным человеком, то есть трудолюбивым. Ему хотелось, ему прямо-таки требовалось, чтобы его ставили в пример другим! Чтобы у него учились люди жить! Ведь это было бы торжеством самооболванивания!

И сидел бы себе Жорж Хряков, и торговал бы себе квасом и газировкой, но судьба распорядилась иначе и не в его пользу, а он этого-то сразу и не заметил.

Дело в том, что за выдающиеся показатели по продаже кваса и газировки населению Жоржа Хрякова послали учиться на курсы поваров.

Эх, если б только он знал, чем все это кончится, куда бы он и никогда от кваса и газировки не двинулся!

А он поначалу возгордился, поднял кверху нос, сменил грубую фамилию Хряков на гораздо более нежную — Свинкин. Заодно сменил он и отчество Романович на красивое — Робертович.

Вот так примерно Егорка Хряков превратился в Жоржа Робертовича Свинкина.

На курсах поваров ему пришлось очень худо. Работать он привык сидя, а тут еще от сверхобильной пищи Жорж Свинкин начал стремительно толстеть и за ко-

роткий промежуток времени до того растолстел, что ему врачи буквально приказали заняться спортом.

Долго он выбирал себе вид спорта полегче и в конце концов решил попробовать стать голкипером. Подумалось Жоржу Свинкину, что стоять в воротах все-таки легче, чем бегать, прыгать, грести, крутить педали и т. д. Болельщики прозвали его Дыркой, потому что из десяти мячей, посланных в ворота, он пропускал что-то около девяти с половиной.

Естественно, что из команды Жоржа Свинкина отчислили, чему он был чрезмерно рад. Отчислили его и с курсов поваров и направили работать официантом, сколько он ни просился обратно к квасу и газировке.

А к безостановочному толстению добавилось еще выпадение зубов из-за безграничного поглощения сладкого (за один раз он мог машинально и быстро съесть килограмм двести пятьдесят граммов шоколадных конфет). Пришлось погибшие зубы заменить стальными и золотыми. Этим Жорж Свинкин очень похвально, вместо того, чтобы очень стыдиться и еще больше сожалеть.

И вот он стал официантом. Тяжеленная наступила для него жизнь. Ведь с таким же, как говорится, успехом Жоржа Свинкина могли послать бегать на сто десять метров с барьерами. Правда, в работе официанта барьеров нет, бегать тоже не надо, но зато есть поднос и требуется много и долго ходить, во всяком случае, не сидеть. Вот и вспоминал Жорж Свинкин блаженные времена, когда он сидя торговал газированной водой или квасом.

И еще Жорж Свинкин сожалел, что несколько лет понапрасну потратил на школу: надо было научиться только считать да и торговать с малых лет. Он мечтал вернуться к сидячей деятельности, но судьба распорядилась иначе, и опять его подвело самообользование.

Из трех кафе и двух столовых уволили Жоржа Свинкина. И как раз в это время в тресте решили вновь создать футбольную команду. И вот тут-то, абсолютно не зная, куда девать неудавшегося повара и еще более неудавшегося официанта, вспомнили не о том, что он когда-то успешно для себя и для населения торговал квасом и газированной водой, а то, что он когда-то

вроде бы был вратарем. Забыли и о том, что болельщики звали его Дырккой за то, что из десяти мячей, посланных в ворота, он пропускал что-то около девяти с половиной.

Жоржу Свинкину предложили стать тренером и приступить к немедленному комплектованию футбольной команды «Пищевик».

И произошло то, чего я лично, уважаемые читатели, не понимаю до сих пор. Жорж Свинкин согласился стать тренером футбольной команды, которой еще не существовало и которую сначала предстояло собрать.

Размышляя над этим решением Жоржа Свинкина, я угадал три причины, по которым стремящийся к сидячей трудовой деятельности самооболванец-тунеядец согласился на такую нервную и хлопотливую должность, как тренер.

Во-первых, видимо, так рассудил Жорж Свинкин, тренеру можно работать сидя. Во-вторых, как, видимо, полагал он, нет ничего на свете проще и легче, чем отдавать приказы и распоряжения. В-третьих, — и это самое главное, — если бы он не согласился стать тренером, его тут же, как обещали, перевели бы в ночные сторожа.

Жоржу Свинкину так и сказали:

— Предоставляем тебе последнюю возможность купить свою вину перед трестом ресторанов и столовых. Найди для начала хотя бы одного замечательного игрока к такому-то сроку. Не найдешь — тут же отправишься в ночные сторожа без права перехода на другую работу в течение нескольких лет.

Два месяца и три дня Жорж Свинкин очень трудился: сидя придумывал название команды. И вот уже полгода, кроме названия «Питатель», у этого тренера никого и ничего не было. Пришлось ему отправиться на поиски игроков, вернее, хотя бы одного замечательного игрока.

И когда бескомандный тренер после долгих и бесполезных скитаний обнаружил уникального вратаря, на пути встал маленький, взъерошенный, похожий на озабоченного воробышка какой-то Шурик Мышкин!

Применив всю свою хитрость, всю свою проницательность и, прямо скажу, все свое жульничество, Жорж Свинкин сумел заманить растерявшегося Попова Николая в вагон электрички, даже удержать его (не ва-

гон, конечно, а вратаря) до момента, когда поезд тронулся с места.

Тренер с командой из одного игрока уже настроился блаженствовать, как вдруг Попов Николай будто забыл о растерянности и сверхрешительно заявил:

— А ведь обманул ты меня! Не дал с Шуриком Мышкиным поговорить! Никуда я с тобой не поеду! Я к Шурику! Я обещал!

От неожиданности и злости Жорж Свинкин и ответить-то не успел, и Попов Николай исчез из вагона. Неудавшийся повар и более того — неудавшийся официант, ныне тренер, понимая, что теряет единственного игрока, а приобретает возможность попасть в ночные сторожа, бросился следом.

Дверь из тамбура наружу была распахнута. Уставившись в проем, задохнувшись от плотного, сильнеешего ветра в лицо, Жорж Свинкин от ужасного страха содрогнулся, а от страшного ужаса весь похолодел: как прыгать на полном ходу при его весе и при такой скорости?!?!?!?

Это же наивернейшая смерть!

По-ги-бель!!!!

Но ведь Попов-то Николай прыгнул...

И кем ты хочешь быть, Жорж Свинкин: тренером или ночным сторожем?

Тренером!

Тренером!!

Конечно, тренером!!!

— громко стучали колеса.

Стальные и золотые зубы Жоржа Свинкина тоже постукивали.

А колеса как бы настаивали:

— Не сторожем!

Не сторожем!!

НЕ СТОРОЖЕМ!!!

Тренером!

Тренером!!

ТРЕНЕРОМ!!!

Не от смелости, не от ума, а от самооболванивания, от страха потерять легкую и выгодную сидячую работу, от ненависти к Шурику Мышкину, закрыв глазки, стиснув стальные и золотые зубы, крепко сжав ручку чемодана пальцами-полусардельками, будто ухватившись за него, Жорж Свинкин прыгнул...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Жорж Свинкин продолжает поиски Попова Николая. Шурик Мышкин знакомится с очень веселым центральным нападающим по фамилии Веселых, а по имени Егор

Закончив рассказ о своем прыжке на полном ходу с поезда, Жорж Свинкин с трагическими нотками в хрипло-скрипучем голосе проговорил:

— Колошшальной важности вопрош: как ишкать проходимша Попова Николая, такого негодая? Прощто шидеть? Или ишкать?

— Сейчас перед нами троими,— озабоченно сказала бабушка Анфиса Поликарповна,— стоит одна колоссальнейшая задача — подумать о пище на завтра. Но борщ, уважаемый Жорж...

— К сожалению, я ешть не шпошобен. Жубы выбиты. Губы ражбиты.

— Но борщ, уважаемый Жорж,— бабушка Анфиса Поликарповна весьма строго повысила голос,— но ваш борщ, уважаемый Жорж, абсолютно несъедобен. Я — брррр! — попробовала его и едва не вылила, но руки не поднялись. Почему он, ваш борщ, безвкусен, то есть несъедобен?

А Жорж Свинкин вдруг четыре раза подряд ойкнул, хрипло, скрипло и громко, два раза тихо состонал и проговорил:

— Хоть «шкорую помощь» выживай... вше лишо горит...

— Вам надо в больницу,— сказал Шурик.

— Нет, нет... надо ишкать прештупника.

— А вдруг он разбился и лежит в больнице? — испуганно крикнул Шурик. — Вдруг ему уже делают операцию? Может быть, я сбегая в больницу?

— Жбегать в больнишу? — задумчиво переспросил Жорж Свинкин. — Вдруг операцию делают?.. Поштой, поштой! — Он явно обрадовался. — Это же шветлая мышлы! Только в больнишу отправляюшь я шам! Лишо там приведу в порядок. Жубы вштавлю. Шправки о прештупнике наведу! — И Жорж Свинкин моментально исчез — в одном красном полуботинке на левой ноге.

— Ненормальный... Как он в таком виде пройдет по улицам? — Бабушка Анфиса Поликарповна пожала

плечами.— Дорогой внук, давай решать судьбу борща, а следовательно, и нашу судьбу!

А Шурику все было безразлично. Ни разу в жизни он не переживал так много за один лишь день, который еще не кончился, и очень устал от переживаний, а они тоже еще на сегодня не закончились. Если бы мог он знать, сколько еще ему предстоит сегодня пережить!

Бабушка Анфиса Поликарповна вдруг резко поднялась с места и произнесла совершенно безапелляционным тоном:

— Тебе не избежать похода в магазин за продуктами. Что-то ведь надо есть! Вот, кой-какие деньги я собрала. Посоветуйся с продавцами, обрисуй им ситуацию, в какой мы с тобой оказались,— говорила она, подавая внуку большую хозяйственную сумку,— пораспрашивай покупателей. Ведь продают же консервы всякие, вообще разные съедобные изделия. Удачи тебе, дорогой внук.

Шурик побрел по улице, опутив взъерошенную голову, добрел до садика возле поселкового клуба, машинально присел на скамейку, где сегодня познакомился с дядей Колей, и тихонько заплакал. Ему было до того тяжело и грустно, что он нисколько не стыдился слез.

И его надо понять, уважаемые читатели.

Однако жизнь устроена так, что сразу вслед за огромной радостью вас в ней, в жизни, вполне может настичь не менее огромная беда, а вслед за бедой может привалить и счастье примерно таких же размеров, как беда.

И только Шурику с острой болью подумалось, что он больше никогда не встретится с дядей Колей, и он снова собрался дать волю слезам, как услышал очень веселый голос:

— О чем тут горюешь, товарищ мальчик? Обидел тебя кто? Болит у тебя что-нибудь? Или деньги потерял? Или соринки в оба глаза попали?

Перед Шуриком стоял высоченный, широкоплечий дяденька в синем спортивном костюме и кедах. Он был обрит наголо, зато на загорелом лице красовались огромные черные усы, которые он то и дело покручивал. Видимо, он ими очень гордился и дорожил.

Шурик промолчал, дяденька присел рядом, тоже помолчал немного и заговорил веселым голосом:

— Как утверждал мой любимый командир, старший лейтенант по фамилии Сеница, а по характеру орел, не проходи мимо пожара, бушующего хулигана, старушки и плачущего ребенка. Пожар следует потушить, хулигану показать, где раки зимуют, старушке помочь, а ребенком всерьез заняться, разузнать, что с ним стряслось, и принять все возможные меры для того, чтобы он стал веселым. Надо всегда помнить, говорил старший лейтенант Сеница, что человек, особенно ребенок, создан для счастья, как птица для полета.

Шурик громко вздохнул. Ведь когда человеку не весело, веселые люди его просто раздражают и хочется от них поскорее избавиться, остаться одному со своей бедой.

Поэтому Шурик ответил:

— У меня болел зуб, а теперь уже не болит.

— А у кого ты учился врать? — поинтересовался очень веселый дяденька и даже немного похохотал. — Видимо, сам учился, самостоятельно. Но успехов не добился. Однако, если ты не умеешь врать, значит, ты неплохой человек, то есть вполне хороший. У тебя в руках большая хозяйственная сумка, и ты плакал. Какая связь между большой хозяйственной сумкой и слезами?

Еще немного помолчав, Шурик заметил, что его неприятань к очень веселому дяденьке уже почти растаяла, и он ответил с очень глубоким вздохом:

— Я шел в магазин.

— И заплакал, не дойдя до магазина. Почему? Молчишь. И врать не хочешь, и правду сказать не можешь. Разреши представиться — демобилизованный из рядов Вооруженных Сил Советского Союза младший сержант Егор Веселых. И фамилия у меня такая смешная, и сам я очень веселый человек. И еще я футболист, центральный нападающий. Это тебе что-нибудь говорит?

— Центр... центральный нападающий?! — Шурик в изумлении и восторге всплеснул руками, выронив большую хозяйственную сумку на землю. — Неужели?

— Еще как — ужели! Мечтаю стать таким форвардом, чтобы каждый мой прицельный удар по воротам достигал этой самой цели — гол!

— Но ведь так не бывает, дядя Егор. Не может так быть!

— БЫТЬ не может, а БИТЬ надо!

— Правильно, дядя Егор, правильно! — радостно согласился Шурик. — А я вот знаю вратаря, который мечтает не пропустить ни одного гола!

— Ну, это он... перехватил.

— Но ведь стремиться к этому надо?

— Совершенно верно.

— А в какой команде вы играете, дядя Егор?

Егор Веселых покрутил свои огромные черные усы и ответил:

— Я только вчера домой вернулся. Вот устроюсь на комбинат работать и буду играть в «Строителе». А со временем, рано или поздно, попаду в сборную страны. Не веришь?

— Верю, дядя Егор, абсолютно верю! — твердо сказал Шурик. — По всему видно, что вы хороший футболист.

— Спасибо тебе, парень, на добром слове, — растроганно проговорил Егор Веселых. — Звать тебя как?

— Мышкин. Шурик.

— Давай, товарищ Мышкин, докладывай мне: что все-таки с тобой стряслось? Только помни, что врать ты не умеешь.

Выслушав его самым внимательным образом, Егор Веселых озабоченно покрутил свои огромные черные усы и не менее озабоченно проговорил:

— Вопрос о твоём неумении покупать еду мы подробно обсудим в самое ближайшее время. А сейчас шагом марш в магазин. Я тебе помогу. И бабушку твою накормлю высококалорийной пищей. Как утверждал мой любимый командир, старший лейтенант Синица, основа жизнедеятельности и сохранения энергии человеческого организма — кон-цен-тра-ты! Далее — масло! Обязательно — соль! Еще — сахар! И если ко всему этому иметь лук — объединение! Вперед!

По дороге в магазин Шурик рассказал своему новому знакомому про дядю Колю, утаив, конечно, что он бывший поп, и Егор Веселых вдруг рассердился:

— Я этому твоему дяде Коле не только с одиннадцатиметровой отметки, а с двадцати семи метров десять мячей из десяти забью! Я, знаешь, какой исключительный сон видел? Представляешь, будто бы сам, можно сказать, бот вратарей Лев Иванович Яшин подзывает меня к себе и говорит: «Ну-ка, Егор Веселых,

проверим, на что ты способен. Если забудешь мне из десяти пенальти хотя бы один, быть тебе в сборной страны!» Встал он, бог вратарей, в ворота. Ну, думаю, все равно из десяти хоть один, да забью! Иначе нет мне смысла жить на этом белом свете! Яшин Лев Иванович за каждой ногой моей смотрит. Установил я мяч на одиннадцатиметровую отметку. Отошел я, разбежался и...

— И? — пискнул Шурик.

— И проснулся, — с глубокой горечью ответил Егор Веселых, нервно подергав свои огромные черные усы. — И с тех пор покоя мне нету, как подумаю: забил бы я или не забил гол Льву Ивановичу Яшину, богу вратарей? Хотя бы один из десяти? Но зато после этого исключительного сна тренироваться я стал до изнеможения почти полного. Так что не поздоровится твоему дяде Коле.

— Это мы еще посмотрим, — обиженно отозвался Шурик. — У него отличная реакция. Просто редкая. Опыта, правда, никакого. Он еще не играл ни в одной команде. Вообще в настоящих воротах еще не стоял.

— Тогда мне с ним и делать нечего! — презрительно бросил Егор Веселых и гордо покрутил свои огромные черные усы. — Я человек серьезный, хотя характер у меня и веселый. Для меня футбол не игрушка, а смысл всей моей жизни. Вот почему, думаешь, голова у меня бритая наголо? Пospорил с одним вратарем, что забью его восемь из десяти, иначе прощаюсь со своей кудрявой шевелюрой. А забил семь. Все меня отговаривали, но я условия спора выполнил. Вот и с твоим дядей Колей мы поспорим на его голову и мои усы. Понятно?

— Понятно, — в страхе и уважении прошептал Шурик. — Вы очень серьезный человек, дядя Егор, и усы у вас прекрасные, но... но вы же можете их потерять!

— Тогда так мне и надо! — сурово заключил Егор Веселых и яростно покрутил свои огромные черные усы и ласково погладил их, словно радуясь тому, что они у него еще есть.

В магазине наши новые знакомые закупили много основы жизнедеятельности и сохранения энергии человеческого организма: различных концентратов, а также масла, соли, хлеба, в овощном ларьке — луку.

— Почему же ты такой к нормальной жизни неприспособленный? — спросил Егор Веселых. — Почему даже в магазин самостоятельно сходить не можешь?

— Папа с мамой и дедушка считают, что главное в жизни — учеба и только учеба. Добиваются, чтобы я стал абсолютно круглым отличником. Мне разрешают лишь учиться.

— Отлично учиться — дело, конечно, хорошее. А больше ничего от тебя папа с мамой и дедушка не добиваются? А костер разжечь в дождливую погоду можешь?

Выслушав предельно грустный рассказ Шурика о его школьной и домашней жизни, Егор Веселых, недовольно покрутив свои огромные черные усы, воскликнул:

— Беру над тобой шефство, товарищ Шурик! Пусть родители и дедушка делают из тебя абсолютно круглого отличника, а я из тебя нормального здорового человека воспитаю! Как говорил мой любимый командир, старший лейтенант Синица, в здоровом теле мозги работают значительно лучше, чем в недоразвитом.

Бабушка Анфиса Поликарповна, открыв дверь, пошатнувшись, спиной прислонилась к стене в коридоре и совсем тихо прошептала:

— Я отравилась, внучек... Я не выдержала и... и съела тарелку борща... Меня всю передергивало, но я ела и... и ела, чтобы не умереть от недоедания... Это кто с тобой? Опять какой-нибудь тренер? И этот попытается отравить меня?

— Никак нет, многоуважаемая Анфиса Поликарповна! — покручивая свои огромные черные усы, громко сказал Егор Веселых. — Я накормлю вас высококалорийной пищей. Разрешите проверить ваш борщ?

Он очень осторожно зачерпнул ложкой из кастрюли, еще осторожнее втянул борщ в рот... проглотил... взглянул на бабушку Анфису Поликарповну... хмыкнул два раза... фыркнул... опять хмыкнул да как расхохочется!

— Ох, насмешили... насмешили... ох... — сквозь смех выговаривал он. — Ох, комедия... вот это отравление... — Он с большим трудом перестал смеяться. — И не противно вам было есть?

— Просто ужасно. Но я была голодна и близка к очень глубокому обмороку от недоедания.

Егор Веселых посолил борщ, попробовал, похохотал, еще посолил и еще похохотал, предложил:

— Вот теперь кушайте на здоровье. Относительно вкусный борщ.

— Какое вопиющее безобразие! — гневно возмутилась бабушка Анфиса Поликарповна. — Это все твой Жорж, внучек! Он что, не знает, что пищу для человека следует обязательно солить? Да, Шурик, там тебе письмо от этого клетчато-полосатого.

Шурик развернул листок, исписанный крупным детским почерком:

**ДАРАГИИ АНФЫЦА БАЛИКРАОВНА ИШУ-
РИК МИНЯ
ДЕРЬЖУТ ВВАЛНИЦЫ ЛИЧИТЬ ВУДТ КОЛЯ
ИСЧЕС ФТЫКАТ МИНЕ НОВЫИЗ УБЫ АБИ-
ЗАТЕЛЬНО НАВИСТИТЕ МИНЯ
ЖОРЖ СВИНКИН
КОРМЯТ НИВАЖНО ИМАЛО**

— Куда исчез дядя Коля? Куда? — печально и растерянно спросил Шурик. — Куда он мог исчезнуть? Зачем? Он же обещал прийти ко мне... А почему Жорж Робертович такой безграмотный? А вдруг он все-таки никакой не футбольный тренер, а... — И он, пока Егор Веселых готовил концентраты для варки, рассказал ему о Жорже Свинкине.

— Проверим мы вашего тренера, — пообещал Егор Веселых. — И дядя Коля твой никуда не денется. Если он даже и разбился, когда с поезда на полном ходу за чем-то прыгал, милиции это, конечно, известно.

— Все это в высшей степени подозрительно, — наставительным тоном произнесла бабушка Анфиса Поликарповна. — Егор... как вас по отчеству?

— Проще простого — Егорович.

— Так вот, Егор Егорович, почему этот безграмотный Жорж не посолил борщ? Нарочно?

— Вряд ли. А вот как вы не догадались? Неужели вы не знаете...

— Если бы я знала все, — довольно насмешливо перебила бабушка Анфиса Поликарповна, — то я бы не сидела с вами здесь на кухне, а заседала бы в Академии наук. Егор Егорович, а ведь Шурик, сам того не

сознавая, попал в весьма и весьма сложное и даже небезопасное положение. На руках у него, можно сказать, беспомощная бабушка, а окружают его совершенно подозрительные личности. Один — безграмотный тренер, другой — вратарский поп или поповский вратарь, я уже запуталась...

— Он не поп! — возмутился Шурик. — Он бывший поп! Теперь он — первоклассный вратарь! Перспективный! Каких еще не бывало!

— Постой, постой, — сурово проговорил Егор Веселых. — Вот это новости! Действительно бывший настоящий поп?

— Да, действительно, — упавшим голосом отозвался Шурик. — Он был попом, но полюбил футбол. Он жить не может без футбола. Он поступает на работу и в команду.

— Вот это новость, — почти мрачно повторил Егор Веселых, задумчиво покрутил свои огромные черные усы и снова принялся резать лук. — Да ведь такого еще не бывало и быть не может! Или он не поп, или... А вдруг он что-нибудь вроде шпиона со специальным заданием? А? Вдруг его забросили в наш футбол... точно, точно! — Он громко расхохотался. — А что? Перед началом матча обе команды молятся, тем самым демонстрируя, что верят не в федерацию футбола, а в несуществующего господ бога! Перед ударом по воротам — молитва! Удачно обвел защитника, остановись, поблагодари господ! Это же, товарищи, собьет ритм игры, снизит скорости!

— Нет, нет, если молитва поможет точнее бить по воротам, я бы не возражала, — не очень уверенно призналась бабушка Анфиса Поликарповна. — Вот рассказывают, например, что иногда некоторые футболисты неприлично выражаются, так уж пусть лучше молятся. Главное — поднять результативность форвардов и избавиться от бледных ничьих.

— Простите, простите, — очень оскорбленно проговорил Егор Веселых, — а, собственно, на каком основании вы, извините, беретесь рассуждать так, простите, авторитетно о футболе?

— На телевизионном основании. Шайбу я не вижу, бегают в хоккее так быстро, что я уследить не могу и ничегошеньки не понимаю. Хоккей смотрю — старость свою чувствую. То ли дело — футбол! Пока они от сво-

их ворот до ворот соперника добредут, я спокойненько успеваю чайку на кухне попить.

— Ну, знаете...— Егор Веселых столь яростно покрутил свои огромные черные усы, словно собирался их оторвать.— Слишком много на себя берете. Футбол — любимая игра миллионов.

— И миллионы, Егор Егорович, разлюбить могут, если их надежд не оправдать! И зря вы на меня, дорогой, сердитесь. Я еще ничего, я еще терпеливая. А вот одна подруга моя из-за неудач нашего футбола с горя свистеть научилась. Ну, прямо как мальчишка! Сидит, бедная, перед телевизором одна и свистит! Ее уже два раза на домовую комитет вызывали, участковый ее, горемыку, навещал. А она все свистит и свистит... Как только футболистам не стыдно!

Егор Веселых жарил лук и молчал, потом заговорил:

— Да я и не сержусь на вас. В чем-то вы безусловно правы. Как сказал однажды мой любимый командир, старший летенант Синица, если тебя обозвали дураком, ты на всякий случай все-таки подумай об этом... Просто я горячо верю в большое будущее нашего футбола. И все его недостатки считаю временными. Но вот с попом надо разобраться. Не нравится мне эта история и то, что в нее Шурика впутали. Поп — он поп и есть, хоть бывший, хоть какой. Раньше-то он людей обманывал. Почему бы ему и сейчас этим не заниматься?

— Все можно сделать очень просто, — печально сказал Шурик. — Надо вам с ним встретиться, и все сразу станет ясно. Дядя Коля — очень хороший человек.

Тут из больницы принесли еще одну записку, исполненную крупным детским почерком:

ЕСТ СЛУХ ПОПОВ НИКОЛАЙ НЕДНА ЕМУ
НИПАКРЫШКИ ПАСТУПИЛ ВКОМАНДУ
ЛИСПРОМХОЗА
ШУРИК БЫСТРОКМИНЕ

ЖОРЖ СВИНКИН
ПРИНЕСИ КАЛБАСУ ТУТ КОРЯМ САМНИ-
ТЕЛЬНО

— Пожалуй, надо к нему сходить, — прочитав записку и задумчиво покрутив свои огромные черные

усы, сказал Егор Веселых. — Вот доварим кашу, заправим ее жареным лучком и отправимся.

Попробовав кашу из концентратов, бабушка Анфиса Поликарповна пришла в такой неописуемый восторг, что спросила прямо-таки с благоговением:

— Где вы овладели этим искусством?

— Армия всему научит, — скромно, но с достоинством ответил Егор Веселых. — Теперь немедленно в больницу.

— Значит, вы в больницу, а я одна?! А вдруг явится этот вратарский поп? Я уже заранее холодею от страха.

— Не волнуйтесь, — успокоил ее Егор Веселых. — В больницу отправлюсь я один. Да, да, Шурик, так будет лучше и удобнее. Ты жди своего вратаря, а я займусь этим прыгуном с поезда. Зовут его...

— Жорж Робертович Свинкин.

— Даже имя его не внушает доверия. Но, как говорил мой любимый командир, старший лейтенант Синица, имя нам выбирают родители, а глупости мы делаем самостоятельно. Одному солдату он сказал: беда твоя не в том, что зовут тебя Веллингтон, а по фамилии ты Чурбак, а в том твоя беда, что над мозгами своими ты мало работаешь... Итак, в путь, к Жоржу, извините, Свинкину!

— Дядя Егор, он ведь есть просит!

— Ну и что? — невозмутимо отозвался Егор Веселых. — Пусть просит. Вот у меня дома кот есть. Зовут его, кстати, Жоржик. Так он все время есть просит.

— Но ведь это кот, а...

— Кот, по крайней мере, хоть мышей изредка ловит, — сказал Егор Веселых серьезно, — а ваш Жоржик еще неизвестно чем занимается. С ним я быстренько разберусь. А попа твоего бывшего мне надо в воротах посмотреть. Всего один ударчик — и все будет ясно. Вперед! Ждите меня!

— Я предчувствую, что никакого отдыха у меня здесь не получится, — мрачно проговорила бабушка Анфиса Поликарповна. — Нам грозит попадание в какую-то историю.

— Мы в нее уже попали, — весело ответил Шурик.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

**Жорж Свинкин выдает себя
за государственного футбольного тренера
и мечется в поисках Попова Николая**

Есть такое выражение: лежать в больнице. По отношению к Жоржу Свинкину будет точнее сказать: бегать по больнице.

Как только он там появился, так и забегал по всем кабинетам, и все врачи, и все медсестры за ним забегали.

Ведь он сказал:

— Я работаю гошударштвенным футбольным тренером! Моя команда пошлежавтра играет не где-нибудь, а в Мошкве, на штадионе в Лужниках! Матш будет трашлироватьша по телевизору. Меня немедленно шледует привести в нормальный вид! Как можно быштрее вштавить жубы!

Представьте себе, уважаемые читатели, поверили Жоржу Свинкину и старательно приводили его в порядок, хотя это было не так уж и просто. Клетчатый пиджак и полосатые брюки тут же унесли в химчистку, купили новые полуботинки, вставили зубы, все ссадины и ранки залепили пластырем.

Оглядев себя в зеркале, Жорж Свинкин показал на три разноцветные шишки и приказал:

— Убрать!

— Никак невозможно, — ответил главный врач, — надо просто ждать, когда они сами рассосутся.

— Да-да, — глубокомысленно протянул Жорж Свинкин, — отстает еще медицина от требований трудящих.

— Ся, — добавил главный врач.

— Чего — ся?

— Трудящих-ся.

— Вполне допуская, — великодушно согласился Жорж Свинкин, с удовольствием пощелкал металлическими зубами, еще не подозревая, какие злые шутки они сегодня с ним сыграют. — Знаете, у меня в команде необыкновенный вратарь. Супер. Люкс. Звезда. Попов Николай. Кстати, из здешних мест.

В это время как раз принесли вычищенный и отремонтированный костюм. Облачившись в клетчатый пиджак и полосатые брюки, Жорж Свинкин вертелся

перед зеркалом, довольный и гордый, и не сразу слышал растерянный голос главного врача:

— Простите, простите, как вы сказали? Попов Николай? Футболист?

— Да, да, а что?

— Буквально за час до вас, до вашего появления здесь, футболист Попов Николай проходил у нас медицинскую комиссию. Он направлялся в команду «Леспромхоз».

— Кар... кар... кар...— Жорж Свинкин от неожиданности и злобы никак не мог справиться со своими новыми зубами, заикался и щелкал ими, но уже без удовольствия.— Кар... карррррье... рррист! — наконец-то вырвалось у него.— За длинным рублем погнался! А у меня игра в Ленинграде!

— В Москве, вы говорили.

— И в Москве, и в Киеве, и в Тбилиси... У нас плотный календарь игр. Европа нас ждет не дожидается, а этот кар... кар... Ну, достанется ему от меня! Он у меня еще поп... поп... ляшет! Не уйти ему от меня!

Отправив Шурику записку, Жорж Свинкин бегом вернулся в кабинет главного врача, спросил:

— А этот кар... а этот кар... а этот негодяй Попов Николай... шишек у него было? Физиономия у него в порядке была?

— Прекрасно выглядел. Отличная спортивная форма.

Яростно и скрипло прохрипев что-то нечленораздельное, Жорж Свинкин выскочил из кабинета, пробежал по коридору, вдруг остановился, громко пощелкал в негодовании зубами, справедливо решив, что бежать-то ему некуда и незачем. Значит, негодяй Попов Николай с поезда не прыгал! Тогда почему же прыгал он, выдающийся тренер?

— Нет, нет, вы объясните мне,— чуть не закричал он, неизвестно к кому обращаясь,— объясните мне, почему я прыгнул на полном ходу с поезда вслед за негодяем Поповым Николаем, а он, оказывается, не прыгал? Ерунда какая-то получается, чепушистика... А может быть, он просто удачно прыгнул? Но если уж он так хотел увидеть Шурика Мышкина, то почему равнул в леспромхоз? Почему? Почему?... Да по-то-му! Все, все, все теперь мне ясно!

И через несколько секунд Жорж Свинкин был уже

на улице. Он разгадал гнусный замысел этого негодяя Попова Николая! Разгадал! Неважно, прыгал он или не прыгал с поезда на полном ходу. Важно и подло то, что, пока его, тренера, и его костюм чистили и ремонтировали, вратарь этот вредный успел, конечно, встретиться с Шуриком Мышкиным! И они обо всем договорились!

Вот, вот! Три шишки на голове огромные, а соображает голова-то ох как здорово!

Но — стоп, стоп, стоп... Куда это ты бежишь, Жорж Робертович? Ясно, что к Шурику Мышкину. А зачем? Узнать, видел ли он негодяя Попова Николая? Так ведь Шурик Мышкин и соврать может что угодно! Эх, Жорж, Жорж, как ты оплошал! Всю жизнь всех обманывал — прекрасно получалось, а тут...

— Та-а-а-а-акси-и-и-и! — не своим голосом, можно сказать, завопил Жорж Свинкин и бросился к машине с клеточками. — Плачу во все четыре стороны! То есть в оба конца! То есть с обратом! Мне срочно в леспромхоз! Там один кар... кар... кар...

— Таких не берем! — испуганно отказался шофер, увидев отремонтированную физиономию и три разноцветные огромные шишки на лысой голове.

— Я государственный футбольный тренер! — скрипло прохрипел Жорж Свинкин. — У меня послезавтра игра в Европе, а вратарь сбежал в леспромхоз!

Поездка для шофера была очень выгодной, но зато пассажир был уж очень подозрительный.

— Я хорошо, отлично, замечательно, я распрекрасно тебе заплачу! — упрасивал Жорж Свинкин, и когда шофер собрался было согласиться, у тренера отказались повиноваться челюсти. — Этого кар... кар... кар!!! — И лишь когда машина испуганно скрылась за поворотом, у Жоржа Свинкина вырвалось: — Карrrrrrrрье... рриста!

Ни одного таксиста не смог уговорить Жорж Свинкин: все они боялись его внешнего вида. А если к этому добавить хриплый, скрипучий голос, заиканье, щелканье металлическими зубами, то в поведении шоферов не было ничего непонятного.

Но, уважаемые читатели, Жорж Свинкин и не думал сдаваться. Он должен был во что бы то ни стало попасть в леспромхоз и вытащить оттуда негодяя Попова Николая!

Внезапно Жорж Свинкин, как ему показалось, обнаружил свою главную, но вполне поправимую ошибку, из-за которой у него сейчас ничего не получается. Ведь он элементарно голоден! И заикается он не только потому, что зубы ему вставляли второпях и плохо подогнали, но и потому, что от голода он плохо владеет своим организмом, в том числе и головой.

Вбежав в ближайшее кафе, Жорж Свинкин взял поднос, уставил его тарелками, подошел к кассе, чтобы расплатиться, и...

И карманы оказались пустыми! В них не было ни единого рубля, ни единой копейки!

Даже малюсенькой булочки не мог купить Жорж Свинкин!

Он стыдливо оставил поднос и, шатаясь, вышел на улицу. Такого удара судьбы тренер несуществующей команды, конечно, не ожидал. Ведь с деньгами пропали и его документы, и паспорт этого негодяя Попова Николая...

Силы разом оставили Жоржа Свинкина. Он с очень невероятным трудом устоял на ногах, скрипнул стальными и золотыми зубами и переждал, когда пройдет головокружение. Было у бедного одно только желание: лечь бы вот тут на асфальт и лежать, не двигаясь, ни о чем не думая, ничего уже больше от судьбы не ожидая... И зачем только пошел он в повара, официанты, зачем возомнил себя тренером? Торговал бы сидя газированной водой или квасом — никаких забот, чего еще надо? А тут... Жорж Свинкин чуть не зарыдал от горя, обиды и голода, но сдержался и нетвердыми шагами двинулся искать дорогу в леспромхоз.

Именно сейчас, уважаемые читатели, мне совершенно необходимо сообщить вам об одном весьма и весьма серьезном обстоятельстве, хотя иные из вас и не любят, когда авторы их поучают, ибо полагают себя и без того достаточно умными.

А я и не собираюсь вас поучать. Просто мне хочется совсем ненадолго остановить повествование и поделиться с вами некоторыми соображениями. Авось да они вам пригодятся. Я ведь намеренно описываю мытарства Жоржа Свинкина самым подробным образом. И делаю это вовсе не для того, чтобы только рассмешить вас, уважаемые читатели. Мне надо показать вам, что иногда плохие люди действуют с такой силой,

с таким самопожертвованием, с такой настойчивостью, каких порою не хватает хорошим людям на самые добрые дела. Ясно? Тогда поехали дальше. Нет, нет, это не шутка, сейчас действительно поедem.

Остановил-таки Жорж Свинкин некое тарахтящее, скрипящее, стучащее, повизгивающее транспортное сооружение, этаким тракторчонок с трубочкой, из которой вылетали клубики дыма. Передние колеса у тракторчонка были маленькие, а задние — огромные, и казалось, что вот-вот все четыре колеса раскатятся во все четыре стороны. Тракторчонок мелко-мелко содрогался, словно собирался подпрыгнуть.

Из кабины высунулся столь чумазый человек, что его можно было вполне посчитать за негра, если бы не большие белые уши.

— Я государственный футбольный тренер! — яростно прохрипел Жорж Свинкин, стараясь, так сказать, перехрипеть тарахтение, скрипение, стучание, повизгивание тракторчонка. — У меня послезавтра игра в Ливане, а вратарь сбежал в леспромхоз! Мне срочно надо в леспромхоз!

Чумазый человек махал ему в ответ черной рукой, в улыбке скалил зубы, но Жорж Свинкин ничего не слышал, даже своего собственного голоса.

Вдруг тракторчонок разом перестал тарахтеть, скрипеть, стучать, повизгивать, содрогаться — замолк.

— Чего? Чего? — спросил чумазый. — Куда? Куда?

Пришлось самозванному государственному тренеру повторить все сначала, и чумазый обрадовался:

— Так ведь я туда и еду! Только по дороге заглянем к моей дорогой теще блинов поесть! Теща у меня — золотой человек! Завтра она для меня пельмени готовит! А вчера я у нее пирожки ел! Трех сортов! Мясные — раз! С яйцом и луком — два! С малиной — три! А послезавтра у нее для меня рыбный пирог будет! Поехали?

Жорж Свинкин радостно закивал своей израненной головой с тремя разноцветными шишками.

— Только у меня в кабине-то больно грязно! — весело продолжал чумазый. — Придется тебе в прицепе ехать! Там почище немного! Залезай, залезай! Гаврила — человек добрый! И довезет, и блинами накормит! Вернее, сначала блинами накормит, а потом довезет! Залезай! Надолго Гаврилу запомнишь!

К тракторчонку была прицеплена повозка — кузов с низкими бортами. Ничего не подозревающий, полный радостных надежд, Жорж Свинкин не без труда перевалился через борт в кузов. Тут же сразу раздались тарактение, скрипение, стучание, повизгивание. Тракторчонок весь засодрогался, словно собирался подпрыгнуть. Из трубочки полетели клубики дыма.

Тракторчонок рванулся вперед, и прицеп весь затрясся.

Сразу же выяснилось, что в кузове недавно перевозили сено, опилки, каменный уголь, глину, навоз и гравий. Еще обнаружилось, что устоять на ногах здесь можно, только крепко держась руками за борт, в ужасно неудобной позе.

Самозванный государственный тренер брезгливо морщился, его беспрерывно подбрасывало вверх, кидало из стороны в сторону, тянуло назад и толкало вперед. Скоро Жоржа Свинкина до того растрясло, что он даже о блинах забыл, думая лишь о том, что надо все выдержать, стиснув очень крепко стальные и золотые зубы.

Но казалось, что с каждой минутой его трясет, подбрасывает вверх, кидает из стороны в сторону, тянет назад и толкает вперед все сильнее и сильнее.

Вконец измучившись, Жорж Свинкин плюхнулся на грязный пол, ибо трястись и подпрыгивать сил уже не осталось. Сейчас ему даже с малых лет ненавистная учеба представлялась приятнейшим, прямо-таки райским занятием, не говоря уже о сидячей торговле квасом и газированной водой.

Вдруг тракторчонок заглох. Наступила такая тишина, словно Жорж Свинкин сам оглох. С невероятным трудом поднялся он на онемевших ногах, потирая отбитое тело, и хрипло позвал, заикаясь и стуча металлическими зубами:

— Гав... гав... гав... рила!

— Сей минут! — ответил веселый голос. — Добро у дороги валяется, а нам оно пригодится!

И в кузов со страшным грохотом упала вымазанная густым слоем мазута железная бочка.

— Гав... гав... гав... — обессиленным голосом пытался выхрипеть Жорж Свинкин, но тракторчонок затарактел, заскрипел, затрещал, заповизгивал, рванулся вперед, а бочка двинулась на перепуганного тренера.

Началась опасная, изнурительная, напряженная, длительная, бескомпромиссная борьба человека с недоушевленным предметом.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Возвращение вратаря дяди Коли,
бывшего попа Попова,
его знакомство
с форвардом Егором Веселых,
полный напряжения и даже некоторого драматизма
их футбольный поединок

Шурик томился вынужденным бездействием и все сильнее тревожился за судьбу дяди Коли. С каждой минутой надежды на встречу было все меньше и меньше... Почему и зачем дядя Коля уехал в леспромхоз, не повидав Шурика?

Мог что-нибудь разузнать дядя Егор, но и его все нет и нет!

Никак не удавалось Шурику отделаться от ощущения, что с дядей Колей что-то случилось. Но — что?

— У вас странный телевизор, — сказала бабушка Анфиса Поликарповна. — Вставляю вилку в розетку, как ты учил, жду, жду — ни звука, ни изображения, а идет дым и пахнет горелым. Я выключаю, выжидаю, включаю — та же непонятная история. То есть ни звука, ни изображения, только дым. А горелым пахнет не переставая.

У Шурика было такое настроение, что хоть совсем сгори он, телевизор! Он поплелся в комнату, там бабушка Анфиса Поликарповна продемонстрировала ему, как странно ведет себя телевизор, и сказала уныло:

— Я здесь обречена на бескультурье. Без телевизора я как без головы. Может быть, Егор Егорович поможет? Он человек в высшей степени практический. Жоржу я уже больше не доверяю. А куда же делся твой вратарский поп?

— Я все равно поеду искать его в леспромхоз. Если, конечно, дядя Коля туда уехал. Но я не могу представить, чтобы он мог уехать, не попрощавшись со мной. Значит, с ним что-то случилось, — печально говорил Шурик. — Значит, я должен к нему поехать.

— Тогда я уеду обратно домой. Тем более, что денег у меня осталось только-только на билет. Питаюсь я здесь неплохо, но нерегулярно и совсем без витаминов. Куда же запрятали деньги твои родители?.. Внук, развлекай меня. Мне скучно! Я не привыкла так... Расскажи мне что-нибудь веселое, интересное!

— Не могу. Мне грустно, и еще я волнуюсь очень. Мне просто тяжело. Я раньше переживал только за отметки, а сейчас я беспокоюсь о человеке, — признался Шурик.

— Это весьма прискорбно. — Бабушка Анфиса Поликарповна с сожалением покачала головой. — Беспокоиться, внучек, надо о себе. По крайней мере, в первую очередь. Вот какой, например, смысл в том, что ты волнуешься о каком-то там вратарском попе или поповском вратаре? А он уехал куда ему удобнее и выгоднее. Он о тебе не беспокоится.

— А меня это не касается! — слишком нервно ответил Шурик. — Кроме того, он тоже, может быть, обо мне беспокоится.

— Потому-то все у вас так глупо и получается! — наставительным тоном, с оттенком удовлетворения произнесла бабушка Анфиса Поликарповна. — Все беспокоитесь, а толку, как видишь, нуль. Одни сплошные никому не нужные волнения. Вот представь себе: живут, предположим, десять человек. Что, по-твоему, будет, если они все начнут беспокоиться друг о друге? Все перепутается! Получится сплошной кавардак! Кому о ком, спрашивается, конкретно заботиться? Ведь вполне может случиться так, что об одном будут беспокоиться двое, трое или даже четверо, а о ком-то никто. Но наступит полнейший порядок, когда каждый спокойно станет беспокоиться только о себе.

— Но ведь о тебе, ты рассказывала, заботятся твои дети.

— Это их личное дело. Я их не прошу. Они сами.

— Нет, нет, ты что-то путаешь, — недоуменно сказал Шурик. — Просто тебе самой ни о ком беспокоиться не хочется. А что бы ты делала, если бы о тебе не заботились? Ты ведь даже суп варить не умеешь. В магазины ходить не умеешь.

— Вот-вот! — торжествующе воскликнула бабушка Анфиса Поликарповна. — Я ничего не умею делать, потому что все, кому не лень, обо мне заботятся. Вот

меня и испортили! Не дали мне возможности развиваться. Понимаешь теперь, к чему приводит чрезмерное беспокойство людей друг о друге?

— Я не согласен с тобой,— решительно сказал Шурик.— Знаешь, мне было очень неприятно и даже стыдно, когда тетя Варвара назвала тебя чудом-юдом морским, тунеядницей и тунеядкой.

— Я ту-не-яд-ни-ца?!?!?! — предельно возмутилась бабушка Анфиса Поликарповна.— Я чудо-юдо, да еще и морское?! Я ту-не-яд-ка?!?!?! — оскорбленнейшим тоном продолжала она, но уже чуть-чуть-чуть спокойнее.— К твоему сведению, можешь это передать своей клеветнице и злопыхательнице, я в прошлом — трудящаяся! А сейчас я на заслуженном отдыхе. Подчеркиваю: заслуженном!

— Тетя Варвара тоже на заслуженном отдыхе. У нее пятеро детей, шесть внуков и один внук. И о всех она заботится. И о ней все заботятся.

— У меня тоже есть внуки и внучки, и дети, естественно, есть,— обиженно проговорила бабушка Анфиса Поликарповна.— И все они, кроме тебя, всю заботятся обо мне. Я их воспитываю в духе любви к труду и уважения к старшим. Они бы никогда не позволили себе обидеть меня, как это ты сейчас сделал с видимым удовольствием.

— Я нисколько не хотел тебя обидеть. Но ведь тетя Варвара в чем-то права.

Дверной звонок прозвенел так громко и весело, что сразу стало ясно: это вернулся Егор Веселых!

Он четким шагом прошел в комнату, встал по стойке «смирно», сказал:

— Разрешите доложить? Во-первых, я успел покормить Жоржика.

— Но вы же не хотели делать этого!

— Если не покормить, он украдет.

— Какой потрясающий кошмар! — поразились бабушка Анфиса Поликарповна.— Значит, мы правильно делали, что кормили его! Вор в нашем доме! Кошмарный ужас!

— Вы это о ком?

— О Жорже Робертовиче, которого вы почему-то называли так ласково — Жоржик.

Егор Веселых с Шуриком долго хохотали, потом внук объяснил:

— Ты забыла, что Жоржиком зовут кота дяди Егора.

— А ваш Жоржик... — Егор Веселых опять поохотал. — Ваш Жорж Робертович из больницы сбежал. Да, да, в неизвестном направлении, но скорее всего в леспромхоз за вашим вратарем. Таковы новости.

— Ну и замечательно! — восхитилась бабушка Анфиса Поликарповна. — Даже просто великолепно! Все сбежали! Особенно мне радостно оттого, что убежал этот подозрительный субъект Жоржик!

— Жоржик — это честнейший кот! — гордо и чуть обиженно поправил Егор Веселых. — А вот ваш Жорж — действительно субъект. Я на всякий случай заявил о нем в милицию. Можете представить, в больнице выдавал себя за государственного футбольного тренера. А это уже не шуточки.

— Поедьте в леспромхоз, дядя Егор! — умоляюще попросил Шурик. — Я очень беспокоюсь о дяде Коле...

Задумчиво покрутив свои огромные черные усы, Егор Веселых ответил:

— Ты молодец, раз так серьезно беспокоишься о человеке. Значит, ты сам хороший человек. Завтра утром все узнаем в милиции. Если будет необходимость, обязательно поедем в леспромхоз. Помогу я тебе разыскать этого дядю Колю, вколочу ему десять мячей из десяти, провожу его до парикмахерской и дождусь, когда он оттуда бритоголовым выйдет! А сейчас...

— А сейчас, а сейчас, — радостно перебила бабушка Анфиса Поликарповна, — разберитесь, пожалуйста, в нашем телевизоре. Он очень странно работает. Вот смотрите. — Она вставила штепсель в розетку. — Минуточку внимания... Нет ни звука, ни изображения, но — вот, вот! — идет дым.

— Все правильно, все как полагается, — сказал Егор Веселых и, с очень большим трудом сдерживая смех, объяснил: — Если вместо телевизора включать утюг, который стоит на полу, то не будет ни звука, ни изображения. Но дым пойдет. Что мы и видим.

Тут раздался негромкий, вежливый, даже застенчивый дверной звонок. Шурик сразу насторожился, неуверенно прошептал:

— Да это же он!.. Он же это! Дядя Коля! Дядя Коля! — Он бросился в коридор, откуда вскоре раздался

восторженный голос: — Пришел, пришел! Он пришел, бабушка! Он здесь, дядя Егор! Я ведь говорил вам, что он обязательно придет! Ведь он обещал! Я ведь говорил, что он не может не прийти! Правда, дядя Коля, что вы все равно бы пришли?

— Всенепременно! — пробасил в ответ долгожданный гость. — При всех вероятностях, неожиданностях, любых обстоятельствах и даже кознях.

Шурик поставил его чемодан в угол, помог снять рюкзак (телевизор пока оставался в камере хранения на вокзале), провел в комнату и сказал, весь сияя:

— Вот это и есть дядя Коля. А это бабушка Анфиса Поликарповна. А это дядя Егор по фамилии Веселых, и характер у него веселый... Где же вы пропадали, дядя Коля? И как и зачем вы могли уехать в леспромхоз?

— В леспромхоз? — недоуменно переспросил дядя Коля. — Какой леспромхоз? Ни в какой леспромхоз я не собирался. Я к тебе, Шурик, стремился. Да ведь Свинкин обманул меня, ровно отрока неразумного.

— Но где же вы были так долго? Что случилось?

Тяжело и виновато вздохнув, дядя Коля смущенно улыбнулся и, махнув рукой, ответил:

— А бес полутал, как бы я раньше сказал. И говорить-то про сие даже стыдно. Плутал я, Шурик, блуждал. Еле-еле-еле до тебя я добрался.

— И с поезда вы не прыгали?

— А зачем мне с поезда прыгать?.. Дело было так. Этот... тренер меня обманул, запутал, плел, плел чего-то, вот я и запутался совсем. И только когда он в поезд меня затащил, а поезд вперед пошел, тогда лишь я и уразумел, что крупно обманут. И, чтобы его богомерзкого лица не видеть, отправился я в соседний вагон. На следующей же станции я с поезда сошел, а не спрыгнул.

И вот что, уважаемые читатели, сообщил он далее.

Оказавшись на незнакомой станции, дядя Коля, к сожалению, совершенно не раздумывал, сел в подошедшую электричку, проехал один перегон и опять оказался на незнакомой станции. Поразмыслив, он определил, что уехал не в ту сторону, дождался электрички, рассчитал, что надо проехать уже два перегона, и... опять оказался на незнакомой станции. Ведь спросить-

то ни у кого и ничего не мог: не знал ведь он названия станции, куда ему требовалось вернуться!

— Долго рассказывать,— смущенно и виновато продолжал дядя Коля,— но покатался я вдоволь. Хорошо еще, что оштрафовали меня.

— Что в этом хорошего? — недружелюбно удивился Егор Веселых.— В безбилетном-то проезде что, спрашиваю, хорошего?

— А иначе бы я к Шурику еще неизвестно когда бы попал. Сам факт безбилетного проезда, конечно, грех. За него я и понес заслуженное наказание денежным штрафом. Но зато контролер видел, на какой станции я садился в поезд с этим пустомелей.

— Скажи-ка мне, Николай,— подозрительно его оглядывая, проговорил Егор Веселых,— как ты мог довериться такому проходимцу, как Жорж клетчатополосатый?

— Я, Егор, без футбола жить не могу,— проникновенно, даже чуть нежно ответил дядя Коля.— А Жорж как-никак позвал меня в настоящую команду. Дескать, завтра уже тренировки. Я ведь предполагал с Шуриком посоветоваться, а Свинкин меня с ним разлучил. Но я Жоржу не до конца доверился, да и сущность его распознал довольно быстро, хотя и не сразу.

— А правда, Николай, что ты попом работал?

Дядя Коля осуждающе взглянул на Шурика. Тот отрицательно помотал взъерошенной головой. Бабушка Анфиса Поликарповна стала что-то очень внимательно разглядывать за окном.

— Да, был я попом,— тяжело вздохнув, подтвердил дядя Коля,— но неважным я был попом. Даже иногда терзался этим, ибо рыбалки и лыжи влекли меня сильнее, чем церковные обязанности. А тут я еще прознал, что есть на свете футбол. Вот он-то и завладел моей душой уже без остатка. Теперь все мои помыслы только о футболе.

— А как же ты все-таки в попах-то оказался? — продолжал недружелюбно расспрашивать Егор Веселых.

Пожав широченными плечами, дядя Коля смиренно отозвался.

— Смеяться или осуждать меня за то, что я был попом, не следует. Семья у нас была религиозная. Весь род с давних времен был церковным. Батюшка

мой настоял, чтобы и я пошел в священнослужители. Ослушаться родителя было никак невозможно.

— А почему это ты вдруг решил стать именно вратарем? — не унимался Егор Веселых.

— Не вдруг, — тихо возразил дядя Коля, помолчал и повторил решительно: — Нет, не вдруг. Долго я размышлял об этом наедине, иной раз и ночь в размышлениях пролетит, не заметишь. Издали все началось, издавна... Старший брат мой нрав имел необузданный, то есть был очень гневлив, часто впадал в неистовство и не мог с собой совладать. Совершенно негодной привычкой, перешедшей в потребность, было у него швыряние в меня различных предметов, вовсе для этого не предназначенных. И я в безысходности научился ловить любой брошенный в меня предмет. И преуспел, наловчился. Из бидона, к примеру, наполовину заполненного молоком, не проливалось ни капли. Даже крышка не звякала. Уяснив мои способности и понадеявшись на них, брат мой стал изощряться в выборе предметов для кидания в меня. Я и чугунок с картошкой или кашей ловил. Чайник горячий мог уловить...

— Такое только в поповской семье могло твориться! — презрительно и возмущенно заключил Егор Веселых. — А зачем потакал брату?

— Жалел его, — кротко объяснил дядя Коля. — Боялся-то я не за себя, я бы просто и отскочить мог. Но тогда бы предмет, брошенный в меня, мог, к примеру, окно разбить или сам разбиться.

— Брат тоже в полах оказался?

— Нет. Зная его нрав, батюшка даже и не пробовал предлагать старшему сыну идти по своим стопам. Брат мой, царство ему небесное, в лесу замерз. Охотник заядлый был. Сломал ногу... Опоздала помощь. Средний брат служит сейчас господу, но неусердно... Почтовые марки собирает. Я же теперь жизни своей не пожалею, чтобы стать подлинным стражем ворот, все силы отдам, чтобы попасть в большой футбол.

— Ты сначала в команду попади, — насмешливо сказал Егор Веселых. — А может, сейчас проверим твои способности? Мячи-то ловить ведь не легче, чем бидон с молоком или чайник! — Он воинственно покрутил свои огромные черные усы. — Я, конечно, в большом футболе еще не участвовал, но играл центральным нападающим два года.

— Несказанное счастье для меня! — обрадовался дядя Коля. — Просто нечаянная возможность! Поспешим, поспешим, пока светило не село!

Бабушка Анфиса Поликарповна заявила удрученно:

— Мне придется идти с вами. А вдруг без вас завится этот государственный прыгун с поезда?

На стадион шли молча, сосредоточенно, как на финальный кубковый матч. Дядя Коля изредка бросал ободряющие взгляды на чрезмерно озабоченного Шурика.

Егор Веселых то яростно, то нервно, то самоуверенно крутил свои огромные черные усы и на Шурика поглядывал снисходительно.

— А я сегодня поразительный сон видел,— вдруг сказал дядя Коля доверительным тоном.— Будто бы вознесся я на небеса. Там настоящие футбольные ворота. Встал я в них, а бить пенальти собирался сам господь. Разбежался он...

— Забил? — нетерпеливо вырвалось у Егора Веселых.

— Проснулся я... И знаю, до конца дней своих буду мучиться в догадке: взял бы я или нет пенальти от самого господа бога?

— Бог — это... сказки! — Егор Веселых отмахнулся.— Какое он отношение к футболу имеет? Вот мне, тоже во сне, правда, предложил пробить по воротам сам бог вратарей — Лев Иванович Яшин. И я тоже проснулся не вовремя. И тоже нет-нет да подумаю: забил бы я или нет хотя бы один мяч? А?

Дядя Коля задумчиво проговорил:

— Недаром, видимо, судьба нас свела на жизненном пути. Не знаю, взял бы или нет одиннадцатиметровый от самого господа бога, но простым смертным я себе голы забивать не позволю.

Егор Веселых возмущенно крикнул, яростно и крайне быстро покрутил свои огромные черные усы и чрезвычайно грозно произнес:

— Не знаю, как бы я пробил пенальти самому богу вратарей — Льву Ивановичу Яшину, но простому бывшему попу десять из десяти сделаю точно! Как в аптеке на весах! Николай! — еще чрезвычайно грознее позвал он.— Я за просто так с тобой соревноваться не буду! Предлагаю серьезнейшее условие: десять ударов. Если счет в твою пользу, я сегодня же сбрываю гордость и радость мою — усы! Если же счет в мою пользу, ты стрижешься вот так, как я сейчас выгляжу,— наголо!

— Ни в коем случае! — испуганно возразила бабушка Анфиса Поликарповна.— Организуйте дуэль достойных! Кто проиграет, тот готовит вкусный ужин! Зачем рисковать усами и тем более шевелюрой?! Это неспортивно!

— А вдруг вы поссоритесь? — умоляюще воскликнул Шурик.— А вам можно играть в одной команде!

— Мы еще не дружили,— глухо проговорил Егор Веселых,— и ссориться нам не из-за чего. А спорт требует серьезного к себе отношения. В нем не место бол-

тунам. Десять ударов, десять : ноль, — ты идешь в парикмахерскую.

— Не бывать этому, — еще глуше отозвался дядя Коля. — Хочу посмотреть, как ты без усов будешь выглядеть.

— Значит, согласен, Николай?

— Значит, согласен, Егор.

«Чем все это кончится? — с большой тоской и не меньшей тревогой подумал Шурик. — Они ведь в любом случае поссорятся! И все происходит из-за того, что дядя Коля работал попом, а дяде Егору это не нравится. А я хочу дружить с ними обоими».

— Стойте, стойте, погодите! — Бабушка Анфиса Поликарповна подождала, когда спорщики подойдут к ней. — Вы ведете себя неразумно, как маленькие дети!

— У детей таких усов не бывает, — очень мрачно пошутил Егор Веселых. — И попами дети не работают.

— Тогда объясните мне, — предельно строго потребовала бабушка Анфиса Поликарповна. — Объясните мне, будьте настолько любезны, какая связь между футболом, усами и такой роскошной шевелюрой, как у Николая?

— Он же ни разу не стоял в настоящих воротах, дядя Егор! — совсем жалобно воскликнул Шурик, а дядя Коля спокойно сказал:

— Как говорится, уговор дороже денег. Человек должен отвечать за свои слова. Если я безосновательно самонадеян, так мне и надо.

— Золотые слова, — согласился Егор Веселых. — Прошу нам не мешать.

На стадионе строительного комбината дядя Коля сразу прошел к воротам, походил между штангами, ощупал их, в прыжке дотронулся до перекладины, а Егор Веселых жонглировал мячом, разминался, потом спросил:

— Начнем?

Коротко кивнув, дядя Коля занял место в воротах.

— Но ведь нет судьи, — рассудительно заметила бабушка Анфиса Поликарповна. — Это осложнит вашу дуэль или вообще все испортит.

— Поздно уже рассуждать, — еле слышно сказал Шурик.

Егор Веселых аккуратнейше поставил мяч на одиннадцатиметровую отметку, медленно и недалеко ото-

шел, подбежал к мячу небыстрыми шагами и не очень сильно ударил в левый верхний угол.

Дядя Коля даже не пошевелился, только внимательно проследил за мячом.

Гол! ОДИН : НОЛЬ В ПОЛЬЗУ ЕГОРА ВЕСЕЛЫХ. Он имел все основания гордо покрутить свои огромные черные усы.

Со вторым ударом повторилась та же самая история, с той лишь разницей, что мяч влетел в правый нижний угол. А дядя Коля опять даже не пошевелился, только внимательно проследил за мячом.

ДВА : НОЛЬ В ПОЛЬЗУ ЕГОРА ВЕСЕЛЫХ. И он ласково поглаживал свои огромные черные усы.

— Это не вратарь, — возмутилась бабушка Анфиса Поликарповна, — не вратарь, а, извините, какое-то недоразумение!

— Что же вы делаете?! — крикнул Шурик. — Вернее, почему же вы ничего не делаете?!

— Дайте привыкнуть, — с очень большим спокойствием отозвался дядя Коля. — Я ведь впервые в настоящих воротах пребываю.

Третий удар Егор Веселых нанес в правый верхний угол, четвертый — в левый нижний угол.

И оба раза дядя Коля опять даже не пошевелился, только проследил за мячом.

Счет стал **ЧЕТЫРЕ : НОЛЬ В ПОЛЬЗУ ЕГОРА ВЕСЕЛЫХ.** И он сказал очень пренебрежительно:

— Пожалуй, тебе и в команде Жоржа Свинкина места не найдется. Мне даже и бить-то неинтересно.

— А что будет в случае ничьей? — возбужденно спросила бабушка Анфиса Поликарповна.

— Ничьей не будет! — в голос ответили дядя Коля с Егором Веселых.

Пятый удар оказался куда сильнее предыдущих — мяч прогудел и...

И, крепко держа его в руках, дядя Коля неторопливо поднялся с земли.

ЧЕТЫРЕ : ОДИН В ПОЛЬЗУ ЕГОРА ВЕСЕЛЫХ.

Несколько озадаченно покрутив свои огромные черные усы, он очень тщательно установил мяч, отошел подальше обычного, разбежался быстрыми длинными шагами и ударил.

Мяч стремительно летел в верхний левый угол.

Шурик непроизвольно зажмурился, услышав знако-

мый воинственный
вскрик дяди Коли, а ко-
гда открыл глаза, тот уже
вскочил с земли, прижав
мяч к груди.

— Это уже непло-
хо, — удовлетворенно про-
изнесла бабушка Анфи-
са Поликарповна.

А Шурик восторжен-
но прошептал:

— ДВА : ЧЕТЫРЕ В
НАШУ ПОЛЬЗУ!

Но Егор Веселых рас-
слышал это и ответил:

— Как говорил мой
любимый командир, старший лейтенант Синица, цып-
лят по осени считают, а пули в мишени — после пол-
ного отстрела.

Седьмой мяч получился весьма коварным, и дядя
Коля еле-еле сумел дотянуться до мяча и перебросить
его через перекладину.

— Подумайте, УЖЕ ТРИ : ЧЕТЫРЕ! — обрадова-
лась бабушка Анфиса Поликарповна. — Это уже серъ-
езная заявка на победу, то есть на усы.

На сей раз Егор Веселых долго стоял над мячом,
забыв покрутить свои огромные черные усы, трижды
поправил мяч осторожными, даже нежными движе-
ниями, медленно отошел с неестественно равнодушным
видом, разбежался широченными шагами и — УДАР!
ил...

Дядя Коля вздрогнул, но не пошевелился, и мяч
от перекладины отлетел далеко в сторону.

— ЧЕТЫРЕ : ЧЕТЫРЕ! ЧЕТЫРЕ : ЧЕТЫРЕ! — с
такими свехрадостными криками Шурик сбегал за
мячом, поставил его на отметку. — Так держать, дядя
Коля! — И тут он увидел лицо Егора Веселых. Оно
было таким зловещим, словно он собирался на бой с
врагом, причем заклятым.

Дядя Коля пронзительным взглядом следил за каж-
дым его движением, и пальцы рук чутко шевелились,
готовые ощутить мяч.

Каким-то невероятно ловким усилием Егор Весе-
лых перед самым ударом сменил ногу и пробил левой.

Но еще более неимоверно ловким усилием дядя Коля, качнувшись в одну сторону, прыгнул в другую. Он вместе с мячом грохнулся на землю, охнул, полежал немного, с трудом поднялся, потер бок и вернул мяч со словами:

— Вот и ПЯТЬ : ЧЕТЫРЕ.

«Хоть бы ничья! Хоть бы ничья! — пронеслось во взъерошенной голове Шурика. — Ничья хоть бы...»

Когда он взглянул на Егора Веселых, тот уже ударил. Мяч загудел в полете, но тут же раздалось шипение. Мяч обмяк и упал перед воротами.

— Вот это ударчик! — и восторженно, и разочарованно крикнул Шурик, а бабушка Анфиса Поликарповна недоуменно спросила:

— Как же быть со счетом? Пять : четыре или...

Дернув себя сначала за один огромный черный ус, потом за другой, Егор Веселых ответил:

— Завтра приду без них.

— Я не согласен, — устало возразил дядя Коля. — Надо или последний мяч перебить или повторить всю серию.

— Я проиграл, — упрямо сказал Егор Веселых. — Нечего меня утешать. Вратарем ты будешь отменным. Это я тебе говорю. Завтра вместе будем устраиваться на работу и записываться в команду. Пока!

И он, не оглядываясь, быстро пошел прочь спокойной, четкой походкой человека, который знает, что ему делать.

— Его-о-ор! — не своим голосом закричал дядя Коля. — Обожди-и-и! — Он догнал бывшего соперника, они о чем-то говорили, размахивая руками, и дядя Коля вернулся с поникшей головой, сообщил: — Принципиальный. Ничего и слышать не желает.

— Ах, молодость, молодость! — умилилась бабушка Анфиса Поликарповна. — Как мальчишки! Потерять такие прекрасные усы! Ну, а как с ужином?

— Угощу вас на славу, — заверил дядя Коля. — Попьем чаю из моего самоварчика. У меня еще и шанежки остались.

Так все оно и получилось. Дядя Коля нажарил картошки с луком, достал сало, соленые огурцы, приготовил бутерброды с колбасой и сырками, а в довершение вскипятил на улице самоварчик.

— Оригинально и вкусно, — похвалила бабушка Анфиса Поликарповна. — Кто куда, а я к телевизору. Нет удовольствия выше после чудесного ужина... Николай, а вы чем недовольны?

— Самим собой, — хмуро отозвался дядя Коля. — Глупо же с усами-то получилось. А если бы я не взял последний мяч? И Свинкин у меня из головы не выходит.

— Он вас искать уехал в леспромхоз, — сказал Шурик. — А зачем он вам?

— Он-то мне нисколько не нужен. Но ведь мои документы у него.

— Как?! — совсем поразился Шурик. — Как вы могли доверить ему документы?

— А вот так... — Дядя Коля беспомощно развел руками. — Опутал он меня, ровно бес лукавый. Но ведь он и сам запутался. С чего он решил меня в леспромхозе искать?

— Значит, не исключена возможность, — уныло проговорила бабушка Анфиса Поликарповна, — что этот клетчато-полосатый опять явится сюда?

— А вы не беспокойтесь, — грозно сказал дядя Коля, — разговор у меня с ним будет короткий и результативный.

— А если он опять с чего-нибудь спрыгнет и опять весь ужасно разобьется? Если жубы снова шломает?

Скорее вы убедитесь, уважаемые читатели, что бабушка Анфиса Поликарповна была не так уж далека от истины.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

**Жорж Свинкин продолжает метаться
в поисках вратаря Попова Николая,
попадает в ужаснейшие ситуации
и оказывается в милиции**

Итак, началась опасная, изнурительная, напряженная, длительная, бескомпромиссная борьба человека с неодушевленным предметом.

Казалось, что с каждой минутой бочка становилась ловчее, наглее, сильнее, а силы человека с каждой секундой таяли.

Вскоре клетчатый пиджак был уже не совсем клетчатый, а полосатые брюки — не совсем полосатыми: он, они, лицо и руки Жоржа Свинкина ужасно обмазались.

И когда силы его были уже на исходе и бескомандный тренер готовился к бесславной гибели в неравной борьбе с неодушевленным предметом, тракторчонок вдруг заглох, и в сердце борца с бочкой вспыхнула ненависть к виновнику всего этого мазутного безобразия. Он скрипло прохрипел:

— Гав... гав... гав... — Переждав немного, очень сжав стальные и золотые зубы, Жорж Свинкин снова попытался: — Гав... гав... га-а-ав... рила! Гаврила! Убить тебя мало, такую Гаврилу! Что ты со мной сделал, изверг чумазый? Мне в таком виде нигде показываться нельзя!

— Это уж точно, — согласился Гаврила охотно. — Бегом разбегутся люди в разные стороны. Но я вас силком не подсаживал в кузов-то. Вы сами напросились.

— А бочку-то ты, Гаврила несчастная, зачем мне подсунул? Ведь она меня изуродовать пыталась! Ведь я погибнуть мог! Или калеккой инвалидной на всю жизнь остаться!

— Да, да, это уж точно, — подумав, согласился Гаврила. — Но опять же — не такси. Да мы попросим мою тещу баньку истопить. Денька через два приведем вас в полный почти порядок.

— Какая банька?! — хрипло простонал Жорж Свинкин. — Как это — денька через два?! Мне сегодня надо в леспромхозе быть! Поехали, Гаврила ты непутевая, поехали!

— Поедем, конечно, поедем. Но пока обождать придется.

— Чего, чего ждать? Выбрасывай бочку и поехали!

— С характером у меня машина-то,— объяснил Гаврила, приняв достаточно важный вид.— Она у меня самоходная иногда. Сама, значит, ходит, сама останавливается, когда захочет. Никаких указаний человеческих, значит, не признает.

Жорж Свинкин простонал громко-громко, жалобно-жалобно и хрипло спросил:

— Какие там еще указания? Ты включи что-нибудь, нажми, поверни, дерни!

— Бесполезно. Пока она, милая, сама не захочет ехать...

И тут тракторчонок затарахтел, заскрипел, застучал, заповизгивал, задергался, подпрыгивая, и покатился вперед.

— Машина будущего! — восторженно крикнул Гаврила и бросился ее догонять.

Сначала он сзади, со стороны прицепа, забрался на кабину, оттуда приветственно помахал Жоржу Свинкину черными руками, показал в широченной улыбке белые зубы и каким-то чудом оказался в кабине.

А Жорж Свинкин, когда прицеп уж очень здорово дернуло, не удержался на обессиленных ногах, упал лицом вниз, и бочка прокатилась по нему туда и обратно.

Опять возобновилась опасная, изнурительная, напряженная, длительная, бескомпромиссная борьба человека с неодушевленным предметом.

Но теперь человек не готовился к бесславной гибели. Нет, нет, он, борец с бочкой, знал, что он непобедим, если сам не будет вести себя как неодушевленный предмет. Проклиная судьбу и Гаврилу или, точнее, судьбу в виде Гаврилы, Жорж Свинкин предельно храбро и довольно ловко отражал все атаки бочки и сам иногда переходил в неожиданные для нее, короткие контратаки.

Он пинал бочку, отталкивал руками, увертывался и, наконец, изловчившись, прижал ее всем телом в углу. Он явственно чувствовал, что почти насквозь медленно, но обильно пропитывается мазутом.

«Ничего, ничего, ничего,— мысленно утешал себя Жорж Свинкин,— главное, что я еду к цели, еду в

леспромхоз, где разыщу этого подлого негодяя Попова Николая. Скоро меня накормят блинами, и умная моя голова заработает еще умнее. Узнать бы, куда делись деньги и документы... Крепись, Жорж Робертович, сегодня в «Питателе» появится первый классный игрок!»

Тракторчонок остановился и заглох.

— Приехали! Прибыли! Доставились! — раздался показавшийся слишком громким в наступившей тишине радостный голос Гаврилы. — Слезайте давайте! Давайте слезайте! Меня здесь ожидайте! Я человек добрый, а теща у меня — золото!

Жорж Свинкин начал слезать с прицепа и — упал на землю, упал и с блаженным удовольствием вытянул ноги... Ему было уже безразлично, где лежать — хоть в луже, хоть в канаве, — до того он был измучен и обмозучен.

Но долго лежать он себе не позволил, кое-как, еле-еле-еле встал, лопухами вытер руки, не подозревая, что и лицо у него все в мазуте, не заметил, что к одежде приклеилось множество листьев, травинок, щепочек, в полнейшем изнеможении присел на нижнюю ступеньку высокого крыльца.

Из открытых окон избы так невероятно обильно и предельно вкусно пахло съестным, что у фальшивого государственного тренера закружилась израненная, украшенная тремя разноцветными шишками, вся в мазуте голова.

На крыльцо вышел чистенький, переодевшийся в желтый спортивный костюм Гаврила, а за ним, в ярком цветастом платье, веселая, с молодыми глазами, пожилая женщина.

— Вот, мамаша, мой гость. Прошу его любить, кормить и жаловать. Правда, в дороге он чуток поизмазался. Заходите, дорогой гость, отведайте блинов со сметаной. Мамаша, пригласите гостя сами, а то стесняется, хотя и трудится на государственной работе!

Веселое лицо женщины сразу стало серьезным, затем — строгим, потом — очень суровым, и она резко произнесла:

— Такого в избу не пущу и угощать не стану!

— Какого — такого? — возмущенно и хрипло прокрипел Жорж Свинкин. — Почему — угощать не стану?!!!!

ливо, но в точности выполнили приказания, а Жорж Свинкин как сел за стол, так и не встал, пока не проглотил почти все блины и не выпил всю сметану.

Лишь после этого он, немного отдышавшись, заговорил:

— Немедленно к своему драндулету, Гаврила несчастная, иначе я за себя не отвечаю! У меня задание государственной важности! Жду тебя, Гаврила, через четыре с половиной минуты! — И Жорж Свинкин с подлинным достоинством, хотя и немного нервничая, удалился из негостеприимной избы.

У машины его догнал Гаврила, переодевшийся уже в свой обычный комбинезон, любезно распахнул дверцу кабины, но ничего не мог выговорить, кроме:

— Пр... пр... пр...

— Понимаю, понимаю, — снисходительно отозвался Жорж Свинкин, к которому вместе с ощущением сытости в желудке пришла в сердце крохотная долька доброты. — Прошу, ты хочешь сказать. Давно бы так. В кабине, пожалуй, все-таки лучше. Везде у тебя грязь несусветная.

Вдруг тракторчонок быстро-быстро затарахтел, закрипел, застучал, заповизгивал и рванулся вперед. Гаврила восторженно ойкнул, бросился за ним следом, крикнув оторопевшему Жоржу Свинкину:

— Догоняйте, а то она укатится! А мне ее не остановить! Она у меня с характером! Машина будущего! Самоходка!

Проклиная судьбу, Гаврилу и его тещу, незадачливый поглотитель блинов со сметаной сначала бежал довольно неохотно, но потом сообразил, что на своей неуправляемой машине будущего Гаврила может укатить в леспромхоз один!

Но, сколько бы и как бы ни старался Жорж Свинкин прибавить скорости, расстояние между ним и тракторчком не уменьшалось, а все заметнее увеличивалось, пока наконец своенравная машина не скрылась за поворотом.

Жорж Свинкин до того изнемог, что шел уже не по прямой, а зигзагами, так как его от страшной усталости качало из стороны в сторону.

Лечь бы прямо на дорогу и уснуть...

Но вот чуткие уши бескомандного тренера уловили тишину — тарактение, скрипение, стукание и по-

визгивание не слышались более, но можно было различить голос Гаврилы:

— ...е-е-е! ...е-е-е!

Быстрее! Быстрее! Скорее! Скорее! А то этот самоходный, практически не управляемый драндулет будущего опять помчится вперед, не обращая внимания на своего водителя.

Тракторчонок оказался сразу же за поворотом. Не мешкая, уже хорошо зная его характер, Жорж Свинкин

взобрался на сиденье рядом с Гаврилой, спросил:

— Всегда она у тебя вот так?

— Всегда, всегда! — с гордостью отозвался Гаврила. — Потому никто на ней и не ездит. А я привык. Да вы не беспокойтесь, скоро, может быть, поедем.

— А доедем? Сегодня мы в леспромхоз попадем или нет?

— Все может быть, — очень уж глубокомысленно произнес Гаврила, помолчал и повторил еще более глубокомысленно: — Все быть может... Зря вот вы тещу мою дорогую напугали. Сейчас она на своем мотоцикле в милицию укатила. Очень она жаловаться любит и умеет!

— Пусть жалуется, — с презрением бросил Жорж Свинкин, но тут же мельком подумал, что ничего хорошего в этом для него не предвидится, и резко спросил: — Ну, если ты знал о безобразнейшем характере своего самоходного драндулета, то зачем ты меня возил с собой?

— Для компании, — честно объяснил Гаврила. — Одному-то мне до леспромхоза добираться — скука ведь смертная. А тут я беру попутчика, смотрю-наблюдаю-запоминаю-замечаю, как он мучится, мне и веселее. Я с вас даже денег не возьму за ваши страдания. Опять же будет что людям рассказать. А вас я как увидел, сразу сообразил, что весело прокатимся... Зря вот вы тещу мою обидели. Это вам дорого обойдется. Глафира Сосипатровна — золотой человек, но ужасно вредный.

— Поедем мы или нет?!?!?!!

— Обязаны, обязаны... Сейчас вот начнется...

И точно — тут же тракторчонок с тарахтением, скрипением, стуканием и повизгиванием покатил вперед, выбрасывая из трубочки клубики дыма.

В кабине трясло еще больше, чем в прицепе, дышать было трудно, но все это уже мало беспокоило Жоржа Свинкина. И угрозы Гаврилы по поводу его тещи — золотого, но вредного человека — на него не действовали. Он думал только о своей цели, о том, что должен попасть в леспромхоз и вернуться оттуда с этим негодяем Поповым Николаем.

Именно в этот момент тракторчонок зачихал, закашлял, задержался сильнее прежнего, подпрыгнул несколько раз и — заглох.

— Вот сейчас она надолго, — с уважением произнес Гаврила. — Всего каких-то километров десять до леспромхоза осталось. Не так уж много.

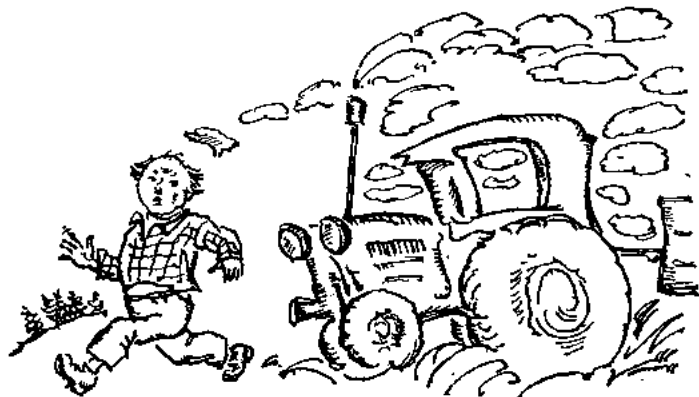
«Не так уж много, — уныло подумал Жорж Свинкин, — не так уж и плохо... Хорошо еще, что тарахтелка эта не взорвалась!» А вслух он поинтересовался:

— В школе ты двоечником был?

— А что, заметно? — приятно удивился Гаврила.

— Сразу видно. Что делать будем?

— Лично я никогда в таких случаях ничего не делаю. Просто жду. Рано или поздно она все равно покатится. И вам нервничать не советую. Деваться вам некуда. Такого грязного вас ни в одну машину никто

не пустит. А я могу к дорогой теще вернуться. Скоро она как раз из милиции придет.

Они посидели еще немного и вылезли из кабины, чтобы размяться и подышать свежим воздухом. Жорж Свинкин тут же пожалел об этом, ибо тракторчонок сначала довольно быстро покатился вперед и лишь затем начал тарыхтеть, скрипеть, стучать и повизгивать.

— Что я говорил?! — восторженно закричал Гаврила. — Не машина, а чудо двадцатого века! Теперь ее не догнать! Она сама скорости переключила!

— Убить тебя мало, — глухо сказал Жорж Свинкин. — В кого ты ленивый такой?

— В себя, — поразмыслив несколько минут, твердо ответил Гаврила и еще более твердо повторил: — В себя, я весь в себя.

— Самолодыр, значит?

— Вроде бы...

Впервые в жизни Жорж Свинкин возненавидел лентяйство, впервые понял, какой вред оно может принести людям. И еще он почти понял: не учись в школе Гаврила на одни только двойки и тройки, не убегай бы от него тракторчонок.

— Ты же меня подводишь, Гаврила несчастная! — не выдержав, почти завопил Жорж Свинкин. — Ты же обещал меня сегодня в леспромхоз доставить! Совесть у тебя есть?

— Кто его знает... — Гаврила вздохнул.

— А почему бы нам с тобой пешком не пойти?

— А это еще зачем? Вам надо, вы и идите. А я обратно к дорогой теще.

— Как же ты можешь машину бросить?! — возмутился Жорж Свинкин. — Как ты меня, человека, бросить можешь?

— А что? — недоуменно отозвался Гаврила. — Машины я не бросал, вы сами видели. Она меня бросила. Завтра утром теща моя, дорогая Глафира Сосипатровна, меня на своем мотоцикле и отвезет в леспромхоз. А вы мою тещу, золотого человека, зря обидели. Вот один и остались. Так что счастливого пути. Все прямо, прямо.

И вот Жорж Свинкин уныло, но очень упрямо шагал по дороге, стараясь ни о чем не думать. Сейчас ему хотелось бы превратиться в этакий полуживой по-

луавтомат, чтобы машинально идти, идти, идти... Однако его израненная, украшенная тремя разноцветными шишками, вся в мазуте голова все-таки потихонечку пыталась сообразить: что же, собственно, произошло?

Почему обладатель этой бедной головы на полном ходу прыгает с поезда, трясется в ужасном прицепе, борется с железной бочкой, бежит за самоходным драндулетом, а сейчас вот топает по незнакомой дороге, которой и конца не видно? И скоро наступит ночь... И еще неизвестно, удастся ли забрать с собой этого негодяя Попова Николая... А ведь если Жорж Свинкин его не уговорит или не запугает, а, честнее говоря, не обманет, быть ему, футбольному тренеру, ночным сторожем!

Было даже странно подумать, что все замечательные планы Жоржу Свинкину, хитрому и ловкому, перепутал этот маленький, похожий на озабоченного воробышка, Шурик Мышкин! И что он к вратарю привязался? И что вратарь без мальчишки шага сделать не хочет?

Увлеченный размышлениями, Жорж Свинкин не заметил, как со всех сторон на землю начала опускаться темнота... Но какая причина заставила этого негодяя Попова Николая, принятого в команду «Питатель», оставшегося без документов, убежать в другую команду?

Жорж Свинкин шагал уже машинально, так сказать, не обращая на это внимания, как полуживой полуавтомат... А что было бы, как бы сложилась его, Хрякова Егорки, жизнь, если бы он с первого класса учился по-человечески? Кем бы он сейчас был? Получалось, что кем бы он ни был, но не топал бы, израненный, измученный и обмазученный, в полутемноте по дороге в неизвестной местности и неизвестно куда...

Тут он — глазам своим сначала не поверил! — увидел у самой обочины тракторчонок с прицепом и обрадовался этому драндулету будущего, чуду двадцатого века, как доброму старому знакомому, вернее, как прямо-таки родному дому. Жорж Свинкин радостно забрался в кабину, аккуратно и старательно прикрыл дверцу, поудобнее устроился на сиденье, мысленно проклял Гаврилу и его дорогую тещу Глафиру Соси-

патровну, поблагодарил судьбу и тракторчонка и самым крепчайшим образом уснул.

Приснился ему радостный и вместе с тем тревожный сон. Будто едет он на тракторчонке один, без всякого там бывшего двоечника Гаврилы,— в крошечной тьме. Казалось, не драндулет будущего, не чудо двадцатого века, а все вокруг тарахтит, трещит, скрипит, повизгивает... Жорж Свинкин очень цепко держится за руль, сам весь трясется вместе с кабиной, сам вроде бы тарахтит, трещит, скрипит, повизгивает, а сквозь все эти оглушительные звуки слышатся требовательные милицейские свистки...

И внезапно понял Жорж Свинкин со страхом, что он не сон видит, а в самом деле едет один на тракторчонке, чуде двадцатого века, драндулете будущего. Бескомандный тренер весь сжался от ужаса, металлические зубы выбивали мелкую дрожь...

Впереди ехала машина с мигалкой над кабиной, и в темноте ярко горели слова «прошу остановиться». Слева и справа тракторчонок сопровождали мотоциклы. На Жоржа Свинкина были направлены яркие лучи электрических фонариков.

Трели милицейских свистков прекратились, и псевдотрактористу стало совсем не по себе: он всегда, всю жизнь знал, еще когда сидя торговал газированной водой и квасом, что с милицией шутки плохи, если совесть твоя не предельно чиста.

Дверца справа открылась, и в кабине оказался человек. Он, оттолкнув плечом, скажем прямо, обалдевшего водителя, что-то нажал, что-то покрутил, и тракторчонок остановился.

— Выходите!

Конечно, Жорж Свинкин был почти уверен, что в данном случае он почти ни в чем не виноват, и его единственным желанием было немедленно сообщить о подлинном виновнике всей этой мазутно-самоходной истории, и он громко прохрипел:

— Гав... гав... гав...

— Прекратите паясничать, гражданин Свинкин! — остановил его строгий голос.

— Гав... гав... га-а-а-ав... рила!

— Ваши документы, гражданин Гаврила Свинкин!

Щурясь от света фар и фонариков, Жорж Свинкин, смею вас уверить, уважаемые читатели, понял,

что он попал вроде бы в совершенно безвыходное положение, и сразу замерз от страха. Ведь полторы минуты назад он был убежден в своей невинности — и вдруг... Если его задержали только по жалобе золотого, но вредного человека Глафиры Сосипатровны, Гавриловой дорогой тещи, — это одно, а если... И, собрав всю силу воли, все остатки мужества, Жорж Свинкин скрипло, но с большим достоинством прохрипел:

— Я тренер футбольной команды «Питатель» Жорж Робертович Свинкин. От меня сбежал вратарь, мне крайне необходимо сейчас же попасть в леспромхоз. А Гав... агав... А... Гав... рила меня подвел! Он, он, он во всем виноват! Даже в моем внешнем виде! Это он меня обмазутил!

— Ваши документы, гражданин!

— Нет у меня документов! — жалобно признался Жорж Свинкин. — Их у меня украли вместе с деньгами! А послезавтра у меня игра, уж не помню где, а вратарь сбежал, а я его ищу...

— А на каком основании вы угнали трактор? Почему выдавали себя за государственного тренера? Почему угрожали оружием и обокрали гражданку Глафиру Сосипатровну Суслопарову? Почему не реагировали на наши приказания остановиться?

А Жорж Свинкин понятия не имел, что значит слово реагировать, но зато не ошибался в том, что дела его весьма и весьма плохи и будут еще значительно хуже, если он не придумает какую-нибудь суперхитрость... Хитрость, так сказать, люкс!

— Дорогие и уважаемые товарищи милиционеры! — торжественно и скрипло прохрипел он. — Может быть, даже вполне может быть, что я в чем-то немножко и виноват. Я за все отвечу. Если потребуется, понесу заслуженное наказание. Но отвезите меня, пожалуйста, сначала в леспромхоз! Дайте мне возможность найти моего вратаря! Помогите развитию футбола! Огромная армия болельщиков будет вам благодарна!

Просьбу его обещали удовлетворить, и Жорж Свинкин бодро направился к машине с зарешеченными окошками.

Едва тронулись с места, как ему стало едва ли не весело: да он все свалит на этого негодяя Попова Николая и на еще большего безобразника — бывшего двоюродника Гаврилу! Он столько наврет про них, что...

ха-ха-ха!.. что... хо-хо-хо!.. что... хи-хи-хи!.. что... хе-хе-хек!.. Почему хек? При чем здесь хек? Но ведь действительно хек какой-то получается... А что он может наврать, предположим, об этом негодяе Попове Николае, если он даже не знает, что вратарь без него делал?

А если не врать, а рассказать правду?.. Но вот чего не умел, того не умел Жорж Свинкин. Он просто понятия не имел, как это — говорить только правду — делается.

Но главное: эх, найти бы в леспромхозе этого негодяя Попова Николая!

Только не надо думать, уважаемые читатели, что Жорж Свинкин, имеющий опыт лишь в сидячей торговле газированной водой и квасом, действовал столь неразумно, что мы заранее можем быть убеждены в его полной неудаче.

Нет, до неудачи, если она и случится, еще очень и очень далековато. И тем, кто не верит в бескомандного тренера и не верит ему, предстоит пережить немало серьезных и опасных событий.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Егор Веселых расстается с огромными черными усами и вспоминает наиболее важные моменты своей жизни, очень горестно размышляя об основном недостатке своего характера

Если бы фамилия человека точно соответствовала тому, как складывалась его жизнь, то Егор Веселых мог бы иногда с полнейшим основанием носить фамилию Грустных или Печальных, а частенько и — Несчастных. Но, несмотря на это, он был и оставался веселым человеком по фамилии Веселых.

Сейчас вот сидел он на кухне перед зеркалом, держал в руках большие ножницы и в последний раз любовался своими огромными черными усами, крутил их, поглаживал...

«Прощайте, прощайте... — с предельной тоской и такой же ласковостью подумал он. — А может быть, до утра хотя бы оставить? Без усов я какой-то... никакой...»

Крутил Егор Веселых свои огромные черные усы, поглаживал их, но странным было то, что пока он да-

же и не вспоминал бывшего попа, не вспоминал и причины, по которой приходилось браться за ножницы. Пока Егор Веселых думал только о своих огромных черных усах.

Не скоро отрастут новые. А ведь он привык к ним, любил их, гордился ими. Честно говоря, он даже не представлял, как теперь будет жить без них.

Громко и с отчаянием повздыхав, Егор Веселых отложил ножницы и решил перед сном чаю попить, так сказать, с вареньем и с усами.

Почему же, уважаемые читатели, он так неосторожно рисковал своим достоинством? Или почему он не послушался Николая Попова, когда тот предлагал оставить усы в покое, тем более, исход последнего удара был весьма неопределенным?

Дело тут вот в чем. С детства была в характере Егора Веселых одна неприятнейшая для него самого черта, о которой он, конечно, никому не рассказывал, но с которой всячески боролся. И до сих пор избавиться от нее не мог.

Черта эта, если говорить прямо, — ярко выраженная, непрестанная склонность к зазнайству, глубоко проникшему в душу Егора Веселых. Он сознавал, что она его к добру не приведет, будет вредить ему всю жизнь, и, если он от ярко выраженной, непрестанной склонности к зазнайству не избавится, она в конечном итоге преградит ему путь в большой футбол. А если Егор Веселых в большой футбол и попадет, то она, склонность к зазнайству, лишит его возможности бесконечно совершенствовать мастерство, а без этого в большом футболе долго не продержишься и ничего не добьешься.

Егор же Веселых, было бы вам известно, уважаемые читатели, дважды проспаривал свою густую кудрявую шевелюру, а усы по той же причине должен был сбрить уже в третий раз.

«Человек обязан быть уверенным в себе, — каждый раз совершенно справедливо рассуждал Егор Веселых, — но он не имеет права быть самоуверенным. Можно гордиться своим талантом, уважать его, развивать, но хвастать им и зазнаваться — стыд и позор для нормального человека!»

Как говорил его любимый командир, старший лейтенант Синица, от зазнайства еще никто не умирал, но

и ума оно еще никому не прибавляло. Зазнайки и хвастуны, продолжал далее старший лейтенант Синица, не менее опасны, чем жулики или какие другие преступники, потому что могут подвести хороших людей в любой момент.

Обо всем этом Егор Веселых, конечно, знал. Знал он об этом, много думал об этом, но никак не мог истребить в себе ярко выраженную, непрестанную склонность к зазнайству. Вот и сегодня судьба в очередной раз наказала его.

И не столько усов ему было жалко, сколько мучило его раскаяние, острое и непреходящее.

Громко и тоскливо повздыхав, Егор Веселых выпил чаю с вареньем и с усами, покрутил их, погладил, взял ножницы, щелкнул ими в воздухе, осторожно, но крайне решительно остриг правый ус и очень глубоко задумался.

Думал он, конечно, не об усах, тем более, половины их уже не было. Размышляя Егор Веселых о своей жизни, которую никак не сочтешь легкой и беззаботной, словно надеялся обнаружить в ней хотя бы маленькое, совсем незначительное себе оправдание.

Забегая вперед, уважаемые читатели, сообщу, что никакого такого оправдания не нашлось.

Шести лет Егорка оказался круглым сиротой, родители его умерли в один год, и они с младшим братом и двумя сестренками очутились, как говорится, на руках одной бабки Домны. Семья-то получилась большая — пять человек! — а полноценного работника нету!

Егорке — шесть лет, старшей сестренке — восемь, братику — четыре, второй сестренке — пять, бабке Домне — шестьдесят восьмой год.

Вот такая арифметика...

Добрые люди настойчиво уговаривали бабушку Домну отдать внуков и внучек в детдом, но она еще более настойчиво уверяла:

— Пока я жива, все будем вместе. Семейка у нас надежная. — А внукам и внучкам она еще более настойчиво внушала: — Если никто лениться не станет, выживем. Если никто хныкать не станет, не заметите, как все подрастете.

Егорка сразу понял, что бабка Домна неплохой командир. И жить, и расти им помогала, как он потом

рассказывал, армейская дисциплина и взаимовыручка.

Не оставили их в беде ни родственники, ни соседи, ни комбинат, где работали их родители.

Весной добрые люди вспахивали надежной семейке огород, осенью привозили и разделявали дрова, у бабки же Домны никто, даже самые младшие, никогда не сидели без дела.

И всегда у них дома было весело. А весело — это вовсе не значит, что все время все только тем и занимались, что хохотали, хихикали, гоготали и приплясывали.

Весело жить — это значит, что никто не думает о беде, все заняты нужными, необходимыми делами, все верят, что с каждым днем жить будет все лучше, если не туеядничать и не хныкать.

А похныкать, кстати, причин было предостаточно каждому и каждый день. Вот, предположим, примчится Егорка из школы, требуется ему быстренько поесть да на каток, а бабка Домна велит немедленно курятник вычистить. И работенка-то не очень приятная, и куры несусветный гвалт устраивают, но и не надо Егорке напоминать, что омлет и яичница — пища вкусная и полезная. А на коньках он завтра покатается.

Горьковато, конечно, сознавать, что приятели твои сейчас бегают сломя голову, в игры всякие играют, а тебе надо чугун картошки начистить. Но когда из этой картошки шанежек настряпают, ешь ты их с особым удовольствием, а еще больше радуешься, видя, как уплетают стряпню братик и сестренки.

Вообще с малых лет Егорка уразумел, что семейка у них особенная — целиком трудящаяся, оттого и надежная.

Тяжелые времена наступали, когда бабка Домна заболела. Хотя и редко такое случалось, но эти времена Егор Веселых помнил до сих пор.

Проснутся ребяташки утром, а с печи слышится тихий, виноватый бабкин голос:

— Простите, родимые мои, занемогла. Не могу встать. Придется мне, старой, сколько-то дней побездельничать. Доставайте-ка из печки кашу, молочка наливайте, ешьте и марш все по своим делам. А мне соседкушку позовите, она и меня полечит, и обед готовит. Только не забудь, Егорушка, дровец принести да

я водички тоже. Из подполья овощей достаньте, капустки соленой прихватите, постельки застелите да и полы подметите.

Однажды же бабка Домна больше месяца пролежала в больнице, дрогнула вначале семейка, чуть было не растерялась, но ничего-ничего, выдержали, выстояли, по-прежнему выполняли все дела, даже баньку топили по субботам.

Великое это счастье — умение не сдаваться бедам и трудностям, унынию и безделью.

Зато и быстро летело время-годы, а лето так прямо промелькивало.

Каждую свободную минутку Егорка отдавал своему любимому футболу, хотя играть ему, бедному, приходилось только босиком: бабка Домна обувь в целях, так сказать, экономии прятала.

В своем любимом футболе Егорка не знал никакого удержу. Все ребята уже по домам разойдутся, потому что стемнело, а Егорка и в темноте удары отрабатывает, пока его бабка Домна за шиворот домой не приведет. И обратите внимание, уважаемые читатели, что удары-то в темноте Егорка отрабатывал... без мяча. Да, да, своего мяча у него не было, зато желания играть было хоть отбавляй, вот он и приноровился — прыгает, бегают, скачет, удары производит словно бы по мячу...

Бабка Домна как будто что-то понимала в безудержной внуковой страсти, не препятствовала ему, а когда он подряд три раза вывихнул большой палец правой ноги, купила Егорке резиновые тапочки.

И, пожалуй, единственное, что отравляло Егорке жизнь, толкало на скорбные, но бесполезные размышления, так это словно бы мимоходом брошенный кем-нибудь вопрос:

— Как жить-то, горемыки, будете, когда помрет бабка-то?

Конечно, Егорка с достоинством отвечал, что никакие они не горемыки, живут не хуже других, а некоторых даже и получше, но вот как действительно они будут жить без бабки Домны, он и представить не мог, сколько ни пытался.

Сама бабка Домна не раз говорила:

— Долгонько я еще протяну. Мне вас одних оставлять нельзя. Вот получают наши старшенькие паспор-

та, тогда я о себе и подумаю. А может, и еще дальше жить надумаю.

Если хотите знать, уважаемые читатели, то к службе в армии Егора подготовила, и замечательно подготовила, бабка Домна, умом и сердцем понимавшая, каким должен расти будущий солдат и настоящий мужчина.

Но неужели в этой дружной семейке никто никогда не совершал проступков? Бывало, конечно, и не так уж редко. А наказывали ли провинившихся и как наказывали?

Провинившихся внуков и внучек бабка Домна наказывала и часто наказывала очень жестоко.

Вот, предположим, забыл Егорка принести воды, и тогда ведро брала сама бабка Домна и сама, не сказав ни слова, приносила воду. Егорка от жалости к ней и стыда был готов провалиться сквозь землю!

Но самым суровым наказанием в целиком трудящейся семейке было такое: провинившемуся категорически запрещалось работать. Да, да, если ты не выполнил бабкиного распоряжения, ступай себе, отдыхай на здоровье, раз безделье тебе работы дороже, а мы без тебя обойдемся в делах своих и заботах. Мы без тебя и воды и дров наносим, и печку истопим, и еду приготовим, и стол накроем — садись, маленький тунеядник, угощайся, но трудиться мы тебе не позволим, это тебе еще надо заслужить! Бездельничай сколько только тебе угодно!

И вот представьте себе, уважаемые читатели, мучения и страдания провинившегося: все в делах, все в трудах, все в заботах, а его и близко не подпускают. И невольное бездельничанье не только не приносит провинившемуся никакой радости, а, как говорится, совсем наоборот: он уже согласен землю носом рыть, лишь бы не тунеядничать, а работать.

Вспоминая об этом, Егор Веселых задумчиво крутил последний ус и печально смотрел на предпоследний — отрезанный. Помнится, когда он впервые отрастил усы, когда его так и тянуло к зеркалу полюбоваться на себя, то, все время вспоминая бабушку Домну, горько жалел, что она не дожила до такой его красоты.

Умерла бабка Домна, когда старшей внучке было уже восемнадцать лет, она работала и училась, а Егор-

ка уже получил паспорт, и они вдвоем возглавляли дружную, надежную, целиком трудящуюся семейку. Но самым главным в их жизни оставалось то, чему научила бабка Домна: не ленись, трудись, помогай — и не хуже других жить будешь.

И даже когда Егора призвали в армию, дружная семейка не растерялась, сказала ему:

— Служи, солдат, Родине, учись ее защищать, а о нас не беспокойся!

Конечно, он беспокоился, и очень, но все прошло благополучно: выдержала дружная, надежная, целиком трудящаяся семейка все испытания, выстояла перед всеми бедами, преодолела все невзгоды.

Улыбнулся своим воспоминаниям Егор Веселых, взял ножницы, пощелкал ими в воздухе, покрутил последний ус, нежно погладил его, затем осторожно, но крайне решительно остриг этот огромный черный ус и очень горестно задумался.

Было Егору Веселых стыдно за свое поведение. И вовсе не из-за того, что он поспорил усы. Стыдно ему было за то, что вел он себя неспортивно. Хвастался. Опять подвела его ярко выраженная, непрестанная склонность к зазнайству. А мастерства-то не хватило! Правда, этот поповский вратарь... Техники вроде бы никакой, а... попробуй забей ему гол! И откуда такой взялся?

Тщательно побрившись, Егор Веселых еще выпил чаю с вареньем, но уже без усов, налил коту Жоржику молока и решил лечь спать мертвым сном до утра, чтобы не заниматься горестными размышлениями. Завтра предстоит нелегкий день, дел было множество, и одно важнее другого. Шутка сказать — поступать в команду и на работу.

Обычно он засыпал мгновенно и крепко: покрутит свои огромные черные усы, нежно погладит их — и тут же заснет.

Вот и сейчас Егор Веселых по старой привычке потянулся рукой к усам и покрутил... свой нос! Сначала он даже ничего и не понял, потянулся к усам другой рукой и снова ухватил себя за нос... Жалобно, как мальчишка, шмыгнув этим самым носом, Егор Веселых осторожно провел пальцем над верхней губой, и сердце его остро, до боли сжалось, а в очень возбужденном сознании проскользнула мысль: опозорился ведь!

— О-по-зо-рил-ся,— вслух прошептал он испуганно и удивленно.— Осрамился... зазнался опять... хвастался опять...— Он сел в темноте на кровати и долго сидел, совершенно забыв о сне.— О-по-зо-рил-ся... о-сра-мил-ся... зазнаец хвастливый... хвастун зазнайный...

А что, если этот поповский вратарь всем расскажет, что ни одного толкового мяча не смог забить ему он, Егор Веселых?!

А что, если этот вратарский поп всем расскажет, что выиграл усы у него, у Егора Веселых?! Расскажет, расскажет, как пить дать расскажет!

И — правильно сделает! Не хвастайся, Егор Веселых, не зазнавайся, а технику удара по мячу отработывай!

И он сам жалобно-жалобно рассмеялся. Смех прозвучал не только жалобно-жалобно-жалобно, но и жалко-жалко-жалко... Позор! Стыд! Презрение зазнайке и хвастуну! Не место таким в большом футболе!

Да-а, как говорил его любимый командир, старший лейтенант Сеница, не глупость страшна, а расплата за нее...

А что, если бы при этой некрасивейшей истории присутствовал бы сам старший лейтенант?!?!?!?

Егор Веселых сбросил одеяло, прыгнул с кровати на пол, вытянулся по стойке «смирно» и яростно прошептал:

— Виноват, товарищ старший лейтенант! Больше такого позорного стыда не повторится! Честное солдатское и центрально-нападающее, вытравлю из себя зазнайство! С корнем вырву из себя хвастовство! Тренироваться обещаю не жалея сил! Не жалея сил, тренироваться буду! — почти в иступлении громко шептал он, тяжело и глубоко передохнул, продолжал более или менее спокойным тоном: — Понимаю, конечно, товарищ старший лейтенант, что смешно вот так в темноте и в трусах с вами разговаривать, но я сейчас, честное слово, абсолютно серьезен. Я ведь сейчас за глупость свою расплачиваюсь.

Может быть, кто-нибудь из вас, уважаемые читатели, и усмехнется, может быть, даже ехидно усмехнется, читая эту сценку. Однако мне кажется, что повода для усмешек, тем более ехидных, здесь нет. Егор Веселых действительно был абсолютно серьезен.

Снова залезая под одеяло, он уже обдумывал, как завтра извинится перед странным вратарем за свое самоуверенное, неспортивное поведение и поблагодарит его за хороший урок... Егор Веселых, до боли напрягаясь, старался закрыть глаза, но они тут же легко, без усилий сами раскрывались.

Такого с ним еще никогда не бывало!

Он ворочался с боку на бок, со спины на живот, опять с боку на бок и снова со спины на живот и с каждым движением чувствовал себя все бодрее и бодрее. Тогда Егор Веселых стал соображать, что же именно ему спать мешает. Думал он, думал, соображал он, соображал — и вспомнил: не глупость страшна, а расплата за нее! А ведь некоторое время назад он полагал, что достаточно осознать свою вину, раскаяться — и можно спать спокойным сном. Оказалось, увы, не так. Чуть ли не с каждой минутой на душе у него становилось все беспокойнее, все тревожнее.

Думалось, например, о том: а что было бы, если бы он выиграл спор. Ведь тогда бедный поповский вратарь расстался бы со своей шевелюрой, а он, Егор Веселых, зазнался бы еще больше!

Пришлось ему встать, пройти на кухню, разогреть чайник и снова пить чай с вареньем, но, конечно, уже без усов.

Все это он делал только для того, чтобы хоть что-нибудь, да делать. Он ведь привык жить с усами, и сейчас их ему ах как не хватало! Вот и приходилось для утешения покручивать пальцами в воздухе около носа.

В кухню вошел заспанный и недовольный кот Жоржик, несколько раз потянулся, столько же раз сладко зевнул и удивленно уставился круглыми глазами на хозяина, даже присел на задние лапы.

— Что, Жоржик? — тоже удивился хозяин. — Что тебе не спится? У тебя-то усы целы.

Жоржик озадаченно мяукнул и не сводил с него удивленного, вернее, все более удивляющегося, взгляда. Опять озадаченно мяукнув, он побил по своим усам сначала одной лапой, потом другой.

— А-а, и ты заметил! — догадался Егор Веселых. — Да, да, Жоржик, нету у меня больше усов. Проспорил я их из-за своего зазнайства и хвастовства. Так мне и надо.

«Так мне и надо! Так мне и надо! Так мне и надо! — застучало в голове Егора Веселых. — Надо мне так! Надо мне так! Так мне и надо!»

— Надо, надо, мне, мне, так, так! — вслух сказал он и снова покрутил пальцами в воздухе около носа и усмехнулся, поймав себя на этих нелепых движениях. Он улегся в постель, как можно крепче зажмурил глаза, но они сами легко раскрылись.

Егор Веселых почувствовал, что ему уже надоело переживать свое неспортивное поведение. Во-первых, он сам себя достаточно жестоко наказал — расстался с усами, во-вторых, ночью надо спать, ибо завтра ему надо записываться в команду, а если сразу придется участвовать в тренировке, показывать, на что способен, а для этого силы нужны... Он с головой накрылся одеялом и решил из-под него не высовываться. Но скоро ему под одеялом стало жарко и душно, а еще более того — тоскливо и совсем уж муторно.

Тут я должен, уважаемые читатели, перед тем как закончить эту главу, подчеркнуть, что расплата за глупость известна только умным и честным, а дурак и подлец, извините, от своих глупостей и подлостей нисколько не страдает, а наоборот — пребывает в блаженстве и гордости.

Вот почему Егор Веселых заснул только под утро.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

«Адре... адре... адре...»

Дядя Коля с Шуриком уже в темноте вскипяттили на улице еще один самоварчик и снова сидели на кухне и очень взволнованно беседовали о жизни, главным в которой, конечно, является футбол.

— Ты ведь тоже, наверное, мечтаешь футболистом стать? — спросил дядя Коля. — Так тебе в двести раз проще, чем мне.

— Наоборот, у меня в триста двадцать два раза все сложнее, — грустно отозвался Шурик. — Мне еще надо вырасти. Хотя бы подрасти. Лишь тогда я смогу мечтать о футболе. Сейчас же мне разрешают только одно — абсолютно отлично учиться. В футбол я играю редко и украдкой. Учусь, учусь, учусь. В школе учусь и дома тоже учусь. Дело дошло до того, что примерно

в середине учебного года у меня в голове все стало перепутываться. Показалось, например, что дважды два пять, а слово «врач» пишется с мягким знаком.

— На свежем воздухе почти не бываешь, — озабоченно и с сожалением объяснил дядя Коля. — Двигаешься мало. В футбол надо играть азартно, до изнеможения. Вот за лето отдохнешь, наберешься сил и спокойно станешь этим самым абсолютно круглым отличником. А родителям, брат ты мой, прекословить нельзя даже тогда, когда они не особенно правы. Родители дали нам жизнь...

— В футбольной команде вам, Николай, несдобровать, — категорическим тоном произнесла, возвращаясь на кухню, бабушка Анфиса Поликарповна. — И на любой работе, в любом коллективе над вами будут посмеиваться из-за того, что вы работали попом. Я сейчас как раз над этим думала. Телевизор всегда располагает к размышлениям. Причем чем хуже передача, тем больше у меня появляется мыслей. В иные дни от мыслей просто некуда деться.

— Я готов ко всему, — довольно хмуро проговорил дядя Коля. — Кроме того, я терпелив. Великая же цель рождает великое терпение. А на каждый роток не накинешь платок. Буду веровать в добрых людей. Мир не без них.

— Так-то оно так, — не очень охотно согласилась бабушка Анфиса Поликарповна. — Мир, конечно, не без добрых людей, но и не без мальчишек... И достаточно одному из них, пускай самому маленькому, узнать о вашем церковном прошлом, как они... Ужас! Ведь они могут вас задразнить!

— Нет-нет, меня задразнить невозможно. Задразнить можно лишь слабого и неуверенного в себе. А если я к тому же окажусь непробиваемым вратарем, все остальное не будет иметь никакого значения. А я обязательно стану непробиваемым вратарем!

— А если этот клетчато-полосатый прыгун здесь больше не появится? Как вы без документов?

— Куда он денется? — презрительно удивился Шурик. — Он ведь отправился искать дядю Колю и будет искать, пока не найдет. А найти его можно только вот здесь, у нас.

Тут и раздался дверной звонок — осторожный, какой-то слишком уж хитренький: дескать, принимайте-

ка дорогого гостя, хотя и недолгожданного, но чтоб об этом никто больше ни-ни-ни...

— Это... он! Он... это! — в неподдельном ужасе прошептала бабушка Анфиса Поликарповна. — Я даже видеть его боюсь, я...

— Сидите спокойно и пейте чай, — властно остановил ее дядя Коля. — Открывай, Шурик. Впускай.

Увидев за порогом Жоржа Свинкина, Шурик от неожиданности громко ойкнул и попятился назад. Тренер несуществующей команды «Питатель» был облачен в серый, застиранный, широченный и длинный, до полу, халат, подпоясан скрученной простыней с огромным узлом вроде банта на животе.

Шлепая тапочками без задников, он быстро и решительно прошествовал на кухню и зазаякался зло и хрипло:

— Поп!.. Поп!.. Поп!

— Ну и что? — Дядя Коля грозно поднялся ему навстречу. — А какое ваше дело? Отдавайте мои документы, и чтоб больше я вас не видел!

— Поп!.. Поп!.. Поп! — продолжал усиленно заикаться, щелкая стальными и золотыми зубами, словно дразнился, Жорж Свинкин. — Поп!.. Поп!.. Поп!

— Да, да, я бывший священнослужитель! — уже не на шутку разгневался дядя Коля. — Но вас это никоим образом не касается, величайший вы грешник! Где мои документы?

— По-о-оп... по-о-о-оп... по-о-о-о-оп...ался! — наконец-то скрипло выхрипнул Жорж Свинкин. — Попался! Попался и попом оказался! Да если бы я знал, что ты бывший поп, то сто тридцать четыре раза с половиной глубоко бы подумал, прежде чем с тобой дело иметь! Но сейчас думать уже поздно! Бежать надо, то есть ехать! Завтра начало тренировок, как ты этого понять не можешь! Отправил я уже твои документы, Коленька! Ты уже зачислен в мою команду «Питатель!» Слава тебе уже ждет, болельщики тебя на вокзале встречать будут!.. — Жорж Свинкин устало опустил плечи, почти плюхнулся на табуретку, подвернул длиннющие рукава халата, словно собирался драться на кулачках. — Я сюда прямо из больницы, — объяснил он. — Еле-еле удалось оттуда исчезнуть. Но вот в таком крайне неприличном виде... Поп! С ума сойти! Поп... Как говорится, не было печали... Но я спасу тебя, Коленька! Никто ни

о чем никогда ничего не узнает. А здесь уже завтра всем, всем, всем будет известно, что ты — о боже! — бывший священный служитель. Тебя засмеют! Тебя задразнят! Ни в какую команду тебя не возьмут!

— Вы его опять обманываете! — возмущенно скавал Шурик.

— Я! Его! Обманываю! — предельно оскорбился Жорж Свинкин. — Пока он меня обманывает как хочет! А я все терплю! Кто из-за кого с поезда грохнулся? Кто из-за кого в нечеловеческих муках, рискуя жизнью, до леспромхоза добрался? А кто из-за кого в милиции оказался?

— А кто вас просил с поезда прыгать? — снова возмущился Шурик. — Кто вас просил в нечеловеческих муках до леспромхоза добираться?

— Долг тренера и совесть спортсмена, — гордо и скрипло прохрипел Жорж Свинкин. — Бескорыстная работа о судьбе перспективного голкипера. Но, увы, меня направили по ложному следу...

Разглагольствуя, Жорж Свинкин почти непрерывно засучивал длиннющие, разворачивающиеся рукава халата, словно собирался драться на кулачках, и поправлял огромный узел на животе, завязанный как бант. Уплетая сало с хлебом, смачно хрумя солеными огурцами, он так обильно разглагольствовал, словно боялся, что кто-нибудь его перебьет и больше не даст сказать ни слова.

Беспрестанное говорение его сводилось к тому, что никто в мире не сможет, причем предельно быстро, подготовить дядю Колю для большого футбола, кроме него, Жоржа Робертовича Свинкина, скромно выражаясь, замечательного тренера. Завтра же начнем тренироваться, да и первый матч не за горами.

Но с очень огромным удивлением он чувствовал, что сам не совсем верит своим собственным словам, потому что видел, что его грандиозные обещания не производят никакого впечатления даже на бабушку Анфису Поликарповну.

Отчего?

Почему?

В чем дело?

Как же так?

Неужели он зря старается?!

И Жорж Свинкин, поднатужившись, собрав весь за-

пас хитрости, с утроенной энергией продолжал вдохновенно врать, как совершенно прекрасно организован в команде «Питатель» тренировочный процесс.

Пока бескомандный тренер занимается этим неблагоприятным делом, я доложу вам, уважаемые читатели, что случилось с беспардонным вруном после того, как его настигла милиция.

Сначала Жоржа Свинкина по его настойчивым, почти слезным просьбам отвезли в леспромхоз, а по дороге горе-тренер прямо-таки мелко дрожал от острого нетерпения увидеть этого негодяя Попова Николая, а когда увидел его, едва не рухнул в обморок: перед ним был не тот Попов Николай!!! Футболист, но маленького роста. Нападающий.

Жорж Свинкин был настолько потрясаяюще растерян, что и не заметил, каким образом очутился в помещении милиции, и далеко не сразу сообразил, что от него хотят и о чем его расспрашивают.

Надо тут же отметить, что весьма и весьма подозрительным милиции представлялось все поведение Жоржа Свинкина. Но конкретных обвинений было три. Первое: в больнице он выдавал себя за государственного тренера, каковым на самом деле не является, потому что и звания такого вообще не существует. Второе: ограбление гражданки Глафиры Сосипатровны Суслопаровой (тридцать два блина и полтора литра сметаны) с угрозой применить оружие. Третье: угон трактора с прицепом.

Отдышавшись, чуть-чуть-чуть освободившись от страха, с большим трудом пересиливая заикание, Жорж Свинкин впервые в жизни говорил правду, и это было для него столь непривычно, что он часто запутывался и забывал самые обыкновенные слова. Под строгими и осуждающими взглядами работников милиции он потерял почти всю самоуверенность, виновато и довольно скромно объяснил свое внешне нелепое и весьма подозрительное поведение.

Государственным тренером он назвал себя абсолютно случайно, без всякого злого умысла, да и зубы надо было вставить побыстрее в интересах развития футбола — любимой игры миллионов. Ведь не лично же ему, Жоржу Робертовичу Свинкину, необходим этот, простите, негодяй Попов Николай, замечательный вратарь, но несознательный человек. Но он нужен, представьте

себе, большому футболу! Вот поэтому-то из-за него и прыгнул он, сознающий свой долг тренер, на полном ходу с поезда, вот почему и разбился весь!

Оружия у него никакого не было и быть не могло. Тунеядского тракториста, бывшего двоечника Гаврилу, и его на редкость жадную тещу Глафиру Сосипатровну он пугнул обыкновенным сучком. Во всем виноват лентяй Гаврила: ведь он сам обещал накормить его, то есть, скромно говоря, выдающегося, но крайне голодного тренера. Да, да, крайне голодного, да еще и измотанно-измученного сверхужаснейшей поездкой в неопишемом грязном прицепе и длительной борьбой с обмазученной бочкой. А теща Гаврилова его, борца и страдальца, не только в избу не пустила, а к тому же и крокодилем обозвала.

Трактор он и не собирался угонять и не мог угнать при всем своем желании, так как управлять машиной не умеет, впрочем, как и сам Гаврила. А он, Жорж Робертович Свинкин, просто влез в кабину, чтобы сократить ночь, а тот, тракторчонок, драндулет будущего, чудо двадцатого века, по своей глупейшей особенности самостоятельно двинулся вперед по дороге.

— Как видите, уважаемые товарищи,— заканчивал свои показания Жорж Свинкин, чувствуя на душе незнакомое доселе спокойствие оттого, что не врал, как обычно, а говорил почти только правду,— меня пожалеть надо, мне помочь надо, а не наказывать меня! Кроме моральных ударов, я понес материальные потери. Ведь никакая химчистка не возьмется привести в порядок мой костюм, прямо-таки катастрофически обмазученный Гавриловой бочкой!.. Документы? Если бы я знал, где они! И документы Попова Николая я потерял, все свои деньги я потерял! Нет денег даже на обратный проезд, уважаемые, дорогие товарищи...

Поверили Жоржу Свинкину, хотя все-таки пристыдили, особенно за хулиганские действия по отношению к гражданке Суслопаровой Глафире Сосипатровне, но зато обещали помочь с химчисткой, обещали также начать розыск документов и денег, а сейчас предложили отправиться в больницу, чтобы отмыться и сделать перевязки.

И вот на кухне, взволнованный, даже возбужденный собственными разглагольствованиями, Жорж Свинкин заканчивал:

— Боюсь, просто панически боюсь, Коленька, что милиции уже известно твое поповское прошлое. Они как-то так расспрашивали о тебе, что было ясно: ты под огромным подозрением. Конечно, никому не запрещается быть попом, тем более бывшим. Но вот представь себе такую картину: этот бывший поп стремится проникнуть в рабочий коллектив, в команду...

— Николай! Я вас умоляю! — в неизмеримо большом волнении воскликнула бабушка Анфиса Поликарповна. — Не верьте ни единому слову этого субъекта! Он сам в сверхвысшей степени подозрителен! В каждом его слове, даже в каждом звуке его неприятнейшего голоса ложь и фальшь! Фальшь и ложь!

С великим сожалением, с глубочайшей укоризной посмотрел на нее Жорж Свинкин, скорбно покачал своей израненной, украшенной тремя разноцветными шипками головой и проговорил очень хрипло:

— Понятно, понятно... Потрясающе нелепо, чудовищно несправедливо... Но я не обескуражен, даже не растерян, я привык к людской неблагодарности. Но дело не во мне. Единственный к тебе вопрос, Коленька: почему ты не хочешь, не горишь желанием завтра же приступить к тренировкам?

— Он сегодня уже тренировался, — по возможности спокойно сказал Шурик, но тут же возмутился: — А по какому праву вы взяли у него документы?

— Тебя, мальчик, никто ни о чем не спрашивает, — презрительно бросил Жорж Свинкин. — Мы, взрослые, как-нибудь разберемся сами. Документы его я уже отправил, чтобы ускорить зачисление в команду. Он уже футболист! Я уже сделал то, о чем ты мечтал, Коленька! Даю тебе на размышление...

— А он не нуждается в вашей помощи! — перебил Шурик.

— Совершенно очевидно! — добавила бабушка Анфиса Поликарповна. — Вы, Жорж, переполнены ложью! А толку от вас мало! Вы даже борщ посолить не в состоянии!

— Обращаюсь только к нему! — Жорж Свинкин вскинул руку в сторону дяди Коли. — А вы — молчите! Или завтра ты, Попов Николай, начинаешь прямой путь в большой футбол, или остаешься здесь и влачишь жалкое существование! Тогда — прощай, бывший поп и бывший перспективный вратарь!

В ответ ему было молчание.

— Молчание — знак согласия? — вкрадчиво, скрывая торжество, хрипло проскрипел Жорж Свинкин. — Значит, вперед, в большой футбол? Значит, за мной шагом марш?

— Нет, нет, — негромко, но совершенно твердо ответил дядя Коля, и Шурик с бабушкой Анфисой Поликарповной облегченно и громко вздохнули. — Нет, нет, — чуть громче, но еще тверже повторил дядя Коля. — Я с вами никуда не поеду, и вы никуда не поедете, пока мои документы не будут у меня. Где они?

— Я отправил их, повторяю, для скорейшего оформления тебя в команду.

— Когда же вы могли их отправить? Вы их взяли у меня на вокзале. Потом вы прыгали с поезда, попали в больницу. Оттуда сразу в леспромхоз. Куда вы дели мои документы?

Жорж Свинкин весьма энергично засучил рукава, словно собирался драться на кулачках, тщательно поправил узел на животе и ответил, вызывая отчетливо выговаривая каждое слово:

— Хорошо, хорошо, отлично, замечательно. Я хотел избавить тебя, Коленька, от лишних волнений. Чтобы все свои силы ты приберег для завтрашней тренировки... Я потерял твои документы вместе со своими. И деньги еще я потерял. Вот какое несчастье! — Он с видимым наслаждением взглянул на растерянное лицо дяди Коли. — Выход один — быть нам с тобой, Коленька, вместе, вдвоем нам с тобой, Коленька, выкручиваться из этой истории.

— Ни одному вашему слову я не верю, — глухо проговорил дядя Коля. — И понятия не имею, где мои документы. Отправили вы их, потеряли, спрятали? Неизвестно... Товарищи... — Голос дяди Коли дрогнул. — Я ведь в безвыходном положении...

— А я? — с невинным видом спросил Жорж Свинкин. — Мы с тобой, Коленька, из-за тебя оба оказались в безвыходном положении.

— Вам надо идти в милицию! — обрадованно воскликнул Шурик. — Он ведь незаконно захватил ваши документы...

— Малыш, мальчик, деточка! — укоризненно перебил Жорж Свинкин. — Я уже был в милиции и обо всем доложил. Прошу всех помолчать! — грозно приказал

он, чтобы скрыть за этой грозностью свою полнейшую растерянность.— Мне необходимо подумать!

Самое сверхужасное заключалось в том, что Жорж Свинкин никак не мог сообразить, в чем же он просчитался. Найти такого уникального, такого перспективного вратаря и... потерять его?!?!?! Неужели нельзя обмануть его, припугнуть его неужели нельзя?!?!?!

Можно, конечно, можно!

Нужно, вернее, нужно!

Но как??????

— Минуточку внимания,— хрипло проскрипел Жорж Свинкин.— Больше я тебя, Коленька, уговаривать не буду. Поступай как знаешь. А меня ждет команда. О документах завтра же справишься в милиции. В момент, когда ты расстаешься со мной, ты расстаешься и с мечтой о большом футболе. И жаль мне тебя, искренне жаль. Но последний раз еще предупреждаю,— сквозь стальные и золотые зубы процедил он,— без меня ты выдающимся спортсменом не станешь... Прощай, Коленька... — Он медленно дошел до дверей, постоял в нерешительности, обернулся.— Адре... адре... адре...— почти сквозь слезы заикался он, вытянулся, сжал кулаки, пытаясь справиться с неожиданным огромным волнением, и скрипко прохрипел: — Адре... адре... а-а-а-адре... — И, махнув рукой, Жорж Свинкин вышел.

Злобно стукнула дверь.

— Адре...— пожав плечами, недоуменно произнесла бабушка Анфиса Поликарповна.— Его последнее слово... Адре? Что бы это могло означать?

— Что бы это ни означало,— сказал Шурик,— но не зря ли мы его отпустили? Вдруг он действительно самый обыкновенный жулик? Ведь без документов вас и на работу не примут, а значит, и в команду не возьмут.

— Никуда он не денется,— довольно уверенным тоном отозвался дядя Коля.— Завтрак в восемь ноль-ноль, и сразу после него я отправляюсь в милицию.

— Завтрак в восемь ноль-ноль?! — ужасно поразилась, невероятно возмутилась, очень страшно испугалась бабушка Анфиса Поликарповна.— Мне не проснуться... Не встать... Не подняться... Я уже семь с половиной лет просыпаюсь не раньше половины одиннадцатого... Это укрепляет мне нервную систему и про-

дляет жизни! — убежденно воскликнула она. — А сегодня я столько истратила нервов... А ведь я приехала отдыхать!

— Ты и будешь отдыхать, — попытался успокоить ее Шурик, — продукты на завтра у нас есть.

— Утро вечера мудренее, — очень широко зевая, сказал дядя Коля. — Будем надеяться, что завтра все образуется, все обретет порядок.

Бабушка Анфиса Поликарповна чуть-чуть-чуть успокоилась, но с сомнением покачала головой и спросила:

— А что все-таки значит «адрес»?

Опять очень широко зевнув, дядя Коля ответил:

— Завтра узнаем.

И вскоре на всю квартиру раздался его богатырский храп. Как тогда, когда они с Шуриком отдыхали после тренировки и обеда, в носу дяди Коли спрятался целый оркестр! Там рокотали разные трубы и трубочки, пели флейты, пищали кларнеты, и, казалось, вот-вот загремят барабаны...

Шурику не спалось. Он с удовольствием, даже с наслаждением слушал богатырский храп дяди Коли, перебирал в уме сегодняшние события.

Эх, научиться бы храпеть так же богатырски, как дядя Коля! Шурик сильно втянул воздух носом и рассмеялся: вместо храпа получилось хрюканье, так сказать, не храп, а хрюк.

И еще шесть раз похрюкав, Шурик крепко-накрепко заснул.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Совершенно загадочное исчезновение бабушки Анфисы Поликарповны

Обычно Шурик просыпался в вялом, как говорится, дурном, расположении духа, то есть с очень плохим настроением, равнодушный почти буквально ко всему. Ведь ничего его никогда не ожидало, кроме надоевшей учебы — в школе и дома.

Сегодня же он громко и радостно хрюкнул, едва слышав бодрый голос дяди Коли, призывавший его проснуться, сбросил одеяло и прыгнул на пол.

Дядя Коля, видимо, для того чтобы не разбудить бабушку Анфису Поликарповну, негромко спросил:

— А кто твою кровать заправлять будет?

Сам он постель свою уже собрал и аккуратно сложил на диване.

— Как это и что это — заправлять кровать? — удивленно и с явным интересом спросил Шурик. — Понятия не имею. Чем ее заправлять? Бензином?

— Ты понятия не имеешь, как это и что это — заправлять кровать? — еще более удивленно спросил дядя Коля. — И еще шутишь над этим? Просто даже и не верится. Ведь каждое утро ты вставал с кровати и... И неужели тебе ни разу за всю жизнь не пришлось в голову подумать о том, что кто-то каждое утро всю твою жизнь заправляет кровать, в которой спал ты?!

Шурик с унылым до крайности видом молчал, склонив набок взъерошенную голову, которая действительно ни разу за всю жизнь не подумала о том, что кровать надо заправлять.

— Ты только посмотри, как это просто делается! — И дядя Коля ловко и быстро застлал кровать, взял подушку. — Вот и вся наука!

— Вот и научусь, — невесело пообещал Шурик. — Только зря вы удивляетесь. Да, да, представьте себе, что никто никогда мне не говорил, что кровать за собой надо заправлять. А сам я... — он довольно глубоко и так же тяжело вздохнул, — а сам я не догадался.

— Всего самому в жизни и не понять, — объяснил дядя Коля. — Вот и будем помогать друг другу, и дела наши, будем надеяться, пойдут в гору. А сейчас мы быстренько и с полной отдачей потренируемся!

Они взяли мяч и, можно сказать, рванули на место вчерашней тренировки. Впереди огромнейшими шагами бежал огромный дядя Коля, за ним мелкими шажочками-прыжочками спешил маленький Шурик. Он, конечно, отставал, и дядя Коля был вынужден часто останавливаться и в великом нетерпении поджидать его.

И, не выдержав такой гонки с такими препятствиями, дядя Коля посадил мальчишку к себе за спину и под его восторженные попискивания и повизгивания помчался дальше еще быстрее, еще более огромнейшими шагами.

Прибежав на поле, наши футболисты сразу же занялись своим любимым делом, забыв обо всем на свете, и занимались до тех пор, пока у Шурика не подко-

склились ноги. Он непроизвольно сел, прямо-таки упал на землю, обессиленно крикнув:

— Ничего себе тренировочка!

— Тренировочка тут ни при чем,— обиженно проговорил дядя Коля,— это физическая подготовочка у тебя наислабейшая.— И он стал упрашивать его еще побить по воротам, но Шурик вдруг убежденно сказал:

— Да мы же с вами ерундистикой занимаемся!

— Почему ерундистикой? — удивился и опять обиделся дядя Коля.— Я с каждым ударом чувствую себя все уверенней! Святым делом, можно сказать, занимаемся! Ведь отработка одиннадцатиметровых...

— Правильно, правильно, правильно! — запальчиво и несколько насмешливо перебил Шурик.— Но ведь вратарское мастерство состоит не только в умении брать пенальти! Умеете ли вы, например, посылать мяч в поле? Нет! А как вам вести себя при подаче угловых, знаете? Нет? Вообще пора уже выучить правила!.. А кроме того, нам давно пора идти разыскивать Свинкина. Раздобыть ваши документы — наша главная задача!

— Разумно, в высшей степени разумно мыслишь,— одобрил дядя Коля.— В занятии любимейшим футболом я совсем забыл о мирских делах. Идем.

Они тотчас же отправились обратно домой, не подозревая, конечно, какие их там ожидают неожиданности.

Подойдя к двери в свою квартиру, Шурик нажал кнопку звонка, удивленно и недоуменно пожал плечами, снова позвонил, снова через некоторое время пожал плечами еще удивленнее и недоуменнее, вспомнил, как будили бабушку Анфису Поликарповну в поезде, обреченно прошептал:

— Все ясно. Бабушка спит невообразимо крепко.

— А почему ты ключ не взял? — сердито спросил дядя Коля.— Она же предупреждала нас вчера, что спит долго. Неудобно старого человека беспокоить. Как ты мог забыть ключ?

— Нет, не забыл,— сквозь зубы и тоже сердито ответил Шурик и с отчаянием добавил: — Я просто не знал!

— Чего — не знал?! — изумился и возмутился дядя Коля.— Что двери на ключ закрываются, не знал?!

— Я ни разу в жизни не открывал дверь ключом! — растерянно, чуть не плача, воскликнул Шурик. — Да, да! Мне ни разу в жизни не доверяли ключа! Так и говорили: ему, то есть мне, нельзя доверять ключ! Вот об этом-то я и забыл! Забыл о том, что мне никогда ничего не доверяли!

— Все это ерундистика самая обыкновенная, — угрюмо заключил дядя Коля. — И мне над собой много работы предстоит, да и тебе не меньше. А с дверью надо что-то предпринимать...

Шурику захотелось немножечко, совсем чуть-чуть-чуть, поплакать от обиды и беспомощности, и, чтобы сдержаться, он забарабанил в дверь правой рукой, а левой беспрестанно нажимал кнопку, приговаривая:

— Проснись, бабушка! Проснись, бабушка! Проснись, бабушка! — и чуть ли не завопил: — Петушок пропел давно!

И еще ему было очень стыдно за свою житейскую непригодность.

Словно почувствовав его состояние, дядя Коля погладил мальчика по взъерошенной голове, сказал:

— Не надо зря шуметь. Сие, видимо, совершенно бесполезно. Завидным сном обладает уважаемая Анфиса Поликарповна. И не будем сетовать на превратности нашей судьбы, а обмозгуем, как нам выкрутиться из этой истории. Перестань, пожалуйста, перестань! — попросил он, когда Шурик снова начал стучать и звонить. — Понимаешь, я бы мог... стукнуть, но, по-моему, скорее дверь вылетит, чем проснется уважаемая Анфиса Поликарповна... Итак, решим первый вопрос: можем ли мы сейчас уйти по своим делам?

— Боюсь, что ее нельзя оставлять одну, — подумав, обеспокоенно ответил Шурик. — Значит, нам нельзя идти по своим делам. Значит, надо проникать в квартиру.

— А если тебе остаться здесь?

— Нет, нет, одного я вас не пущу! Я хочу действовать вместе с вами! Я вам помогать хочу!

— И мне с тобой надежнее. — Дядя Коля опять погладил Шурика по взъерошенной голове. — В предельно нелепое положение вверх нас рок.

— А если все-таки нам пойти? — нерешительно спросил Шурик. — Во-первых, мы можем вернуться, когда она еще будет спать. Во-вторых, ничего особенно страшного не случится, если она проснется без нас и

немножко нас обождет. Ведь самое-то главное сейчас — это идти со Свинкиным в милицию, выяснять судьбу ваших документов! Ведь сегодня может решиться ваша футбольная судьба!

— Сознаю всю ответственность момента, — торжественным тоном согласился дядя Коля. — Жить не могу без футбола! Но... но спокойствие уважаемой Анфисы Поликарповны, — продолжал он уже с явным сожалением, — не имеет к этому никакого отношения. Мы не имеем ни малейшего морального права по своей вине беспокоить старого человека.

Шурик еще несколько раз машинально позвонил, постучал, потом долго молчал, склонив набок взъерошенную голову, и признался:

— Не понимаю. Почему нельзя ей побеспокоиться немножко по нашей вине? Мы-то по ее вине беспокоимся, да еще как!

— Уважаемая Анфиса Поликарповна старше нас. И почему она обязана хотя бы и немножко беспокоиться по нашей вине?

— Но ведь мы-то ни в чем не виноваты! То есть виноват во всем один я! А решается ваша судьба! А бабушка все равно спит! — не сдерживая раздражения, говорил Шурик. — Если мы и попадем в квартиру, то все равно придется бабушку оставлять, если она привыкла спать до половины одиннадцатого!

— Можно оставить хотя бы записку, — что мы ушли, — уныло сказал дядя Коля. — К тому же мне совершенно необходимо побриться. Нельзя же в таком виде...

Пока они стоят и гадают, что им делать в создавшейся обстановке, мы с вами, уважаемые читатели, перенесемся к Егору Веселых и посмотрим, чем же он занимается, оставшись без своей гордости — огромных черных усов.

Уже под утро, когда он спал зыбким, беспокойным сном, ему приснилось, что усы свои он потерял. Егор Веселых мгновенно проснулся, рывком сел на кровати, схватился руками за... нос!

И — вспомнил все.

И — состонал так громко и жалобно, словно у него враз заболели все зубы и уши...

И — свертоскливо подумал: есть ли смысл просыпаться и жить без огромных черных усов?

Он уже решил снова лечь, но услышал за окном умоляющее мяуканье. Егор Веселых подошел к открытому окну, выглянул во двор, увидел на заборе своего кота и позвал ласково:

— Жоржик, Жоржик!

А кот вдруг спросил его хриплым и скриплым человеческим голосом:

— В чем дело? Слушаю вас.

Конечно, Егору Веселых сразу стало ясно, что это ему просто послышалось спросонья, и он еще более ласково спросил:

— Есть, Жоржик, не хочешь?

— Еще как! — радостно ответил кот. — Буду вам очень благодарен хотя бы за кусок хлеба.

Егор Веселых был храбрым человеком и, как вы помните, уважаемые читатели, только что демобилизовался из армии, и сказки о говорящих животных он знал, но тут ему стало очень не по себе. Сказки сказками, а когда тебе кажется, что обыкновенный кот говорит пусть неприятно скриплым и хриплым, но человеческим голосом, тут, по крайней мере, растеряешься... Поэтому Егор Веселых больно-пребольно ущипнул себя правой рукой за левую, потом еще большей-пребольшой левой рукой за правую, убедился, что не спит, и все-таки с очень большим опасением спросил:

— Но ведь ты, Жоржик, никогда не ел хлеба? Ты же любитель колбасы!

— Не откажусь, конечно, и от колбасы, — скрипло прохрипел кот и хрипло проскрипел: — А если вы еще предложите мне стакан горячего чаю...

— Коты чай не пьют! — громко прошептал, весь испуганно сжавшись, Егор Веселых.

— Какие коты? При чем тут коты? — рассердился кот.

— Жоржик... это... ты... так... говоришь?

— Конечно, я. Собственно, а что тут удивительного?

Изо всех сил долго покрутив головой, словно надеясь этим вытрясти из нее наваждение, Егор Веселых собрал все свое мужество и крикнул неестественно дружелюбно:

— Иди ко мне, Жоржик, накормлю!

Но кот, почему-то отвернувшись от хозяина, скрипло захрипел:

— Ясу... ясу... ясу...

«Что же это такое со мной происходит?! — в страшном ужасе закрыв глаза, подумал Егор Веселых. — Неужели из-за потери усов я сошел с ума?!»

А с забора раздавалось хриплое и скрипкое:

— Ясу... ясу... ясу...

«Ясу... ясумасшедший, — вдруг как-то спокойно пронеслось в голове Егора Веселых, и он мысленно командовал себе: — С ума не-е-е-е схо-о-о-о-дить! В здравом уме нахо-о-о-о-о-дись!»

А кот все громче и громче, нутужнее и нутужнее скрипло и хрипло тянул:

— Ясу... ясу... ясу...

— Иди, иди, Жоржик! Колбасы дам сто грамм! Чаю дам два стакан!

«И язык уже меня не слушается! — обреченно подумал Егор Веселых и почувствовал, как от умственного напряжения у него закружилась голова. — Видно, я из-за своего хвастовства и зазнайства здорово заболел. С ума, конечно, я вряд ли сошел, но что-то в мозгах у меня поломалось».

— Ясу... я-я-а-а-а... ясу... у-у-удовольствием! — скрипло прохрипел кот, спрыгнул с забора и бегом, прыжками направился к дому.

Шатаясь и борясь с головокружением от умственного напряжения, Егор Веселых добрался до дверей, опираясь рукой о стену, открыл дверь и...

Тут ему снова пришлось призвать на помощь все свое мужество, все самообладание, чтобы отнестись к увиденному более или менее спокойно.

Перед ним стояло... В общем-то, это был, конечно, человек, невысокий, очень и очень толстый, но очень уж странный и, откровенно говоря, почти страшный. Одетый в серый, длинный, до полу, халат, подпоясанный скрученной простыней с узлом в виде банта на животе, человек этот закатывал и закатывал рукава халата, словно собирался драться на кулачках. Лицо его, покрытое ссадинами и пластырями, лоб, украшенный тремя одинаковыми синяками (бывшими разноцветными шишками), наводили на мысль о темной судьбе данного субъекта.

На редкость громко, удивительно шумно и достаточно глубоко вздохнув, Егор Веселых сказал подбегавшему коту:

— Иди домой, Жоржик!

— А-а, тезка! — скрипло и хрипло обрадовалось то, что стояло перед Егором Веселых. — А я решил, что вы меня знаете и приглашаете завтракать.

— Кто... кто... вы... такой? — понемногу приходя в себя, но все еще с трудом произнося слова, спросил Егор Веселых.

— Позвольте представиться: старший тренер футбольной команды «Питатель» Жорж Робертович Свинкин.

— Вы и есть Свинкин?! — поразился Егор Веселых. — Свин-кин? — восторженно повторил он и захохотал. Подняв лицо вверх, раскачиваясь взад-вперед, он неудержимо хохотал. — Вы — Жорж, а я думал, что Жоржик! — Его стало сотрясать от смеха, он уже не раскачивался взад-вперед, а именно сотрясался всем телом. — А я думал, Жоржик! А то Жорж! Робертович! Свинкин! Я ведь думал... я ведь думал... ясу... ясу... я сумасшедший!.. Ясу... ясу... — Смех мешал ему собраться с силами и перестать трястись. — Я думал, что кот... что кот... кот заговорил! — И Егор Веселых не перестал трястись всем телом, а, наоборот, затрясся еще сильнее и еще громче заХОХОХОХОХОХОХОХОТал...

— Прекратите хохотание!!! — с большим достоинством и в меру грозно потребовал Жорж Свинкин. — Это звучит оскорбительно для солидного человека, спортивного руководителя. С кем имею честь беседовать? — Он терпеливо и опять-таки с достоинством дождал, пока его собеседник окончательно успокоится, перестанет сотрясаться всем телом и хохотать. — И учтите, что я действительно не отказался бы от самого скромного завтрака, но с горячим чаем. Ночью я заблудился, никак не мог найти дорогу в больницу, потому что редкие прохожие шарахались от меня и спросить дорогу, таким образом, было не у кого. Спал тут у вас, стыдно сказать, под забором. И вот под утро продрог основательно. — Жорж Свинкин подкручивал и подкручивал длиннющие рукава халата, словно собирался драться на кулачках, поправлял и поправлял узел-бант на животе. — Я вас слушаю.

— Слушай, слушай! — с заметной угрозой в голосе отозвался Егор Веселых. — Кто я такой, не так уж и важно. А вот твоя подозрительная особа мне известна.

— Каким образом, позвольте поллюбопытствовать?

— Я знаком с Шуриком Мышкиным и Николаем Поповым.

— Так, так, так... — Жорж Свинкин явно опешил, попытался скрыть это опешивание, но ничего у него не получилось. Тогда он принял сверхозабоченную, с оттенком солидности позу. — Я достаточно хорошо знаю их обоих. Кстати, весь мой внешний вид, ужасный, конечно, и даже несколько неприличный, получился таким именно из-за этого негодяя Попова Николая.

— Да как ты смеешь так называть...

— Смею, смею! Имею все основания! Да, он перспективнейший вратарь, но неблагодарнейший человек. К вашему сведению...

— Можешь больше не врать, я все знаю! — довольно грубо оборвал Егор Веселых, но Жорж Свинкин не дал ему говорить, сразу заявив крайне возмущенным тоном:

— А то, что он поп, вы это знаете? А?

— И это мне известно. То есть он не поп, а бывший поп, который серьезно решил стать вратарем.

И тут захохохохехехехихихиХОХОХОХОХотал Жорж Свинкин. Собственно, это был даже не смех, пусть и необычный даже. Это было невообразимое и непередаваемое звукоиздавание: хохот, хахат, хихит, хехет, произносимые одновременно с хрипом, скрипом и повизгиваньями. Но все это продолжалось, к счастью, не так уж и долго, потому что издатель, в сущности, не имел желания улыбнуть хотя бы разик.

— Да будет вам известно, неизвестная мне личность, — возмущенно прохрипел со скрипом Жорж Свинкин, — что упомянутый Попов Николай не бывший поп, а самый настоящий! Он пытался ввести в заблуждение меня и общественность!

— Не может быть!

Жорж Свинкин посмотрел на него с таким сожалением и с таким сочувствием, что Егор Веселых ощутил себя в чем-то виноватым и недоуменно проговорил:

— Он честный человек и не может врать. Он...

— Мне вас жаль, — великодушным тоном перебил Жорж Свинкин. — Жаль, жаль мне вас! Но зато я вас и понимаю. Я и сам был введен в заблуждение Поповым Николаем! Из-за него я потерял свой пристойный вид, потому что навернулся с поезда на полном ходу!

Затем, по вине того же Попова Николая, предположим, не негодая, я перенес поездку в леспромхоз в прицепе, где бесчинствовала обмазученная до безобразия железная бочка! Я угодил в милицию и больницу! Ах, как я вас понимаю! Но мои глаза теперь широко раскрыты, я знаю, с кем имею дело! И только я один могу разоблачить и спасти Попова Николая, сделать из него непробиваемого вратаря!

С горечью должен признаться, уважаемые читатели, что умение врать и обманывать — тоже весьма своеобразный и достаточно распространенный талант. Воздействие его на честных людей воистину необъяснимо. Бывает, человек наверняка знает, что ему нагло врут, и все-таки... верит или почти верит! На этом, собственно, и основан расчет лжецов, вралей, лгунов, врунов и обманщиков всех мастей.

Вот и Жорж Свинкин за несколько минут посеял в душе Егора Веселых сомнение и, с каждым мгновением распаясь все сильнее, врал уже безудержно:

— В моей команде, осуществляющей мой ультра-современный принцип «Лучшее нападение — оборона», вратарь впервые в мировом футболе играет главнейшую роль.

— Насколько мне известно, — тяжело выговорил Егор Веселых, тщательно подбирая каждое слово, — ты куда-то подевал документы Николая. А по документам можно точно определить, поп он или не поп. Где документы?

— Где документы? Где документы? — почти передразнил Жорж Свинкин. — Рано или поздно их найдут или выдадут новые. Я же беспокоюсь о спортивной судьбе этого... Попова Николая! Мне необходимо, чтобы он защищал ворота моей команды «Питатель»! Ведь я нашел его! Я оценил его талант!.. Простите, простите, а откуда вы знаете Попова Николая, если он приехал сюда лишь вчера?.. И умоляю: не забудьте о завтраке.

Егор Веселых пригласил собеседника в дом, провел на кухню, включил газ, начал готовить завтрак, сказал:

— Сам я недавно демобилизованный и центрфорвард. Играл в армейских командах. Сегодня мы с Николаем поступаем на работу и приступаем к тренировкам.

— Команда здесь, насколько мне известно, слабая, — презрительно заметил Жорж Свинкин, хотя у него дух захватило от новости — перед ним центрфорвард! — А мой «Питатель» — коллектив с недалеким блестящим будущим. Так откуда вы знаете Попова Николая? Кто дал вам о нем неверную информацию?

— Ешьте на здоровье, — сумрачно предложил Егор Веселых. — Я доверяю Шурику Мышкину, и Николай доверяет ему. Вчера мы уже тренировались.

Слова эти произвели на бескомандного тренера просто ошеломляющее впечатление. Он вскочил и замер, выпучив глазки. «Вот! Вот! — пронеслось в его израненной голове, украшенной тремя одинаковыми синяками (бывшими разноцветными шишками). — Вот кто мой главный противник! Шурик Мышкин! Вот кто мне все испортил! Вот кто мне до сих пор мешает увезти с собой этого негодяя Попова Николая!»

— Что с тобой? — недоуменно спросил Егор Веселых.

— Со мной ничего... — хрипло проскрипел Жорж Свинкин. — Объясните мне, пожалуйста, будьте настолько любезны: а почему этот маленький, взъерошенный Шурик имеет такое влияние на вас, взрослых людей? Неужели вы сами без него не можете разобратся?

— Шурик — очень хороший человек.

— Он еще не человек! Пока он еще мальчишка всего-навсего! — Жорж Свинкин внезапно преобразился: повеселел, шаловливо поиграл глазками. — Но, видимо, толковый мальчишка... Итак, я попытаюсь воздействовать на Попова Николая. Я уже вижу его в воротах моего «Питателя». И вам рекомендую воспользоваться моим приглашением — прошу вас в основной состав. И как мне пройти в больницу?

— Я провожу, — мрачно ответил Егор Веселых. — Надо до конца разобраться с пропавшими документами.

«Шурик Мышкин! Мышкин Шурик! — стучало в израненной голове бескомандного тренера, когда он дворами, чтобы не попадаться людям на глаза, пробирался к больнице. — Вот на кого надо было воздействовать в первую очередь! Но еще не все потеряно! Сегодня же даю телеграмму: игроки найдены, веду переговоры, прошу продлить срок командировки... Сам же я развиваю сверхкипучую деятельность!»

Шурик, попробовать. Ты все-таки полегче. Разувайся, босиком удобнее.

— Да ведь я... я ведь да... да я ведь... — в страхе, которого он не мог скрыть, залепетал Шурик. — Ни разу в жизни я... в разу ни жизни... то есть...

— Ничего, ничего, — рассерженно и даже чуть-чуть грубовато отозвался дядя Коля. — Я ведь тоже не всю жизнь по бревну на второй этаж лазал. Подстраховывать тебя буду.

Он укрепил, неторопливо и тщательно, второе бревно.

— Я постараюсь, конечно... — жалобным голосом проговорил Шурик, снял кеды и взялся за бревно с такой опаской, словно оно было раскалено или находилось под электрическим током. — Сейчас, сейчас... постараюсь, честное слово, постараюсь...

— Да смелее, смелее! — подбадривал дядя Коля, поддерживая его. — Так, так... молодец...

А Шурик, почти одеревенев, весь напрягшись от страха и неумения, с ужасом ждал момента, когда руки дяди Коли отпустят его... и мысленно уже летел вниз на землю...

Ну, вот... вот он сам в своих, так сказать, руках и ногах... Шурику захотелось прикрыть глаза, чтобы расстояние до балкона не казалось непреодолимым... Он и зажмурился... Зажмурился он, но вроде бы продолжал все видеть, вернее, все представлял себе... осторожно действовал малопослушными руками и ногами...

— Молодец, молодец... — откуда-то далеко снизу подбадривал дядя Коля, — не торопись, не торопись...

Шурик открыл глаза — расстояние до балкона, казалось, нисколько не уменьшилось. И ни рукой, ни ногой он больше пошевелить не мог...

— Слезай обратно, — печально предложил дядя Коля, — ничего не получается.

Оказавшись на земле, с удовольствием потопав по ней, поотпыхавшись, Шурик сказал:

— Я старался, я очень старался... Но не достать, никак не достать...

— Это мы еще посмотрим, — сквозь зубы процедил дядя Коля, то внимательно рассматривая бревно, то еще внимательнее разглядывая балкон.

— Не получится, не получится, не получится! —

тихо, но с большим отчаянием возразил Шурик. — Вот увидите, не получится!

— Конечно, ничего не получится, — иронически вроде бы согласился дядя Коля. — Конечно, никогда ничего не получится, если ничего не делать. Проще всего сдаться. Так, мол, и так, уважаемое бревно. Ты, бревно, меня, человека, сильнее. Мне, человеку, с тобой, бревно, не совладать. Но ради футбола я, — возвысил он и без того громкий голос, — ради футбола я на все готов!

Дядя Коля долго и старательно устанавливал бревно под углом к стене. Потом он отошел далеко-далеко, разбежался и — по бревну вверх бегом! — и прыг! — и схватился руками за перила. На какое-то мгновение он замер, и тут Шурику почудилось, что балкон начал оседать...

Но дядя Коля, громко крикнув, подтянулся рывком и перелез через перила.

— Ура-а-а! — закричал Шурик. — Вот это класс! Вот это да!

Он бросился в подъезд, взлетел по лестнице и в нетерпении запрыгал перед дверью.

Дверь открылась, и он увидел невероятно растерянное, жалкое лицо дяди Коли, сразу почувствовал что-то недоброе, пролепетал:

— Что, что еще случилось?

Дядя Коля шумно передохнул, набрал в грудь побольше воздуха, словно собирался запеть, и глухо ответил:

— Уважаемой Анфисы Поликарповны дома не оказалось. Она исчезла, аки дым...

— Как... исчезла? Куда? Зачем?

— Кто ее знает... Жизнь наша с тобой, Шурик, чревата непредвиденностями...

Шурик обежал всю квартиру, заглянул в каждый угол, даже под кровати: действительно, бабушки Анфисы Поликарповны нигде не было, она действительно исчезла непонятным образом — аки дым... И он совершенно растерянным, очень жалким голосом спросил:

— Что... что... что делать? А?

Дядя Коля спокойно и деловито ответил:

— Жить. Не суетиться ни в коем случае.

— А... а... а как быть с бабушкой? Вернее, как быть без бабушки?

— Жить не суетясь, — еще спокойнее и еще деловитее ответил дядя Коля. — Действовать надо. Ключ на месте. Отлично. У кого-нибудь в доме можно его оставить?

— У тети Варвары из соседнего подъезда.

— Совсем замечательно. Я брекюсь, быстро готовлю завтрак, а ты топай насчет ключа.

Встречи с тетей Варварой Шурик, честно говоря, побаивался: ей вряд ли понравится новость об исчезновении бабушки Анфисы Поликарповны.

У себя на кухне, гремя кастрюлями и сковородками, одновременно делая несколько дел (мыла посуду, пробовала суп, кашу, компот, переворачивала котлеты, чистила овощи, приготавливала тесто), тетя Варвара сразу спросила басом:

— Что там твое чудо-юдо морское опять натворило? Опять есть захотело?

— Оно исчезло, — машинально отозвался Шурик. — Куда-то исчезло. Аки дым.

— Какие такие аки? — со смехом пробасила тетя Варвара. — Ис-па-ри-лось, значит, чудо-юдо! Так надо идти не ко мне, а в милицию... За-я-вить! Так, мол, и так, исчезло чудо-юдо морское тунеядное!.. Жалко мне тебя, парень... — Она устало опустила на табурет, пять раз устало и тяжело передохнула и снова, как ни в чем не бывало, засуетилась, заметалась по кухне, одновременно делая несколько дел. — Внуки должны теряться, а не бабушки! Бабушки должны внуков искать, а не внуки бабушек!

И тетя Варвара, высокая, худощавая, продолжала метаться по кухне, возмущаться, удивляться, поражаться, сердиться, негодовать. Шурик с огромнейшим трудом, еле-еле-еле-еле уловил момент, когда она пребывала суп и, естественно, не могла говорить, и жалобно выкрикнул:

— Мне-то что делать?

— Жить! — громким и торжествующим басом отозвалась тетя Варвара и прямо-таки оглушающе прогремела одна за другой четыремя крышками кастрюль и в каждой успела помешать ложкой. — Сейчас же марш в милицию, все там растолкуй про свое чудо-юдо морское и займись своей жизнью! Лето на дворе! Тебе отдыхать надо! Тебе сил набираться надо, а не бабушку искать! Понятно?

И, не давая Шурику произнести ни слова, тетя Варвара минут семь с половиной басом возмущалась, удивлялась, поражалась, сердилась, негодовала и металась по кухне, одновременно делая несколько дел.

— Чего стоишь? — удивилась она. — Чего куксишься, как девчонка, которая куклу потеряла? Ты ведь не куклу потерял, а всего-навсего тунеядскую бабушку. Никуда она не денется. Бездельничает где-нибудь сейчас на здоровье... Я бы сама с тобой в милицию сходилась, да вот видишь, не могу хозяйство бросить. Обиделся, что ли, на меня?

— Чего мне обижаться? — еле-еле слышно ответил Шурик, — так еле-еле слышно, что тете Варваре, чтобы разобрать его слова, пришлось замереть на месте, и он повторил чуть громче: — Чего мне обижаться?.. Хорошо, я сейчас пойду в милицию. А потом мне надо с дядей Колей идти помогать ему устраиваться на работу и поступать в футбольную команду. А вдруг бабушка придет без нас? Можно оставить у вас ключ?

— Вот это нормальный разговор, — одобрила тетя Варвара. — И не забудь оставить записку, где ключ и когда примерно вернешься. А я, как только управлюсь с обедом, внучку с твоим ключом дома оставляю и сама в милицию сбегую. И никуда-никуда бабушка твоя не денется. Сквозь землю не провалится, на небо не взлетит, а тут, на земле, мы ее разыщем!

Ободренный, Шурик быстро примчался домой, с порога весело крикнул:

— Все в порядке!

Как бы не разделяя его радужного настроения, дядя Коля довольно сумрачно предложил:

— Садись завтракать. Самоварчик, к сожалению, ставить некогда. Ешь, ешь, день нам предстоит нелегонький.

— Все, все, все будет в порядке, — с набитым ртом несколько самоуверенно выговорил Шурик, к которому вернулось отличное настроение. — Надо жить, а не кукситься. Вот увидите: недалек тот день, когда не вы меня, а я вас накормлю вкусным-превкусным завтраком!

— Не сомневаюсь. — Дядя Коля улыбнулся, но тут же улыбка погасла, и он проговорил задумчиво и озабоченно, даже с оттенком суровости: — Нам с тобой надо учиться жить.

— Опять летом учиться? — с болью вырвалось у Шурика.

— Да не о школьном учении речь, — по-прежнему задумчиво, озабоченно и даже с оттенком суровости ответил дядя Коля. — Я многое в нормальной жизни не знаю, ты — тоже. Вот и будем помогать друг другу.

Шурик весь просиял от удовольствия.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Последние усилия Жоржа Свинкина

В ночь накануне описываемого дня — главного в нашем повествовании — все действующие лица его видели сны, и я должен, уважаемые читатели, хотя бы кратко информировать вас о их содержании.

Об одном сне вы уже знаете: Егор Веселых будто бы потерял свою гордость — огромные черные усы.

Шурикиным папе, маме и дедушке привиделся предельно изможденный, исхудавший и изголодавшийся сын, он же внук. Ведь они забыли оставить ему деньги и обнаружили это лишь в дороге.

Шурику приснилось, что школьную форму сменили на футбольную, учителей называют тренерами, уроки — тренировками, классы стали командами, а капитаном может быть только абсолютно круглый отличник. А кто из маленьких футболистов не мечтает быть капитаном?

Тетя Варвара во сне настолько обленилась, отунеядилась, что трехлетний внук кормил ее манной кашей с ложечки.

Жоржу Свинкину, спавшему под забором, приснилось, что он руководит игрой сборной страны в матче с каким-то ультразнаменитым зарубежным клубом и тут же бойко торгует холоднющим квасом, разводя его еще более холоднучей газированной водой.

Дядя Коля всю ночь простоял в воротах, отражая удары десяти форвардов, у каждого из которых был свой мяч. Особый страх охватывал вратаря, когда по воротам били враз десять футболистов, и дядя Коля одновременно брал-отражал-отпихивал-переводил-на-угловой десять мячей.

Самый невероятный сон видел Гаврила: будто бы его тракторчонок — чудо двадцатого века, машина будущего — подчиняется ему, как нормальный!

Его теще — золотому человеку, Глафире Сосипатровне — во сне явился обмазученный Жорж Свинкин, напавший на нее пушку и требовал отдать всю сметану.

Но все эти вышеупомянутые сновидения не оказали никакого конкретного, практического влияния на дальнейшее поведение действующих лиц нашего повествования.

Иначе случилось с бабушкой Анфисой Поликарповной. Ее до самого утра посещали кошмарные или полукосмарные сновидения, в которых она садилась за очень обильно уставленный кушаньями стол и... просыпалась от скрипло-хриплого голоса: «Адре... адре... адре...»

Проснувшись, бабушка Анфиса Поликарповна вспомнила, что они с Шуриком остались без средств к существованию, то есть без денег. Она делала отчаянные попытки заснуть, например, считала до ста девяти, но из-за стены раздавался сверхбогатырский храп поповского вратаря, в голову лезли события минувшего дня и скрипло хрипел или хрипло скрипел голос: «Адре... адре... адре...»

И стоило бабушке Анфисе Поликарповне ухитриться заснуть, как ее будил раздававшийся из-за стены сверхбогатырский храп.

К утру из-за многочисленнейших засыпаний и просыпаний она столь сильно изнервничалась, что уже и боялась заснуть, хотя сверхбогатырский храп за стеной прекратился. Думала бабушка Анфиса Поликарповна, думала, гадала она, гадала, что же делать, и решила прогуляться, вспомнив, что лучшие лекарства — это движение и свежий воздух.

А на крыльце она встретила почтальона, который вручил ей денежный перевод!

О, это было отличное начало дня.

На улице ранним утром, да еще со средствами существования в сумочке, дышалось просто великолепно. Головная боль сразу не прошла, а — убежала. Бабушка Анфиса Поликарповна моментально успокоилась, прикинула в уме, что скоро уже и завтрак, и шла себе, шла, наслаждаясь наисвежайшим утренним воздухом. И еще она вспомнила с некоторым сожалением, что давным-давно не гуляла вот так ранним утром.

Несмотря на множество чисто житейских неудобств и довольно частые нервные потрясения, жизнь у Шу-

рика ей понравилась. У себя дома, среди взрослых детей и малолетних внуков и внучек, она жила легко, безбедно и... несколько скучновато. Ее полностью оградили от всех забот, даже самых наимельчайших (не позволяли, например, самостоятельно размешивать чай в чашке!). Она привыкла к этому, наслаждаясь таким беспечным существованием, и спасалась от возможной глубокой скуки многочасовым сидением перед телевизором. Именно поэтому она согласилась поехать к внуку Шурику.

И вот бабушка Анфиса Поликарповна встретила с новой для нее жизнью, полной забот, тревог и неожиданностей.

Увидев кафе с заманчивым названием «Лакомка», она, так сказать, посетила его, вышла на улицу же — невероятно, неотвратимо захотела спaaaaaaaaАААААть...

Бабушка Анфиса Поликарповна попробовала разогнать сонливость быстрой прогулкой, но ноги сами привели ее к скамейке в скверике около поселкового клуба. Она присела в тени, приняла позу поудобнее и крепко-крепко-накрепко заснула... На сей раз она не видела никаких снов и проснулась лишь оттого, что оказалась на самом солнцепеке. Бабушка Анфиса Поликарповна осторожно, чтобы не нарушить своего замечательного состояния покоя и тихого счастья, передвинулась по скамейке в тень и...

— Ой! Ой! Ой! — испуганно вскрикнула она, наткнувшись плечом на человека в коричневом костюме, в огромных темных очках и в зеленом берете с белым хвостиком на макушке. — Простите, я вздремнула..

— Добрый день, дорогая Анфиса Поликарповна, — скриплым и хриплым, неприятным, но удивительно знакомым голосом проговорил мужчина. — Необычайно рад приветствовать вас. — Он снял очки и, наслаждаясь изумлением и некоторым страхом собеседницы, весело и даже игриво продолжал: — Да, да, Жорж Робертович Свинкин собственной персоной и полностью к вашим услугам.

— Немедленно отвечайте мне, что такое «адрес»! — сердито потребовала она. — Мне всю ночь снилось это «адрес»! Ну, вчера, когда вы от нас уходили, — вспомните! — в дверях остановились — и адрес, адрес, адрес...

— Адреса своего я этому Попову Николаю не ос-

тавлю. Если расстанемся, то навсегда! — объяснил Жорж Свинкин, — и бабушка Анфиса Поликарповна откинулась на спинку скамейки и так облегченно вздохнула, словно сделала немалое научное открытие, но тут же недовольно сказала:

— Мне ваших услуг не надо. Хватит с меня вашего непосоленного борща.

— Ах, какой это был потрясающий конфуз! — виновато воскликнул Жорж Свинкин. — Но, как говорится и не про вас будь сказано, и на старуху бывает проруха. Нервничал я, очень сильно переживал происходящее, жизнью ведь дважды рисковал и в высшей степени болезненно беспокоился о Шурике.

— Так я и поверила! По-моему, вы, извините, тряслись над своим поповским вратарем, который, кстати, храпит, как слон.

— О Шурике, о Шурике, о Шурике и только о Шурике мои заботы. Потом я вам все объясню популярно и убедительно. Сначала позвольте проинформировать вас о сложившейся обстановке. Мои документы и деньги возвращены мне при помощи доблестных работников милиции, — озабоченно говорил Жорж Свинкин. — При их же чутком содействии мой костюм приведен в приличный вид. Командировка мне продлена. У вас дома никого нет.

— Как — нет?!

— Так — нет. Шурик с этим... Поповым Николаем тренируются на стадионе. Вечером наш поповский вратарь уже примет участие в игре. Не знаю, чем все это...

— Врите, да знайте меру! — Бабушке Анфисе Поликарповне не удалось скрыть ни раздражения, ни возмущения. — Как же он может играть, если он ни разу не играл? Кто ему позволит?

— Я, — гордо, скрипло и хрипло произнес Жорж Свинкин, — я организовал все это. Я, — еще более гордо, еще более скрипло и еще более хрипло продолжал он, — я хотел ему устроить прямой путь в большой футбол. Он, то есть Попов Николай, по глупости отказался от моей бескорыстной помощи. И будет наказан. Вам же я рекомендую не отказываться хотя бы от одной моей услуги. Приближается время обеда, а его, обеда, у вас нет. Позвольте, я окажу вам помощь в приобретении всех необходимых составных частей для подлинного обеда и приготовлю его.

Опять раздраженно и возмущенно бабушка Аяфиса Поликарповна спросила:

— Как же мы попадем домой, если там никого нет, а у меня нет ключа?

— Все будет,— скромно склонил голову в зеленом берете с белым хвостиком на макушке Жорж Свинкин.— И ключ будет, и обед будет. Обед будет такой, какого вы еще ни разу в жизни не испытывали.

Бабушка Аяфиса Поликарповна вполне бы нашла в себе силы отказаться от столь заманчивого предложения, хотя бы и в компании со столь до сих пор подозрительным субъектом. Но у нее не было ключа от квартиры, а в квартире никого не было, и, кроме того, она не помнила, как к этой квартире пройти. Она не помнила дороги.

Волей-неволей ей пришлось принять предложение бескомандного тренера. И пока они шествуют, чтобы приготовить подлинный обед, расскажу вам, уважаемые читатели, о предшествующих событиях, среди которых есть и довольно неожиданные.

Развивались они стремительно. В больнице Жоржа Свинкина ждали отремонтированный и перекрашенный в коричневый цвет костюм и сообщение из милиции, что документы и деньги найдены.

Это придало Жоржу Свинкину такое невероятнейшее количество сил, энергии, которая показалась ему умственной, что он тут же, сразу, вмиг придумал грандиознейший план своих дальнейших действий и уже заранее и абсолютно был убежден в наилучшем исходе.

Бескомандный тренер в глубине души уже безоговорочно мнил себя руководителем талантливейшей команды!

Правда, поврать для этого придется еще немало! Много-много придется еще хитрить, лукавить, лгать, изворачиваться. Но зато будет он тренером, а не ночным сторожем. Для него это стало сейчас совершенно ясно.

Облачившись, можно сказать, в новый костюм, Жорж Свинкин многословно и торжественно распрощался с врачами и медсестрами, поблагодарил их за чуткость и заботливость, собрался было выразить свою признательность в письменной форме, да вовремя вспомнил о своей же полуграмотности.

А врачи и медсестры были попросту рады расстаться с таким неудобным и суматошным пациентом.

Словом, все были довольны, а больше всех сам Жорж Свинкин. Им владело такое самоуверенное и взбудораженное настроение, словно не прыгал он с поезда на полном ходу и не разбивался, не вел смертельно опасной борьбы с обмазученной бочкой, не требовал с гражданки Суслопаровой Глафиры Сосипатровны блинов со сметаной, не ехал в чуде двадцатого века.

Выйдя из больницы на улицу, он сообщил приятнейшие для себя новости поджидавшему его Егору Веселых и самодовольно, с некоторым оттенком пренебрежения закончил:

— Сейчас все пойдет как по маргарину. Мне вас с этим... Поповым Николаем будет активно жаль, если вы не попроситесь в мою команду «Питатель». Жаль. Значит, вы неплохие игроки, но не совсем умные люди.

Получив же документы и деньги, Жорж Свинкин почувствовал новый прилив сил и энергии, которая опять показалась ему умственной, многословно и торжественно поблагодарил работников милиции и в заключение сказал:

— Можете считать, дорогие и уважаемые товарищи, что вы не только помогли лично мне, но и содействовали развитию нашего отечественного футбола!

— Не преувеличивайте наших достаточно скромных услуг, — ответили ему, — все было просто. Документы и деньги вы оставили в пиджаке, работница химчистки положила их в стол и забыла о них, а потом при нашей помощи вспомнила. Больших вам спортивных успехов и не забудьте, пожалуйста, рассчитаться с гражданкой Суслопаровой Глафирой Сосипатровной за блины и сметану. А то она будет повсюду искать вас на своем мотоцикле, а нас закидает жалобами.

Рассыпавшись, как говорится, в извинениях, Жорж Свинкин пообещал рассчитаться в самое ближайшее время. Егору Веселых он сказал с весьма и весьма загадочным видом:

— Вынужден оставить вас. У каждого свои заботы. Пока, до вполне возможной встречи.

Документы дяди Коли ждали его в милиции, но Егор Веселых не испытывал почти никакой радости. Сердце его щемило то ли предчувствие чего-то недоброго, то ли его измучило отсутствие усов, которые он

машинально пробовал крутить и в результате хватал себя за нос.

Когда ему надоело ждать приятелей, он сходил к Шурику Мышкину, никого там не застал и тогда прямым ходом направился на домостроительный комбинат. Здесь многие его хорошо помнили, и ему не стоило труда быстро разыскать знакомых футболистов.

Они ошеломили Егора Веселых потрясающим известием: сегодня команда «Строитель» встречается с командой «Лесник», и на игре будет присутствовать выдающийся тренер, из-за которого и пришлось так неожиданно организовывать матч. Игра уже назначена, сделано объявление по радио. А самое главное: выдающийся тренер намерен отобрать наиболее способных футболистов в свою команду.

Но вот беда, вот беда, — сокрушались комбинатовские футболисты, — у них в команде оба вратаря уехали сдавать экзамены, а центральный защитник, он же играющий тренер, ночью простудился на рыбалке, лежит с высокой температурой. Однако выход из положения есть. Егор Веселых может выступить в роли центрального защитника, а где-то в поселке, говорят, обнаружился неплохой вратарь. Выдающийся тренер требовал, чтобы его обязательно включили в команду.

Тут-то Егор Веселых и понял, как повезло Николаю, и на радостях забыл даже расспросить, откуда взялся какой-то выдающийся тренер.

— Вратарь будет, — сказал он, — очень способный парень, хотя и совсем неопытный. Команду собирайте часа за три до игры, потренируемся немного и кое о чем договоримся.

И еще приятные сведения: Николаю и работа найдется, и место в общежитии обеспечено. А о месте в команде и говорить нечего.

Егор Веселых обещал сейчас же привести вратаря на стадион и просил выделить несколько нападающих.

Он помчался разыскивать Николая, не переставая размышлять о том, как лучше подготовить его к игре. Думал он и о том, что же еще может предпринять Жорж Свинкин, чтобы переманить перспективного вратаря в свою команду. Ведь не зря же он пытался оклеветать его, называя настоящим попом?

Но постепенно все мысли Егора Веселых свелись к предстоящему матчу и подготовке к нему.

Шурика и дядю Колю он встретил у здания милиции.

Они только таращили глаза, и видимо, не понимали, что он им толкует.

— Чего уставились? — рассердился Егор Веселых. — Я считал, что вы от радости запрыгаете, а вы...

— А усы?! — вырвалось у Шурика.

— Отрастут! А я к тому времени поумнею. Николай, уразумей, пожалуйста: тебя на работу принимают, обещают место в общежитии, сегодня вечером матч, ты — в воротах! А прямо сейчас отправляемся на тренировку. Покажешь, на что ты способен. Ну?

— Дай подумать. Все меня пугали, что смеяться надо мной будут, дразнить меня станут, — бормотал дядя Коля, до которого, судя по всему, не дошел истинный смысл услышанного. — И вдруг тренировка, матч, я в воротах, место в общежитии...

— Как же он будет стоять в воротах, если он не готов к этому? — пораился и обрадовался Шурик. — Он ведь даже всех правил не знает!

— В воротах он будет стоять стоя. Ты, Шурик, будешь за воротами и в случае чего подскажешь ему. А я центр защиты. Вы поймите, что игра товарищеская, результат для нас с вами не имеет значения...

— Не имеет значения?! — почти предельно возмутился дядя Коля. — Уж если я встану в ворота, я голы пропускать не намерен!

— Вот только этого я и боюсь, — признался Егор Веселых. — Пропустишь гол — а с кем, скажи, такого не бывало? — и растеряешься, и расстроишься и... и пиши пропало!.. Самое главное, Коля, сегодня все равно все решится. С матча ты уйдешь футболистом команды «Строитель» и рабочим комбината. Опять же какой-то выдающийся тренер на игру приехал. Вдруг ты на него произведешь впечатление?.. Как говорил мой любимый командир, старший лейтенант Синица, самое основное в прыжках — это разбежаться и оттолкнуться от земли ногами. Все остальное будет по закону земного притяжения... Идем на стадион, товарищи!

— А выдержу я? — очень глухо спросил дядя Коля, и голос его дрогнул. — У меня уже поджилки трясутся, а что на матче со мной будет?

— Если вы собираетесь в большой футбол, — неожиданно строго, как-то совсем по-взрослому прогово-

рил Шурик, — вы сегодня и должны доказать, что достойны этого. Я уверен, что все будет в порядке.

— Леспромхозовская команда никогда хорошо не играла, — уже по дороге рассказывал Егор Веселых. — Но был там один тип, очень вредная личность. Ростика небольшого, голосок писклявый, по фамилии Комаров, а прозвище, конечно, Комарик. Все норовил подножку сделать, руками схватить или оттолкнуть и пнуть мог, если судья не видел. Всегда нападал на вратарей, много им гадостей делал. Но игрок неплохой. С обеих ног из любого положения бил здорово.

Все дорогу до стадиона говорил один Егор Веселых, пытаюсь если и не развеселить дядю Колю, то хотя бы отвлечь от беспокойных мыслей. Но тот все больше и больше мрачнел и вдруг произнес довольно-таки бодро:

— Можно попробовать! Лиха беда — начало.

На стадионе их ожидало человек десять, из них двое в футбольной форме упражнялись с мячом. Увидев мяч, дядя Коля еще сильнее разнервничался.

Но, прежде чем продолжить наше повествование, разрешите мне, уважаемые читатели, рассказать вам о том, что представляли из себя встречи «Строителя» с «Лесником» и что означала сегодняшняя в частности.

Футбол в поселке и леспромхозе любили примерно так же, как в Бразилии, то есть самозабвенно, яростно и неистово. Почти все игры проходили в поселке, так как в леспромхозе на стадионе трибун не было. Лесники приезжали на матчи в нескольких автобусах, на личных машинах и мотоциклах. И хотя их, лесников, было значительно меньше, чем поселковых болельщиков, они были горластее.

Каждый матч между «Строителем» и «Лесником» проходил в напряженной, накаленной, возбужденнейшей, а часто и в нервнейшей обстановке, причем страсти на трибунах по накалу значительно превосходили страсти на поле.

И, как бы ни заканчивался матч, он, в сущности, всегда был веселым и шумным праздником для трудящихся людей, отличной возможностью отдохнуть, развлечься, забыть о горестях и неудачах, вдоволь поболтать, посмеяться, поспорить, попереживать, то есть здорово поболеть.

Обе команды не отличались, между нами говоря, сколько-нибудь высокой техникой игры, вряд ли стави-

ли перед собой тактические задачи, но уж зато желания именно ПОИГРАТЬ, забить гол у них было хоть отбавляй. И этого зрителям было вполне достаточно, чтобы болеть в полную силу.

Для нашего же повествования особо надо подчеркнуть неизбывную и глубокую любовь болельщиков обеих команд к одиннадцатиметровым ударам. Можно с уверенностью утверждать, что игра, в которой не назначались пенальти, наносила удар в сердца болельщикам и казалась очень неполноценной. Они и на игру-то шли или ехали, в основном, только потому, что надеялись обязательно увидеть, как пробьют на их глазах одиннадцатиметровый.

И еще наиважнейшая для нашего повествования деталь: здешние вратари отражать пенальти не умели. Например, упомянутый выше Комарик забил все одиннадцатиметровые удары, какие ему доверяли пробить.

Итак, Егор Веселых, дядя Коля и Шурик появились на стадионе. Здесь их уже ожидали, как вы помните, уважаемые читатели, человек десять, двое из которых были в футбольной форме и упражнялись с мячом.

Увидев мяч, дядя Коля еще сильнее разнервничался. Он вдруг помрачнел, на вопросы отвечал недружелюбно, не поднимая глаз от земли, и неожиданно спросил почти грубо:

— Шурик, надеюсь, будет стоять за воротами?

— Как договорились, — спокойно отозвался Егор Веселых. — Сейчас для начала побью я, потом вот эти орлы. И учти, Коля: я для матча придумал такую хитрую штуку, что болельщики тебе «ура» кричать будут.

Дядя Коля встал в воротах, поразминался, деловито прошелся взад-вперед между стойками, несколько раз легко и непринужденно достал перекладину руками, и Шурик заметил, как быстро и разительно преобразился его друг. Дядя Коля уже походил на настоящего вратаря! И это почувствовали все, кто пришел на него посмотреть.

Конечно, он нервничал, чуть-чуть излишне суетился, но все это было вполне естественно, и Егор Веселых командирским тоном предложил:

→ Начнем!

«По-настоящему он будет бить или понарошку?» — с большой опаской подумал Шурик, но тут же понял, что Егор Веселых настолько верит в дядю Колю, что

сразу попробует нанести самый хитрый и сильный удар, на какой только способен.

Вот он поставил мяч на одиннадцатиметровую отметку, несколько раз придирчиво поправил его, отошел...

И даже когда мяч с гулким звоном, по скорости подобно пушечному ядру (недаром такие удары называют именно пушечными), стукнулся о правую стойку и отскочил в поле, дядя Коля не пошевелился.

Видевшие это недоуменно пожали плечами и с недоверием переглянулись.

— Вы... вы... почему... — шептал Шурик.

— Я знал, что мяч идет мимо, — громко и немного высокомерно ответил дядя Коля, — а играть на публику я не намерен.

Ко второму удару Егор готовился менее тщательно, чем к первому, и пробил вроде бы даже и небрежно. Но это был коварный удар. Он вынуждает вратаря броситься в одну сторону, а мяч летит в противоположную.

Так оно и должно было произойти. Дядя Коля собирался поймать мяч справа... но в самом начале движения, вдруг грозно крикнув, переметнулся влево, и мяч был у него в руках.

— Вот это полный порядок! — крикнул Шурик. — Так держаты!

Он видел, что Егор Веселых переволновался гораздо больше вратаря. Это и понятно: ему и гол забить хотелось, а еще сильнее хотелось, чтобы дядя Коля продемонстрировал свои недюжинные способности, чтобы о них стало известно сопернику.

И третий удар вратарь отразил в великолепном прыжке, но так тяжело и шумно грохнулся на землю, что, поднявшись, долго растирал ушибленные места, потому что их было много.

Между тем здешние футболисты шепотом препирались, кому из двоих бить первым, и оба вроде бы охотно уступали очередь друг другу.

— Время-то идет! — напомнил им дядя Коля, и тогда один из них — длинный, худой, сутулый, с очень сильными ногами — остороженько начал готовиться пробить. Он поколдовал над мячом, даже попрыгал, далеко-далеко отбежал, низко пригнулся, бросился вперед, словно собираясь упасть, УДАР!-ил... Дядя Коля полетел направо, а мяч — влево, но каким-то невероят-

ным движением ноги, которая вдруг вроде бы стала длиннее, вратарь, громко прорывав, отбил его и еще успел к мячу при добивании...

— Эх, Степа, Степа! — крикнули футболисту, а он только развел руками.

Постепенно Степа и его товарищ увлеклись, раззадорились, в конце концов просто разошлись, как говорится, по-хорошему, по-спортивному, однако ни один удар не достиг цели.

Такого в поселке не видели даже по телевидению!

— Достаточно, — остановил Егор Веселых. — Немного отдохнем и будем отрабатывать угловые.

— Нет, нет, должен я гол забить! — выкрикнул Степа. — Со стадиона не уйду, пока не забью!

— Три удара, — разрешил Егор Веселых. — Коля, ты согласен?

Дядя Коля только кивнул и небрежно махнул рукой: дескать, валяйте, мне не в труд.

Степа крепко прижал мяч к груди, торжественно, почти как на параде, прошагал к одиннадцатиметровой отметке, предельно бережно поставил мяч на землю, придирчиво оглядел его, отошел, пригнулся...

Удар был такой силы, что Шурик не видел полета мяча. Дядя Коля резко отбил его правой рукой, и мяч сбил Степу с ног!!!!!!!!!!!!

Раздался не хохот, а прямо-таки хохотище, причем явно нервное. Егор Веселых катался по траве. Шурик визжал, упав на спину, дрыгая ногами. Кто-то вытирал слезы, кто-то громко икал...

Дядя Коля оставался невозмутимым. Он помог Степе подняться, похвалил:

— Здорово бьешь, парень!

— А... а... если... бы... бы... я... это... в угол? — еле-еле-еле-еле выговорил Степа, и дядя Коля уверенно ответил:

— Я любой мяч беру. Как миленького.

— Но... но... ведь... ведь... так... не... не... не бывает... не...

— Не бывало, — поправил дядя Коля, — теперь — будет. Великая страсть к футболу придает мне силы необычайные.

Надо ли мне сообщать вам, уважаемые читатели, что еще задолго до начала матча между командами «Строитель» и «Лесник» болельщики их прослышали о

появлении необыкновеннейшего вратаря, который берет все пенальти? И надо ли объяснять вам, что все болельщики, собираясь на игру, мечтали увидеть именно одиннадцатиметровые удары?

Сначала потрясающая новость воспринималась просто с интересом и любопытством, потом с удивлением, затем с недоверием, а то и с полным неверием, но постепенно споры, толки, пересуды разгорелись с невиданной силой.

И если поселковые болельщики, веря и не веря радостнейшему для них слуху, ликовали, заранее предвкушая победу, то болельщики из леспромхоза сначала позволили себе усомниться в существовании непробиваемого вратаря, а через некоторое время уже понемножку паниковали, заранее готовясь к горькому поражению. Они спросили своего центрального нападающего:

— Как себя, Комарик, чувствуешь?

— Пищу, попискиваю, кусаться хочется! — действительно пропищал тот весело и беззаботно. — Я еще ни разу с матча без гола не улетал. А сегодня... будьте уверены! Мне этого нового вратаря просто жалко! Опозорю я его!

Короче говоря, никогда еще поселковые и леспромхозовские болельщики не ожидали матча с таким нетерпением и острейшим интересом, в надежде увидеть захватывающее зрелище.

А пока болельщики обеих команд судачили, спорили, высказывали множество прогнозов и предположений, Егор Веселых, Шурик и несколько местных футболистов без усталости тренировали дядю Колю.

— Дос-таточно! — строго приказал Егор Веселых. — Пора поесть и отдохнуть.

— Ой, а нам ведь надо к бабушке! — с огорчением воскликнул Шурик. — Я же совершенно забыл о ней! Она же голодная! Я вообще не знаю, где она сейчас!

— Да, да, перед уважаемой Анфисой Поликарповной мы в значительной вине, — озабоченно произнес дядя Коля. — Обещали быть к обеду...

— А я считаю, — строго повысил голос Егор Веселых, — считаю как тренер, что ничего с вашей уважаемой Анфисой Поликарповной не случилось, не случится и не может случиться. И думать надо не о ней, а о матче. У вас ведь даже и поесть-то нечего.

— А я и думаю только о матче,— сурово сказал дядя Коля.— Но я нашел приют и ночлег в их доме. Там сейчас мой дом. А обед мы быстренько организуем.

Помолчав, Егор Веселых недовольно согласился:

— Ладно. Я найду за вами. Если у вас появится Свинкин, гоните его! Даже не разговаривайте с ним! Думайте только о матче!

Как видите, уважаемые читатели, Егор Веселых беспокоился не зря, предчувствуя, что Жорж Свинкин еще не сдался, что он еще сделает попытку, и не одну, переманить дядю Колю в свою пока еще не существующую команду «Питатель».

Вот сейчас мы и посмотрим, чем занят бескомандный тренер. Вернее, сначала я сообщу вам, чем он занимался утром, получив отремонтированный костюм, документы и деньги.

Первым делом он купил себе зеленый берет с белым хвостиком на макушке и огромные темные очки. Затем он помчался на домостроительный комбинат и, размахивая своим удостоверением, врал до тех пор, пока ему не поверили.

Очень нагло выдавая себя за выдающегося тренера, Жорж Свинкин не просил, а требовал и даже немножечко угрожал. Еще более того, он обещал, предлагал, снова и снова обещал, снова и снова требовал, опять предлагал...

— Обязательно разыщите мне вратаря Попова Николая! — скрипло хрипел Жорж Свинкин. — Из-за него, собственно, я и оказался в вашем поселке! Он дружит с неким Егором Веселых! Всех достойных игроков я забираю с собой немедленно, сразу!

И местным спортсменам уже казалось, что их «Строителю» пора срочно собираться ехать чуть ли не в Москву прямо на стадион в Лужниках, где его прямо-таки ждут не дождутся для участия во встрече с одной из ведущих команд страны.

Якобы выдающийся тренер Жорж Свинкин никому не дал слова сказать, исчез так же внезапно, как появился, на прощание приказав:

— Начало матча ровно в девятнадцать ноль-ноль. Обеспечьте квалифицированное судейство. И напоминаю: лучшие игроки могут рассчитывать на место в основном составе моей команды.

Хотя в футболе Жорж Свинкин намеревался осуществить на практике свой собственный, доселе не применяемый в мире принцип «Лучшее нападение — оборона», в жизни он всегда шел напролом, не давая собеседникам возможности не только ответить, но и подумывать.

В данном же случае все объясняется проще простого. Появился добрейший, судя по всему, человек, он же выдающийся тренер, и пожелал увидеть игру местных футболистов и лучших взять в свою команду. Чего же тут гадать? Медлить? Спорить? Сомневаться?

И матч был объявлен.

Однако никто, конечно, не знал, не догадывался, что сам-то Жорж Свинкин, действуя энергично и временами нагло, пока понятия не имел, для чего он все это делает!

Вообще-то кое на что он рассчитывал. Жоржу Свинкину, например, казалось, что если этот... Попов Николай опозорится на глазах и в глазах местных болельщиков, то с удовольствием уедет отсюда. Значит, надо все сделать для того, чтобы его дебют оказался крайне неудачным и — хорошо бы! — постыдным.

И бескомандный тренер продолжал действовать, он не ходил, а бегал и вскоре уже был осведомлен, что дома у Шурика никого нет, что он с этим... Поповым Николаем и Егором Веселых сейчас на стадионе.

Требовалось обнаружить бабушку Анфису Поликарповну. Это ему удалось не сразу, пришлось побегать по поселку из конца в конец, вдоль и поперек.

Обнаружил Жорж Свинкин бабушку Анфису Поликарповну, убедил ее в том, в чем хотел убедить.

Тети Варвары, к счастью, дома не оказалось, и ключ им вручила ее внучка.

Войдя в квартиру и влетев на кухню, Жорж Свинкин почти молниеносно приготовил завтрак, заварил чай, и бабушка Анфиса Поликарповна уже относилась к нему достаточно терпимо.

А он, приступив к приготовлению настоящего, подлинного обеда, все еще толком не знал, зачем он все это совершает, и усиленно размышлял над тем, как будут развиваться события. Кроме того, предстояло немедленно и по возможности точно установить, какую роль в них сможет сыграть бабушка Анфиса Поликарповна.

Итак, он готовит обед, сюда приходят Шурик и этот... Попов Николай... Каким образом испортить им обоим настроение?.. А если вместе с ними заявится Егор Веселых?.. Плохой вариант... Значит, надо... значит, надо... значит, надо...

— Значит, надо, — хрипло проскрипел Жорж Свинкин, — как-то оградить Шурика от влияния бывшего попа, а то ах какие могут быть серьезные последствия! — Он торопливо, суматошно, нервно, даже испуганно раздвигал овощи, жарил лук. — Представляю, что испытывают родители Шурика, узнав...

— Предоставьте это мне, — небрежно оборвала бабушка Анфиса Поликарповна. — Пока все идет естественно. Буквально в течение неполных суток Шурик ожил, стал походить на нормального мальчишку. Даже я претерпела некоторые изменения! — удивленно призналась она.

«Я разучился врать! — пронеслась в голове Жоржа Свинкина ужасная догадка. — Да, да, я не могу уже легко, быстро, непринужденно и несколько изящно обмануть кого угодно!.. Я стал забывать, как это делается... Кошмар... кризис... крушение... катастрофа!»

— Что с вами?! — испуганно вскрикнула бабушка Анфиса Поликарповна, увидев, как побледневший Жорж Свинкин левой рукой схватился за сердце, а правой за голову и пошатнулся. — Вам плохо?

— Мне жутко. Я горю.

— Не сгорел бы лук!

— Я важнее лука! — гордо, жалобно и скрипло прохрипел Жорж Свинкин. — Сегодня решается моя судьба! Ведь я приехал сюда тренером, а уеду отсюда, по всей вероятности, ночным сторожем! И это зависит от этого... Попова Николая! — Он очень глубоко и очень тяжело вздохнул четыре раза, но вдруг хихикнул, а потом хехекнул. — Ничего, ничего, ничего! Пусть опозорится! Пусть, пусть опозорится!

— Кто? — Бабушка Анфиса Поликарповна вздрогнула. — Кто опозорится?

А Жорж Свинкин пританцовывал около плиты, весело гремел крышками от кастрюль, размахивал ложкой, но — замер и почти предельно скорбно заговорил:

— Ваш поп Попов опозорится. И я уже не смогу этому воспрепятствовать. Предупредите — умоляю! — внука со всей строгостью старости и родственности, что-

бы они отказались от глупейшей затеи с матчем! Весь поселок только и обсуждает вопрос о том, что в воротах будет стоять поп!

— Господи! — вырвалось у бабушки Анфисы Поликарповны. — Да неужто?!

Но не успел Жорж Свинкин ответить, как раздался требовательный звонок, который не просил открыть дверь, а приказывал.

За порогом стоял Егор Веселых. Он лишь взглянул на Жоржа Свинкина, тот мгновенно похолодел от страха и вспотел от злости и... резко перепрыгнул через порог.

И вот он уже мчался по улице. Сердце его совершенно бешено колотилось, в голове ужасно гудело, ноги подкашивались. Жорж Свинкин уже не мчался, а брел, ничего почти не соображая, кроме того, что опять все его планы рухнули. Остановившись у тележки с газированной водой, он, к полнейшему удивлению заспанной продавщицы, сам налил себе и выпил пять стаканов...

Это вернуло ему некоторую часть способности думать, ведь он надеялся, что бабушка Анфиса Поликарповна передаст его опасения внуку и этому... Попову Николаю и они так разнервничаются, в такую впадут панику, что бывший поп не возьмет ни одного мяча!

Теперь же все может испортить и, конечно, испортит Егор Веселых. Но почему явился он, а не Шурик с вратарем?

Дело было так. Расставшись после тренировки с Шуриком и дядей Колей, Егор Веселых сначала направился к себе домой и, размышляя о том, как он сам поест и накормит кота Жоржика, вдруг вспомнил Жоржа Свинкина. Он быстренько повернул обратно и бегом прибежал в квартиру Шурика.

Закрыв дверь за бескомандным тренером, Егор Веселых выяснил у бабушки Анфисы Поликарповны обстановку, проговорил с большим удовлетворением:

— Вовремя же я пришел. Иначе бы этот субъект испортил Николаю настроение, а тот и так еле живой от переживаний. Куриного супа у вас не получится, но курицу я еще попытаюсь спасти и зажарю.

— Не пугайте меня, — умоляющим тоном попросила бабушка Анфиса Поликарповна.

— Наоборот, я вас успокаиваю. Этот бывший клет-

чато-полосатый забыл вынуть из курицы внутренности. Бульон горчит. Обещаю спасти вам курицу! — Егор Веселых так развеселился, что даже немного похохотал. — Понимаете, Анфиса Многокарповна?

— Что? Что? Я Поликарповна!

Егору Веселых пришлось призвать на помощь всю свою силу воли, чтобы перестать хохотать.

— Простите, оговорился! «Поли» — значит много. Вот у меня и получилось... Многокарповна! Больше не буду! — И Егор Веселых стал серьезным.

— Никогда бы не подумала, — обиженно сказала бабушка Анфиса Поликарповна, — что меня будут дразнить даже на старости лет!

— Видимо, это означает, — самым любезнейшим тоном ответил Егор Веселых, — что ваших лет никто не замечает.

Шурик и дядя Коля застали их в таком веселом настроении, что почувствовали: все сегодня будет хорошо.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Самое крупное событие нашего повествования —
необычайный, редчайший по напряжению
и прямо-таки драматизму
футбольный матч

между командами «Строитель» и «Лесник»,
решивший судьбу дяди Коли, бывшего поца Попова

Леспромхозовские автобусы примчались к стадиону еще до того, как адесь начали собираться поселковые болельщики. Сразу чувствовалось, что гости настроены по-боевому, сил и голосов не пожалеют, чтобы помочь своей команде. Пока споры и разговоры сводились в основном к вратарю, невиданному, небывалому не только в здешних местах, но и по телевидению.

И конечно же, все мечтали хотя бы об одном пенальти этому невообразимому вратарю.

Когда на трибунах появились и поселковые болельщики, шум образовался весьма и весьма великий. Они подзадоривали друг друга, дразнили, пугали, подсмеивались, и все — нервничали.

На поле для разминки выбежали команды. Болельщики стоя приветствовали их криками и аплодисментами.

Но восторженность скоро сменилась недоумением и растерянностью: в воротах «Строителя» вратаря не было! Он не вышел на разминку!

Сделано это было по распоряжению Егора Веселых, которому доверили роль играющего тренера. Он не хотел до начала матча показать противнику, на что способен дядя Коля. А болельщиков он решил просто заинтриговать до предела.

Трибуны недовольно роптали, а Комарик не выдержал, подбежал к игрокам «Строителя», очень ехидно пропищал:

— Без вратаря решили попробовать! Так я и в пустые ворота попадаю!

— Сегодня тебе гола не забить! — громко и уверенно сказал Егор Веселых. — Можешь зря силы не тратить, посиди на скамейке запасных!

Болельщики «Лесника» кричали хором:

— Вратаря! Вратаря! Вратаря!

А вратарь с Шуриком сидели и молчали.

Никто и не подозревал, уважаемые читатели, никому и не мог поведать дядя Коля о том, что он сейчас переживал. Он сам стыдился своего откровенного и неукротимого желания, но побороть его не было пока сил. Дядя Коля всем своим существом верил, что если исполнит это откровенное и неукротимое желание, то успокоится, обретет уверенность, хорошо проведет игру и не пропустит ни одного гола.

Для этого дяде Коле необходимо было помолиться. Да, да, ему просто хотелось помолиться, встать на колени и по давнишней привычке обратиться к господу.

Дядя Коля победил в себе это желание. Ведь если бы он обратился за поддержкой к господу, получилось бы, что брал бы мячи с божьей помощью. А он страстно мечтал быть непробиваемым вратарем самостоятельно, верить только в себя.

И помочь ему могли лишь люди.

Однако общее состояние дяди Коли все еще было неважное, и он спросил нервно, мрачно:

— Что молчишь? Скажи хоть что-нибудь!

— Игра пройдет нормально, — тоже не очень спокойно и не очень весело ответил Шурик, — если вы не растеряетесь после гола.

— Сколько раз тебе говорить, что ни одного гола я не пропущу?! — Дядя Коля даже притопнул. — Пони-

маешь ты это или нет? Я хочу отдать футболу все!.. Ну, ну, ну, хватит... — успокаивая себя, проговорил дядя Коля, погладив Шурика по взъерошенной голове. — Великое нас ждет испытание, и мы его выдержим. Мячу в моих воротах не бывать!

Тут их позвал Степа.

Огромную фигуру дяди Коли болельщики заметили сразу, едва он появился на беговой дорожке среди игроков своей команды.

Сначала трибуны примолкли, потом постепенно разразились удивленным, восторженным гулом и снова примолкли.

Когда дядя Коля встал в воротах, Шурику захотелось убежать, спрятаться куда-нибудь и закрыть уши.

— Начинается! — громко и неестественно радостно сказал Егор Веселых. — Скоро здесь будет Комарик!

Комарик был неплохим футболистом, мог бы стать и отличным и в команду мастеров мог попасть, но ленился на тренировках, по давней школьной привычке страдал безответственностью, да еще и хулиганил на поле. Если к этому добавить излишнюю самоуверенность и зазнайство, то сами понимаете, уважаемые читатели, что мечтать о большом футболе у Комарика достаточных оснований не имелось.

И все-таки он был опасен для любого вратаря и знал это хорошо.

И сегодня, помня о том, что на игре присутствует какой-то выдающийся тренер чуть ли не из Москвы, а в воротах противника стоит всеми расхваленный вратарь, Комарик сверхтвердо решил, как говорится, выложиться, отдать игре все силы и еще чуть больше. Трудности сегодня его возбуждали, вдохновляли, и его прямо-таки несло вперед.

Едва мяч оказался у Комарика, как тот стремительно обыграл четырех соперников и уже летел к воротам. Навстречу ему кинулся Егор Веселых.

Ловко-ловко-ловко обманул его Комарик и пробил с ходу...

Леспромхозовские болельщики привстали со своих мест...

Ударив, Комарик даже не посмотрел в сторону ворот, победно вскинул руки, уверенный, что через мгновение мяч будет в сетке...

А болельщики так и стояли, не произнося от изумления ни звука...

Мяч точно и сильно летел в левый нижний угол. Дядя Коля не шевелился и, лишь когда мяч пролетел мимо ворот, выпрямился.

Обескураженный, Комарик пропищал:

— Больше такого не будет!

Шурик сбегал за мячом, бросил его дяде Коле, сказал:

— Нельзя же так рисковать!

— Не мешай ему! — крикнул Егор Веселых. — Пусть привыкает!

А трибуны гудели и гудели, недоуменно обсуждая непонятное поведение и без того загадочного вратаря.

«Лесник» явно был, как говорится, в ударе, поэтому удары по воротам так и сыпались. Дядя Коля, бросаясь к мячу, рычал, грозно кричал, ухал, ахал, но не сделал пока ни одной ошибки.

Защита «Строителя» растерялась, и, чтобы исправить положение, Егор Веселых решил привести в исполнение свой замысел — он намеренно сыграл рукой в штрафной площадке.

Стадион ААААААААААААААХнул!

Пенальти!

Восторженно пропищав, Комарик схватил мяч, бросился к одиннадцатиметровой отметке, поставил мяч и буквально выпучил от изумления глаза: вратарь улыбался во весь рот! Руки потирал от удовольствия!

— Давай, Комарик, давай! — насмешливо и радостно крикнул Егор Веселых, тоже улыбаясь во весь рот, как будто сам собирался бить пенальти.

Все болельщики на трибунах вскочили, а многие поклонники «Лесника» даже подпрыгивали от нетерпения и скандировали:

— Ко-ма-рик! Ко-ма-рик!

Шурик скакал за воротами и кричал:

— Дядя Ко-ля! Дядя Ко-ля!

Комарик пробил и схватился за голову. Никто еще никогда не брал у него мяча после такого удара! Комарик выполнил его легко, привычно, непринужденно. Вся хитрость заключалась в том, что удар был крученым. Мяч сначала летел в один угол, а когда вратарь был уже в воздухе, менял направление и влетал в сетку.

На сей раз все было наоборот: мяч полетел влево, а дядя Коля — вправо, и, когда он почти уже упал на землю, мяч изменил направление и послушно, как бы сам попал в руки вратаря.

Трибуны роптали.

Среди болельщиков «Лесника» назревало возмущение.

«Строитель» заиграл увереннее, но увлекся атакой, тем более, что нападение возглавил Егор Веселых, забыв, что он центральный защитник.

Вот и случилось следующее. Перехватив мяч в центре поля, Комарик обвел единственного перед собой соперника и рванул к воротам.

Над стадионом гремело:

— Ко-ма-рик! Ко-ма-рик!

Его никто и не пытался догнать, он летел к воротам один.

И тут произошло нечто совершенно уму непостижимое, просто немыслимое: навстречу нападающему бросился вратарь! Он пересек штрафную площадку и продолжал бежать дальше!

Увидев это, Комарик непроизвольно остановился, а дядя Коля огромнейшими шагами приближался к нему, вытянув руки, словно собираясь схватить растерявшегося футболиста, по крайней мере, за горло.

Не надо забывать, что Комарик всегда был не прочь похулиганить, но не терпел, когда к нему относились грубо. Даже побаивался он этого, посему и побежал, далеко не отпуская мяч, в сторону.

Комарик в страхе направился к своим воротам — назад!

И дядя Коля вернулся в свои ворота, к которым подтянулись и защитники «Строителя».

— Так больше нельзя! — кричал Шурик.

Дядя Коля согласно кивнул несколько раз, не оборачиваясь.

Трибуны хохотали, обсуждая случившееся. Кто смеялся над Комариком, кто — над вратарем, а большинство содрогалось от смеха над обоими. Хохотали громко и долго, пока не устали.

Между тем у обеих команд игра разладилась. Комарик совсем скис, и, если бы не обида, злость и раздраженное самолюбие, он бы не просто ушел с поля, а убежал бы от такого позора.

У Егора Веселых игра не получалась, командой руководить он не мог, потому что, помимо всего прочего, он вдруг стал хватать себя за нос в поисках усов и был уверен, что без усов играть ему нет смысла.

Нападающие «Лесника», оказавшись у ворот дяди Коли, откровенно боялись нанести завершающий удар и без конца перепасовывали мяч друг другу, пока его не отби- рала защита «Строите-

ля». Громко и гневно роптали болельщики, особенно леспромхозовские. Но вскоре они дружно смолкли, помолчали и чуть ли не завывали от восторга — пенальти!

Снова — пенальти!

И снова — «Строителю»!

Произошло же следующее. Теперь у ворот дяди Коли Комарик всеми известными ему нечестными спосо- бами пытался вывести его из равновесия: толкал, хва- тал за свитер, несколько раз довольно больно пнул. И в один из таких безобразных случаев, очень сильно рас- сердившись, дядя Коля яростно дунул на Комарика. Тот не устоял на ногах и упал. Судье же показалось, что вратарь толкнул форварда, и указал он на одиннад- цатиметровую отметку.

Ничего не понимающий Комарик сидел на земле, пока его не подняли. Уразумев, что ему предоставляется возможность пробить пенальти, он ждал призыва болельщиков «Ко-ма-рик! Ко-ма-рик!», но трибуны мол- чали настороженно и выжидательно.

И Комарик почувствовал, что БОИТСЯ бить, не только боится, а просто не может. И объяснялось это опять-таки просто. Дело в том, что, как только судья показал на одиннадцатиметровую отметку, вратарь за- улыбался во весь рот, Егор Веселых засмеялся, маль- чишка за воротами запрыгал, и Комарик понял, что гола ему опять не забить. Он стал усиленно морщиться, демонстративно растирать будто бы ушибленное коле-

но, но и другие нападающие «Лесника» не торопились просить разрешения бить пенальти.

— Нет желающих? — довольно насмешливо спросил судья. — Может быть, вообще нет желающих продолжать игру?

И тогда леспромхозовские болельщики, встав во весь рост, громогласным, угрожающим хором потребовали:

— Ко-ма-рик, бей! Ко-ма-рик, бей!

Сжавшись от этих криков, втянув голову в плечи, продолжая еще усиленнее морщиться, еще демонстративнее растирать будто бы ушибленное колено, Комарик судорожно думал о том: а что же произойдет, если он не забьет и второй одиннадцатиметровый?!?!?!?

— Ко-ма-рик, бей! Ко-ма-рик, бей!

Да, отступать в такой ситуации было нельзя, и бедный Комарик, злой, растерянный, дрожащий, еле-еле добрал до мяча в наступившей тишине.

Он подержал мяч в руках, шепнул ему что-то, нежно погладил, опустил его на землю остороженько, словно он был из тончайшего стекла, и сразу, вдруг, неожиданно УДАР! ил...

И трибуны радостно, возмущенно, восторженно, разочарованно ААААХнули.

Мяч влетел в верхний правый угол ворот, да не влетел! В самый напоследнейший момент дядя Коля как бы сам себя катапультировал и отбил мяч на угловой. Правда, во время броска дяде Коле пришлось больно-пребольно удариться головой о штангу и тяжело рухнуть на землю.

Шурик едва успел подбежать к нему, как он поднялся и сказал:

— Терпимо. Голова только гудит очень.

И трибуны очень гудели.

Леспромхозовские футболисты, низко опустив головы, не двигались, будто матч уже окончился. Игроки «Строителя» весело спрашивали их:

— Будем играть или нет?

Комарик побежал с поля!

Но тут же раздался судейский свисток, извещающий об окончании первого тайма.

К проходу, по которому футболисты направлялись в раздевалки, кинулись болельщики — увидеть невиданного вратаря. А он шел спокойно, сосредоточившись на каких-то мыслях, не глядя по сторонам, и только изредка прикасался рукой к голове, на которой быстро образовывалась шишка.

В раздевалке «Строителя» сразу же началось ликование, но его сразу же пресек Егор Веселых:

— Чему радуетесь? Никаких причин ни у кого из нас, кроме вратаря, нет для этого. Отдыхайте. Не думайте, что игра уже сделана. Впереди целый тайм. Сорок пять минут.

— Но ведь Комарик-то больше ни на что не способен, — со смехом сказал Степа. — Я бы на его месте больше на поле и не показывался.

— Комарик ни в чем не виноват, — с уважением произнес дядя Коля. — Если бы мы так умели бить, то уже несколько штук было бы.

— Вот именно, — согласился Егор Веселых. — Давайте-ка обсудим, как строить игру во втором тайме.

Ну, а в раздевалке «Лесника» все игроки дружно, возбужденно и несправедливо бранили и без того несчастного Комарика.

Тренер, сколько ни пытался, не мог остановить футболистов.

Передать же, что творилось на трибунах во время перерыва, я и не берусь, уважаемые читатели, ибо для этого потребовалось бы страниц семнадцать. Говорили буквально все, иные даже кричали, многие, извините, вопили истошными голосами, и разобраться в мнениях никому бы не удалось. Здесь Комарика бранили меньше, чем в команде, потому что почти все поняли и признали непробиваемость нового вратаря.

А где же был и что же делал во время первого тайма организатор этого матча Жорж Свинкин? Он скромно сидел на трибуне рядом с бабушкой Анфисой Поликарповной и страдал. Временами его охватывало острое, почти неодолимое желание расплакаться от обиды и бессилия. Ведь он воочию увидел невиданного вратаря. Ведь если бы он, бескомандный тренер, мог заполу-

чить в свою команду «Питатель» такого выдающегося голкипера, будущее ее было бы блистательным, а его тактический принцип «Лучшее нападение — оборона» был бы признан всем мировым футболом.

Но что,

что,

что,

ЧТО ЖЕ

сделать, чтобы этот, предположим, не негодяй, Попов Николай принял предложение?

— Что? Что? — скрипло прохрипел Жорж Свинкин.

— Что — что? — спросила бабушка Анфиса Поликарповна, которая сначала отказывалась присесть рядом с ним, а сейчас была довольна этим — есть хоть с кем поговорить. — Николай, конечно, замечательный вратарь, но ведь Комарик, простите, не соперник. Так сказать, соперничек.

— Против этого... Попова Николая любой игрок выглядит футболистиком, а любой удар превращается в ударчик. Но сегодня он обязательно пропустит гол.

— Не смешите меня! — Бабушка Анфиса Поликарповна рассмеялась. — Вы сегодня уже оскандалились с курицей, не торопитесь оскандалиться еще раз.

— Комарик забьет Попову гол.

Тут трибуны притихли: появились команды. «Строитель» выбежал на поле бодро, весело и самоуверенно. Футболисты «Лесника» шли медленно-медленно, низко опустив головы, а последним плелся Комарик.

И не выдержал бескомандный, выдававший себя за выдающегося, тренер Жорж Робертович Свинкин, вскочил и громко, убежденно, радостно и скрипло прохрипел:

— Комарик, го-о-о-ол!

Леспромхозовские болельщики моментально воспрянули духом и мощным хором потребовали:

— Ко-ма-рик, гол! Ко-ма-рик, гол!

С места с достоинством поднялась бабушка Анфиса Поликарповна, громко и уверенно заявила:

— Комарику никогда и ни за что не забить гола Николаю Попову!

Что тут началось!!!

Началось тут что!!!

Болельщики не расслышали даже судейского свист-

ка, возвестившего о начале второго тайма. Они поприутихли лишь тогда, когда неожиданно взбодрившийся «Лесник» пошел в стремительную атаку. Немного ожил и Комарик. Он, правда, не рвался, как обычно, вперед, но, получив мяч, моментально и точно отправлял его партнерам.

Дядя Коля спокойно и уверенно расправился с несколькими ударами издали. А вот у Шурика не было спокойствия, тем более уверенности. «Строитель» явно не мог найти игры. Егор Веселых подбадривал своих товарищей, весело покрикивал, но уже двое форвардов «Лесника» пробили по воротам с близкого расстояния, правда, мимо.

Трибуны следили за игрой молча, только изредка раздавались отдельные выкрики, просительные или требовательные.

Никто, кроме Шурика, не видел, конечно, как давненько нервничает, что-то шепчет, словно разговаривая сам с собой, дядя Коля. Он несколько раз погрозил кому-то кулаком и вдруг проговорил через плечо громко и обреченно:

— Шурик, я боюсь!

Тот и сам дрожал от неведомого страха и не сразу ответил:

— Чего вам бояться? Самое страшное позади.

— Я гол пропущу, Шурик!

— Вряд ли. Просто у вас давно в руках мяча не было.

Тем временем Комарик начал потихоньку пытаться прорваться к воротам, но игроки «Строителя» бдительно следили за ним и буквально не давали овладеть мячом.

Однако по всему чувствовалось, что Комарик рано или поздно добьется своего.

Егор Веселых попробовал возглавить атаку, потерял мяч в середине поля, и в результате дяде Коле пришлось изрядно потрудиться.

Создавалось впечатление, что «Строителю» просто нет никакой необходимости выигрывать. Футболисты словно чувствовали себя болельщиками и с интересом ждали, когда в игру вступит их необыкновенный вратарь, и вроде бы от всей души желали пенальти в свои ворота.

Гадай не гадай, что и почему происходило на поле,

но дядя Коля, как пишут в газетных отчетах, играл с полной отдачей.

Шурик испуганно отмечал, что несколько раз дядя Коля почти ошибся.

Дотянулся до мяча и Комарик...

Поймав мяч, дядя Коля остался лежать.

— В чем дело? — испуганно спросил Шурик.

— Оказывается, я устал, — признался дядя Коля. —

Но это не беда. Встаем!

Натиск «Лесника» продолжается. Он был настолько яростен, что дядя Коля не имел возможности сообщить, как реагировать на тот или иной удар, а просто отражал, отражал, отражал...

Но вот наступила кульминация этого необычайного, редчайшего по напряжению и прямо-таки драматизму матча.

За несколько секунд до окончания игры Комарик, легкий и сильный, стремительно взлетел вверх, чувствуя, что сейчас для него последует пас вдоль ворот и — гол, лучший гол в его жизни, неминуем, какое бы чудо ни защищало ворота!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

О, этот гол мог украсить не только любой матч самого высокого ранга, он мог бы украсить спортивную биографию какого угодно выдающегося форварда!

Но уже в воздухе Комарик почувствовал, именно почувствовал, а не увидел, что пас неточен — мяч летел выше ворот.

А Комарик продолжал лететь дальше.

Дядя же Коля все-таки бросился за мячом и, так сказать, по дороге за неимением мяча поймал Комарика, упал с ним на землю, быстро вскочил, высоко перед собой поднял футболиста, но его остановил пронзительный голос Шурика:

— Это не мяч, а Комарик!

Только тут дядя Коля пришел в себя: ведь он намеревался, машинально, конечно, выпнуть Комарика, как мяч, в поле.

Судейский свисток остановил игру.

Трибуны ликовали. Болельщики обеих команд хлынули на поле поздравлять футболистов, а самые восторженные попробовали качать дядю Колю, то есть подбрасывают в воздух, но силенок для этого у них не хватило. А больше качать было некого.

Егор Веселых, сверхдовольный этим необычным,

редчайшим по напряжению и прямо-таки драматизму матчем, не мог перебороть волнения и в поисках усов опять хватал себя за нос то одной рукой, то другой.

— Вот кого качать надо! — радостно сказал усталый дядя Коля и легко подбросил несколько раз в воздух Комарика. — Большое спасибо тебе, Комаров, за науку! — И бережно поставил его на землю. — Тебе, Егорушка, спасибо. За усы прости меня великодушно, — совсем растрогался он. — Хороший ты человек, Шурик, — ласково продолжал он, погладив мальчика по взъерошенной голове. — Всем вам, товарищи футболисты, великое от меня спасибо! — Он поклонился во все стороны. — А где же наша уважаемая Анфиса Поликарповна?

Но Егор Веселых увел его сначала в раздевалку переодеться.

Ликование болельщиков постепенно и неохотно подходило к концу, гасло. Жаль было им расходиться, и они не спешили с этим.

Не знали они, что сегодня их ждало еще одно не менее потрясающее зрелище, чем недавний редчайший по напряжению матч.

Откуда ни возьмись, как говорится, на стадионе появилось некое тарахтящее, скрипящее, повизгивающее транспортное сооружение, этакий, уже известный вам, уважаемые читатели, тракторчонок с трубочкой, из которой вылетали клубики дыма.

Тракторчонок резво выкатился на беговую дорожку, прокатился по ней метров пятьдесят и остановился, мелко-мелко, но сильно содрогаясь, словно собирался подпрыгнуть.

Из кабины на землю соскочил столь чумазый человек, что его вполне можно было посчитать за негра, если бы не большие белые уши. Это, конечно, был Гаврила. Он крикнул:

— Где тут тренер Жорж Свинкин?

И кто-то из болельщиков тоже крикнул:

— А где выдающийся тренер? Будет он кого-нибудь из наших в команду брать?

Гаврила хотел еще что-то произнести, но тракторчонок вдруг рванулся с места, и водитель едва успел отскочить в сторону, а чудо двадцатого века, драндулет будущего, повернул на поле, прямехонько на болельщиков.

Не сразу они сообразили броситься врассыпную.

Тракторчонок же чуть ли не метался по полю, неожиданно и резко поворачивая в разные стороны. Создавалось впечатление, что он всерьез решил обязательно кого-нибудь сбить с ног.

— Живее, живее отбегайте! — сердито советовал Гаврила, восторженно любуясь действиями своей машины. — Резвее двигайтесь, расторопнее. Он ведь у меня упрямый! Уж если что задумал, никого не послушается!

С каждой минутой тракторчонок тарахтел, скрипел, стучал, повизгивал со всевозрастающей силой, даже вроде бы и с озлоблением. И когда на поле никого не осталось, чудо двадцатого века бросилось за своим водителем. Тут Гаврила завопил не восторженно, а испуганно:

— Перестань дурака валять! Соображать надо, на кого едешь!

Навстречу тракторчонку двинулся появившийся в проходе дядя Коля. Машина будущего мчалась прямо на него, а дядя Коля спокойно шел прямо на нее.

— Не связывайся с ним! — крикнул Гаврила. — Может, он сам заглохнет!

И когда между машиной и человеком осталось не более метров шести, дядя Коля грозно крикнул и вытянул вперед свои большие сильные руки...

Тракторчонок разом перестал тарахтеть, скрипеть, стучать, повизгивать, содрогаться — замолк вредный тракторчонок.

— Полный порядок! — восхитился Гаврила. — Где этот Свин Жоркин, из-за которого я и страдаю в данный момент?.. Ведь вот что, товарищи, происходит! — гневно возвысил он голос. — Теща моя Глафира Сосипатровна Суслопарова — золотой человек. Почти ежедневно угощает меня блинами, оладьями, пирогами и пирожками, пельменями, шаньгами. А тренер этот Свин Жоркин ограбил ее на три с полтиной. А к ней его привозил я. Вот теща моя, золотой человек, и вынесла постановление: пока не получит свои три с полтиной, кормить меня не будет. А сегодня у нее пельмени редечные, грибные, капустные, рыбные и мясные. Она бы и сама его поймала, но у нее мотоцикл поломался. Где, где он, этот Свин Жоркин или как его там?

Никто из присутствовавших при этом не понимал, почему так безудержно хохочут трое: вратарь, центральный защитник и мальчик.

— Да не Свин Жоркин, а Жорж Свинкин! — сквозь смех еле-еле-еле выговорил Шурик.

— Мы совсем забыли об уважаемой Анфисе Поликарповне, — с упреком сказал дядя Коля.

В это время раздался тонкий голос Комарика:

— Нашли, нашли выдающегося тренера!

Дело было так. Пока на поле бесчинствовал тракторчонок, несколько болельщиков отправились искать выдающегося тренера. Долго его искали, наконец обнаружили и, извините за грубое слово, уважаемые читатели, очень обалдели.

Выдающийся тренер за трибунами бойко торговал газированной водой.

Да, да, если дядя Коля, бывший поп Попов, понял, что он жить не может без футбола, то Жорж Свинкин, теперь уже, можно твердо сказать, бывший бескомандный тренер, понял, что жить не может без торговли газированной водой. Это он понял всем сердцем совсем недавно, когда матч подходил к концу. И зачем он только связался с футболом, где всё и все против него?

Предложив бабушке Анфисе Поликарповне помочь найти Шурика, Жорж Свинкин за трибунами увидел большую очередь перед тележкой с газированной водой, подошел и с негодованием наблюдал, как заспанная тета невероятно медленно и угнетающе лениво обслуживала жаждущих.

Дети в очереди хныкали и канючили.

— Нельзя ли побыстрее? — крикнул кто-то из взрослых.

— Можно! И нужно! — гордо, хрипло и скрипло ответил Жорж Свинкин, властным жестом предложил заспанной тете освободить ему место, и торговля, можно сказать, закипела. Никогда еще в жизни не торговал он с таким удовольствием, так легко, весело и стоя.

Бабушка Анфиса Поликарповна не смела его беспокоить, хотя сама волновалась: как ей разыскать внука? А внук уже бежал к ней. Впереди него бежал Гаврила. Он остановился у тележки, но не успел рта

раскрыть, как Жорж Свинкин презрительно и высокомерно прохрипел:

— Получите три с полтиной и уходите!

Гаврила умчался, а болельщики потребовали от выдающегося тренера объяснений. И, так как очереди за газированной водой уже не было, Жорж Свинкин уступил место заспанной продавщице и весьма взволнованно ответил:

— Вам довелось увидеть игру невиданного вратаря. Это для вас организовал я. На этом мои полномочия окончились. Всего вам доброго. А ты, Коля, с друзьями идите и еще раз взгляните на поле, где сегодня так успешно начался твой путь в большой футбол.

Друзья поднялись на трибуну и увидели, что тракторчонок опять гонится за Гаврилой.

Чудо двадцатого века оглушительно тарыхтело, скрипело, стучало, повизгивало.

Гаврила споткнулся и упал.

Тракторчонок остановился в трех сантиметрах от него, засадрогался, словно собираясь подпрыгнуть, подпрыгнул, замолк, и все четыре колеса раскатились на все четыре стороны. Гаврила сидел на земле и плакал.

— Может, он теперь учиться пойдет на настоящего тракториста? — спросил Шурик.

— Если лень не помешает, — ответил Егор Веселых.

— Человек, если захочет, — сказал дядя Коля, — может добиться невозможного. Опять мы забыли про уважаемую Анфису Поликарповну.

Они спустились с трибуны, и тут Шурика остановила его учительница и знакомым голосом произнесла:

— Ах, Мышкин, Мышкин! Ты, видимо, уже и забыл, что когда-то вполне мог стать абсолютно круглым отличником!

— Нет, не забыл, — поздоровавшись, с достоинством повзрослевшего человека ответил он. — Наоборот. Только сейчас я поверил, что действительно могу стать абсолютно круглым отличником. И еще я буду футболистом. Тоже отличным. — И он очень вежливо поклонился и направился к своим друзьям.

А к ним спешила бабушка Анфиса Поликарповна и звала:

— Идемте, идемте, идемте домой! Я разогрею вам ужин!

— А я угощу вас чаем из самоварчика, — сказал дядя Коля.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интервью, взятые автором у действующих лиц этого повествования

Вот и настала пора, уважаемые читатели, нам с вами распрощаться. Грустное это дело, но, как ни странно, необходимое.

Больше я уже не встречу с моими героями, и, расставаясь с ними и горюя об этом, я взял у всех действующих лиц нашего повествования интервью, задав им всем один вопрос: что вы хотите пожелать нашим уважаемым читателям?

Вот их ответы.

ПАПА. Помнить, что главное назначение ребенка учеба, учеба и только учеба.

МАМА. Не забыть, что только отличная учеба поможет вам стать выдающимися специалистами.

ДЕДУШКА. Необязательно быть выдающимися. Надо просто выбрать такую профессию, чтобы она приносила пользу семье, в том числе и дедушке.

БАБУШКА АНФИСА ПОЛИКАРПОВНА. Заботиться о своем здоровье, не торчать перед телевизором, дышать свежим воздухом.

ТЕТЯ ВАРВАРА. Не только не тунеядничать, а всеми силами бороться с лентяями. Не кормить их, пока не перестанут лодырничать. Знать, что взрослый тунеядник противнее и опаснее маленького.

ЕГОР ВЕСЕЛЫХ. Как говорил мой любимый командир, старший лейтенант Синица, легче всего на свете сделать глупость. Надо искать трудности, а не бегать от них.

ГАВРИЛА. Не рассчитывать на тещу, если даже она и золотой человек. Жить своим умом.

СУСЛОПАРОВА ГЛАФИРА СОСИПАТРОВНА. Не приводить в дом подозрительных людей.

ДЯДЯ КОЛЯ. Заниматься только тем делом, без которого жить не можешь.

ШУРИК. Чтобы мы понимали родителей, а они нас.

ЖОРЖ СВИНКИН. Я очень взволнован предложением что-нибудь пожелать читателям. Пусть они тратят силы только на добрые дела. Пусть помнят, что лучше хорошо торговать газированной водой, чем плохо играть в футбол. Досви... досви... досви...

АВТОР. Досви... уважаемые читатели!

1979 г.

Шпионская ор-
ганизация «Тигры-выд-
ры» терпит почти полный про-
вал! ● Ночные крики То-
лика Прутикова и их причины ●
Страдания пожилого агента БХ-
000 ● Как запутались шпионы из
диверсионной группы «Фрукты-ово-
щи» ● Агент Мяу теряет писто-
лет ● Шпионский пистолет нахо-
дит Толик Прутиков ● Кеяк.
кеюк, каёк, каюк ● «Тигры-
выдры» превращаются в
«Гроб и молнию» ● То-
лик Прутиков опасно
заболевает ●
Шпи-ончик
№ 14 нена-
видит
рядо-
во
го

Батона, но
назначается с
ним на важное за-
дание ● Шпионы
помогают ловить шпи-
онов ● Драка гав-
риков и шпиончи-
ков ● Младше-
го сержанта
Стрекозу

эта книга о том как шпионы решили и уни
что жить все мальчишки и девчонки по
тому что не ненавидят их больше всего на
свете автор

РУКИ ВВЕРХ! ИЛИ ВРАГ № 1

**РОМАН
ЧУТЬ-ЧУТЬ ДЕТЕКТИВНЫЙ,
ДА ЕЩЕ С НАУЧНО-МЕДИЦИНСКИМ
УКЛОНОМ, ДА ЕЩЕ С ПРОЛОГОМ,
НО ЗАТО БЕЗ КОНЦА;
В ДЕСЯТИ ЧАСТЯХ,
НАПИСАННЫХ ЛИЧНО АВТОРОМ,
И ОДИННАДЦАТОЙ ЧАСТИ,
КОТОРУЮ ОН ПРЕДЛАГАЕТ
НАПИСАТЬ САМИМ ЧИТАТЕЛЯМ;
СРЕДИ НИХ АВТОР НАДЕЕТСЯ
УВИДЕТЬ МАЛЬЧИШЕК И ДЕВЧОНОК,
КОТОРЫЕ ХОТЯТ
КАК МОЖНО СКОРЕЕ ПОВЗРОСЛЕТЬ,
И ВЗРОСЛЫХ, КОТОРЫЕ
НЕ ЗАБЫЛИ СВОЕГО ДЕТСТВА**

ПРОЛОГ

**Шпионская организация «Тигры-выдры»
терпит почти полный провал
из-за третьеклассника Толика Прутикова.**

**Краткое описание жизни и деятельности
полковника Шито-Крыто и его сокровенной мечты**

В Самом Центральном Отделе шпионской организации «Тигры-выдры» царил невероятнейшая паника!

Начальник отдела грозный полковник Шито-Крыто, зеленый от злобы, вот уже тринадцать с половиной минут стучал правым кулаком по столу.

Когда правый кулак заболел, полковник Шито-Крыто побагровел от дикой злобы и заработал по столу левым кулаком.

На столе лежало

Донесение первое

Сегодня агентом маленького роста
типа школьника задержан БХ-000.

Подозреваю, что БХ-000 —
предатель. Тогда нам всем
кеяк.

Бутемот.

— Убью! — закричал полковник Шито-Крыто и в несусветной ярости затопал ногами. — Расстреляю всех из пушки! За левую ногу к потолку подвешу!.. А что такое кейак? — Пяткам стало больно, и он замолотил по столу кулаками, обоими сразу. — Что такое кейак?

И тут на стол перед ним положили

Донесение второе

Боюсь, что мы погорели. Надо бы убежать, но я бежать не могу, так как имею ужасное расстройство желудка на нервной почве. БХ-000 куда-то исчез. Мяу молчит. А всем нам какой-то кейак, кеюк или каёк. Жду срочных указаний. Погибать неохота, ведь я так еще молод.

Канареечка.

Двадцать три часа восемь минут шестнадцать секунд кричал, стучал кулаками и топал ногами, бился о стену своей огромной, без единого волоска головой начальник Самого Центрального Отдела полковник Шито-Крыто, багровея, бледнея, синея, зеленея, коричневея от дикой злобы и несусветной ярости.

Сотрудники отдела застыли в гробовом молчании...

Полковник Шито-Крыто умолк и замер лишь тогда, когда на стол перед ним положили

Донесение третье

Бугемот и Канареечка арестованы. БХ-000 взят агентом маленького роста типа школьника. Вторые сутки сижу на дереве в парке. Очень хочу есть, но еще больше хочу жить. Не знаю, что и делать. Всем нам какой-то кеяк, кеюк или каёк.

Мяу.

Полковник Шито-Крыто оцепенел. Он сидел, выпучив глаза, потеряв дыхание, и его огромная, без единого волоска голова почернела от дикой злобы и необъятного горя. И вдруг он начал стучать этой головой по столу и кричать во всю глотку:

— Какой кеяк? Какой кеюк? Какой каёк? Всех подвешу к потолку за левую ногу! Расстреляю всех из пушки! Зарежу всех! Зажарю всех! Кеяк! Кеюк! Каёк! Сафронито ту балд! (Известное неприличное шпионское ругательство.)

И в это время на стол перед ним положили

Донесение четвертое, самое важное

Надоело шпионить. Хватит. Почти добровольно сдался третьекласснику Толику Прутикову. Выдал я всех приятелей-предателей. Выдал всю нашу диверсионную группу «Фрукты-овощи» и организацию «Тигры-выдры», чтоб всем нам был кеяк, чтоб полковник Шито-Крыто лошнул от дикой злобы.

Бывший агент БХ-000, а сейчас честный человек по имени Фонди-Монди-Дунди-Пэк.

Но, получив это ужасное известие, полковник Шито-Крыто не лопнул от дикой злобы. Он постучал по столу кулаками, потопал по полу ногами, три раза ударился с разбегу огромной, без единого волоска головой о стену и приказал:

— Всех шпионов ко мне! Срочно!

Ровно через одиннадцать с половиной секунд все шпионы стояли навтыжку в сверхогромном кабинете своего начальника, а грозный начальник орал:

— Мы оказались в дураках! Нас предали! Проклинаю агента БХ-три нуля! Найду его живого или мертвого и подвешу к потолку за левую ногу! Проклинаю третьеклассника Толика Прутикова! Уничтожу его во что бы то ни стало! Погибла вся диверсионная группа «Фрукты-овощи»! Рыдайте, шпионы! У нас необъятное горе! Рвите на себе волосы! Беда тому, кто зарыдает негромко!

И каждый шпион зарыдал во весь свой шпионский голос. И каждый шпион вырвал из своей шпионской головы хотя бы один шпионский волосок.

— А теперь в память о погибших — раз, два! — взвыли!

Шпионы взвыли с таким отчаянием, словно каждому из них грозила немедленная гибель.

Сам грозный полковник Шито-Крыто был громче всех, потому что был здесь самым главным, самым злобным, самым подлым, самым жестоким, самым хитрым.

— Приказываю, — сквозь зубы хрипло процедил он, — всем быть на своих местах и без моего особого распоряжения не есть, не пить, не спать! Только — думать! Думать так, чтобы я слышал, как скрипят у вас мозги! Учтите, что провалилась не только диверсионная группа «Фрукты-овощи», но и шпионская организация «Тигры-выдры» в целом! Это не только позор, но и ужас! Чтобы реабилитировать, то есть оправдать себя в глазах начальства и потомства, мы должны выработать план новой операции. Невиданной операции! Такой жестокой и подлой, чтобы мы сами сначала испугались своего собственного замысла! Мы должны натворить что-то такое несусветное, чего не вытворяла ни одна шпионская организация мира за всю историю всего человечества. Надо соорудить такую дичь и мерзость, чтобы люди падали в обморок, услышав одно лишь

название нашей организации. БХ-три нуля и Толик Прутиков будут безжалостно уничтожены. Забудем о них. Никогда больше мы не увидим доблестных агентов Бугемота, Канареечку и Мая. И тоже забудем о них. Итак, идите, садитесь и скрипите мозгами. Горе тому, за левую ногу того к потолку, скрип-чих мозгов я не услышу! Быстро по местам — вон! Стриптиро стрито! (Известное непристойное шпионское ругательство.)

Шпионы быстро бросились вон по своим местам, чтобы вплоть до особого распоряжения не есть, не пить, не спать, а громко скрипеть мозгами — придумывать операцию, какой не вытворяла еще ни одна шпионская организация всего мира за всю историю всего человечества.

Громче всех скрипел мозгами сам полковник Шито-Крыто. Он думал и одновременно вспоминал свою трудную и подлую жизнь. А жизнь свою он вспоминал потому, что в ней наступал тот долгожданнейший момент, когда полковник Шито-Крыто получал реальнейшую возможность проскочить в генералы. А проскочить в генералы ему было необходимо, чтобы исполнить заветнейшую, многолетнюю мечту всей своей жизни.

Вот вам вкратце его жизнь, и вот вам вкратце его мечта.

Были когда-то у грозного полковника Шито-Крыто и фамилия, и имя. Но прозвище Шито-Крыто он получил еще в школе и сейчас уже сам не помнил, какое же у него было имя и какая же была у него фамилия.

Ловкий, хитрый, жестокий и коварный, Шито-Крыто научился шпионить лет с пяти. Сначала он подглядывал за младшим братом, затем он подглядывал за старшей сестрой, потом — за бабушкой и дедушкой и наконец стал подглядывать за родителями. Вся семья боялась его и ненавидела.

А тут еще он приспособился следить за соседями. Тогда его стали бояться и ненавидеть еще и соседи.

Поэтому, когда Шито-Крыто пошел в школу, им был уже накоплен порядочный опыт подслушивания, подглядывания, слежки, напелтывания и всего вроде этого. Едва научившись писать, он принялся за доносы, которые полюбил на всю жизнь.

В классе, где учился Шито-Крыто, все боялись друг друга, ябедничали, клеветали, сплетничали, писали до-

йсы, пакостили самыми разнообразными способами, и никто не мог догадаться, кто же их довел до жизни такой.

У Шито-Крыто все всегда было шито-крыто!

И если через месяц-полтора после начала учебного года класс, где он учился, не распускали, то к середине учебного года приходилось расформировывать всю школу.

С тринадцати лет Шито-Крыто уже подрабатывал на службе в полиции, и его ставили в пример взрослым сыщикам.

Больше всего любил Шито-Крыто предавать. У него на это был редкий, особый талант. Вступал он, например, в шайку воров, спокойненько воровал вместе с ними, спокойненько складывал денежки в карман, очень спокойненько выдавал воров полиции, очень-очень спокойненько получал за это денежки и, сами понимаете, совершенно спокойненько складывал эти денежки в тот же карман.

Справедливости ради следует отметить, что предавал он не только из-за денег, а принципиально. Он по зову сердца работал предателем.

Со временем Шито-Крыто сообразил, что нет смысла рисковать, связываясь с преступниками, и стал предавать просто честных людей. Это оказалось легко, безопасно и очень выгодно.

Подлости Шито-Крыто поражались самые подлые подлецы. Он до того наловчился и привык выслеживать и доносить, что однажды донес на свою родную маму.

Вот тут-то его и вызвали в шпионскую организацию «Тигры-выдры».

Начальник Самого Центрального Отдела полковник Батон сказал:

— Такого негодая, как вы, мне еще не приходилось видеть! — Он крепко пожал ему руку. — По-моему, вы один из самых подлых людей на всем земном шаре.

— Стараюсь, шеф, — скромно ответил Шито-Крыто.

— Предать свою родную маму! Это же замечательно!

— Это для меня ерунда, господин полковник. Просто, как говорится, под рукой никого, кроме мамашки, не было. Повторяю: предать свою родную маму — для

меня пустяк. Я мечтаю предать всех матерей! Всех отцов! Всех детей! Всех людей — предать! Вот мечта моей жизни.

Полковник Батон так и сел, так и сказал:

— О'кейно! Впервые я встретился с воистину великим подлецом! Предать всех! Вот это мечта! Но — подождите! Значит, вы можете предать и меня?

— При первом удобном случае, шеф.

Полковник Батон схватился за пистолет, очень тяжело задыхался, схватил пресс-папье, промокнул им на лбу очень крупные капли очень холодного пота и пробормотал:

— Вы далеко пойдете. А как вам удалось стать таким выдающимся подлецом?

— Очень просто. Во-первых, немного наследственности, — начал неторопливо и с достоинством объяснять Шито-Крыто. — В свое время мой папаша, ныне царство ему небесное, провинился. Грех небольшой, с кем не бывало, не стоило бы о такой мелочи и вспоминать. Но мой папаша заявил куда следует, что наш сосед, которого он, кстати, и обокрал, не человек, а верблюд. И соседу пришлось в шестидесяти восьми комиссиях и комитетах доказывать, что он человек, а не верблюд. Доказать ему этого не удалось, посадили его в зоопарке в клетку и прибили табличку «Новый тип верблюда». А папаша на ворованные, так сказать верблюжьи, деньги купил автомобиль. Этот случай произвел на меня неизгладимое и принципиальное впечатление.

— Продолжайте! Продолжайте! — в большом волнении заторопил полковник Батон.

— Во-вторых, я сам лично с четырех лет понял, — все так же неторопливо, с достоинством и скромно продолжал Шито-Крыто, — понял, что украсть вообще легче, чем заработать честно. С пятилетнего возраста, подсматривая за взрослыми, я сам лично понял, что говорить правду иногда очень опасно, зато ври — сколько душе угодно. В шесть с половиной лет мне стало абсолютно ясно, что самое приятное, самое безопасное, самое выгодное на свете дело — подводить честных людей. Причем чем честнее человек, тем приятнее, выгоднее и безопаснее его подводить. А с десяти лет я начал читать газеты и не отрывался от телевизора. Немного надо было ума, чтобы понять: в нашем,

так называемом западном, мире одна верная, прямая дорога — в подлецы. Что я и сделал.

— Я в принципе с вами согласен, — глубокомысленно проговорил полковник Батон. — У вас недюжинный ум, большое знание, я бы сказал — глубочайшее знание, человеческой психологии. У вас блестящее будущее. Но вы избрали слишком трудный путь. А почему бы вам не стать бандитом высокой квалификации, крупным политическим деятелем или просто оборотистым дельцом?

— Для меня все это мелко. — Шито-Крыто брезгливо поморщился. — Что может сделать бандит? Ну, убить несколько человек, ограбить несколько банков. И все. Политика — дело темное, скользкое, нудное. А быть просто оборотистым дельцом для меня просто неинтересно. Зато сердце сжимается от счастья и гордости, когда я вспоминаю о своей великой мечте — предать всех. Ради этого стоит жить и работать.

— Но как вы это осуществите? — с завистью спросил полковник Батон.

— Пока не знаю, шеф. Но ведь я почти не сплю, очень мало времени трачу на принятие пищи. Я не переставая думаю, размышляю, рассчитываю, прикидываю, взвешиваю, изучаю, сравниваю, делаю выводы... И когда-нибудь обязательно найду способ, при помощи которого мне удастся предать всех матерей, всех отцов, всех детей, всех людей — предаты!

— Зачисляю вас в штат доблестной организации «Тигры-выдры», — сказал полковник Батон. — Здесь у вас будут почти все условия, чтобы постараться осуществить свою великую мечту.

Вскоре Шито-Крыто стал одним из ведущих агентов «Тигров-выдров». Ему поручали самые опасные и самые подлые задания. Соперничать с ним мог только агент БХ-000, известнейший шпион Фонди-Монди-Дунди-Пэк. Надо ли говорить о том, что они были закадычными врагами?

Но если БХ-000 был просто шпионом, то Шито-Крыто еще и при каждом удобном случае продвигался вверх по служебной лестнице, дослужился до звания полковника, стал начальником Самого Центрального Отдела и командовал Фонди-Монди-Дунди-Пэком.

И вот закадычный враг, опытейший шпион БХ-

000 незадолго до выхода в отставку вдруг предал родную шпионскую организацию.

...Полковник Шито-Крыто перестал скрипеть мозгами, перестал вспоминать свою жизнь и заскрипел зубами. Ничего, ничего, он отомстит и БХ-000, и Толику Прутикову! Он сполна отомстит им за гибель диверсионной группы «Фрукты-овощи»! Кока-кука! (Очень распространенное и очень неприличное шпионское ругательство.)

Он прислушался к доносившемуся со всех сторон скрипу мозгов и ало рывкнул: в скрипе шпионских мозгов явственно слышался скрип стула! Кто же это пытается обмануть начальника Самого Центрального Отдела? Кому это лень скрипеть мозгами и он скрипит стулом?! Лайер-майер! (Мало распространенное, но в высшей степени непристойное шпионское ругательство.) Узнаем, узнаем!

Главное, что наступает, наступает, наступает тот долгожданнейший момент, когда полковник Шито-Крыто может очень даже ловко проскочить в генералы, столкнуть с пути ленивого генерала Батона и вплотную приступить к осуществлению мечты всей своей жизни.

Он радостно крикнул, топнул левой ногой, ударил правой рукой по столу, вызвал к себе шпионов и ехидно спросил:

— Ну, что интересного придумали ваши умные головы?

Ничего интересного, а тем более умного, шпионские головы, конечно, не придумали.

— Иного я от вас и не ожидал, — удовлетворенно сказал полковник Шито-Крыто. — А кто из вас, голубчиков, вместо мозгов скрипел стулом?

— Я, шеф, — признался офицер Лахит. — Как я мог позволить себе соревноваться моим мозгам с вашими?! Вы же умнее меня — я недавно подсчитал — в шестнадцать тысяч раз!

Полковник Шито-Крыто довольно хмыкнул, почти хрюкнул, и сказал:

— Ты неглуп, хитер и нагл. Лъстишь грубо — это хорошо. Скоро вы, безобразники вы этикие, узнаете о том, что придумала моя огромная, без единого волоска голова. Вы вздрогнете от страха и удовольствия! А теперь вон — отдыхать!

Ни разу не видели шпионы своего грозного начальника таким веселым и добрым. К чему бы? Отчего бы? Операция «Фрукты-овощи» провалилась, его за милую душу могут выставить на все четыре стороны, в том числе и в сторону могилы, а у него прекрасное настроение!

«Поживем — пошпионим — увидим», — решили шпионы и отправились вон — отдыхать.

А полковник Шито-Крыто сел и стал думать, размышлять, рассчитывать, прикидывать, взвешивать, изучать, сравнивать, делать выводы...

Конец пролога

Часть первая
под названием
«У КАЖДОГО СВОЯ ПЕЧАЛЬ,
У КАЖДОГО СВОЯ МЕЧТА»

ГЛАВА № 1

Ночные крики Толика Прутикова и их причины

Была у Толика Прутикова мечта. Эх, какая это была мечта! Пальчики оближешь! Волосы дыбом встанут! Мороз по коже! Вот такая мечта! Не то что у некоторых!

Проснется ночью Толик, весь трясется от радости, кричит на всю квартиру:

— Поймал, поймал! Честное слово, поймал!

— Ну и хорошо,— сквозь сон отвечает бабушка Александра Петровна.— Ну и молодец. Раз поймал, значит, можно дальше баиньки.

А Толик сидит на кровати, весь трясется и ничегошеньки не соображает. Сидит Толик, сидит, трясется Толик, трясется и понемножку начинает соображать.

Соображает он, соображает, да и баиньки, сначала сидя баиньки, а потом — лежа.

Пройдет какое-то время — и снова на всю квартиру радостные вопли:

— Поймал! Поймал! Честное слово, опять поймал!

И опять сквозь сон бабушка Александра Петровна говорит:

— Ну и хорошо. Ну и молодец. Раз поймал, значит, можно дальше баиньки.

А Толик сидит на кровати, весь трясется от радости и ничегошеньки не соображает. Такое у него впечатление, что будто бы он крепко-накрепко спал, а кто-то вдруг заорал на всю квартиру и он от этого крика проснулся.

Сидит Толик, сидит, трясется Толик, трясется и понемножку начинает соображать. Начинает он понимать, что кричал это он сам, и лишь поймет, сразу уснет — сначала сидя, а потом лежа.

И вот так каждую ночь по нескольку раз. Бабушка все это терпела, как бабушке и положено. А родители не выдержали и однажды ночью вызвали «скорую помощь».

Врач по фамилии Аборкин выслушал рассказ о странном поведении Толика с видимым состраданием, скорбно покачал головой и проговорил горестно:

— К сожалению, в данном случае медицина бессильна. Нет у нас еще аппарата для промывания мозгов.

— А обязательно это надо? — обеспокоенно и недоверчиво спросила бабушка Александра

Петровна. — Может, укол какой сделать или еще лучше — порошок бы или таблеточку...

— Не реагируют они на лекарства, — ответил врач Аборкин. — Не реагируют, когда в шпионов играют. В это время они невменяемы, то есть совершенно ничего не соображают. Наблюдаются даже нарушения психики.

— Почему же медицина вплотную не займется этим важным вопросом? — недоуменно спросил папа Юрий Анатольевич. — Если требуется промывание мозгов, значит, они не в порядке? Значит, их надо лечить немедленно! И мозги, и детей!

— Мозги-то у них, может, и в порядке, — все так же горестно ответил врач Аборкин. — Но они, как у вашего сына, за-би-ты.

— Чем за-би-ты? — возмущенно и испуганно спросила бабушка.

— Ерундой. Шпионами. Вы даже представить себе не можете, до чего ребенка этот самый шпионизм довести может... Вот послушайте... — И врач Аборкин

рассказал в высшей степени поучительную и грустную историю, которая излагается ниже.

ГЛАВА № 2

Разительные метаморфозы (превращения) ребенка-эталона Власа Аборина и известного двоечника Петра Пузырькова

— Есть у меня сын Влас. Тоже третьеклассник. Ребенок был чудо. Образно выражаясь, образец ребенка или, коротко, ребенок-эталон. Учился только на пятерки. Собирал металлолом, макулатуру. Развивал мускулатуру, то есть занимался спортом. Помогал маме и бабушке по домашнему хозяйству, предварительно выполнив домашние задания. Мыл посуду, полы. Сам себе гладил рубашки и с особенным удовольствием — брюки. Любил я любоваться своим ребенком.

Приду в школу на родительское собрание, сижу и слушаю следующее:

«Ах, какой у вас замечательный Влас!»

Или:

«Ах, какой у вас показательный Влас!»

Иногда утверждалось и такое:

«Ах, если бы все дети у нас были, как Влас!»

Но однажды на одном из собраний встает без разрешения и приглашения один товарищ родитель, отец известного двоечника Петра Пузырькова, и говорит:

— Я лично в вашего Власа не верю, не верил и верить не собираюсь. Таких детей не бывает и быть не может. Получается, что ваш Влас лучше всех наших детей?

Тут встал я и тоже заговорил:

— Как же так — нашего Власа быть не может? Он уже есть. Он ест, спит, живет, одним

словом, существует. Учится только на пятерки. Собирает металлолом, макулатуру. Развивает мускулатуру. Помогает маме и бабушке...

— Это мы сто раз слышали! — перебивает мое выступление гражданин родитель, отец известного двоюродника Петра Пузырькова. — Может, мы одну тысячу раз уже слышали, какой у вас замечательный Влас. Но мы вам не верим.

— Хорошо, — говорю я, хотя в этот момент мне было очень плохо. — Мне вы не верите. А учительнице? Нашей глубокоуважаемой Зинаиде Петровне? Тоже не верите?

И этот гражданин родитель ответил:

— Тоже не верю. Даже очень.

Тут была вынуждена заговорить учительница, наша глубокоуважаемая Зинаида Петровна. Заговорила она следующим образом:

— Гражданин родитель Пузырьков, если ваш сын растет ленивым тунеядцем, то это никак не дает вам морального права полагать — даже в порядке теоретического предположения, — что дети других родителей — хотя бы тоже в порядке теоретического предположения — не могут расти замечательными. Правда, — подчеркиваю, — такое бывает, крайне редко, в исключительных случаях, но — бывает, бывает! Великолепный пример у нас — Аборкин Влас. Обратите внимание вот на этот плакат, так любовно и сознательно выполненный первоклассниками.

И все посмотрели

на

огромный красочный плакат, висевший под портретом Власа:

ВЛАС

АБОРКИН

ГОРДОСТЬ НАШЕЙ ШКОЛЫ

Он самый круглый отличник!

Влас у нас вот такой:

- а) трудолюбивый**
- б) вежливый**
- в) дисциплинированный**
- г) всегда опрятный**
- д) уважающий старших**
- е) не обижающий младших**

ж) уступающий место пожилым

трамвае

В автобусе

троллейбусе

Все возьмем пример с Власа!

БУДЕМ ГОРДОСТЬЮ ШКОЛЫ И КЛАССА!

Зинаида Петровна вслух и с выражением прочитала текст плаката, а отец Петра Пузырькова не постеснялся стукнуть, извините, кулаком по ученической парте и крикнул:

— Не верю! И плакату не верю! Сочинили вы Власа! Придумали! Из головы выдумали! Очки вы своим Власом втираете! Людей вы своим Власом пугаете! Детей обманываете!

Наступила тишина.

Такая тишина наступила, что слышно было, как текли слезы обиды и возмущения по щекам нашей глубокоуважаемой учительницы Зинаиды Петровны.

А мы, родители, все, кроме отца Петра Пузырькова, сидели неподвижно, скорбно опустив головы, в которых было много тяжелых мыслей.

— Вы просто завидуете мне, — вынужден был я сказать правду прямо в глаза этому родителю известного двоечника. — Но теперь всем, по крайней мере, стало ясно, почему у вас растет такой сын.

— Какой это такой?

— Ленивый тунеядец.

— Согласен. С этим мы боремся. По мере сил, конечно. Но предупреждаю от всей моей души: подведет вас Влас. Опозорит. Скандал устроит. Осрамит вас Влас показательный!

Тут зашумели все родители, да так шумно зашумели, как будто бы всем школьникам объявили, что все каникулы навсегда отменены.

Мы гневно спросили гражданина отца Петра Пузырькова:

— На каком таком основании вы обидели учительницу наших детей, нашу глубокоуважаемую Зинаиду Петровну? Раз. На каком таком основании вы не просто обидели, а даже оскорбили Власа и его родителей? Два. Как вы смее не верить плакату, одному из самых действенных средств наглядной агит-

тации? Три. И четвертое: что вы конкретно намерены предпринять, чтобы из вашего ленивого тунеядца-двоечника сделать хотя бы нормального троечника?

Родитель долго молчал, видимо, думал и ответил:

— Троечника из него мы когда-нибудь соорудим. Мы на него рационом кормления воздействуем. Он у нас без соленых огурцов жить не может. Так вот, даю собранию слово, что Петр ни одного соленого огурца не получит, пока в нормального, как тут правильно заметили, троечника не превратится. Перед вами и глубокоуважаемой Зинаидой Петровной я извиняюсь, если требуется. С плакатом я оплошку дал. Плакат — дело серьезное, а я как-то не подумал. Теперь опять о Власе. От всей моей души сочувствую его несчастным родителям и даже родственникам. Как они, бедные, не могут понять, что не способен ребенок длительное время быть замечательным? Сил у него на это не хватит. Надорвется. Здоровье не позволит. Нервы сдадут. Вот увидите! Ведь растет у них не ребенок, а попка. Я имею в виду попугая. Или мартышка. Делает только то, что ему взрослые и плакаты советуют. А где же самостоятельность? Инициативность где, в конце концов? Вот мой Петр вчера что отчебучил? Компот вилок ел! Надо же было самостоятельно до такого додуматься! Всей семьей хохотали. А вашему Власу скоро надоест попка быть или мартышкой жить. Попадет он обязательно под дурное влияние. И не узнаете вы своего Власа. Станет он хуже моего лоботряса.

— И, представьте себе, товарищи Прутиковы, — взволнованно продолжал врач Аборкин, — именно так и случилось. Произошла с Власом метаморфоза, то есть превращение. Увлёкся он этим самым шпионизмом. Вместо школы — кино про шпионов. Вместо домашних заданий — книжки про шпионов. Вместо сбора металлолома, макулатуры и развития мускулатуры — сплошное бегание с выпученными глазами. Рычит. Разговаривает на непонятных языках. И совершенно невозможно определить: то ли он кого-то ловит, то ли его кто-то ловит. Среди ночи, как ваш, вскакивает — и на бабушку с пистолетом. Правда, с деревянным.

Петр же Пузырьков за это время тоже пережил метаморфозу: в троечники выдвинулся. А мой в двоеч-

ники скатился. Это Влас-то! Эталон-то! Кошмар плюс скандал с ужасом!

Явлюсь в школу на родительское собрание, сижу и слышу следующее:

«Ах, какой у вас отвратительный Влас!»

Или:

«Ах, какой у вас отрицательный Влас!»

Иногда утверждалось и такое:

«Ах, как хорошо, что дети у нас не такие, как Влас!»

Плакат и портрет со стены сняли, на склад сдали.

Увы, все это было лишь началом!

Однажды Влас связал бабушку. Да, да, свою родную бабушку, мою тещу Валентину Ивановну, привязал бельевой веревкой к стулу, ходил вокруг и спрашивал:

— Какое получили задание? Квадрат приземления? Явки? Быстро!

Я стою в дверях, от изумления и внутреннего негодования шевельнуться не могу, а бабушка отвечает:

— Задание я получила такое. Как приземлюсь в квадрате, так кормить тебя перестану.

А Влас размахивает пистолетом и несет уж совсем что-то несусветное:

— Поймите, запереться не имеет никакого смысла. Мы только зря потратим время. Вы же опытная разведчица и должны понимать, что нечего играть с нами в прятки. Ведь мы же встречались с вами в Париже осенью...

— Вла-а-а-ас! — испуганно позвал я. — Опомнись! Это же твоя родная бабушка, мать твоей родной мамы! Какой Париж?! Она же дальше Голованово никуда не ездила! А прошлой осенью она...

— Руки вверх! — крикнул он мне, родному отцу. — Ни с места! Одно движение, — и пуля в лоб! Я стреляю без промаха и без предупреждения!

Поднял я руки вверх, в одной — тяжелый портфель.

— Эх, по телевизору бы нас показать! — воскликнула бабушка. — Чтоб увидели люди, что в нашей дружной семье творится! Чего наш эталон вытворяет!

— Молчать! — прямо-таки заорал Влас на нее. — Учтите, что я даю вам семь минут на размышление! Дальше пеняйте на себя!

— Развяжи бабушку, — попросил я.

— Кругом! — прямо-таки заорал на меня сын. — К стене! Стреляю без промаха и без предупреждения!

— Да он сумасшедший, — сказала бабушка, — связал бы ты его, а меня развязал. Я смиренная. Да и мясо в духовке вот-вот сгорит.

«Если он сумасшедший, — подумал я, — то мне нужно вести себя предельно разумно. А если он не сумасшедший, надо его наказать и — строго. Может быть, и выпороть. Я, конечно, понимаю, что детей в принципе бить нельзя. И то место у Власа, по которому придется бить, к нему, этому месту, еще не прикасалась рука человека. Рука-то, правда, прикасалась, но не била, а шлепала. Теперь же надо, по крайней мере, пороть... Надо ли?»

— Я скажу все, — сказал я. — В Париже осенью вы встречались со мной, только я был переодет женщиной. Дайте мне стакан воды. Я очень устал, пока приземлялся в квадрат.

Хитрость моя удалась. Влас приказал мне не двигаться, ушел на кухню, а я спрятался за дверью, извините, с ремнем в руке. Рука у меня немного дрожала.

Как врач, я хорошо знаю, что самые горькие лекарства часто бывают и наиболее действенными. И когда Влас вернулся в комнату, я немедленно приступил к наказанию его.

Я проводил это сложное для меня и неприятное для обоих мероприятие без всякого энтузиазма и с трудом гасил в себе жалость.

Но бабушка Валентина Ивановна удовлетворенно приговаривала:

— Так ему! Пусть мясо в духовке горит! Так его! Пусть мясо в духовке сгорит! Так ему! Так его!

— Ни слова не скажу! Ни слова не скажу! — испуганно

ленно повторял Влас.— Никого не выдам! Никого не выдам!

Опытом по применению ремня в целях воспитания я не обладал, поэтому Влас держался мужественно, а я вскоре выбился из сил. Тем более, что шляпа налезла мне на глаза, и я вообще не уверен, попадал ли ремнем по сыну.

Внезапно мне подумалось, что я нахожусь в глупейшем положении: ведь получалось, что я не наказываю сына, а сам играю с ним в шпионы!

— Ни слова не скажу! — кричал Влас.— Никого не выдам!

Конечно, он не воспринимает наказание в его прямом значении!

Хорошо еще, что я сумел быстро развязать бабушку.

— Отныне,— сказал я присмиревшему Власу,— за каждую подобную шпионскую выходку получишь.

— Да еще как,— добавила бабушка.

Не убежден, что я поступил педагогично, но Влас некоторое время явно старался вернуться от шпионской жизни к нормальной. Однако длилось это недолго.

Скоро по ночам он начал вопить:

— Руки вверх! Руки вверх!

Пришлось повторить процедуру применения ремня с целью воспитания. Влас вел себя мужественно, даже с оттенком некоторого презрения ко мне.

— Больше не будешь? — неуверенно спросил я.— Вспомни, какой ты был замечательный ребенок. Эталон ребенка. Тобой гордилась вся школа. Мне завидовал отец Петра Пузырькова. Теперь же я вынужден завидовать ему.

— Хочу быть разведчиком,— упрямо и твердо шептал Влас,— или шпионов ловить.

— Лови себе на здоровье,— согласилась бабушка.— Только зачем меня-то связывать? Бабушки-то,

слава богу, шпионами не бывают. И отец родной шпионом быть не может.

— Хочу быть разведчиком! — уже громко и отчаянно проговорил Влас. — Или шпионов ловить!

— Да хоть водолазом, хоть парикмахером. Хоть репой на базаре торгуй. Только с ума не сходи.

— Хочу быть разведчиком! — в третий раз сказал Влас. — Или шпионов ловить!

И по ночам опять крики:

— Руки вверх! Ни с места! Руки вверх!

Было совершенно очевидно, что применение ремня с целью воспитания не дает положительных результатов.

Так мы и живем. Иногда Влас ненадолго возвращается к нормальной жизни. Один раз он сдал металлолом, два раза — макулатуру. В конце учебного года едва не догнал по успеваемости бывшего известного двоечника, а ныне никому не известного троечника Петра Пузырькова. А потом опять отстал. И сейчас мы мечтаем, чтобы Влас учился хотя бы на двойки. Как-никак, все-таки отметка. Власу же даже единиц в конце учебного года не ставили. Сам он уже портфель не открывал, да и в школу-то иногда заходил только потому, что лень было пройти дальше. Дойдет случайно до школы, ну и зайдет. Подумайте над этим, товарищи Прутиковы.

ГЛАВА № 3

И все бы закончилось благополучно, если бы...

Когда врач Аборкин закончил свой, как он полагал, поучительный рассказ, Толик проговорил:

— Я тоже шпионов ловлю.

— Так ведь не хватит на всех вас шпионов-то! — воскликнула бабушка Александра Петровна. — В кино их все время ловят, по телевизору за ними гоняются, в книжках тоже. Сколько людей за ними и без тебя бегают.

— Сам хочу ловить! — тихо выкрикнул Толик. — Своими собственными руками!

— А своими собственными мозгами ты можешь сообразить, что ничего глупее нельзя придумать? — очень гневно спросил врач Аборкин и мрачно заклю-

чил: — Советую вам показать мальчика психоневропатологу.

— Это еще зачем? — ужаснулась бабушка Александра Петровна. — Ведь не псих он еще у нас. Своего Власа небось за психа не считаете?

— Мой Влас уже был под наблюдением психоневропатолога, — скорбно отозвался врач Аборкин. — И вам я советую обратиться в клинику. Ничего страшного. Вам просто подскажут, какие надо принимать меры, чтобы...

— Никаких мер принимать не надо! — рассердилась бабушка. — Я своего Толика в обиду не дам! Не такая уж и страшная игра в шпионы-то. Футбол куда страшнее. Про хоккей и говорить нечего.

— Мама, — с упреком обратился к ней Юрий Анатольевич. — Сколько раз мы договаривались не обсуждать вопросы воспитания ребенка в присутствии самого ребенка!

— Интересное дело — бабушки, — сокрушенно заметил врач Аборкин. — Большинство из них не только тормозит, но даже извращает сам смысл процесса воспитания... Я настойчиво советую вам обратиться за консультацией к крупнейшему в нашем городе специалисту по детским нервным и психическим расстройствам Моисею Григорьевичу Азбарагузу. Всего хорошего.

После ухода врача Аборкина все долго молчали.

— А я все равно поймаю шпиона! — сказал Толик. — Вот увидите! Героем Советского Союза буду! Вот увидите! А может, и двух шпионов задержу! А может, трех! Четрых! Пятерых!

— Пятерых и хватит, — ласково остановила бабушка. — Надо, чтобы и другим ребятам осталось.

— Объясни мне, пожалуйста, — почти грозно заговорил папа, — ты ведь не очень глупый мальчик, вернее, очень неглупый. Ну как это ты сможешь поймать шпиона? Они что, по улицам гуляют? Хорошо, предположим, ты встретишь шпиона. Каким образом ты узнаешь, что это шпион? Далее. Ведь он наверняка взрослый человек. Специально обученный. Вооруженный. Тут, как минимум, нужна собака. Тоже специально обученная.

— А сколько раз он просил у вас собаку купить? — торжествующе спросила бабушка. — Была бы соба-

ка, может, он и шпиона давно словил бы и успокоился. И по ночам не орал бы. Вот и надо сперва ребенку собаку купить, а потом уж ребенка к психам тащить.

— Это я с ума сойду... — прошептала мама, которая до сих пор молчала. — Это меня к психоневропатологу придется вести, а может быть, и везти. Как можно с серьезным видом говорить о чудовищных глупостях? Какая собака? Зачем собака? Кого ловить? Зачем ловить? Когда ловить? Где ловить? Я вам сто раз говорила: у меня нет возможности воспитывать своего собственного сына. Я учительница. У меня в классе таких тридцать с лишним, и к каждому надо найти свой подход.

— Бабушка! Мамочка! Папа! — Толик несколько раз хныкнул, намереваясь громко и долго поплакать, чтобы разжалобить родителей, но хнык в плач не превратился, и мальчик тогда проговорил уже твердо: — Никто не имеет права запретить человеку быть бдительным! Служебная собака — не забава, а друг и помощник человека, который хочет поймать шпиона. Ну как вы не понимаете, что если я поймаю вражеского агента, то сразу перестану кричать по ночам?

— Умница ты моя золотая! — нежно прошептала бабушка. — Достанем мы с тобой собаку, не беспокойся. Супом ее густым кормить будем. Все равно супы у нас часто прокисают. Спать она будет на кухне под столом. Все получается замечательно! Усь шпиона!

— Как хотите... как хотите... хотите как... — бормотала мама. — Но я не вынесу... не выдержу... Собака под столом!.. Ужас! А если она окажется бешеной?

— Всем уколы сделают, — объяснил Толик. — Штук по двадцать или даже больше. Ничего страшного.

— Разговор окончен, — очень грозно сказал папа. — Отныне никаких собак и никаких шпионов. Тем более — уколов. С завтрашнего дня начинаю тебя перевоспитывать.

До самого рассвета не мог Толик заснуть. Подумайте-ка внимательнее, войдите-ка в его положение! Была у человека мечта. Эх, какая это была мечта! Пальчики оближешь! Волосы дыбом встанут! Мороз по коже! Не то что у некоторых! А его за эту мечту, извините, может быть, в психи запишут...

Толик вздохнул так тяжело, что из груди его выр-

вался стон, а на глаза навернулись слезы обиды. Проглотив, как говорится, эти слезы, он с горя чуть не залаял: до того ему захотелось сейчас же, немедленно погладить свою служебную собаку, скомандовать ей: «Ищи!» — и отправиться на задание — ловить шпионов. Но Толик, конечно, не залаял, а лишь вздохнул несколько раз.

— Чего не спишь? — сквозь сон спросила бабушка, услышав, как тяжело вздыхает внук. — Давай уедем в деревню к моей сестре, лови там шпионов сколько хочешь. Никто тебе мешать не будет. Вволю наиграешься.

— Не понимаете вы меня! — жалобно прошептал Толик. — Да не играть я хочу, а по-настоящему я хочу шпионов ловить! Я Родине пользу хочу принести! Настоящего агента иностранной разведки хочу задержать! Врага! Шпиона империалистической державы!

— Это я понимаю, — с большим уважением проговорила бабушка. — Только не знаю, чем бы тебе помочь. Ты, главное, пока хорошо учись. Макулатуру эту самую сдавай с металлоломом. Мускулатуру эту самую развивай. А в свободное время по сторонам смотри. Авось и попадется тебе шпион какой-нибудь.

«Да, положение, — с тоской подумал Толик, — никто меня не понимает... И ведь что обидно! Вот сейчас, в этот самый момент, где-то недалеко, совсем, может быть, рядом, спокойненько действует шпион. А мне даже из дому выйти нельзя!»

Толик уснул в тот самый момент, когда зазвенел будильник, и, конечно, не слышал, как в комнату вошли родители, как они его, бедного, бранили и как бабушка его, любимого, защищала.

И все еще закончилось бы благополучно, если бы в это самое время Толик не закричал на всю квартиру невероятно истошным голосом:

— Руки вверх! Ни с места! Стреляю без предупреждения и без промаха!

— Прекрасно, — сквозь зубы сказал папа. — К психоневропатологу сегодня же, без предупреждения, негодник!

ГЛАВА № 4

Страдания пожилого агента ЫХ-000

И еще одному человеку в этом же городе в это же самое время было тоже очень тяжело.

Опытнейший агент шпионской организации «Тигры-выдры» по имени Фонди-Монди-Дунди-Пэк, зашифрованный под индексом БХ-000, вот уже семнадцатые сутки дрожал от страха.

Откуда пришел этот страх, пожилой шпион не знал.

Ни разу в жизни никого и ничего он не боялся. Его десятки раз сбрасывали крошечной ночью на парашюте, шесть раз в море — с аквалангом; из него, из Фонди-Монди-Дунди-Пэка, врачи извлекли двадцать три пули и одиннадцать осколков; тридцать четыре раза он был в смертельной и сорок два раза почти в смертельной опасности; за ним сотни раз гнались

пешком,

бегом,

ползком,

на четвереньках,

на лошадях,

автомобилях,

мотоциклах,

вертолетах,

самолетах,

подводных лодках...

На его лице врач Супостат, заведующий кабинетом «Ухо, глаз, нос и вся физиономия в целом», проделал одиннадцать пластических операций, и никто не знал, какое же в самом деле настоящее лицо у БХ-000!

И, пережив все эти ужасы, Фонди-Монди-Дунди-Пэк понятия не имел, что такое страх.

А вот теперь, когда он выполнял последнее в своей жизни задание, после чего мог уйти в отставку с очень приличной пенсией, БХ-000 почему-то начал дрожать. Начал стучать от страха зубами. Один раз дрожал и стучал зубами так сильно, что выбил себе два передних зуба — верхний и нижний. И не зубов ему жалко было, а самого себя и всей своей жизни.

Он — майор, грудь в орденах и медалях, заслуженный шпион, уважаемый человек... Но кем — уважаемый? Своими же приятелями-предателями. А кто еще уважать его может?

И за — что?

Раньше это Фонди-Монди-Дунди-Пэка нисколько не интересовало. Он рассуждал примерно так: уйду в отставку, куплю себе двухэтажный домик на берегу озера, куплю автомобиль и моторную яхту под названием

«ЫХ-000» и буду жить-поживать, телевизор смотреть; в огромном холодильнике всегда вдоволь мороженого всех сортов и сколько угодно фруктовки...

Сейчас же он мечтал лишь об одном: освободиться бы от страха! Но страх одолел до того, что ЫХ-000 сообщил в Самый Центральный Отдел «Тигров-выдров» о том, что он будто бы серьезно заболел, и просил отложить выполнение операции «Фрукты-овощи» на неопределенный срок...

Его начальник и закадычный враг полковник Шито-Крыто приказал ему немедленно выздороветь и вкоро-сти ждать прибытия трех агентов по кличкам Бугемот, Канареечка и Мяу. Ни одного из этих трех типов ЫХ-000 и в глаза не видел: наверное, новенькие и, конечно уж, подленькие. Но при одной мысли, что они вот-вот заявятся, Фонди-Монди-Дунди-Пэка начинало мелко и сильно трясти от страха, а зубы начинали выбивать противную дрожь. Унять ее не было никакой возможности.

Все чаще и чаще в седую голову ЫХ-000 стала вкрадываться сладкая мысль — сдаться! А что? Закрыли бы его в камере, и он бы спокойно поспал. Он подходил к зеркалу, поднимал руки вверх и шептал:

— Сдаюсь. Устал. Сил моих больше нету. Дрожу от страха почти круглые сутки. Зубами стучу. Два передних зуба уже вылетели: один верхний, другой нижний. Руки трясутся. Поджилки дрожат. Надоело шпионить. А полковник Шито-Крыто очень плохой тип. Не пожалел старого специалиста.

Несколько дней ЫХ-000 не выходил на улицу, забросив все шпионские дела. Страх не уменьшался, а, наоборот, усиливался, и не только с каждым днем, но и с каждым часом. Уже дергалась шея, а вместе с ней и голова.

А мальчишки во дворе с утра до вечера играли в шпионов (дурацкая игра, с точки зрения пожилого агента!) и кричали:

— Руки вверх! Руки вверх!

И при каждом таком крике ЫХ-000 подпрыгивал на месте, и его трясущиеся руки как бы сами тянулись вверх, а дергающаяся вместе с шеей голова втягивалась в дрожащие плечи.

Совсем худо стало Фонди-Монди-Дунди-Пэку, когда

он застрадал бессонницей, которой раньше не знал. И ночью ему отныне было еще страшнее, чем днем.

Вот как-то именно ночью он подумал: а ведь страшно ему было всю жизнь, но тогда он умел отгонять страх или делать вид, что будто бы не замечает его. Сейчас же страх, а может быть и ужас, овладел всем существом Фонди-Монди-Дунди-Пэка. Стуча зубами, с трясущимися руками и поджилками (да еще шея вместе с головой дергалась), он сидел в комнате, не зажигая света, положив на стол перед собой оружие, и вздрагивал от любого звука.

Он хорошо представлял, что сейчас творится в Самом Центральном Отделе «Тигров-выдров»! Агенты Бугемот, Канареечка и Мяу, конечно, уже доложили, что БХ-000 не выходит на связь. Ведь он ни разу не был на условленном месте в городском сквере, а за последние дни не включал рацию...

Ночами он вспоминал свою жизнь, и чем больше вспоминал, тем хуже ему было. Главное, он не видел выхода из создавшегося положения. Ну, хорошо, предположим, он каким-то чудом выкрутится из этой истории, может быть, и задание даже выполнит... А дальше? Уйдет он в отставку, купит двухэтажный домик на берегу озера, купит автомобиль и моторную яхту под названием «БХ-000», будет жить-поживать, телевизор смотреть; в огромном холодильнике мороженое всех сортов, фруктовки вдоволь... Неужели только ради этого он всю жизнь рисковал своей жизнью?!

Ведь лишь сейчас, в эти дни, а особенно в эти ночи, Фонди-Монди-Дунди-Пэк понял, что он абсолютно одинок. Нет у него НИ ДЕТЕЙ,

НИ НАСТОЯЩИХ ДРУЗЕЙ,

НИ ВНУКОВ —

НИКОГО У НЕГО НЕТУ.

«Тигры-выдры» ненавидят детей, и БХ-000 их ненавидит, а вот пожилой Фонди-Монди-Дунди-Пэк вдруг полюбил их до того, что ему захотелось стать дедушкой. Тогда бы ему игодились и двухэтажный домик, и автомобиль, и моторная яхта, и огромный холодильник... А к чему они ему одному?

Не подумайте, что пожилой шпион испытывал раскаяние или стыд. Нет, пока до этого он еще не дошел. Пока еще только страх перепутал все его мысли.

Чего же страшился Фонди-Монди-Дунди-Пэк? Страшился он бесславного конца своей жизни. Ведь если его схватят, ему несдобровать: наказание будет самым суровым и, конечно, справедливым. Любое наказание он уже заслужил сто раз. Он принес людям столько горя, что не смеет и думать о пощаде.

Нет, не сама по себе смерть пугала его. Пусть она придет. Он примет ее достойно, какой бы она ни была.

Но ведь никто, ни один человек во всем мире, не пожалеет о том, что Фонди-Монди-Дунди-Пэка не стало на свете! Разве что приятели-предатели во главе с полковником Шито-Крыто повоюют тринадцать секунд будто бы от горя и тут же про него забудут, словно его никогда и не было!

Да, да, как будто его никогда и не было!

— Мама! — прошептал Фонди-Монди-Дунди-Пэк. — Мамочка!

И заплакал матерый шпион человеческими слезами, хотя мамы и папы он не видел с тех пор, как ушел в агенты, не переписывался с ними, денег им не посылал, не поздравлял ни с праздниками, ни с днями рождения, даже с Новым годом не поздравлял — просто забыл. Не нужны были ему они, папа и мама. А сейчас вот рыдал:

— Мама... мамочка...

В таких случаях правильно говорят: раньше надо было маму кричать.

— Все! Все! Все! — вытирая трясущимися руками слезы, сказал Фонди-Монди-Дунди-Пэк. — Надоела мне шпионская жизнь! Ос-то-чер-те-ла!

Он включил рацию. В эфире жалобно попискивал Бугемот. Потом еще жалобнее запопискивал Канареечка, а за ним — Мяу... Ага, и вы не спите? Может быть, тоже плачетесь о своей шпионской судьбе? Не знаете, что вам и делать? Куда вы без меня в чужой стране? А кто нас сюда звал? Вот и трясемся от страха... Тряситесь на здоровье!

И он отключил рацию.

Ох, давно надо было начать соображать! Был бы он сейчас не БХ-000, а пожилой хороший человек по имени Фонди-Монди-Дунди-Пэк. С детишками бы в футбол играл. Мороженое бы с ними ел! По телевизору бы мультики смотрел! И хохотали бы все во всё горло!.. А когда бы он умер, похоронили бы его по-челове-

ски — на кладбище, с венками, с духовым оркестром, всплакнули бы все и долго бы его помнили...

И пожилой шпион опять залился человеческими слезами и опять задумался: а ради чего же он всю жизнь прятался, отстреливался, отсиживался, убегал, улетал, уплывал, уползал? Ради чего?

Чего ради?

Грудь в орденах и медалях, на плечах майорские погоны, в банке много денег накоплено, но нет у него

НИ

ПАПЫ,
МАМЫ,
ЖЕНЫ,
ДЕТЕЙ,
НАСТОЯЩИХ ДРУЗЕЙ,
ВНУКОВ И ВНУЧЕК,
ДЕДУШКИ,
БАБУШКИ,
ДЯДИ,
ТЕТИ,
ПЛЕМЯННИКОВ,
БРАТЬЕВ,
СЕСТЕР,
БЛИЗКИХ И ДАЛЬНИХ,
ДАЖЕ СВЕРХДАЛЬНИХ
РОДСТВЕННИКОВ...

Никого у него нет, а если даже и есть, то неизвестно где!

Он даже не помнит, какой у него был нос до первой пластической операции, которую ему сделал врач Супостат, заведующий кабинетом «Ухо, нос и вся физиономия в целом»!

А потом нос Фонди-Монди-Дунди-Пэку переделывали много-много раз: то удлинляли, то обрезали... Уши ему не один раз перекраивали. Хорошо еще, что глаза заменять или переделывать не научились, а то бы и глаза у него были вроде бы как чужие.

Пожилой агент нежно погладил свой, можно сказать, очередной нос и решил, что больше никогда и никому не позволит кромсать свою физиономию. Этот нос будет его последним!

И тут же Фонди-Монди-Дунди-Пэку стало жаль и уши. Он их тоже погладил, и тоже нежно, и тоже решил, что никогда и никому не позволит их перекраивать. Эти уши будут его последними!

(Может быть, кому-то это и покажется смешным, но с каждым днем пожилой агент все с большей нежностью относился к своему носу и своим ушам, гладил их и даже разговаривал с ними!)

И с каждым днем он все чаще и чаще, глубже и глубже размышлял о своей жизни и о диверсионной группе «Фрукты-овощи».

Фонди-Монди-Дунди-Пэк чувствовал, что ему не заставить себя выполнять задание. Ведь диверсионной группе «Фрукты-овощи» поручено отравить город через водопроводную сеть... Такого подлого задания он не получал за всю свою подлую жизнь!

И вот еще почему боялся выходить на улицу БХ-000: ему стало казаться, что все люди знают о нем всё...

А еще Фонди-Монди-Дунди-Пэку стало казаться, что все люди смотрят очень внимательно и очень подозрительно на его нос и уши. Дело доходило до того, что пожилой агент в испуге иногда машинально прикрывал нос ладошкой, а уши прятал под воротник...

Трясущимися руками он включил рацию.

Рация загудела от напряжения: так громко орал полковник Шито-Крыто на своего агента — грозил ему смертью через подвешивание за левую ногу к потолку...

Конец первой части

Часть вторая,
у которой два названия:
«ПЕРВЫЕ УПОМИНАНИЯ О ВРАГЕ № 1»
и
«КАК ЗАПУТАЛИСЬ ШПИОНЫ
ИЗ ДИВЕРСИОННОЙ ГРУППЫ
«ФРУКТЫ-ОВОЩИ»

ГЛАВА № 5

Толик Прутиков у психоневропатолога

— Я ведь совсем не псих,— с обидой сказал Толик.
— Правильно, правильно, совершенно справедливо! — торопливо и весело согласился психоневропатолог Моисей Григорьевич Азбарагуз.— Психов вообще не бывает. Даже научного термина такого нет. Бывают психически больные.

— Так я даже и не психически больной.

— Вполне вероятно. На что же мы жалуемся? Что же с нами происходит? Что же нас беспокоит?

Расспрашивая и не дожидаясь ответов, Моисей Григорьевич осмотрел Толика и заключил:

— Вполне здоровый организм. Любопытно в таком случае, на что же вы ухитряетесь жаловаться, молодой человек?

— Жалуюсь я,— сказал Юрий Анатольевич.— Он у нас ненормальный, или помешанный, или, извините за выражение, тронутый.

— Тогда у меня вполне естественный вопрос: на какой почве он будто бы ненормальный, помешанный или, как вы изволили выразиться, тронутый?

— На почве шпионизма. Вбил себе в голову, что обязательно поймает шпиона. Среди ночи кричит: «Руки вверх! Ни с места!»

— Ну и что? — недоуменно спросил Моисей Григорьевич.— Мальчишки часто бывают на чем-нибудь помешаны. Сын одного моего знакомого ест так называемые счастливые билеты. Знаете, что это такое?

— Понятия не имею,— признался Юрий Анатольевич.— Да и какое это имеет отношение...

— Все ко всему имеет отношение. Номер трамвайного, автобусного или троллейбусного билета состоит из шести цифр. Если сумма трех первых цифр равняется сумме трех остальных, билет считается счастливым. Невежественные чудаки уверяют, что, если съесть сто один счастливый билет в течение не более семи месяцев, будешь счастливым. Так вот, сын одного моего знакомого помешался на этом и съел уже тридцать два билета. Ничего страшного, надо только старательно пережевывать.

— Я не понимаю...

— Тоже ничего страшного. Для любой истины требуется некоторое количество времени, чтобы она усвоилась. Так вот, ребенок может чем-то увлечься сверх меры. Я давно изучаю внутренний мир современного ребенка и пришел к выводу, что в принципе увлечение шпионизмом не содержит в себе ничего особенно опасного.

— Но нас направили именно к вам! — возмутился Юрий Анатольевич. — Именно по вопросу детского шпионизма. Мы надеялись на вашу помощь.

— И вы получите ее, получите в достаточном количестве и, смею надеяться, удовлетворительного качества! — воскликнул Моисей Григорьевич. — Но получите вы не просто помощь, а строго аргументированную теорию, то есть научный взгляд на некоторые стороны поведения некоторых детей.

Психоневропатолог Моисей Григорьевич Азбарагуз мелкими-мелкими движениями потер руки, словно собирался вкусно поесть, прошелся по кабинету, остановился перед Толиком, пронзительным и научным взглядом посмотрел в его испуганные глаза, отвернулся и заговорил...

ГЛАВА № 6

**Невероятнейшие, но научно обоснованные взгляды
психоневропатолога М. Г. Азбарагуза на детскую лень
и рассказанная им история
смертельно опасной болезни
его дальнего родственника Германа Белова**

— Есть у меня, — начал рассказывать психоневропатолог Моисей Григорьевич Азбарагуз, — дальний родственник по линии моей троюродной тети третьекласс-

ник Герман Белов. Был он до недавнего времени совершенно невозможным, я бы позволил себе сказать грубость, отвратительным созданием. Ленив был фантастически. Представьте себе, до того обленился, что принимать пищу стал лишь в принудительном порядке. С виду — совершенно здоровый, нормальный ребенок, все анализы прекрасные, а у меня по отношению к нему предчувствие катастрофы.

Как врач, как ученый, как родственник, я начал догадываться, что Герман чем-то болен. Но — чем?

Бесчисленные консилиумы, исследования и наблюдения долго не давали результатов, пока я наконец с группой коллег не доказал, что мой дальний родственник болен остройшей формой лени — *lenia tunejadica* (лениа тунейдика).

Увы, пока медицина не знает, как бороться с этим опаснейшим и очень распространенным среди детей заболеванием. Мы даже не знаем его происхождения. Есть неопровержимые доказательства заразности лени, хотя вируса ее обнаружить еще не удалось. Можно, предположим, установить, что заражение произошло от соседа по парте, но как это произошло? Неизвестно!

Может быть, лень наследственна? Вряд ли. Ленивые дети часто бывают как раз у очень трудолюбивых родителей. И не всегда у ленивых родителей обязательно вырастают дети-тунейдцы.

Единственное, на чем сходятся все специалисты, это утверждение, что ленью можно заболеть по собственному желанию, то есть совершенно самостоятельно, без посторонней помощи. Многие знаменитые лодыри в смысле овладения ленью — самоучки.

Где, в чем истоки заболевания ленью? Вот над этим кардинальным вопросом современности и бьются сейчас ученые, в том числе и ваш покорный слуга. Ответить на этот вопрос — значит победить лень и навсегда освободить человечество от вреда, который приносит тунейдничество.

Как многие опасные болезни, лень страшна не только сама по себе, но и своими осложнениями. Мне известны три случая, когда лодыри сходили с ума. Я уже не говорю о ее обычных последствиях, как-то: потеря человеческого облика, почти полное снижение умственной и физической деятельности, потеря слуха и зрения, омертвление отдельных частей тела и так далее.

И прежде чем продолжить рассказ о невероятнейшем случае с моим дальним родственником Германом Беловым, позвольте сообщить вам следующее.

Буквально позавчера я ознакомился с книгой одного из крупнейших зарубежных специалистов по изучению лени и ее последствий. Называется книга «Лень в аспекте судьбы человечества». Автор делает страшный вывод. И если с ним, автором или выводом, согласиться, то надо всех лодырей немедленно изолировать от общества. Он предлагает ссылать их на необитаемые острова без права переписки и выезда обратно. Ибо автор считает лень единственным, повторяю — единственным, источником всех, повторяю — всех, несчастий человека и человечества. Автор приводит девять тысяч шестьсот сорок четыре примера отрицательного влияния лени на ход исторических событий.

Мы, конечно, должны учитывать, что имеем дело с трудом буржуазного ученого, но обязаны внимательно изучить его доводы.

Он, например, утверждает, что в подавляющем большинстве дети появляются на свет уже ленивыми, а точнее, вполне сформировавшимися лодырями. И лишь благодаря непрерывным усилиям семьи и общества только какую-то часть детей удастся спасти от разлагающего воздействия лени.

Более того! Автор утверждает, что заболевание тушеядством грозит человеку на протяжении всей его жизни. В книге описываются четыре случая, когда ленью начали страдать люди в возрасте свыше восьмидесяти двух лет.

Я не считаю выводы и доводы автора бесспорными. Но даже если он прав хотя бы всего наполовину, человечество обязано серьезно задуматься над тем, что же делать с лентяйством, особенно детским. Запомните: сегодня ребенку лень вымыть руки, завтра — лень как следует приготовить уроки, а послезавтра — только вообразите! — ему станет лень быть честным человеком.

— Я с вами согласен, — сказал Юрий Анатольевич, пожав плечами. — Но я пришел к вам по совершенно другому вопросу! Мой сын болен не ленью, а шпионизмом!

— Минуточку, минуточку, минуточку! — воскликнул психоневропатолог Моисей Григорьевич, строго на-

хмурился седые брови.— Во-первых, вы еще не знаете, чем может быть болен ваш сын. Во-вторых, вы обратились ко мне за научной помощью. Понять душу современного ребенка не так-то просто, как вам, родителям, кажется. И будьте любезны выслушать меня до конца. Ведь я нахожусь при исполнении научных обязанностей.

Продолжаю в высшей степени поучительный рассказ о загадочно возникшей болезни моего дальнего родственника Германа Белова.

Лень в нем развилась до того, что он почти перестал дышать. Ему было лень вдыхать и выдыхать воздух!

Врачи дни и ночи не отходили от его постели, пораженные не только опасным состоянием мальчика, но и самим протеканием невиданного заболевания.

Искусственное дыхание. Искусственное питание. И то, что бывает после питания, тоже искусственное.

А ведь все началось, прошу учесть, с пустяка — однажды уснул в одном носке. Лень было снять. На следующий вечер не снял уже оба носка, и вот...

...лежал передо мной уже не мой дальний родственник, а почти труп моего дальнего родственника.

Искусственное дыхание. Искусственное питание. Все, все искусственное! Но ведь это не могло продолжаться до бесконечности. Рано или поздно организм не выдержит, и Герман унесет с собой в могилу нерешенную любопытнейшую медицинскую загадку.

Наконец консилиум опытейших врачей и ученых единодушно пришел к страшному выводу: случай с Германом — один из редчайших в истории медицины, когда заболевание ленью может окончиться смертельным исходом. Налицо наивысшая степень заболеваемости — лень жить.

Сам по себе случай этот, конечно, обогатит науку, послужит суровым уроком для всех тунеядцев всех возрастов и полов. Но как жаль мне моего дальнего родственника — третьеклассника Германа Белова!

И я решил рискнуть, решил пойти на эксперимент, сложный опыт, чтобы спасти лодыря.

Выход я нашел совершенно неожиданно. Заметив, что Герман не худеет, а толстеет, я, естественно, предположил, что организм его приспособился к новым ус-

ловиям существования. Значит, с некоторых пор мы не лечили Германа, а, можно сказать, губили — развивали в нем лень. Ему стало лень дышать, — пожалуйста, искусственное дыхание. Ему стало лень есть — к его услугам искусственное питание.

И я перестал лечить моего дальнего родственника, вернее, стал лечить его по-новому. Я запретил поддерживать жизнь в организме Германа искусственными приемами.

Он начал задыхаться. А у меня похолодели руки, учащенно забилося сердце, но я внушал себе: вот сейчас ему будет лень задыхаться!

Так оно и случилось. И вскоре Герман впервые за последнее время открыл один глаз — левый.

— Как себя чувствуешь? — спросил я, забыв, что говорить ему еще наверняка лень. — Над тобой висит смертельная опасность. Жизнь твоя в твоих руках. Ты болен острейшей формой лени. Если не перестанешь лодырничать, погибнешь, не окончив даже начальной школы.

По открытому левому глазу Германа было видно, что он — не глаз, конечно, а Герман — безумно хочет есть, но ему лень сказать об этом.

Через несколько дней наступила угроза голодной смерти. Но я был уверен, что скоро Герману будет лень быть голодным.

— Есть... — почти беззвучно, почти не шевеля губами, попросил он. — Есть... много...

Короче говоря, Герман понемногу начал двигаться, есть, пить и все остальное. Постепенно к нему вернулся рассудок, не полностью, конечно, а так, примерно чуть больше половины. Но этого оказалось вполне достаточно, чтобы мальчик мог смотреть и почти понимать, что показывают по телевидению.

И вот случилось чудо. Демонстрировался фильм о шпионах. Выстрелы, погони, драки, убийства. Герман ожил. Он кричал, визжал, хохотал, подпрыгивал.

Едва закончился кинофильм, Герман вскочил и завопил, как совершенно здоровый ребенок:

— Руки вверх!

Конечно, все мы с удовольствием и одновременно в чисто медицинских целях выполнили его приказание. Сколько было радости! Еще бы — ведь ему не лень играть!

Я не льщу себя уверенностью, что излечение полностью закончено, ведь в школу Германа пока вернуть не удалось. Однако в скором времени я добьюсь, чтобы Герману стало лень быть ленивым!

Это я сказал, как вы догадались, в порядке шутки. На самом деле предстоит борьба за мальчика. Для нас же с вами несомненно одно: дети не только имеют право, но и обязаны во что-нибудь играть. И мы, взрослые, должны помогать им и в учебе и в игре.

ГЛАВА № 7

Организм Толика Прутикова
способен на очень серьезное заболевание .

— Странно все-таки получается,— пробормотал Юрий Анатольевич.— Какая же это игра, если у него из-за нее с головой не в порядке?! — рассердился он.— Я убежден, что мой ребенок психически ненормален!

— Спокойнее, спокойнее, объективнее, объективнее, уравновешеннее! — строго сказал Моисей Григорьевич.— Учтите и еще раз учтите, что внутренний мир современного ребенка необычайно сложен, а местами противоречив и запутан. К примеру, от чрезмерной учебы тоже возможны нарушения психической и умственной деятельности, вплоть до временного отупения. И помните, что по природе своей ребенок не может не делать определенного количества глупостей. Так пусть он их делает в игре. А наша задача — проследить, чтобы учеба более или менее разумно сочеталась с игрой.

— Но если он кричит ночами, это же ненормально! Это, в конце концов, неудобно для окружающих! К тому же он ни о чем не думает, кроме как о своих шпионах! Это, по-вашему, по-научному, нормально? — горячился Юрий Анатольевич.— И я совершенно не понимаю смысла этой так называемой игры!

— Хорошо. Прекрасно. Замечательно. Великолепно,— спокойно проговорил Моисей Григорьевич.— Но вы рассуждаете поверхностно. А я веду вас к научной мысли. Давно веду. Будьте терпеливы. Если мальчик болен, я это обнаружу. Толик, почему тебе нравится играть в шпионов?

— Я не играю,— ответил Толик.— Я тренируюсь. А они считают, что я играю. Я должен поймать иност-

ранного агента. Это моя мечта. Я хочу доказать, что мальчишки такие же люди, как все, только ростом поменьше. И нисколько мы других не хуже. А некоторые даже лучше некоторых.

— Вот видите! — торжествующе воскликнул Юрий Анатольевич. — Он же заговаривается! Он же несет белиберду! Чепуху! Ерунду! Абракадабру! А вы — психоневропатолог...

— Психоневропатолог.

— Все равно мне сейчас уже не выговорить! Я слишком взволнован. Поставьте ему хоть какой-нибудь укол хоть куда-нибудь!

— Успеется. Продолжай, Толик.

— Я мечтаю поймать нескольких агентов иностранных разведок. Вот и все.

— А как ты учишься?

— Учусь я... — замялся Толик. — Не очень... Но что, по-вашему, важнее — пятерки получать или врага обезвредить?

— Так вопрос ставить нельзя, — возразил Моисей Григорьевич. — А почему бы тебе не совмещать полезное с приятным — пятерки получать и врагов обезвреживать?

— Пятерки многие получать могут, особенно девчонки, — задумчиво сказал Толик и вздохнул. — Пятерками не прославишься. Подумаешь, на доску Почета повесят! А я хочу героем быть, чтобы обо мне все знали. А отличников всяких, круглых даже, и без меня хватает. Можно всю жизнь отличником быть, а тебя никто и знать не будет. А когда я шпиона хотя бы одного поймаю, то буду считаться выдающимся человеком. Меня в открытой машине через весь город провезут, а на центральной площади митинг в честь меня организуют. По телевизору меня будут показывать.

— И — последний вопрос! — Моисей Григорьевич предельно внимательно взгляделся в мальчика. — Что для тебя важнее: поймать шпиона или считаться выдающимся человеком?

— То и другое! — горячо воскликнул Толик. — Разве плохо мечтать о том, чтобы стать героем наших дней?

Психоневропатолог Моисей Григорьевич в заметном волнении прошелся по кабинету, остановился перед Толиком, сказал:

— Выйди, пожалуйста.

Когда Толик закрыл за собой дверь, Юрий Анатольевич торопливо спросил:

— В чем дело, доктор?

— Вы оказались правы, — угрюмо ответил Моисей Григорьевич. — Организм мальчика способен на очень опасную болезнь.

— Какую, доктор?

— Ему грозит мания величия. Причем в очень острой форме. Распространенное заболевание среди современных детей и взрослых. Виук одного моего знакомого возомнил себя котом Васькой. Ночами пытался ловить мышей, лазал по крышам, лакал из блюдечка на полу и прочее. Ему, видите ли, казалось, что кошачья жизнь необыкновенно легка. В частности, не надо ходить в школу.

— Я не предполагал... не подозревал...

— В том-то и наша беда, — со вздохом сказал Моисей Григорьевич, — что мы и не предполагаем и не подозреваем. Для ребенка враг номер один — это лень. А может быть, это и единственный враг ребенка. Вот ваш мальчик. Ведь ему хочется ловить шпионов только потому, что это дело представляется ему необыкновенно легким. А прославиться ему хочется лишь для того, чтобы ничего не делать. Он у вас очень избалован. Скорее всего, бабушкой.

— Что же делать? — еле слышно спросил Юрий Анатольевич. — Есть какой-нибудь выход?

— Найдем, — убежденно произнес Моисей Григорьевич. — Самое страшное произойдет в том случае, если мальчик действительно поймает шпиона. Тогда ему, мальчику, несдобровать.

— Неужели все так... серьезно? Что же делать?!

— Оградите мальчика от бабушки. Это первое. Он ведь не играет в шпионов, он мечтает поймать настоящего агента, прославиться этим легким способом. К сожалению, вы даже представить себе не можете, в какой степени все это серьезно. Избалованным детям грозят такие заболевания, перед которыми мы, врачи, лишь разводим руками. Вынужден вам сказать: до скорой встречи, неизбежной, по-моему.

Психоневропатолог Моисей Григорьевич Азбарагуз увидел, как переменялся в лице папа Юрий Анатольевич, как пошатнулся, прижав ладони к вискам...

В кабинет вбежал Толик. Он обнял папу и сказал:

— Идем отсюда. Я совершенно здоров.

Моисей Григорьевич смотрел на них с очень глубоким сожалением.

ГЛАВА № 8

«А чем сосиски лучше сарделек?»

Есть такая поговорка: всяк мерит на свой аршин. Это означает примерно следующее: дурак всех полагает дураками, подлец всех считает способными на подлость, жулик думает, что все вокруг него тоже жулики.

Вот и агенту БХ-000 казалось, что все люди вокруг него вроде него — такие же, а значит, и жалеть их нечего.

И вдруг Фонди-Монди-Дунди-Пэк неожиданно для самого себя обнаружил, что люди бывают очень разными: и честными, и добрыми, и бескорыстными, и просто хорошими.

Вот это было открытие!

БХ-000 до того растерялся, что целых шестнадцать минут испытывал желание стать или честным, или добрым, или бескорыстным, или просто хорошим.

Однако шпиону нельзя быть хорошим человеком больше шестнадцати минут. Зато этих шестнадцати минут оказалось вполне достаточно для того, чтобы БХ-000 задумался над своей жизнью. Раздумывание же над своей жизнью кончилось тем, что Фонди-Монди-Дунди-Пэка охватил безумный страх, а вслед за этим появилось желание сдать врагу.

Страх еще более усилился, когда БХ-000 узнал, что полковник Шито-Крыто заподозрил его в предательстве. Это означало, что рано или поздно начальник Самого Центрального Отдела «Тигров-выдров» прикажет уничтожить его, БХ-000!!!!!!!

Фонди-Монди-Дунди-Пэк не ел уже несколько суток, так как не выходил из дому, и у него от голода стала кружиться голова. Это ведь очень опасно — не есть несколько суток и думать. Все в голове у него так перепуталось, что он и не заметил, как вышел на улицу, добрал до городского сквера и устало, почти без сил опустился на первую попавшуюся по дороге скамейку.

Тут же к нему подсел низенький, широченный в плечах, толстый гражданин с утиным носом и малень-

кими, глубоко спрятавшимися глазками, спросил вкрадчиво:

— Вы, случайно, не знаете, когда играет «Спартак» с «Динамо»?

По спине Фонди-Монди-Дунди-Пэка пробежал озноб: он (не озноб, конечно, а БХ-000) понял, что сел на скамейку — условленное место встречи с агентами из диверсионной группы «Фрукты-овощи»! Он должен был ответить: «Я спортом не интересуюсь, я больше люблю сардельки».

Но Фонди-Монди-Дунди-Пэк ответил так:

— Я спорт не люблю, а больше интересуюсь сосисками.

А сам подумал: «Кто же это? Мяу? Бугемот? Канареечка?»

Гражданин снял соломенную шляпу, обмахнул ею вспотевшее лицо и еще более вкрадчиво спросил:

— Может быть, случайно вы все-таки спортом не интересуетесь, а больше любите сардельки?

БХ-000 нащупал в кармане пистолет и ответил:

— Нет, я интересуюсь сосисками с картофельным пюре.

Тут толстый гражданин с утиным носом тоже сунул руку в карман пиджака и спросил мрачно:

— А чем сосиски лучше сарделек?

— В них витаминов больше, — с неестественным смешком ответил Фонди-Монди-Дунди-Пэк и быстро пошел прочь, не оглядываясь.

Он направился в магазин, купил два килограмма сосисок, вернулся домой, включил рацию и начал глотать сырые сосиски и, пока не сглотал все, не мог остановиться.

А в эфире ругались, жаловались, обзывались три штуки агентов.

Первым высказался Бугемот:

— Был на условленной скамейке. Уверен, что разговаривал с БХ-три нуля. Но он не ответил на пароль. Подозрения шефа оправдываются. Чувствовал я себя во время разговора, как кусок мяса в тупой мясорубке. Ваши соображения?

В ответ ему Канареечка:

— Все мы дураки во главе с начальством. Надо было сразу сматываться обратно. Бугемот и есть бугемот, все испортил с помощью своей пустой головы.

Мяу сказал так:

— Если ты сам дурак, на начальство не сваливай! А если еще будешь критиковать начальство...

Тут в эфир полетели такие словечки, что Фонди-Монди-Дунди-Пэк, брезгливо передернувшись, отключил рацию. Хорошо, что Бугемот не слишком умен и не пошел за ним следом!

Настроение чуть-чуть улучшилось. БХ-000 вспомнил, какое глупое лицо было у Бугемота, когда он слышал, что в сосисках витаминов больше, чем в сардельках!

Но в сердце опять прокрался страх, и хорошее настроение моментально улетучилось. БХ-000 трясущимися руками включил рацию и сразу услышал:

— Группе «Фрукты-овощи». Приказ шефа. Если в течение двадцати четырех часов ноль семи минут не будет налажена связь с БХ-три нуля, Канареечка и Мяу возвращаются. Бугемот остается для особо специального задания.

«Ага! Ага! — пронеслось в дергающейся голове Фонди-Монди-Дунди-Пэка. — Особо специальное задание — это я! Моя смерть это!»

И он быстрехонько передал в эфир:

— Говорит БХ-три нуля. Удивляюсь вашей беспомощности. За мной следят. Прячусь глубоко под землей. Была возможность связаться с Бугемотом, но он затеял с посторонним человеком глупейший спор о спорте, сосисках и сардельках с картофельным пюре. Этак он провалит нас всех. В ближайшее время встретимся. Приветик. Гуд бом!

Он отключил рацию, тяжело вздохнул семь раз: агентов-то он напугал и запутал, а что же ему теперь самому делать?

Предположим, он сдастся и выдаст всю диверсионную группу «Фрукты-овощи». Предположим, ему за добровольное раскаяние сохранят жизнь. Но, скажите, кому интересно провести остаток жизни за тюремной решеткой?

Задание он выполнять не будет — это решено бесповоротно. Но если он будет сидеть вот так, сложа трясущиеся руки, то Бугемот рано или поздно с ним разделается!

БХ-000 с досадой подумал:

«Надо было съесть не два килограмма сосисок, а че-

тыре с половиной, и обязательно с картофельным пюре. Тогда бы голова работала лучше».

Теперь же голова работала плохо, дергалась, ничего не могла сообразить...

А опасность все приближалась и приближалась. БИХ-000 вытащил пистолет и спрятался под кровать.

ГЛАВА № 9

Агент Мяу теряет пистолет

Положение трех штук агентов было незавидным. БИХ-000 должен был приготовить для них жилье, где они могли бы, по крайней мере, ночевать. А они вот уже несколько дней слонялись по городу, спали где придется, а часто и вообще не спали.

Собираться вместе без приказа руководителя диверсионной группы они не имели права. В лицо они друг друга не знали, связь поддерживали только по радио.

Первым не выдержал Бугемот, предложил:

— Надо собраться и разобраться. БИХ-три нуля тянет резину. Может, он давно уже переметнулся к врагу. Давайте соберемся вместе, обсудим наше идиотское положение. Ум — хорошо, а три — совсем неплохо.

Мяу возразил:

— Приказ шефа — ждать двадцать четыре часа ноль семь минут.

Канареечка сказал:

— Приказ приказом. Шеф шефом. А нам надо встретиться. У меня поджилки трясутся. Кругом одни человеческие лица. Хочу хоть одну шпионскую физиономию увидеть. Услышать хоть один шпионский голос.

Решено было встретиться в парке за городом. Для опознавания Бугемот придумал пароль. Но, пораженный тем, что однажды он уже запутался с паролем, Бугемот не смог придумать ничего лучшего, чем опять:

— Скажите, где здесь можно купить сардельки?

И такой вот отзыв:

— Сардельки здесь не продают, но есть замечательные сосиски.

Бугемот явился на свидание первым и ждал у дороги в парк, недалеко от автобусной остановки.

Подходит к нему гражданин в темных очках, спрашивает:

— Скажите, где здесь можно купить сардельки?

— Сардельки здесь не продают, — радостно ответил Бугемот, — но есть замечательные сосиски с картофельным пюре!

А ведь пароль и отзыв должны произноситься точно из слова в слово!

И агенту Мяу (а это был он) ничего не оставалось делать, как сказать:

— Спасибо, но я сосисок с картофельным пюре не ем.

Мяу направился обратно к автобусной остановке. Навстречу ему торопливо шел длинный гражданин в зеленом берете.

Оба враз остановились.

Гражданин в зеленом берете спросил:

— Скажите, где здесь можно купить сардельки?

Мяу облегченно вздохнул и ответил:

— Сардельки здесь не продают, но есть замечательные сосиски с картофельным пюре.

Как это «картофельное пюре» сорвалось у него с языка, он и сам не понимал, а гражданин в зеленом берете пробормотал растерянно:

— Спасибо, но я картофельное пюре не перевариваю.

И он прошел мимо: рисковать нельзя — можно погибнуть из-за двух слов, если даже эти слова означают всего-навсего картофельное пюре!

Канареечка (а это был он) приблизился к изнывавшему в ожидании Бугемоту и спросил безнадежным тоном:

— Скажите, где здесь можно купить сардельки?

Бугемот сжал кулаки, набрал в грудь побольше воздуха, напряг весь свой разум и отчетливо, почти по слогам, выговорил:

— Сардельки здесь не продают, но есть замечательные сосиски.

И оба агента так громко и так облегченно вздохнули, что стоявший вдалеке Мяу услышал и оглянулся.

— А это кто? — кивнув в его сторону, спросил Канареечка. — У него сосиски, но с картофельным пюре.

— Я виноват, — объяснил Бугемот. — У меня с языка «пюре» сорвалось, и у него потом. Иди догоришь.

Вскоре они втроем сидели на укромной полянке.

— Мы влипли в историю, — мрачно заговорил Бугемот. — БИХ-три нуля специально нас запутал. Голову даю на отсечение, что я разговаривал с ним и пароль сказал правильно, а он не захотел отвечать. За нами наверняка уже следят.

— Через двадцать один час семнадцать минут я могу сматываться обратно, — пропищал Канареечка. — Надоело мотаться без дела и ждать, что тебя вот-вот цап-цап!

— Я тоже уверен, что мы попались, — промямлил Мая. — Я вот нисколько не удивлюсь, если сейчас услышу: «Руки вверх!»

И раздался голос:

— Руки вверх!

Бугемот мгновенно исчез в куче хвороста. Канареечка белкой взлетел по стволу дерева. Мая нырнул в кусты.

На полянку выскочил мальчик, крикнул:

— Руки вверх! С места не двигаться! Стреляю без предупреждения и без промаха!

И пробежал дальше.

Не скоро отдышались насмерть перепугавшиеся шпионы. «Руки вверх!» — да еще прозвучавшие совершенно неожиданно, самые страшные для шпиона слова. Потому-то агенты и не обратили внимания на то, что голос был детский.

Мая вернулся весь белый, еле слышно промямлил:

— Вот... это... пистолет... ведь... потерял... эх...

Шпионы схватились за головы — каждый за свою.

— Да, действительно пюрé получается, — мрачно сказал Бугемот. — Ты бы лучше башку потерял! Вместе с головным убором! Ха-ха...

— А какой дурак придумал спрашивать о сосисках и сардельках в лесу? — разозлился Мая. — Нарвись мы на догадливого человека — и перехватили бы нас, как сусликов!

— Надо искать пистолет, — жалобно пропищал Канареечка. — И что у вас за привычка вечно лаяться? И как тебя угораздило потерять оружие? Чему тебя только учили! Агент еще называется!

— Я споткнулся, — объяснил Мая, — взлетел в воздух, перевернулся несколько раз, встал на голову, опрокинулся на спину, потом побежал... сунул руку в карман... тю-тю!

— Нам нужно выбрать главного, — очень мрачно предложил Бугемот. — Иначе никакого порядка не будет. Будет одно сплошное пюре.

— Главный у нас есть, — возразил Канареечка. — БИХ-три нуля. Никто его пока еще не отстранил. Он может объявиться в любой момент. А нам никто не давал права командовать.

— А где же этот знаменитейший, сверхопытнейший, самый заслуженный БИХ-три нуля? — совсем мрачно спросил Бугемот. — Он трус и предатель, я уверен. Шеф все равно прикажет убрать его.

— Помогите мне найти пистолет! — взмолился Мая. — Вдруг его кто-нибудь найдет?!

Шпионы ползали на четвереньках по парку не меньше часа. Пистолета нигде не было.

— Только без паники! — рявкнул Бугемот, когда удрученные, растерянные агенты снова собрались на укромной полянке и Мая громко зашмыгал носом. — Пора прощаться. Рации включать через каждые полчаса.

— Я еще здесь останусь, — сказал Мая. — Еще ползаю. Не мог же он сквозь землю провалиться!

ГЛАВА № 10

Шпионский пистолет находит Толик Прутиков

Да, конечно, пистолет не мог провалиться сквозь землю. И напрасно агент Мая ползал на четвереньках, ощупывая каждую травинку.

Пистолет нашел Толик Прутиков. Он с ребятами играл в шпионов, все отправились домой, а Толик решил еще потренироваться немного. Он бегал по парку, ползал, лазал по деревьям, прятался в кустах и кричал:

— Руки вверх! Ни с места! Стреляю без предупреждения и без промаха!

Один раз ему даже померещилось, что своими криками он испугнул несколько человек, которые разбежались перед самым его носом.

Эх, если бы знал Толик, что шпионы, настоящие шпионы в количестве трех штук, испугались его!

Но зато он нашел настоящий пистолет. Когда Толик увидел его в траве, то чуть не заорал от восторга. Схва-

тив пистолет, он бросился бежать сломя голову, и просто удивительно, что он не разбил эту голову ни об одно из деревьев!

И лишь выскочив на обочину шоссе, Толик сообразил, что нельзя же бегать с настоящим пистолетом в руках, а тем более ехать так в автобусе. Куда бы спрятать оружие? Ведь на Толике были всего лишь трусы, безрукавая майка да кеды.

Размышляя о том, куда бы спрятать оружие, он и не подумал, что надо о такой находке сообщить милиционеру или военному человеку.

Но вот так у нас всегда и бывает: шпионов ловить мы горазды, а обыкновенная сообразилка часто и не работает. Если в парке среди бела дня валяется пистолет, то ведь можно сообразить, что тут дело нечисто?

Да и зачем Толику пистолет, если он даже и стрелять из него не умеет? Он ведь думал, что стрелять надо, как в кино, по его мнению, стреляют: нажал там что-то и бах-ба-бах! Если бы так могло быть, то пистолет давным-давно уже сам выстрелил бы.

Помните, что Толик мечтал поймать шпиона сам, как говорится, своими собственными руками, чтобы считаться выдающимся человеком?

Толик снял майку, завернул в нее пистолет и сел в автобус. Сидел он в автобусе и весь сиял: ведь теперь он любого шпиона раз и — руки вверх!

До того ему замечательно было, что он и билет забыл купить, хотя деньги в карманчике трусов имелись.

— Граждане, приготовим билеты для проверки общественным контролером! Водитель, двери без моего сигнала не открывать!

Бросившись к кассе-полуавтомату, Толик и натолкнулся на общественного контролера — тетеньку Анну Дмитриевну.

Тетенька очень обрадовалась:

— Есть один заяц!

— Вовсе не заяц я! Честное слово, не заяц я! — взмолился Толик. — Просто забыл! Вот денежки!

— Денежки свои оставь при себе, — весело сказала тетенька общественный контролер. — А мы с тобой сойдем на конечной остановке и отправимся в милицию. Там составим акт. Вызовут одного из твоих родителей. Он заплатит штраф. Дома тебе будет соответствующее наказание, а мне соответствующий почет.

Не мог же Толик сказать ей, что забыл купить билет из-за того, что настоящий пистолет нашел, от радости размечтался и...

— Тетенька, а тетенька! — позвал он. — Даю вам честное слово, что никогда безбилетным зайцем не ездил! Вот первый раз, да и то случайно!

— Чтобы этого с тобой второй раз не случилось случайно, миленький ты мой, — ласково ответила тетенька общественный контролер, — придется одному из твоих родителей заплатить за тебя причитающийся законный штраф.

Ее стали уговаривать почти все пассажиры: дескать, на весь автобус всего один заяц, да и не заяц, а зайчик еще, да и тот билет купит, дескать, такого и простить можно.

Но она радостным голосом объявила, что, если зайцев, а тем более маленьких, отпускать подобру-поздорову, тогда им, общественным контролерам, делать будет нечего. А если им делать будет нечего, то их, общественных контролеров, тоже отпустят подобру-поздорову на все четыре стороны. А если их отпустят, то зайцев разведется видимо-невидимо и они со временем выживут всех честных пассажиров.

И еще она объяснила, и еще более радостным голосом, что в воспитательной работе с подрастающим поколением надо умело и разумно сочетать методы поощрения с методами наказания. В данном случае она умело и разумно применяет именно метод наказания.

Толик прижимал к груди завернутый в майку пистолет и размышлял о том, как удивительно плохо все устроено на этом белом свете! Вот пистолет нашел настоящий — оружие, просто необходимое для задержания настоящего шпиона, — и вдруг из-за какого-то пустяка, из-за тетеньки общественного контролера с ласковым и веселым голосом, все летит вверх тормашками!

Да и не то страшно, что дома попадет, там еще бабушка всегда имеется на всякий случай, а то ужасно, что в милиции-то пистолет все равно обнаружат и обязательно отберут.

Надо — сбежать!

Во что бы то ни стало надо улизнуть любым способом!

— А чего это ты голый едешь? — спросила тетенька общественный контролер. — Майку почему скомкал?

— Жарко очень, — торопливо ответил Толик, — много-много бегать пришлось. А дома мне попадет. Здорово причем. Бабушка горько плакать будет. Она всегда горько плачет, когда мне зря попадает.

— А часто тебе зря попадает?

— Да почти всегда зря. Бабушку уж очень мне жалко.

— Я бы тебя отпустила, — призналась тетенька общественный контролер. — Но я план по зайцам уж который месяц не выполняю. Все выполняют, одна я, Анна Дмитриевна, еще ни одного зайца не поймала и не оштрафовала. А у нас через четыре дня торжественный вечер. Да еще с духовым оркестром. Всех будут хвалить, а меня даже не поругают. Потому что пенсионеров критиковать нельзя: очень уж мы обидчивы. А хвалить меня не за что. А вот приведу я тебя в милицию, одного из твоих родителей оштрафуют. — Голос ее стал совсем ласковым. — Тебе дома попадет, бабушка твоя горько поплачет, зато мне, Анне Дмитриевне, почет на торжественном вечере с духовым оркестром. Понимаешь?

— Я-то понимаю... Вы поймите меня завтра, Анна Дмитриевна! Какая вам разница? Я еще двоих товарищей позову. Будет у вас целых три зайца. Вам за это три почета. Понимаете?

— Что-то не очень...

— Да ведь три зайца — это в три раза больше, чем один! А мы вам завтра втроем попадемся. Мы и деньги на штраф принесем, чтобы родителей не беспокоить. Три штрафа! Три!

— Деньгами-то я вам и сама помогу, — задумчиво проговорила Анна Дмитриевна. — Мне ведь не деньги нужны, а почет. А почета мне не будет, пока я плана по зайцам не выполню. Все! Приехали. Конечная остановка. Не вздумай бежать, миленький, — ласково предупредила она и показала милицейский свисток в четыре раза больше обычного.

— Отпустите вы меня! — жалобно попросил Толик. — Завтра мы вам втроем попадемся! Три почета вам будет!

Тетенька общественный контролер отрицательно покачала головой, но пообещала:

— Еще подумаем. Торопиться не будем. Все взвесим, прикинем, потом еще раз подумаем.

— И думать тут нечего! — Толик с трудом удержался, чтобы не сказать чего-нибудь грубого. — Меня не жалеете — бабушку мою пожалейте! Она ведь тоже пенсионерка! Плакать ведь она будет! Может быть, даже зарыдает! И все из-за вас!

— Значит, с нервами у нее плоховато, — сочувственно объяснила тетенька общественный контролер. — Пусть по утрам холодный душ принимает. Это очень укрепляет нервную систему.

Они вышли из автобуса и зашагали по дорожке городского сквера.

«Что же делать?! Что же делать?!?! Что же делать?!?!? — чуть не кричал Толик. — Вот вредная старушечка! Свалилась на мою несчастную голову!.. Но я что-нибудь, да придумать должен! Она еще пожалует...»

— Предложение твое деловое, — задумчиво сказала тетенька общественный контролер, — но рискованное. Присядем давай. В ногах, говорят, правды нет. — Она села на скамейку, не выпуская из рук милицкий свисток раза в четыре больше обычного, и думала, шевеля губами, словно подсчитывая что-то.

И Толик тоже думал, но в руках у него был не милицкий свисток, пусть в четыре раза больше обычного, а — пистолет, настоящее оружие! Придется, видимо, им воспользоваться...

«Уйти бы куда-нибудь, — с тоской и торопливо прикидывал в уме Толик, — там я вынимаю пистолет... и требую... то есть приказываю... А если она не поверит, что пистолет настоящий? Тогда — что делать?»

На всякий случай он еще раз сделал попытку разжалобить тетеньку общественного контролера и самым нежным голосом, на какой только был способен, говорил:

— Три зайца у вас завтра будет. Три штрафа. Три почета. Отпустите вы меня. Честное-пречестное слово, не обману. Если удастся, я и четырех зайцев приведу. А?

— Не верю я тебе, миленький, — ласково сказала Анна Дмитриевна, — и права не имею верить. Какой же я тогда общественный контролер, если зайцу поверю? Идем в милицию, а завтра товарищей приводи.

О штрафе не беспокойтесь. Сама за вас деньги внесу. Только попадитесь.

— Руки вверх! — в отчаянии приказал Толик, вытащил пистолет и направил дуло прямо в нос Анне Дмитриевне. — Ни с места! Я стреляю без предупреждения и без промаха! Я агент иностранной разведки крупной державы! Заброшен в ваш город для выполнения важного опасного задания! И если вы, бабушка...

— Не бабушка я еще...

— Неважно! Если вам, пока вы еще не бабушка, дорога жизнь, не шевелитесь, не двигайтесь с места, не свистите в свой свисток десять минут! Не вздумайте выдавать меня! Моя пуля найдет вас повсюду!

— Не боюсь я тебя... Не боюсь я тебя... вот нисколечко... — торопливо бормотала Анна Дмитриевна, оглядываясь по сторонам. — И пистолетик у тебя игрушечный... И не агент ты, а второгодник какой-нибудь... А я сейчас милицию вызову... тут тебя и...

— Стреляю без предупреждения и без промаха! — тряся пистолетом перед ее носом, хрипло крикнул Толик. — Моя пуля найдет вас повсюду!

Держа пистолет в вытянутой руке, Толик попятился.

Не успел он скрыться в кустах, как общественный контролер Анна Дмитриевна с такой силой начала дуть в свой свисток размером в четыре раза больше обычного, словно это была боевая труба.

ГЛАВА № 11

**Общественный контролер Анна Дмитриевна
в обществе двух шпионов.**

ЫХ-000 пытается стать человеком

ЫХ-000 побрился, причесался, уложил вещи в чемодан, включил рацию и передал в эфир:

— «Фруктам-овощам». Потерял всякую возможность действовать. Окружен со всех сторон. Видимо, гибну. Работайте самостоятельно. Старшим назначаю Бугемота. Скоро нам всем каюк. ЫХ-три нуля.

Он передал это сообщение в эфир несколько раз. Пусть приятели-предатели выкручиваются сами, а задания им все равно не выполнить. Полковник Шито-Крыто лопнет от злобы. А ему, Фонди-Монди-Дунди-

Пэку, пожилому человеку, надоело трястись от страха. И пусть ему больше не носить мундира с погонями, орденами и медалями, зато он отныне будет жить по-человечески.

Сядет он в поезд, уедет на берег южного моря, снимет там комнату в доме, где много детей, станет с ними во все игры играть, кроме игры в шпионов.

И теперь он, кстати, уже не БХ-000, не Фонди-Монди-Дунди-Пэк. В паспорте у него значится: Иван Иванович Иванов.

С чемоданом в руке он довольно спокойно шагал к вокзалу, раздумывая о том, что на первый, как говорится, случай он нашел неплохой выход из положения. Конечно, полковник Шито-Крыто будет его разыскивать, искать он умеет, ну, а мы умеем прятаться.

Но он и сам не заметил (проклятая шпионская привычка — действовать по секретной инструкции), как оказался в сквере на условленной скамейке.

Тут же рядом плюхнулся Бугемот, да так плюхнулся, что едва не опрокинул скамейку. Сидел он, сидел, пыхтел он, пыхтел и мрачно спросил:

— Вы, случайно, не знаете, когда играет «Спартак» с «Динамо»?

«Поручили ему ликвидировать меня или нет? — пронеслось в голове Фонди-Монди-Дунди-Пэка. — Главное, чтобы он не догадался, что я — это я».

Иван Иванович Иванов на вопрос ответил вопросом:

— А какое «Динамо» вы имеете в виду?

— Обыкновенное «Динамо». Футбольную команду.

— В первенстве страны участвует, к вашему сведению, несколько команд под названием «Динамо», — любезно объяснил Иван Иванович Иванов. — Какая именно команда вас интересует? Московская, киевская, тбилисская...

— Я спортом не интересуюсь, — пробурчал Бугемот, — я больше люблю сардельки. Понимаете, я больше люблю сардельки!

— А я обожаю сосиски, — с улыбкой ответил Иван Иванович Иванов. — И обязательно с картофельным пюре.

— А я пюре ненавижу, — сквозь зубы процедил Бугемот, и по лицу его было видно, что он мучительно что-то соображает. — Ненавижу я пюре! — очень мрач-

но повторил он.— И сосиски ненавижу! И футбол ненавижу!

— Почему же вы спрашиваете о футболе вот уже второй раз?

— Потому что меня просили спросить. Понимаете? Меня просили спросить: вы, случайно, не знаете, когда играет «Спартак» с неважно каким «Динамо»?

«Он от меня не отстанет,— подумал Фонди-Монди-Дунди-Пэк,— надо мне от него как-то отделаться».

А Иван Иванович Иванов недовольно сказал:

— Если вы, гражданин, лишку выпили и заговариваетесь, то ступайте себе домой, а то вон не遠далеке где-нибудь наверняка милиционер имеется.

— Извиняюсь, простите, извините,— испуганно пробормотал Бугемот, но не двинулся с места, только запыхтел еще громче.

«Значит, он уже приставлен следить за мной,— подумал Фонди-Монди-Дунди-Пэк,— нагонит в безлюдном месте — и пулю мне в затылок. Или две, для верности».

Бугемот же был абсолютно убежден, что перед ним, вернее, рядом с ним, не кто иной, как руководитель диверсионной группы «Фрукты-овощи». И хотя Бугемот совершенно запутался в этих «Динамо», сосисках, сардельках и особенно в картофельном пюре, он, как говорится, всей своей шпионской шкурой чувствовал, с кем имеет дело.

Но поведение БХ-000 было настолько непонятным, что Бугемот потерял всякую рассудительность вместе с бдительностью. В страшном нетерпении, стремясь как можно скорее и во что бы то ни стало выяснить обстановку, он отломил прутик и на песке нацарапал:

БХ-000

«Вот болван! — подумал Фонди-Монди-Дунди-Пэк.— Как бы мне от него улизнуть?»

И пока Иван Иванович Иванов спокойно сидел и не смотрел на песок, словно там было нацарапано неприличное слово, Бугемот весь испыхтелся, будто бежал в гору и нес на себе Бугемота вроде себя.

Вдалеке раздался милицейский свисток. В другое время шпионы не обратили бы на него и малейшего внимания, а сейчас их затрясло от страха, словно они были не агенты, а жулики-карманники. Бугемот так

заподпрыгивал на скамейке, что она имела право развалиться в любой момент.

А трели милицейского свистка были все ближе и ближе, все громче и громче.

Бугемот и БХ-000 тряслись и тряслись. Только один успокоится — другого забьет мелкой дрожью. Так можно и мозги вытрясти! Поэтому агенты вцепились руками в скамейку, чтобы унять дрожь, сжали зубы и — замерли.

Кто-то сзади приближался к ним, ломая кусты и оглушительно свистя в милицейский свисток.

— Спартак... Динамо... Спартак... Динамо... — бормотал БХ-000, пытаясь вспомнить что-то очень важное. — Спартамо... динаспар... такдина... амоспар... так!... так!

— Сосиски, сардельки! Сосиски, сардельки! — бормотал совершенно обескураженный Бугемот. — Сосельки! Сароски! Перю! Рюпо! Пере! Пююююююю-ре!

От страха они не слышали друг друга и не смотрели друг на друга.

— Граждане, граждане! — раздался сзади радостный голос. — Вы тут, случайно, шпиона не видели? Маленький такой, с пистолетом, в одних трусах черных, в руках майка желтая, а?

— Нет, нет, никакого шпиона мы не видели! — торопливо ответили шпионы.

На скамейку между ними села тетенька общественный контролер Анна Дмитриевна. Она тяжело дышала и мелко тряслась — это оттого, что скамейка подпрыгивала от трясения агентов.

— Чего-то вроде землетрясения, что ли? — удивилась Анна Дмитриевна. — Или меня от радости трясет? Нюх-то у меня какой, а? Ловила безбилетного зайца, а чуть шпиона не поймала! Как он меня отпустить его уговаривал! А у меня на них нюх! Мальчишкой, подлец, переоделся! И ездит-то, как наши, зайцем! И допocht совсем по-нашему! В майке у него пистолет был завернут. Вытащил он его, прямо мне в нос сунул и заорал человеческим голосом: «Руки вверх!»

Шпионы тихонько состонали, борясь с естественным желанием поднять руки.

— Я ни разу в жизни живого-то шпиона и не видел, — заискивающим тоном произнес Бугемот. — По моему, их не бывает.

— Не бывает! — усмехнулась Анна Дмитриевна. — Как же это не бывает, когда он мне сам сказал, что он агент иностранной разведки крупной державы! В мальчишку переоделся и действует, враг такой!

— Мальчики часто играют в шпионов, — сказал БХ-000 очень строго. — Глупейшая, конечно, игра, но...

— Идиотская игра! — почти рявкнул Бугемот. — Запретить ее надо!

— Это было бы очень гуманным решением, — добавил БХ-000. — А то — кому игра, а кому — трепка нервов.

— Нет, нет, шпион это, агент! — твердо проговорила Анна Дмитриевна и громко дунула в свой свисток. — Вот отдохну, отдышусь и поймаю! Хотел он меня запугать, думает, что мы, пенсионеры, народ трусливый. А мы, наоборот, храбрецы. Я вот себя полной сил почувствовала, когда меня с почетом на заслуженный отдых проводили. Аппетит у меня появился, мысли, желания всякие. И никого я не боюсь. Ни-и-и-чегошеньки не боюсь я!.. А чего это я трястись перестала?

И только тут тетенька общественный контролер Анна Дмитриевна заметила, что сидит на скамейке одна.

Она набрала в грудь побольше воздуха и засвистела в милицкий свисток размером больше обычного в четыре раза так, словно дула в боевую трубу.

Конец второй части

Часть третья,
у которой тоже два названия:
«КЕЯК, КЕЮК, КАЕК, КАЮК»

и
«НЕ РОЙ ДРУГОМУ ЯМУ —
САМ В НЕЕ ПОПАДЕШЬ»

ГЛАВА № 12

Почему генерал Батон против гигиены

Полковник Шито-Крыто уже давно унюхал, что тщательно подготовленная им лично операция «Фрукты-овощи» проваливается.

Еще когда он получил сообщение от БХ-000, что тому нездоровится, у полковника Шито-Крыто засосало под ложечкой. А если у такого типа засосало под ложечкой, то это означало, что не он делал кому-то крупную пакость, а крупную пакость ему делал кто-то.

Он не задавал себе вопроса: как могло случиться, что трусом и предателем оказался его лучший агент и закадычный враг? С точки зрения полковника Шито-Крыто, любой может стать трусом и предателем в любой момент.

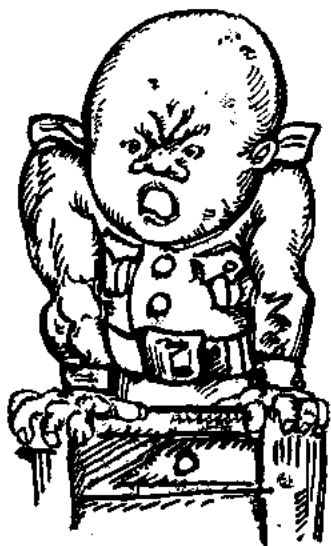
Начальника Самого Центрального Отдела беспокоило другое: полный провал операции «Фрукты-овощи» означал, по существу, почти полный провал всей организации «Тигры-выдры». Ведь БХ-000 знает все! А раз он все знает, то все и выдаст! Следовательно, его надо как можно скорее ликвидировать.

Но — как?

Пока еще полковник Шито-Крыто не стучал по столу кулаками, не топал по полу ногами, не бился о стену своей огромной, без единого волоска головой и тем более не собирался лопататься от дикой злобы.

Пока он занимался своими обычными ежедневными делами, то есть думал, размышлял, рассчитывал, прикидывал, взвешивал, изучал, сравнивал, делал выводы... Он готовился к осуществлению мечты всей своей жизни.

От очень сильного напряжения голова потела, и он

часто подставлял ее под поток воздуха от девятиста семи вентиляторов и выжидал, когда она охладится.

Уважал, любил и берег свою голову полковник Шито-Крыто!

Генерал Батон спросил его однажды:

— Не могу разобраться, что же напоминает мне ваша огромная голова? Арбуз? Футбольный мяч? Или глобус?

Вопрос был задан самым ехидным тоном, но полковник Шито-Крыто ответил не только серьезно, но и с достоинством:

— А это зависит от того, когда вы вспоминаете о

моей голове, шеф. После сытного обеда она напоминает вам арбуз. Во время и после футбольного матча она напоминает вам мяч. А когда вы думаете о масштабах деятельности «Тигров-выдров», моя голова кажется вам похожей на глобус. К счастью, ваша голова, господин генерал, ни на что не похожа.

Об этом разговоре и не стоило бы вспоминать, но полковник Шито-Крыто ни на секунду не забывал, что генерал Батон ненавидит его смертельной ненавистью, завидует ему лютой завистью именно из-за головы.

Как так — генерал завидует полковнику?

Как так — начальник завидует подчиненному?

А вот так, бывает.

Ведь над каждым начальником обязательно есть еще начальник, и поэтому каждый начальник — еще и подчиненный. И начальники, которые командовали генералом Батоном, хорошо знали, что его голова сообщает хуже, причем значительно, чем голова полковника Шито-Крыто.

Дело в том, что генерал Батон был невероятно ленив, и особенно лень ему было думать: от самой маленькой мысли, точнее, мыслишки, он очень уставал. Больше всего на свете он любил сидеть в мягком гене-

ральском кресле и дремать, совершенно забыв о том, что он генерал и у него много чисто генеральских забот.

А его помощник — офицер Лахит — говорил посетителям, что шеф занят, однако не уточнял, чем именно занят шеф.

Путем многолетних ежедневных тренировок генерал Батон овладел мастерством спать с открытыми глазами. Можно было считать, что он не жил, не руководил, не командовал, а подремывал себе на здоровье и во вред своей родной пипионской организации. И еще он овладел более сложным искусством — просыпаться в самый нужный момент.

Питался генерал Батон в основном манной кашей и киселем: чтобы не жевать. Да и жевать-то ему было нечем: почти все зубы у него давным-давно выпали, так как он чистил их всего восемь раз за всю жизнь. Вставлять искусственные зубы он не хотел: все равно жевать ему было лень. А для чего же зубы вставлять, если ими не жевать?

И, представьте себе, его отец — старик Батон, тоже, кстати, генерал, но только в отставке, — часто ставил своего сына в угол!

Как только увидит старик Батон, что сын садится обедать не вымыв руки, так и скомандует:

— На двадцать две минуты в угол шагом марш!

И ровно через двадцать две минуты снова команда:

— Просить у меня прощения шагом марш!

Генерал Батон-сын просыпался и говорил:

— Простите меня, господин папа генерал, я больше не буду. То есть, наоборот, буду мыть руки перед едой.

Но вот чего не ленился делать генерал Батон, так это — писать доносы, жаловаться всегда всем на всех везде, сплетничать, распускать слухи, клеветать. Все его и боялись.

Все, кроме полковника Шито-Крыто, который единственный из подчиненных знал о своем начальнике всё, даже то, что дома его часто ставят в угол за немытые руки.

Как мечтал генерал Батон разделаться с полковником Шито-Крыто!

И вот офицер Лахит принес радостную весть:

— Операция «Фрукты-овощи», шеф, под угрозой полного провала. Мутит воду ЫХ-три нуля. А он зря мутить не будет.

Генерал Батон от радости проснулся, вздремнул на радостях, от радости же проснулся, вызвал к себе начальника Самого Центрального Отдела и спросил совершенно ехидно:

— Насколько блестяще продвигается операция «Фрукты-овощи», подготовленная лично вами? Как великолепно действует доблестный БХ-три нуля, ваш закадычный враг?

Глядя ему прямо в глаза и зная, что он в это время дремлет, полковник Шито-Крыто спокойно ответил:

— Произошли некоторые вполне естественные затруднения и связанные с ними соответствующие осложнения, шеф. Стараемся их ликвидировать. Что же касается БХ-три нуля... он всегда в наших руках.

С трудом уловив смысл услышанного, генерал Батон соснул еще семь секунд и сказал:

— Принимаю ваше сообщение к сведению... Кстати, полковник! Как мне достоверно известно, вы каждый день чистите зубы, несколько раз в день моете руки. Так?

— Так точно, шеф. Зубы я чищу дважды в день. Утром и перед сном.

— Позвольте узнать: а с какой целью вы всё это выполняете?

— Гигиена, шеф. Чистота — залог здоровья. В здоровом теле — здоровый дух.

— Дух-то у вас, может быть, и здоровый, — соснув, сказал генерал Батон иронически. — А вот какой у вас ум? Разве вы стали умнее оттого, что дважды в день чистите зубы и моете руки перед едой? — И он заснул стоя и с открытыми глазами.

Полковник Шито-Крыто угадал, когда шеф проснулся, и спросил:

— А разве сделала кого-нибудь умнее нечистоплотность?

— Нет, нет! — радостно и громко воскликнул генерал Батон и своим голосом разбудил самого себя. — Гигиена не имеет никакого отношения к уму. Моешь ты руки перед едой или не моешь, умнее от этого не станешь. Нам нужен не здоровый дух, а здоровенный ум. Я считаю, полковник, — говорил он уже во сне, — что вы много времени тратите на гигиену и это неадекватное увлечение отрицательно сказывается на вашей работе. Ведь в то время, когда вы беззаботно чистите

зубы или непонятно зачем моете руки, работа у вас не двигается с места. В молодости, моей и вашей, вы казались мне выдающимся человеком. Вы мечтали — и мечта эта была прекрасна — предать всех людей! Вы даже хвастливо заявили, что предадите и меня при первом удобном случае. Ну?

— Я и предам вас при первом удобном случае, шеф. Не беспокойтесь, пожалуйста, на этот счет. Всему свое время.

— Посмотрим, посмотрим! — Генерал Батон опять сам разбудил себя громким голосом. — Мне не нравится ваше увлечение гигиеной, от которой никому ни холодно ни жарко. Как старший по званию и по возрасту советую: побольше работы, поменьше гигиены! Если операция «Фрукты-овощи» провалится, не видать вам генеральских погон. Можете идти.

И генерал Батон задремал стоя и с открытыми глазами.

ГЛАВА № 13

Как полковник Шито-Крыто
предполагает проскочить в генералы,
убрав с пути генерала Батона

Полковник Шито-Крыто вернулся в свой кабинет и, как ни в чем не бывало, продолжал думать, размышлять, рассчитывать, прикидывать, взвешивать, изучать, сравнивать и делать выводы...

На слова шефа он нисколько не обиделся, потому что начальство имеет полное право говорить все, что ему придет в голову, даже если эта голова ни на что не похожа. Даже сейчас эта голова не понимает, что ее владельцу грозит грандиозный подвох со стороны головы полковника Шито-Крыто, которая похожа на арбуз, футбольный мяч или глобус. Не соображает голова ленивого генерала Батона, что в случае провала операции «Фрукты-овощи» попадет-то ему! И этого добьется голова полковника Шито-Крыто!

Когда их вызовет Самое Высокое Самое Верховное Главнокомандование, полковник Шито-Крыто не станет каяться:

— Простите, извините, виноват, больше не буду, готов понести любое наказание, дурак я дурак, а вы умные!

А скажет он следующее:

— Это моя первая и последняя крупная ошибка. Прошу дать мне возможность загладить вину. Я предлагаю вашему вниманию операцию «Братцы-тунеядцы», над которой я работал всю жизнь.

Самое Высокое Самое Верховное Главнокомандование будет поражено, ошеломлено, восхищено, обескуражено, обрадовано планом невиданной операции.

Генерал же Батон будет спать с открытыми глазами, а когда проснется, то услышит, что его снимают с поста руководителя «Тигров-выдров», а на его место назначают ГЕНЕРАЛА Шито-Крыто.

— За что? — очень глупо спросит генерал Батон.

— А хотя бы за то, — ответит ему Самое Высокое Самое Верховное Главнокомандование, — что не может быть руководителем крупнейшей шпионской организации субъект, который не чистит зубы и не моет руки перед едой и вообще против гигиены который.

И генерал Шито-Крыто, получив особые полномочия и баснословные ассигнования, тут же примется за подготовку операции «Братцы-тунеядцы», которую вынашивал в своей огромной, без единого волоска голове всю жизнь.

Но все это были пока еще мечты, хотя и вполне реальные.

Полковнику Шито-Крыто многое предстояло пережить и многое сделать, прежде чем он проскочит в генералы. Ему еще предстояло, в частности, чуть не лопнуть от дикой злобы.

ГЛАВА № 14

Мечта Толика Прутыкова сбылась!

Милиция оцепила сквер. Служебные собаки вынюхивали не только каждый сантиметр земли, но и каждый миллиметр и виновато помахивали хвостами. Ведь по скверу прошло столько людей, что отыскать нужный след было, конечно, невозможно. Но служба есть служба, и собаки старались изо всех сил.

Тетенька общественный контролер Анна Дмитриевна все рассказывала и рассказывала, но уже хриплым от усталости голосом:

— Я, говорит, заграничный шпион крупной держа-

вы, я вам пулю в нос без промаха и предупреждения. Я, говорит, вас, пенсионеров, ненавижу, потому что вы — главная сила в государстве. А сам мальчишкой переоделся и зайцем, как наши, в автобусе разъезжает. И болтает по-нашему. Чувствую я, что это шпион, а не заяц. Потому что бдительности у меня очень уж много. Заработала я себе почет или не заработала? Заработала, конечно, заработала!

А Толик тем временем прибежал домой, мимо бабушки прошмыгнул в комнату, сунул пистолет под подушку.

— Не поймал еще шпиона-то? — спросила бабушка. — Давай поешь да снова за дело. Бегаешь, бегаешь, глядишь, и поймаешь. А на голодный желудок, говорят, шпионы ловятся плохо.

Замечательной бабушкой была Александра Петровна! Никогда она на внука не сердилась. Никогда она на внука не ворчала. Никогда она внука не наказывала. Никогда она на внука не жаловалась. Жить с ней было нетрудно и весело. Да и удобно!

Была, например, у нее с внуком секретная тайна, о которой знали они только вдвоем.

Один раз в месяц бабушка утром озабоченно говорила:

— Что-то у тебя лицо, милый внук, очень уж нехорошее. Видно, у тебя недомогание от переутомления. Лечить тебя надо.

Папа Юрий Анатольевич советовал немедленно вызвать «скорую помощь», мама — просто участкового врача, а бабушка успокаивала:

— Я его не хуже любого врача выхожу. Просто устал парень, да и простуду подхватил.

Едва закрывалась дверь за родителями, Толик прямо в постели вставал на голову, болтал в воздухе ногами, снова залезал под одеяло и ждал, когда бабушка начнет его угощать.

Болезнь, если болеешь, неинтересно. Но болеть, если ты совершенно здоров, это очень замечательно!

— Конечно, мы поступаем не совсем честно, — говорила бабушка, подкладывая внуку оладью за оладьей, одну больше другой. — Но ведь ребенок тоже человек и тоже нуждается в дополнительном отдыхе и усиленном питании. Вот полежишь, наберешься сил и дальше будешь учиться.

Потом они с Толиком в шашки играли. И в этом они были друзьями. Раз внук ей проиграет, два раза она ему сдастся.

Вот как она внука любила! И, чувствуя, видимо, вред подобной любви, она иногда говорила:

— Если я и балую тебя, то в меру.

Современные бабушки, как известно, очень отличаются от своих бабушек. В наше время выросло и сформировалось новое, не похожее на предыдущие, поколение бабушек, которое условно можно назвать **телевизионным**.

Телевидение сблизило бабушек и внуков, выработало у них общие интересы.

Бывало, папа с мамой давно уже спят, а Толик и Александра Петровна убавят звук — и смотрят! Один раз, правда, их задержали, как говорится, на месте преступления. Это когда бабушка не выдержала и среди ночи криком потребовала у сборной СССР:

— ШАЙ-БУ! ШАЙ-БУ! ШАЙ-БУ!

Сборная СССР, естественно, уважила бабушку, но обе они, сборная СССР и бабушка, на этом не успокоились: команда забросила еще одну шайбу, а бабушка и Толик торжествовали на всю квартиру:

— МО-ЛОД-ЦЫ! МО-ЛОД-ЦЫ!

Тут явился папа Юрий Анатольевич, и ночным бодельщикам здорово попало.

Так вот они и жили, и все было хорошо до того самого момента, когда Толик пришел домой с пистолетом. Он вел себя неимоверно гордо. Если можно так выразиться, его прямо распирало от этой самой гордости.

Он и не подозревал, не мог подозревать, что в глубине души бабушка уже давненько сама побаливала шпионизмом! Она тщательно скрывала это от всех, даже от внука. Ей очень хотелось стать первой бабушкой в мире, которая отличится в борьбе с агентами иностранных разведок. Ведь по телевизору или в кино кто их только не ловит! Но еще ни разу ни одного шпиона не поймала ни одна бабушка!

И Александра Петровна не выдержала и спросила Толика, который гордо ел суп:

— Друзья мы с тобой или не друзья? Помогала я тебе всю жизнь или не помогала? Согласен ты со мной дальше дружить или не согласен?

Она намеревалась спросить об этом спокойно, деловито, но при первых же словах разволновалась и совершенно неожиданно начала всхлипывать.

— Да ты что? — небрежно спросил Толик. — Как девчонка какая-нибудь! — И он снисходительно пообещал: — Ты у меня еще прославишься. Ты у меня самой знаменитой бабушкой будешь.

— Вот, вот, вот! — растирая по щекам слезы, воскликнула бабушка. — Я ведь тоже хочу шпионов ловить! Всегда все везде всем говорили, что ум — хорошо, а два — куда лучше. Ну как ты без меня шпиона поймаешь? Мы же с тобой привыкли все делать вместе. Давай и шпионов вместе ловить! Это же будет замечательно: бабушка и ее любимый внук — герои!

Толик очень насмешливо усмехнулся, гордо доел суп и сказал:

— Да где же это видано? Да где же это слыхано? Никогда еще бабушки такими серьезными и опасными делами не занимались. У тебя ведь даже физической подготовки нет. А бегать быстро ты можешь? А ползать по-пластунски ты умеешь?

— Зачем мне физическая подготовка? Зачем мне быстро бегать? Бегать будешь ты. И физическая подготовка у тебя будет. Вот ползать — я, пожалуй, попробую. Может, по-пластунски, может, просто так. Ты, главное, пойми, что нельзя тебе меня бросать. Дружить мы с тобой должны до последнего дыхания.

— Давай котлету, — разрешил Толик. — Не волнуйся. Что-нибудь придумаем. Ссориться нам с тобой ни к чему.

— Всегда всем доказывала, что голова у тебя соображает замечательно! — растроганно сказала бабушка. — Ешь, ешь, сил набирайся! Считай, что шпионы у нас в руках!

«Как бы не так! — насмешливо подумал Толик. — Не бабушкино это дело — иностранных агентов задерживать. Это наше дело, мужское. Тут смелость нужна, ловкость, зоркий глаз, сила. А бабушкино дело — обеды варить, чтобы я здоровым был».

Такая самоуверенность объяснялась не только тем, что у мальчика был пистолет.

Толик был твердо убежден, что мечта его исполнится. Вот выйдет он на улицу, хорошенько посмотрит вокруг, в каждое лицо взглянется, и одно из этих лиц

обязательно окажется шпионским! И тут останется одно: руки вверх! Ура!

— Ура! — закричал Толик. — Не уйти им от меня! Стреляю без промаха! Руки вверх!

— Красиво это у тебя получается, — одобрила бабушка. — Не хуже, чем по телевизору, получается.

— По телевизору, бабушка, — это кино, понарошку все, — важно проговорил Толик. — А я настоящего шпиона поймаю. Жизнью своей рисковать буду.

— Вот уж этого я бы не делала, — сразу обеспокоилась бабушка. — Пусть он, шпион, жизнью своей рискует. Тебе-то зачем рисковать?

Ловко сунув пистолет в карман, Толик выбежал на улицу, радостно думая о том, что кто его знает, а вдруг, а может быть, именно сегодня он задержит иностранного агента! Ведь нашел же он сегодня пистолет! Ведь сбежал же он сегодня от тетеньки общественного контролера! И от бабушки легко отделался!

Он резко остановился, обеспокоенный какой-то неожиданно пришедшей в голову мыслью, вернее, даже не мыслью, а ощущением тревоги. Откуда она, эта тревога, взялась? Ведь совсем недавно, когда он ел на

кухне, ему казалось, что шпиона он встретит почти сразу, как выйдет из подъезда... А сейчас уверенность вдруг стала таять...

Мимо него проходили совершенно обыкновенные люди, нисколько не напоминающие шпионов. Толик медленно шел, внимательно и подозрительно вглядываясь в каждое лицо и с каждым шагом все меньше надеясь встретить агента иностранной разведки.

«Ой, какой же я недотепа! — вдруг радостно подумал Толик. — И зачем это шпиону ходить

по улицам? А если даже он и тут где-то, то обнаружить его среди множества людей просто невозможно. Надо идти куда-нибудь, где людей мало. И там шпион сразу бросится в глаза. Остальное — ерунда. Руки вверх! Пройдемте!»

Вспотевшей от волнения ладонью Толик сжимал в кармане оружие и ходил по скверу, внимательно смотря по сторонам и подозрительно вглядываясь в каждого прохожего. Устав, он присел на скамейку и увидел, что на песке нацарапано:

ЫХ-000

«Это же номер иностранного агента! — радостно сообразил Толик и даже затопал ногами от нетерпения. — Итак, ловим шпиона ЫХ-000! ЫХ-000! ЫХ-000!»

Не знал Толик, что в это же самое время ловили и его самого, тоже считая его или агентом, или хулиганом в желтой безрукавой майке!

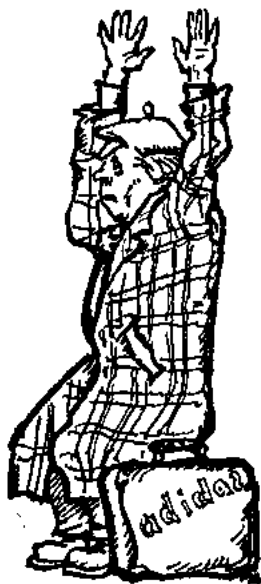
А он лазал по кустам, ползал, чего-то высматривал, кого-то подкарауливал и вскрикивал:

— Руки вверх, ЫХ-три нуля! Ни с места, ЫХ-три нуля! Сдавайся, ЫХ-три нуля!

Из-за поворота вышел дяденька с чемоданом в руке. Услышав приказание, он выронил чемодан и поднял руки вверх.

Толик хотел пробежать дальше, но от неожиданности не мог пошевелиться.

— Сдаюсь, — хрипло сказал дяденька, не сводя глаз с пистолета. — Не могу больше. Устал.

ГЛАВА № 15

**«Вы хотели отравить наш город,
а как попались, сразу жить захотели»**

Знаменитейший агент шпионской организации «Тигры-выдры», зашифрованный под индексом ЫХ-000,

по имени Фонди-Монди-Дунди-Пэк, с паспортом на имя Ивана Ивановича Иванова, руководитель диверсионной группы «Фрукты-овощи», шел с поднятой вверх рукой, в другой держал чемодан и бормотал:

— Все скажу. Всех выдам. Не могу больше. Устал. Надоело. Возраст не тот. Силы не те. Здоровье не то. Все не то.

Это видел агент Мяу. От страха он остановился посередине улицы, нарушил правила уличного движения и, пока платил штраф милиционеру, потерял из виду странную пару: пожилой мужчина с поднятой вверх рукой, с чемоданом в другой и мальчик с пистолетом.

Это же видел и агент Бугемот. Хорошо, что на его голове была соломенная шляпа и никто не заметил, как волосы под ней встали дыбом.

«Кеюк... — пронеслось в голове Бугемота. — Кеяк... Каёк... Откуда они берут таких маленьких агентов??? С виду совсем мальчишка, а взял, может быть, БХ-000! Или это предатель? Или это вовсе не БХ-000?»

И Бугемот, как говорится, дал деру. Деру-то он дал, но — куда? Бежал Бугемот, бежал, пыхтел Бугемот, пыхтел, запыхался совсем, остановился. «Кеюк! — опять пронеслось в голове. — Кеяк! То есть крышка? Теперь мы все пропали! Каёк!»

Еле-еле-еле-еле справившись со страхом, Бугемот, как полагалось по секретной инструкции, передал сообщение о случившемся в Самый Центральный Отдел «Тигров-выдров» и начал искать в эфире остатки диверсионной группы «Фрукты-овощи».

Первым отозвался Канареечка. Бугемот сообщил ему неприятнейшую новость, закончив ее словами:

— Теперь нам всем кеяк, кеюк или каёк. Выбирай любое. Прощай навеки.

Тут его и взяли.

Вторым попался Канареечка. При попытке ускользнуть он налетел на мусорную тумбу, ударился о нее головой, и тумба раскололась на две равные части. Канареечка потерял сознание и очнулся уже в камере.

Дольше всех ловили Мяу. Поймали.

И вот голубчики в полном составе, вся диверсионная группа «Фрукты-овощи», теперь уже безопасная, сидели в кабинете полковника Егорова.

Он, улыбаясь, сказал:

— Наконец-то вы можете побеседовать в спокойной обстановке. Вопрос первый, над которым я давно ломаю голову. Почему Вугемот, а не Бегемот?

— Машинистка в приказе сделала опечатку. Сначала не заметили, а когда заметили, я уже по всем документам был Вугемот,— мрачно объяснил агент.— Вот у меня вопрос к нашему руководителю, которого нам всегда ставили в пример. Я хочу узнать перед смертью: предатель ты или нет?

— Я всегда был предателем, как и все вы,— уклончиво ответил БХ-000.— Мне надоело шпионить. Мне надоело диверсионить. Все надоело. Я устал. Но в любом случае мы бы погорели. Здесь даже мальчишки ловят нашего брата.

— Даже есть одна бабушка,— смеясь, сказал полковник Егоров,— которая тоже мечтала поймать одного из вас.

— А что такое кеяк? — пропищал Канареечка, бережно ощупывая свою забинтованную голову.— Или кеюк? Или каёк?

— Не кеяк, не кеюк, не каёк, а каюк. Крышка.

— Ясно, ясно, ясно! — буркнул Вугемот.— Господин полковник, а нам сохранят жизнь?

— Интересно вы рассуждаете,— усмехнулся полковник Егоров.— Вы хотели отравить наш город, а как попались, сразу жить захотели.

— Жизнь... нам... ну... это... ни к чему,— зло промямлил Мяу.— Мне лично все равно, что со мной будет. Но предателем я не буду. От меня лично вы ничего не узнаете.

— Напрасно вы так! — строго сказал полковник Егоров.— Да, по нашим законам вам грозит самое тяжелое наказание. Но вы можете облегчить свою участь добровольным и полным раскаянием.

— А что бы вы хотели? — заискивающим тоном пропищал Канареечка.— Конкретно?

— Конкретно вот что. Я даю вам на размышление два часа. Один из вас должен вернуться в «Тигры-выдры» с нашим заданием.

— Полковник Шито-Крыто подвесит этого безумца к потолку за левую ногу или расстреляет из пушки! — воскликнул Мяу и побледнел от страха, словно перед ним был не полковник Егоров, а начальник Самого Центрального Отдела.

— Мы не такие дураки,— проворчал Бугемот.

— Это в принципе нереально! — пропищал Канареечка.

ЫХ-000 промолчал.

— В вашем распоряжении сто двадцать минут,— сказал полковник Егоров,— постарайтесь использовать их разумно.

ГЛАВА № 16

Самодонос генерала Батона

И вот полковник Шито-Крыто убедился, что диверсионная группа «Фрукты-овощи», подготовленная лично им, потерпела полный провал, такой провал, какого не знали «Тигры-выдры» за все время своего существования.

Полковник Шито-Крыто, придя в себя, сел готовить доклад Самому Высокому Самому Верховному Главнокомандованию.

А генерал Батон в редкие минуты бодрствования обдумывал очень серьезный вопрос. Ведь если он не свалит всю вину на полковника Шито-Крыто, то полковник Шито-Крыто свалит всю вину на него.

Тогда генерал Батон улыбнулся и сел за стол сваливать всю вину на своего подчиненного, то есть писать на него анонимный донос.

Он быстро-быстро застучал на пишущей машинке:

Самому Высокому

Самому Верховному Главнокомандованию

**АНОНИМНЫЙ ДОНОС НА ПОЛКОВНИКА
ШИТО-КРЫТО**

И генерал Батон сразу почувствовал себя молодым, здоровым, умным, смелым и, как ни странно, честным.

Чтобы донос получился правдивым и убедительным, надо на другого сваливать свои собственные грехи. Донос обязательно должен быть анонимным (то есть без подписи). Тогда комиссия по его проверке будет ломать голову не над тем, что сообщается в доносе, а над тем, кто же его сочинил, но рассердится на того, на кого и написан донос! Тут-то ему и несдобровать!

Потерев от удовольствия давно немые руки, генерал Батон быстро-быстро застучал на пишущей машинке:

Полковник Шито-Крыто
не моет руки перед едой,
не чистит зубы,
искусственные не вставляет и поэтому
питается манной кашей и киселем,
чтобы не жевать.
Родной отец его —
генерал в отставке, вредный старикан
Батон — ставит его в угол
(это генерала-то!). Кроме того, он,
то есть генерал Батон, научился спать
с открытыми глазами даже на собраниях
и заседаниях.
Генерал Батон, по существу, не руководит
«Тиграми-выдрами», поэтому операция
«Фрукты-овощи»

и потерпела

полный

провал.

К сему

Аноним.

Генерал Батон, увлекшись правдой, и не заметил,
как написал донос на самого себя — самодонос!

Когда его с полковником Шито-Крыто вызвали к
Самому Высокому Самому Верховному Главнокоман-
дованию, он и уснуть не успел, как услышал:

— За полное неумение писать доносы, глупость,
лень, невиданную сонливость и развал шпионско-ди-
версионной деятельности разжаловать генерала Бато-
на в рядовые и направить на выполнение особо опас-
нейшего задания, чтобы хоть смертью своей он загладил
вину перед командованием, которое на него очень
сердито!

Тяжко вздохнув, бывший генерал Батон задремал
и сквозь сон услышал обрывки речи полковника Шито-Крыто:

— Провал... полный провал... развал... полный раз-
вал... глупость... глупость... глупость... лень... лень...
лень... не моет руки... не чистит зубы... позор... против
гигиены... докатился до самодоноса... невиданная по
своим масштабам операция «Братцы-тунеядцы»... осо-
бые полномочия... увеличение финансовых ассигнован-
ний... мои заслуги... мои заслуги... его позор... его по-
зор... мои заслуги...

И чей-то голос:

— Генерал Шито-Крыто... генерала Шито-Крыто... генералу Шито-Крыто... подготовить... доложить...

Тут бывший генерал Батон, а отныне рядовой проснулся, потому что рядовым много спать не положено, и услышал:

— Приступить к подготовке плана операции «Братцы-тунеядцы»!

— Есть приступить! Благодарю за доверие! — ответил генерал Шито-Крыто и приказал: — Рядовой Батон, за мной шагом марш!

Конец третьей части

Часть четвертая,
в которой
«ТИГРЫ-ВЫДРЫ» ПРЕВРАЩАЮТСЯ
В «ГРОБ И МОЛНИЮ»

ГЛАВА № 17

**Толик Прутиков опасно заболевает:
считает себя выдающимся человеком**

Бабушка Александра Петровна твердила одно и то же:

— И я шпиона поймаю. И еще какого! У тебя-то все случайно получилось. А я подготовлюсь. Все шпионские методы сначала изучу. Уж если внук иностранного агента задержал, то бабушка и двух-трех сможет обезвредить!

Толик в ответ насмешливо усмехался, очень снисходительно улыбался. Дружба его с бабушкой, можно сказать, кончилась, и оба они, представьте себе, не жалели об этом. Бабушка не жалела потому, что обиделась на внука, а внук не жалел потому, что был очарован собой, то есть крупно зазнался.

Но еще пока никто не догадывался, что мальчик заболел опасной болезнью, которую и предсказывал психоневропатолог Моисей Григорьевич Азбарагуз.

Толик стал гордым и важным. Ведь теперь он был не простой мальчишка, а выдающийся человек, герой наших дней. Правда, он полагал, что ему оказали слишком мало почестей. Его и в открытой машине через весь город не провезли, митинга на центральной площади в честь его не организовали, передачи по телевидению не сделали и даже ни ордена, ни медали какой-нибудь не дали! Это он считал настоящим безобразием.

И все же Толик был глубоко убежден, что он может считаться выдающимся человеком, и знал, что ему следует делать. Он любовался собой, гордился собой, обожал себя, не узнавал друзей и знакомых.

— Привет, Толик! — радостно кричит, например, бросаясь к нему, одноклассник или даже сосед по парте. — Здравствуй, Толик!

Выдающийся человек долго смотрит на него, невыдающегося, недоуменно пожимает плечами, морщит лоб, спрашивает удивленно:

— Простите, а, собственно, действительно, кто вы, извините, такой?

Невыдающийся одноклассник, а может быть даже сосед по парте, растерявшись, называет свою фамилию, имя, класс, где он учился с выдающимся человеком, а Толик опять недоуменно пожимает плечами, морщит лоб и озабоченно произносит:

— Что-то не припомню... что-то не припомню... А когда мы вместе могли учиться? До того, как я смело и отважно поймал шпиона, или после того, как я отважно и смело задержал агента империалистической державы?

— До того! До того! Потому что после этого мы еще не учились. Каникулы потому что у нас летние. Ты тогда нормальным был. Помнишь, у меня на контрольных списывал?

— Что-то не припомню... нет, нет, никак не припомню, извините! — И выдающийся человек шествует дальше, высоко задрав нос, а невыдающийся его одноклассник, а может быть даже и сосед по парте, с уважением и обидой смотрит ему вслед.

Но долго считаться выдающимся человеком трудно.

Ну, хорошо, ты помог однажды поймать шпиона. Прекрасно. Замечательно. Молодец. Ну, а дальше? Так и будешь ходить всю жизнь, задрав нос и не узнавая друзей и знакомых? Один раз сделал доброе дело и считаешь, что больше от тебя ничего и не требуется?

Нет, так в жизни быть не должно, хотя и часто бывает. Любовались Толиком, любовались, гордились Толиком, гордились, уважали Толика, уважали, да и перестали. Другие выдающиеся люди вокруг него появились. Влас Аборкин упал с балкона третьего этажа и не разбился. Мишку Давыдова одна собака искусала, ему двадцать уколов против бешенства (на всякий случай!) сделали, а он ни разу не пикнул! Петр Пузырьков спас девочку, которая средь бела дня чуть в фонтане не утонула. У мальчишек слава на весь город, а они, в отличие от Толика Прутикова, ни орденов, ни

медалей не просят, не мечтают о митингах в свою честь, просто продолжают жить дальше, как люди живут.

Стал Толик бывшим выдающимся человеком. Шпиона он больше поймать не мог, с третьего этажа специально падать было страшновато, собак он тоже побаивался, а в фонтане больше тонуть никто не собирался.

А Толику и невдомек, что быть обыкновенным хорошим мальчишкой совсем неплохо, да и не так уж легко. Нет, он по-прежнему шествовал по улицам, важный и гордый, никого из друзей и знакомых не узнавал, не замечал даже и того, что никто уже не обращал на него никакого внимания.

Но чем меньше на него обращали внимания, тем сильнее ощущал он себя выдающимся. Дело дошло до того, что с каждым днем он становился все толще и толще. Но толстел он не оттого, что много ел.

Толстел он, так сказать, от важности и гордости: ему приходилось пыжиться, и вместе с важностью и гордостью в его организм проникало много воздуха. Толика так распирало, что бабушка почти каждый день переставляла ему пуговицы на одежде, а затем пришлось и одежду новую покупать.

Александра Петровна сокрушалась:

— С чего это тебя развозит?

Внук не отвечал. Он вообще почти ни с кем не разговаривал. Он все время думал о себе самом. И чем больше он думал о себе самом, тем больше любил самого себя. Он уже не мог жить без себя, часто подходил к зеркалу и долго не мог оторвать глаз от своего отражения.

«Какой же я все-таки выдающийся! — ласково думал он, самовлюбленно вздыхая. — Я самый смелый и уж тем более самый мужественный. Видимо, самый умный. Недаром мне все завидуют. Да если бы я захотел, то навернулся бы не с третьего этажа, как Влас Аборкин, а хоть с девятого! Пусть падают те, кому больше выделиться нечем. Пусть их собаки кусают, пусть им хоть по сто уколов делают, пусть они из фонтанов утопленников хоть каждый день по десять штук вытаскивают!.. А самый выдающийся — это все-таки я один. Да здравствую я! Ура!»

Увы, никто не восхищался им, и он придумал способ, как восхищаться собой, — занялся самофотографированием. С утра до вечера Толик снимал себя в разных позах и в разных местах. Все стены комнаты он украсил своими автопортретами.

Настало время, когда он так раздулся, что в ненастную погоду остерегался выходить на улицу, чтобы его не унесло ветром, как надувной шар.

— По-моему, он свихнулся, — сказала однажды бабушка, — надо бы его опять к психоневропатологу.

— Какая ты стала неумная. — Толик снисходительно усмехнулся. — Я просто выдающийся человек, а ты от зависти мне этого простить не можешь.

— Марш в угол, грубиян! — очень громко и очень рассерженно крикнул папа Юрий Анатольевич. — И не смей выходить оттуда, пока...

— Странный ты, папа, — недоуменно и довольно высокомерно перебил его Толик. — Где ты слышал, скажи, чтобы выдающихся людей ставили в угол?

— Зато я слышал, что иных выдающихся людей давным-давно пора выпороть!

— Мне стыдно за вас всех, — устало и с сожалением произнес Толик. — Вам бы радоваться за меня, а вы... — Он махнул рукой.

— Говорю я вам, что рехнулся парень! — авторитетно заявила бабушка.

— Какой ужас... ужас-то какой... — прошептала мама. — Два взрослых человека не могут справиться с воспитанием одного ребенка!.. У всех дети как дети, а у нас... кошмар! Я учительница, все мои силы уходят на воспитание чужих детей, а мое собственное чадо... ко-о-о-шмар!

— Смешно и грустно, — озабоченно сказал Толик и посоветовал: — Вы должны мной гордиться. Вы не должны сводить с меня восхищенных глаз. Вы должны обожать меня, умиляться мной. В этом, только в этом ваше счастье.

Призадумались бедные родители и бабушка, пригрюнчились. С очень огромной тоской вспоминали они те незабываемые дни, когда Толик был обыкновенным ребенком.

А как-то ночью случилось немыслимое событие, такое немыслимое, что вся семья едва не угодила в больницу.

Часа в три ночи бабушка проснулась, потому что захотела пить. Она встала, сунула ноги в шлепанцы и случайно взглянула на кровать, где спал внук.

Но вместо раздутого, шарообразного Толика, каким она уже привыкла видеть его в последнее время, лежал кто-то другой — худенький, нормальный мальчик.

Бабушка подошла поближе и вскрикнула. Перед ней лежал не кто-то другой, а именно ее внук Толик, но именно такой, каким он был до того, как раздулся от гордости.

— На помощь! — позвала бабушка. — Спасите! Помогите! — Она включила свет, взглянула на внука и крикнула еще громче: — Караул! Толенька, ты ли это? — спрашивала она, плача от радости и страха и тормоша внука.

В комнату вбежали родители, вастыли, изумленные и обрадованные.

Толик проснулся, сел, улыбнулся совершенно нормальной улыбкой, какой улыбался когда-то, но потом, видимо, вспомнил, что он выдающийся, нехорошо, с презрением к окружающим усмехнулся и стал быстро-быстро толстеть-надуваться.

Примерно за три с половиной минуты он достиг прежних размеров и спросил:

— Пришли полюбоваться мной? Молодцы. Любуйтесь. Вам должно быть очень приятно.

Бабушка, охнув, покачнулась, схватилась за сердце и упала в обморок. Не успел папа Юрий Анатольевич поймать ее в воздухе и уложить на кровать, как мама тоже охнула, тоже схватилась за сердце и тоже упала в обморок — прямо на руки Юрию Анатольевичу.

— Это они от восторга, — объяснил Толик.

— С ума сойти можно, — сказал папа. — Сойти с ума можно... Можно сойти с ума... с ума можно сойти...

— Не надо сходить с ума! — приказала, очнувшись, бабушка. — В больницу сходить надо! А то еще, чего доброго, лопнет наш выдающийся пузырь!

Толик задремал и на глазах у всех — вконец перепуганных родителей и бабушки — начал быстро-быстро худеть. Ведь во сне-то он забывал, что является выдающимся человеком!

ГЛАВА № 18

Шпиончик № 14 — лучший из двадцати восьми штук — ненавидит рядового Батона, но назначается с ним на важное задание

Бывший генерал, а ныне рядовой Батон работал на площадке молодняка, следил вместе с другими за отрядом шпиончиков.

Даже когда он был генералом, он и то боялся сюда заглядывать: шпиончики слушались только плетки и полковника Шито-Крыто, а в него, генерала, могли и плюнуть, и обозвать его как угодно, а если зазеваешься, то и ущипнуть или даже пнуть.

А уж бывшему генералу они норовили сделать любую гадость — успевай отпрыгивать!

Шпиончики содержались в клетках из железных прутьев. Клетки стояли прямо на земле и никогда не чистились. С гигиеной тут дело было очень и очень неважно.

Целыми днями шпиончики дразнились, ругались, ссорились, ни минутки не молчали, ни минутки не сидели на месте: перевертывались через голову, ползали, бегали на четвереньках, раскачивались на руках, висели вниз головой, прыгали.

Кормили их раз в сутки непроваренной холодной кашей без масла, то недосоленной, то пересоленной, и,

когда разносили пищу, шпиончики поднимали невообразимый писк-рев-вой-визг.

Пить им тоже давали только один раз в сутки — по стакану тухлой воды из болота.

Имен у шпиончиков не было, они просто значились под номерами — двадцать восемь штук. А перед началом учебы в первом классе шпионской школы им давали клички, которые впоследствии становились фамилиями.

Пока же их учили только драться и ничему больше не учили. Дрались шпиончики два раза в день, а по субботам и воскресеньям — три раза.

Делалось это так. С клеток снимались висячие замки, и дежурный офицер с пистолетом в руке командовал:

— Приготовиться к драке!

От нетерпения шпиончики начинали скулить, цепко вцепившись руками и ногами в прутья. Не выдержав напряжения, шпиончики начинали трястись и рычать.

Звучала команда:

— Еще раз подготовиться к драке, да — смотри у меня!

Тут уж поднимался такой вой-визг-рев-лязг-стук-грохот, что не выдерживал дежурный офицер и стрелял из пистолета в воздух. Шпиончики мигом выскакивали из клеток и в страшной злобе бросались друг на друга.

Вот дрались они молча — яростно, стиснув зубы, не издавая ни звука. И это была не какая-нибудь потасовка вроде бы на школьном дворе в большую перемену, а самая настоящей, серьезнейшая, опаснейшая драка. Тут противника надо было исколошмать так, чтобы он ни рукой, ни ногой пошевелить не мог, а после этого затащить его в клетку и закрыть на висячий замок.

Когда четырнадцать штук шпиончиков оказывались в клетках, то остальным четырнадцати (победителям) выдавалось по стакану тухлой воды из болота.

Жадно проглотив эту, с позволения сказать, воду, которая казалась им слаще родниковой, шпиончики без команды снова бросались в драку, еще более ожесточенную.

И семь штук оказывались запертыми в клетки, а другие семь штук (победители) получали по стакану

водопроводной воды, которая казалась им слаще фрук-
товки.

Дежурный офицер разрешал им немного отдышаться и командовал:

— К настоящей драке приготовиться, да — смотри у меня!

Шпиончики медленно сходились в круг, замирали.

Раздавался выстрел из пистолета, и они хватали друг друга кто за что и кто чем, тянули и дергали.

Все — изо всех сил!

Слышалось только учащенное дыхание да изредка рычание. Достаточно было кому-нибудь хотя бы пискнуть от дикой боли, как дежурный офицер тут же оттаскивал несчастного в сторону, а дежурные солдаты закрывали беднягу в клетку.

Оставшиеся в кругу шпиончики продолжали истязать друг друга. Раздавался стон или вскрик — и на одного драчуна становилось меньше.

И наконец оставалось только двое, искусанных, испаранных, исципанных, в синяках и шишках.

— Прекратить настоящую драку! — командовал дежурный офицер, и победители получали по большому куску черного хлеба, сглатывали его и, тяжело дыша, ждали последней команды.

Дежурный офицер приказывал:

— Гони противника в яму, душа из тебя вон!

И стрелял из пистолета в воздух.

Два шпиончика подсакивали к глубокой яме, на дне которой была очень грязная и очень холодная вода. Победенный должен был пробыть в яме шесть часов и шесть минут. Если же в яму падали оба шпиончика, их оттуда вытаскивали и драка возобновлялась.

Победителю выдавали полусырую котлету и бутылку фруктовой. Затем он совершал почетный обход клеток, во время которого имел право дернуть каждого шпиончика за ухо или нос.

Вот так воспитывал свои подрастающие кадры полковник, а теперь уже генерал Шито-Крыто.

Его шпиончики не боялись ни голода, ни холода, ни болезней. Они росли злыми и хитрыми, сильными и выносливыми, закаленными и бесстрашными, подлыми и преданными только начальству.

А было им всего по пять—девять лет!

В десять лет их из клеток переводили в казарму и начинали готовить к шпионско-диверсионной работе.

Полковник Шито-Крыто обожал своих питомцев и часто выступал перед ними с речами.

— Вы — наша смена, — любил повторять он, — вы — наша главная надежда. Я выращу из вас таких замечательных негодяев, каких еще не знала вся история всего человечества. Мы с вами когда-нибудь устроим людям огромную подлость. Будущее принадлежит вам! Банзай!

Учили шпиончиков здорово, и они учились здорово. В одиннадцать лет они умели управлять автомобилем, мотоциклом, вертолетом, метко стреляли, знали радиодело и несколько языков.

Поэтому работа на площадке молодняка оказалась для рядового Батона далеко не из легких. Дело в том, что за побег из клетки шпиончику полагались луковица и стакан минеральной воды. А если учесть, что молодняк кормили хуже, чем впроголодь, а в сутки давали, как вы помните, всего стакан тухлой воды из болота, то шпиончики дни и ночи только о том и думали, чтобы выбраться из клетки.

В первое же дежурство рядовой Батон оскандалился: из клетки совершенно непонятным образом улизнул № 14. Правда, он считался лучшим из двадцати восьми штук и был, конечно, ловчее и хитрее новоиспеченного рядового.

Надо учесть и то, что № 14 — единственная девочка среди шпиончиков, любимица самого генерала Шито-Крыто.

Когда ему доложили о ее побеге, он крикнул от удовольствия, приказал:

— Выдать номеру четырнадцать дополнительно стакан минеральной воды! Если еще раз сбежит, да еще в дежурство Батона, получит две луковицы и бутылку фруктки!

С этого случая рядовой Батон возненавидел шпиончика № 14 всеми силами своей рядовой, бывшей генеральской души. А № 14 только и ждала, как бы ему напакоstitь. И хотя он не спускал с ее клетки глаз, № 14 улизнула и во второй раз!

Она скакала по площадке и кричала:

— Мне фруктовка, Батону клетка! Батону клетка, мне фруктовка!

По инструкции дежурный, проглядевший два побега, сам залезал в клетку на неделю и получал питание наравне с молодым. Каково же было пожилому, толстому, не очень здоровому человеку, да еще бывшему генералу, сидеть в маленькой клетке на голой земле и увертываться от соседей-шпиончиков, которые пинали, кусали и щипали его! Да и вообще, стыдно сказать, чего они только с ним, бедным, не делали!

Он даже несколько раз всплакнул, схватившись за голову, которая, по определению генерала Шито-Крыто, была ни на что не похожа.

Но ничего не поделаешь — отсидел неделю, только посЕдел. СИдел, сИдел и посЕдел. Это были самые кошмарные дни в жизни Батона. Ведь у клеток не было ни крыш, ни стенок, ни пола. Сверху лили дожди, с боков продували ветры, снизу несло холодом. Рядовой Батон загрипповал, просил лекарства — не дали: нельзя, не положено по инструкции. Еле-еле он выжил, и, если бы не злость на № 14 и генерала Шито-Крыто, мог бы и помереть. Как говорится, запросто. Только злость и согревала его и поддерживала в больном организме силы.

Как сумела № 14 открыть замок?! Этот вопрос раскаленной иглой застрял в мозгу рядового Батона. Ведь если он еще хоть раз попадет в клетку, то живым из нее уже не выползет.

Горестно размышляя о своей столь нелепой и столь тяжелой судьбе, рядовой Батон лежал на жесткой койке в солдатской казарме и с блаженством вспоминал свою генеральскую постель. Восемь матрасов на ней было, девятнадцать подушек (и все в наволочках), шесть одеял с пододеяльниками!

Домой его, увы, не пускали родители.

— Пока снова не дослужишься до генерала, — грозно сказал папа, — можешь домой не приходить!

— Мне очень стыдно за тебя! — гневно сказала мама. — Узнав, что ты теперь — фи! — рядовой, с нами перестали здороваться даже ближайшие родственники. Не смей показываться на мои материнские глаза, пока снова не станешь — ах! — генералом!

А жизнь в солдатской казарме после жизни в генеральской квартире показалась Батону сплошным издевательством. Солдатская-то каша твердая, ее жевать надо, а жевать-то ему было нечем! У-у-ужас! И если бы

рядовой Батон не надеялся снова дослужиться до генерала, то он и жить бы больше не стал ни минутки.

Вот приговорили его еще и к опасному заданию... Никакой жалости к пожилому человеку! Эх, скажите спасибо, что он доносы писать разучился, а то бы вы у него попрыгали, как зайцы на горячей сковородке! Да вот беда: как начнет он писать доклад, так обязательно на самого себя настроит. Разучился. Дисквалифицировался.

Не успел он толком отдохнуть от сидения в клетке, а его уже вызвали к начальству. Генерал Шито-Крыто спросил довольно любезно:

— Жив еще, бывший бездельник?

— Пока жив. Но если еще раз попаду в клетку, то живым оттуда уже не выйду. Зачем ты так мучаешь меня?

— Потому что я тебя презираю, — объяснил генерал Шито-Крыто. — Но я к тебе еще по-божески отношусь. А мог бы и за левую ногу к потолку подвесить. Или в карцер с крысами посадить. А я добрый. Вот придумал для тебя несложное задание. — И он приказал в микрофон: — Младшего сержанта Стрекозу ко мне!.. Ты похудел, это очень хорошо. Надо полагать, и поумнел немного?

Открылась дверь, вошла девочка в военной форме с погонами младшего сержанта и отработала:

— Младший сержант Стрекоза, по вашему приказанию, шеф.

Рядовой Батон вынужден был встать и приветствовать младшего сержанта, хотя в его рядовом, бывшем генеральском, сердце клокотала злоба. Ведь младший сержант Стрекоза оказалась не кем-нибудь, а № 14!

— Вы ненавидите друг друга, — весело сказал генерал Шито-Крыто, — поэтому посылаю вас вместе. Вы будете так внимательно следить друг за другом, что возможность предательства исключена. Ответственным за операцию назначаю младшего сержанта Стрекозу.

— Слушаюсь, шеф!

— Вы расследуете причины провала операции «Фрукты-овощи». Батон, можешь убираться, подожди ее в приемной.

Когда дверь за ним закрылась, генерал Шито-Крыто продолжал:

— Сделай так, чтобы старый хрыч сюда не вер-

нулся. Уничтожишь БХ-три нуля и Толика Прутикова. Сама не рискуй, подсовывай старикана. Сейчас же отправляйтесь на подготовку. Консультанты вас ждут в девятьсот девяносто девятом кабинете.

— Все будет исполнено, шеф!

— Не сомневаюсь.

И — началось!

Для выполнения задания Стрекозу и Муравья (такую кличку получил рядовой Батон) готовили тридцать восемь консультантов. Вместо отдыха агенты смотрели кинофильмы, читали газеты, книги, журналы, слушали радиопередачи.

Агента Стрекозу звали внучкой Ниночкой, а Муравья — ее дедушкой Николаем Степановичем. Фамилию им дали Уткины.

Внучка и дедушка жили в одной комнате. Просыпаясь, Ниночка говорила:

— Доброе утро, милый дедушка!

«Чтоб тебе пусто было!» — думал рядовой Батон, а дедушка Николай Степанович отвечал:

— Здравствуй, здравствуй, внученька!

— Как спалось, милый дедушка?

— Замечательно, Ниночка.

На самом же деле он не спал почти всю ночь, потому что так выспался за свою генеральскую жизнь, что в сне уже практически не нуждался.

ГЛАВА № 19

**Генерал Шито-Крыто превращает «Тигров-выдров»
в «Гроб и молнию», отдает приказ
о подготовке плана операции «Братцы-тунеядцы»**

А генерал Шито-Крыто не спал тринадцать суток подряд и никому спать не давал. Его сотрудники валились с ног от усталости, дремали на ходу и уже ничего не соображали.

— Перерыв! — приказал генерал Шито-Крыто и сразу захрапел тут же, в кресле, не успев закрыть рот.

Сотрудники попадали кто куда — где застал их приказ. Офицер Лахит заснул, стоя в дверях.

С того самого дня, когда полковник Шито-Крыто проскочил в генералы, в главном штабе «Тигров-выдров» царила потрясающая кутерьма, напоминавшая

временами лихорадку. Шестнадцать машинисток-лейтенанток, не переставая, печатали приказ за приказом, отделы переезжали из кабинета в кабинет, начальники становились подчиненными, подчиненные превращались в начальников, одних сотрудников увольняли, других оформляли на их место — и никто толком не знал, что же затеял новый генерал.

Известно было только одно: организация «Тигры-выдры» скоро приступит к разработке самой невиданной за всю историю всего человечества операции «Братцы-тунеядцы». Своей масштабностью, подлостью и жестокостью эта операция потрясет мир.

Проснувшись через трое суток, генерал Шито-Крыто по сигналу боевой тревоги собрал всех сотрудников и шпионов в огромном зале.

Окинув аудиторию таким презрительным взглядом, что каждому показалось: новый начальник именно ему заглянул в глаза, а через них — прямо в душу, он погрозил всем пальцем.

Все мелко затряслись.

— Слушайте меня с предельным вниманием, — негромко приказал генерал Шито-Крыто, но стояла такая тишина, что каждому показалось: это именно ему кричит в ухо новый шеф. — «Тигры-выдры» закончили свое существование. Я создаю принципиально другую организацию под названием «Гроб и молния». Ей предстоит под моим руководством и при вашем участии подготовить и выполнить грандиознейшую операцию «Братцы-тунеядцы». Весь мир содрогнется от страха и омерзения. По сравнению с этой операцией даже большая война — пустяк. Мы медленно, не торопясь, но неуклонно приведем человечество к полному вырождению. С нашей планеты мы отправимся на другие миры и там учиним такое же безобразие. Пусть расцветают все науки, пусть развиваются техника, литература и искусство, пусть люди трудятся в поте лица своего, а мы используем все их достижения для достижения их же гибели! Довольно играть в бирюльки! Довольно заниматься ерундистикой! Вперед, к настоящим подлостям! Мы первыми в мире воспользуемся для достижения наших мерзких целей детской ленью! Будущее принадлежит тому, кто раньше сумеет сделать человечеству какую-нибудь величайшую пакость! Ленивые дети помогут нам в этом! Банзай!

В огромных окнах мелко дрожали стекла.

Это оттого, что дрожали стены.

А стены дрожали потому, что дрожал цементный пол.

А цементный пол дрожал оттого, что тряслись все сотрудники и шпионы.

— Перестаньте трястись! — крикнул генерал Шито-Крыто. — Я знаю, что среди вас есть несколько трусов и один добрый. Ни тем, ни ему у меня не место! Мне нужны самые негодяйные негодяи, самые мерзавочные мерзавцы, самые подлые подлецы! Остальные во-о-о-он, пока не поздно! Вас ждут большие награды, немалые деньги, высокие чины, но за малейшую оплошность подвешу к потолку за левую ногу, из пушки расстреляю! Разойдись немедленно!

Надо ли говорить о том, что шпионы не просто моментально разошлись или убежали. Они улетучились.

Вот до чего они боялись своего грозного начальника.

ГЛАВА № 20

Стрекоза и Муравей готовятся быть
внучкой Ниночкой и дедушкой

Николаем Степановичем по фамилии Уткины

Вернувшись после речи генерала Шито-Крыто в свою комнату, внучка Ниночка спросила:

— Чем займемся, милый дедушка?

— Подожди ты! — огрызнулся рядовой Батон. — У меня все еще поджилки трясутся.

— Потому что ты старый, трусливый и глупый, — сказала Стрекоза. — Тебе предложили крупное дело, а ты затрясся. Хлюпик! Настоящие шпионы растут только у нас на площадке молодняка.

— Да, мерзавчики там что надо, — согласился Муравей. — Что же это за операция «Вратцы-тунеядцы»? При чем здесь дети?

— Никто пока не знает и долго еще не узнает. Каждый будет делать свое дело, а общий замысел только в голове шефа... Милый дедушка, расскажи мне, пожалуйста, сказочку!

— С удовольствием, внученька. Слушай. Жил-был у бабушки серенький козлик...

— Серенький козлик! Серенький козлик! — передразнила Стрекоза. — Заладил одно и то же! Ты должен был выучить десять сказок! В карцер захотел, апи-стофитель? (Довольно приличное ругательство.)

— Тебя бы в карцер, да с крысами! — проворчал рядовой Батон, а дедушка Николай Степанович сказал: — Не сердись на меня, внученька Ниночка. С памятью у меня плохо. Склерозик. Хорошо еще, что не маразмик. Старенький ведь я.

— И нисколько ты, дедушка, у меня не старенький, — ласково сказала внучка Ниночка. — Только ты у меня ленивенький немножечко. Ну-ка, вспомни какую-нибудь интересную сказочку для своей любимой внученьки Ниночки.

Когда наступила ночь, дедушка Николай Степанович Уткин уснул, агент Муравей притворился, что спит, а бывший генерал Батон горестно размышлял: «Почему я такой несчастный? На старости лет меня разжаловали в рядовые. Родители меня из дому выгнали. Посылают меня на опаснейшее задание, смысла которого я не знаю. Командует мной, стыдно сказать, девчонка... Эх, зря я пошел в шпионы! Надо было идти в продавцы или повара... А не сбежать ли мне сейчас из шпионов? А что? Убегу-ка я, пожалуй...»

— Руки вверх! — Стрекоза с пистолетом в руках вскочила на постели. — Почему не спишь? Что задумал? Смотри у меня! Засажу тебя в карцер с крысами! Отгрызут они тебе нос или ухо!

— А ты не забывай, что я все-таки генерал! — обиделся и испугался рядовой Батон. — Пусть бывший, но генерал! И я не позволю какой-то младшей сержантке...

— Лежать! Закрывать глаза!.. Вот так... Спокойной ночи, милый дедушка.

— Приятных сновидений, внученька, — ответил дедушка Николай Степанович Уткин.

Уснул и агент Муравей. А рядовой Батон увидел замечательный сон: взял он младшую сержантку Стрекозу за оба уха, поднял в воздух и стал медленно, с удовольствием раскачивать... Агент Стрекоза вопит, как коза... А рядовой Батон ей еще уши-то и выворачивает, выворачивает, выворачивает...

Всю ночь смотрел он этот восхитительный сон и не просыпался.

ГЛАВА № 21

«Давайте вести переговоры в рамках подлости»,
— предлагает агент Бугемот полковнику Егорову

Следствие по делу диверсионной группы «Фрукты-овощи» продолжалось. Агенты ничего не скрывали, ничего не пытались утаить, потому что не было в этом никакого смысла: БХ-000 выдал все, а знал он больше всех.

Каждому агенту полковник Егоров предлагал вернуться в «Тигры-выдры» с его заданием. Шпионы отказались наотрез: страшно, ужасно, опасно, бессмысленно. Уж лучше здесь получить по заслугам, чем дома — зря. (В скобках замечу, что в услугах Бугемота, Канареечки и Мая полковник Егоров не нуждался, у него была другая цель, о которой вы со временем узнаете.)

Однажды полковник Егоров неожиданно вызвал шпионов к себе в кабинет и сказал:

— Прелюбопытнейшие известия. Организация «Тигры-выдры» больше не существует. Появилась новая организация под названием «Гроб и молния». Генерал Батон разжалован в рядовые. Начальником «Гроба и молнии» назначен генерал Шито-Крыто.

Агенты, как говорится, обалдели.

Один БХ-000 оставался невозмутимым. Он сказал спокойно:

— Всего этого вполне можно было ожидать. Шито-Крыто фактически давно уже был руководителем «Тигров-выдров». Он лишь ждал удобного случая, чтобы разделаться с Батоном и отделаться от него.

— Этого никак нельзя было ожидать! — пропищал Канареечка. — Разжаловать должны были полковника Шито-Крыто. Ведь он непосредственно отвечал за нашу диверсионную операцию!

— Во всяком случае, — мрачно проговорил Бугемот, — нам от этого ни жарко ни холодно.

— Последние годы Батон был особенно глуп и ленив, — сказал БХ-000. — А глуп он был потому, что ленился думать.

— Тогда почему же ваше командование доверяло ему? — удивился полковник Егоров.

— А он любил и умел писать доносы, — ответил Мая. — Он всегда на всех писал доносы.

— Доносов было так много, — добавил Канареечка.

ка, — что одновременно работало по семь, восемь, девять комиссий. А господин генерал Батон все кляузничал и кляузничал не переставая. Комиссии не успевали проверять его анонимные доносы. Так и шли годы.

— Дурак был наш генерал, и точка, — мрачно сказал Бугемот. — Меня все время Носорогом называл, хотя всем известно, что я Бугемот по всем документам.

— Что из себя представляет новый генерал? — спросил полковник Егоров.

— Замечательный человек! — восторженно пропищал Канареечка. — Исключительная личность!

— У вас с ним будет много хлопот, — проговорил БХ-000. — Он человек большой идеи. Он мечтает предать всех людей. Подготовке к этому он посвятил всю свою жизнь. Учтите, что он заочно окончил семь институтов и два факультета двух университетов. И генералом его, видимо, назначили потому, что он предложил план новой операции, который понравился Самому Высокому Самому Верховному Главнокомандованию. Он давно мечтает о какой-то невиданной операции, но никого не посвящает в свои замыслы.

— Мы узнаем, — сказал полковник Егоров.

— Вряд ли вы сумеете сделать это своевременно. Генерал Шито-Крыто — это вам не генерал Батон. — БХ-000 долго молчал. — Наш новый шеф, по-моему, выдающаяся личность. В своем роде, может быть, даже и почти гениальная. Он прирожденный негодяй и новатор. На него работает много ученых. Он так ненавидит людей, что от него можно ожидать самой подлой подлости. Голова у него огромная. Работоспособность чудовищная.

— М-да... — с неопределенной интонацией произнес полковник Егоров. — Почти все ясно. Ну что ж, если генерал Шито-Крыто решил предать всех людей, то мы постараемся спасти их. Я еще раз предлагаю вам сотрудничать с нами. Согласие хотя бы одного из вас значительно облегчит участь всех.

— Интересно получается, — мрачно пробормотал Бугемот. — Я буду рисковать своей шкурой, а предателю БХ-три нуля будет смягчена участь.

— Нам необходимо как можно быстрее узнать план новой операции «Гроба и молнии», — ответил полковник Егоров, внимательно наблюдая за БХ-000. — Мы начинаем догадываться, что новая операция грозит нам

большой бедой. Неужели никто из вас не хочет помочь людям?

— Что делать-то надо? — жалобно пропищал Канареечка.

— Мы этому не обучались, — признался Мяу.

— В шпионской школе мы этого не проходили, — добавил Канареечка.

— Зато мы способны на любую подлость, — мрачно проговорил Бугемот. — Вот и давайте вести переговоры в рамках подлости. Вопрос поставим так: нам надо сделать подлость генералу Шито-Крыто.

— А где гарантия, что вы и нас в рамках подлости не предадите? — усмехаясь, спросил полковник Егоров.

— Да, таких гарантий мы не даем, — пропищал Канареечка. — Наша подлость безгранична.

— Но ведь вы не только шпионы, — сказал полковник Егоров. — Вы еще и люди.

— Господин полковник! — вдруг взмолился Бугемот. — Мы же не дети! Мы взрослые люди! Чего вы от нас хотите? Ведь вы же прекрасно знаете, что каждый из нас с огромным удовольствием вас предаст. Мы просто не можем не предавать!

— Нас специально учили этому! — пропищал Канареечка.

— Профессора и доценты, — гордо добавил Мяу.

И лишь один БХ-000 не проронил ни слова. Вот на него-то и рассчитывал полковник Егоров.

Конец четвертой части

**Часть пятая,
в которой действуют
КРУПНЕЙШИЕ СПЕЦИАЛИСТЫ
ПО РАБОТЕ И БОРЬБЕ С ДЕТЬМИ**

ГЛАВА № 22

**Сугубо научная. В ней разъясняется,
что означают первые четыре буквы
в слове «ПЕРЕвоспитание»**

Носилки, на которых гордо лежал возомнивший себя выдающимся человеком Толик Прутиков, несли два санитары.

— Здоров парень с виду, — сказал один из них, — а легок. Чем это вы его выкармливали?

— Болезнь это, — грустно ответил папа Юрий Анатольевич. — А ест он в обыкновенных количествах самую обыкновенную пищу.

— Я не больной, — важно возразил Толик, — я выдающийся.

— Выдающийся?! — удивился старший санитар Тимофей Игнатьевич. — Чем выдающийся? Толстота твоя пустая какая-то. Дутыш ты, что ли?

Толик покраснел от возмущения, проговорил с сожалением:

— Взрослые люди, а разговоры неумные, детские.

Санитары чуть носилки не выронили, а Юрий Анатольевич попросил:

— Не сердите его. Молчите.

— Он что, сильно умный? — спросил санитар.

— Считает себя умным. Болезнь это такая.

Психоневропатолог Моисей Григорьевич Азбарагуз быстро осмотрел Толика, снял очки, долго протирал их в задумчивости, потом водрузил их на переносицу и спросил:

— Значит, днем вот такой, а ночью худеет?.. Пре-любопытно! А вес нормальный?

— Нормальный,— ответил старший санитар Тимофей Игнатьевич.— Воздуху он, видать, наглотался. А обратно выпустить не может или не хочет.

— Попросите санитаров удалиться,— морщась, сказал Толик.— Они действуют мне на нервы.

Моисей Григорьевич отпустил санитаров и предложил:

— Расскажи мне о себе. Что с тобой произошло?

— Вы не знаете? — обиженно удивился Толик.— Всем должно быть известно о моем подвиге, а, оказывается, почти никто и не знает! Ведь я же смело и отважно задержал иностранного агента!

— Правда, правда,— скорбно подтвердил Юрий Анатольевич.

— Этого я как раз и опасался! — в волнении воскликнул Моисей Григорьевич.— Продолжай, мальчик. Я очень внимательно тебя слушаю, боясь пропустить хотя бы одно слово.

— Вот это правильно! — И на глазах изумленного психоневропатолога Толик еще немного потолстел.— Я задержал шпиона и, таким образом, следовательно и, уж конечно, действительно стал выдающимся человеком. Все должны мной гордиться, уважать меня, ценить, обожать, любить. А мне завидуют! Стыдно сказать, но меня до сих пор не провезли в открытой машине через весь город, не организовали митинга в честь меня на центральной площади. Меня даже по телевизору не показывали! Награды я еще никакой не получил, представляете? Вот безобразие!

— Ну, это дело вполне поправимое,— успокоил его Моисей Григорьевич.— А учиться дальше ты собираешься?

— А зачем?! — поразился Толик.— Пусть учатся те, кто еще ничего не добился в жизни!

— Что же ты будешь делать, если не учиться?

— Видимо, буду отвечать на многочисленные письма.

— Какие письма? — вздрогнув, спросил Юрий Анатольевич.

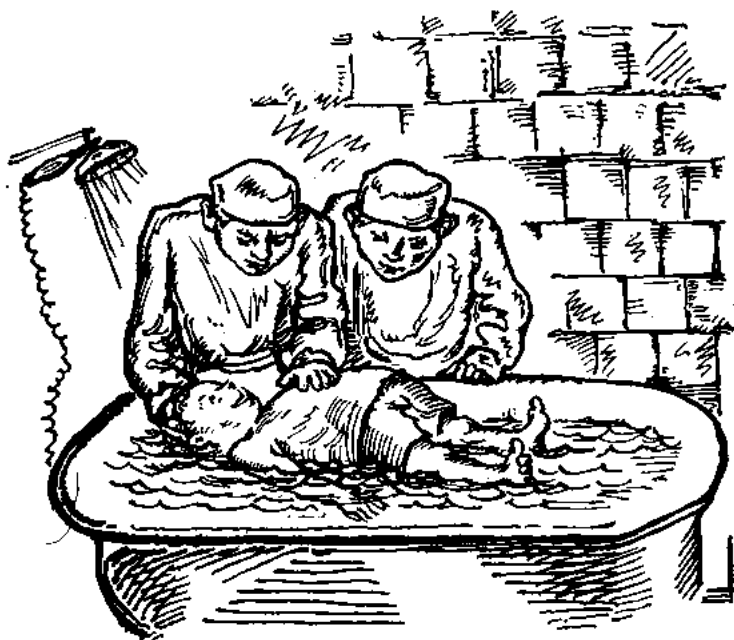
— Восторженные,— невозмутимо объяснил Толик.— Ведь рано или поздно люди все равно узнают о моем замечательном подвиге, и я буду получать многочисленные восторженные письма. Не отвечать неудобно. Подумают, что я зазнался.

— Да, да, тебе предстоит огромная работа, — озабоченно согласился Моисей Григорьевич. — Пока ты останешься здесь. Мы уже получили много заявок от желающих тебя увидеть. Дома принимать так много людей неудобно: всю квартиру затопчут. — Он позвал санитаров и приказал: — Как можно быстрее приготовить для выдающегося человека отдельный выдающийся кабинет. Вымойте выдающегося человека в выдающейся ванне, оденьте в выдающееся белье и положите в выдающуюся постель.

Санитары унесли самодовольного Толика.

— Чем он болен? — почти со стоном спросил Юрий Анатольевич. — И что вы с ним намерены делать? Какие заявки? Кто это хочет его видеть? Это же насквозь больной ребенок, а вы потакаете ему...

— Главное, успокойтесь, — торжественно произнес Моисей Григорьевич, — не волнуйтесь и тем более не паникуйте. Случилось как раз то, что я когда-то и предсказывал. Это очень редкое в детском возрасте заболевание. И очень опасное. Одна из форм мании величия — мания дутика (*mania dutica*).

В дверях показался рассерженный старший санитар Тимофей Игнатьевич и проворчал:

— Не погружается — да и все.

— Что не погружается? Куда не погружается?

— Выдающийся человек в ванну не погружается. Плавает. Как пробка. Как поплавок, вернее. Мы его погружаем путем нажатия на него руками, а он обратно всплывает. И одно твердит, что мы будто бы неумные. А он, видите ли, шибко уж умный.

— Под душ его лучше, — посоветовал Юрий Анатольевич. — И не спорьте, пожалуйста, с ним.

— Была нужда спорить с таким... — проворчал старший санитар Тимофей Игнатьевич и ушел.

Моисей Григорьевич, в волнении прокаживаясь по кабинету, заговорил:

— Без таких людей, как ваш Толик, наука бы топталась на месте. Ведь далеко не каждому организму удастся заболеть интересной, а иногда и уникальной болезнью! А ваш Толик вновь поставил перед нами сложнейшую задачу. Его организм настолько ослаблен избалованностью, что легко поддается всем заболеваниям, связанным с ленью.

Вернулся старший санитар Тимофей Игнатьевич и устало произнес:

— Выдающийся человек зеркало просит. Тоже, наверное, выдающееся. Не лопнул бы он, а? Уж больно он пыжится. Я бы из него воздуха хоть немного откачал. Предупреждаю: если выдающийся человек лопнет, я за это ответственности не несусь.

— Возьмите на складе самое большое зеркало и поставьте туда, куда укажет выдающийся человек, — приказал Моисей Григорьевич и, когда старший санитар ушел, увлеченно продолжал: — Наука, дорогой Юрий Анатольевич, совсем недавно занялась проблемой детской лени как заболеванием. Поэтому здесь много неясного и спорного.

— Вон даже санитар и тот меры предлагает, а вы...

— Я еще раз призываю вас к полнейшему спокойствию. Мы сделаем все, что в наших силах. Я почти уверен в успехе.

Оставшись один, Моисей Григорьевич устало опустился в кресло и очень глубоко задумался.

Он уже несколько лет работал над научным трудом «Взрослый человек как результат развития ребенка».

В основу его Моисей Григорьевич положил мысль о том, что все основные духовные качества, и в особенности плохие, развиты в ребенке уже в первые годы его жизни.

Ученый надеялся добиться того, чтобы, наблюдая младенца еще в грудном возрасте, определить, каким он может вырасти человеком. А определив это, легко будет принять все соответствующие меры, чтобы он рос хорошим примерно уже с трех-четырёх лет.

Тогда и не будет больше плохих детей, а впоследствии — и плохих людей вообще. Ведь известно совсем немного случаев, когда из плохих детей вырастали хорошие люди. Так же мало известно случаев, когда из хороших детей вырастали плохие люди.

Научные противники Моисея Григорьевича заявляли:

— Ваша теория неверна. Плохого ребенка можно ПЕРЕвоспитать в школе, в пионерском или спортивном лагере, в институте, армии и так далее. В конечном итоге вся воспитательная работа сводится к ПЕРЕвоспитанию. А вы его-то как раз и отвергаете.

— Моя теория абсолютно верна, — отвечал своим научным противникам Моисей Григорьевич. — Представьте себе, что мы определим, что вот из данного младенца грудного возраста может вырасти такой обжора, что со временем ему будет грозить смерть от ожирения. Мы назначаем соответствующий курс лечения и воспитания, и из данного младенца грудного возраста вырастает нормальный человек, который может умереть от чего угодно, только не от ожирения.

А что такое ваше ПЕРЕвоспитание? Сначала мы ребенка балуем, он превращается, допустим, в тунеядца, и мы это называем, простите, воспитанием! И лишь затем принимаемся изо всех сил за ПЕРЕвоспитание.

Вот простой арифметический подсчет. Программа воспитания семилетнего ребенка содержит 641 пункт. Программа ПЕРЕвоспитания включает в себя уже 1061 пункт.

$$\begin{array}{r} - 1061 \\ 641 \\ \hline 420 \end{array}$$

ПЕРЕвоспитание на 420 пунктов больше, чем воспитание!

П=105 пунктам!

Е=105 пунктам!

Р=105 пунктам!

Е=105 пунктам!

Уничтожить в понятии «ПЕРЕвоспитание» всего четыре буквы, а с ними то, что они означают, — и человечество сначала будет избавлено от плохих детей, а впоследствии и от плохих людей вообще!

Путь к этому светлому будущему ясен и научно обоснован: надо победить лень, врага № 1, главного противника любого ребенка.

Но как доказать, как убедить каждого ребенка в том, что быть ленивым — это значит медленно, но, как говорится, верно умирать!

Достаточно вспыхнуть эпидемии лени в любом уголке земного шара, как она может охватить все человечество.

А у нас пока нет медикаментов, способных остановить заражение организма, особенно детского, тунейдством.

Вдруг найдутся в мире изверги, которым взбредет в голову страшная, ужасная идея изобрести препарат, введение которого в кровь ребенка сделает его (ребенка) неизлечимо ленивым?!

Ночи напролет часто не спал психоневропатолог Моисей Григорьевич Азбарагуз. Перед его мысленным взором вставали кошмарные картины распространения лени по нашей планете. Вот он видит какой-то большой поселок, где все дети выросли тунейдцами... а вот целый город наполнен бездельниками... магазины закрыты... не ходят автобусы, троллейбусы и трамваи... таксисты спят... пустуют театры, кинотеатры, стадионы... не работают бани... остановились заводы и фабрики...

Холодный пот выступал на огромном лбу ученого.

Моисей Григорьевич бросался к столу и торопливо писал страницу за страницей, убеждал, доказывал, приводил примеры и цифры, описывал невероятнейшие случаи заболевания ленью, давал советы детям и родителям...

Моисей Григорьевич спешил закончить свой научный труд как можно быстрее. Ведь он знал, что количество случаев заболевания ленью среди детей не уменьшается, а неуклонно растет и растет. Надо предупредить людей о грозящей им опасности!

ГЛАВА № 23

Высокий гость низенького роста

В главный штаб шпионской организации «Гроб и молния» специальным самолетом прибыл высокий гость. И хотя ростом он был ниже всех встречавших его на секретном аэродроме, гость считался высоким.

Высокий гость низенького роста был одет в черный мундирчик, но на головке у него красовалась белая детская панамка. На левой ножке у него был белый сапожок, на правой ножке — черный; на левой ручке белая перчаточка, на правой ручке — черная.

За высоким гостем низенького роста вышагивали три здоровенных субъекта, абсолютно одинаковых, одетых в серые полувоенные костюмы и в черных беретах. Голубые глаза их как бы застыли и как бы ничего и никого не видели.

Когда встречавшие военные отдали честь приближавшемуся высокому гостю низенького роста, он вскинул вверх сначала левую ручку, чертыхнулся, вскинул ручку в черной перчаточке и заорал:

— Майль!!!

Три субъекта, как три автомата, в точности повторили его движения, тоже чертыхнулись и рывкнули:

— Фиг майль!!!

— Господа! — сказал генерал Шито-Крыто. — Позвольте представить вам нашего дорогого и высокого по значению гостя. Это и есть знаменитый господин обер-фобергогердрамхамшнапсфюрер фон Гадке.

— Майль!!! — заорал высокий гость маленького роста.

— Фиг майль!!! Фиг майль!!! Фиг майль!!! — про-
рывкали три субъекта.

— А это мои любимые и в недалеком будущем тоже знаменитые гаврики, — с гордостью объяснил фон Гадке. — Я прихватил с собой лучшие образцы. Номер пятый, номер девятый и номер сорок седьмой. Такие экземпляры, вы себе представить не можете! — восхищенно, а вернее хвастливо, продолжал фон Гадке. — В багажник марш!

Три здоровенных субъекта-гаврика совершенно непонятным образом мгновенно оказались в багажнике автомашины и сами захлопнули крышку.

Несколько слов о высоком госте низенького роста.

Из всех шпионов мира у него самый маленький рост (93 см 26 мм) и самый длинный чин (оберфобергогердрамхамшнапсфюрер). Но в определенных кругах он больше известен под короткой кличкой Дядя Съем. Он уже давным-давно не шпионил, а являлся крупнейшим специалистом по молодняку, то есть по подготовке агентов с грудного возраста.

Именно этим и заинтересовался генерал Шито-Крыто.

— Мои гаврики будут лучшими диверсантами в мире,— хвастался по доро-

ге фон Гадке.— Они уже сейчас творят чудеса. Номер девятый, например, умеет зарываться в землю, как крот. Проходит под землей до трех-четырех метров в час. Номер пятый семьдесят две минуты под водой без акваланга и носа наружу не кажет! А номер сорок седьмой — буквально чудо из чудес! — без промаха стреляет из двух пистолетов одновременно в разные стороны. Пытается только сырым собачьим мясом, поэтому его ни одна собака не тронет. Парашют открывает, безобразник, всего в четырнадцать метрах от земли. Прыгает с восьмого этажа на асфальт.

— Меня особенно интересует, господин оберфобергогердрамхамшнапсфюрер, ваша работа с грудными младенцами. Вы первый в мире начали этот потрясающий научный опыт. Как пришла вам в голову поистине великолепная мысль о том, что подлинных шпионов надо начинать готовить именно с грудного возраста?

— Мною было замечено,— охотно ответил фон Гадке,— что с каждым годом вербовать на нашу работу людей все труднее и труднее. Возьмешь на службу вроде бы приличного негодяя, кормишь его, одеваешь, жалование выплачиваешь, учишь, но нет никакой гарантии, что он не струсит или не предаст. И наша шко-

да к тому же перестала выполнять план. Начальник Центрхалштаба барон Баран мне прямо заявил: либо план, либо вон. Да и заработки, надо отметить, упали. Ведь я получаю сдельно, то есть поштучно за каждого агента. И я решил: или найду новый, безотказный метод подготовки шпионов, или пулю в висок от позора!

— Великолепное решение! — воскликнул генерал Шито-Крыто, а польщенный фон Гадке продолжал:

— Кроме того, рушилась мечта моей жизни. Я ведь не собирался отправляться на тот свет, хе-хе, с пустыми руками. Я должен был преподнести человечеству что-нибудь такое, хе-хе, очень неприятное! И вот, раздумывая над новым методом подготовки шпионов, я обнаружил: до чего же много вокруг плохих детей! Мне попадались почти законченные этакие мерзавчики десятилетнего возраста! Начал работать — майн бог! — блестящие результаты!

— Я весь внимание, — прошептал генерал Шито-Крыто. — Продолжайте, пожалуйста, высокий вы гость! Где вы берете младенцев? Принцип отбора?

— Для нас это не проблема. Любой настоящий вояка считает за честь для себя отдать нам свое дите. Тем более, мы неплохо платим. Принцип отбора — просто здоровые экземпляры.

— А питание, питание, господин оберфобергогер-драмхамшнапсфюрер?

— Опять же очень просто. Получив младенца, мы сразу вставляем ему металлические зубы и даем мяса. Младенец покричит-покричит, попищит-попищит да и начнет жевать по принципу: голод не тетка, а дежурный ефрейтор, хе-хе, не бабушка. Дальше обычный воспитательный процесс: натравливание друг на друга, основы драки и слезки, обучение языкам. Широко применяем убеждение голодом, жаждой, поркой. До семи лет гаврики живут под открытым небом, закаляются, хе-хе.

— Я преклоняюсь перед вашим умом, — сказал генерал Шито-Крыто задумчиво. — Какая высочайшая степень обольванивания!

— Ну, это еще не все! — совсем хвастливо воскликнул фон Гадке. — Самое главное в том, что гавриками можно управлять по радио. Все просто. В возрасте пяти-шести месяцев мы делаем им треланадию-операцию черепа и вставляем в мозг тонюсенькие волосочки-ан-

тенночки. Сейчас наши ученые разрабатывают возможность вживления в организм гавриков передаточного устройства. Во будет дело!

— Низко склоняю перед вами свою голову, — произнес генерал Шито-Крыто, но даже и не пошевелился, и совершенно неподвижной осталась его огромная, без единого волоска голова, похожая на арбуз, футбольный мяч и глобус.

А головка фон Гадке, кстати, напоминала дыньку, на которой с трудом разместились, теснясь и мешая друг другу, круглые совиные глазки, острейший нос, широченный рот и длиннейшие уши.

Продолжение беседы состоялось в кабинете, где был накрыт большущий стол с множеством еды, а вокруг стояли пять слуг-солдат. Уши у них были заткнуты пробками, чтобы они не слышали ни слова. Командовал ими офицер Лахит. У него из ушей тоже торчали пробки, но можете быть уверены, что он слышал все до слова!

Генерал Шито-Крыто ел редко, потому что всегда был занят, но уж если он принимался за пищу, то уничтожал ее прямо-таки в нечеловеческих количествах. Подчиненные сплетничали, что у их шефа верблюжье устройство — внутренний этакий жировой блок, образовавшийся по типу верблюжьего горба, который позволяет ему длительное время обходиться без еды.

Зато фон Гадке ел при каждом удобном случае и тоже нечеловечески много, так как при его маленьком росте большую часть организмика занимал пищеварительный аппарат.

— Я могу быть уверен, господин генерал, что ни одно мое слово не уйдет дальше ваших ушей?

— Ни секунды не сомневайтесь, дорогой оберфобергогердрамхамшнапсфюрер! Один только вопрос для начала...

— Понимаю, понимаю, понимаю! — Фон Гадке долго хехекал. — Все мои новые знакомые всегда недоумевают по этому поводу. Сапожки и перчаточки у меня разных цветов потому, хе-хе, что я путаю правое и левое. Старость не радость. Склероз на почве повышенной умственной деятельности.

— А панамка?

— Она для того, чтобы я не забывал о своей главной миссии — о работе с детьми и борьбе с ними.

Хозяин и гость разговаривали, не переставая есть. Офицер Лахит и пять слуг-солдат едва успевали менять пустые тарелки на полные.

— Вы, конечно, догадываетесь, зачем я пригласил вас, — сказал генерал Шито-Крыто, удивившись, как фон Гадке моментально съел целого гуся. — Вы — единственный мой коллега и единомышленник во всем мире.

— Хе-хе! — удовлетворенно ответил фон Гадке и приступил к уничтожению жареного поросенка.

— Мы с вами первыми оценили роль детей в развитии общества, — возбужденно продолжал генерал Шито-Крыто, разделявая одновременно с бараньей ногой, курицей и несколькими салатами. — Во время последней большой войны вы исторически прославились тем, что специализировались на массовых избавлениях от подрастающего поколения.

— О да! Да! — радостно, вернее, хвастливо, воскликнул фон Гадке, положил в свой широченный рот цыпленка, жевнул и выплюнул на тарелку одни гладкие косточки. — Меня даже судили за это, но я, хе-хе, выкрутился. Точнее, меня выкрутили высокопоставленные друзья. Я спрятался в укромном местечке и писал ставшую затем знаменитой книгу «Сегодня — невинный младенец, завтра — твой враг». В ней я неопровержимо доказал, что дети наших врагов — наше главное зло, составил карту мира, на которой указал самые основные места скопления детей. Я считаю, что в детях — будущее любой страны, особенно развитой, значит, их надо своевременно, хе-хе, удалить подальше. Мы легко победим самого сильного врага, если предварительно расправимся с его молокососами и молокососками!

— Мудрейшие, мудрейшие, в высшей степени новаторские мысли! — искренне похвалил генерал Шито-Крыто, с завистью отметив, что такой высокий гость такого низенького роста ест во много раз больше него. — Я давно слежу за вашей деятельностью и безмерно восхищаюсь ею!

— Учтите, нам надо торопиться! — Фон Гадке ненадолго даже перестал жевать. — Ведь дети с каждым годом хоть понемногу, хоть не все, но умнеют. Надо торопиться, пока дети наших врагов еще валяют дурака, учатся на тройки, не уважают старших, обижают младших, капризничают и бездельничают. Конечно,

если бы случилось такое милое чудо, как новая большая война, мои бы гаврики запросто расправились с любым количеством детей. Они, мои гаврики, обожают их, детей, уничтожать!

Стол опустел.

— Не угодно ли отдохнуть, господин оберфобергердрамхамшнапсфюрер? Вы с дороги...

— О, с удовольствием! Не забудьте приказать моему номеру сорок седьмому...

— Не извольте беспокоиться. Он съел уже двух щенков.

Проводив высокого гостя низенького роста отдыхать, генерал Шито-Крыто выпил семнадцать бутылок минеральной воды и стал думать.

Да, как он и предполагал, фон Гадке в принципе мыслит правильно, хотя и довольно ограниченно. Он угадал главного врага — детей. Но методы по работе и борьбе с ними он предлагает устаревшие — убивать, убивать, убивать...

Так дело не пойдет!

Развязать обычную большую войну — еще неизвестно, удастся или нет. Поэтому «Гроб и молния» задумала нечто куда более оригинальное, коварное и результативное...

Изобрети фон Гадке гавриков раньше, цены бы им не было. К сожалению, сейчас они могут выполнять только грязную работу — убивать, убивать, убивать... Они ведь всего-навсего болваны, каким бы способом ими ни управляли, пусть и по радио...

Шпиончики — гуд буд! — другое дело.

У них хоть маленькие, да свои мозги. ПОПРОБУЕМ ИХ, ШПИОНЧИКОВ, В ДРАКЕ С ГАВРИКАМИ! Проверим: кто — кого?

И самый важный вопрос: как быть с фон Гадке? Старик уже путает правое и левое. В любой момент его могут отправить в отставку, и тогда какой-нибудь барон Баран из Центрхашштаба пустит гавриков в дело, всполошит весь мир и сорвет операцию «Братцы-тунеладцы»! Тем более, генерал Шито-Крыто не хочет иметь соперника и даже соратника в работе с детьми и в работе по уничтожению их.

Он желает один во всем мире действовать против всех людей! Этим закрепить свое имя в истории.

Ведь это мечта его жизни!

Но как-то не учитывал генерал Шито-Крыто, что оберфобергогердрамхамшнапсфюрер фон Гадке тоже мечтает сделать человечеству огромную пакость. И что объект его подлых замыслов — тоже дети.

И самым, пожалуй, опасным во всей этой ситуации было то, что ни генерал Шито-Крыто, ни фон Гадке не могли изменить своей мечте.

Это были матерые, опытные, упорные, убежденные, принципиальные, вдохновенные враги детей. Они были крупнейшими в мире специалистами по борьбе с подрастающим поколением.

Явился офицер Лахит, доложил:

— Шеф, Стрекоза сообщила о благополучном прибытии на место задания.

— Подробности нет?

— Надеюсь получить их в самое ближайшее время.

— Господин Лахит, — сказал генерал Шито-Крыто, — я, конечно, знаю, что от тебя ни слова правды не добьешься. Напоминаю: если ты вздумаешь обмануть меня...

— Не беспокойтесь, шеф. Я не такой дурак.

— Тогда — брысь!

Генерал Шито-Крыто нежно погладил свою огромную, без единого волоска голову. Она обязательно придумает, как быть с господином оберфобергогердрамхамшнапсфюрером! Если он путает правое и левое, то и еще что-нибудь напутает! Уж мы-то позаботимся об этом! А гавриков мы у него, хе-хе, отберем! Авось пригодятся...

ГЛАВА № 24

Полковник Егоров и агент БХ-000 на рыбалке

Полковник Егоров сказал:

— Нам важно получить от вас твердое и искреннее согласие. Остальное — работа, в которой у вас величайший опыт. Вы будете действовать в знакомой обстановке. Мы создадим вам для подготовки все условия. Вам сделают пластическую операцию лица, и родная мать вас не узнает.

— Родная мать меня, конечно, не узнает, потому что не видела меня больше тридцати лет, — грустно сказал БХ-000. — Но врач Супостат, мой приятель, узнает меня за милую после любой операции. Да и Шито-

Крыто обмануть трудно, практически почти невозможно. Мне надо подумать. Скорей всего... не знаю... не уверен...

Полковник Егоров и не торопил его. Дело замыслили сложное и рискованное: заслать БХ-000 обратно, в самый центр бывшей организации «Тигры-выдры», чтобы узнать, что из себя представляет «Гроб и молния» и что это за операция «Братцы-тунеядцы»?

Была ли у полковника Егорова достаточная уверенность в том, что БХ-000, вернее, Фонди-Монди-Дунди-Пэк, не подведет, очень мягко выражаясь? Была. Он ведь хорошо знал не только шпионскую породу, но и людей. И он понял, что БХ-000 — персона довольно необычная среди разных Бугемотов, Канареечек и Мау. Раскусить его было не так-то просто, но полковник Егоров умел находить к каждому человеку совершенно неожиданный для того подход.

Он решил взять Фонди-Монди-Дунди-Пэка на рыбалку. Не подумайте, что это был опрометчивый или просто неразумный, недостаточно обдуманный или рассчитанный на авось поступок.

Нет, все было тщательно выверено, проверено, согласовано. Приняты были все меры предосторожности.

Последнее имя БХ-000 было Иван Иванович, и полковник Егоров предложил:

— Мы едем с вами на самую обыкновенную рыбалку и давайте на время станем самыми обыкновенными рыбаками. Вы Иван Иванович, я Константин Иванович. Проветримся, природой нашей полюбуемся, упицу сварим на костре, чайку попьем с дымком и побеседуем в неофициальной обстановке на темы жизни. Согласны?

— Зачем вам это, господин полковник? — поразился БХ-000. — Матерый шпион на рыбалке — это, я понимаю, оригинально, но зачем? К природе я равнодушен, к рыбалке — тем более, а разговариваю я всегда одинаково — в любой обстановке.

— Едем на двое суток, Иван Иванович, — весело сказал полковник Егоров. — Мне с вами приятно иметь дело. Вы опытный специалист, мне есть о чем вас спросить. Если хотите, то я испытываю к вам своеобразное уважение. В конце концов, вы не пропащий человек в отличие от ваших приятелей-предателей, как вы их называете. Они-то больше ни на что не годятся.

Мечтал когда-то БХ-000 иметь свою моторную яхту, а сейчас вот на чужой моторной лодке в чужой стране ехал, смешно подумать, на рыбалку!

Все было так, как бывает в подобных случаях: солнце еще не село; над водной гладью царил предвечерний покой; тишину нарушал только ровный гул мотора.

— А если я предам вас? — неожиданно спросил Фонди-Монди-Дунди-Пэк.

— Вряд ли...

— Почему вы так уверены?

— Во-первых, я уверен не до конца, а во-вторых, я немножко разбираюсь в людях, в-третьих, у нас с вами есть время подумать... А вон и наше местечко. Тут мы и остановимся.

И уже через несколько минут над обрывом запылач костер, и полковник Егоров, вернее, просто рыбак Константин Иванович, стараясь не торопиться и не суетиться, недалеко устанавливал удочки. Он умел и любил ловить не только шпионов, но и рыбу. Между нами говоря, рыбу он любил ловить даже больше.

А Фонди-Монди-Дунди-Пэк ненавидел и боялся самого слова ловить, потому что его самого ловили всю жизнь. Он же ни разу не держал в руках удочки. Рыбу он видел только жареную, маринованную, заливную, вареную, копченую, соленую, в консервах, а живую — лишь в аквариумах.

Он сидел на берегу, смотрел на воду и думал. Мысли его были невеселые и тревожные. Не то чтобы он уж очень боялся генерала Шито-Крыто или не был способен на большой риск. Грустно ему было оттого, что он все-таки зря прожил жизнь. А тревожно ему было оттого, что жить осталось не так уж много. И стыдно ему еще было. И признаться во всем этом самому себе на старости лет — ох и эх, ах как не сладко!

— Иван Иванович! — позвал Константин Иванович. — Возьмите удочку! Авось повезет! Клев начинается!

Фонди-Монди-Дунди-Пэк отнесся к этому предложению, как к приказанию, послушно взял удилище и стал равнодушно смотреть на поплавок.

А Константин Иванович вытаскивал рыбку за рыбкой. Фонди-Монди-Дунди-Пэк косил глазами в его сторону, с неприятною чувствуя, что в душу настойчиво

пролезает какое-то беспокойство. Потом к беспокойству примешалась зависть, и все это превратилось в неожиданное и нелепое желание — тоже выдернуть рыбку из воды!

Просто так, конечно, для интереса.

И когда поплавок запрыгал, сердце старого шпиона тоже запрыгало. Он схватился за удилище обеими руками и дернул что было сил.

По тому, как пружинно натянулась леска, ему показалось, что на его червяка клюнул по меньшей мере кит средних размеров. Но на крючке оказался малявочный ершик. Он улетел далеко-далеко в траву, и бывший БХ-000, который впервые сам ловил, а не его ловили, кинулся за ершиком прыжками и в великолепном броске, будто заправский вратарь, накрыл ершика своим телом.

Он сжимал рыбешку в ладонях и бормотал, морщась от укусов плавничками:

— Попался... попался... не уйдешь... не уйдешь...

Константин Иванович помог ему насадить нового червяка и посоветовал:

— Спокойнее. Не дергайте и сами не дергайтесь.

Но Фонди-Монди-Дунди-Пэк весь трясся от нетерпения. Он забыл обо всем на свете, кроме поплавка. Ему, начинающему рыболову и заканчивающему свою деятельность шпиону, хотелось еще раз пережить то острое и одновременно блаженное ощущение, когда кажется, что крючок заглотил по меньшей мере кит средних размеров.

И тут же подумалось, что у него не хватит сил выдержать такое нервное напряжение...

— Еще хочу... хочу еще... еще... еще... — бормотал он, до боли в глазах уставясь на поплавок.

Едва поплавок шевельнулся, начинающий рыбак Фонди-Монди-Дунди-Пэк двумя руками дернул удилище и своими собственными глазами увидел, как в воздухе сорвалась с крючка рыба — раз в двадцать больше того, первого, ершика!

Она с шумом плюхнулась в реку, а бывший шпион едва не бросился за ней, упал на траву и забормотал:

— Я так не могу... я так не хочу... научите меня... проинструктируйте... проконсультируйте...

— Говорил я вам, спокойнее, не дергайте и не дергайтесь, — сказал Константин Иванович. — Возьмите се-

бя и удилще в руки. Не тряситесь. Помогу, научу, проинструктирую, проконсультирую, — весело пообещал Константин Иванович.

— Вы привыкли ловить. Вам легче.

— Рыбу будете ловить не хуже меня.

Вторую и третью рыбку Фонди-Монди-Дунди-Пэк вытащил уже почти по всем правилам. Сам он все еще дергался и трясся, но удилищем орудовал относительно спокойно.

«Господи, какой же я был дурак! — думал он, жадно следя за поплавком. — Научи меня кто-нибудь раньше рыбачить, и я бы ловил, а не меня ловили!»

Он стоял на берегу с удочкой в руках до тех пор, пока мог разглядеть своими зоркими шпионскими глазами поплавок.

Котелок уже висел над костром. Пахло лавровым листом и перцем.

— Мы и завтра будем рыбачить? — с надеждой спросил Фонди-Монди-Дунди-Пэк.

— Обязательно. Затем и приехали. Завтра на так называемой утренней зорьке клев будет отменный.

— А сегодня мы на чем ловили?

— Сегодня на так называемой вечерней зорьке. Вот отправляйтесь-ка на задание, выполняйте его, возвращайтесь и рыбачьте себе на здоровье. Характер у вас, Иван Иванович, рыбацкий — азартный. Отличным можете стать рыбаком.

Сначала они ели уху. Такой вкусноты Фонди-Монди-Дунди-Пэк не пробовал ни разу в жизни. Он обсосал все косточки и даже чешуйки с пальцев слизнул. Ему верилось, что те рыбки, которые он ел, именно он и поймал.

Потом они пили чай, пахнувший дымком и с угольками. Бывший БХ-000 выпил четыре кружки. Он все поглядывал на часы, торопя наступление так называемой утренней зорьки.

Впервые в жизни, сидя в лесу у ночного костра, Фонди-Монди-Дунди-Пэк ничего не боялся. Ведь впервые в жизни его не ловили (хотя бы потому, что уже поймали). Не надо было опасаться, удачно ли спрятан парашют, не надо было бояться чихнуть или кашлянуть. Не надо было вздрагивать от каждого шороха и поминутно хвататься за оружие.

И дров в костер можно было подкладывать сколько

угодно: пылай, пылай, ведь никто тебя не выслеживает!

— Неужели, господин полковник, вы настолько уверены во мне, что будете спать?

— Не знаю, как господин полковник, а рыбак Константин Иванович будет, как говорится, дрыхнуть за милую душу. Чего и вам желает, уважаемый Фонди-Монди-Дунди-Пэк!

Но бывший БХ-000 заснуть не мог. Он лежал на хвойных ветках, смотрел в звездное небо и ждал так называемой утренней зорьки.

«Наплевать мне на все,— думал он,— мне бы только поймать хоть несколько рыбок!»

Костер погас, и он пошел собирать сучья. Отойдя далеко в сторону, Фонди-Монди-Дунди-Пэк остановился, оглянулся... вздохнул и начал собирать хворост.

Вот и снова вспыхнул огонь... Некуда тебе бежать, БХ-000! Не к кому тебе бежать, Фонди-Монди-Дунди-Пэк! Один ты во всем мире. Никому ты не нужен. Никого у тебя нет. И ничего тебе больше не надо. Одно у тебя осталось — возможность хоть немного загладить свою вину перед людьми и порыбачить!

— Господин полковник... — прошептал он. — Я согласен. Я отправляюсь в «Гроб и молнию» с вашим заданием.

— И прекрасно,— сквозь сон ответил полковник Егоров, зевнул и, честно говоря, очень удовлетворенно захрапел.

Конец пятой части

Часть шестая
под названием
«ВСЕ ИДЕТ СВОИМ ЧЕРЕДОМ»

ГЛАВА № 25

**Появление агента Стрекозы в кабинете
психоневропатолога М. Г. Азбарагуза**

Три дня и три ночи не отходил психоневропатолог Моисей Григорьевич Азбарагуз от постели больного Толика Прутикова.

Одиннадцать врачей уже семь раз обсуждали опасное заболевание мальчика и не пришли ни к какому окончательному выводу.

И однажды, когда Моисей Григорьевич после очередного осмотра и изучения всевозможнейших анализов в большом бессилии упал на диван в своем кабинете, старший санитар Тимофей Игнатьевич посоветовал прямо-таки загобным голосом:

— Воздух надо из выдающегося человека регулярно откачивать или — еще, конечно, лучше — выпороть.

— Ненаучно это, — еле слышно ответил Моисей Григорьевич. — Притом окончательный диагноз еще не поставлен.

— Но выпороть-то никогда не вредно! Это вроде санитарной обработки будет. Отец мой, ныне, правда, покойный, возьмет, бывало, ремень, позовет меня — а я у него самый любимый, самый послушный сын был — и скажет: «Хорошо ты, Тимофей, себя ведешь, просто приятно на тебя посмотреть моим родительским глазам. Усилада ты моему отцовскому сердцу. Но, чтобы ты и впредь не испортился, давай-ка мы тебе небольшое наказание организуем». А слово отца — закон для сына. Получал я некоторую профилактическую порцию. Это и с воспитательной точки зрения полезно, а с медицинской — так тем более: кровь разгоняет, нервы успокаивает.

— Не могу же я в своем научном труде написать: рекомендуемый метод лечения — порка?!?!?!?

— А вы и напишите по-научному. Не порка, а специальная санитарная обработка задней поверхности организма медицинским стерильным ремнем. Ясно, понятно и научно.

— Я готов поверить даже в то, — сдерживая чисто научное раздражение, сказал Моисей Григорьевич, — что рекомендуемая вами специальная санитарная обработка задней поверхности организма изредка может быть и полезна для здорового ребенка. Но Толик болен! Опасно болен! Наконец, загадочно болен!

— Потому ведь и заболел, что, когда был здоров, его ни разу по задней поверхности санитарно не обрабатывали! — убеждал старший санитар Тимофей Игнатьевич. — Сидит, извините за ненаучное выражение, балбес на постели, в зеркало уставился, сам собой любит и всех дураками, даже меня, считает! А я бы зеркало у него отобрал, кормить бы перестал и выпрол бы!.. То есть, виноват, санитарно обработал... А почему воздух из него откачивать нельзя?

— Потому что деформируется кожа. Появятся глубокие морщины и складки. Оставьте, пожалуйста, меня.

Старший санитар Тимофей Игнатьевич, с сожалением глядя на очень взволнованного и истомленного Моисея Григорьевича, проворчал:

— До того детей распустили, что не поймешь, где психическое заболевание, а где — дурость обыкновенная. Все оттого, что не применяют методов физического воздействия на организм. Вот смотрю я сейчас — после Толика Прутикова — на толстых и думаю: не сумасшедшие ли?

Настроение у Моисея Григорьевича, и без того нерадостное, вконец испортилось. Он прилег на диван и неожиданно для себя крепко заснул. Сколько он проспал, неизвестно, но проснулся он так же неожиданно, как заснул. Моисей Григорьевич вскочил, забегал по кабинету, чувствуя, что его разбудила какая-то интереснейшая мысль. Он заставил себя сесть, сосредоточиться и — чуть не вскрикнул; бросился в коридор, стремительно прошел в соседнюю комнату, где находился Толик, распахнул дверь и заговорил:

— Итак, мы отказываемся лечить тебя! Ты, как мы и предполагали, болен острейшей формой мании вели-

чия — манией дутикой. Наши исследования показали, что ты являешься не выдающимся человеком, а зазнайкой. В недалеком будущем тебя, может быть, ожидает мучительная смерть. От непрерывных раздуваний и отдуваний твой организм день ото дня слабеет. Кожа и внутренние органы вступили в стадию деформирования. Выпускай из себя воздух, становись нормальным! Иначе не доживешь до начала учебного года.

Даже в коридоре слышно было, как возмущался Толик, как кричал, плакал, кому-то чем-то грозил.

А Моисей Григорьевич, очень заметно взволнованный, попросил принести из «комнаты смеха» городского парка культуры и отдыха зеркало. Знаете, бывают такие: смотрит в зеркало нормальный человек, а в зеркале — уродище, и человеку это, представьте себе, смешно. А смешно человеку, видимо, оттого, что он по сравнению с уродцем в зеркале — прямо-таки красавец из красавцев!

Когда Толик, накричавшись, наплакавшись и нагрозившись, уснул, обыкновенное зеркало, в котором он любовался самим собой, заменили зеркалом из «комнаты смеха».

По научному замыслу Моисея Григорьевича больной должен был настолько испугаться своего отображения, поверив, что он такой и есть на самом деле, что ему, больному, захочется стать нормальным, — а это уже проблеск сознания!

Размышления ученого прервал старший санитар Тимофей Игнатьевич:

— Там к выдающемуся человеку посетители пришли. Старичок Николай Степанович Уткин и его внучка Ниночка. Сказывают, что подарочек ему принесли.

— Объясните им предельно вежливо, что сегодня к больному нельзя. Пусть приходят хотя бы послезавтра.

Повернувшись к дверям, Моисей Григорьевич упустил тот самый момент, когда Толик проснулся и начал быстро-быстро надуваться.

Увидев себя в зеркале из «комнаты смеха», он закричал:

— Это не я!

Не я это!!

Я не это!!!

Не воображай, не воображай, не воображай! —

громко зашептал Моисей Григорьевич. — Не зазнавайся, не зазнавайся, не зазнавайся! Быстрее отдувайся! Отдувайся быстрее! Иначе смертельный исход! Исход смертельный иначе!

Толик с ужасом смотрел, как страшное существо в зеркале повторяло все его движения, вскрикивал:

— Не я!

НЕ Я!!!

НЕ Я!!!

И потихоньку начал худеть.

— Быстрее!

Быстрее!!

Еще быстрее!!! — командовал Моисей Григорьевич. — Худей, отдувайся! Отдувайся, худей! Иначе — клиническая смерть!

Толик стал худеть все быстрее и быстрее, и наконец Моисей Григорьевич воскликнул:

— Победа! Победа! Научная победа!!! **ПОБЕДА НАУЧНОЙ МЫСЛИ!!!**

— Какая победа? — удивленно спросил Толик. — В чем дело?

Закрыв собой зеркало из «комнаты смеха», Моисей Григорьевич показал Толику на обычное зеркало и торжественно произнес:

— Иди, взгляни на себя. Ты совершенно здоров. При помощи научной мысли мы победили опаснейшую болезнь. Ты вновь стал нормальным ребенком.

— А какой я был?

— Вот какой! — Моисей Григорьевич разложил перед ним ворох фотографий, на которых в разных позах красовался раздутый самомнением Толик.

Пока он, не веря своим глазам, рассматривал фотографии, санитары унесли зеркало из «комнаты смеха» и отправили его в городской парк культуры и отдыха.

— Теперь тебе ничего не грозит, ты снова будешь жить и учиться! — возбужденно говорил Моисей Григорьевич. — Сейчас тебе необходим куриный бульон! Идем!

Моисей Григорьевич распахнул перед ним дверь своего кабинета и приказал изумленному старшему санитару Тимофею Игнатьевичу:

— Порцию куриного бульона! Срочно!

Собрав силы, Толик с трудом встал, пошатнулся, еле-еле удержался на ногах и нетвердыми шагами направился к выходу.

— Чем же я болел? — спросил Толик. — Я ничего не помню.

— И — очень хорошо! Значит, болезнь прошла бесследно. А ведь временами она казалась мне неизлечимой. Теперь же все позади!

Старший санитар Тимофей Игнатьевич принес бульон и сказал Толику:

— Тут тебе подарочек посетители просили передать. Шоколадную плиточку. Сами они послезавтра придут.

— Нет, нет! Сладкое потом! Сначала — бульон!

Где-то раздался звук, похожий на пистолетный выстрел. Толик ничего не слышал, а Моисей Григорьевич настороженно вытянул шею.

Старший санитар Тимофей Игнатьевич быстро вышел.

Не успел Толик допить бульон, как вдруг дверь распахнулась, в кабинет вскочила девочка в голубом платье с пистолетом в одной руке и с черной сумочкой — в другой.

Девочка приказала:

— Руки вверх! Ни с места! Стреляю без предупреждения!

Она закрыла дверь на ключ.

— Позвольте, позвольте, позвольте! — возмутился Моисей Григорьевич. — Я тебя, маленькая негодница, научу вести себя...

Девочка подпрыгнула и ударила его рукояткой пистолета в живот.

Психоневропатолог рухнул на пол.

Толик схватил тарелку (больше под рукой ничего не было), но успел лишь замахнуться.

Девочка оглушила его ударом рукоятки пистолета по голове и забралась на подоконник.

ГЛАВА № 26

Шпионы помогают ловить шпионов

— Остановите машину! Остановите машину! — просил Фонди-Монди-Дунди-Пэк. — Или у меня что-то с головой, или с глазами, или... но...

Машина остановилась, и полковник Егоров предположил:

— Вполне возможно, что солищем наекло. А в чем дело?

— Мне показалось... но этого быть не может... Я видел генерала Батона!

— То есть бывшего генерала Батона? — внешне невозмутимо спросил полковник Егоров. — Ведь он разжалован в рядовые. Где же вы его видели?

— Около больницы... вот сейчас проехали...

Полковник Егоров снял с рычага трубку, заговорил:

— Я «пятнадцатый». Оперативную группу к областной психиатрической больнице. Остановиться у магазина «Электротовары». — И приказал шоферу: — К больнице!

— Не может быть, чтобы я ошибся, — нервно бормотал бывший БХ-000. — Я его слишком хорошо знаю. Не за мной ли он прибыл?

— Сейчас разберемся. Рыбку вы ловить научились. Теперь и шпионов ловить научитесь.

Машина остановилась.

У подъезда больницы разговаривали старик с небольшой козлиной бородкой и девочка в голубом платье с черной сумочкой в руках.

— Это... Батон! — дрожащим голосом выговорил Фонди-Монди-Дунди-Пэк. — А девочка, верно, с площадки молодняка. С ней осторожнее, очень осторожнее!

— Спокойнее, спокойнее, никуда они не денутся, если это они. — Полковник Егоров снял трубку: — Я «пятнадцатый». У подъезда больницы старик и девочка. Будьте наготове. Если побегут, действуйте самостоятельно. Если я сниму кепку, сразу ко мне. С девочкой осторожнее. В том смысле, что она опасна.

(Неудобно мне, даже уже и не рядовому запаса, а просто негодному к военной службе, критиковать полковника, но как автор я имею право сделать ему замечание. Полковник Егоров все любил делать сам и часто рисковал своей жизнью. Вот меня и спросят: почему я разрешаю ему это делать? А я отвечу, что я за него не отвечаю. Он полковник, ему виднее.)

Полковник Егоров вышел из машины и, делая вид, что рассеянно смотрит по сторонам, направился к подъезду больницы.

Шел он вразвалочку, засунув руки в карманы, да-

же зевнул — совсем натурально — два раза, сразу видно: устал человек, идет к себе домой.

И никогда бы ничего бы не заподозрил в такой обстановке бывший генерал Батон и агент Муравей, а в данный момент дедушка Николай Степанович Уткин. Идет к ним человек в резиновых сапогах — рыбак или охотник, — чего тут особенного?

Зато младший сержант Стрекоза, она же внучка Ниночка, которую с малых лет воспитывали как злобного зверька, сразу унюхала опасность и зоркими глазами разглядела, кто остался в машине. Она раскрыла черную сумочку, где лежал пистолет.

Муравей шепнул:

— Закрой ты... сумочку!

— Иди к машине, — шепнула она, — там ЫХ-три нуля! Стреляй без предупреждения! Иди, тебе говорят!

И тут не выдержали нервы у Фонди-Монди-Дунди-Пэка. Он понял, что сейчас будут стрелять, и решил, что опасность грозит полковнику Егорову. ЫХ-000 выскочил из машины, и Стрекоза, не целясь, выстрелила.

Он схватился за плечо и упал с криком:

— Не отпускайте ее!

Муравей, не ожидая приказаний, поднял руки вверх и сказал в сердцах:

— Фарата ыра! (Какая дура!)

Полковник Егоров с товарищами скрылись в подъезде вслед за Стрекозой.

Протягивая руки для наручников, Муравей бормотал:

— Нон агента, ава... (Не агент, а...)

Фонди-Монди-Дунди-Пэк сразу, так сказать, после рыбалки угодил в больницу.

А Муравей сидел в машине и болтал:

— Нисколько не жалею, что попался. Все равно родители меня домой не пускают. До генерала при Шито-Крыто мне не дослужиться. Зато сейчас он лопнет от злости. Представляю его мерзкую физиономию, когда он узнает, что его любимая Стрекоза влопалась! Правда, живой вам ее не взять. В крайнем случае, она сама себе глотку перегрызет,

Раздалось несколько выстрелов.

— Стреляет она здорово, — продолжал болтать Муравей, — и патронов у нее достаточно. Не завидую я вашим работникам.

Здание оцепили. Все ходы и выходы были перекрыты. Стрекоза остановилась на карнизе между двумя окнами на высоте четвертого этажа, прижавшись спиной к стене.

— Чего я только в жизни не видел... — говорил полковник Егоров. — Но вот девочку-шпиона... Хоть глазам своим не верь. Сейчас все спокойненько обдумаем. Давайте как на рыбалке — не дергать и не дергаться.

Моисей Григорьевич сидел на диване, постепенно приходя в себя, и бормотал:

— Вот это удар... вот это кошмар... сумасшедший дом, а не психиатрическая больница...

Полковник Егоров отдавал приказания:

— Установите на подоконнике радиодинамик. Подключите микрофон. Приведите арестованного... Моисей Григорьевич, вам лучше уйти отсюда. А тебе, Толик, везет на шпионов, они вокруг тебя так и бегают.

Когда Моисей Григорьевич и Толик ушли, ввели Муравья.

— Господин генерал, — обратился к нему полковник Егоров, — передайте вашей очаровательной напарнице наше предложение сдаться. Я пытался с ней говорить, но она или не слышит, или не желает отвечать. Объясните ей, что ее положение совершенно безвыходно.

— К сожалению, я всего-навсего бывший генерал, а ныне я просто агент Муравей и нахожусь под командованием младшего сержанта Стрекозы, чтоб ей пусто было, между нами говоря. Она ни за что не сдастся. Она и не знает, как это делается, зачем и, вообще, что это такое. Она будет отстреливаться до последнего патрона, а последний всадит в себя, да так метко, что тут же испустит свой шпионский душок.

— И все-таки поговорите с ней. Вот микрофон.

Батон заговорил (привожу дословный перевод):

— Стрекоза, благодаря твоей тупости и глупости, кровожадности и психопатству, мы попались. Слава богу, я уже в наручниках, и на душе у меня благодать. Кончай базар, бросай пистолет, иди сюда, и все будет в порядке. Дадут фруктовки.

В ответ Стрекоза раскричалась (ругательства не перевожу):

— Хрычо фуренти! У меня достаточно патронов! Айм добл найн! Пусть только высунутся! Ферг морг

гарди! И чтоб я больше не слышала твоего гнусного голоса! Предатели! Эссенто аро фаг! Я и в тебя должна вцепить пулю, барритиг финик долдо!

Она еще долго кричала, голос часто срывался на визг, и Батон морщился и виновато смотрел на полковника Егорова, так как слышал одни сплошные ругательства, которые и переводить-то было стыдно.

Наконец Стрекоза умолкла, будто задохнулась от алобы.

Выслушав перевод, полковник Егоров проговорил:

— Ругается она здорово. А сколько времени она может вот так простоять на карнизе?

— Теоретически — пока не умрет. Практически — недели полторы, чуть больше. Живой ее все равно не взять, поверьте мне. Я эту публику знаю, сам работал на площадке молодняка. Зачем она вам?

— Это уж наше дело. Будем ждать ночи. Приготовьте сетку, прожекторы и сирены. Вызовите еще людей. Будьте предельно осторожны.

— И приготовьте крепкий мешок, — посоветовал Батон. — Если вы каким-то чудом схватите эту чертову Стрекозу, без мешка вам придется туго. Она ведь еще и кусается и царапается. А уж как она дерется... класс!

ГЛАВА № 27

Драка гавриков и шпиончиков

Агент Стрекоза сообщила, что задание выполняется успешно: БХ-000 обезврежен, найден след Толика Прутикова, агент Муравей работает отлично.

Генерал Шито-Крыто удовлетворенно откинулся в кресле и даже прорычал свою любимую песенку:

Ея, цвай, труа!
Все на свете трын-трава!

Эх, если бы у него была возможность поспать! Ему бы не понадобилось мягкой постели: спать он может сидя, стоя и даже на ходу. Но спать нельзя! Надо работать, работать и работать! Иначе все мечты так и останутся мечтами.

План операции «Братцы-тунеядцы» почти готов. Вот он. Сто три толстые палки. Скоро, скоро исполнится заветнейшая мечта генерала Шито-Крыто, испол-

нение которой когда-то началось с «пустяка», когда он предал свою родную маму. Ха, скоро он предаст сотни, тысячи, миллионы мам!

Генерал Шито-Крыто от радости заподпрыгивал в кресле, выкрикивая:

— Ах! Ух! Их!
Ух! Эх! Ах! Ух!

Неизвестно как возникший в кабинете офицер Ляхит выждал, когда начальство кончило подпрыгивать, и доложил:

— Шеф, в приемной оберфобергогердрамхамшнапс-фюрер!

— Просите! Сейчас он у меня попрыгает!

— Майль! — проорал еще с порога фон Гадке. — Я прекрасно отдохнул! А как вы, господин генерал?

— О, я бы никогда не стал генералом, если бы позволял себе отдыхать! Это мне не положено. Столько дел! Тем более в момент пребывания вас у нас. Я вот тут сидел и напряженно думал, как с наибольшей для себя пользой использовать ваш долгожданный визит к нам? Не упустить бы чего из вашего наипценнейшего опыта по работе и борьбе с детьми.

— Располагайте мной, моими знаниями и опытом как вам угодно. А я с глубоким интересом ознакомлюсь со всем, что вы сочтете возможным мне продемонстрировать. Больше всего меня, конечно, интересует площадка молодняка. Мне так и не терпится сравнить ваших шпиончиков с моими гавриками.

— Мне тоже не терпится сравнить наши кадры! — И генерал Шито-Крыто пригласил высокого гостя низенького роста следовать за собой.

Увидев любимого начальника, двадцать восемь шпиончиков подняли такой воистину неопиcуемый гвалт-писк-рев-вой с галдежом, что дежурный офицер на полторы минуты включил пожарный брандспойт. Под струей холодной воды шпиончики присмирели.

Фон Гадке сказал с искренним уважением:

— Содержите вы их великолепно. Но простите меня... — Он не сдержал откровенной усмешки. — Ваши шпиончики еще слишком малы. Мои молодчики раздлаются с ними в айн, то есть в один, момент.

— Очччччен! Сом! Не! Ва! Юсь! — резко ответил генерал Шито-Крыто. — Я им никогда не говорю, что

они маленькие. Они и не подозревают об этом! Согласны вы или нет померяться кадрами?

— Простите меня, извините, но... я не понимаю...

— Зато я все понимаю, господин обергогер... не помню, как там дальше! Если вы боитесь за своих болванов, отменим драку! Вот и все!

— Я боюсь за моих болванов, то есть гавриков?!?!?! — заикаясь от возмущения, заорал фон Гадке. — Да мои болваны да ваших шпиончиков... да ваших шпиончиков да мои гаврики...

— Ваши условия! — рявкнул генерал Шито-Крыто.

— Поймите! Вы! Мои три гаврика из ваших двадцати восьми шпиончиков быстренько сделают двадцать восемь истерзанных трупиков!

— Тогда так им и надо. Значит, плохие экземпляры. Ваши категорические условия, повторяю?

— Какие могут быть, хе-хе, условия? Пусть дерутся до победного конца. Выпускайте своих, а я, опять хе-хе, своих. Ей гот, мне смешно!

— Вам смешно?!?!?!?! — Генерал Шито-Крыто побагровел, посинел и, став совершенно зеленым, проговорил: — Вон там яма. Ваши болваны скидывают туда моих шпиончиков. Если скидают всех живыми или мертвыми, вы победили со счетом двадцать восемь : ноль. Если мои шпиончики загонят ваших болванов в клетки и закроют на висячие замки, вы проиграли со счетом ноль : три. Драку не останавливать. Время драки не ограничивать. Ничьей быть не может.

— Прекрасно! Договорились! Замечательно! Зэргутно! О майн бог! Начинаем! — Фон Гадке в нетерпении переступал ножками, обутыми в сапожки разных цветов, и потирал ручки, одетые в разных цветов перчатки. — Я вам не завидую! Я вас жалею!

— Я тоже вам не завидую, но зато сочувствую! Мы еще не договорились о награде победителю.

— Вы платите мне полную стоимость трех штук гавриков!

— Не согласен! Я плачу вам полную стоимость трех штук гавриков в тройном размере! А если победят мои кадры, вы отдаете мне своих болванов бесплатно.

Фон Гадке обомлел, еще шире раскрыл свой широкий рот; длиннейшие фонгадские уши зашевелились, совиные глаза заморгали, и только острейший нос оставался неподвижным.

Испугались? — очень насмешливо спросил генерал Шито-Крыто. — Я знал, что в последний момент вы струсите!

— Никогда! — Фон Гадке топнул ножкой, обутой в белый сапожок. — Ни за что! — Он топнул ножкой, обутой в черный сапожок. — Я согласен на ваши условия! Начинаем! — Он достал из карманчика радиопередатчик и приказал: — Номер пятый, номер девятый, номер сорок седьмой, ко мне бегом марш!

А генерал Шито-Крыто подошел к клеткам и совершенно спокойно заговорил:

— Слушайте меня внимательно. Дело пахнет крупной потасовкой и фруктовкой по бутылке на каждого. Сейчас сюда явятся три болвана-субъекта. Они вас будут жестоко бить и скидывать в хорошо известную вам яму с очень грязной и очень холодной водой. А вы должны их, субъектов-болванов, загнать в клетки и закрыть на висячие замки. Повторяю, каждый получит по бутылке фруктовки, а может быть, и по котлетке.

Шпиончики взвыли от восторга.

На площадке появились три гаврика, рывкнули:

— Фиг майль!

— Сам фиг! Сам фиг! — задразнились шпиончики. — Сам фиг!

— Дай им время разозлиться! — приказал дежурному офицеру генерал Шито-Крыто. — О ходе драки докладывать мне регулярно, но не слишком часто. Господин оберфоберхамдрам... Дальше забыл! Я пошел. У меня нет времени любоваться победой моих шпиончиков. Не желаю вам успеха. Всего вам самого наилучшего.

— Как хотите! Как хотите! — зло проверещал фон Гадке. — За последствия я не отвечаю. Готовьте вашим шпиончикам памятки!

Шпиончики скулили от нетерпения, трясая дверцы руками и ногами.

— Приготовиться к потрясающей драке! — скомандовал дежурный офицер, а дежурные солдаты стали снимать с клеток висячие замки. — Милые детки, ждут вас котлетки! Будете ловки — ждет вас фруктовка!.. Внимание... Еще раз приготовиться к потрясающей драке, да-а-а... смотри у меня! Да-а-а... душа из тебя вон!

Ненадолго наступила абсолютная тишина. Шпиончики абсолютно затаили дыхание и, как только раздался выстрел из пистолета, с дичайшими воплями выскочили из клеток и бросились на гавриков.

На что же, по-вашему, рассчитывал генерал Шито-Крыто? Почему он так был уверен в победе своих шпиончиков?

Во-первых, потому, что гаврики — хоть это, может быть, и отличные автоматы-болваны, но всего-навсего только болваны, хотя и автоматы. А шпиончики — пусть хоть и плохие людишки, но — людишки. Они хитры, подлы, боятся за свою шкурку, очень хотят есть и пить и не хотят валяться, живыми или мертвыми, в яме с очень грязной и очень холодной водой.

Во-вторых, гавриками по радио управлял фон Гадке, который был настолько стар, что путал правое и левое. А раз он путал правое и левое, то спокойно можно было надеяться, что он и еще что-нибудь перепутает.

На площадке молодняка творилось нечто невероятно-неописуемо-НЕВООБРАЗИМОЕ. Там шла такая драка, какой еще даже в кино не показывали.

Там вращался клубок из тридцати одного тела, издававший одновременно

О-о-о! А-а-а!
Ы-Ы-Ы! У-У-У!
RRRRRRRRRRRRRRRRRRR!

Гаврики молотили руками и ногами во все стороны и бодались, давно потеряв береты. Попадись под такой удар, пинок или бодок любой шпиончик — помер бы тут же!

Да вот беда для фон Гадке и счастье для генерала Шито-Крыто: ни один из шпиончиков ни под один удар, пинок или бодок не попадал и попадать не собирался.

Зато одежда на гавриках уже висела клочьями: ведь шпиончики умели здорово кусаться и царапаться.

Гаврики действовали только силой, а их противники — хитростью, ловкостью, подлостью и еще несколько раз подряд хитростью. Они до того мельтешили в глазах субъектов-болванов-гавриков, что один из них (номер пятый) как попал кулаком в другого (номер шестой седьмой), так тот хлоп на землю. И не успел он, как говорится, очухаться, как оказался в клетке сложенным вдвое, будто перочинный ножик.

Дежурный офицер тут же защелкнул висячий замок и доложил генералу Шито-Крыто:

— Один : ноль, ведут шпиончики.

Фон Гадке путал уже не только правое и левое, а — все. Он кричал в радиопередатчик одни лишь ругательства, чем вконец запутал и себя, и двух оставшихся гавриков. В самом деле, а что же делать, если слышишь такую, извините за выражение, команду:

— Чтоб вы сдохли! — и дальше вообще одни неприличные слова.

Когда непонятно, за что ругают, не только болван, но и умный человек растеряется. От плохих приказов и глупых команд даже нормальные люди иногда превращаются в болванов.

Шпиончики же, воодушевленные счетом 1 : 0 в свою пользу, как осы, кружили вокруг гавриков, впивались в них, как клещи, облепили их, как пауты-оводы-слепни. На каждой руке у каждого субъекта-болвана висело по пять-шесть противников.

Гаврики ревели-выли не столько из-за боли, сколько от того, что фон Гадке ревел и выл в радиопередатчик.

И болваны-субъекты остановились, понятия не имея, что же делать. Воспользовавшись их замешательством, противнички повалили гавриков, утащили их в клетки, защелкнули на висячие замки и сели, чтобы отдышаться.

Дежурный офицер доложил начальству:

— Шеф, драка закончилась со счетом три : ноль в пользу ваших питомчиков.

— Выдать им по котлетке и бутылке фруктовки! — И генерал Шито-Крыто захохотал, но уже не в микрофон, а просто так — в воздух, в пространство своего кабинета.

А высокий гость низенького роста сорвал с головки панамку и затопал по ней ножками, обутыми в сапожки разных цветов, и выкрикивал ругательства, к которым с интересом прислушивались шпиончики — большие любители сквернословить.

Втоптав панамку ножками в землю площадки молодняка — место своего великого позора и грандиозного несчастья, фон Гадке побрел прочь, провожаемый насмешливыми воплями шпиончиков и фонгадскими ругательствами.

Он намеревался сразу пройти к генералу Шито-Крыто, но в приемной офицер Лахит преградил ему путь и сказал без всякого уважения:

— Велено обождать!

— Как — обождать?!

— Как все. Стоя на ногах. Или сидя на полу.

— Я есть высокий гость господин оберфобергогершнапс... фюрхам... забыл! Но я помню, что я фон Гадке!!!

— Вот именно тебе, оберфобергогердрамхамшнапс-фюрер, и велено обождать, — совсем без всякого уважения сказал офицер Лахит. — Шеф очень занят. Он не переваривает, когда его беспокоят по сущим пу-
стыкам.

«Я — пустяк, да еще суший, — растерянно подумал фон Гадке. — Значит, дело мое пахнет полным безобразием. Если он заберет у меня гавриков, меня выгонят со службы. Тогда как же я сумею напакостить человечеству?»

От жуткой мысли, что никто, кроме него, не сумеет напакостить человечеству как следует, у фон Гадке остановилось сердчишко. Но — дернулось и, к сожалению, стало стучать дальше.

В приемной не было ни одного дивана, ни одного кресла, ни одного стула, даже ни одной табуретки не было. Офицер Лахит преспокойно сидел на столе.

Фон Гадке устал стоять и попросил жалобно:

— Напомните обо мне господину генералу. Не такой уж я суший пустяк. Кроме того, я не только высокий гость, но и пожилой человек, ноги у меня размерами меньше обычных, не могу я долго стоять на них.

— Меня твои ноги не касаются. Хочешь — жди, места на полу много. Не хочешь — уходи. Вызовем, когда понадобится.

Не следует думать, что генерал Шито-Крыто совсем уж намеренно унижал фон Гадке: дескать, мои шпиончики уделали твоих гавриков, так и торчи у меня в приемной. Нет, генерал Шито-Крыто ничего такого и не говорил офицеру Лахиту. Хамил офицер Лахит сам, по своей собственной инициативе: унюхал нижний чин, что положение у высшего чина — аховое!

На самом же деле фон Гадке заставляли ждать в приемной потому, что генерал Шито-Крыто действительно был занят и очень. Он сидел и глубоко пережи-

вал: Стрекоза не передала очередного донесения. Значит, что-то случилось. Но — что? Операция была продумана и подготовлена самым тщательнейшим образом, исключены буквально все возможности провала... Или что-нибудь Батон натворил?.. Ну, ладно... Давайте сюда этого фон Гадке!

ГЛАВА № 28

Смертельное обязательство господина оберфобергогердрамхамшнапсфюрера фон Гадке

Войдя в кабинет и вяло крикнув «Майлы!», фон Гадке без сил плюхнулся в кресло, с блаженством вытянул ножки и заговорил:

— Поздравляю с победой, не знаю, заслуженной ли. Я до сих пор не понимаю, что случилось.

— Сначала надо расплатиться, — грозно сказал генерал Шито-Крыто. — Твои гаврики в количестве трех штук теперь мои. Как ты вернешься без них в Центрахштаб?

— Мне здорово попадет. Меня выгонят в отставку или подвергнут почетной спиртизации.

— Да, невеселые перспективы. Я ведь не против твоих гавриков. Болваны нам всегда нужны. Как бы далеко вперед ни двигались наука, техника, литература и искусство, военное дело, остается немало дел, которые могут делать лишь болваны. Предлагаю тебе работать у меня с сохранением чина и повышением оклада. Отвечай немедленно: да или нет?

— Пожалейте меня! — в ужасе взмолился фон Гадке. — Дайте мне время на размышление! Я голоден. Прикажите накормить меня. На голодный желудок я совершенно не соображаю.

— Мне некогда, понимаешь? — начал сердиться генерал Шито-Крыто. — И я убежден, что почти все замечательные мысли приходили людям в голову именно на голодный желудок. Набитый желудок бывает только у набитых дураков! И вот на голодный желудок отвечай: согласен работать у меня или нет? Если согласен, тебя ждет прекрасный обед, сохранение чина и повышение оклада. Если не согласен, тебя на голодный желудок ждет прекрасный самолет, а дома ждет почетная спиртизация. Если ни да ни нет, то ни обеда

тебе, ни самолета, топай пешком на все четыре стороны! — И генерал Шито-Крыто так зарррRRRRRRычал, что фон Гадке заорал:

— СОГЛАСЕН!

ДА!

СОГЛАСЕН!

ДА!

— О'кейно! Ты ешь, летишь домой и возвращаешься ко мне с секретной технической документацией по обработке и обучению гавриков.

Собрав остатки силенок, оберфобергогердрамхамшнапсфюрер ответил по возможности гордо:

— Я должен хоть немного подумать.

Генерал Шито-Крыто встал, уперся руками в стол, ваглядом уперся в растерянного, испуганного, трясущегося от голода и страха высокого гостя низенького роста и сквозь зубы проговорил:

— Хватит валять дурака. У меня нет на это времени и желания. Подпиши вот это! — приказал он самым грозным голосом. — Ну! — И подал фон Гадке лист бумаги с текстом, отпечатанным на пишущей машинке:

СМЕРТЕЛЬНОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО

Я, нижеподписавшийся оберфобергогердрамхамшнапсфюрер фон Гадке по кличке Дядя Съем, от всей души и всего ума даю полное и безоговорочное согласие служить верой и правдой, печенкой и селезенкой генералу Шито-Крыто и никому больше.

Обязуюсь под страхом смертной казни через подвешивание к потолку за левую ногу предоставить «Гробу и молнии» секрет обработки и обучения гавриков. В случае, если струшу и забоюсь служить генералу Шито-Крыто, добровольно приму крысиный яд.

К сему

(оберфобергогердрамхамшнапсфюрер
фон Гадке)

— Эт... эт... это... то... эт... — Фон Гадке покачнулся. — Вы... вы... вы... родок!

— Это не имеет никакого отношения к делу, — брезгливо отмахнулся генерал Шито-Крыто. — Подписывай и уматывай обедать!

От голода головка фон Гадке кружилась, в желудке шевелилась острая боль, он мало что уже понимал из происходившего. Ведь большую часть его организмика занимал пищеварительный аппарат!

Фон Гадке скрипнул зубками, сжал кулачки, на две с половиной секунды потерял сознание, восемь раз дернулся всем тельцем и невнятно пробормотал:

— Проклинаютотденькогдаприбылсюда...

А генерал Шито-Крыто был совершенно невозмутим.

Своей совсем пустой головкой фон Гадке сообразил, что последние силенки покидают его. Он дрожащей ручкой подписал смертельное обязательство и, еле-еле-еле переставляя ножки, поплелся обедать.

Сев за обильно накрытый стол, он начал глотать пищу и плакать.

Такого еще не бывало: шпионить за самим собой!

У себя самого выкрасть секретную документацию!

Все кушанья казались ему солеными: столько текло из него слез...

Вдоволь, до предела наглотавшись еды, фон Гадке постепенно начал кое-что соображать. А почему бы ему и не пошпионить за самим собой? Оригинально получится. Тем более приятно обмануть Центрхалштаб и барона Барана. Они ему — почетную спиртизацию, а он у них секрет своих гавриков украдет!

Тут его вызвал генерал Шито-Крыто и, жестом запретив садиться, заговорил:

— Ты неплохо поработал в последнюю большую войну. Твоих заслуг в борьбе с детьми у тебя никто не отнимет. Ты молодец: принес людям много горя. Это прекрасно. Но ты постарел, и твои взгляды устарели. Мы же стремимся работать по-новому, на строго научной основе. Мы ценим пожилые опытные кадры. Помни, что ты подписал смертельное обязательство. Не вздумай меня надуть! Жду твоего возвращения. Пока.

— Майль... — вяло ответил фон Гадке и поплелся, чтобы сначала сесть в машину, затем в самолет и лететь навстречу своей фонгадской судьбе.

ГЛАВА № 29

Подозрения офицера Лахита

Офицер Лахит доложил:

— Стрекоза сообщила, шеф, что все идет нормально, своим чередом. Муравей действует отлично, однако обстановка очень сложная, возможны нежелательные неожиданности.

— Передай ей, что меня не интересует, какая там обстановка. Еще меньше меня интересует старый хрыч Муравей. Удивляюсь, почему он до сих пор жив?.. Передай ей, чтоб торопилась! Ну! Чего стоишь?

— Осмелюсь заметить, шеф... — осторожно произнес офицер Лахит. — Но... меня смущают два последних сообщения Стрекозы.

— Чем смущают? — Генерал Шито-Крыто, несмотря на умение сдерживаться, насторожился.

— Видите ли, я довольно продолжительное время работал у господина генерала Батона. Не уверен, что служба у такого сомнительных достоинств начальства пошла мне на пользу. Я только поглупел и обленился.

— Короче!!!

— Я писал под его диктовку много писем, телеграмм, приказов, доносов... Хотя доносы в основном писал он сам. Это было, так сказать, его хобби.

— Ко-о-о-ороче!!!!!!

— Мне кажется, что в двух последних сообщениях Стрекозы, — невозмутимым тоном ответил офицер Лахит, — чувствуется рука Муравья, то есть Батона, доверять которому у нас нет никаких оснований.

— А это что значит? То, что чувствуется рука Батона?

— Не могу знать, шеф, — явно уклончиво проговорил офицер Лахит.

— Значит, я должен знать! — закричал генерал Шито-Крыто. — Если сообщения передает Муравей, то что тогда со Стрекозой?

— Понятия не имею. Мое дело — предупредить. Вы напрасно доверили Батону...

— Я послал его на верную смерть. И если я услышу от тебя еще хоть раз критику в мой адрес, висеть тебе под потолком за левую ногу. Сила и авторитет начальства — в полнейшем уничтожении критики, не говоря уже о самокритике. Понял?

— Так точно. Напоминаний не требуется, шеф. Я предельно исполнительен.

— А может быть, ты предельно предателен? А может быть, ты на каждом шагу уже обманываешь меня?

Офицер Лахит скромно опустил глаза, пожал плечами, ответил очень наискромнейшим тоном:

— Вам виднее, шеф.

— Я бы давно уничтожил тебя! — Генерал Шито-Крыто погрозил ему кулаком. — Но я обожаю мерзавцев. Я знаю, что будущее принадлежит им.

— Я ваш ученик, шеф.

— Время покажет. А над сообщениями Стрекозы поразмысли. Подозревать — это хорошо. Но надо еще и знать, что именно рождает подозрения.

— Будет исполнено, шеф. Под вашим непосредственным руководством моя голова работает отлично.

Генерал Шито-Крыто довольно хмыкнул, удовлетворенно крикнул (чем выше начальство, тем сильнее любит оно самую грубую, самую неприкрытую лесь) и сказал:

— Ступай, подхалим ты этакий.

Оставшись один, он быстро-быстро, крепко-крепко постучал по столу своей огромной, без единого волоска головой, чтобы выбить из нее кипящую злобу на старика Батона. Выбив кипящую злобу, он занялся обычным делом, то есть стал

думать и размышлять,
рассчитывать и прикидывать,
взвешивать и изучать,
сравнивать и делать выводы...

Ведь он, не устывая,

готовился,

готовился,

готовился

доложить Самому Высокому Самому Верховному Главнокомандованию — ох, ах, эх, ых, ух, — страшно подумать! — план новой операции «Братцы-тунеядцы» — мечты всей своей трудной и подлой жизни.

ГЛАВА № 30

Бывший генерал Батон наконец-то
обретает подлинное полное счастье

Наконец-то на склоне дней своих бывший генерал Батон, бывший рядовой Батон, бывший агент Муравей,

бывший дедушка Николай Степанович Уткин обрел свое подлинное полное счастье.

Эх, знал бы он раньше об этом удовольствии — лежать одному в одиночной камере, — давно бы попросился сюда. Никто тебя не беспокоит, кормят вовремя — валяйся себе на здоровье, спи себе на здоровье сколько хочешь!

Одно плохо — на прогулку каждый день вынуждают ходить, но и это можно как-нибудь перетерпеть. А в остальном — просто райская жизнь для такого лентяя, каким был Батон.

Да ведь и в шпионы-то он пошел из-за нее, из-за своей собственной лени. Папа его, шпион, захотел, чтобы сынок выбрал отцовскую дорожку. А сыну лень было спорить. Вот и попал в шпионы. А до генерала он дослужился потому, что с детства наивно полагал, что чем выше чин, тем меньше у него работы. Но оказалось, что должность генеральская, как говорится, не пыльная, но достаточно хлопотливая.

Другое дело — вот тут, в тюрьме. Лежал Батон то на спине, то на левом боку, то на правом боку, то на животе — благодать с красотой! Только и заботы — определить, когда какое место вот-вот отлежишь.

И мечталось Батону о такой прекрасной вещи — сюда бы еще да его генеральскую кровать...

Вспоминал он от нечего делать свою жизнь, морщился, сердился на самого себя: если уж уродился лентяем, так будь им, не лезь в генералы, а тем более в рядовые, живи себе тихонько.

Ведь быть лентяем среди нормальных людей — сплошная мука. Что стоит, например, обыкновенному здоровому человеку проснуться? Да ровным счетом ничегошеньки не стоит. А для лентяя это целая история или сложнейшая проблема. Все полагают, что он не хочет просыпаться, а он, бедненький, просто не в состоянии прервать блаженный сон!

Человек, считал Батон, вырастает лентяем не по своей воле. Вот он однажды один-единственный раз не умылся утром и почувствовал такое облегчение, что с тех пор всю свою батонскую жизнь старался не умываться и испытывал от этого великолепное облегчение. Ну и не надо, несправедливо это — ругать человека за то, что он не любит, не хочет, не способен умываться. Пусть себе! Каждому свое. Нравилось Батону в детстве

ходить с мокрым носом, так, вы думаете, разрешали ему это? Как бы не так! Но скажите, кому какое дело до моего собственного носа? Ведь если бы не изобрели носовых платков, никому бы ведь и в голову не пришло вытирать мокрый нос!

А у нас повелось так. Придумает какой-нибудь чуда-зубную щетку — и вот, пожалуйста, все зачем-то обязаны зубы чистить!

В подобных глубокомысленных и приятных уму и сердцу размышлениях проводил Батон немногие оставшиеся от сна часы. И еще он любил думать о том, что генерал Шито-Крыто оказался в дурачайших дураках. Читает, будучи в дурачайших дураках, сообщения своей мераклой любимицы Стрекозы и не подозревает, что сочинил их нелюбимый Муравей. Шито ты, Крыто ты несчастное! Вот тебе прекрасный повод лопнуть от дикой злобы или разбить свою огромную, без единого волоска, похожую на арбуз, футбольный мяч или глобус голову об стену!

Рассуждая таким образом, бывший генерал Батон, он же бывший рядовой Батон, он же бывший агент Муравей, он же бывший дедушка Николай Степанович Уткин, а теперь просто счастливый человек, лежал себе, переворачиваясь с боку на бок, со спины на живот и с живота на спину, и ничего больше не требовал от судьбы. Лежать бы вот так до конца дней своих... Красота, блаженство и благодать...

Но, как известно, счастье не бывает долгим. Об этом хорошо знают, например, прогульщики. Прогуляешь день, прогуляешь два, может быть, и на третий день счастье выпадет, а потом все равно — попадет тебе! И чем дольше счастье длилось, тем больше и попадет!

Вот и Батон беспокоился: долго ли продлится его счастье, или судьба уже готовит ему какой-нибудь неприятенький сюрпризик? Или — сюрпризище?!

ГЛАВА № 31

Младшего сержанта Стрекозу ловят и прячут в мешок

Была крошечная ночь. В темноте около здания, на карнизе которого неподвижно застыла Стрекоза, натянули сетку. Стрекоза и во тьме крошечной видела не

хуже кошки, несколько раз стреляла, но только ранила одного человека.

Улица погрузилась во мрак. Ни в одном доме не горел свет.

На Стрекозу навели два ярких луча прожектора, чтобы они слепили ее и она ничего бы не видела.

Задача предстояла сложная: надо было взять младшего сержанта так, чтобы она не успела выстрелить в себя.

По совету агента Муравья для нее был заготовлен специальный мешок из нервущейся ткани и с крепкими завязками. Чтобы агенточка не задохнулась, в мешке были проделаны маленькие отверстия.

— Пора начинать, — озабоченно и с заметным волнением сказал полковник Егоров, снял мундир, брюки, ботинки, носки и остался в легком спортивном костюме. — Вспомним-ка молодость!

— Товарищ полковник! — обратился к нему младший лейтенант Юрий Васильков. — Разрешите мне! У меня все-таки второй разряд по акробатике! Разобьетесь вы! Или покалечитесь!

— Знаю я вас... акробатов, — весело ответил полковник Егоров. — Потом среди друзей хвастаться будете: дескать, им, полковникам, хорошо, командуют только, а мы, акробаты, на высоте четвертого этажа трудимся... Приготовились! — скомандовал он. — Начали!

Взвыли сирены, одна громче другой, одна протяжнее другой, так взвыли, будто в городе враз загорелось девятнадцать домов. (Кстати, жители микрорайона обо всем были заранее предупреждены, соответствующие меры были приняты и в больнице.)

Полковник Егоров взобрался на подоконник, опустился на карниз, пролез под оконной рамой и медленно, предельно осторожно выпрямился, прижавшись спиной к стене. Между нами говоря, было ему страшно. Даже если упасть на сетку, то все равно надо было на всякий случай попрощаться с родными и близкими.

Не дыша почти, он переставлял ноги. Пятки больно упирались в карниз, а носки — в воздухе. От этого создавалось впечатление, что ступни вот-вот сведет судорогой.

Только бы не упасть раньше времени! Хорошо еще, что Стрекоза ослеплена и оглушена...

Она стояла с закрытыми глазами, держа руку с пистолетом наготове. Вот и надо было как-то отобрать у нее оружие.

В таких случаях говорят: секунды казались часами. Полковнику Егорову казалось, что он на карнизех уже не первый день!

Сирены выли, сменяя одна другую, а то и все вместе.

Оставалось каких-нибудь полметра, и можно было хватать Стрекозу за руку с пистолетом.

Но тут Стрекоза вдруг шевельнулась, понюхала воздух, отвернула лицо от лучей прожектора и вытянула (видимо, все-таки наугад!) руку с пистолетом в сторону полковника Егорова.

Дуло пистолета от его плеча отделяли несколько сантиметров!

Раздумывать было уже некогда, и он схватил младшего сержанта за руку.

Стрекоза, как пойманная за хвост мартышка, извивалась в воздухе, норовя укусить полковника Егорова. Он левой рукой вырвал пистолет и выпустил Стрекозу.

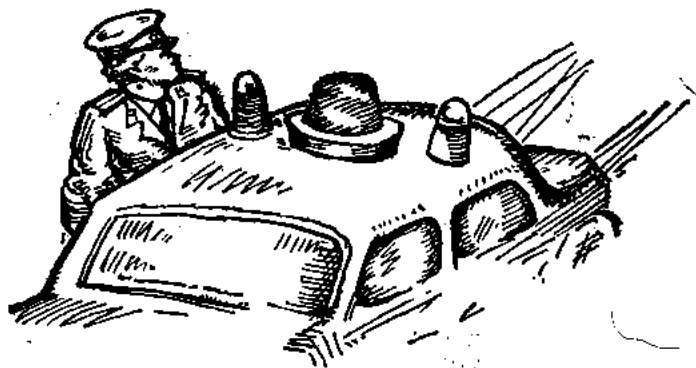
И сам, потеряв равновесие, полетел следом.

Ему казалось, что летел он очень долго, и о многом успел подумать, два раза пожалел о том, что не имеет по акробатике хотя бы третьего разряда.

Потухли прожекторы, замолкли сирены, в домах начали загораться огни.

Еле-еле-ЕЛЕ-ЕЛЕ завязали Стрекозу в мешок. Врач и медсестры торопливо смазывали йодом искусанных и исцарапанных младшим сержантом людей.

— Вроде бы целехонек, — удивленно сказал, ощу-

пывая себя, полковник Егоров. — Вот только в голове как бы ветер гудит и шумит. Будто все еще лечу. Спасибо, товарищи, за работу. Ни одной оплошности.

Он поехал в больницу справиться о здоровье Фонди-Монди-Дунди-Пэка. Экая получилась досада! Пора уже было готовиться к переброске бывшего БХ-000 в «Гроб и молнию» — и вот на тебе! Одно лишь и утешение, что все могло закончиться куда хуже.

Но почему не проходит шум в голове? Не хватало еще, чтобы и с ним что-нибудь стряслось!

В больнице его не обрадовали, сказали:

— Рана очень опасная. Пуля разрывная. Задеты кости. Принимаем все меры.

— Если бы вы знали, как нам нужен этот человек! Вы даже представить себе не можете, до чего он нам необходим и как можно скорее!

В голове полковника Егорова уже не только гудело и шумело, но и трещало, скрипело даже. Он проглотил несколько таблеток и поехал узнать, как ведет себя младший сержант Стрекоза.

По дороге полковнику Егорову стало совсем плохо. В глазах то темнело, то плавали разноцветные круги, в ушах отдаленным эхом трещали выстрелы, слышались чьи-то голоса.

Стрекоза все еще была в мешке.

Пересиливая недомогание, полковник Егоров спросил:

— Ну как она?

— Кусается, царапается, ругается, никакого сладу нет, — сообщил младший лейтенант Юрий Васильков. — Пришлось ее обратно в мешок затолкать.

— Слушай, госпожа младший сержант, — сказал полковник Егоров. — У тебя голова хоть немного соображает? Ведь если ты не будешь пайнкой, мы сообщим генералу Шито-Крыто, что ты предала его.

— Он не поверит! — завопила из мешка Стрекоза. — Он ни за что не поверит! Он умный! Он самый, самый, самый умный, а вы все дураки, дураки, дураки! Саркофиги ид! Презенто дродиг! (Отборнейшие шпионские ругательства.)

— Фруктовки хочешь?

— У-у-у, бидл хар! Сафера!

Полковник Егоров сокрушенно покачал головой, недоуменно развел руками, сказал:

— Она, наверное, и в куклы ни разу в жизни не играла. Так шпионкой и родилась. Вот задача... Слушай, Стрекоза, а может, мы все-таки не будем терять время даром? А?

Стрекоза не ответила, только зло пискнула, и полковник Егоров продолжал:

— Не знаю, чему там тебя учили, но ты должна понимать, что если попалась, то уж от нас не уйдешь и тебе все равно придется...

— Я вас всех уничтожу, уничтожу, уничтожу! — раздавалось из мешка. — Загрызу! Задую! За... за... за... Бэлла стэлла драга! Вивато бум гам хамо! (Очень грубые ругательства.)

Младший лейтенант Юрий Васильков предложил:

— Товарищ полковник, ехали бы вы отдохнуть.

— Да, пожалуй. До завтра. А ты, госпожа Стреко-

а не Стрекоза. Сейчас ты болтаешь, что вышла заминка. Дорого мне эта заминка может обойтись! Мне сегодня выступать с докладом перед Самым Высоким Самым Верховным Главнокомандованием, а у меня нервы расшатались! Я не могу работать в обстановке заминок и предательства! Я сам люблю предавать, одно время я специализировался на предательствах, но не террррррррплю, когда предают меня! — Он побагровел, затем побелел, потом почернел и, став лиловым, рявкнул: — Сгоняй сотрудников и шпионов!

Успокоившись немножко и вернув себе обычный цвет лица, генерал Шито-Крыто вбежал в зал, вспрыгнул на трибуну, ударом кулака разбил ее в щепки и закричал:

— Вас согнали сюда, господа вы такие, для того, чтобы последний раз напомнить о том, чтобы вы не только мозгами, но и каждой почкой, каждой печенкой, каждой селезенкой уразумели важность поставленной перед вами задачи. Сегодня я докладываю Самому Высокому Самому Верховному Главнокомандованию план операции «Братцы-тунеядцы». Как вам известно, вам ничего о ней не будет известно. Каждый будет знать лишь свое конкретно-подлое задание. Предупреждаю: за малейшую, самую минимально-микроскопическую ошибку или заминочку — подвешивание к потолку за левую ногу! Завтра в нашей организации вводится сверхчрезвычайное ультравоеенное положение. Если кто-нибудь где-нибудь когда-нибудь заметит у кого-нибудь что-нибудь подозрительное или вроде бы подозрительное, вообще что-нибудь заметит, — немедленно доносить, не задумываясь! Не уставайте писать анонимные доносы! Наша сила во взаимном недоверии! Всех во всем всегда и везде подозревай-те! И мы победим! По местам — вон!

Вернувшись в кабинет, генерал Шито-Крыто шесть минут посидел спокойно, не двигаясь, чтобы набраться сил для доклада Самому Высокому Самому Верховному Главнокомандованию.

Тут совершенно не вовремя, как нарочно, как назло, будто специально, в кабинет проник офицер Лахит и доложил:

— Сообщение от Стрекозы, шеф. Она извиняется за молчание, вызванное неблагоприятными обстоятельствами, подчеркивает героическую работу Муравья.

— Плевать мне на этого героического склеротического Муравья! — завопил генерал Шито-Крыто. — Он давно должен был подохнуть! Где сведения? Где сведения? Сведения где?

— Успокойтесь, пожалуйста, шеф. Вам скоро ехать на доклад.

— Ты уверен, что это сообщение прислала Стрекоза?

— Нет. Это чистой воды Батон.

— ПрrrrrrrRRRRRRРоклятье!!!!

— Тем более, шеф... — Офицер Лахит весь сжался и тихо-тихо-тихо выговорил: — Я обнаружил, шеф, что сообщения поступают — я не хотел вас беспокоить — не по семнадцатому каналу, каналу радио Стрекозы, а по восьмому — радиоканал ЫХ-три нуля.

— УУУУУУУУУУУУУ! — взвыл начальник «Гроба и молнии». — Ты вгонишь меня в гроб!

— Ради бога, успокойтесь, пожалуйста, шеф. Ни мне, ни кому другому это не удастся, и вы об этом прекрасно знаете, — собрав все свое мужество и чуть-чуть добавив наглости, сказал офицер Лахит. — Ваши временные неудачи — только лишь временные неудачи, ни больше ни меньше. А сегодня у вас великий день. И хотя вам известно, что нам ничего неизвестно об операции «Братцы-тунеядцы», мы знаем, что она закончится вашей полнейшей победой над светлыми силами. Мы рады служить под вашим безошибочным и беззаминочным руководством. — Голос его стал ласковым. — Мы вас боимся, а это значит, что очень уважаем.

(Ну вот, объясните мне, уважаемые читатели, почему при этих словах грозный генерал Шито-Крыто улыбнулся? Ага, ему приятно, что его хвалят. А кто хвалит? Да его же подчиненный. Неужели трудно догадаться, что это он делает специально? Увы, человек устроен так, что иногда самая грубая, незаслуженная похвала ему приятнее правды. Поэтому внимательно смотрите, кто вас и за что хвалит. И не сразу сердитесь и обижайтесь, когда вас ругают. Мне кажется, что лесть и похвала, если они незаслуженны, страшны одним последствием. Если, к примеру, голодного человека долго хвалить за то, что он хорошо питается, то он может незаметно для себя с этого-то голода-то и помереть! Чрезмерная похвала закрывает глаза и затыкает уши, учтите.)

Генерал Шито-Крыто улыбнулся еще раз и спросил:

— А ты, случайно, не читал мой доклад?

— Как я мог посметь?! — в изумлении воскликнул офицер Лахит. — Но даже если бы я и прочитал, то разве нашел бы в себе смелости, точнее, наглости, со-

знаться в этом тягчайшем преступлении?! Я боюсь вас, шеф, больше всего на свете. Ничего я так не боюсь, как вас.

— Логично и похвально. Кто ты по специальности?

— Пронира, шеф. Вам пора ехать. Желаю успеха.

— Спасибо... И все-таки кто-то здорово водит меня за нос. Найду, найду, найду и — к потолку за левую ногу!

В машине генерал Шито-Крыто старался не думать о предстоящем докладе и особенно о его обсуждении. Больше всего он опасался тех военных начальников, которые только хвастались да спорили, кто воюет лучше... Они не хотят ничего знать, только бы — воевать! Они даже когда в гости друг к другу ходят, то за столом сидят с оружием в руках: в одной руке ложка или вилка, во второй — пистолет. Залетит в комнату муха — и вояки поднимут такую пальбу, словно вражеский самолет подстреливают.

«Может, вы и умные, но дураки, — думал о них грозный генерал Шито-Крыто. — Я вам подготовлю настоящую большую войну. Без меня вас все равно рано или поздно разобьют. Когда воюют бомбами, пулями, ракетами, снарядами — это еще не самая страшная война. Воевать, господа любезные, надо головой. Отошли времена, когда голова служила в основном для того, чтобы носить каску или военную фуражку. Сейчас надо воевать не против армии врага, а против самого главного, самого ценного, самого дорогого, что у него есть!

Вот это будет война!

Такой еще не бывало!

И придумал ее я — генерал Шито-Крыто! Запомните мое имя!»

Конец шестой части

**Часть седьмая,
состоящая всего из одной главы № 33,
но зато чуть ли
не самая важная в романе**

ГЛАВА № 33

**Великий день в жизни генерала Шито-Крыто —
утверждение плана операции «Братцы-тунейдцы»**

Зал заседаний Самого Высокого Самого Верховного Главнокомандования был переполнен. Тут собрались только генералы и адмиралы, и даже стенографистки по званию были не ниже, чем мадам-майоры.

Маршалы на ответственные заседания не ходили, чтобы не ошибиться и не потерять авторитет. Двое оставшихся в живых фельдмаршалов давно притворились глухими и только читали протоколы заседаний, а прочитав протоколы, долго и многозначительно качали седыми головами.

Самый главный супер-генерал предоставил слово начальнику шпионской организации «Гроб и молния».

Поначалу генерал Шито-Крыто говорил спокойно и даже несколько туманно:

— Все мы всё знаем. Все мы всё понимаем. У нас есть отличные войска и такое замечательное оружие, что, имея его, ничего не надо знать, ничего не надо понимать, а только кнопки нажимать. Но ведь не секрет, что у наших врагов войска и оружие не хуже и кнопки у них есть. Их тоже можно нажимать. Воевать нам очень хочется, но воевать очень опасно.

Необходимо придумать новый вид войны. За это и взялись мы, шпионы. И вот почему. Сколько мы ни стараемся, наша шпионская работа зашла в тупик. Мы приносим мало пользы. Организация «Гроб и молния» предлагает начать новую, невиданную доселе войну. Войну без танков, пушек, самолетов и пулеметов. Без кораблей и подводных лодок. Даже без ракет! Но это будет самая страшная война за всю историю всего че-

ловечества. Это будет потрясающая по своей подлости, жестокости, мерзости, вероломству и коварству графидиозная война! — И генерал Шито-Крыто начал нервно пить воду из графина.

Обычно невозмутимые мадам-майоры вытаращили на него глаза, высоко держа в руках сверхшариковые ручки.

— В чем же дело? В чем же дело? — хором спросили четыре генерала и один адмирал. — Скорее отвечайте! Скорее отвечайте!

Докладчик не мог оторваться от графина, тем более, что в нем оказалась не вода, а крюшон.

— Суть, смысл быстрее! Суть, смысл быстрее! — в нетерпении потребовали уже семь генералов и три адмирала. — Или суть, или смысл! Или смысл, или суть! А то графин отберем!

— Не мешайте мне! — крикнул генерал Шито-Крыто. — Я волнуюсь! Вот вам суть! Вот вам смысл! Дети! Дети! Дети! Чилдрен! Киндер! Анфан! Вамбини! — Голос его стал хриплым, временами в нем проскальзывали какие-то лающие звуки. — Убьешь солдата, а у него растет сын или два сына, или сын и две дочери! Вот мы и уничтожим всех детей, и у наших врагов не будет будущего!

— Мысль любопытная, но невыполнимая! — на весь зал проскрипел самый старый генерал. Говорили, что он совсем не спит, чтобы не прозевать начало новой большой войны, и от многолетней бессонницы плохо соображает. — Где же вы найдете такое глупое государство, которое будет спокойно ждать, пока вы перебьете — бах! ба! бах! — всех его детей? И с каких пор детоубийство стало считаться войной?

— Мы не будем убивать детей в привычном смысле этого слова, — объяснил генерал Шито-Крыто. — Они сами уничтожат себя! Себя! Сами! Уничтожат!

Все члены Самого Высокого Самого Верховного Главнокомандования в изумлении уставились на докладчика, а самый старый генерал неизвестно отчего хихикнул, застыдился своего хихикства и спросил очень ехидно:

— Они... эти... как их?.. дети... что? Будут кушать друг друга? — Он вскочил и заскрипел: — Хочу настоящей войны! Не хочу с детишками возиться! Стрелять хочу! Убивать хочу! Бах! Бах! Бах! Ура!

— Смысл операции «Братцы-тунеядцы» заключается в следующем! — совершенно громовым голосом продолжал генерал Шито-Крыто. — С момента появления на свет божий, поймите вы это, ребенок не только ребенок, но и будущий солдат или даже генерал, будущий рабочий или даже ученый, то есть будущий гражданин враждебного нам государства. А так как ни один ребенок об этом, слава богу, не догадывается, то долго валяет дурака. Этим мы и воспользуемся. Наша задача — сделать так, чтобы дети наших врагов росли избалованными, капризными, больными, грязными. Мы добьемся, чтобы они плохо учились, дрались, дразнились, не умывались, слонялись без дела, сквернословили, хулиганили, поворовывали, не уважали старших и обижали младших. Но главная, основная, кардинальная задача нашей операции — сделать детей ленивыми, ибо ленивый ребенок уже потенциальный враг своего государства и наш активный, надежный помощник. И мы, шпионы, говорим: да адравствует лентяй — наша опора в борьбе с человечеством! Слава двоечникам и троечникам — нашим друзьям!

Постепенно, незаметно, но неуклонно мы добьемся, что дети наших врагов перестанут учиться, умываться, чистить зубы. Трудно, конечно, вообразить КОШМАРНУЮ, СТРАШНУЮ, УЖАСНУЮ КАРТИНУ ЖИЗНИ ГОСУДАРСТВА, ДЕТИ В КОТОРОМ РАСТУТ ЛЕНТЯЯМИ, ТУНЕЯДЦАМИ, ЛОДЫРЯМИ И ЛОБОТРЯСАМИ! Победить такое государство — ерунда на постном масле. Оно развалится само собой!

Нами совместно с большой группой ученых и разного рода специалистов разработан наидетальнейший, идеальнейший план мероприятий, направленных на моральное, а затем и физическое изуродование детей способами массового обленивания-оболванивания. Мы даже осваиваем препарат для массового оболванивания — балдин. Введение его в кровь ребенка гарантирует развитие в нем, в ребенке, невероятной лени, которая в отдельных случаях приводит к смертельному исходу. Особенно мы рассчитываем на помощь самих детей. Наши ученые научно доказали, что иные дети — процент таких пока не установлен — по природе своей ленивы, надо лишь умело и разумно, тактично и регулярно поддерживать и развивать в них естественное стремление тунеядничать.

Первыми мы забрасываем через Северный полюс два десанта агентов — сверхзаботливых бабушек. Они так будут баловать детей, что вскоре они, дети, совсем обалдеют от лени — разучатся даже принимать и переваривать пищу, разучатся двигаться и разговаривать.

Далее, мы засылаем через Южный полюс специально подготовленных агентов — учителей-мучителей, которые отобьют у детей последние остаточки желания учиться.

Не буду перечислять все разнообразные десанты, их более шестидесяти.

Я повторяю и прошу запомнить: еще ни одна шпионская организация всего мира за всю историю всего человечества не ставила перед собой такой грандиозно изуверской задачи, за которую взялась «Гроб и молния».

Прошу Самое Высокое Самое Верховное Главнокомандование утвердить план операции «Братцы-тунгусы», дать мне особеннейшие полномочия и удвадцатерить финансовые ассигнования и впредь мне ни в чем не отказывать. У меня все.

— А я так ничего и не понял! — гордо проскрипел самый старый генерал. — Они будут кушать друг друга или не будут? А если будут, то с солью или нет?

— Не исключена и эта возможность, — устало ответил генерал Шито-Крыто. — Мы просто пока не представляем, что же может произойти, когда дети, все дети, одуреют от лени. Но совершенно очевидно, на мой взгляд, что есть друг друга они будут без соли, конечно. Ведь им лень будет солить! Кстати, мы планируем отдельные случаи детского самоедства.

— Глупо, глупо, глупо! — яростно проскрипел самый старый генерал. — Хочу настоящей войны! Стрелять хочу! Сам! Пулями! Чтоб убивать! Бах, бах, тах! Тра-та-та-та!

— У меня вопрос, — сказал, медленно поднимаясь, самый мрачный генерал, который в свое время расплакался от бессильной злобы, когда узнал об окончании последней большой войны, и с тех пор ни разу не улыбнулся, даже тогда, когда его специально по указанию врачей щекотали медсестры. — А нельзя ли все-таки скомбинировать действия ваших будто бы бабушек с действиями регулярных войск? Вы врагов — бабушка-

ми, а мы врагов — пушками! Я лично детей, конечно, ненавижу. Из них действительно вырастает черт-те что. Но мы, военные, не можем не воевать. Нам за это, как говорится, деньги платят. Мы стрелять хотим! Мы обязаны стрелять! Как правильно отметил предыдущий оратор, мы убивать хотим!

— Все, все хотят убивать, но убивать можно по-разному! — раздался громкий радостный голос. Он принадлежал самому веселому генералу, известному тем, что не мог без смеха смотреть в кино, как снаряды или бомбы попадают в жилые дома. — Давайте уничтожать хоть детей, хоть людей, только бы со смеха не лопнуть! — И он долго и раскатисто хохотал, держась за живот руками, хохотал, хохотал, хохотал, пока не устал.

— Я в восторге от плана операции «Братцы-тунеядцы», — сказал самый молодой генерал. Он еще ни разу не воевал, но зато прочитал все книги на всех языках про все войны. — На мой взгляд, генералу Шито-Крыто удалось обнаружить и точно сформулировать понятие о нашем главном враге — ребенке. Ведь именно из детей, прошу обратить внимание, и вырастают как раз те люди, которые борются за мир во всем мире, то есть являются нашими злейшими врагами. Стрелять, убивать умеет, извините за выражение, любой дурак. А вы вдумайтесь в наиглубочайший смысл операции «Братцы-тунеядцы»! У наших врагов после ее выполнения не будет ни солдат, ни генералов, ни рабочих, ни ученых, никого не будет, кроме лодырей, лентяев, тунеядцев и лоботрясов обоего пола! Это же замечательно! Я бы сказал, гениально, однако не уверен, что все присутствующие знают значение этого слова. Всей своей молодой душой я за операцию «Братцы-тунеядцы»! Скатертью ей дорожка! Форберст! (Что-то среднее между «ура!» и «вперед!»)

С места вскочил, подпрыгнув метра на полтора, самый злой генерал, знаменитый тем, что во время последней большой войны своих солдат убил больше, чем солдат противника, и заорал, вернее, извините за выражение, заблажил:

— Глупости, враки, дурь, челу-пу-пу-пу-ха! — И больше он ничего не мог сказать, потому что его трясло от злости, но все знали его точку зрения: ему бы надо стрелять хоть в кого, только бы убивать.

Слова попросил самый добрый генерал. Он был такой уж добрый, что ни разу в жизни не ударил сам ни одного солдата: для этого у него были квалифицированные специалисты по битью. Он сам и не стрелял ни разу, он даже не приказывал стрелять, он только приказывал отдать приказ стрелять, да и то делал это очень нежным голосом.

— Прелестная затея, — сказал он, — совершенно в моем вкусе. Действительно, зачем уничтожать детей? Это — фи! — грубо. Жестоко, наконец. Антигуманно. В самом деле, почему бы им самим не съесть друг друга? И неважно, с солью там или без соли, с горчицей, перцем или майонезом. Это опять же дело вкуса. А о вкусах, как известно, не спорят. Замечательна идея детского самоедства. Очаровательна затея со сверхзаботливыми бабушками. Ведь известно, что одна агентка под видом бабушки может в отдельных случаях причинить столько зла, сколько не под силу взводу морской пехоты. И, главное, все гуманно, все тонко, даже изящно-грациозно. Обеими руками, ни одна из которых ни разу в жизни не ударила ни одного солдата, голосую за операцию «Братцы-тунеядцы»! Шармант магефик! (Что-то вроде «прелестное очарование».)

Следующим поднялся с места самый глупый генерал, который и генералом-то стал из-за того, что никогда ничего не понимал и поэтому всех слушался, выполняя все приказы, совершенно не разумея их смысла. Он заговорил, с трудом, невероятными усилиями и мукой подбирая слова:

— Жареная картошка на вареном луке с детским травматизмом при рекогносцировке. Лени много, а дым идет параллельно в чернильницу атаки левым флангом на льготных условиях. Не люблю этих, забыл кого, но во вторник без субботы морские соединения в пояснице. Ура! Я голосую без прорыва по фронту фрагментарно. Вот.

Встал самый умный генерал. Он был на очень хорошем счету у начальства, потому что никогда ни с кем не спорил и никогда ни с кем не соглашался. Никто никогда не знал, о чем он думает и думает ли вообще.

Самый умный генерал встал, постоял, о чем-то и что-то думая, пожал плечами, погрозил кому-то пальцем, улыбнулся, нахмурился и сел.

Долго еще длилось обсуждение. Все уже устали, многие хотели есть, а некоторые хотели уже и крепко поспать, а кое-кто и спал, но дисциплинированно — тихо, без храпа и посапывания.

Обсуждение затянули адмиралы. Говорили они не так уж и много, но по морской привычке раскачивались после каждого слова по три-четыре минуты, будто у них под ногами была палуба корабля.

Стенографистки мадам-майоры по очереди падали в обмороки от усталости.

— За-а-а-а... кругляйс! — раздалась команда самого главного супер-генерала. — Прения прекра-а-а-а... титы!

Все громко и облегченно вздохнули. Дело в том, что обсуждение было пустой формальностью и ровным счетом ничего не значило. Результат зависел лишь от того, что решит самый главный супер-генерал.

— Вста-а-а-аты! — снова раздалась команда. — Смирно! Молчать! Свое мнение за-а-а-а... быть!

Тишина была такая тихая, какая и должна быть, когда решается судьба всего человечества.

Слышно было только, как трясло самого злого генерала. Других звуков не было.

— Утверждаем и одобряем план операции «Братцы-тунеядцы», — сказал самый главный супер-генерал. — Новое всегда пробивает дорогу с трудом даже в шпионском деле. Мы выполняем все просьбы генерала Шито-Крыто, кроме одной. Он просит удвадцатерить финансовые ассигнования, а мы утридцатьем... не знаю, как и выговорить... В тридцать раз мы увеличиваем ему ассигнования! В случае провала операции всей организации «Гроб и молния» во главе с руководителем — крышка! Ра-а-а-а-а... зойдись!

Сидя в машине, генерал Шито-Крыто успел поспать, полностью восстановить силы, укрепить нервную систему, и в свой кабинет он вошел бодрым, уверенным, грозным, готовым на любой немыслимый труд.

— Поздравляю, шеф, с грандиозным успехом! — встретил его офицер Лахит.

— Мерсибо, — ответил начальник «Гроба и молнии». — Приказываю: завтра в восемь ноль-ноль первая проверка боевой готовности первого десанта агентов — сверхзаботливых бабушек!

— Есть!

— В двенадцать ноль-ноль первая проверка боевой готовности агенток — учительок-мучительок!

— Есть!

— В девятнадцать ноль-ноль первая проверка боевой готовности первой роты агентов — ворчливых пенсионеров!

— Есть!

Генерал Шито-Крыто — в порядке особого исключения! — разрешил себе поспать полтора часа и сел за работу. Ему бездельничать было некогда.

Конец седьмой части,
самой короткой, но зато чуть ли
не самой важной
в романе

**Часть восьмая,
в которой все продолжает идти
своим чередом, но обстановка усложняется,
поэтому название такое:
«ВСЕ В ЖИЗНИ БЫВАЕТ»**

ГЛАВА № 34

**Бабушка Александра Петровна
фактически уходит из семьи,
бросая ее на произвол судьбы**

Мир и покой так и не вернулись в семью Прутиковых. Толика, как вы помните, вылечили, он снова стал нормальным ребенком, а вот с бабушкой Александрой Петровной творилось что-то не очень нормальное.

— Надоело мне бабушкой быть,— часто заявляла она.— Обманули вы меня сто два раза или больше. В няньку при внуке и всей семье превратили. А внук от моих забот хворает опасными болезнями. Значит, вредно ему бабушку иметь. А мне вредно заботливой быть. Буду я отныне и всегда жить своей личной полнокровной жизнью.

И она действительно зажила своей личной и на первый взгляд непонятной жизнью, хотя, может быть, и полнокровной. Рано утром, когда семья еще только начинала просыпаться, бабушка уходила из дому и возвращалась довольно поздно вечером.

Первым ощутил последствия такого странного поведения Юрий Анатольевич. Он сказал:

— Фактически это уход из семьи. Бросание ее на произвол судьбы. Это чревато тяжелыми результатами.

Собственно, тяжелые результаты личной полнокровной жизни бабушки были уже налицо.

Готовить еду, стирать белье, прибирать квартиру никто, кроме Александры Петровны, толком не умел, а тем более не хотел, да и уметь не собирался.

— Избаловала я вас всех,— говорила теперь бабушка.— И нянькой я у вас была, и кухаркой, и судомойкой, и поломойкой, и прачкой... хватит!

Какое-то время семья стойко мучилась. Но с каждым днем положение становилось все более напряженным.

Однажды Юрий Анатольевич не выдержал и, давшись возвращения Александры Петровны, заговорил, с трудом сдерживая справедливое, как он считал, негодование:

— Объясните мне, дорогая Александра Петровна, по крайней мере причины вашего почти противоестественного поведения. То, что сейчас происходит в нашей семье, называется конфликтом. Обстановка совершенно ненормальна и неприлична. Слушаю ваш ответ.

— Ответ мой будет такой, — сказала бабушка. — В семье у нас не конфликт, а забастовка. Хочу добиться, чтобы вы стали самостоятельными, независимыми от меня людьми. А то ведь росли вы полутунеядцами, а внук вообще круглым лентяем. Вот я сейчас много лекций слушаю, раньше-то мне некогда было образованием заниматься. Вчера, например, лекцию для допризывников слушала. За час поумнела! Там гвардии полковник в отставке прямо заявил: хочешь быть настоящим воином, отличником боевой и политической подготовки — научись обходиться без бабушки! Ясно? И еще рассказал гвардии полковник в отставке, что, когда призывников на место службы привезут, сразу делят: налево тех, которые без бабушки шагу ступить не могут, направо — нормальных. А завтра лекция в Доме политпросвещения, знаете, как называется? «Взрослый человек как результат развития ребенка». Всех вас на эту лекцию приглашаю.

— На лекцию можно и сходить, — уныло произнес Юрий Анатольевич. — Вы считаете, что избаловали внука. Хорошо. Но при чем здесь, например, я? Я-то почему без обедов сижу?

— И тебя еще не поздно перевоспитать, — весело ответила бабушка. — И из тебя еще можно сделать самостоятельного человека. Сам себя содержать научишься. Из белоручки превратишься в сильного мужчину.

Мама была до того расстроена происшедшим, что ничего не говорила, лишь глубоко и тяжело вздыхала через каждые четыре-пять-шесть минут.

Зато папа почти беспрестанно рассуждал сам с собой на кухне:

— В нашей семье вместо порядка образовался большой беспорядок, потому что раньше у семьи был глава — я. Я осуществлял общее руководство, поэтому готовились завтраки, обеды и ужины, имелось свежеевыглаженное электрическим утюгом белье, были и другие бытовые удобства. И вдруг бабушка объявляет забастовку, и все летит кувырком. Моих указаний выполнять некому. Как бы мне снова стать главой семьи и убедить бабушку навести в ней прежний порядок?

А Толик размышлял о том, почему бабушка перестала с ним дружить. Ведь какая у них была дружба! Ни с одним мальчишкой он так не дружил, как с бабушкой! Но, к сожалению, он и забыл, что в свое время сам отказался от этой дружбы, когда бабушка хотела вместе с ним шпиона поймать.

— Ты почему больше со мной не дружишь? — спросил ее Толик, и она ответила:

— Дружить я с тобой перестала, чтобы вреда тебе не приносить. Я на все для тебя была готова. За ЦСКА с тобой болела, хотя сердце кровью обливалось, когда у моего любимого «Спартака» выигрывали. А вот что ты, дорогой внук, для меня сделал? Да ровным счетом ничегошеньки! Шпиона — и то поймал один. Выдающимся человеком без меня стал!

— Так ведь это болезнь была! Серьезная! Опасная! Редкая! Я погибнуть мог!

— И в этом была я виновата. Частично, конечно. И не дружба у нас с тобой была, а сплошное лакейство с моей стороны. Проанализировала я свою жизнь и решила: бабушки тоже люди. И они имеют право жить не хуже внуков. Как поется в песне: старикам везде у нас дорога. А то растете вы выдающимися тунеядцами.

Толик ничего не понял. Он просто не мог привыкнуть к мысли, что бабушка способна заниматься чем-нибудь другим, кроме чисто бабушкиных обязанностей.

— А тебе не жалко меня? — спросил он.

— Нет. Я слышала в одной лекции, что жалость унижает человека.

— Пусть унижает! Зато человек нормально жить будет. Ты разве не видишь, как мама устает? А папа вчера со страшным насморком ушел без носового платка!

— А у тебя почти у всех рубашек почти все пуговицы отлетели! — радостно воскликнула бабушка.

Ты пойми: самое последнее дело, когда человек не может без посторонней помощи обойтись! Стыд такому человеку и позор такому человеку!

— Но ты же не посторонняя помощь!

— Цель моя ясна,— сказала бабушка.— Пока все вы не научитесь всё делать сами, обо мне забудьте.

К ночи, когда окончились телевизионные передачи, папа Юрий Анатольевич собрал на кухне заседание семейного совета.

Мама спросила:

— Зачем? Я устала. Я спать хочу.

— Пока я еще почти глава семьи,— гордо произнес папа.— Может быть, я в последний раз глава семьи. Мы должны принять твердое и разумное решение, как жить дальше. Ребенок остался без присмотра. Я остался даже без носовых платков. Вот вам результат бабушкиного каприза, который она называет забастовкой.

— Мы не имеем права заставлять ее работать, если она не хочет,— сказала мама, зевая.— Она пожилой человек и имеет право отдохнуть. Давайте учиться вести... как оно?.. домашнее хозяйство вместе.

— Великолепно! Великолепно! — очень иронически воскликнул папа.— Завтра же поступаю на курсы кройки и шитья или на курсы молодых хозяек! Но я, к вашему сведению, экономист, у меня высшее образование и ответственная умственная работа. Почему же я должен стирать, извините, носовые платки?

— Отнеси их в прачечную! — очень раздраженно сказала мама.— У меня тоже высшее образование и ответственная умственная работа! Я воспитываю и учу детей!

— Значит, выхода нет? — мрачно спросил папа.— Кстати, я не виноват, что меня всю жизнь обслуживали бабушки. В детстве у меня их было две. А сейчас меня бросили на произвол быта. Может, мне уйти с работы и выучиться на домработницу? Нет, нет и нет! Надо вернуть бабушку в семью!

Увы, не знал папа Юрий Анатольевич, не подозревал, что еще дальше-то будет! Ведь бабушкина забастовка, которую он полагал капризом, только-только началась...

ГЛАВА № 35

Бывший генерал Батон дает согласие выполнить задание полковника Егорова

Полковник Егоров сбежал из больницы, захватив с собой все лекарства, которые были на тумбочке перед его кроватью.

(Вот этим поступком он опять поставил меня, автора, в неловкое положение. Если положительные герои повествования ведут себя неправильно, попадает ведь за это, как ни странно, в первую очередь автору! Единственное, чем я могу попытаться оправдать моего героя, так тем, что ему было стыдно за свое поведение и нельзя было ему отсутствовать на службе хотя бы один день.)

Перво-наперво надо было решить, какие сообщения посылать в «Гроб и молнию» от имени Стрекозы и что делать со Стрекозой. Сколько времени можно держать ее в мешке!

— Да вы в клетку ее! — посоветовал Батон. — Пользы от нее вам никакой. Она ни слова не выдаст. А при первом удобном случае кого-нибудь загрызет. А генералу Шито-Крыто, ни дна ему ни крышишки, чтоб лопнул он от злости, я послал бы такое сообщение: «Попались мы, голубчики, из-за вашей любимой пакостницы Стрекозы. Чувствую себя прекрасно. А вам всем скоро будет крышка». И подпись: «Батон, бывший генерал, ныне счастливый человек». Но если вы, господин полковник, хотите доконать Шито-Крыто, попробуйте связаться с офицером Лахитом. Это проныра, каких свет не видел. Кого угодно обедеет вокруг пальца и оставит с носом. Обожает денежки.

— Как с ним связаться?

— А что я буду за это иметь?

— А что вам надо?

— Еще, по крайней мере, два матраца.

— Договорились.

— Очень мерсибо. — Батон весь расплылся в счастливейшей улыбке. — Я намекну ему, что мы попались, но что я ни о чем не жалею, попрошу, чтобы он принял одного важного гостя, который даст ему возможность неплохо подработать.

— Деловой разговор, — насмешливо одобрил полковник Егоров. — То, что мы сообщим Лахиту, не станет известно шефу?

— Ни в коем случае.

— В чем гарантия, что он не подведет нас?

— В его подлости. Лахит — проныра не только по специальности, но и по призванию. У него душа проныры, ум проныры, организм проныры! Ему необходимо проныривать, то есть обманывать, куда-то пролезать, кого-то запутывать, кого-то подводить. Это очень своеобразный тип проныры. А вы дадите ему возможность еще и подзаработать. Когда-нибудь он вас, конечно, предаст, но не сразу. Постарайтесь успеть сделать то, что вам требуется, побыстрее.

— Матрацы вы получите сегодня же. Диктуйте текст сообщения Лахиту.

Текст получился такой:

«Имеем трещину. Питаюсь манной кашей. Привыкла. Ждите дорогой весточки. Ваша до гроба и молнии Стрекоза».

— Лахит все поймет, — сказал Батон. — С его помощью вы разделаетесь с Шито-Крыто почти запросто. Но ловите момент, когда Лахиту станет выгодно продать вас.

Отпустив Батона, полковник Егоров проглотил несколько таблеток и пилюль, выпил капли из трех флаконов и спросил дежурного:

— Что госпожа Стрекоза подделывает?

— В мешке, как обычно. Выпускать нельзя: кусается и царапается, спасу нет.

— На что реагирует положительно?

— Изредка на фруктовку. Пищи почти не принимает.

— Отправьте вот это по одиннадцатому каналу. Об ответе доложить немедленно, где бы я ни был.

— Есть, товарищ полковник. Из больницы звонили, требовали, чтобы вы...

— Спасибо, спасибо. Идите.

Голова болела непрестанно. А работать надо было именно головой. Нельзя же сидеть сложа руки или лежать в больнице и ждать-гадать, что там замыслил генерал Шито-Крыто. Ведь задание Стрекозы неизвестно, удалось только определить, что она должна была уничтожить БХ-000 и что-то (а что?) сделать с Толиком Прутиковым.

Из главного управления советуют: не торопитесь, не спешите, поможем, подскажем. Но полковник Егоров чувствовал, что медлить нельзя.

— А если... отпустить Стрекозу? Что она будет делать без радики, без денег, без документов, без оружия? Может быть, она все-таки попробует выполнить задание? Тут мы его и узнаем...

— Товарищ полковник, сообщение от Лахита.

Лахит ответил так:

«Рад за вас. Питайтесь манной кашей. Я ее тоже обожаю. Жду дорогой весточки. Лахит».

— Все понятно! — весело сказал полковник Егоров. — Вызовите к восемнадцати ноль-ноль оперативную группу. А сейчас ко мне Батона.

Батон явился заспанный; сев в кресло, шесть раз зевнул, три раза с хрустом потянулся. Он прочитал сообщение, еще раз сладко зевнул, еще раз потянулся, но уже без хруста, сказал:

— Он согласен. Можете посылать к нему человека. Входной пароль: перекося карбюратора. Отзыв: хабаенера, гулливера, чок.

— А пароль для выхода?

— Он меняется три раза в сутки. К Лахиту обращаться по этому вопросу не имеет смысла. Теперь он согласен иметь дело только с человеком, который придет от вас, и только на месте.

— Господин бывший генерал! — сказал полковник Егоров. — А если мы пообещаем вам свободу, вы окажете нам еще одну услугу?

— Не нужна мне никакая свобода! — испуганно вскрикнул Батон. — На что мне она? Мне и так у вас нравится. У меня нет никаких претензий. Я всем доволен. Готов вам во всем помогать, но только лежать.

— А если я вас переведу в карцер?

— За что, господин полковник?! Ах, да! Я и забыл, что я у вас, так сказать, в плену. Простите, забыл. Слушаю вас.

— Что будет делать Стрекоза, если ей, предположим, удастся убежать?

— Сначала она сделает все, чтобы попытаться выполнить задание. Жизнью она не дорожит нисколько, поэтому будет действовать нагло, напролом.

— Почему она интересовалась Толиком Прутиковым?

— Вероятнее всего, для того, чтобы обезвредить его. Или завербовать. Шито-Крыто очень злобен. И мстителен. Вполне возможно, что он просто решил расплатить-

ся за провал диверсионной группы «Фрукты-овощи». И в то же время испытать в деле первого шпиончика.

— А если я предложу вам сбежать вместе со Стрекозой?

Выражение лица Батона стало таким кислым и страдальческим, словно он раскусил гнилой лимон. Батон в страхе забормотал:

— Она же меня изуродует. Ее опасно выпускать. Она же улизнет. Ее никому не поймать. Нет, нет, я отказываюсь! Лучше карцер! Я сидел в клетке на площадке молодняка и то чуть не умер! Поймите и пожалейте меня, господин полковник! Я готов делать для вас все, но только лежать!

— Лежать? — переспросил полковник Егоров. — А что, если действительно лежать? А? Предположим, вы лежите и умираете...

— Как — умираю? Уже?!

— Я сказал «предположим». Вы лежите, умираете и просите привести к вам вашего командира — младшего сержанта Стрекозу. Вы хотите проститься с ней и кое-что ей посоветовать. Мы придумаем, что именно вы ей посоветуете перед своей якобы смертью.

— Страшно. Но я согласен. Лежать я согласен на все.

Батона увели, а полковник Егоров опять принял таблетки, пилюли и капли и с завистью подумал, что хорошо бы ему сейчас часика на три прилечь...

— Соедините меня с доктором Азбарагузом, — попросил он дежурного и вдруг сквозь плотную тупую боль в голове уловил ясную мысль: Стрекозу надо познакомиться с Толиком Прутиковым. Интересно, что она с ним будет делать?

— Товарищ полковник, доктор Азбарагуз уехал в Дом политического просвещения читать лекцию на тему «Взрослый человек как результат развития ребенка».

— Я туда.

— Оперативная группа в сборе.

— Пусть будет наготове. Стрекозе сообщите, что Муравей серьезно заболел, настолько серьезно, что, может быть, скоро умрет. В Доме политпросвещения я буду у крайнего правого входа.

В машине полковник Егоров пытался отдохнуть, пытался хотя бы закрыть глаза, но что-то тревожило его, словно он ехал не на лекцию, а на опасное задание.

Лекция «Взрослый человек как результат развития ребенка» и первые реплики из зала

Зал Дома политического просвещения был не просто переполнен, а ПЕРЕПЕРЕЕполнен. Полковнику Егорову пришлось стоять сжатым со всех сторон возбужденными, напуганными бабушками и дедушками, настороженными папами и мамами. Много было детей, но они как-то попрятались среди взрослых.

Психоневропатолог и ученый Моисей Григорьевич Азбарагуз долго переждал гул зала и заговорил лишь тогда, когда гул этот утих.

— Меня не удивляет тот факт, — начал ученый, заметно волнуясь, — что на мою лекцию собралось такое значительное количество заинтересованных лиц. Дело здесь, конечно, не в моем более чем скромном имени, а в самой теме лекции. Итак, взрослый человек как результат развития ребенка. Разработке этой трудной и благороднейшей в своей неблагодарности теме я посвятил всю свою научную сознательную жизнь. Как всякое научное ОТКРЫТИЕ, работа моя встретила не только поклонников-сторонников, но и немало разнообразных противников.

Приступаю к изложению своих научных взглядов на ребенка.

У некоторых из нас, родителей, а особенно у бабушек и частично у дедушек, неверный, ненаучный и, в конечном итоге, вредный для ребенка взгляд на ребенка.

Примерно ползала возмущенно прогудело.

— Мы все время забываем, — повысил голос Моисей Григорьевич, — что ребенок, пусть самого незначительного возраста, это уже человек и в недалеком будущем — взрослый человек. И если вы зададите мне вполне резонный вопрос: откуда берутся плохие люди, — я очень логично отвечу: в основном из плохих детей. Из Петеньки-лапушки образуется бандит с большой дороги, из Марусеньки-кисаньки, извините, опытная мошенница, из Васюленьки — крупнейший бюрократ и так далее. Я чуть-чуть сгущаю краски, но лишь для того, чтобы яснее выразить мысль. А кто всеми силами, сам того не замечая, иногда стремится к тому, чтобы дети выросли плохими?

Мы!

Обычный пример. Пятимесячный карапуз стукнул бабушку, простите, по очкам. А что говорит бабушка, как она реагирует на этот насильственный акт?

Из зала раздался восторженный голос:

— Ах ты, шалунишка ненаглядненький!

— Вот именно! — грозно сказал психоневропатолог и ученый Моисей Григорьевич Азбарагуз. — А это вовсе не шалунишка ненаглядненький, а хулиган пятимесячного возраста! Сдачи ему дать надо!

— Это младенцу-то?! — хором спросило примерно бабушек сорок.

— Он не только младенец, но и будущий взрослый человек! Вьющий бабушку по очкам безнаказанно в будущем способен и

* Главы № 36 и 37 написаны специально для взрослых, дети их могут не читать. (Примечание автора.)

на убийство! Поймите это, иначе — крах воспитательной системы! Зал вздрогнул.

— Потрясающее наблюдение! Не все двоечники — жулики, но почти все жулики — бывшие двоечники! Далее! Почему бабушка в нашем свободном обществе находится чуть ли не в рабстве у внука или внучки?

— Это не рабство, а счастье! — крикнула бабушка из последнего ряда.

— Это не счастье, а безобразие! Вернее, это одновременно и счастье частично, но в основном все-таки безобразие! — ответил Моисей Григорьевич. — По моим научным подсчетам, которые можно, конечно, но вряд ли нужно оспаривать, из ста плохих детей пятьдесят девять избалованы бабушками, одиннадцать — дедушками, пятеро — объединенными усилиями бабушек и дедушек, двадцать — папами и мамами, и лишь пятеро испортились самостоятельно или по неизвестным науке причинам.

— Детство должно быть радостным и счастливым! — прогремел будто бы с небес дедский голос.

— Не только детство, — научно уточнил Моисей Григорьевич, — но и вся жизнь человека должна быть радостной и счастливой. А вы знаете, кто из взрослых страдает больше других? Как раз те самые, которых избаловали в детстве!

Папа Юрий Анатольевич непроизвольно надохнул на весь зал, на него зашикали со всех сторон, а он нахмурился.

— Вот что пишет в дневнике, — оживленно продолжал Моисей Григорьевич, — Вася Терехин, десяти лет: «Когда родители просят меня что-нибудь сделать, мне хочется умереть!» Да-а-алее! Избалованный с детства и во взрослую жизнь входит неприспособленным, и жену-то себе выбирает типа бабушки! Повторяю свой первый научный вывод: избалованность и ленивость детей может превратить все допустимые нормы, станет социальной проблемой, требующей немедленного разрешения, иначе будет влиять даже на экономику страны. А готовы ли мы к этому, к разрешению?

— Говорите, пожалуйста, по-русски, — попросила старушка из первого ряда, — а то мне страшно, а вот отчего страшно, не пойму.

— Я говорю по-научному, — объяснил Моисей Григорьевич, — иначе я не умею, ибо я ученый. Коэффициент бесполезного действия детей на сегодняшний день в некоторых районах нашего города увеличился, а коэффициент полезного действия детей — соответственно снизился.

Перехожу к самому главному. Что является основным врагом ребенка, врагом номер один?

Зал так притих, словно он был не ПЕРЕПЕРЕполнен, а совершенно пуст. Бабушки настороженно вытянули шеи, повернув к трибуне то ухо, которое лучше слышало. Дедушки же, наоборот, втянули головы в плечи, словно ожидая удара. Папы и мамы виновато и ободряюще улыбались друг другу. И даже дети в такой обстановке абсолютно присмирели.

Моисей Григорьевич продолжал:

— Мы, ученые, с древнейших времен отвечаем: основной враг ребенка, ВРАГ НОМЕР ОДИН — ЭТО ЛЕНЬ.

Я не буду останавливаться на чисто научной стороне данного вопроса. Постараюсь передать его сугубо практический смысл.

Лень особенно страшна тем, что мало кто считает ее заболеванием и тем более очень опасным, часто неизлечимым. Тунеядство проникает в организм человека неизвестными медицине путями. Последствия таких заболеваний ужасны. Полная или частичная потеря трудоспособности, полная и особенно часто — частичная потеря умственных способностей. Далее! Функциональные расстройства всего организма. Больной Романов Алик, тринадцати лет. Привык часами сидеть неподвижно, поджав под себя левую ногу и размышляя о том, как бы и чем бы заболеть, чтобы не идти в школу. Левая нога немела, но ему было лень заменить ее правой, и постепенно левая нога высохла.

Просто невозможно в рамках небольшой лекции хотя бы перечислить разнообразнейшие виды заболевания ленью у детей. В моем научном труде их описано двести шесть.

Задумайтесь над этим! Известно, что сам ребенок излечиться от тунеядства не может. Ему требуется большая помощь семьи, школы, всего общества.

Тунеядничество легче предупредить, чем вылечить. Довольно большая группа довольно известных западных ученых утверждает, что человек ленив по природе и практически лень неизлечима. Они, кстати, описывают случаи, когда дети родились уже ленивыми.

Мы придерживаемся обратной точки зрения, но отмечаем, что процент ленивых детей не снижается. Как ни странно, это особенно бросается в глаза, когда анализируешь данные по благоустроенным районам города. Получается, что чем больше бытовых удобств, тем ленивее ребенок. Конечно, это не значит, что мы ратуем за свертывание жилищного строительства, нет! Но мы за то, чтобы взрослые поняли опасность, которую несет с собой заболевание ленью.

Мамы и папы! Бабушки и дедушки! Старшие братья и сестры! Близкие и дальние родственники! Вашим детям, внукам и внучкам, младшим братьям и сестрам грозит почти смертельная опасность! Все силы на борьбу с ленью! Помните: сегодня — милый ленивый карапуз, а завтра, может быть, мятко выражаясь, негодяйчик, которому лень быть хорошим человеком.

Напоминаю, хотя и предвижу, какой поток возражений и несогласий посыплется на меня. Пусть я сгущаю краски, пусть я преувеличиваю. Но для пользы дела я утверждаю, что особая, негативная роль в привитии детям закоренелых навыков тунеядства принадлежит бабушкам, частично — дедушкам. А мамы и папы передоверили им детей, ссылаясь на занятость.

Тут все бабушки в зале ахнули, а дедушки возмущенно крикнули или что-то вроде этого. Мамы и папы виновато и ободряюще улыбнулись друг другу. Дети удовлетворенно хихикнули.

— Я заканчиваю, — устало сказал Моисей Григорьевич. — Не сомневаюсь в нашей победе. Не сомневаюсь я и в том, что наши уважаемые бабушки еще много сделают в нелегкой борьбе с детской ленью. Не отстанут от них уважаемые дедушки и мамы с папами. Мы окажем народу огромную помощь, если сообщим приемся за полное искоренение лени у детей.

Объявили перерыв.

— Такой поднялся галдеж, словно учеников школ двадцати пяти одновременно выпустили на большую перемену в один двор.

Полковник Егоров разыскал Моисея Григорьевича, крепко пожал ему руку, проговорил:

— Вы начинаете великое дело. Кстати, для сведения, вам надо знать, что некоторые иностранные разведки начинают готовить агентов прямо-таки чуть ли не с грудного возраста.

— Вот видите! — с жаром воскликнул Моисей Григорьевич. — Шпионы оценили значимость ребенка, а иные бабушки с завидным упорством и упрямством почитают своих внуков и внучек лапушками да кисаньками вплоть до призыва в армию и даже во время учебы в институте.

— У меня к вам вопрос. Агенты, которых мы задержали у вас в больнице, не пытались увидеть Толика Прутикова?

— Они за этим и пришли. Но я не разрешил.

— Спасибо, это ценные сведения, — поблагодарил полковник Егоров. — К сожалению, не имею возможности послушать диспут. Дела. Достанется же вам от бабушек!

— О, ради науки я готов на любые муки!

ГЛАВА № 37

Взволнованное, временами даже нервное
обсуждение лекции М. Г. Азбарагуза

Когда после перерыва Моисей Григорьевич появился на сцене, в зале сразу наступила какая-то тревожная тишина, прерываемая глухим ворчанием дедушек и вздохами бабушек. Папы и мамы никаких звуков не издавали. Дети с интересом примолкли.

Первой к трибуне взбежала бабушка из первого ряда и торопливо заговорила:

— Ничего я почти не поняла. Ничего я почти не разобрала. А то, что я все-таки ухитрилась понять, и то, в чем я с трудом разобралась, это ужасно. Вредно. Чу-до-вищ-но! Предположим, всем детям грозит лень. Прекрасно! То есть, наоборот, плохо. Но при чем здесь мы, бабушки?! Вы возвели на нас научную клевету и напраслину. Пусть это научно, может быть, но нечестно и несправедливо!

Все бабушки заулыбались, согласно кивая головами и даже робко аплодировали.

— По-вашему, получается, — еще торопливее продолжала бабушка из первого ряда, — что мы воспитываем только лентяев. Но кто тогда воспитывает, например, Героев Советского Союза? Героев Социалистического Труда кто воспитывает, по-вашему? Тоже мы, бабушки!

И под бурнейшие аплодисменты бабушек и некоторой части дедушек она гордо села на свое место в первом ряду.

Вторым на трибуну поднялся очень высокий дед с очень короткой бородкой и сказал:

— Хорошо, что наука взялась за бабушек. Они — это действительно большая сила, но и зло тоже значительное. Простой арифметический подсчет наглядно показывает, что на сегодняшний день бабушки пока воспитывают больше лентяев, чем Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда! Шумите, шумите, шумите, сколько вам угодно! — обратился он к бабушкам в зале. — Истину вам все равно не заглушить! А истина

заключается в том, что внуков мы балуем, подходим к ним с заниженными требованиями. Мне известны случаи, когда молодые люди в возрасте девяти-десяти лет не умеют правильно намазывать масло на хлеб, хотя есть умеют здорово. Я беру на себя обязательство: из двух имеющихся у меня внуков хотя бы одного вырастить настоящим человеком. Чего и вам желаю.

— Я не знаю, зачем нас сюда пригласили? — всклипывая на весь зал, спросила бабушка из последнего ряда. — Не нужна мне ваша трибуна! Я буду говорить правду со своего места!! Зачем нас сюда позвали, я спрашиваю? Чтобы обидеть нас и наших чудесных, замечательных, удивительных внуков и внучек? А за что? Я считаю, что ребенок должен расти здоровым. Вот моя основная задача. По-вашему же получается, что ленивый, но здоровый ребенок хуже, чем трудолюбивый, но, извините за выражение, рахитик. Где логика? Может быть, в этом есть наука, но логики, я считаю, нету! — Она помолчала, чтобы унять слезы, уняла их и заговорила дальше: — Я кормлю, родители и школа должны воспитывать. Я обожаю своего внука и не стыжусь этого чувства. В нем смысл моей жизни. И мне совсем не трудно, а приятно намазать ему хлеб маслом! Лишь бы ел! У меня еще далеко не все, но от волнения я больше говорить не в состоянии.

— Можно вопрос? — Никто и не заметил, как на сцене оказалась такая маленькая старушка, что ее самой не было видно за трибуной, а виднелась лишь черная шляпка с белым перышком. — Кто тут боится, что мы не умеем воспитывать? Кто тут сеет слухи, что мы выращиваем только лентяев? Наука, оказывается, боится. Вот так новость! По-научному получается, что не будет ленивых детей, зато появятся ленивые бабушки. К этому, оказывается, нас наука призывает. Интересно, что мы будем делать, если нам запретят все силы и здоровье отдавать детям?

— На заданные вопросы отвечу я! — Это заявила бабушка Александра Петровна. Она серьезно пропла через зал, поднялась на сцену, встала рядом с трибуной. — Ленивая бабушка — понятие такое же неестественное, как, например, идеальный ребенок. Я полностью признаю все научные претензии в наш адрес. Помоему, современная бабушка состоит из нескольких частей. Она и нянька, и прачка, и повар, и так далее. Но, сколько бы профессиональностей она ни совмещала, своей собственной, личной полнокровной жизни у нее нет. Бабушки годами не ходят в театры, не участвуют в художественной самодеятельности, совершенно не занимаются спортом. Поэтому я дома объявила забастовку под лозунгом: хватит! Не могу я забыть и о том, что своим сверхзаботливым отношением я довела внука до болезни. И вот вам результат моего освобождения: недавно внук научился наливать суп в тарелку совершенно самостоятельно. Я доведу его до того, что он суп и варить научится! Долой ленивых внуков, и да здравствуют свободные бабушки!

Диспут длился до глубокой ночи. Сначала выступали по одному и выходили к трибуне, но затем, чтобы дать возможность выступить всем желающим, стали говорить по несколько ораторов сразу и с мест. Выступали бабушки и дедушки. Мамы и папы долго отмалчивались. Первым из родителей выступил Юрий Анатольевич.

Он сказал:

— Не оспаривая научных выводов уважаемого лектора, позволю категорически не согласиться с ним в части бабушек. Нельзя всех бабушек стричь под одну гребенку. В переносном смысле слова, конечно. Бабушки бывают разными. Я считаю профессию бабушки одной из самых почетных и — прошу учесть! — незаменимых. Большинство из них бескорыстно и старательно выполняет свой исторический долг. — Он переждал восторженные аплодисменты и продолжал: — Все мы, родители, со временем превратимся кто в бабушек, кто в дедушек. Сейчас мы мучимся с детьми, а в будущем нам предстоит терпеть внучат. Но мы же совершенно не подготовлены к тому, чтобы стать полноценными бабушками и дедушками. Словом, во весь рост встает проблема прабабушек и прадедушек. Что я хочу этим заявить? Слава и долгие годы жизни бабушкам и дедушкам, которые еще немало поработают в качестве прабабушек и прадедушек!

Когда все совершенно устали и пора было заканчивать прения, на трибуну поднялась учительница Зинаида Петровна.

Тут зал примолк.

— Как опытный педагог, — сказала учительница Зинаида Петровна, — я считаю прослушанную мною лекцию абсолютно сверхантипедагогичной. Утверждение, что наши дети находятся будто бы в какой-то опасности, нелепо и вредно. Товарищ ученый не знает жизни, оторван от нее. Конечно, еще встречаются ленивые дети, но в целом-то наша жизнь прекрасна и удивительна, как сказал поэт. Никто этих слов пока не отменял. И уверять, что наши дети воспитываются неправильно, — значит клеветать на большую армию учителей, сводить на нет благородную работу школы. Товарищ ученый просто не в курсе дела. Мы не против деятельности бабушек и дедушек, какую-то пользу они, может быть, и приносят, но нам важнее поднять сознательность родителей. Многие из них не ходят даже на родительские собрания. А это нам очень мешает. Ждем, дорогие родители, вас в школе!

В заключение выступил психоневропатолог и ученый Моисей Григорьевич Азбарагуз. Он ответил на многочисленные вопросы и сказал, в частности, следующее:

— Я утверждал и буду продолжать утверждать, что бабушки и дедушки уже сыграли свою историческую роль в развитии общества и должны уступить дорогу своим детям. Современная наука требует от современного ребенка ранней самостоятельности. Мы разработали свод научных рекомендаций, которые помогут добиться того, чтобы уже в возрасте трех-четырех лет ребенок был вполне сознательным и самостоятельным. И главное: если мы как можно быстрее не осознаем всю опасность наступающей лени, не примем мер для борьбы с нею, я заплачемся. Спасибо за внимание.

Семья Прутиковых шла домой молча. Толик хотел спать и на каждом шагу спотыкался.

— Интересно, — у самого дома сказал папа, — на лекцию вы нас сводили, Александра Петровна. Спасибо. А что же мы будем сейчас есть?

— Чаю попьем, — неестественно веселым и громким голосом отозвалась мама. — На ночь есть вредно.

— Знаю, знаю! — сразу рассердился папа. — Утром онажестся, что и завтракать вредно! Хорошо еще, что спать не вредно!

— Чаю попьем! Чаю попьем! — уже совершенно неестественным и веселым голосом повторила мама, — Пить чай — это очень полезно.

— Особенно без заварки и сахара, — со счастливым смехом сказала бабушка. — Никто ведь не догадался в магазин сходить, а я была занята.

— Уважаемая Александра Петровна, — сквозь зубы выговорил папа Юрий Анатольевич, — вы можете не заботиться обо мне. В конце концов, я вам чужой человек. Но я отец вашего внука! Я муж вашей дочери! Неужели это не дает мне права потребовать к чаю без заварки и без сахара хотя бы бутерброд с колбасой?

— Я очень хочу есть, — зевая, сказал Толик. — Мне не унуть на голодный желудок.

— Видите, уважаемая Александра Петровна, до чего вы довели ранее вами любимого внука! — воскликнул папа.

— Ссориться при ребенке непедагогично, — сказала бабушка. — Я вот позавчера в Доме санитарного просвещения слушала лекцию «Ранний склероз у детей». Лектор прямо заявил, что ссоры родителей угрожают ребенку сердечно-сосудистыми заболеваниями. В таких случаях рекомендуется вместо ссор заниматься спортом.

И все-таки лекция Моисея Григорьевича, как потом выяснилось, оказала на семью Прутиковых определенное влияние.

ГЛАВА № 38

Фон Гадке хворает, трясется и принимает важное решение

Господин оберфобергогердрамхамшнапсфюрер фон Гадке очень хворал. Он очень захворал сразу, как вернулся от генерала Шито-Крыто. Ведь впервые в жизни не фон Гадке обманул, а его, фон Гадке, обманули. Ведь впервые в жизни не фон Гадке сподличал, а ему сделали подлость, да еще самым подлым образом! Как говорится, вор у вора дубинку украл, да еще язык показал!

Фон Гадке согласился быть высоким гостем низенького роста у генерала Шито-Крыто потому, что рассчитывал его надуть и выманить у него хотя бы парочку шпиончиков. Надеялся фон Гадке и денежек выпросить, а может, и орден с несколькими медалями, да и гавриков своих продать за весьма и весьма солидную сумму.

А что получилось?

Смертельное обязательство получилось!

Лежать было неудобно, потому что по указанию врачей санитары крепко-накрепко привязали фон Гадке веревками к кровати. Дело в том, что, когда он вспоминал о своем недавнем визите в «Гроб и молнию», его

так трясло от злости, что он слетал с кровати и больно и долго стучался об пол головой и другими частями своего тельца. А привязанный, он трясся вместе с кроватью и, по крайней мере, не ушибался, только что-то в головке встряхивалось, и он некоторое время ничего не соображал.

Шпионить за самим собой?!?!?

Это чудовищно,

мерзко,

глупо!

У самого себя красть секретную документацию —
ЭТО ИЗДЕВАТЕЛЬСТВО!

Да и своими гавриками он был огорчен безмерно. Правда, драка — не самое главное в их профессии, тем более, что шпиончиков было двадцать восемь штук!

И все же это — поражение.

Значит, гаврики нуждаются в серьезном усовершенствовании. А серьезно усовершенствовать их будет уже генерал Шито-Крыто или фон Гадке для генерала Шито-Крыто.

Тут его, то есть господина оберфобергогердрамхамшнапсфюрера, так потрянуло от злости, что кровать опрокинулась, и он оказался под нею.

Надо учесть, что фон Гадке, как всякий малорослый недомерок, любил окружать себя огромнейшими вещами, и кровать он себе потребовал размерами со штрафную футбольную площадку.

Оказавшись придавленным этой невероятнейших размеров кроватью, фон Гадке сразу перестал трястись и правильно сделал, а то его бы расплющило насмерть. А сейчас ему расплющило только губы, да острейший нос свернуло набок, и дышать было почти невозможно.

Не было возможности и позвать на помощь.

Следует знать, что люди, которые любят другим причинять боль, сами боли не выносят. А уж как поиздевался над людьми фон Гадке во время последней большой войны! Он их и собаками травил, и газами отравлял, и голодом и холодом морил, и расстреливал, и вешал, и пытал с особенным удовольствием.

Больше всего любил он издеваться над детьми, хорошо понимая, что из них могут вырасти замечательные люди, которые его, фон Гадке, и ему подобных в порошок сотрут. И он все делал для того, чтобы они не выросли.

Детей он до того ненавидел, что собственных сыновей или дочерей у него не было.

Лежал он, придавленный невероятных размеров кроватью, и удивлялся, что все еще дышит, хотя дышать было почти невозможно. В головке даже мыслишки были. Например, какая разница — кому служить? Тому ли командованию, этому ли? Важно, что — командованию, и важно, что против людей и особенно против детей. Вот и будет он служить (если, конечно, из-под кровати живым санитары вытащат) не начальнику Центрхапштаба барону Барану, а начальнику «Гроба и молнии» генералу Шито-Крыто! Хе-хе, как говорится!

Внезапно он почувствовал, что головка его постепенно расплющивается и он начинает умирать. И, теряя сознание, господин оберфобергогердрамхамшнапсфюрер по кличке Дядя Съем яростно пожалел о том, что без него людям жить будет безопаснее, а он так и не успел сделать человечеству величайшую пакость.

К несчастью для человечества, именно в этот самый момент пришли санитары, освободили фон Гадке, подождали, пока он придет в себя.

— Дайте мне укол, чтоб меня не трясло! — завопил он, увидев в зеркале свою сплюснутую головку и свернутый набок острейший нос. — Дайте мне сто уколов, а то я совсем разобьюсь!

Ему всадили четырнадцать уколов, и фон Гадке с блаженством вытянулся на невероятных размеров постели. Трясти его больше не трясло, только ножки часто дергались да уши больно шевелились и вытягивались.

Ну что ж, он будет служить генералу Шито-Крыто. Предать свое родное начальство — тоже очень приятно, а работа останется прежней, а денежек будут платить больше, а пакость человечеству он все-таки сделает.

— Но! Но! — закричал фон Гадке. — Но-о-о-о!!!

Но ведь и генерал Шито-Крыто может его, фон Гадке, предать! Как говорится, за милую душу и с истинным наслаждением! А что нужно делать для того, чтобы тебя кто-нибудь не предал? Надо срочно, хе-хе, предать того, кто может предать тебя!

От этой прекрасной мыслишки на душонке у фон Гадке стало светло и радостно. На мгновение даже закружилась от счастья сплюснутая головка. Сладостная

— Все всегда врут! — отрезала Стрекоза. — Я бы тебя придушила, да есть у меня более важные дела. Чего тебе от меня надо, старинг фентих?

— Только не обзывайся, пожалуйста, и не ругайся! Здесь тебе не площадка молодняка, а серьезное, солидное заведение... Я бы сам сбежал отсюда и даже тебя не предупредил бы, но неожиданно оказался при смерти. Если ты хочешь убежать, тебе надо притвориться, что ты заболела, — шептал агент Муравей прямо в ухо младшему сержанту Стрекозе. — Заболей и...

— А что это такое?

— Ах, ведь ты ни разу не болела. Ну... как это? Притворись почти мертвой.

— Дохлой, что ли?

— Ну дохлой, по-вашему. Дыши громко-громко. И кричи: «Ах! Эх! Ох! Юх!» Тебя перевезут в другое помещение, — шепотом наставлял агент Муравей. — Ночью спокойно вылезай в форточку. Охраны почти нет. Дежурные только у ворот. Если вернешься домой, передай моим родителям, что я погиб достойно, хотя и в чине рядового.

— Достойно, достойно... — проворчала Стрекоза, подозрительно его разглядывая. — Подыхай и ни о чем не беспокойся. К твоим стариканам я не пойду. Ненавижу всех стариков и старух!.. Откуда же ты, такой дурак, узнал, как можно сбежать?

— Во-первых, я не дурак! — обиделся Батон. — Во-вторых, если ты не перестанешь грубить...

— Заткнись! Скажи мерсибо, что я оставила тебя в живых, хотя у меня руки чешутся от желания при-и-идушить тебя!.. Как называется то помещение, куда меня перевезут, если я притворюсь почти дохлой?

— Больница.

— Больница? — переспросила Стрекоза. — Это что, подыхальня?

— По-вашему, да! Перестань ты... эти ваши шпионские словечки... тошнит от них культурного человека!.. Главное, никого не кусай и не царапай, ночью вылезай в форточку и — ап! — через забор! И ты на свободе! Но если тебя снова схватят, а я не умру, а сбегу, что мне делать?

Стрекоза пожала плечами, но ответила:

— Тебя сюда послали только для того, чтобы ты не вернулся, муссорро.

— Это же... — Батон даже не поленился сесть. — Безобразие же это! Я бывший генерал! У меня заслуги! Ведь я принимал на работу эту выскочку Шито-Крыто! Я, к вашему сведению...

— Хватит! — оборвала Стрекоза. — Никого ты не интересуешь! Ни ты, ни твои заслуги! Последний раз спрашиваю: не врешь?

— Дело твое. Уговаривать я тебя не собираюсь.

В камеру вошел полковник Егоров, спросил:

— Поговорили?

— Благодарю вас, господин полковник, — загробным голосом ответил Батон, — что вы изволили выполнить мою предсмертную просьбу... Я чувствую, что мой командир — младший сержант Стрекоза — тоже более или менее серьезно болеет. Неплохо бы отправить ее в подыхальню.

— Куда, куда?

— То есть в больницу... Ей плохо, по-моему.

— Ах! Эх! Ох! Юх! — произнесла Стрекоза.

— О, да она действительно больна! — озабоченно воскликнул полковник Егоров. — Немедленно отправить заключенную Стрекозу в больницу! — И когда ее увели, он спросил: — Она согласилась?

— Только будьте начеку, — кивнув, предупредил Батон. — Она может улизнуть. Это же не человек, а шпиончик. И вообще, что за типы в нашей организации! Меня, бывшего руководителя, оказывается, посылали сюда на верную, то есть запланированную, смерть. И учтите, господин полковник, что я выполнил еще одну вашу просьбу.

— Это была не просьба, а приказ. Не забывайте, господин бывший генерал, что мы с вами враги. Вы много лет работали против нас.

— Ха, я так работал против вас, что меня разжаловали в рядовые! — радостно воскликнул Батон. — Если бы так все работали против вас... Мне сохраняют три матраца и одиночное заключение?

— Вполне возможно, что суд учтет ваше раскаяние и некоторые заслуги перед нами.

Когда полковник Егоров ушел, Батон, облегченно вздохнув, начал погружаться в сон. Не его дело, как закончится история со Стрекозой... пропади она пропадом вместе со своим Шитом-Крытом... со своей Шитой-Крытой... баю-бай, баю-бай... спи, Батончик, засыпай...

ГЛАВА № 40

Откровения офицера Лахита ставят генерала Шито-Крыто в грандиозный тупик

И хотя все испытания всех отрядов, групп, десантов и рот операции «Братцы-тунейдцы» проходили по заранее намеченному плану, генерал Шито-Крыто был мрачен и зол или зол и мрачен.

За последние дни он разбил в щепки три дубовых письменных стола, и ему в кабинет поставили здоровенный чугунный стол на толстых стальных ногах.

Стрекоза опять замолчала, и это было в высочайшей степени подозрительно. Фон Гадке вроде бы нагло врал, что он захворал, не выполнил своего смертельного обязательства, и это тоже было в наивысочайшей степени подозрительно.

И генерала Шито-Крыто непрестанно грыз вопрос: почему он не может все делать один? Ведь никому нельзя верить! На каждом шагу тебя могут

обмануть,
надуть,
предать,
продать!

Но еще страшнее, до мурашек по огромной, без единого волоска голове, был другой вопрос: а можно ли доверять самому себе?

А вдруг предашь самого себя?!?!?!?

Ведь был же случай с а м о д о н о с а с бывшим генералом Батоном!

В озлобленном, воспаленном воображении руководителя «Гроба и молнии» возникал большой лист бумаги. На нем длинными, жирными буквами его, генерала Шито-Крыто, почерком был написан донос на него, генерала Шито-Крыто!!!!!!

Лоб покрывался очень холодной испариной, поджилки очень мелко тряслись, сердце очень сладко и больно сжималось от невероятного ощущения нечеловеческой подлости. Еще бы мгновение — и он бросился бы к столу и настроил бы, что генерал Шито-Крыто есть изменник, предатель и надуватель... Самое Высокое Самое Верховное Главнокомандование сначала бы не поверило своим собственным глазам, а потом бы приказало восхищенно и растроганно:

— Арестовать, расстрелять и поставить памятник!

Это первый среди нас самопредатели! В честь его памяти, раз, два — взвыли!

«Уж не болен ли я?» — пронеслось в его похожей на арбуз, футбольный мяч и глобус голове, и он закричал:

— Офицер Лахит, чертов сын! Быстро ко мне! Отвечай, не задумываясь: я нормальный или нет?

— Никак нет, шеф.

— Что — никак нет? Я нормальный или ненормальный?

— Так точно, шеф.

— Что — так точно?

— Вы гениальный, а значит, и ненормальный. Что вас беспокоит, шеф?

— Временами мне кажется, что я могу предать... самого... себя!

— О, это наше профессиональное заболевание от переутомления. Например, вы слишком много читаете доносов. Зачем? Поручите это мне, пусть ваша гениальная голова отдохнет хотя бы от них. В любом доносе любой дурак разберется. Зачем вам тратить на пустяки ваше драгоценное время и не менее драгоценное здоровье? — очень льстиво говорил офицер Лахит.

— А-а-а-а-а-А-А-А-А! — завыл генерал Шито-Крыто. — А тебе, вот тебе, Лахит ты этакий, можно верить?

— Конечно, нет, — скромно, но с достоинством ответил офицер Лахит. — Верить мне нельзя, но следить за мной можно. Вообще лучше следить, чем доверять.

— Хорошо, занимайся доносами. Как быть со Стрекозой и Муравьем? Ведь если Самое Высокое Самое Верховное Главнокомандование узнает об этом провале, мне несдобровать, учти, вместе с тобой.

— Нет, я-то выкручусь, шеф. Обо мне не беспокойтесь. Я думаю о вашей участи. Стрекозу и Муравья надо забыть.

— То есть как это — забыть?

— То есть так: забыть — и все. Вычеркнуть Стрекозу и Муравья из памяти и документов. Как будто их и не было. Значит, и провала не было и быть не могло.

Тут даже генерал Шито-Крыто растерялся. Он еле пробормотал неуверенным тоном:

— Но ведь... ведь но... но ведь они были, особенно — она! Может быть, даже и сейчас есть!

— Уничтожить всяческие о них упоминания, —

вкрадчиво и уверенно советовал офицер Лахит. — Ведь они провалялись, это уже ясно, шеф. А раз они не будут значиться в документах, значит, повторяю, их не было, следовательно, и провала не было. Значит, вы опять работали безошибочно и беззаминочно.

— Недопонимаю, — совершенно растерянно признался генерал Шито-Крыто. — Впервые в жизни недопонимаю... Был ли Батон?

— Не был. Никогда никакого Батона не было, шеф.

— А кто же руководил «Тиграми-выдрами» до меня?

— Главный штаб.

— Ты далеко пойдешь, — устало и с опаской произнес, опускаясь в кресло, начальник «Гроба и молнии». — До такого даже я не мог додуматься. Однако ты предлагаешь мне ни больше ни меньше, как исказить, фальсифицировать историю нашей организации!

— Не исказить... следующего слова мне просто не выговорить... Не исказить, а подчистить. Подметаем же мы улицы, моем же мы полы, почему же из истории нашей организации не убрать... ну, те незначительные факты, которые кого-нибудь, например, раздражают? Отдайте мне устное распоряжение, я все сделаю.

— Ты... — Генерал Шито-Крыто долго, напряженно, но и растерянно думал. — В общем... подметай! И еще вот что. Припугни фон Гадке. Он медлит.

— Слушаюсь, шеф. Очень припугнуть или...

— Лучше — или... Нет, нет... прикинь сам!

Офицер Лахит выскользнул из кабинета, а начальник «Гроба и молнии» изо всех сил сдерживал себя, чтобы в диком отчаянии не застучать об стол своей огромной, без единого волоска головой. Как же так случилось, что какой-то офицерик Лахитик смел подсказывать ему... но ведь правильно подсказывал... Значит, в отдельных случаях он может быть умнее своего начальника?! Что нужно делать начальнику, когда он обнаружит, что подчиненный умнее его хотя бы в отдельных случаях?.. Сначала — проследить... А пока — работать, работать, работать!

Генерал Шито-Крыто включил телевизор, пододвинул к себе микрофон и сказал в него обычным — властным — голосом:

— Проверяю боевую готовность первой части операции «Братцы-тунеядцы». Докладывайте.

Нажатие кнопки — и на экране появился старикан с ехиднейшей физиономией и заговорил:

— Шеф, первая рота агентов — будто бы ворчливых пенсионеров находится в наиполнейшей боевой готовности. Состав укомплектован, почти обучен, горит желанием действовать в рамках инструкции. Господа офицеры, средние и нижние чины! — скомандовал он. — Выполняйте задачку номер тринадцать. Мальчишки во дворе не хулиганят, не безобразничают, даже не шалят, а мирно беседуют, играют в шахматы, поливают цветы. Вы должны детей обидеть, оскорбить, вывести из себя. Начинай!

На экране один за другим появлялись старики, один неприятнее другого, а иные и противнее другого, и ворчали:

— Хулиганить им и то лень стало!

— Они, видите ли, беседуют. Болтуны!

— Я в их годы сено возил. Отцу помогал.

— А эти цветочками занялись, делать им больше нечего!

— Сообщить надо по месту работы родителей!

— Ну и молодежь нынче пошла, глаза бы мои не видели!

— А я их и слышать даже не могу! Противно!

Генерал Шито-Крыто удовлетворенно ухмыльнулся, довольно хмыкнул, нажал кнопку — и на экране появилась тетенька в больших круглых очках и нудным, чуть ли не скрипучим голосом затянула:

— Шеф, первая группа агентов будто бы учителькомучительок находится в почти полной боевой готовности. Состав не то что не укомплектован, а... сойдет и так. Похоже, что все вроде бы обучены, и похоже — горят желанием действовать, если, конечно, получится... Госпожи офицерки, средние и нижние чинки! — тем же нудным и чуть ли не скрипучим голосом скомандовала она. — Продолжаем тренировку. Выполняем задачку номер семнадцать. Вы должны так уморить учащихся, чтобы они заснули на уроке, а вы потом будете их пилить и нудить, пилить и нудить, пилить и нудить, пи...

Генерал Шито-Крыто выключил телевизор. Первый и второй десанты сверхзаботливых бабушек-агентов он проверять не стал — это были лучшие боевые соединения, сформированные из самых опытных шпионок, ко-

торые были способны из вполне нормального ребенка за неделю сделать несусветного лодыря.

Еще месяц-полтора подготовки — и по воздуху, по воде и под водой, по земле и под землей агенты и агентки «Гроба и молнии» отправятся на выполнение первой части операции «Братцы-тунеядцы».

Близок, близок заветный день... Но почему так тревожно и пакостно на душе?

В кабинет прошмыгнул офицер Лахит с криками:

— Шеф! Шеф!! Шеф!!! Возвращается Стрекоза!!!!

— Прекрасно! Значит, она выполнила задание!

— Не вижу в этом ничего прекрасного, шеф, — осуждающе сказал офицер Лахит. — Она не может возвратиться.

— Это почему же? Чего ты мелешь?

— Потому, что Стрекозы не существует и никогда не существовало.

— Не морочь мне голову, — сквозь зубы процедил генерал Шито-Крыто. — Как это — не существовало?

— Я только что, по вашему, правда, устному указанию, шеф, уничтожил все документы с упоминаниями о Стрекозе.

— Болва-а-а-ан... — изумленно протянул генерал Шито-Крыто. — Крети-и-и-ин... дегенера-а-а-ат... проныра несчастный!

— Это моя специальность, — с невинным видом сказал офицер Лахит. — Я считаю, что нет никакого смысла...

— Молчать! — рявкнул начальник «Гроба и молнии». — Ты хочешь запутать меня! Сначала ты меня убедил, что Стрекоза провалилась. Потом ты доказал мне, что надо подчистить историю нашей организации. А сейчас оказалось, что Стрекоза возвращается! Я не верю тебе, не доверяю! Ни единому твоему слову не верю! За левую ногу к потолку тебя!

— У... у... успокойтесь, шеф! — вамолился офицер Лахит. — У вас просто нервное переутомление. Ваш генеральный мозг устал от воистину титанической работы и непрерывной деятельности! Успокойтесь, поберегите себя для великих дел! Не занимайтесь пустяками! Не обращайтесь на них внимания! Передоверьте их мне! Вам суждено...

— Ладно, ладно! — грубо прервал его генерал Шито-Крыто, с трудом сдержав довольную улыбку. —

Я чувю, что ты самым нахальным образом обманываешь меня, но не могу определить, в чем именно и как.

— Не тратьте зря силы, шеф. Вам это все равно не узнать. Я служу вам честно, и если иногда вас немножко обманываю, то для вашей же пользы... Итак, надо решить вопрос со Стрекозой.

— Она выполнила задание. Я должен узнать результат.

— А если она не выполнила задания?

— Не может, не может быть!

— Все может быть, все. Так я отдаю, шеф, ей ваш приказ: если не выполнила задания, выполняй во что бы то ни стало.

Генерал Шито-Крыто все еще злился, но офицер Лахит смотрел на него таким влюбленным, преданным и верноподданническим взглядом, что начальник «Гроба и молнии» сказал уже почти без раздражения, хотя и недовольно:

— Действуй... Но чтоб все было решено в самое ближайшее время. Да, кстати! Почему у тебя такой странный чин — офицер? Не лейтенант, не капитан, не майор?

— Видите ли, шеф, я не мелочен. Какая мне разница — лейтенант или майор? Все равно офицер. Я сразу стану генералом.

— Вряд ли. А как ты оказался моим помощником? Я вот только сейчас вспомнил, что не отдавал такого приказа.

— А я и не ждал приказа. Когда моего бывшего шефа из генералов разжаловали в рядовые, я сразу перешел в ваш кабинет, первым поздравил вас с генеральским чином и выполнил ваше первое генеральское поручение — отправился заказывать вам мундир, брюки и прочее.

— В таком случае по документам ты не являешься моим помощником?

— Никак нет, являюсь. Однажды, когда у вас было замечательное настроение, я сам напечатал на пишущей машинке приказ, а вы подписали.

Генерал Шито-Крыто побагровел, затем побелел, потом посинел и, снова став багровым, спросил:

— Не много ли на себя берешь, нахал, наглец и проходимец? Не метишь ли ты на мое место?

Офицер Лахит с почтением поклонился и ответил:

— Грош цена подчиненному, который не мечтает занять — со временем, естественно, — место начальника. Но мечты — это всего лишь мечты. Я служу вам с большой радостью, гордостью и страхом. Я боюсь вас, уважаю и обожаю, но дурак я буду, если откажусь от возможности занять ваше кресло.

Отпустив его, генерал Шито-Крыто с ненавистью подумал: «Хорошая растет у нас смена. Не перевелись еще на земле крупные негодяи. Ей, смене нашей, пальца в рот не клади — отгрызет! Надо только усилить воспитательную работу, чтобы никакая сила не сбила нашу смену с подлого пути!»

Поспав пять с половиной минут, генерал Шито-Крыто отправился на площадку молодняка, которую обязательно посещал ежедневно. Любовь его к шпиончикам все росла и росла, особенно после их замечательной победы над фонгадскими гавриками.

Очень нравилось генералу Шито-Крыто наблюдать за шпиончиками в непогоду. Как-то налетела гроза и буря с дождем и градом с бильярдный шар. Градом убило шесть сторожевых собак, двух солдат из охраны и трех дежурных, а шпиончики отделались только здоровенными шишками и синяками.

Генералу Шито-Крыто было радостно смотреть, как мужественно переносят всевозможнейшие мучения его воспитаннички.

Когда долго стояла хорошая погода, шпиончиков из пожарных шлангов обливали ледяной водой, а потом обдували мощными ветродуями.

Сейчас в клетках сидела новая партия, поэтому на площадке молодняка стоял сплошной плач и вой с визгами и рыданиями.

— Когда первая драка? — заботливо спросил генерал Шито-Крыто.

— Примерно через два дня, шеф, — с гордостью ответил дежурный офицер. — Неплохие экземпляры. Шестеро уже отличились, здорово злы.

— Ночью ни в коем случае не давайте им спать, — отечески, даже ласково посоветовал начальник «Гроба и молнии». — Включайте и выключайте свет, чаще стреляйте, побольше выпускайте собак и, конечно, воду из шлангов для засоней.

— Будет исполнено, шеф!

Невдалеке от площадки молодняка находилось зда-

ние сверхнеполной шпионской школы. Здесь шпиончики жили уже по-солдатски и учились по восемнадцать часов в сутки. За учебу отметок не ставили. Плохо ответил — получай по зубам или по уху. Средне ответил — увесистый подзатыльник или впечатляющий пинок. Поэтому все шпиончики были, по-нашему, круглыми отличниками.

Теперь здесь готовили экспериментальный взвод агентов-капризников. Они тренировались вместе со взводом агентов — будто бы сверхтерпеливых дедушек.

Когда генерал Шито-Крыто заглянул в зал, там репетировалась задачка номер восемь: капризники лупили сверхтерпеливых дедушек, а потом ездили на них верхом.

До глубокой ночи осматривал свои владения генерал Шито-Крыто. Везде был полный порядок, везде очень кипела работа, а вот на душе у него было тревожно, мерзко и пакостно. Всем своим существом он чувял какую-то крупную опасность, но не мог определить, хотя бы примерно, откуда она исходит.

А в приемной его ждал офицер Лахит и сказал с вызывающе невинным выражением лица:

— Осторожно осмелюсь выразить свое предположение, шеф. Дополнительно проанализировав последнее сообщение Стрекозы, я пришел к глубокому выводу, что оно поддельное. Кроме руки Батона, чувствуется еще чья-то.

От изумления и негодования генерал Шито-Крыто зай... зай... зайк... ик... зайкал. Его огромная, без единого волоска голова дергалась с такой силой, что он схватился за нее руками, чтобы не дать ей оторваться от шеи.

— У меня у самого в голове ералаш,— почтительно и очень сочувственно проговорил офицер Лахит.— Мне даже страшновато. Мы с вами оба запутались в чем-то. Предлагаю кардинальное решение: жду вашего приказа о том, чтобы вконец, навсегда и бесповоротно Стрекозу и Муравья забыть! Оборвать связи!

— Подожд... ИК! ... ди... ИИИК!.. Про... ик! ик! ик!.. Ны... ИИИИК!.. ра!.. ик... ик... и... к...

И голова генерала Шито-Крыто постепенно затихла, перестала дергаться, и он громоподобно захрапел.

А офицер Лахит, тихо напевая «Спи, моя гадость, усни», гладил голову своего гениального и любимого

начальника, неторопливо и предельно внимательно читал лежащие на столе секретные документы, один из них спрятал в карман и лишь тогда вынырнул из кабинета.

ГЛАВА № 41

Агент Бутемот выдает себя за Толика Прутикова

Голова у полковника Егорова прямо раскалывалась от тупой, непроходящей боли. Таблетки, пилюли и капли уже не помогали, не приносили никакого, хотя бы кратковременного, облегчения. Он, конечно, понимал, что надо немедленно вернуться в больницу, но еще яснее он понимал, что для этого у него нет даже сотой доли возможности.

Дело в том — и вы это и без меня прекрасно знаете, — что головы у людей имеют самые различные назначения. Одному голова нужна, в основном, потому, что в ней расположен рот, посредством которого можно не только говорить, но, главное, есть. Другой ценит голову за то, что именно на ней, вернее, только на ней, и носят красивые головные уборы. Третий обожает голову потому, что на ней можно соорудить модную прическу. Четвертые без головы жизни себе не представляют, так как на голове с обеих сторон растут уши — чтоб подслушивать...

А полковнику Егорову голова, как большинству людей, требовалась для того, чтобы думать. А думать ему приходилось много.

(Здесь мне придется сделать маленькую оговорочку. Я вовсе не собираюсь критиковать тех, кто ценит голову за что угодно, только не за то, что в ней находится мозг. Спорить с неумными людьми у меня времени нет, да и бесполезно это совершенно. И данную оговорочку я делаю лишь для того, чтобы прямо заявить: стараться думать надо всем и как можно больше. Это абсолютно всем полезно, но кое-кто предпочитает таким полезным делом не заниматься. А зря! Прежде чем что-нибудь сделать или сказать, надо обязательно подумать. Результаты — очень хорошие.)

Так вот, Стрекоза находилась тут же, в больнице. Здесь все было готово к ее побегу, даже шарниры у форточки смазаны, чтобы скрипом не вспугнуть агентку.

И если бы полковник Егоров не обладал привычкой все всегдашний раз обдумать, то еще неизвестно, что бы получилось из задуманного. Поначалу план побега Стрекозы казался заманчивым, а теперь настора-

живал. Предположим, Стрекоза разыщет Толика Прутикова, а дальше? Что она будет делать дальше? А если у нее задание обезвредить его?

Возник вопрос: что делать, если шпион тебя запутал?

Ответ получился такой: надо запутать шпиона.

Далее полковник Егоров рассуждал следующим образом. А нельзя ли Стрекозе вместо Толика Прутикова показать просто человека невысокого роста? Например, агента из диверсионной группы «Фрукты-овощи» Бугемота? Он коротышка, пусть и толстый. Зачем рисковать жизнью мальчика? Лучше будет, если шпионы станут сами бороться со шпионами!

Бугемот явился, как всегда, мрачный, как всегда, не поздоровался и, как всегда, начал жаловаться:

— Ядохну от скуки, господин полковник. На допросы вызывают редко. Допросы короткие. Я давно переловил в камере всех мух. Прикажите напустить ко мне всяких насекомых! Я бы с интересом их ловил и не скучал.

— Есть работа, господин Бугемот.

— Если я согласен мух ловить, так зачем мне от работы отказываться? Я, конечно, имею в виду работу по специальности, а не...

— Вы помните Толика Прутикова?

— Еще бы!

— Мы задержали одного из ваших шпиончиков — младшего сержанта Стрекозу.

— Господин полковник! — Бугемот очень искренне очень обиделся. — Почему многие принимают меня за дурака? Неужели вы могли поверить, что я поддамся на такой примитивный обман? Стрекозу невозможно поймать. Это у нас в «Гробе и молнии» уж действительно каждый дурак знает. Ее на площадке молодняка боялись не только дежурные солдаты, но и сторожевые псы!

— И тем не менее мы ее задержали. В этом вы убедитесь сами, если знаете ее в лицо. Госпожа Стрекоза припорхала к нам, чтобы обезвредить БХ-три нуля и разыскать Толика Прутикова. Зачем он ей понадобился, мы точно не знаем. А знать нам надо. Мы организуем вам встречу, вы назовете себя Толиком Прутиковым, а мы посмотрим, что из этого получится.

— Рискованно, очень рискованно! Для меня, конечно.

— Вашу безопасность гарантируем.

— А что я буду за это иметь?

— А в чем вы нуждаетесь?

— Чтобы хоть на допросы почаще вызывали и подольше расспрашивали. А то скука смертная.

— Договорились. Что-нибудь придумаем. А действовать будем так.

У входа в комнату, где лежала притворявшаяся больной Стрекоза, остался полковник Егоров с двумя товарищами, один из которых держал наготове мешок.

Бугемот с бутылкой фруктовой воды зашел в полутемную комнату и мрачно сказал:

— Пей, что ли...

Стрекоза схватила бутылку и не оторвалась от горлышка, пока не выпила все.

— Слушай,— прошептал, как его научили, Бугемот,— меня зовут Толик Прутиков.

А у полковника Егорова в этот самый момент в голове как будто что-то разорвалось, и на мгновение он оглох, но уже в следующее мгновение — рванул дверь на себя.

Стрекоза душила Бугемота.

От неожиданности он не сопротивлялся, только выпучил глаза, раскрыл, задыхаясь, рот и хрипел.

Полковник Егоров оторвал Стрекозу от Бугемота, отшвырнул ее в сторону.

Бугемот рухнул на пол.

И тут полковник Егоров совершил ошибку, едва не стоившую ему жизни.

(У меня опять оговорочка по ходу действия, как говорится. Почему-то так повелось, что кое-кто считает: чем выше у человека чин, тем, дескать, меньше ошибок он делает. Рассуждая подобным образом, можно дорассуждаться до того, что, мол, генералы, например, просто не умеют ошибаться, рады бы, да не получается. А вот солдаты, наоборот, только тем и занимаются, что на каждом шагу ошибаются. Не знаю, как насчет всех генералов, не берусь судить о всех полковниках, но утверждаю со всей ответственностью, что в конкретном данном случае полковник Егоров совершил ошибку.)

Вместо того, чтобы броситься за Стрекозой или хотя бы занять оборонительную позицию, он нагнулся к упавшему на пол Бугемоту.

И тут же Стрекоза ударила полковника Егорова табуреткой по голове.

И только тогда подросли его помощники, засунули кусавшуюся и царапавшуюся Стрекозу в мешок и — уже имели опыт обращения с ней! — крепко-накрепко завязали.

Полковник Егоров стоял, ощупывал голову, виновато и удивленно улыбался.

Боль из головы без следа выскочила.

Говорят, что клин клином вышибают. Неизвестно, насколько это верно по отношению к медицине, но факт остается фактом: от удара голова разболелась, от удара и вылечилась. Раздумывать об этом и тем более делать далеко идущие выводы было некогда.

Бугемота (с трудом!) усадили, дали понюхать нашатырного спирта, агент чихнул четырнадцать раз и мрачно сказал:

— Не завидую я Толику Прутикову. Хорошо, что шея у меня толстая, а то бы... Всю ведь жизнь меня за толстоту презирали, а вот — пригодилась!

— Теперь почти все ясно, — удовлетворенно произнес полковник Егоров, с удовольствием поглаживая голову, словно разыскивая, где могла спрятаться недавняя боль. — А с госпожой Стрекозой пока бесполезно разговаривать.

— Попробуем, — сказал Бугемот и, наклонившись к мешку, поинтересовался: — Авэк доминг риголетто? (С кем тебя забросили?)

— Саркофиго! (Пожалуй, самое неприличное шпионское ругательство. Даже Бугемот брезгливо поморщился.) Муир провок! (Сдохни, предатель!)

— Она вне себя от злости, — объяснил полковник Егоров. — Отправьте ее на место.

— Господин полковник, а господин полковник, — проворчал Бугемот, — если еще потребуется кого-то бить, душить или ломать, я к вашим услугам. Бейте, душите, ломайте меня лично! Мне это интересно.

— Учтем.

Радость, подобно беде, не приходит одна. Сегодня разрешили свидание с Фонди-Монди-Дунди-Пэком. В больницу к нему и отправился полковник Егоров.

Врачи очень удивились, каким оригинальным способом он вылезлся. Но главный врач подумал и очень глубокомысленно заключил:

— Все в жизни бывает. Она исключительно разнообразна.

Фонди-Монди-Дунди-Пэк, выслушав новости, сказал:

— Шито-Крыто мстителен до предела. И все же у Стрекозы есть еще какое-то задание. Срочно засылайте агента к фон Гадке. Его встреча с Шито-Крыто наверняка закончилась тем, что один из них надул другого. Скорее всего, досталось фон Гадке. Тогда можно его использовать.

— Как относиться к офицеру Лахиту?

— Можно попытаться сотрудничать с ним. Он проныра, каких свет не видел, и знает все. Обожает деньги. Обязательно предаст. Важно уловить момент, когда он соберется сделать это.

— Побystрее выздоравливайте,— пожелал полковник Егоров.— Время не терпит. Как только подлечитесь, сделаем вам пластическую операцию лица. Эскизы уже готовы.

— Обещайте мне,— задумчиво попросил Фонди-Монди-Дунди-Пэк,— перед моим отбытием в «Гроб и молнию» рыбалку на так называемых вечерней и утренней зорьках. Я каждую ночь вижу во сне поплавки.

— Обещаю вам рыбалку перед отправкой на задание и много рыбалок после благополучного возвращения,— сказал полковник Егоров, а, садясь в машину, подумал: «Да, все в жизни бывает. Она действительно исключительно разнообразна».

Конец восьмой части

**Часть девятая,
в которой происходит
множество серьезнейших событий,
из них в название вынесено два:
«НЕВЕДОМЫЙ ПРЕПАРАТ БАЛДИН»**

**и
«ВИЗИТ БЫВШЕГО БХ-000,
А НЫНЕ БОКСА-МОКСА,
В «ГРОБ И МОЛНИЮ»**

ГЛАВА № 42

**Новая болезнь Толика Прутикова —
опять загадка для медицины**

Бабушка Александра Петровна осваивала усложненный комплекс утренней зарядки с гантелями.

— И-и-и раз! И-и-и два! — командовала она самой себе. — И-и-и три! — Запыхавшись с непривычки, она надела очки и вслух читала прищипленную к стене вырезку из журнала: — Упражнение пятое... так-так... гантели в опущенной руке... подъемы на носке... укрепляют икроножные мышцы... улучшают форму голени... Прекрасно, продолжаем... И-и-и раз!

Папа Юрий Анатольевич жег в кухне колбасу на сковородке и привычно ворчал:

— Это не малогабаритная квартира со всеми удобствами, а крупногабаритный сумасшедший дом без всяких удобств и обслуживающего персонала. Скоро, по всей вероятности, бабуся займется штангой.

Он очень изменился за последнее время: похудел, часто был небрит, перестал носить галстуки, ходил в неглаженных рубашках, мятом костюме, научился обходиться без носовых платков; на висках от переживаний появилась седина. Он суетился и ворчал, ворчал, ворчал о том, как трудно жить в обстановке неуважения и сплошных бытовых неудобств. Вечерами Юрий Анатольевич демонстративно пил чай без заварки и с хлебом и вслух читал «Книгу о вкусной и здоровой пище».

Мама чуть не плача пыталась стирать белье, а Толик учился гладить. За короткий промежуток времени они сожгли и утюг, и стиральную машину.

И мама тоже изменилась: похудела, постарела, потому что, как она говорила, хронически недосыпала.

Зато бабушка Александра Петровна словно помолодела. На городских соревнованиях пенсионеров среднего возраста она заняла второе место в беге на пятнадцать метров без барьеров. Ей вручили медаль, диплом и цветы.

— Финишный рывок у меня плохо отработан, — озабоченно объясняла она Толику. — Тренироваться надо больше. Впереди — областные соревнования. На них я рассчитываю выступить значительно успешнее. Смущает одно — проблема свободного времени.

А Толику время, прямо скажем, девать было некуда. В пионерский лагерь он опоздал из-за болезни, в деревню ехать бабушка категорически отказалась, а сам себе найти занятие он не мог и не умел. Вот с утра до вечера и с вечера до ночи торчал у телевизора. Да и телевизор-то смотреть без бабушки было не очень интересно.

Бабушка же не знала ни минуты покоя, особенно когда записалась в народную дружину и стала старостой ансамбля песни и пляски пенсионеров.

Однажды утром, когда бабушка занималась гантельной гимнастикой, папа хрустел на кухне горелой колбасой, а мама суматошно складывала вещи в чемодан, чтобы ехать в санаторий «подальше от этого ада», как она выразилась, Толик не встал с постели.

— Ты поосторожней лежи-то, — посоветовала бабушка, — а то опять долежишься до болезни какой-нибудь.

— Странно у нас получается, — сказал внук, — всем ты помогаешь с утра до вечера самого позднего, а на родную семью ноль внимания.

— Раньше я приносила пользу одной только нашей родной семье, а сейчас приношу пользу обществу и себе, — ответила Александра Петровна, отдыхая после зарядки. — Раньше я была всего-навсего бабушкой, а теперь я, можно сказать, общественный деятель городского масштаба. Вот сейчас мы впервые в стране, да и во всем мире, организуем комитет по работе с ленивыми детьми. — И она ушла принимать холодный душ, потом и вообще ушла из дому.

Мама чмокнула сына в щеку, сказала:

— Вот я отдохну, подлечусь и смогу заменить вам

бабушку, хотя бы частично. Не болей, долго у телевизора не сиди, слушайся папу, он у нас один, отвечай на мои письма аккуратно и подробно.

Оставшись один, Толик решил серьезно подумать о своей жизни и обязательно что-нибудь придумать. Конечно, хорошо бы вот так и проваляться весь день в постели с книжечкой в руках. А завтра — что? Тоже вот так проваляться в постели с книжечкой в руках?

А послезавтра?

А послепослезавтра?

Уж если говорить честно, то неплохо бы вот так и жизнь прожить — назло бросившей его бабушке. Вэтом нет ничего плохого. Одному нравится бегать, другому нравится прыгать, третьему еще что-нибудь нравится, а Толику лежать приятно.

Но лежать нельзя. Ленъ развезет. Он тяжело вздохнул, закрыл глаза и перевернулся на спину. Во всем бабушка виновата! Ее сейчас и бабушкой-то назвать нельзя. Пусть она гордится, что стала общественным деятелем городского масштаба, но пусть ей будет стыдно за то, что она перестала быть нормальной бабушкой. Она второе место в беге на пятнадцать метров без барьеров занимает, а внук с горя все себе бока отлежал.

А тут еще есть захотелось. Раньше-то, бывало, еще и есть не хочешь, а бабушка уже вовсю гремит на кухне кастрюлями и сковородками.

Тогда — что же получилось? Значит, он без бабушки, как ноль без палочки?

Значит, действительно, у нее личная полнокровная жизнь, а у него — пустота в желудке?

Нет, нет, он сам сейчас же загремит кастрюлями и сковородками! Не такое уж это сложное дело! Обойдемся и без бабушки!

Вскочив с постели, Толик бросился на кухню, включил газ, насыпал в большую кастрюлю побольше картошки и поставил на плиту.

— Сами прокормимся! — жалобно крикнул он. — Еще как прокормимся! — еще жалобнее крикнул он.

Неожиданно ему стало весело. В самом деле, сколько можно зависеть от бабушки? И вообще зачем от кого-то зависеть, когда сам не дурак и кое-что умеешь делать? Вот если бы знать, как жарят картошку да еще с маслом или хотя бы с колбасой, тогда бы ему и горевать не о чем! Но и вареную картошку есть можно.

Не подумайте, что Толику очень хотелось заниматься всякими домашними делами. Но в Толике проснулся, как говорится, настоящий мужчина, то есть человек, который не боится никаких трудностей — ни больших, ни маленьких, не растеряется в любой обстановке, всегда найдет себе дело и ни от кого ни в чем не зависит.

Чтобы стать настоящим мужчиной, — а это дано далеко не каждому, — надо учиться все делать самому, и от этого будешь таким сильным, что людям рядом с тобой жить станет легче, потому что они всегда могут надеяться на твою помощь во всем.

Однако настоящий мужчина проснулся в избалованном мальчишке не надолго, минут этак на одиннадцать-двенадцать, потому что быть настоящим мужчиной очень и очень нелегко.

Тем более, в кармане своего пиджака Толик обнаружил шоколадную плитку под названием «Стрекоза и Муравей». Восторженно ойкнув, он тут же проглотил неожиданную находку и стал думать: откуда могла оказаться у него шоколадка?

Тут ему стало лень думать, и он с трудом добрался до кровати и лег, еле дыша. Организм его изо всех сил с чем-то боролся. Толик хотел пошевелить рукой, но раздумал. Что-то проникло ему не только в головной и спинной мозг, но даже в пятки.

К счастью, в это самое время вернулась бабушка. Едва взглянув на внука, она сразу почувствовала недоброе и торопливо завспоминала правила оказания первой помощи... Ах, да! Надо сделать искусственное дыхание!

Александра Петровна стащила внука на коврик, подложила подушку и уверенными, тренированными движениями стала сгибать и разгибать ему руки.

— Раз, два! Раз, два! — сама себе командовала бабушка. — Раз! Два! Дыши, голубчик, дыши! Раз! Два! Ротик-то раскрывай! Вот так! Вот! Так! Вот! Так!

На щеках внука появился слабый румянец.

— Глазки открой! Глазки открой! — командовала бабушка уже не себе самой, а Толику. — Вот так! Вот так!

И Толик открыл сначала один глаз, затем второй и очень тихонько попросил:

— Отстань...

— Спасать тебя надо, дорогой, спасать, а не отста-
вать! Но от чего спасать, сама пока не знаю!

— Оставь меня в покое. — И Толик закрыл сначала
один глаз, затем и второй.

Бабушка взвалила внука на спину, сама себе
скомандовала:

— В областную психиатрическую больницу как
можно быстрее — бегом марш!

Конечно, все прохожие во все глаза глазели на бе-
гущую по улице бабушку, на спине которой висел
внук. Один милиционер на всякий случай, для поряд-
ка, даже посвистел в свой свисток и стал смотреть в
другую сторону, где ничего особенного не происходило.

Старший санитар Тимофей Игнатьевич помог Алек-
сандре Петровне поднять внука на четвертый этаж,
спросил:

— Чего опять с выдающимся человеком приклю-
чилось? На сей раз у него хоть вес внешней раздуто-
сти соответствует. В кого он у вас такой болезненный?
Мало, мало применяем мы методы физического воз-
действия на организм ребенка. Мой, ныне, правда, по-
койный, папаша возьмет, бывало, ремень и ласково так
спросит: «Ну, чем болеть собираемся?» И использует
ремень по назначению. И все дети здоровыми выросли,
все в люди вышли. Я вот до старшего санитара дослу-
жился.

— Никогда бы на такое изуверство не пошла. Не
для того дети на свет появляются, чтоб их ремнем ка-
лечить.

— Зачем же калечить? — возмутился старший са-
нитар Тимофей Игнатьевич. — Профилактика. Преду-
предительные меры. Закалка организма. Повышение
его сопротивляемости самым различным заболеваниям.

Увидев Толика, психоневропатолог Моисей Григорь-
евич Азбарагуз всплеснул руками, потом ими же схва-
тился за голову, помолчал и сказал:

— Это организм или судьба! Я только что закончил
научное описание его последнего заболевания и выздо-
вления... Быстро анализ крови, температуру и самый
возбуждающий укол! Быстро, быстро! Срочно, срочно!
На всякий случай — кислородные подушки! Это же
лень! Типичная лень!

— Лень? — растерянно спросила бабушка Алек-
сандра Петровна. — Откуда? Не может быть! Я же его

на самостоятельный путь развития перевела. Я по вашей личной научной теории действовала, в которую глубоко поверила!

— Я расстроен не меньше вашего, Александра Петровна, если не больше. Мы так мало знаем о причинах возникновения лени и способах ее лечения, что на каждом шагу нас подстерегают всё новые и новые загадки. Будем лечить. Экспериментировать. Наблюдать. Изучать.

— И на сколько вы это растянете?

— Намеренно никто ничего тянуть не собирается. Но болезнь вашего внука почти совершенно неизвестна научному миру. Излечить человека от лени — это вам не зуб удалить.

— Я же в точности следовала вашим указаниям, — продолжала сокрушаться бабушка. — А что же случилось? Ведь если бы я осталась нормальной бабушкой, а не пошла бы в общественные деятели городского масштаба, внук-то и не заболел бы, может?

— В принципе моя научная теория у меня лично не вызывает сомнений, — строго и обиженно сказал Моисей Григорьевич. — Но вполне возможно, что очередная болезнь Толика — очередная научная загадка. Вот и будем ее разгадывать.

— Загадка это или болезнь?

— И загадка, и болезнь. Вы слишком просто, то есть очень упрощенно, смотрите на клиническую действительность. Напомню вам старую, но вечно справедливую и глубокую истину: болезнь легче предупредить, чем излечить. Особенно это относится к заболеваниям, связанным с ленью. — Вышло похоже на то, что Моисей Григорьевич начинал сердиться или собирался прочитать научную лекцию.

На самом же деле он настороженно и обеспокоенно поглядывал в сторону старшего санитаря Тимофея Игнатьевича, который уже несколько раз открывал рот, пытаясь что-то сказать, но каждый раз психоневропатологу удавалось сдержать своего ретивого сотрудника.

Однако стоило Моисею Григорьевичу на мгновение отвлечься, как раздался нудный, недовольный голос:

— Я, конечно, очень крупно извиняюсь, — решительно начал старший санитар Тимофей Игнатьевич, —

но человек я здесь не посторонний. Прислушайтесь хоть раз к моим мыслям внимательно, с научной точки зрения, а не просто так. Не глупые мы, к вашему сведению, и жизненным опытом, можно сказать, обладаем в полной мере. Ну почему бы вам этого бедного паренька хоть раз не выпороть? Без злобы ведь, а в чисто медицинских и научных целях я это предлагаю. Проэкспериментируйте, вреда не будет! Своей судьбой гарантирую положительный результат.

— Современный ребенок, — раздраженно ответил Моисей Григорьевич, — к порке относится сугубо отрицательно. А тут еще серьезнейший случай опаснейшего заболевания, не исключен и самый ужасный исход, а вы...

— А мне остается в прессу, то есть в печать, обратиться, — пригрозил старший санитар Тимофей Игнатьевич. — Придется описать положение дел. Так, мол, и так: не приветствуют у нас новое в медицине.

— Пишите куда хотите и что хотите, — отмахнулся Моисей Григорьевич. — Кстати, порка — это довольно древний метод. Не выдавайте ее за что-то новое, тем более передовое.

— С чего бы это у него? — всхлипывая, спросила бабушка.

— Прямо скажу: не знаю. Еще прямее скажу: я просто обескуражен.

И если бы в последнее время бабушка не занималась спортом, то сейчас бы обязательно упала в обморок, причем очень глубокий.

— Что же делать? — собрав всю силу воли, спросила она.

— Верить в науку, — проникновенно ответил Моисей Григорьевич, — в ее безграничные, хотя до конца и не раскрытые возможности.

— К вам, Александра Петровна, обращаюсь! — с жаром воскликнул старший санитар Тимофей Игнатьевич. — Не против я науки, я в ее рядах тружусь. Но если не поможет наука, возьмите вы в руки обыкновенный ремень, не поленитесь, даже и не порите, а припугните хотя бы! Нам-то это помогало да еще как!

Смерив его презрительным взглядом, Моисей Григорьевич заверил:

— Наука сделает все, чтобы спасти вашего внука, Александра Петровна.

На службе у фон Гадке появляется фон Хлипке

В бессильной ярости фон Гадке ударил по своему отраженьицу в огромном зеркале.

Зеркалу хоть бы хны, а кулачок, естественно, вдребезги, так сказать.

Но ярость фон Гадке не уменьшилась, а, наоборот, увеличилась в два с половиной раза.

Если вы помните, господин оберфобергогердрамхамшнапсфюрер путал правое и левое и вот вместо левой ручки (черная перчаточка) пустил в ход правую (белая перчаточка) и искалечил ее (не перчаточку, конечно, а ручку).

«Как же я теперь буду есть? — в ужасной тревоге подумал он. — Я же не умею есть левой! А может, я разбил именно левую ручку? Как бы узнать?»

Внезапно он со страшным испугом обнаружил, что путает не только правое и левое, но и черное и белое!

В головке у него все перемешалось, ничего он не мог понять. Его тут же отвезли в госпиталь, сразу же положили на операционный стол, пришлось ему (фон Гадке, а не столу) стонать и ругаться от диких болей.

Новый его адъютант (прежний угодил в тюрьму, потому что подал своему господину вместо ложки вилку и тот здорово попотел, хлебая ею суп, да еще укололся) молоденький офицерик фон Хлипке по дороге из госпиталя сказал:

— В следующий раз, господин оберфобергогердрамхамшнапсфюрер, когда вами овладеет бессильная ярость, обращайтесь ко мне. Замахнетесь вы, а вдарю по зеркалу я. Я разобью свой кулак. Ваш кулачок дороже вам и командованию, чем мой.

— Не понимаю, — признался фон Гадке, глядя с тоской и любовью на искалеченную руку в тяжелой гипсовой повязке. — Не понимаю и не соображаю, о чем ты болтаешь.

— Когда вами овладеет бессильная ярость, как было, например, сегодня, — услужливо и терпеливо повторил фон Хлипке, — вы подбегаете к зеркалу, замахиваетесь своим драгоценным для вас и для командования кулачком, а я вдаряю по зеркалу своим кулаком. У вас пройдет бессильная ярость, а кулак разобьется мой.

— Но зато разобьется, как я догадываюсь, и зеркало!

— Но зато пройдет, я убежден, и бессильная ярость.

— Мозги у тебя варят неплохо,— поразмыслив, сказал фон Гадке.— А откуда ты взялся? Кто такой, на первый взгляд приятный?

— Меня прислали из Центрхапштаба по личному распоряжению барона Барана и по моей настоятельной, но и нижайшей просьбе. Я мечтал служить вам, мечтал с детства! Я очень услужлив. Я сделаю вашу жизнь почти райской! Мне это не трудно, а приятно! Ведь вы для меня почти бог!

— Ну это ты, же-хе, загнул! А вот как я буду есть, отвечаю? Проверим твои умственные способности!

— О, я вас распрекрасно накормлю, дорогой мой господин оберфобергогердрамхамшнапсфюрер!

И действительно, фон Хлипке до того ловко кормил фон Гадке, что тому оставалось только открывать широченный рот, жевать и глотать. И, конечно, переваривать.

Наглотавшись, он почувствовал себя куда лучше прежнего, с удовольствием, даже с восторгом переваривал обильную пищу; спросил почти ласково:

— Где ты научился так распрекрасно кормить?

— У нас была большая семья, и я в ней старший,— объяснил фон Хлипке.— И кормить всех братьев и сестер с ложечки пришлось мне. И вообще в смысле услуг любимому начальству, каким вы для меня и являетесь, я умею делать все и даже больше. А если чего и не умею, то быстренько научусь.

— Значит, ты сам попросился ко мне?

— Набрался смелости! Ведь вы для меня, повторяю, почти бог! — Фон Хлипке склонился и доверительно прошептал: — Я ПРИСТАВЛЕН к вам, чтобы следить за вами.

— Цвайбилд! Мефистик драп! — очень крепко выругался фон Гадке.— А на каком таком подозрении?

— Вам давно перестали доверять в Центрхапштабе,— предельно ласково шептал фон Хлипке, в три погибели согнувшись в услужливом поклоне.— Особенно вам не доверяют с тех пор, как вы побывали у генерала Шито-Крыто. Есть подозрения, что вы вступили с

ним в предательскую сделку. Поговаривают, что в наличии не имеется несколько штук гавриков.

— Драйбилд! Мефистик драпдруп! — еще крепче выругался фон Гадке. — Вот мерзавцы! Еще что?

— Скоро состоится решение о том, чтобы отобрать у вас ваших гавриков и передать их — простите, действительно, мерзавцы! — передать гавриков кому-нибудь более молодому и, пардоньте, более умному специалисту.

— Фюрбилд! — совсем крепко выругался фон Гадке. — Это проделки барана Барона...

— Осмелюсь поправить: барона Барана.

— Какая разница? Он всегда завидовал мне... А почему ты откровенен со мной? Ведь я могу предать тебя. Со всеми твоими фонхлипскими печенками, селезенками и почками!

— Вряд ли вы это сделаете. — Фон Хлипке еще ниже и еще услужливее склонился перед ним. — Мне гораздо удобнее выдать вас, но я этого никогда не сделаю. Давайте работать вместе назло барону Барану!

Фон Гадке минут четырнадцать посоображал и заворчал:

— С какой это стати я, старый, опытный, уважаемый, матерый, знаменитый кадр, выдающийся военный преступник и учитель шпионов, буду вступать в сделку с никому не известным молоденьким офицериком? И чем ты докажешь, что ты не жулик какой-нибудь?

— Тем, что буду служить вам изо всех моих молоденьких сил. Ведь у вас никогда не было такого верного адъютанта. Мой предшественник, подумать только, осмелился подать вам вместо ложки вилку!

— О, это было ужасно! Я долго не мог понять, почему не могу зачерпнуть супа! А как я мог его зачерпнуть, если в ручке у меня была вилка!.. И еще я укололся очень больно!.. Я никому никогда ни в чем не верил и не доверял. И как мне верить тебе, если тебя ко мне подослали?

— Вы все поймете, мой дорогой и любимый, мой почти бог, господин оберфобергегердрамхамшнапсфюрер, если учтете, что я еще служу и у генерала Шито-Крыто.

От дикой растерянности фон Гадке сначала хехекнул, потом хмыкнул, затем крикнул, чуть-чуть не хрюкнул и заорал:

— Предатель!!!

— Но ведь вам это выгодно.

— Так ведь ты двойной предатель! Ты бутерброд из предателей! Центрхапштабу ты предаешь Шито-Крыто, а ему предаешь Центрхапштаб! И тому и другому собираешься предать меня! Ты тройной предатель! Свинтус!

— Нет, я не свинтус, а действительно тройной предатель.— Фон Хлипке скромно опустил глаза.— Центрхапштаб и Шито-Крыто я предаю вам, хотя я во всем знаю меру, даже в предательстве... Может, я даже и четверной, если так можно выразиться, предатель. Ведь Центрхапштаб и Шито-Крыто я еще куда-то должен предать... не помню! Покорнейше прошу вас позволить мне действовать заодно с вами и только с вами. Учиться я хочу у вас! Я не вижу в шпионском мире ФИГУРЫ БОЛЕЕ ГРАНДИОЗНОЙ, чем вы! И я помогу вам, попавшему под серьезнейшее подозрение!

Фон Гадке, обдумывая услышанное, долго стонал, затем недоуменно проговорил:

— Значит... значит... Шито-Крыто подослал тебя в Центрхапштаб, а баран Баран... барон Барон...

— А барон Баран подослал меня к вам. Ваша проницательность не имеет границ! — Фон Хлипке упал перед фон Гадке на колени.

— Встань, встань,— ласково предложил фон Гадке.— Я, конечно, очень... как это?

— Проницателем.

— Да, да. Но что ты предлагаешь делать?

— Пока не знаю. Надо подумать.

Думали они несколько дней. Фон Гадке до того привык и полюбил есть из рук фон Хлипке, что стал отказываться лечить ручку. Есть новым способом было легко и интересно. Зачем же лечить ручку, если она не нужна?

Постепенно фон Гадке привык к тому, что и думать за него стал фон Хлипке. Проще говоря, благодаря неустанным заботам адъютанта господин совсем обленился, это и стало причиной его дальнейших несчастий.

Незаметно для себя фон Гадке абсолютно забыл, в каком он находится положении. А положение его было наисерьезнейшее. С одной стороны, его допекал генерал Шито-Крыто, грозя выдать его Центрхапштабу. С другой стороны, в Центрхапштабе все чаще и чаще

распространялись слухи о том, что фон Гадке готовится почетная спиртизация.

Однажды, а именно в тот день, когда у фон Гадке сняли гипсовую повязку с кулачка, он как бы очнулся и впервые за последнее время поел сам, один, совершенно самостоятельно. Есть было очень неудобно и даже невкусно. Он не столько поел, сколько устал, весь выпачкался в еде. Зато головка его вдруг заработала. Фон Гадке прислушался и стал ждать, когда в нее придет мыслишка.

Мыслишка долго не приходила, она застряла где-то в левом ухе, но фон Гадке уже сел в машину и приказал везти себя в Центрхаштаб. Не головкой еще, а всем остальным организмом он ощущал старую истину: не жди, когда тебя предадут, предавай сам.

Хорошо, прекрасно кормил его фон Хлипке, замечательно к нему относился, сердчишко ему радовал, душонку тешил, но пора его предать!

ГЛАВА № 44

Фон Гадке выдает фон Хлипке,
которого, как оказалось, вовсе не было

Машину тряхнуло, и мыслишка из уха проскочила в головку фон Гадке: предавай фон Хлипке скорее, если ты еще не опоздал!

Господин оберфобергогердрамхамшнапсфюрер вошел в кабинет начальника Центрхаштаба барона Барана и сообщил:

— Присланный вами ко мне фон Хлипке состоит на службе у генерала Шито-Крыто. Хе-хе.

— Какой еще фон Хлипке? — удивился барон Баран. — И при чем тут хе-хе? Мы к вам никого не подсылали, только собирались.

— Господин барон! — растерянно и в страхе воскликнул фон Гадке. — Я не шутики шучу, а официально заявляю, без всяких хе-хе, что ваш фон Хлипке служит у генерала Шито-Крыто. Этот офицерик является, по самым скромным подсчетам, по крайней мере, тройным предателем.

— А кем являешься ты?! — взъярился барон Баран. — Ты что, с ума совсем спятил? Почетной спиртизации захотел? Получишь, и скоро! Никакого фон Хлипке я не знаю! Первый раз слышу!

— Ээээ... ыыыыыыы... ююююююююю...— Фон Гадке издавал такие вот звуки, так как нижняя челюсть у него отвисла и не слушалась своего очумелого владельца.

— Мы были недовольны, что обучение гавриков идет крайне медленно, а у нас уже много заказов из разных стран,— сказал барон Баран.— Прошли слухи, что вы снюхались с Шито-Крыто. Но мы пока доверяли вам. Сейчас же я должен допросить вас со всей строгостью. Какой фон Хлипке?

— Он меня кормил,— справившись со своей нижней челюстью, но все еще борясь с очумелостью, пробормотал фон Гадке.— Он меня поил... он за меня думал... он меня любил...

— Кто? Кто?

— Фон... он меня кормил... Хлипке фон... он считал меня почти богом и...

— Взяты! — страшным голосом приказал барон Баран.— Сигнал полнейшей наибоеистой тревоги! Обыскать все! Обыскать всех! Найти офицера фон Хлипке! А фон Гадке в тюрьму!

И фон Гадке оказался в камере. Мало сказать, что он отупел или обалдел. На некоторое время он даже забыл и никак не мог вспомнить, кто он такой, не понимал, что с ним происходит, как называется ужасное по своим неудобствам помещение, куда его втокнули.

Маленькая головка фон Гадке была тяжелой, хотя в ней не было ни одной мыслишки.

Всю жизнь он сам арестовывал и сажал в камеры... Ну и что? Почему именно сейчас он об этом вспомнил? И почему кричал на него барон Баран?

Что — случилось?

Случилось — что?

И тут до него дошло, так сказать, доползло, что он находится в камере! Значит, его, господина оберфобергогердрамхамшнапсфюрера, арестовали?!

Он честно кого-то предал, и его же за это в камеру?! Белиберда какая-то! Идиотичество! Должны были арестовать и посадить в камеру, а еще лучше — в карцер с крысами! — того, кого предали, а не того, кто предал! Если так будет продолжаться, то все предатели окажутся в тюрьмах! Чушь какая!

К тому же фон Гадке захотел есть, а если вы вспомните, что его тельце состояло в основном из пищевари-

тельного аппарата, то поймете, как несладко приходилось фон Гадке, когда он хотел есть. Голод с каждой секундой становился все сильнее и острее, и фон Гадке начало казаться, что, если его сейчас же не накормят, он может съесть самого себя.

Где фон Хлипке? Может, не надо было предавать того, кто тебя кормил?

А барон Баран, дурак этакий, хоть и большой начальник, сказал, что никакого фон Хлипке не было. А если его не было, же-же, то кого же предавал фон Гадке?

Нет, нет, он был, конечно, был! Вот сейчас, сию секундочку, прибежит он, фон Хлипке, и распрёкрасно покормит его, господина своего оберфобергогердрамхамшнапсфюрера!

Тут фон Гадке вызвали к барону Барану. Никакого фон Хлипке разыскать не удалось. Никто о нем ничего не знал. Его просто никогда на территории Центرخаштаба не существовало. Зато исчезла вся секретная техническая документация по обработке и обучению гавриков. Все опытные образцы болванов-автоматов были кем-то приведены в полную негодность: у одних не двигались руки, у других не действовали ноги, у третьих ни руки, ни ноги не шевелились, и у всех совершенно не работала голова!

Когда фон Гадке услышал все это, у него отнялся язычок, и он, фон Гадке, ни слова не мог произнести в свое оправдание. Написать что-нибудь в свое оправдание он тоже не мог: ручки свело судорогами.

А мог бы сказать, например, так:

«Эй вы, главари Центرخаштаба! Да это же я! Господин оберфобергогердрамхамшнапсфюрер фон Гадке по кличке Дядя Съем! У меня самый длиннейший чин в мире! По росту я самый короткий в мире шпион! У меня масса заслуг! Я принес людям столько горя, что меня лично до сих пор ненавидят и мечтают уничтожить во многих странах! Я выдающийся военный преступник! А что сделали вы? Новой большой войны организовать вы, такие-сякие, немазанные-сухие, не можете! Кто вы после этого? Дайте мне власть, солдат, денег, оружия, допустите меня кнопки нажимать и узнаете, каков я!»

Барон Баран сидел, смотрел на него и думал, вернее, не думал, а гадал: как бы наказать фон Гадке?

Надо его расстрелять бы... Он вполне заслужил это. Хорошо, мы его расстреляем. Но ведь тогда всем станет ясно, особенно молодежи, что даже такие кадры, как фон Гадке, бывают дураками, хотя бы на старости лет. Трудно будет воспитывать подрастающее поколение шпионов на таких примерах!

Задача стояла двойная: сохранить образ фон Гадке для потомства и уничтожить — чтоб не мешал современникам.

И барон Баран приказал:

— Подвергнуть господина оберфобергогердрамхам-швапсфюрера почетной спиртизации, предварительно хорошо и вкусно его накормив!

Пока фон Гадке суетливо глотал обильную пищу, на центральной площади центральной шпионской школы на высоком пьедестале поставили стеклянную банку, наполнили ее чистейшим спиртом.

Фон Гадке должен был сам туда опуститься и за-спиртоваться.

Проходя мимо, молодые шпионы будут с уважением кричать:

— Майль!

О такой судьбе мечтал каждый старый шпион. Но фон Гадке мечтал о другом: он хотел жить и работать, чтобы сделать человечеству огромную пакость!

ГЛАВА № 45

Препарат балдин (Baldine) в действии

Полковник Егоров крепко пожал руку младшему лейтенанту Юрию Василькову и сказал:

— Командование вынесло вам благодарность за отличное выполнение сложного и опасного задания и присвоило вам звание лейтенанта. Долго будут помнить в Центрхапштабе имя фон Хлипке! А теперь вам новое задание — займитесь младшим сержантом госпожой Стрекозой. Надо ее в человеческий вид приводить. Требуется, просто необходимо узнать, с каким же заданием она к нам припорхнула.

— Мне с тремя фон Гадками легче справиться, чем с одной Стрекозой. Она же кусается и царапается.

— Действуйте. О результатах докладывать ежедневно.

— Есть!

Настроение у полковника Егорова было среднее, потому что план операции «Братцы-тунеядцы» был неизвестен и командование настойчиво требовало ускорить и усилить работу в этом направлении. Вопрос о засылке в «Гроб и молнию» бывшего БХ-000 в принципе был решен положительно, хотя все подчеркивали большую долю риска.

В самом деле, была ли полная уверенность в том, что Фонди-Монди-Дунди-Пэк не подведет?

— Я полностью уверен,— отвечал командованию полковник Егоров,— что не подведет. И какое наше дело бывает без риска? БХ-три нуля знает все ходы и выходы в «Гробе и молнии». А нашему агенту даже в случае успеха потребуется времени в несколько раз больше, чем бывшему агенту «Тигров-выдров».

Пока обсуждали всяческие уточнения и варианты, Фонди-Монди-Дунди-Пэку сделали пластическую операцию лица, и узнать его теперь было невозможно. Он даже сам себя не мог узнать!

Как только он был подготовлен к выполнению задания, полковник Егоров сказал:

— Едем на рыбалку!

На вечерней зорьке клев был отличный, и они от радости просидели у костра всю ночь. Бывший БХ-000 рассказывал о своей трудной и подлой шпионской жизни, и в его исповеди для полковника Егорова было много не только интересного, но и чрезвычайно полезного.

На утренней зорьке клевало еще лучше, окуни попадались куда крупнее вчерашних, и Фонди-Монди-Дунди-Пэк действовал уже как заправский рыбак — не дергал и не дергался и лишь один раз взвизгнул от восторга да два раза восторженно прокричал.

— Когда вернетесь с задания,— сказал полковник Егоров,— закончим все дела, я возьму отпуск, и уедем рыбачить на целый месяц.

— Не смею об этом и мечтать. Кстати, как поживает Батон?

— Счастлив неимоверно. Хохотал, как ребенок, когда выпросил вторую подушку. Иногда глазам своим не верю, что бывают такие лентяи.

— Зато от скольких хлопот он вас избавил.

— Да, лентяй — всегда находка для противника.

В понедельник, едва полковник Егоров явился на

службу, ему позвонил психоневропатолог Моисей Григорьевич Азбарагуз и очень взволнованным голосом сообщил:

— Потрясающее событие! Невероятное! Не укладывается в голове! Толик Прутиков снова болен! На сей раз острейшая форма лени. Но не это главное. В его крови мы обнаружили ранее совершенно неизвестный химический препарат. Мы ввели его трем котяткам — и трое котят мгновенно стали ленивыми. Вам не пригодится научное описание этого невиданного препарата и его действия на живой организм?

— Я к вам заеду, Моисей Григорьевич, и с интересом ознакомлюсь с вашим открытием.

Надо отметить, что за годы службы полковник Егоров привык ничему не удивляться и на все обращать самое пристальное внимание. Казалось бы, какое ему дело до каких-то там трех обленившихся котят? На первый взгляд, чепуха с ерундистикой. Да нет, не чепуха и не ерундистика. На всякий случай надо узнать и о котятках. Тем более, что с ними связан вопрос о новом химическом препарате, вызывающем заболевание ленью. А полковнику Егорову, котати, все еще неизвестно, с каким же заданием припорхнула агент Стрекоза.

— Товарищ полковник, к вам лейтенант Васильков!

— Пусть войдет.

Но лейтенант Васильков не вошел, а ввалился в кабинет, постоял, шатаясь, у дверей, затем, еле переставляя ноги, добрался до кресла и развалился в нем.

Мне опять придется повторить, что за годы своей службы полковник Егоров привык ничему не удивляться. Он только спросил:

— Что с вами?

— Мне... лень... лень... очень... лень... — еле слышным голосом выговорил лейтенант Васильков.

— Что, что? — все-таки удивился полковник Егоров.

— Мне....., лень...

— И отвечать лень?

— Все..... ле..... ень...

— Машины! — приказал полковник Егоров. — Со мной в больницу к доктору Азбарагузу!

Вот вам и три ленивых котенка! Не отнесись он внимательно к странному, на первый взгляд, сообщению

Моисея Григорьевича, то и понятия бы не имел, что же сейчас делать.

Осмотрев лейтенанта Василькова, научно изучив его, Моисей Григорьевич удовлетворенно заключил:

— Да, острейшее заболевание ленью. Срочно сделаем анализ крови. Те же признаки, что и у Толика Прутикова.

— Это становится любопытным, — задумчиво проговорил полковник Егоров. — Видимо, у него еле-еле хватило сознания и сил явиться ко мне и доложить. Доктор, а это надолго?

— Ума не приложу. Главное — определить источник заражения.

Принесли результат анализа крови. Едва взглянув на него, Моисей Григорьевич в очень большом изумлении и в неменьшем волнении воскликнул:

— Тот же самый препарат! Я его условно назвал балдин (baldin)!

— Невероятно, — внешне спокойно сказал полковник Егоров. — Невероятно, но факт. Дайте мне ваше научное описание балдина. Лейтенанта оставляю у вас. Весьма возможно, что мы найдем источник заражения.

Вернувшись в свой кабинет, он отдал приказание самым тщательным образом обыскать Стрекозу и ее камеру.

И вскоре перед ним лежал маленький кармашек, срезанный с платья Стрекозы, а в кармашке крошечные, почти бесцветные таблеточки.

— На анализ в лабораторию, — приказал полковник Егоров и уже заранее был уверен, что таблетки содержат балдин.

Вот вам и три ленивых котеночка!

Тогда значит, что одно из заданий Стрекозы заключалось в том, чтобы испытать действие балдина. Видимо, агентка ухитрилась подсунуть таблеточку лейтенанту Василькову. Но кто и как дал балдин Толику Прутикову? Кто? Ясно, что Стрекоза. Как? Узнаем.

Дежурный принес результат анализа таблеточек, изъятых у Стрекозы.

Он в точности повторял формулу балдина, выведенную Моисеем Григорьевичем.

Вот ведь как бывает! С трудом величайшим взяли Стрекозу, а сделать простейшую вещь — обыскать — забыли! Все! Ведь девочка девочкой внешне, платье го-

лубенькое, и никому в голову не пришло отнестись к ней как к настоящему агенту...

Ну, ладно... Итак, генерал Шито-Крыто задумал отравить людей ленью, оболванить их. Ничего, ничего, господин генерал, еще посмотрим, кто кого оболванит!

«Братцы-тунеядцы» называется операция... Не заключается ли она в применении балдина?

Но почему в качестве, так сказать, оружия выбрали именно лень? Видимо, потому, что лень в общем-то страшнее, конечно, самого страшного оружия.

Полковник Егоров был не из робкого десятка, но и у него мурашки по спине пробежали, когда он представил себе, что же получится, если посланцы генерала Шито-Крыто бросят балдин, например, в продукты!

Он тут же доложил командованию о результатах сегодняшнего открытия и получил приказ: немедленно приступить к выполнению работ, направленных против операции «Братцы-тунеядцы».

Первым делом был вызван агент Бокс-Мокс, бывший БХ-000. Выслушав приказ, он сказал:

— Я готов. Срочно шлите сообщение Лахиту, чтобы ждал дорогой весточки. И дайте мне с собой таблетки три балдина. Пусть их попробуют те, кто их придумал.

— Желаю успеха.— Полковник Егоров не мог и не пытался скрыть волнения.— Мы предоставляем вам возможность загладить хотя бы часть вашей вины перед людьми. Помогите им. И — возвращайтесь!

Через несколько часов агент Бокс-Мокс, снабженный всем необходимым, кроме пароля для выхода с территории «Гроба и молнии», отбыл для выполнения наисверхважнейшего задания.

А вечером пришло сообщение об организации первого в мире научно-исследовательского института по борьбе с ленью (НИИПОБОСЛ), директором которого был назначен психоневропатолог и ученый Моисей Григорьевич Азбарагуз.

ГЛАВА № 46

Генерал Шито-Крыто подозревает и негодует, а офицер Лахит принимает агента Бокса-Мокса

Не без оснований генерал Шито-Крыто предполагал, что против него действует не только умный враг, но и плетет нити заговора еще некто, кто числится в друзьях.

Потерпела поражение диверсионная группа «Фрукты-овощи». Совершенно бесследно исчезли Стрекоза и Муравей. Как гром среди очень ясного неба было сообщение о том, что фон Гадке постигла почетная спиртизация в стеклянной банке, а секретная техническая документация по обработке и обучению гавриков украдена.

И кем? Каким-то неведомым фон Хлипке, которого и в глаза-то в Центрхапштабе никто не видел и который будто бы сотрудничал в «Гробе и молнии»!

Временами генералу Шито-Крыто казалось, что он вот-вот лопнет от непрестанно душившей его бессильной злости. За последнее время он разбил два чугунных стола со стальными ногами (а не ножками!), три раза проломил цементный пол в кабинете и едва не убил офицера Лахита, запустив в него сейфом.

В самой же организации «Гроб и молния» обстановка накалялась с каждым днем, хотя накаляться ей дальше вроде и некуда уже было.

Ежедневно создавались груды доносов. Функционировал специальный отдел, занимавший девятиэтажное здание, с большущим штатом сотрудников, но они успевали только регистрировать доносы, а читать их и тем более хотя бы принимать к сведению ни у кого времени не оставалось.

Поэтому в карцеры отправляли просто по очереди, а с работы увольняли наугад.

Выполняя основной приказ: всех всем во всем всегда везде подозревать, всем за всеми всегда везде следить,— сотрудники до того доусердствовались, что среди них стала свирепствовать болезнь, известная в науке под названием раздвоение личности.

Заключалась эта болезнь в том, что сотрудник одновременно ощущал себя и тем, кто за кем-то следит, и тем, за кем кто-то следит. И сотрудник часто забывал, кем же он является в данный момент — следящим или выслеживаемым,— и впадал в путаницу: то следить побежит, то прятаться начнет, то остановится, чтобы дать возможность кому-то за ним подсмотреть, и все время ничего толком не соображает.

Никто из сотрудников уже не знал, кто в чем кого подозревает, но остановиться уже не могли, да и к тому же приказ есть приказ, надо его выполнять, к каким бы нелепыми последствиями он ни приводил.

Генерал Шито-Крыто продолжал полагать, что именно в такой благоприятной обстановке вырастают настоящие кадры настоящих сотрудников настоящей шпионской организации.

Вблизилась к концу подготовка операции «Братцы-тунеядцы». Представители Самого Высокого Самого Верховного Главнокомандования торопили, леали в каждую мелочь, проверяли каждый шаг каждого участника.

Но даже они, представители Самого Высокого Самого Верховного Главнокомандования, не подозревали о существовании отдела № 113, где производили балдин — сверхмощный стимулятор лени. Стоил он непомерно дорого: одна таблеточка — средний реактивный бомбардировщик. Ученые и их ученики спешно искали возможность удешевить производство балдина. Кстати, Стрекоза должна была подбросить таблеточки балдина в детские садики (одна таблеточка на семьдесят два ребенка).

Скоро, скоро, очень скоро начнется выполнение операции «Братцы-тунеядцы»! Генерал Шито-Крыто давно уже не спал, почти не ел, а проверял, проверял, проверял, не доверял, не доверял, не доверял, а на сердце все-таки было уж как беспокойно, мерзко, пакостно...

Нюхом он чуял, что где-то вот тут, рядом с ним, — предатели! Предатель крупный, хитрый, наглый, подлый — вроде него самого.

— Не верю я тебе, Лахит ты этакий! — проорал, мучаясь подозрениями, генерал Шито-Крыто. — Ни капельки я тебе не верю, проныра ты несчастный!

— Было бы просто смешно, если бы вы мне верили, — любезно ответил офицер Лахит. — Вы бы тогда были не вы, а я был бы не я. Но вы есть вы, а я есть только я, и наша сила во взаимном недоверии. Предать вас я пока совершенно не собираюсь. Конечно, предать вас — это заманчиво, но уж очень опасно, шеф.

— Я подвешу тебя к потолку за левую ногу, если установлю факт предательства!

Офицер Лахит вынырнул из генеральского кабинета, пронырнул в свой кабинет. Здесь в кресле сидел незнакомец.

— Как вы сюда попали и кто вы такой? — прошипел офицер Лахит, вытаскивая пистолет.

— Если я проник сюда, — спокойно ответил незна-

комец, — то, вероятно, знал, как проникнуть. Меня зовут Бокс-Мокс. Я привез привет от Батона.

— Мерсибо. А как Стрекоза?

— Сидит в мешке.

— Прелестно. А что с этим мерзавцем ЫХ-три нуля?

— Понятия не имею. Вся диверсионная группа «Фрукты-овощи» находится под особой охраной, ждет своей незавидной участи.

Офицер Лахит спрятал пистолет, сел за стол, долго разглядывал Бокса-Мокса, спросил настороженно:

— Что вас интересует?

— Суший пустяк. План операции «Братцы-ту-неядцы».

— Ха! — Офицер Лахит даже вскочил, но тут же сел обратно. — И это вы считаете пустяком? Да еще сушим! О плане операции, к вашему сведению, знает только шеф.

— И вы.

— Откуда это вам известно?

— Неважно. Вы не ответили на мое предложение.

— Что я буду иметь за, как вы выразились, суший пустяк?

— Мне приказано не торговаться. Назовите сумму. Платим наличными в хорошей валюте.

— Вы деловой человек! — обрадовался офицер Лахит. — Но вам известно, что при допросах и наказаниях генерал Шито-Крыто использует только один метод — подвешивание к потолку за левую ногу?

— Я не только деловой человек, — все так же спокойно говорил Бокс-Мокс, — я крупный агент. А вы пугаете меня, как школьника. Шито-Крыто в ваших руках. Сделка со мной дает вам реальнейшую возможность оставить его в дураках и в скором времени занять его место. Оформляйте меня на работу.

— Хорошо. Вот бумага. Ручка. Пишите.

— Что писать?

— Донос на меня.

— А в чем вас обвинять?

— Не имеет значения. В чем угодно.

Едва Бокс-Мокс успел настроичить донос, в кабинет ворвался весь багровый от возбуждения генерал Шито-Крыто и прохрипел:

— А это кто?!

— Я осмелился предложить вам свои услуги, гос-

подня генерал, — ответил Бокс-Мокс, вставая. — Во время последней большой войны я работал в девятом отделе у господина оберфобергогердрамхамшнапсфюрера фон Гадке.

— А после?

— Мне долго пришлось скрываться. Исколесил чуть ли не весь мир.

— Твой голос удивительно напоминает мне голос одного предателя, — сквозь зубы процедил руководитель «Гроба и молнии». — Ты знаешь, как я разделиваюсь с предателями?

— За левую ногу к потолку. Если, конечно, поймаете.

— А ты убежден, что от меня можно ускользнуть?

— Мне затруднительно ответить на ваш вопрос. Я не собираюсь ни предавать, ни ускользать.

— Бокс-Мокс — дельный человек, шеф, — сказал офицер Лахит. — Он уже успел написать на меня донос.

Генерал Шито-Крыто взял из рук своего помощника лист бумаги, на котором было написано:

Анонимный донос на офицера Лахита.

Он способен на самое грандиозное предательство.

Слишком любит деньги. Ради них готов на любую подлость.

Являясь пронырой, обманывает всех.

Мечтает в генеральское кресло. Ждет удобного случая, чтобы съесть начальство.

— Какой же это донос? — усмехнулся генерал Шито-Крыто. — Это не донос, а чистая правда. Зарегистрируйте на всякий случай. Специальность?

— Универсал. Умею все.

— Шеф, если моей рекомендации достаточно, — сказал офицер Лахит, — то зачислю его в штат.

— Плевал я на твои рекомендации. Проверь его. Как ты относишься к детям?

— Простите, господин генерал, но это странный вопрос для шпиона. Конечно, я их ненавижу.

— Хорошо, хорошо... — Генерал Шито-Крыто по-прежнему просверливал его взглядом. — А ты, случайно, не знаком с Фонди-Монди-Дунди-Пэком?

— Я много слышал о нем... разного.

— Слава богу, его больше нет в живых. Лахит, обязательно проверь данные Бокса-Мокса у врача Супоста-

та. Все! — И генерал Шито-Крыто стремительно вышел из кабинета.

— Вы держались прекрасно! — Офицер Лахит облегченно вздохнул. — С меня семь потов сошло. Как вы передадите мне деньги?

— Из рук в руки.

— Сегодня я покажу вас врачу Супостату, завтра...

— Никаких Супостатов, никаких завтра. Сейчас же выкладывайте смысл операции «Братцы-тунеядцы» и все, что вы о ней знаете. Немедля!

— О, вас не надуты!

— А зачем вам меня надувать? Платим много и в хорошей валюте. Рассказывайте.

Всякое в своей трудной и подлой жизни слышал Фонди-Монди-Дунди-Пэк. Но то, что он услышал от офицера Лахита, настолько поразило его, что он еле держивался от возмущенных восклицаний.

— Мы поставили своей целью испортить детей, — рассказывал офицер Лахит, — сделать их ужасно ленивыми. Мы будем их портить на каждом шагу. В деле испорчивания детей нет мелочей. Нам, к примеру, очень выгодно, чтобы ребенок не чистил зубы. Поэтому мы забрасываем в вашу торговую сеть отвратительные зубные щетки и потрясающе противную зубную пасту. Дети перестанут чистить зубы. Зубы у них начнут болеть. А в стоматологические клиники мы зашлем врачей-рвачей. Они будут выдирать детям зубы с такой жестокой болью, что дети перестанут к ним обращаться. Будут жить с гнилыми зубами. От этого у них испортятся желудки. А из-за желудков сдадут нервы. А из-за нервов сдадут мозги. Ловко?

Операция «Братцы-тунеядцы» продумана самым тщательным образом. Незаметно, совсем незаметно мы будем развивать в детях злость, зависть, зазнайство, нечистоплотность, капризность и — главное, главное, главное! — лень.

Ведь лень — наш друг номер один. Ваш ленивый ребенок — наше будущее. Отказываясь, например, выполнять хотя бы маленькую просьбу родителей, ребенок, сам того не замечая, помогает нам. А если сто, тысячи, сотни тысяч детей не выполнят просьб родителей — это уже наше достижение.

Основная наша надежда на самих детей. Один ленивец обязательно подготовит приятеля-тунеядца.

В итоге — целое поколение людей вырастет ленивым. С такими мы справимся не только без атомной бомбы, но даже без танков, авиации, артиллерии. Вам все ясно?

— Нам все ясно, — ответил Бокс-Мокс. — Потрясающе. Налейте мне вина. Я разволновался.

Офицер Лахит поставил на стол два бокала из темного стекла и отвернулся к шкафу за бутылкой. Бокс-Мокс бросил в один из бокалов таблеточку балдина, взял оба бокала в руки. Когда вино было разлито, он протянул офицеру Лахиту бокал с растаявшей таблеточкой балдина.

— Ваше здоровье, — сказал Бокс-Мокс, — вы смелый человек. С вами приятно иметь дело.

Выпив, офицер Лахит сел в кресло, проговорил:

— Надо ехать за денежками.

— Сейчас, только покурю.

Офицер Лахит широко зевнул.

— Пое... — Он снова, еще шире зевнул. — Пое...

— ...жали! — договорил Бокс-Мокс. — Какой пароль для выхода? Какой пароль для выхода?

Он тряс, тряс, тряс уснувшего офицера Лахита и, убедившись, что это бесполезно, стал искать в стене потайную дверь. Ох, ни разу в жизни не нервничал так Фонди-Монди-Дунди-Пэк! Одну ошибку он уже совершил: не успел выведать пароль для выхода.

Найдя потайную дверь в стене, Бокс-Мокс взвалил офицера Лахита на себя, етащил его вниз по потайной лестнице, втащил в автомашину, посадил рядом с собой и, надев перчатки, чтобы не оставить отпечатки пальцев, взялся за руль.

Он рисковал всем, но иного выхода не было.

Но все обошлось благополучно: огромные ворота открылись, едва автомашина приблизилась к ним, и часовые, едва взглянув на нее, откозыряли.

На аэродроме Бокс-Мокс сдал офицера Лахита кому следует, сел в машину и без происшествий вернулся обратно.

В кабинете офицера Лахита он разыскал рацию и передал первое сообщение полковнику Егорову.

После этого Бокс-Мокс позволил себе передохнуть, не спеша выкурил сигарету, с грустью подумал, что сейчас ему придется туго, снял телефонную трубку и положил генералу Шито-Крыто:

— Вот я уже час одиннадцать минут сижу в каби-

нете офицера Лахита и жду его. Не смею уйти, так как не получил разрешения. Что делать?

— Жди, болван! — был ответ.

ГЛАВА № 47

Новый пациент психоневропатолога М. Г. Азбарагуза

Несмотря на то, что психоневропатолог Моисей Григорьевич Азбарагуз был очень занят работой в научно-исследовательском институте по борьбе с ленью, он сам лично лечил Толика Прутикова и лейтенанта Василькова.

Их лечили переливанием крови, чтобы постепенно заменить зараженную кровь здоровой.

Но больные поправлялись медленно: видимо, балдин проник в головной и спинной мозг.

Больные несколько дней жили на искусственном дыхании, потому что дышать им, как вы догадываетесь, было лень. Моисей Григорьевич научным путем добился, чтобы им стало лень задышаться.

Затем была разрешена проблема питания и того, что бывает после питания. Моисей Григорьевич опять же научным путем добился, чтобы больным было лень быть голодными и т. д.

Лейтенант Васильков поправлялся значительно быстрее, потому что его организм был закаленнее и выносливее и не предрасположен к лени. К тому же лейтенант Васильков обладал незаурядной силой воли и очень высоким самосознанием.

— Балдин — ужасно коварный препарат, — говорил полковнику Егорову Моисей Григорьевич. — По-видимому, в его основе кровь, взятая у очень ленивых людей или каких-то ленивых животных. Мои пациенты получили грандиозные дозы.

— Одна из задач вашего института — как можно скорее создать антибалдин, — сказал полковник Егоров. — У нас нет никакой гарантии, что уже в самое ближайшее время его не начнут применять. Сами понимаете, чем нам это грозит, если мы не будем готовы. Даже страшно подумать, что может произойти.

Скрипнула дверь, и раздался голос старшего санитаря Тимофея Игнатьевича:

— Конечно, я вынужден очень извиниться. Виноват

ведь я перед вами. По моей вине ведь болеет Толик Прутиков.

— Как?! Каким образом?!

— Помните, шпионы-то приходили? А я и не знал, что они шпионы. А внучка-то мне шоколадку сунула, чтобы я ее больному передал. Я и передал. А потом запаматовал. А сегодня с большим стыдом вспомнил.

— Это — важнейшее сообщение! — обрадовался Моисей Григорьевич. — А то мы тут поломали голову. Скоро мальчик выздоровеет.

— Мне нужен лейтенант, — сказал полковник Егоров. — Ему поручено привести в человеческий вид госпожу Стрекозу.

Старший санитар Тимофей Игнатьевич заметил озабоченно, но осторожно:

— Мало мы все-таки методов физического воздействия на организм применяем. Раньше, бывало, мой, ныне покойный, папаша как возьмет в свои отцовские руки ремешок, так из моего детского организма не только лень, но и всякая болезнь улетучивалась.

— А ведь мысль... — неуверенно произнес Моисей Григорьевич. — Мысль — не в смысле ремешка, а в смысле физического воздействия на организм. Если лень вызывает желание не двигаться или нежелание двигаться, то мы должны заставить организм совершать движения. Логично? Очень, очень, очень логично! Сегодня же разрабатываем научный комплекс принудительных движений.

— Желаю успехов! — сказал полковник Егоров и поехал в управление.

Не успел он войти в кабинет, как ему принесли сообщение от Бокса-Мокса. Полковник Егоров не поверил своим глазам: Фонди-Монди-Дунди-Пэк уже выполнил половину задания — добыл офицера Лахита. Но — как? Каким чудом он вытащил помощника генерала Шито-Крыто? Вытащил из самого центра «Гроба и молнии»?

Однако радовался полковник Егоров преждевременно, потому что сразу с аэродрома офицера Лахита пришлось везти к психоневропатологу Моисею Григорьевичу Азбарагузу.

— Еще один, — сказал полковник Егоров. — Тоже угостился балдином. Это важная птица. Придется оставить здесь охрану. Вот его надо вылечить как можно скорее.

— Мне бы его доверили! — с большой завистью воскликнул старший санитар Тимофей Игнатьевич. — Я бы его без всяких научных методов вылечил. Раньше науки куда меньше было, а ничего, тоже людьми выросли. Я вот до старшего санитаря дорос.

Никто не обратил на его слова внимания, и он обиделся самым серьезным образом.

Офицеру Лахиту сделали переливание крови.

— Будь моя воля, — сказал полковник Егоров, — я бы этому типу всю свою кровь отдал, только бы его скорее вылечить!

— Я все прекрасно сознаю, — ответил Моисей Григорьевич, — но не имею права рисковать. Для вас это важная птица, а для меня пациент.

Вернувшись в управление, полковник Егоров получил второе сообщение от Бокса-Мокса: задание выполнено. Значит, в руках у него балдин! Вот это работа!

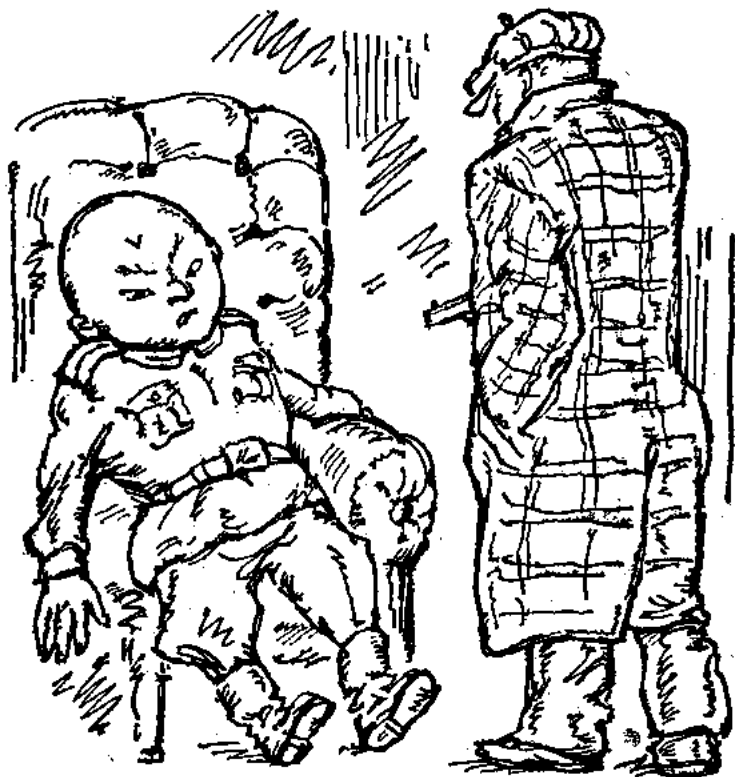
Но в душе полковника Егорова возникло недоброе предчувствие. В подобных случаях говорят: на душе словно кошки скребут.

«Интересно все-таки устроена жизнь, — думал он, шагая по кабинету, — работал, работал, дело свое знал, а тут вдруг... дети, лень, балдин... крупнейший шпион сдается третьекласснику... Одна из самых коварных разведок мира задумывает совершенно чудовищную операцию, подобной которой не было в истории человечества... И как бы я ни старался, каждый шаг связан с огромным риском...»

Полковник Егоров подошел к столу, еще раз перечитал сообщение Бокса-Мокса и понял, откуда в душе возникло недоброе предчувствие: Фонди-Монди-Дунди-Пэк желал счастливых рыбалок... Видимо, мало у него надежд выбраться обратно.

И чем бы сейчас ни занимался полковник Егоров — а дел у него хватало, — из головы не выходила мысль, что бывший БХ-000 попал в очень большую беду.

Было, правда, маленькое утешение: по неизвестным причинам офицер Лахит выздоравливал с поразительной быстротой, чего не мог объяснить даже Моисей Григорьевич.

— Выпейте, пройдет. Выпейте, поймают. Выпейте, пройдет. Выпейте, поймают.

Генерал Шито-Крыто, опираясь на Бокса-Мокса, с трудом поднялся, выпил воду и заговорил усталым голосом:

— Я всегда подозревал, что этот проныра предаст меня. Он всегда врал, что не умеет водить машину. Предатель... обормот... надуватель... Куда он мог деться? Куда? — Он то багровел, то зеленел, два раза подряд посинел. Зевок перекошил его рот. — Что это?.. Срочно... телефо-о-о-он... — Он опять зевнул шире прежнего. — Балдин... сто тринадцатый отдел... кого-нибудь... как-нибудь... это же лень... все пред... все да... все те... все ли... у-у-у... — Генерал Шито-Крыто попытался приподняться, но, сморенный ленью, захрапел.

Бокс-Мокс передохнул облегченно, снял телефонную трубку, вызвал сто тринадцатый отдел, сказал:

— Срочно к шефу все запасы балдина и все инструкции по изготовлению. Срочно.

Чтобы проверить степень воздействия балдина на организм начальника «Гроба и молнии», Бокс-Мокс подразнил его:

— Дурак ты, дурачок, Шито-Крыто. Бездарная ты личность, Шито-Крыто. Болван ты неотесанный, господин генерал.

В ответ раздался мощный, похожий на рев сирены, храп,

ГЛАВА № 49

Старший санитар Тимофей Игнатьевич применяет метод физического воздействия на организм офицера Лахита

Поразительная быстрота, с которой выздоравливал офицер Лахит, объяснялась тем, что старший санитар Тимофей Игнатьевич втайне от охраны и медицинского персонала применял метод физического воздействия на заднюю поверхность организма.

Он, то есть старший санитар Тимофей Игнатьевич, брал ремень, проникал в палату и производил, как он выражался, профилактическую санитарную обработку пациента.

Пациенту, естественно, было больно, и он, естественно, пытался вырваться, прыгал, скакал, увертывался, а движения, тем более резкие,— одно из средств борьбы с ленью.

Вот и получалось, что комплексное использование обыкновенного ремня с научными методами давало наибольший эффект.

Однако первым из троих, зараженных балдином, поправился лейтенант Васильков. В одно прекрасное утро он проснулся, полежал еще немного не двигаясь, потом встал и сам себе шепнул:

— Кажется, я чем-то был болен.

— Дорогой мой Юрочка! — растроганно воскликнул Моисей Григорьевич, увидев его стоящим на полу перед кроватью.— Вы первый, кого я вылечил от заболевания ленью, вызванного введением в кровь препарата балдина!

— А что это такое?

— Со временем узнаете.

На другой день выздоровел офицер Лахит. Произошло это следующим образом.

Не надо забывать, что по специальности офицер Лахит был проныра. И, едва только его сознание стало к нему возвращаться, он сразу начал хитрить. Он уже кое-что понимал, но вида не показывал. Сквозь огромную лень все настойчивее в голову пробивалась мысль о какой-то опасности.

Офицер Лахит очень боялся старшего санитаря Тимофея Игнатьевича, и это ощущение явилось как бы первым шагом к выздоровлению. С каждым сеансом профилактической санитарной обработки задней поверхности организма офицер Лахит все больше приходил в себя. И однажды он дал старшему санитарю Тимофею Игнатьевичу такую сдачу, что тот бухнулся на пол без памяти, а от сильного и резкого движения из больного организма помощника начальника «Гроба и молнии» выскочили остатки лени.

Хорошо еще, что тут же подоспела охрана.

И хотя старший санитар Тимофей Игнатьевич применял ненаучный метод лечения пациента, он, пациент, выздоровел, а сторонник метода физического воздействия на организм с этого дня гордо именовал себя жертвой науки.

Моисей Григорьевич сразу догадался о том, как в действительности протекал курс лечения, но все-таки радовался. Вполне может быть, что старший санитар Тимофей Игнатьевич сделал какой-то маленький вклад в науку, хотя и не научным путем.

Но ведь был еще один больной, лечение которого пока не давало никаких результатов.

Беда-то заключалась в том, что лень у каждого своя! Предположим, если грипп там или ревматизм (или насморк хотя бы) имеют какие-то одинаковые признаки и требуют примерно одинаковых методов лечения, то лень-матушка, повторяю, у каждого своя. И к каждому лентяю надо найти, как говорят специалисты, индивидуальный подход и методы лечения. Ленивую Тамару надо лечить несколько иначе, чем, к примеру, ленивого Алепу.

Когда-нибудь, со временем, наука, конечно, добьется успеха в борьбе с ленью. Но ведь пока она этого до-

бывается, может произойти масса неприятнейших событий. Например, вот вы, держащий данную книжку в руках и читающий эти строки, возьмете да и станете, на горе всем родным и близким, крупнейшим тунеядцем! Видите, какое серьезное создается положение...

В организме Толика Прутикова образовалось два вида лени: одна — его собственная и вторая — которая развилась под действием балдина. Моисей Григорьевич старался вернуть мальчику вкус к пище, осознанное удовольствие двигаться. Этим да еще многочисленным вливанием крови людей энергичных и деятельных предполагалось удалить из детского организма оба вида лени.

Утром санитары с трудом будили мальчика и несли его под холодный душ.

Затем Толика сажали в специальное кресло для кормления, в так называемое кормокресло. Руки вставлялись в зажимы, под подбородком укреплялось жевательное устройство. Включался мотор, и аппарат «Ам-ам-1» заставлял Толика брать пищу, класть ее в рот, жевать. На мгновение через горло мальчика пропускался ток высокого напряжения, вызывал короткую спазму — пища проглатывалась.

Таким образом удалось избавиться от искусственного питания.

После завтрака Толика сажали на специальный велосипед или в специальную лодку, и аппараты заставляли мальчика крутить педали или грести.

Увы, увы, все это пока не давало никаких положительных результатов!

ГЛАВА № 50

Фон Гадке спасается от почетной спиртизации и убегает от солдат из охраны Центрахштаба

Вечером господина оберфобергогердрамхамшнапс-фюрера фон Гадке привезли на центральную площадь перед центральной шпионской школой, чтобы подвергнуть почетной спиртизации.

Здесь на гранитном пьедестале черного цвета стояла стеклянная банка, наполненная спиртом и закрытая притертой пробкой.

По инструкции, фон Гадке должен был выпить три литра спирта и забраться в банку. Но конвоиры — два солдата и офицер — стали пить сами, словно им предстояла почетная спиртизация.

«Вот я и закончил свой жизненный путь, — с очень большой грустью подумал фон Гадке. — Завтра здесь будет стоять почетный караул. Молодые шпионы, проходя мимо, будут кричать мне «Майль!». А ответить им я уже не смогу. Конечно, все это почетно, но глупо и несправедливо. Я не хочу уходить на тот свет с пустыми руками! Я должен сделать человечеству большую пакость! У меня отобрали гавриков, но я могу достать самолет и бомбу и шарахнуть ее куда следует!»

И фон Гадке улизнул от своих захмелевших конвоиров. Сделал он это просто: забежал в здание, влез в отверстие мусоропровода и полетел вниз. Надо было придумать, что делать дальше, но фон Гадке не успел ничего сообразить, как внизу загремело, заскрежетало, и он оказался в кузове автомашины.

Долгое получилось путешествие. Через каждые несколько минут машина останавливалась, открывался кузов, и на фон Гадке обрушивалась гряда мусора. И каждый раз он упрямо выкарабкивался наверх.

Наконец кузов был заполнен до предела, и машина помчалась дальше. Эх, надо выжить во что бы то ни стало! Назло барону Барану, назло всему Центрхалштабу, назло всему человечеству!

Фон Гадке даже сейчас, в обстановке, как он выразился, позорной мусоризации, не собирался отправляться на тот свет, хе-хе, с пустыми руками! Он еще прихватит с собой несколько миллионов человек! Ради этого он готов перенести самые жестокие испытания.

Выжить, выжить, выжить, выжить, ВЫЖИТЬ, ВЫЖИТЬ, чтобы не дать жить другим!

Кузов раскрылся, опрокинулся, и фон Гадке полетел в огромную железную коробку — бункер, и на него обрушились горы мусора из нескольких машин сразу. Едва ему удавалось выбраться наверх, как очередная группа автомашин снова засыпала его.

И, выбиваясь из сил, фон Гадке снова выбирался на поверхность. Ни на одно мгновение в его покрытую шишками, ранками и ссадинами голову не проникла мысль о том, что он зря старается. Нет, нет, он действовал и действовал, потому что впереди у него была

главная цель: выжить, чтобы сделать человечеству пакость.

Бункер все наполнялся и наполнялся. Когда до края стенки, за который можно было ухватиться, осталось метра полтора, загудел мощный мотор — включили пресс.

— Прекратите! — не своим голосом завопил фон Гадке, но не услышал своего голоса. — Выключите мотор, а то человека раздавите!

Плита пресса над его головкой стала медленно опускаться.

Ах, какой ужас! Какое глупое безобразие!

Фон Гадке подпрыгивал, подпрыгивал, подпрыгивал, никак не мог ухватиться за край бункера и — верещал, верещал, верещал...

Плита пресса опускалась все ниже и ниже...

Тогда фон Гадке начал готовиться к последней попытке спастись. Он передохнул, присел, собрал все силки, подпрыгнул, будто подбросил себя вверх, ухватился за край бункера и через три мгновения был уже на земле.

Спасен!

Жив!!

Майлы!!!

На четвереньках он помчался к воротам. Было темновато, проскочить мимо дремавшего сторожа не стоило труда.

— Кыш, кыш! — сквозь сон равнодушно крикнул сторож, полагая, что в ворота прошмыгнула кошка.

За воротами фон Гадке выпрямился во весь ростик и побежал по обочине шоссе. Ножки у него подкашивались, он спотыкался на каждом шагу и наконец упал, больно ушибив колени и содрав кожу на ладонках.

Встать сразу — не удалось. Он бы с удовольствием уснул прямо вот тут. Увы, нельзя! Времени у него в обрез. Еще неизвестно, что сейчас происходит в Центрахштабе. Вполне возможно, что там объявлена полнейшая наибоевейшая тревога для поимки фон Гадке.

Очень огромным усилием воли он заставил себя подняться и побрел, еле-еле-еле переставляя ножки. Оба сапожка и остаточки перчаточек от грязи были уже одинакового цвета — черные. Мундирчик и галифе — в лохмотьях, все в пятнах и мусоре. Панамка потерялась.

Конечно, появляться в таком виде в городе опасно: поймают тут же. Задержит первый же полисмен, и попробуй докажи, что ты знаменитая личность, которую незаслуженно пытались подвергнуть сначала почетной спиртизации, а затем она, знаменитая личность, еле спаслась от позорной мусоризации.

Совсем стемнело. Силенок у фон Гадке почти не оставалось, но отчаяние и сознание безысходности придавали ему наглость, а наглость, как известно, на некоторое время способна заменить силенки.

Но страшнее всего были муки голода. Большую часть организмика фон Гадке занимал пищеварительный аппарат, и сейчас он трррребовал еды!

Дорога пошла под уклон, и фон Гадке побежал, вернее, его побежало, понесло. Но вот спуск окончился, фон Гадке остановился, покачнулся, попятился и упал, запутавшись в своих двух ножках.

Лежал он на спинке, раскинув ручки, и упрямо думал, преодолевая очень острые боли в пищеварительном аппарате: «Все равно не умру. Все равно выживу. Я должен сделать человечеству большую пакость. Пусть меня лишили счастья бороться с детьми. Я достану самолет с бомбой и шарашну ее куда следует».

И он продолжал путь на четвереньках!

Майн бог, как тяжело! Галифе на коленках протерлось, и казалось, что он прикасается к асфальту косточками. Окровавленные ладошки горели.

Откуда он брал силенки?!

У самого своего фонгадского сердчишка хранил он, хотя и знал на память, берег, как бесценное сокровище, карту мира, на которой были с военной точностью обозначены места наибольшего скопления детей. «Подождите у меня, малюточки-деточки... бомбочку достану я для вас, чтоб вам...»

Преодолев подъем, фон Гадке встал на дрожащие ножки и опять продолжал двигаться вперед, поражаясь после каждого шажка тому, что не упал. Временами он терял сознание, но, очнувшись, с гордостью и радостью обнаруживал, что идет, идет, идет... идет..... идет... А потом он полетит, полетит, полетит, полетит... нажмет рычаг, и мощная бомба помчится к цели... Ах, как замечательно! Много-много детей погибнет...

Его совиные глаза уже видели впереди огни города. Сколько там еды! Пищи сколько! Очень острые боли

в пищеварительном аппарате стали просто невыносимыми. Больше всего фон Гадке боялся, как бы он машинально не начал есть сам себя.

Рассудок у него помутился. Ножки переставлялись сами собой. Ручки сами собой размахивали. Шагал он военным шагом. Совиные глаза уже ничего не видели. Острейший нос ничего не вынюхивал. Широченный рот был широко раскрыт. Пищеварительный аппарат работал вхолостую, жадно и больно перегоняя большие количества воздуха.

Фон Гадке шагал по городу. Прохожие в страхе и брезгливости уступали ему дорогу.

Организмик фон Гадке вел своего владельца на запах съестного. Пахло любимым шпионским блюдом — сосисками с кислой тушеной капустой.

Ножки заработали быстро-быстро. Ручки замахали чаще-чаще. Широченный рот раскрылся еще совсем шире. Пищеварительный аппарат замер, приготовившись к большой работе.

Очнувшись, фон Гадке увидел большой плакат:

ГОСПОДИН
ОБЕРФОБЕРГГОГЕРДРАМХАМШНАПСФЮРЕР ФОН ГАДКЕ
ПОДВЕРГНУТ
ПОЧЕТНОЙ СПИРТИЗАЦИИ!
Благодарные потомки-подонки будут
помнить о нем десятки, а может,
и чуть побольше
лет!

Оказалось, что он попал в шпионский ресторан «Руки хох!», где собрались старые шпионы на вечер, посвященный черной памяти знаменитого фон Гадке. Он, никем не замеченный, прошел к свободному столику, на котором высилась груда сосисок с кислой тушеной капустой. Ручки его начали быстро,

быстро,

быстро,

еще быстрее,

совсем быстро

складывать еду в широко раскрытый широченный рот.

Вокруг раздавалось громкое чавканье, сопровождаемое радостным и удовлетворенным хрюканьем, и сквозь все это — голос:

— Из всех нас он был самый шпионистый шпион, большой мастер немаленьких подлостей. Он принес людям столько горя, сколько не смогли принести мы все, вместе взятые, хотя и очень старались. Жаль только, что он подвергся почетной спиртизации, не успев свершить главного дела своей жизни. Он ушел на тот свет, как любил говорить заспиртизованный, ХЕ-ХЕ! — с пустыми руками. Несколько десятков лет, а может, и чуть побольше Дядя Съем будет для нас и наших потомков-подонков положительным примером. Майль!

— Фиг майль! Фиг майль! Фиг майль! — хором, с набитыми ртами ответили старые шпионы.

Проглотив к этому времени все сосиски и всю кислую тушеную капусту и облизав блюдо, фон Гадке ожил и бодро крикнул:

— Спасибо за добрые слова в мой, хе-хе, адрес! Но я жив! Я не заспиртовался! Сам майн бог привел меня сюда! Я против почетной спиртизации раньше времени! Я не могу больше ждать, когда же наконец начнется новая большая война! Дайте мне самолет с мощной бомбой, и я шарахну ее куда следует! Майль!

— Фи-и-и-иг... фи-и-и-и-иг... ма... ма... майль... — нестройным, негромким, неуверенным и даже испуганным хором отозвались старые шпионы.

— Бомбу! Самолет! Самолет! Бомбу! Шарахну! — И фон Гадке принялся за новую грудку сосисок с кислой тушеной капустой. — Мир давно не вздрагивал от огромного страха! А я его вздрогну! Уууух, как еще вздрогну!

Сквозь чавканье слышались голоса:

— Скандал, скандал...

— Мировая общественность...

— Последствия...

— Всегда он был выскочкой...

— Всегда ему больше других было надо...

— Ответственность...

Фон Гадке крикнул:

— Ответственность беру на себя! Мировую общественность я тоже беру, хе-хе, на себя! Чихал я на нее, кстати! Помогите мне достать бомбу и самолет! И я — уууух! Майль!

Ответом ему было громкое, но и настороженное чав-чавканье.

Самый старый шпион сказал:

— Если ты избежал почетной спиртизации, значит, ты не выполнил приказа командования. Ты предатель.

— Ты предатель! Ты предатель! Ты предатель! — радостно повторили старые шпионы.

Фон Гадке разделался уже с третьей грудой сосисок, сглотал всю кислую тушеную капусту и яростно заговорил, ликуя, чувствуя, что к нему вернулись все силенки и еще новых немало прибавилось:

— Это вопрос, кто предатель! А вы жалкие трусы и бездельники, это уж точно! Тунеядцы! Как вы можете спокойно есть сосиски с кислой капустой, когда в мире еще смеются дети! Скоро они подрастут и дадут жизни вам и вашим потомкам-подонкам! Нельзя ждать, когда дети подрастут и поумнеют! Дайте мне, дайте мне самолет с бомбой, и я ахну ее куда следует!

— Ты не выполнил приказа нашего дорогого Центрахпштаба, — сказал самый старый шпион. — Ты должен храниться в банке со спиртом. Там в честь тебя стоит почетный караул из молодых кадров. А ты живой. Повор с безобразием! Живой ты больше никому не нужен!

— Хорошо, хорошо, очень гут! — рявкнул господин оберфобергогердрамхамшнапсфюрер. — Не хотите мне помогать, не надо! Я сам достану самолет с бомбой! Вы обо мне еще услышите! Сосисочки вы склеротические! Капустники вы маразматические!

В дверях показались солдаты из охраны Центрахпштаба. Они расступились, и в зал вбежал барон Баран, закричал:

— Взять его!

Фон Гадке очень ловко выпрыгнул в окно.

ГЛАВА № 51

Офицер Лахит торгуется
и около восьми часов рассказывает об операции
«Братцы-тунеядцы»

— Поздравляю с полным выздоровлением, — сказал офицеру Лахиту полковник Егоров. — Рассказывайте, что вы знаете о пребывании нашего агента Бокса-Мокса в «Гробе и молнии» и как ему удалось отправить вас к нам?

— Чего не знаю, того не знаю, — ответил офицер Лахит, судорожно обдумывая, как бы ему выкрутиться из этой в высшей степени неприятной истории. — Я выдал

ему план операции «Братцы-тунеядцы», не полностью, правда, мы договорились об оплате, выпили по бокалу легкого вина, я захотел спать и больше ничегошеньки не помню: А если Бокс-Мокс не вернулся, значит, его уже подвесили к потолку за левую ногу.

— Сомневаюсь, — твердо сказал полковник Егоров. — Его не так легко разоблачить. Чтобы между нами не было недоразумений, чтобы не тянуть время, знайте, что Бокс-Мокс — это Фонди-Монди-Дунди-Пэк, бывший БХ-три нуля.

— Эт... эт... это! Непо... непос... непости... жимо! — заикаясь, воскликнул офицер Лахит. — Это невероятно! Недаром голос его показался шефу знакомым! Какая проницательность!

— Итак, не будем тратить время на уговоры. У нас находятся, как вам известно, Стрекоза и Муравей, вся диверсионная группа «Фрукты-овощи». Теперь к этой коллекции добавились и вы.

— А на что я могу рассчитывать? — испуганно, но деловито спросил офицер Лахит. — Свобода? Деньги?

— Ни свободы, ни денег вы, конечно, не получите. У вас есть возможность лишь смягчить свою участь.

— Но мне уже обещали заплатить! Слово надо держать! Меня еще никогда так подло не обманывали! В конце концов, это просто глупо — быть бесплатным предателем. Надо мной будет дико хохотать весь шпионский мир, даже тунеядец Батон. Нет, нет, вы мне обязаны гарантировать свободу и запла...

— Вы участник подлого и грязного дела, — перебил полковник Егоров. — Сами спасайте себе жизнь, а не торгуйтесь. Рассказывайте об операции «Братцы-тунеядцы».

— Это насилие, но я сдаюсь, — обиженно произнес офицер Лахит и, вздохнув, начал рассказывать.

Надо сразу отметить, что с первых же слов, произнесенных офицером Лахитом, наступила такая тишина, что если бы в помещении была бы хотя одна муха, то все бы услышали, когда бы она взмахнула крылышками.

Жуткая стояла тишина, несмотря на то, что в кабинете собралось много людей.

И если бы существовало слово жутче, я бы написал, что с каждым словом офицера Лахита тишина жутчала...

Говорил он шесть часов восемь минут, а если учесть, что приходилось прибегать к услугам переводчиков, то рассказ длился около восьми часов.

— Незаурядная гениальность генерала Шито-Крыто,— так заканчивал он,— заключается в том, что в плане операции «Братцы-тунеядцы» удачно сочетаются самые разнообразные способы испорчивания детей. Их, этих способов, в плане более четырехсот семидесяти. Бороться против нашей операции бессмысленно. Она неуязвима в целом. Противостоять ей можно попытаться лишь в деталях. Какой ребенок, например, догадается, что, перестав мыть руки перед едой, он действует нам на руку? А у какого ученика, скажите на милость, хватит ума понять, что мы всячески добиваемся, чтобы он стал двоечником или хотя бы троечником? И уж никакая сверхзаботливая бабушка не узнает, что, балуя внука, она фактически выполняет задание шпионской организации «Гроб и молния».

Мы незаметно научим ваших детей не уважать старших, обижать младших, слоняться целыми днями без дела, мучить кошек и собак, стрелять птиц из рогаток, ездить зайцами на всех видах городского транспорта, ковырять в носу всеми пальцами и так далее и тому подобное. Дети подсознательно уже примерно знают, чего мы от них требуем. Задача наша и пути ее реализации настолько просты и естественны, что никто ничего и не заметит,— хвастливо продолжал рассказывать офицер Лахит.— Даже если вы развернете самую широкую пропаганду, углубите разъяснительную работу, призовете на помощь все виды искусств... Короче говоря, что бы вы ни предприняли, победа за нами. Пойми-

те это и не суетитесь. Отпустите меня и подумайте о себе. Дети ваши, внуки и внучки, считайте, уже погибли. Сматывайтесь от них, пока они не бросились на вас! Спасайте себя! — С огромным удовлетворением оглядев присутствующих, офицер Лахит самодовольно и громко высморкался и возобновил свою речь: — Наша сила в том, что мы ничего не требуем от ребенка. Делай все, что хочешь. А что хочет делать нормальный ребенок? Хулиганить, пакостить, никого не слушаться, дразниться и так далее и тому подобное, всем известное. Вы говорите в таких случаях ребенку: ай-я-яй. Мы говорим: молодец! Валяй дальше в том же духе! И ребенок пойдет за нами, а не за вами. Дети хотят делать глупости. И мы разрешаем им это, Мы призываем их к этому!

Операция «Братцы-тунеядцы» продиктована и пропитана такой, я бы сказал, патологической ненавистью к мальчишкам и девчонкам, что в мире не найдется столько любви, чтобы спасти их от нас. Наша операция — плод огромной работы ученых, врачей, педагогов, военных и прочих, прочих очень крупных специалистов. Она будет выполнена во что бы то ни стало. Мы убеждены, что детям с их детским умом не устоять против соблазна вырасти тунеядцами и тунеядками. Мы абсолютно убеждены, что каждый ребенок — в душе лодырь. Мы поможем ему в этом важном для нас деле — полностью раскрыть свою ленивость. Поможет нам и то, что еще никто в мире, за редким исключением, толком не представляет подлинного значения детей. Тем более не подозревают об этом сами дети. Неоценимую услугу окажет нам и человеческое невежество. Человечество недооценивает опасности, которую несет лень. Мы первыми взяли ее на вооружение. Всё.

— А у вас самого есть дети? — спросил полковник Егоров.

— Что вы?! Что вы?! — Офицер Лахит весь брезгливо передернулся. — Мы же их не перевариваем. У нашего нового шпионского гимна припев такой:

Мы мальчишек и девочек
Изуродуем с пеленок!
Уничтожим всех детей,
Жить нам станет веселей!

— Моим бы оболтусам это послушать, — шепнул полковнику Егорову седой майор. — Избалованы так, что уже сейчас сойдут за иностранных агентов.

— Давно вы начали производство балдина?

— Об этом я мало что знаю, — ответил офицер Лахит. — Его производство находится в страшной тайне. Пока он стоит невероятно дорого. — Он оглядел присутствующих, усмехнулся высокомерно и закончил свою речь тоном приказа: — Я рассчитываю на то, что меня поняли правильно.

Когда его увели, полковник Егоров сказал:

— Мы всегда знали, товарищи, что враг не дремлет. Мы всегда знали, что враг жесток и коварен. Но каждый раз поражались его жестокости и коварству. Вот как сейчас. Медлить нельзя. Нам предстоит работа невиданной трудности. Наши дети в опасности.

ГЛАВА № 52

**Бокс-Мокс идет на рискованный шаг
и попадает в еще более безвыходное положение**

Положение Бокса-Мокса было крайне опасным и безвыходным. До тех пор, пока генерал Шито-Крыто не вылечится, бывшему БХ-000 ничего не грозит, кроме встречи с врачом Супостатом.

За эти дни Бокс-Мокс ловко пользовался балдином, и более трех десятков сотрудников обленились и храпели прямо в своих служебных креслах.

Врачи, как говорится, в поте лица уже не переливали, а прямо-таки перекачивали кровь больным ленью. Самому генералу Шито-Крыто кровь перекачивали уже восемь раз.

Никого в общем-то не беспокоило бесследное исчезновение офицера Лахита, но всех ужасало, что будет со всеми, когда выздоровеет начальство.

Начальство же пока еще лишь мычало.

Какое-то время в такой обстановке Бокс-Мокс не вызывал особых подозрений, потому что под подозрением находились все.

Однако с каждым днем, а точнее, с каждым часом, он чувствовал на себе всё более подозрительные взгляды. Он догадывался: сотрудники выбирали, кого бы подсунуть на расправу генералу Шито-Крыто под горячую руку.

Боясь встречи с врачом Супостатом, своим бывшим приятелем, бывший БИХ-000 прятался в укромных местах, лишь изредка делая рискованные попытки добраться до рации, чтобы передать полковнику Егорову все новые и новые сведения о балдине. До рации ему добраться не удавалось, пароля на выход он не знал, и узнать его было нельзя: сотрудники боялись разговаривать друг с другом.

Надо было что-нибудь да предпринимать! Как только генерал Шито-Крыто окончательно придет в себя, он сразу вспомнит, кто подал ему стакан воды. Затем ему станет известно, что запасы балдина и инструкции по его производству украдены.

И висеть Боксу-Моксу на левой ноге под потолком!

Обдумывая свое безвыходное положение, наверное, в тысячный раз, Бокс-Мокс принял рискованнейшее, но единственно возможное и даже необходимое решение. Он очень твердым шагом направился в госпиталь, разыскал кабинет «Ухо, глаз, нос и вся физиономия в целом» и вошел.

За столом сидел толстенный врач Супостат. Он спросил своим толстым голосом:

— Чего надо?

— Начальника, — ответил Бокс-Мокс, внимательно следя за выражением его лица.

— Я и есть начальник. Чего надо?

— Перед своим бесследным исчезновением господин офицер Лахит начал оформлять меня на работу в штат.

— В штат или штаб?

— В штат штаба. Присутствовавший при этом генерал Шито-Крыто имел со мной разговор, в котором назначил меня на пластическую операцию лица типа шестнадцать бис. А что мне сейчас делать? Уйти я не могу, не знаю пароля на выход. А быть в бездействии, когда все работают, стыдно.

— Руки вверх! — скомандовал врач Супостат, вытаскивая пистолет. — Приветик, Фонди-Монди-Дунди-Пэк! Приветик, БХ-три нуля! Руки вверх, говорю!

— Я ничего не понимаю, — спокойно сказал Бокс-Мокс. — На каком языке вы разговариваете?

— Разговаривать с тобой будет шеф. — И врач Супостат ловко защелкнул на руках Бокса-Мокса наручники, тем более, что тот не сопротивлялся. — Вот так. Садись. Гы-гы-гы, будь как дома. Я всегда поражался твоей наглости, но на сей раз она граничит с безумием. Отчего тебе взбрело в голову показаться мне? Я ведь столько раз перекраивал твою подлую физиономию, что знаю наизусть все ее варианты. А голос? А руки? А бородавка на левом ухе? А принести тебе отпечатки твоих пальцев, например, с правой ноги?

После всего услышанного притворяться не имело смысла, и Фонди-Монди-Дунди-Пэк ответил:

— Сейчас я работаю на самого себя. Решил на старости пожить нормальным человеком. Рыбку половить, к примеру, на так называемой утренней и так называемой вечерней зорьках.

— Чисто медицинский вопрос: с мозгами у тебя в порядке?

— Как никогда.

— Почему же я ничего не понимаю? — удивился врач Супостат. — Похоже, что ты заговариваешься. Бред какой-то. Или тебе ТАМ много платят? Сколько, кстати, ты заработал на том, что выдал «Фрукты-овощи»?

— Две рыбалки.

— Ты зря разыгрываешь меня! — рассвирепел врач Супостат. — Дружба дружбой, а шпионская служба шпионской службой! Ты в моих руках, не забывай!

— Я в твоих наручниках, — весело поправил Фонди-Монди-Дунди-Пэк. — А пришел я к тебе потому, что надеюсь договориться. Мне надо выбраться отсюда, пока не выздоровел Шито-Крыто.

— Меня душит смех! Гы-гы-гы-гы-гы!

— Зря гыгыгыкаешь. Здесь ты за меня ничего не получишь. Тем более, я сумею подвести тебя. Заявлю, что был с тобой в сговоре, что это ты пустил меня сюда... Ну? Где твои «гы-гы-гы»?

— Тебе не поверят! — в страшном ужасе завопил врач Супостат.

— Еще как поверят! Даже разбираться не будут! Раньше меня на левой ноге под потолком повиснешь!.. А я тебе заплачу — из рук в руки — в хорошей валюте сорок тысяч.

— А где я получу деньги? Когда?

— У меня. Сразу, как я только выберусь отсюда.

— Эх, Фонди, Фонди! Эх, Монди, Монди! Эх, Дунди, Дунди! Пэк ты Пэк! Разве я могу тебе, понимаешь, тебе поверить? Это же, гы-гы-гы, смешно!

— Сорок тысяч в хорошей валюте. Из рук в руки. Ты ничем абсолютно, ничем не рискуешь. Я имел дело только с Лахитом и генералом. Меня здесь никто не знает. Я нигде не числюсь... Ну?

— Ох... боюсь! Ух... боюсь!.. Ах... боюсь здорово!

Но Фонди-Монди-Дунди-Пэк прекрасно знал шпионскую натуру вообще и врача Супостата в частности и спокойно смотрел, как страдает его бывший приятель, потом сказал:

— Ты ведь боишься только того, что не получишь деньги. А ты не бойся. Сними-ка с меня наручники и дай мне закурить. Мерсибо. Ты стал плохо соображать.

— Измотался. Устал. Все всё время трясутся от страха. И я трясусь. А твои деньги спасли бы меня. Подал бы я в отставку и смотался бы куда-нибудь подальше.

— Соображай быстрее! Быстрее соображай! — уже нервно сказал Фонди-Монди-Дунди-Пэк. — Генерал может выздороветь в любой момент, и тогда плакали твои СОРОК ТЫСЯЧ в хорошей валюте.

— Мои?!

— Твои, конечно. Ведь, если очнется генерал, ни тебе, ни мне не выбраться отсюда живьем! Соображай! СОРОК ТЫСЯЧ в хорошей валюте! Соображай! Думай! Да побыстрее!

— У меня никуда не годные нервы, — чуть не плача, пожаловался врач Супостат. — Голова у меня работает с перебоями! Простых вещей иногда не принимает!

— Можешь узнать пароль на выход отсюда?

— Это трудно. Его часто меняют. А сами мы выходим по пропускам... Как ты сказал? СОРОК ТЫСЯЧ В ХОРОШЕЙ ВАЛЮТЕ? Я буду думать! Соображать буду! Я обязательно что-нибудь придумаю...

— Всем, всем, всем! — загремел из радиодинамика голос генерала Шито-Крыто. — Всем оставаться на сво-

из местах! Под страхом смертной казни через подвешивание к потолку за левую ногу не шевелиться, не двигаться, не разговаривать, не сводить друг с друга глаз! Среди нас предатели! Среди нас предатели! Сверхспецразведка, приступить к обыску!

Фонди-Монди-Дунди-Пэк спокойно курил, а врач Супостат смотрел на него вытаращенными от страшного ужаса глазами и толстыми губами бормотал:

— Сорок тысяч в хорошей валюте... сорок тысяч в хорошей валюте...

Конец девятой части

Часть десятая,
последняя из написанных лично автором
и названная им коротко
«ПЕРЕД ФИНАЛОМ»

ГЛАВА № 53

**Начало разъяснительной работы
по пропаганде задач научной регистрации ленивых
и склонных к лени детей**

В городе была объявлена сугубо научная и в достаточной степени добровольная регистрация ленивых и склонных к лени детей.

С утра в научно-исследовательском институте по борьбе с ленью (НИИПОВОСЛ) и в городском комитете по борьбе с ленивыми детьми толпились

обеспокоенные,

напуганные,	взволнованные,
разгневанные,	возмущенные,
раздраженные,	взвинченные,
растерянные,	ошеломленные,
рассерженные,	заплаканные,
настороженные,	
безутешные,	
раздосадованные,	
оскорбленные,	
пригорюнившиеся	

бабушки и дедушки, папы и мамы не только ленивых и склонных к лени детей, но и вполне хороших мальчиков и девочек.

Все они чего-то испугались, словно им что-то грозило.

— Читайте внимательно наше объявление! Читайте внимательно наше объявление! — радостно и торжественно советовал им Моисей Григорьевич. — Сразу всем все станет ясно! Все всё сразу поймете!

Но никто ничего почти не понимал, хотя сотни глаз читали и перечитывали, сотни ушей слушали и слышали объявление, которое было расклеено по городу, пе-

редавалось по радио и телевидению, печаталось в газетах:

**НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПО БОРЬБЕ С ЛЕНЬЮ
(НИИПОБОСЛ)**

И

**ГОРОДСКОЙ КОМИТЕТ ПО РАБОТЕ
С ЛЕНИВЫМИ ДЕТЬМИ,**

а также

ГОРОДСКАЯ САНЭПИДЕМСТАНЦИЯ

о б ъ я в л я ю т

сугубо научную

и в достаточной степени добровольную

РЕГИСТРАЦИЮ

ЛЕНИВЫХ И СКЛОННЫХ К ЛЕНИ ДЕТЕЙ

Регистрация имеет целью выяснить точное количество ленивых и склопных к лени детей, чтобы работу по их перевоспитанию и возвращению к нормальной жизни провести в сжатые сроки.

Не зная количества ленивых и склонных к лени детей, наука не может правильно планировать свою работу с ними.

Помогите науке!

Зарегистрироваться ленивый или склонный к лени ребенок может сам или при помощи родителей или близких и даже дальних родственников.

Помните: если лодырь не захочет спасти себя сам, это должна сделать окружающая его среда!

ГРАЖДАНЕ!

Регистрируйте своих и чужих ленивых и склопных к лени детей! Спасите их!

Превратим юных тунеядцев и тунеядок в полноправных и полезных членов общества!

Сделаем наш город свободным от лодырей!

В день предполагаемого начала регистрации город украсился лозунгами и плакатами:

**«ПОМОЖЕМ НАУКЕ ВСКРЫТЬ КОРНИ ДЕТСКОЙ
ЛЕНИ! ВЫРВЕМ ЭТИ КОРНИ! ВСЕ НА РЕГИСТРАЦИЮ!»**

«ТРУДОЛЮБИВЫЙ ПЕТЯ ЗА ЛЕНИВОГО ВАСЮ В ОТВЕТЕ!»

«А ВЫ ЗАРЕГИСТРИРОВАЛИ СВОЕГО ЛЕНИВОГО ВНУКА ИЛИ СКЛОННУЮ К ЛЕНИ ВНУЧКУ?»

«НЕ УКРЫВАЙ ЛОДЫРЯ ОТ ДОБРОВОЛЬНОЙ РЕГИСТРАЦИИ!»

«КТО КУДА, А Я НА РЕГИСТРАЦИЮ!»

Разъяснительной работе среди детского, взрослого, пожилого и престарелого населения был придан невиданный размах.

Но еще ни один лентяй не зарегистрировался сам. Еще ни один родитель не зарегистрировал ни одного ребенка. Не проявили сознательности близкие и дальние родственники.

Многие бабушки и дедушки пытались дискредитировать саму идею сугубо научной регистрации, заявляя, что, дескать, вон сколько на белом свете прожили, а о таком и не слыхивали.

Было ясно: регистрация находится под угрозой полного провала, а это означало, что и борьба с ленью находится тоже под угрозой полного провала.

Казалось вполне естественным — растеряться в такой обстановке. Но Моисей Григорьевич и не думал сдаваться или хотя бы отступить, он даже предчувствовал, что впереди еще много трудностей и неудач.

— Ничего, ничего, ничего! — твердил он самому себе. — Если мы не спасем ленивых детей, никто их не спасет!

ГЛАВА № 54

Врач Супостат прячет Фонди-Монди-Дунди-Пэка в свинцовый гроб, а генерал Шито-Крыто превращает этот гроб в лепешку

Фонди-Монди-Дунди-Пэк спокойно курил, а врач Супостат смотрел на него вытаращенными от страшного ужаса глазами и толстыми губами бормотал:

— Сорок тысяч в хорошей валюте... сорок тысяч в хорошей валюте...

Из радиодинамика гремел голос генерала Шито-Крыто:

— Не сводить друг с друга глаз! Среди нас предатель! Никому не двигаться с места! Не шевелиться! По

возможности не дышать! Среди нас предатель! У-у-у-у-у-у-у-у-у!

— Что будем делать? — спросил Фонди-Монди-Дунди-Пэк.

— Не знаю, не знаю, не знаю, я ничегошеньки не знаю! — прошептал, трясаясь от страха, врач Супостат. — И не соображаю я ничего-го-гошеньки! Ведь предатель — это ты! Тебя ищет сверхспецразведка! Я обязан сообщить о тебе, чтоб ты погиб, а я остался жив-живехонек!

— Если я погибну, ты не получишь сорока тысяч в хорошей валюте. Кроме того, если ты меня выдашь, я тебя тоже продам. Я умею это делать лучше тебя. Тебе не выкрутиться. А спасешь меня, сорок тысяч в хорошей валюте твои. Давай что-нибудь придумывай да побыстрее, балда ты такая тугодумная!

— Пусть балда! Пусть балда! Пусть балда! У меня не соображается! Соображай ты!

— Сиди спокойнее, не трясись, — посоветовал Фонди-Монди-Дунди-Пэк, сам внешне спокойный так, словно ему абсолютно ничего не угрожало. — Придумай, куда меня спрятать. Все остальное я беру на себя.

— Но нам не обмануть сверхспецразведку! Она вот-вот будет здесь! АааааааАХ! Если бы сорок тысяч в хорошей валюте были с тобой, я бы от всей души, честно выдал тебя и остался бы живым и богатым! — Толстый голос врача Супостата от ужасного страха и несусветной жалости к себе стал тонким, почти пискливым. — Ты просто надуваешь меня! У тебя же не может быть таких денежек!

— У меня их с собой, конечно, нет, — невозмутимым тоном проговорил Фонди-Монди-Дунди-Пэк, — но они ждут тебя там, за проходной. Спрячешь меня — получишь денежки, не спрячешь — будешь висеть рядышком со мной под потолком за левую ногу.

Врач Супостат выскочил из-за стола, нажал в стене кнопку, стена раздвинулась, и за ней оказался стол, а на столе большой свинцовый гроб. Врач Супостат нажал кнопку на столе, крышка гроба приподнялась. Он шепнул:

— Залезай. Запас кислорода на четыре часа.

Фонди-Монди-Дунди-Пэк забрался в гроб, крышка опустилась, врач Супостат выскочил в свой кабинет, половинки стены соединились. Он выпил пол-литра ва-

лериановых капель и бухнулся в кресло с таким видом, словно приготовился немедленно умереть.

В кабинет с тремя свирепого вида офицерами и пятью страшнейшими собаками из сверхспецразведки ворвался генерал Шито-Крыто, заорал:

— Где Бокс-Мокс? Где этот негодннсснмо, этот наглнсснмо, будь он драйбман проклятнсснмо!

Если бы врач Супостат и захотел ответить, то не смог бы: от днчайшего страха и нанснльнейшего ужаса челюстн ему свело судорогой, он стоял как столб.

— Если ты через четырнадцать секунд не ответншь, висеть тебе под потолком за левую ногу! Приготовнть прнспособленне!

Трое офнцеров свнрепого внда бнстренько укреплн в потолке веревку с острым крюком на концe.

— Начннайте счет!

— Раз!.. Два!.. Трн!.. — хором началн считать свнрепого внда офнцеры из сверхспецразведкн, н с каждой цифрой врач Супостат все снльнее ощущал прн... прн... прнблнженне своей смертн. Левую ногу от прeдчувствня свело судорогой, н он бухнулся в кресло.

— ЧЕТЫРНАДЦАТЫ! — рывкнул свнрепого внда офнцеры, а страшннне собаки завылн шпнонскнй похоронный марш.

— Эуаомаы... — еле шевеля сведенными судорогой челюстями, прнзнес врач Супостат. — Ауыю...

— Ну! Ну!.. Подвеснть его! Ап!

Врач Супостат днко замычал н выпученными до прeдела глазами показал на кнопку в стене. Генерал Шито-Крыто вдарнл по кнопке кулаком, стена раздвннулась.

Он сквозь зубы процеднл:

— Попался, голубчнк... не-е-е-ет, я не подвешу тебя за левую ногу к потолку... я тебя нзрежу перочннным ножнкком на мелкне-мелкне-премелкне частнчки н за жарю на комбнжнре... И скормлю своим шпнончнкам... Отвечай, что ты успел сделать?

— Я оставнл тебя в дураках, — раздался насмешлнвый голос Фондн-Мондн-Дундн-Пэка. — Ты не успеешь разрезать меня перочннным ножнкком на мелкне-мелкне-премелкне частнчки. Ты лопнешь от днкой злобы!

Генерал Шито-Крыто с превелнкм трудом удержался на ногах: от днчайшей злобы у него закружнлась

голова и потемнело в глазах. Он мгновенно побагровел, еще мгновеннее посинел и, мигом став совершенно черным, прохрипел:

— Это ты взял балдин?

— Я, конечно. Офицера Лахита я переправил ТУДА, понимаешь, оболтуссимо, что это значит? И Стрекоза твоя ТАМ. Жалкий специалистишка ты, а не генерал! Точнее, провал-генерал или генерал-провал! Сейчас я буду хохотать над тобой...

Генерал Шито-Крыто побелел, пошел коричневыми пятнами, заRRRRRRРычал, заХРХРХРХРипел и заколотил по гробу кулаками, сплющил его в лепешку, сложил вдвое, еще раз сплющил и заорал в отчаянии:

— Где, где правда? Справедливость где? Кругом одни предатели и надуватели! УUUUUUUUUUUU!!!! — И его затрясла такая трясучка, что три офицера страшного вида повисли на нем, но унять его не могли — долго тряслись вместе с ним, пока не отлетели в стороны и не ударились затылками о стены, да так ударились, что остались валяться на полу.

Страшенные собаки вместе с врачом Супостатом спрятались от страха под столом.

Трясучка понемногу затихала, и генерал Шито-Крыто бормотал, борясь с ней:

— Ни совести... ни стыда... ни у... кого... нетуUUUUUUU! — завывал он. — Все предатели! Надуватели все! Ни одного порядочного человека! Негодяи! Креста на вас нетуUUUUUUU!!! Честности ни у кого ни на грош... совесть у вас давно прокисла... в душах у вас моль завелась...

Конечно, это был бред. Уж если генерал Шито-Крыто заговорил о желании иметь рядом порядочных и честных людей, значит, с головой у него было что-то крупно не в порядке.

Свихнулся генерал Шито-Крыто.

Врач Супостат вылез из-под стола и поставил вогромную, без единого волоска генеральскую голову несколько уколов.

— Где правда? — жалобно бормотал начальник «Гроба и молнии». — Справедливость где, Супостат? Я всю жизнь работал, трудился, не жалея ни себя, ни людей... недосыпал... недоедал... недопивал... стыдно сказать, даже в туалет ходил редко... а они... предатели... а они надуватели... Где, где правда? А?

— Правды нет, шеф, и быть не может. Справедливости тоже нет... Сорока тысяч в хорошей валюте и то нет.

— Какие сорок тысяч? Какая хорошая валюта?

— Эту сумму обещал мне расплющенный вами Бокс-Мокс, если я предам вас.

— И ты не предал?!?!?! — поразился генерал Шито-Крыто. — Что с тобой?

— Вас... никогда... ни в коем случае... ни за какие валюты... Я специально спрятал его в гроб, чтобы он не убежал. Вы знаете, кто такой был Бокс-Мокс?

— Предатель, проходимец и приятель проныры Лахита!

— Это еще далеко не всё, шеф, — предельно осторожно выговорил врач Супостат. — Это был... ЫХ-три нуля.

Генерал Шито-Крыто очень нервно хихикнул, совсем нервно кряко-хрюкнул, спросил:

— Ты осмелился меня разыграть? С какой целью? — И он в высшей степени неуверенно выговорил: — ЫХ-три нуля давно нет на свете...

— Шеф, это был он, уверяю вас! Я его сразу узнал! Да он и сам потом в этом признался!

— Пошли вон, — вяло приказал генерал Шито-Крыто свирепого вида офицерам, которые к этому времени уже почти очухались, те скомандовали страшным собакам, и, когда вся опергруппа из сверхспецразведки убралась, продолжал: — Может получится скандальный крах. Финитка комедитка! Драйбалд!.. Значит, Лахита выкрали. Значит, выкраден и план операции «Братцы-тунеядцы»... Балдин тоже сперли... Ну, я теперь...

— Но ведь я не имею к этому никакусенького отношения! Шеф, я чист, я стерильно честен! — Врач Супостат бухнулся на колени. — Я никогда никому нигде ни за что не предавал вас и даже не продавал!

— Значит, не было подходящего случая. Почему ты сразу не сообщил мне, что у тебя в гробу спрятан ЫХ-три нуля?

— У меня судорогой свело челюсти от ужасного страха перед вами. Плохо у меня с нервами. Устал. Измотался. Видно, пора отдыхать.

Генерал Шито-Крыто согласно, понимающе и вроде бы даже сочувственно покачал своей огромной, без еди-

ного волоска, похожей на арбуз, футбольный мяч и глобус головой, проговорил:

— Я тоже устал. У меня тоже с нервами плохо. Но отдыхать мне некогда. Много срочной работы. А я остался без помощника... Но не все еще потеряно,— задумчиво или неуверенно продолжал он.— Нет, нет! Главное — в сохранности! Только не раскисать! Не медлить! — Он резко вскочил.— А этот негодяймиссимум, БХ-три нуля не рассказывал тебе, каким образом он смог проникнуть обратно к нам?

— Никак нет, шеф.

— Мне понятно, почему он выдал «Фрукты-овощи»... — Начальник «Гроба и молнии» впился взглядом в сверхперепуганного врача Супостата.— Это вполне естественно. Но... если он вернулся к нам, то почему не предал тех, кто его послал сюда? А? Что его заставило вернуться к нам? А?

— Понятия не имею, шеф.

— Все вы одинаковы. Понятия не имею, понятия не имею... Один я здесь только головой и работаю.— И генерал Шито-Крыто направился к выходу.

— Ше-е-е-еф... — тихонько позвал врач Супостат.— А не прикажете ли убрать это? — И показал на веревку, закрепленную под потолком и с острым крюком на конце.

— Пригодится еще, понадобится!.. Кстати, идея! Сейчас же прикажу устроить такие штучки во всех отделах... А? Неплохо придумано? А? Где провинился, тут же тебя и вздернут! Ве-ли-ко-леп-но! — Генерал Шито-Крыто очень удовлетворенно хрюкнул и вышел.

Врач Супостат крестился левой рукой вместо правой и не пальцами, а кулаком и бормотал упоенно:

— Пронесло, господи! Пронесло, господи! Господи, как пронесло!

— Нет, не пронесло! — раздался голос Фонди-Монди-Дунди-Пака, и он сам собственной персоной оказался перед столом.— Зачем же так легко отказываться от сорока тысяч в хорошей валюте? Тем более, другого выхода у тебя нет. Одно тебе осталось, если ты не совсем уж окончательный дурак,— иметь дело со мной.

— Как ты... как тебе... как тебя... как... — И врач Супостат, закатив глаза, застыл в неподвижности, не в силах ни говорить, ни даже толстым пальцем пошевеливать.

— Я все ваши штучки знаю,— объяснил Фонди-Монди-Дунди-Пэк, закурил и уселся в кресло.— Просто вылез из гроба и спрятался под столом, на котором он стоял. Ну, пришел в себя, трусишка? Слушай внимательно. Задача проста: сейчас меня уже нет. Меня не ищут. Ты помогаешь мне выбраться отсюда и тут же получаешь сорок тысяч в хорошей валюте... Что тебя еще беспокоит?

— Я не представляю... Нет, нет, я тебе не верю!

— Мне остается пойти к Шито-Крыто и...

— Гы-ы... гы-ы-ы... гы... — попробовал рассмеяться врач Супостат.— Сдрейфишь!

— Мне терять нечего. Но в любом случае Шито-Крыто разделается и с тобой. Выбирай. Либо мое предложение, либо немедленно наши жизни на рассмотрение начальства.

— О-о-о-о, зачем ты явился сюда? О-о-о-о, зачем ты свалился на мою бедную голову? Уж лучше бы ты не вылезал из гроба! Как было бы хорошо!

В радиодинамике затрещало, и раздался радостный и грозный голос генерала Шито-Крыто:

— Всем, всем, всем! Предатель уничтожен мною лично! Наши ряды очищены! Дела наши идут прекрасно! В организации сию секунду вводится наичрезвычайнейшее наивоеннейшее положение! Изредка поглядывайте на висящую в каждом кабинете веревку под потолком и с острым крюком на конце! И ждите необычайно важного, почти исторического значения приказа!

— Вот-вот... — тонким голосом прошептал врач Супостат.— Слышишь?.. Пожалей меня... погибни один... у меня же семья, у меня дети, правда, выродки сплошные...

На какое-то мгновение, а может быть, и на несколько десятков секунд Фонди-Монди-Дунди-Пэк пожалел своего бывшего приятеля, но жалость эта быстро прошла, и Бокс-Мокс сердито сказал:

— Не врач ты, а враг. Ну потряси своей глупой головой, пораскинь, как говорится, мозгами, если, конечно, они у тебя имеются в наличии. Подумай. Поразмысли. Сообрази. Всю жизнь ты имеешь дело только со шпионами. Ты знаешь нашу натуру...

— Знаю, знаю, еще как знаю! — прокричал врач Супостат.— Я не только вашу натуру знаю! Я у каж-

дого из вас даже каждый нос помню! И не верю я ни одному вашему слову! Все равно обманете!

Фонди-Монди-Дунди-Пэк возвысил голос:

— А я разговариваю с тобой не как шпион, а как человек. Пойми! Я уйду в отставку. Мне все надоело. Я устал. Измотался. Помоги мне выбраться отсюда. Даю тебе честное человеческое слово, что ты получишь обещанное!.. Семь с половиной секунд тебе на размышление! — рассердился Фонди-Монди-Дунди-Пэк, увидев, как врач Супостат опять закатил глаза и будто окаменел. — Да пойми ты! Я без тебя никуда не денусь. И тебя от себя никуда не отпущу... Опять трусишь?

— Трушу, — признался врач Супостат, — никогда в жизни так здорово не трусил. Просто не знаю, что и делать. Понятия не имею...

Вот тут-то Фонди-Монди-Дунди-Пэк и приуныл.

ГЛАВА № 55

**Первый вполне человеческий поступок
младшего сержанта Стрекозы
на пути ее превращения в нормальную девочку**

Случилось совершенно невероятное событие — лейтенант Васильков отказался выполнить задание, заявив следующее:

— Прошу освободить меня от этого задания, не могу больше. Весь хожу искушенный и исцарапанный, а толку никакого. Разве это служба получается? Пошлите меня на самое опасное задание, только от Стрекозы освободите!

Полковник Егоров нахмурился, помолчал и спросил:

— А что такое Стрекоза, знаете? Она младший сержант по званию, агент иностранной разведки. И вы обязаны с ней справиться, как обязаны справиться с любым агентом. А вы малодушничаете, расписываетесь в собственном бессилии.

— Ну не получается если? Я ведь стараюсь! Я ведь не ца-

рапин и укусов боюсь, а стыдно мне, что ничего у меня не получается! Я из-за нее ночей не сплю! А результат? Нулы!

— Кто же ею, по-вашему, заниматься будет? Я, что ли? Вам не нравится, что она кусается и царапается. Это действительно неприятно, я понимаю.— Полковник Егоров усмехнулся.— Значит, вы предлагаете другого работника ей на растерзание отдать? Правильно я вас понял? Пусть кто-нибудь другой помучится, так? Вы этого хотите?

— Я не так ставил вопрос, товарищ полковник. Просто у меня ничего не получается. А время-то идет. Если бы она человеком была... а то ведь звереныш какой-то!

— Нет, она человек, но воспитали её зверенышем. Но не могли же из нее вытравить все человеческое! И мы не имеем права посадить ее в клетку, как настойчиво рекомендует бывший генерал Батон, который рядовым служил у них на площадке молодняка. Что-то надо придумать наше. Не исключена, кстати, возможность, что мы встретимся со шпиончиками генерала Шито-Крыто. Вполне вероятно, что они примут участие в операции «Братцы-тунеядцы». Продолжайте, товарищ лейтенант, выполнять задание, и чтоб больше я не слышал от вас всяких там... отговорочек и оговорочек.

— Есть,— уныло произнес лейтенант Васильков.— Разрешите идти?

... Надо сказать, что судьба младшего сержанта Стрекозы занимала, даже волновала полковника Егорова не только с той точки зрения, что со шпиончиками генерала Шито-Крыто рано или поздно все равно придется иметь дело, и в этом смысле агенточка может оказать неоценимые услуги, если, конечно, удастся ее перевоспитать, то есть превратить в нормального человека. Просто полковнику Егорову как отцу троих детей

было важно узнать: можно ли из ребенка вытравить все детское?

Жаль, что насчет Стрекозы своевременно не посоветовались с Фонди-Монди-Дунди-Пэком. А теперь... когда он вернется, да и вернется ли? Давно он молчит. Видно, дела его там, в «Гробе и молнии», плохи. Но будем надеяться, что с его знаниями, связями и опытом он как-нибудь выкрутится.

План операции «Братцы-тунеядцы», в общих чертах сообщенный офицером Лахитом, сейчас рассматривается командованием. В ближайшее время начнется подготовка к контроперации под условным названием «Каюк». Работа предстоит необычная и по масштабам невиданная. Одна из сложностей заключается в том, что офицер Лахит многих важнейших деталей операции не знает. Неизвестно, например, когда начнется ее осуществление, как именно начнется и какими путями будут перебрасываться большие группы агентов.

И если полковник Егоров имел дело с планом операции «Братцы-тунеядцы» в целом, то лейтенанту Василькову предстояло решить частную задачу — воевать с младшим сержантом Стрекозой до победного конца.

Казалось, с каждым днем характер ее все злее и ожесточеннее. Дежурные отметили, что это особенно обнаружилось, когда у нее отобрали таблеточки балдина (одну из которых она в свое время подбросила в стакан лейтенанта Василькова).

Из мешка агенточку выпускали только поесть, попить и еще кое для чего. Фруктовки она пила много, а вот ела не чаще одного раза в два-три дня, и только котлеты.

Лейтенант Васильков все ждал, когда же она устанет сидеть в мешке, вернее, висеть, потому что, если мешок опускали на пол, она принималась кататься, и тогда ее опять приходилось подвешивать. И еще лейтенант Васильков надеялся, что если она и не устанет висеть в мешке целыми сутками, то, по крайней мере, ей это когда-нибудь надоест.

Кроме шпионских ругательств, от Стрекозы не слышали ни одного путного слова. Купили ей куклу — агенточка разорвала ее тут же и еще долго грызла.

— Посадить тебя в клетку? — рассердившись, спрашивал лейтенант Васильков.

— Эфорт, билдинг! (Валяй, балда!)

Ну что тут будешь делать? Приказ, конечно, есть приказ, надо его выполнять, но — как?!

И вот тут-то лейтенант Васильков, совершенно отчаявшись хоть немного воздействовать на Стрекозу, предпринял невероятный шаг — решил отказаться от задания. Возвращаясь после объяснения с полковником Егоровым, он подумал, что еще дешево отделался. Могло бы попасть, и адорowo.

В камеру к Стрекозе он вошел раздраженный, готовый на все, сказал:

— Так вот, госпожа Стрекоза, чтоб тебе пусто было! Давай окончательно договоримся. Сколько это может продолжаться и какой от этого прок тебе? На что ты рассчитываешь? На искривление позвоночника? Что за охота висеть в мешке? Давай превращайся в человека!

— Гутто мурирэ! (Лучше подохнуть!)

— Ты пойми, что дела вашей «Гроб и молнии» — гроб без молнии. Какой смысл тебе безобразничать?

— Рахитиг амил! (Грубое ругательство.)

«Вот и поговори с ней, — уныло подумал лейтенант Васильков. — Ее даже припугнуть нечем. Голода она не боится. Холода она не боится. Выносливости необыкновенной. Звереныш и звереныш. За что мне такое наказание? Нет ничего хуже, когда тебе поручат дело, а ты и понятия не имеешь, как его делать. Одно только и утешение, что никто вообще не знает, на что эта госпожа агенточка годится. Даже полковник Егоров не знает. Тогда получается, что я должен гордиться оказанным доверием? Ладно, погоржусь. Но дело от этого с места не сдвинется».

Однако надо действовать.

Он сходил за бутылкой фруктовой воды, опустил мешок на пол, Стрекоза сразу начала кататься.

— Фруктовку принес, не дергайся!

Младший сержант моментально притихла. Лейтенант Васильков выпустил ее из мешка, предложил:

— Садись, потолкуем. Ты офицера Лахита знаешь?

— Он помощник шефа, — впервые на человеческом языке ответила Стрекоза, не сводя глаз с бутылки.

— Хочешь его увидеть?

— Дёрки! (Враки!)

— Он бы тебе объяснил обстановку. Сообщил бы, что мы знаем план операции «Братцы-тунеядцы».

В глазах Стрекозы мелькнул испуг, она крикнула:

— Авэк провокт нон загер! (С предателями не разговариваю!)

— Офицер Лахит говорит, что Шито-Крыто отдал приказ, чтобы тебя, как предателишку, обезвредить.

И все десять пальцев обеих рук младшего сержанта Стрекозы едва не вцепились в лицо лейтенанта Василькова. В сердцах он вывернул ей руку так, что агенточка не могла пошевелиться, и крепко отшлепал ее по тому самому месту, по которому и нака-

зывают провинившихся детей.

Старший санитар Тимофей Игнатьевич назвал бы эти действия санитарной обработкой задней поверхности организма младшего сержанта при помощи верхней правой конечности лейтенанта.

Но Стрекоза — вот чудеса! — притихла, не двигалась, хотя лейтенант Васильков больше не держал ее, и вдруг разревелась во все горло, разревелась совсем по-человечески, как обыкновенно режут обиженные девочки.

От величайшего удивления лейтенант Васильков стал гладить ее по голове, растерянно приговаривая:

— Перестань, ну перестань... больше не буду... сама виновата... перестань... больше не буду...

— Больше не буду! Больше не буду! — сквозь рыдания совсем по-человечески выкрикивала Стрекоза. — Сама виновата! Сама виновата!

Совершенно обескураженный лейтенант Васильков не знал, что ему и делать, забыл, что перед ним агенточка иностранной державы, пожалел ее (не державу, конечно, а девочку) и поцеловал ее от этой жалости в лоб.

Зарыдав еще громче, Стрекоза обхватила его за шею руками, прижалась мокрым от слез лицом к его лицу и бормотала, содрогаясь от рыданий:

— Сама виновата... больше не буду... сама виновата... больше не буду...

А не мешало бы эту сцену посмотреть генералу Шито-Крыто. Если бы он не лопнул от дикой злости или с досады, то, по крайней мере, ему было бы о чем подумать своей огромной, без единого волоска головой. Но ничего бы он ею, похожей на арбуз, футбольный мяч или глобус, не понял! Не он первый пытался из человека сделать зверя или болвана (вспомните хотя бы гавриков фон Гадке), затратив на это мерзкое дело массу времени, подлости, сил и умения. Все учел генерал Шито-Крыто, все, кроме того, что его шпиончики родились людьми, что у них были папы и мамы, пусть даже и плохие, но все-таки люди!

Отнесись лейтенант Васильков к Стрекозе только как к младшему сержанту иностранной разведки, неизвестно, чем бы это закончилось. Может быть, пришлось бы Стрекозу и на всю жизнь в клетку заключить (чтобы не было искривления позвоночника, которое могло произойти, если бы оставить ее в мешке). Вполне вероятно, что агенточка могла даже и покончить с собой, убедившись, что ей не выполнить задания генерала Шито-Крыто, а простить себе этого она не могла.

Но лейтенант Васильков в сердцах отшлепал ее, как обыкновенную провинившуюся девчонку и по тому самому месту, по которому шлепают именно детей.

Вы помните, конечно, что Стрекоза умела драться, и дралась жестоко, и ее били жестоко, но били по каким угодно местам, только не по тому, которое специально предназначено для шлепанья. И обратите внимание: для шлепанья, а не битья. Ударь лейтенант Васильков младшего сержанта (чего, конечно, быть не могло!) — и никакого воспитательного эффекта, разве что сдачи получил бы в виде укусов и царапин.

К тому же у детей, как известно, место для шлепанья имеет прямую внутреннюю связь с глазами, единственным органом, где вырабатываются и откуда выделяются слезы во внешнюю среду. Шлепнешь по специальному месту, а из глаз — слезы! Прямая, повторяю, внутренняя связь!

А начав плакать (чего шпиончики не умели), Стрекоза тем самым уже совершила вполне человеческий поступок.

Когда же, пожалев агенточку, лейтенант Васильков

поцеловал ее в лоб, она разрыдалась еще громче: ведь впервые в жизни ее пожалели, впервые в жизни поцеловали, и это оказалось приятным!

Да, да, все это ей очень понравилось. И чем растерянее лейтенант Васильков просил ее успокоиться, тем громче она рыдала и наконец стала рыдать так безутешно, что лейтенант Васильков, не зная, как быть дальше, неожиданно предложил:

— Давай-ка лучше пообедаем!

Стрекоза перестала рыдать, спросила недоуменно:

— Пожрем, что ли?

— Такого слова не употребляю. У нас говорят: пообедаем, поедим...

— По...по...пожрем?

— Нет, нет! Пообедаем. По-о-бе-да-ем.

— По...о...о...бе...да?...ем?

— Вот именно!

И пошли — на глазах изумленных дежурных — в столовую. Стрекоза держалась за его руку обеими руками, сказала неуверенно:

— Хочу котлету.

— Будет у тебя котлет столько, сколько захочешь!

— А хлеб?

— Еще больше! А главное — компот!

— Не знаю...

— О, пальчики оближешь!

В столовой Стрекоза испугалась и растерялась. Среди обедающих было немало людей в чужой военной форме, а Стрекозу воспитали так, что каждого человека, и особенно военного, она считала заклятым врагом, и если она не успеет выстрелить в него первой, то он выстрелит в нее обязательно.

Но никто не наводил на нее дуло пистолета, никто не командовал «Руки вверх!» — самые страшные для шпиона слова, и она не выпускала руки своего сопровождающего, держась за нее обеими руками.

— Суп есть будем? — спросил он, и Стрекоза ответила:

— Хочу котлету.

— Сколько штук?

— А сколько можно?

— Сколько, как говорится, влезет.

— Не знаю. Много-много.

— Десять штук достаточно?

— Ах!

Официантка, поставив на стол тарелку с грудой котлет, не сводила с девочки глаз. А та проглотила, почти не жуя, одну котлету, вторую, третью...

— Не торопись, не торопись, не торопись! — испуганно просил лейтенант Васильков. — А то худо будет тебе с непривычки-то! Обьешься, чего доброго!

— Бедная, бедная! — воскликнула официантка. — Где же ты так проголодалась? Будто бы года два не ела... Звать-то тебя как, горемычная?

— Стрекоза, — ответила Стрекоза, съев последнюю котлету и принимаясь за хлеб.

— Кому это в голову взбрело такое имечко дать? — Она хотела еще что-то спросить, но лейтенант Васильков выразительным взглядом велел ей молчать.

Уничтожив хлеб, Стрекоза уставилась на его тарелку, на которой была нетронутая порция. Конечно, он пододвинул тарелку.

Официантка принесла десять стаканов компота и, не сдержав любопытства, спросила:

— Да где же она, бедная и болезная, проголодалась?

— Там, — уклончиво ответил лейтенант Васильков и едва успел подхватить Стрекозу, чтобы она не упала со стула: девочка крепко спала.

Он взял ее на руки, провожаемый любопытствующими взглядами, направился к выходу.

Шел он и не без большого удивления думал, что впервые в жизни бережно несет на руках агента иностранной разведки. Но куда его, то есть ее, нести? Камера напомнит ей, где она и кто она такая, и все опять начнется сначала. Опять лейтенант Васильков несколько раз в день будет навещать медпункт, чтобы смазать йодом царапины и укусы.

И, поразмыслив, он прямым ходом направился к полковнику Егорову, в кабинете осторожно опустил Стрекозу на диван и облегченно произнес:

— Вот. Докладываю: отшлепал по одному месту, когда у меня нервы не выдержали. Плакала она. Рыдала она и редела. В столовой накормил. Уснула там.

— Интересно, — помолчав, проговорил полковник Егоров. — Даже понятно. Ее толком ни разу не кормили, всегда жила впроголодь, а на сытый желудок нормальному человеку хочется спать. Вот она и сморилась. Что дальше предпринимать намерены?

— Не знаю, — вздохнув, признался лейтенант Васильков. — Но считаю, что в камеру ее обратно нельзя.

— Верное соображение. А куда? Ведь нет никакой гарантии, что, проснувшись, она не бросится на вас или кого другого.

— Константин Иванович! — очень порывисто сказал лейтенант Васильков. — Вы всегда учили меня работать, не боясь риска. Вы всегда учили меня работать с выдумкой, без стандарта и шаблона. Случай мы име-

ем необычный; значит, и выход надо отыскать тоже необычный. Разрешите мне под мою личную ответственность взять агенточку, а в спящем виде — просто девочку, к себе домой? Я живу с мамой...

— Нет, нет, слишком рискованно! — покачав головой, ответил полковник Егоров. — А если она вытворит что-нибудь? А если — хуже некуда! — улизнет?

— Вроде бы не должна, Константин Иванович. Не знаю, как объяснить, но я уверен, что иного выхода нет.

— В принципе-то я с вами согласен. Убеждать меня не надо. И уговаривать тоже не требуется. Но ведь только сегодня, всего несколько часов назад, вы утверждали, что это звереныш.

— Виноват, поторопился с выводами.

Они одновременно взглянули на Стрекозу. Та крепко спала, сладко спала, как обыкновенная напавшаяся девочка. Но они понимающе переглянулись, подумав: сколько еще нужно сделать, чтобы она действительно превратилась в обыкновенную девочку!

Лежит себе на диване, сладко и крепко спит, и вроде бы никому в голову не придет, что не девочка это обыкновенная, а самый настоящий агент иностранной разведки. Вот и соображай тут, вот и принимай решение! Подумаешь, что она обыкновенная девочка, а она тебе из пистолета три пули в сердце! Решишь, что она шпион, а она все-таки несчастная девочка...

— Вот что! — решительно сказал полковник Егоров. — Продолжайте выполнять задание. У нас нет иного выхода. Скоро-скоро начнется осуществление операции «Братцы-тунеядцы». В ней наверняка примут участие шпиончики. И если мы не справимся с одним, вернее, с одной из них, что же мы будем делать с большим количеством?

— Товарищ полковник, я приму все меры, — заверил лейтенант Васильков. — Обязательно возьму кого-нибудь на помощь.

— Машину! — приказал полковник Егоров в телефон. — Все, по-моему, правильно. Попав в совершенно незнакомую обстановку, человеческую обстановку, она захочет быть девочкой, а не агенточкой. Ну, желаю успеха. Ни пуха, как говорится, ни пера. А в данном случае — ни укусов, ни царапин. Вечером позвоните мне домой.

ГЛАВА № 56

Несмотря на неудачи с началом
сугубо научной регистрации ленивых
и склонных к лени детей, психоневропатолог
и ученый М. Г. Азбарагуз не падает духом

Бывает так: хотят человеку помочь, а он, не уразумев именно того, что ему хотят помочь, бежит от этой помощи сломя голову.

Так и случилось с задуманной психоневропатологом и ученым Моисеем Григорьевичем Азбарагузом сугубо научной и в достаточной степени добровольной регистрацией ленивых и склонных к лени детей. Невиданный размах разъяснительной работы привел, как ни странно, к тому, что в городе началось что-то, похожее на маленькую панику. Сначала она охватила престарелых, затем — пожилых, потом — взрослых. Последними не выдержали дети — тоже вроде бы запаниковали.

Шуму,
разговоров,
споров,
слухов

было много,

А РЕГИСТРАЦИИ НЕ БЫЛО!

Особенно упорно держался слух о том, что зарегистрированных детей посадят в грузовики и куда-то увезут на какую-то дезинфекцию.

Наиболее страшным был слух о том, что зарегистрированные будут учиться без каникул и выходных дней.

Настроение у Моисея Григорьевича было боевое, хотя и несколько растерянное. Сдаваться он не собирался, но вот беда: боевое настроение с каждым днем таяло, а растерянность росла и росла. Честно говоря, он не понимал такого сильного сопротивления сугубо научной и в достаточной степени добровольной регистрации со стороны всех слоев и возрастов населения.

Можно было понять, почему самые заядлые, всем известные лодыри куда-то запропастились и активисты городского комитета по работе с ленивыми детьми не могли обнаружить хотя бы один след хотя бы одного тунеядца.

Огромная разъяснительная работа шла впустую. Каждый взрослый всеми правдами и неправдами оправдывал своего потомка-лодыря и спасал его от регистрации.

В чем дело?

Что делать?

Моисей Григорьевич сидел в кресле, устало вытянув ноги, и думал, поникнув головой.

Большие настенные часы настойчиво спрашивали:

— В чем дело?

— Что делать?

— В чем дело?

— Что делать?

— ЧТО?

— ЧТО?

Машинально стараясь попасть в такт стука часов, Моисей Григорьевич вслух отвечал:

— Не знаю!

— Не знаю!

— Не знаю!

— В чем дело?

— В чем дело?

Часы громко и отчетливо посоветовали:

— От-сту-питы!

— От-сту-питы!

— От-сту-питы!

— Никогда! Ни за что! Ни в коем случае! — резко встав, самому себе сказал Моисей Григорьевич. — Чему я, собственно, удивляюсь? Что меня не сразу поняли? А почему меня должны понять сразу? Люди привыкли не считать лень опасностью. Привычке этой много веков. И надо доказать людям, что в лени кроется один из опаснейших врагов человечества! Я докажу им это! Честное психоневропатологическое!

Скрипнула дверь, и раздался голос старшего санитаря Тимофея Игнатьевича:

— Можно мне заявить о самом заболевшем? — Он вошел в кабинет и, не дожидаясь ответа, заговорил: — Напугали вы людей регистрацией. Даже взрослый ту-неядец покоя лишился. Он рассуждает: сегодня я своего ленивого отпрыска на учет поставлю, а вдруг завтра и меня при всем честном народе притянут?!

— Чуть какая! — сердито воскликнул Моисей Григорьевич. — Нас интересуют только дети! Скрытые резервы лентяйства! Нам просто необходимо установить, сколько, понимаете, сколько у нас в городе ленивых и склонных к лени детей?

— Я, конечно, извиняюсь из-за всех сил, — упрямо сказал старший санитар Тимофей Игнатьевич, — но не могу не выразить мои мысли, пусть они и не особенно научные. Жизнь и людей я хорошо изучил. И утверждаю категорично и ответственно: ничего у вас не получится. Где вы найдете родителя, который добровольно отдаст своего родного лентяя или лентяйку на всеобщее позорище под названием «научная регистрация», видите ли?

— Постойте, постойте... А у вас самого есть дети?

— Четверо. Три сына и дочь.

— Ленивые?

— Просто спасу нет.

— По отношению к ним вы применяете метод физического воздействия?

Старший санитар Тимофей Игнатьевич тяжело вздохнул, потушил глаза и признался с усилием:

— Нет. На своих-то рука не поднимается. И регистрировать жалко. Опасаюсь. Я ведь не хочу, чтобы они выше старших санитаров не поднялись. В министры или академики хочу вывести. К хорошей жизни приучил, вот они и обленились самым основательным образом. Гордые растут, важные. Смотреть приятно, а жить с ними не очень удобно.

— Вот мы с вами все и выяснили, — удовлетворенно сказал Моисей Григорьевич. — Но откуда вы взяли, что министры и академики вырастают из тунеядцев? И чем это старший санитар хуже академика или министра?

— Запутался я...

— Регистрируйте! Людей из них воспитаем! Может быть, и министров, и академиков! Наука протягивает вам руку помощи, не отталкивайте эту милосердную руку!

— Ладно... — Старший санитар Тимофей Игнатьевич помрачнел. — Даю согласие на добровольную регистрацию четырех детей. Видно, другого выхода нет.

ГЛАВА № 57

Отчаянные попытки фон Гадке
сделать человечеству, ха-хе, большую пакость
и гибель фон Гадке в верхних слоях атмосферы

Выпрыгнув из окна шпионского ресторана «Руки хох!», чтобы вторично избежать почетной спиртизации, господин оберфобергогердрамхамшнапсфюрер фон Гадке уже в воздухе понял, что сейчас разобьется и останется от него только мокрое местечко.

Третий этаж плюс асфальт.

Но успел он подумать и о том, что умирать не имеет никакого морального права. Не было смысла всю жизнь отдавать себя борьбе с людьми и детьми, достичь в этой борьбе ряда больших успехов, избежать почетной спиртизации, пережить позорную мусоризацию, присутствовать на вечере в честь своей собственной смерти, убедиться, что старым шпионам — коллегам по профессии — не дороги твои идеалы, а дорожке сосиски с кислой тушеной капустой, смело и ловко выпрыгнуть из окна, когда тебя хотела сканать охрана Центран-

штаба во главе с бароном Бараном, и — вот на тебе, майн бог! — погнубнуть, хрипнувшись об асфальт.

Эх, если бы не надул его генерал Шито-Крыто, если бы не облапошил его несуществовавший никогда фон Хлипке, если бы не отобрали у него гавриков, все было бы иначе. Не в воздухе сейчас бы он летел, а в кресле бы сидел!

Ах, эх, ух, как ему нужен самолет с мощной бомбой! А куда ее шарахнуть, он знает! Только ему одному известны места наибольшего скопления детей на земном шаре!

Но сначала надо еще выжить, чтобы не дать жить другим.

О мой готт, помоги!

Помог ему не бог, а грузовик, выскочивший из-за угла, вернее, не только грузовик помог, но и мешки с чем-то мягким, лежавшие в кузове. На них-то и угодил фон Гадке.

«Сверхмерсибо, майн бог! — ликующе подумал он. — Я опять спасен, опять жив! Майль!» Правда, он все-таки что-то отбил себе, в организмике что-то стряслось, но в целом он был целехонек!

Солдаты, стоявшие у входа в шпионский ресторан «Руки кох!», в темноте, конечно, не видели, как из окна выпрыгнул и угодил в кузов промчавшегося грузовика фон Гадке, и поэтому ничего не могли сообщить выбежавшему к ним разъяренному барону Барану.

— Прочесать весь город насквозь! — тут же приказал он. — Вызвать все подразделения, выпустить всех собак-нищек, даже щенков!

Фон же Гадке чувствовал себя прекрасно. Ему бы только добраться до одного секретнейшего аэродрома, где всегда наготове к боевому вылету самолет типа «Бух-трах-13» с мощной бомбой, и тогда — ууууУУУУ-УХ!

Ощупывая мешки, в которых находилось что-то мягкое, фон Гадке развязал один и хехекнул: там была одежда. Он быстро разделся и разулся, выбрасывая свои отрепья и остатки сапожек на мостовую.

Одежда оказалась военной, но, какому роду войск она принадлежала, в темноте определить не удалось. Переодевшись, фон Гадке разыскал мешок с обувью. Сапоги были чрезмерно велики, но это были пустяки!

В фонгадской душонке все пело и ликовало и еще

больше запело и заликовало, когда он обнаружил, что грузовик катит в сторону Центрахаштаба: это было ему, хе-хе, по дороге!

Одет фон Гадке был добротно, но все на нем висело, рукава пришлось подвернуть, брюки были неизмеримой ширины. Но ведь он не модник какой-нибудь, не франт, а попадающий из одной смертельной опасности в другую матерый шпион — душа из всех вон! — чего он скоро сотворит, лишь бы на глаза никому не попасться.

В длиннейших его ушах уже гудел двигатель реактивного самолета типа «Бух-трах-13», ручки как бы нащупывали рычаг, который освободит от зажимов мощную бомбу и — УУУХХХ!

А в это время собаки-ищейки обнаружили на мостовой его отрепья и остаточки сапожек, разорвали все это в клочья (хотя и рвать-то было почти нечего!), уловили один знакомый и ясный запах — стойкий аромат сосисок с кислой тушеной капустой. Вы сами должны сообразить, что, унюхав этот запах, собаки бросились в шпионский ресторан «Руки хох!», ворвались в зал, где старые шпионы продолжали объедаться сосисками с кислой тушеной капустой, уже и позабыв, что угощают их по случаю почетной спиртизации фон Гадке, тем более запомнявав, что она оказалась мнимой.

Собаки сбили шпионов со стульев на пол и не давали им шевельнуться. Вид у собак был страшный и гордый.

Самый старый шпион хотел возмущенно хотя бы брыкнуть ногой, но получил укус в ухо, а потом еще и в нос.

Барон Баран довольно долго и тупо смотрел на эту картину, ничего, конечно, не мог понять и рассуждал вслух сам с собой, уверенный, что больше никто воспринять его мысли не способен:

— Ошибиться собаки не могли. Но какое отношение имеют эти старые мумии-обжоры к выскочившему из окна с третьего этажа негодяйному мерзавцу, я бы сейчас сказал, Гад Фонке? И что делать? Почетная спиртизация официально объявлена. Солдаты и офицер полбанки вылакали и расстреляны. Позор со всех сторон! Что, что делать? Разбавить спирт водой и сунуть в банку любого из этих капустников-сосисочников? А что? Выбрать самого невысокого, щупленького, одеть его в мундир оберфобергогердрамхамшнапсфюрера, и

пусть себе плавает! Какая разница, кто почетно заспиртован, важно, как он называется. А называться он будет фон Гадке. Приказываю! Слу-у-ушай! Ме-е-е-еня!

Между тем от страха, обиды, возмущения, а также от чрезмерного изобилия съеденной, но еще не переваренной пищи старые шпионы один за другим потихоньку отдавали богу многогрешные души.

И когда догадались отогнать собак и раздалась команда «Встать! Смирненько!», половина шпионов впервые в жизни не могла повиноваться. Одного из них, самого маленького, отобрали для того, чтобы он плавал в банке с разведенным спиртом вместо фон Гадке, но под его известным всему шпионскому миру именем.

А настоящего, живого фон Гадке грузовик привез — о майн бог! — прямо на центральную площадь перед центральной шпионской школой Центрхаштаба. Тут он был у себя дома, знал все ходы и выходы и без всякого особого труда (не считая того, что сапоги пришлось нести в ручках) через потайную дверь проник сразу в кабинет барона Барана.

Здесь фон Гадке, не зажигая света и впопыхах поставив сапоги на стол, позвонил на один секретнейший аэродром и от имени начальства приказал проверить готовность самолета типа «Бух-трах-13» к боевому вылету.

И едва только фон Гадке выскользнул через потайную дверь, в обычную дверь вошел сам барон Баран.

Увидев на своем столе сапоги, он так завопил от очень сильного возмущения и не менее сильного негодования, что фон Гадке услышал это и захекекал во все горлышко. Он влез в бароно-баранскую машину и помчался, взвизгивая от восторга.

Проезжая по центральной площади перед центральной шпионской школой, он увидел на черном мраморном пьедестале стеклянную банку, в которой плавал какой-то старикашка в форме оберфобергогердрамхамшнапсфюрера. В почетном воинском карауле застыли четыре штуки молодых кадров (правда, один застыл не совсем — ковырял пальцем в носу с таким старанием, словно пытался задеть глаз изнутри) с автоматами в руках.

Фон Гадке притормозил и крикнул в окошко:

— Майль!

— Фиг майль! — рывкнули три штуки молодых кад-

ров, а четвертый промолчал: не успел вытащить налеч из носа.

«Удивительное я существо,— с упоением подумал фон Гадке.— Получается, что я и в банке почетно плаваю, я и здесь вот в бронированном автомобиле этого барана Барона! А сапоги мои у него, хе-хе, на столе! А скоро я сяду в самолет с мощной бомбой... УУУУУ-УУХХХХХХ!!!!!!»

Ворота раскрылись, и машина с ходу вырвалась на шоссе, сбив перед этим начальника караула, который хотел остановить ее поднятой вверх рукой с пистолетом-пулеметом, заметив за рулем незнакомую личность, правда, похожую на почетно заспиртованного фон Гадке.

Загремели выстрелы, затрещали длинные автоматные очереди.

«Пуляйте, пуляйте! — насмешливо, даже саркастически подумал фон Гадке.— В бронированный-то автомобиль! Хе-хе!»

Машина мчалась на дичайшей скорости, на поворотах она лишь чудом не переворачивалась. Конечно, анекдот получился самый настоящий! Ведь автомобиль барона Барана был самым быстроходным в гараже Центрхапштаба, и ни одна машина не могла догнать фон Гадке.

Загудел телефон, он улучил момент и сбросил трубку на сиденье — опасно было руки отрывать от баранки. Но и так было слышно, даже сквозь шум мотора, как орал барон Баран:

— Фон Гадке! Фон Гадке! Гад ты Фонке, вот ты кто! Куда тебя, старого микроба, несет?! Машину ведь разобьешь, проходимец ты незаспиртованный! Пожалей машину, а я тебя пожалею! Верни машину, я все прощу!

Прижав трубку плечиком к шейке, фон Гадке тоже заорал:

— Баран ты барон недорезанный! Я за твоей баранкой! Ты лишил меня самого главного в жизни — работы! Сам тунеядец, и другим трудиться не даешь!

— Останови машину! Потом поговорим! По душам!

— Я тебе покажу, как надо трудиться! Вкалывать как надо, не жалея ни сил, ни жизни, ни машины! Ма-а-а-айлы! — И фон Гадке вырвал трубку вместе с проводом, чтобы брань барона Барана не мешала ему.

Впереди было наиболее опасное место — железнодорожный переезд. Вот тут его, конечно, и подкарауливают! Надеются, дураки примитивные, оболтусы недоразвитые, что, дескать, сейчас я остановлюсь и они меня цап-царап-сцап! Я вам устрою иллюминацию!

Вам нужна машина начальника Центрхапштаба?

Пожалуйста, получите, будьте настолько любезны!

Фон Гадке до самого предельного предела выжал из мотора всю возможную скорость, еле-еле-е...е...е...ле! — открыл прижимаемую встречным ветром дверцу и выпрыгнул.

Сильным потоком воздуха его отбросило очень далеко назад, несколько раз перевернуло и швырнуло в кювет, а там было — опять майн бог! — что-то среднее между водой и грязью, но фон Гадке опять — майль! — остался жив.

Он выбрался из кювета и услышал взрыв, увидел пламя и громко-громко захекеал. Пустяк, а — приятно!

Но медлить было нельзя, и он домчался до леса и побежал вдоль опушки, вскоре оказался у железнодорожного полотна, переполз через него и стал подбираться к мотоциклу, одиноко стоявшему в стороне от скопления машин. Людей поблизости не было, все, видимо, глазели на катастрофу по ту сторону полотна.

Красиво горела машина барона Барана!

Фон Гадке умчался на мотоцикле, никем не замеченный.

Теперь он уже особенно не торопился и особенно не нервничал. Ветерок приятно обдувал его разгоряченное личико, хотя сам он в мокрой одежде и босиком замерз.

Сердчишко билось учащенно. От радости и подлости перехватывало горлышко.

Он загнал мотоцикл в кусты и, даже забыв выключить фару и заглушить мотор, стал пробираться среди деревьев. Не напороться бы в темноте на колючую проволоку, которой опоясано все пространство вокруг секретнейшего аэродрома. Прикоснешься к проволоке — и прозвучит автоматический сигнал тревоги. Тут тебя и цап-царап-сцапают!

Три года назад, обучая здесь шпионов, фон Гадке на всякий случай оставил в одном месте лазейку и вот сейчас сверхосторожно искал ее.

О майн бог, помоги!

Но майн бог не помогал — лазейки нигде не было.

Когда дело касалось подлости, мозгишки оберфобергогердрамхамшнапсфюрера работали на удивление результативно.

Он, как напуганная собакой кошка, взлетел на высокое дерево, по толстой ветке дошел почти до ее конца и фактически оказался уже на территории секретнейшего аэродрома. Фон Гадке мысленно помолился, проклял генерала Шито-Крыто и барона Барана и прыгнул; очухался от страха и быстро-быстро пополз, прижимаясь к земле.

Его длиннейшие уши без труда уловили гул мотора самолета. Гул через уши проникал прямо в сердчишко.

Метрах в десяти от самолета фон Гадке ненадолго остановился, чтобы посоображать. Ему, конечно, не хотелось метрах в десяти от цели допустить какую-нибудь оплошность.

Три солдата и механик о чем-то беседовали. Затаив дыхание от очень большого волнения, фон Гадке пополз к трапу, совершенно перестал дышать, полез наверх, забрался в кабину, задраил люк, прополз к сиденью, сел и в полнейшем изнеможении откинулся... ууууууффф...

Отдышавшись, он включил рацию и радостно начал кричать в эфир:

— Слушайте все! Все, кто меня слышит, слушайте внимательно! Готовьтесь пережить катастрофу! Где она будет, секрет! Какой она будет, тоже секрет! Поэтому все дрожите! С вами говорит оберфобергогердрамхамшнапсфюрер фон Гадке! Я в самолете, хе-хе, с мощной бомбой! Я наизусть знаю карту мира, на которой мною лично с военной точностью отмечены места наибольшего скопления детей! Хе-хе, что будет-то! Надеюсь, что история человечества меня не забудет! Взлетаю! Трепещите, ребятки! Гуд байдик!

Он прибавил горючего, и моторы взревели. Самолет почти без разбега оторвался от земли.

Из радиации послышалось:

— Фон Гадке! Фон Гадке! Вы сдуру залезли в самолет-ракету «Антихрист-один»! Она еще ни разу не была в воздухе! Это испытательный образец! Немедленно катапультируйтесь! Катапультируйтесь немедленно!

Не отвечая, фон Гадке судорожно искал рычаг с надписью «бомба» и не мог его найти.

Самолет-ракета не слушался его — он шел только вверх почти по прямой, а давно уже было пора сворачивать чуть влево.

Рация надрывалась:

— Катапультируйтесь немедленно! Иначе мы взорвем вас! Ручка катапульты внизу справа!

На лобике фон Гадке от ужасного страха выступил потик и тут же превратился в льдинки. С каждой секундой в кабине становилось все холоднее, а ды-

шать было все труднее.

Фон Гадке начал задыхаться: ведь в кабине не оказалось кислородного прибора.

Босые ножки посинели.

— Катапультируйся, дурак фонгадский!

Холодеющей, почти окоченевшей ручкой фон Гадке тянулся к ручке катапульты.

— Через тридцать секунд взрываем тебя, псих ненормальный! Один!.. Два!.. Три!..

Он таяяаяянууууууулся... таяяаяянууууууулся...

— Девятнадцать!.. Двадцать!.. Двадцать один!..

И в эти оставшиеся мгновения жизни, совершенно отчетливо сознавая, что смерть его почти уже наступила, господин оберфобергогердрамхамшнапсфюрер фон Гадке успел подумать лишь об одном: как жаль, как страшно жаль, что ему не удалось уничтожить или сделать ленивыми наших детей!

И если бы ему, фон Гадке этакому, представилась возможность убить или сделать ленивым хотя бы одного из вас, кто держит эту книгу в руках, не сомневайтесь: господин оберфобергогердрамхамшнапсфюрер без колебаний отдал бы за это свою фонгадскую жизнь. Призадумайтесь над этим.

«Господи, майн бог! — успело пронестись в головке

фон Гадке, когда он уже понимал, что «Антихрист-1» скоро вместе с ним превратится в пыль. — Дай мне, майн гот, возможность уничтожить хотя бы одного ребенка! Хотя бы одного киндера! Хотя бы одного анфанта! Хотя бы чилдрена! Или бамбино! Дай мне заразить их ленью! Тогда я радостно погибну с великолепным сознанием исполненного долга! Майн бог, помоги мне сделать человечеству хотя бы маленькую пакость!»

Из рации грозно донеслась команда:

— Двадцать девяти!..

И тут фон Гадке увидел кнопку, а над ней надпись:

«БОМБА»...

— Тридцаты!

От самолета-ракеты «Антихрист-1» в мгновение не осталось и пылинки. И от господина оберфобергогер-драмхамшнапсфюрера фон Гадке не осталось ни пылиночки.

...И только до сих пор на центральной площади перед центральной шпионской школой Центрхапштаба на пьедестале из черного мрамора в стеклянной банке с разбавленным спиртом плавает какой-то старикашка под именем фон Гадке, и молодые кадры отдают ему шпионские почести.

ГЛАВА № 58

Папа Юрий Анатольевич овладевает искусством ведения домашнего хозяйства.

Осложнения в семье Прутиковых в связи с приездом мамы

Мир и покой хотя все еще и не вернулись в семью Прутиковых, но дела в ней сейчас шли куда как лучше, если не учитывать того, что до сих пор Толик был в больнице, а мама на юге в санатории.

Перемены в семье в лучшую сторону начались с того дня, когда папа Юрий Анатольевич заявил торжественно и высокопарно:

— После долгих и мучительных раздумий, сопровождаемых глубокими переживаниями, я твердо решил в корне изменить свои взгляды на себя и на жизнь. Раньше семья жила для меня. Теперь я должен ей отплатить. Сейчас я буду жить для семьи. Одновременно буду положительным примером для сына.

— Большой принципиальный шаг вперед сделаешь, — одобрила бабушка Александра Петровна. — Овладел ты, Юра, наконец-то научным подходом к действительности.

— Я не знаю, как называется такой подход, но готовить пищу самостоятельно я научусь.

— Только переходи от слов к делу немедленно, а то остынешь.

И папа Юрий Анатольевич от слов перешел к делам — начал овладевать искусством качественного приготовления пищи на газовой двухконфорочной плите.

Не буду описывать все многочисленные случившиеся с ним мелкие, средние и крупные конфузы, которые он перенес болезненно, но стойко.

«Книга о вкусной и здоровой пище» часто подводила Юрия Анатольевича, потому что была рассчитана на опытных хозяек, а он был начинающим хозяином. Однажды он, например, по всем правилам зажарил курицу, не вынув из нее всех внутренностей, не отрубив лапок и головы. Бррр — что получилось!

Но постепенно, консультируясь с бабушкой Александрой Петровной, соседками, он кой-чему научился.

Настал день, когда в кафе он очень иронически сказал официантке:

— По всей вероятности, у вашего повара было две бабушки.

— Почему вы так решили?

— Потому, что он не умеет готовить. Такую бяку, простите, я могу сделать левой рукой на дырявой сковородке с прошлогодним маслом! — И, гордо подняв голову, Юрий Анатольевич вышел и больше ни разу не бывал ни в этом кафе, ни в других.

Дело не в том, что будто бы везде готовили плохо, а в том дело, что ему понравилось готовить. Вот так!

Конечно, времени на покупку продуктов и суету у плиты уходило немало. Но тут обнаружилось любопытное обстоятельство: ведь если делаешь много дел, по-

лучается, что у тебя много времени. Следовательно, для того, чтобы иметь как можно больше времени, надо делать как можно больше дел!

Однажды бабушка Александра Петровна, придя домой, обошла всю квартиру и, сядя за стол на кухне, очень удовлетворенно сказала:

— Если еще и сына этому обучишь, я свою научную задачу могу считать выполненной.

— Ну, а как суп?

— Душа больше желудка радуется. Только я в супе поджаренный лучок уважаю.

И они с Юрием Анатольевичем начали обстоятельно, со знанием дела обсуждать различные кулинарные тонкости.

Вот так и текла жизнь до приезда мамы. Она вернулась загорелой, помолодевшей, поздоровевшей и — недовольной.

— Представьте себе, я ни капельки не отдохнула, — заявила она, — ни на вот столечко не поправились, почти не загорела и чувствую себя значительно хуже, чем до отъезда отсюда туда.

— Извини, — удивленно сказал папа, — но твой внешний вид свидетельствует о прямо противоположном!

— Нельзя судить о человеке только по внешнему виду!

— Кормили, что ли, некачественно? — спросила бабушка. — Дождало? Или море недосоленное или пересоленное попало?

— Там было много детей, — нервно объяснила мама. — И, представьте себе, у всех дети как дети, у всех бабушки как бабушки.

— А мамы как мамы там встречались? — сразу обиделась Александра Петровна.

— Я о другом! Все балуют детей, но дети растут нормальными! А я как вспомню... так весь загар сойдет. Что с моим сынулей?

— Поправляется, — озадаченно ответил папа. — Уже принимает пищу, двигается. Немного разговаривает. Один раз рассмеялся.

— Ужас! Полный кошмар! — прошептала мама. — Разве я виновата, что все силы и время отдавала чужим детям? Но почему другим детям достаточно одной бабушки и больше они ни в ком не нуждаются?.. О, ты,

мама, вернулась к своим обязанностям? — спросила она, попробовав суп.

— Это моя работа, — скромно сообщил папа.

— Не смейся меня.

Александра Петровна и Юрий Анатольевич переглянулись и промолчали, ничего не стали ей объяснять. Она с курорта, устала, пусть отдохнет, придет в себя.

Но в тот же день в семье начались осложнения. Узнав о научной регистрации ленивых и склонных к лени детей, мама предельно возмутилась:

— Какая бесчеловечная нелепость! Неужели мы должны бедного Толика за... это... регистрировать?

— Да, это наш долг и спасение, — ответил Юрий Анатольевич, сразу приготовившись к тяжелому разговору. — Неверным воспитанием мы искалечили ребенка и...

— Кто искалечил? Я лично его почти не воспитывала. Это вы с бабушкой довели ребенка во второй раз до областной психиатрической больницы!

— Хорошо, мы с бабушкой. Тогда ты нам и впредь не мешай его воспитывать.

Не буду передавать этого длинного и действительно тяжелого для всех разговора, который все равно ни к чему не привел — каждый остался при своем мнении.

Особенно была недовольна мама. Тонем, не терпящим даже самого маленького возражения, она заявила:

— Теперь моя очередь воспитывать сына. Я лучше вашего знаю детей, не первый год работаю в школе с большим контингентом учащихся.

Такого решения никто не ожидал, может быть, и сама мама, а поэтому оно вызвало сначала сильное недоумение, а затем не менее сильную растерянность.

— Решение твое, мягко говоря... — пробормотал Юрий Анатольевич, — несколько... непродуманно. Ты просто не в курсе дела. Мальчика надо лечить личным примером.

— Ах, пожалуйста, не учите меня, учительницу, как надо учить детей! — презрительно воскликнула мама. — Это смешно. — Она попробовала иронически рассмеяться, но ничего из этого не получилось.

ГЛАВА № 59

Визит Фонди-Монди-Дунди-Пэка к генералу Шито-Крыто и неожиданный результат этого визита

Генерал Шито-Крыто сидел в своем кабинете и думал своей огромной, без единого волоска головой. Как ни странно, он еще и предавался переживаниям. Он сидел и жалел, что приемная пуста, нету там офицера Лахита. Конечно, он был проныра, каких свет не видел, предатель был тоже несусветный, денежки любил пуще жизни, в руках врагов оказался по жадности. Проклясть бы его и забыть!

И все же он был помощник, живой человек, с ним всегда надо было быть начеку, полагаться с ним можно было, сейфом в него запустить можно было, зная, что он все равно увернется.

Талантливый был негодяй!

А талантливых негодяев становится все меньше и меньше. Как прекрасно погиб в верхних слоях атмосферы фон Гадке! Напугал, такой славный мерзавец, весь мир! Когда он сообщил, что летит с мощной бомбой и вот-вот шарахнет ее в место наибольшего скопления детей, со всех аэродромов мира взлетели самолеты, чтобы что-нибудь сделать с фон Гадке! Вот молодец! Вот образцовый подлец!

Остался генерал Шито-Крыто один-одинешенек. Кого ему взять в помощники, когда кругом одни только им самим воспитанные предатели и доносчики?! Офицер Лахит, царство ему небесное, считал страх одной из форм уважения, а эти просто боятся его, своего шефа, без всякого к нему уважения.

Разрешив себе попереживать еще восемь минут, — а переживания он считал бездельничанием, — генерал Шито-Крыто встал и заговорил совершенно мрачным голосом:

— Делаю беспристрастный анализ своих ошибок. Меня преследуют неудачи. Одна за другой. Другая за другой. Потом другая за одной и так далее. Ошибки мои — следствие недостаточной трудоспособности. Я еще очень мало работаю. Ем два раза в неделю, например, по целых полчаса каждый раз. Буду принимать пищу только один раз в две недели, чтобы сэко-

номить время и силы, затрачиваемые на переваривание.

(Я, автор, умоляю вас, читатели, обратить особое внимание на данный факт. Вот почему мерзавец, негодяй — сами подберите все бранные, но справедливые слова — редко бывает ленивым? Они, эти безобразники, всё действуют и действуют, а мы с вами, в общем-то хорошие люди, часто занимаемся всякой ерундой...)

Генерал Шито-Крыто продолжал говорить самому себе:

— Я буду стойко переносить все заминки и неудачи, то есть не буду опускать руки перед бедой, впадать в истерики, падать от дикой злобы в обмороки. Теперь только я один знаю во всех подробностях план операции «Братцы-тунеядцы». У врагов просто не хватит времени подготовиться к борьбе со мной. Но и медлить тоже нельзя. Если враги успеют зарегистрировать лентяев, наша задача значительно усложнится. Ведь тогда они поймут всю меру опасности, нависшей над ними, и начнут усиленно действовать. Дай бог, чтобы регистрация лентяев у них затянулась! А я вот-вот, с минуты на минуту, с секунды на секунду, отдам приказ о начале операции.

Закончив говорить, генерал Шито-Крыто снова стал прежним — грозным, хитрым, подлым, ловким, каким и был, пока его чуть не сломали следовавшие одна за другой неудачи. Он снова полностью был готов на самый трудный труд, на самую обширнейшую и разнообразнейшую деятельность на страх всему человечеству.

Он тут же приступил к делам как ни в чем не бывало, не подозревая, что где-то недалеко, прямо-таки поблизости, ему готовится очередная, на этот раз почти смертельная, неприятность.

Ведь в кабинете врача Супостата все еще сидел Фонди-Монди-Дунди-Пэк и говорил:

— Я уверен, что, если бы ты был способен соображать более или менее здраво, я бы вскоре оказался на свободе, а в руках у тебя — сорок тысяч в хорошей валюте.

— Пойми, что во время наичрезвычайнейшего наивойнейшего положения, — убеждал его собеседник, — никто не выпускается с территории «Гроба и молнии» без личного распоряжения шефа и не в его машине. Ликвидируются все виды пропусков и пароли. Я спрячу тебя в подвал с медикаментами и...

— И обязательно предам при первом удобном слу-

чае! — добавил, усмехаясь, Фонди-Монди-Дунди-Пэк. — Безвыходных положений не бывает. Ведь я все равно найду выход.

— Ты просто сумасшедший! Кстати, хочешь, я устрою тебя в сумасшедший дом? А? Условия у нас там сносные, куда лучше, чем в карцере.

— Не мели чепухи. Мне нельзя ждать. Да и сорок тысяч в хорошей валюте долго ждать не будут. Ты думаешь, я не найду кого-нибудь, кто без раздумья возьмет их? А?

Упоминание о деньгах и особенно о том, что они могут достаться другому, совершенно вывело врача Супостата из всякого равновесия. Он закричал своим толстым голосом:

— А я тебе ни на грош не верю!

— Веришь! Иначе ты со страху уже сто раз разделался бы со мной, как пытался это сделать однажды, — спокойно говорил Фонди-Монди-Дунди-Пэк, хотя на душе у него было тревожно и мрачно до того, что он в любой момент мог махнуть рукой и хлопнуть дверью. К тому же он боялся. Он очень боялся, что не вернется обратно, туда, где ждали его так называемые утренняя и вечерняя зорьки, туда, где его не будут ловить. Там он сам будет ловить рыбку.

Он сказал:

— Прощай, бывший приятель. С тобой каши не сваришь. Мне остается одно — уничтожить шефа. Тогда в суматохе я, может, и смогу выбраться отсюда и без твоей помощи, трус ты последний.

— Ты... ты... ты... — Врач Супостат шарил руками в столе, ища то ли оружие, то ли сердечное лекарство. — Ты соображаешь?.. Уничтожить шефа... это... этим не шутят!

— Я и не шучу. Давай, Супостатик, расстанемся мирно, — предложил Фонди-Монди-Дунди-Пэк. — Я незаметно выйду из твоего кабинета, и ты тут же забудешь обо мне. Словно я там, в расплюсненном гробу. А я обещаю забыть тебя.

— Ого! Вот это ва-ри-гутно! Вот это о'кейно! — Врач Супостат вскочил, обалдело выпучил глаза. — А сорок тысяч в хорошей валюте?

Тут не сдержался даже Фонди-Монди-Дунди-Пэк и показал бывшему приятелю большой палец, выразительно просунутый между указательным и средним.

— Без денег я тебя не отпущу! Без денег я тебя не отпущу! Руки вверх! — И врач Супостат вытащил два пистолета, один больше другого. — Гони монету!

Фонди-Монди-Дунди-Пэку все это надоело. Он закурил, мысленно ругая врача Супостата самыми последними шпионскими словами. Вот уж действительно: свяжешься с дураком — сам соображать разучишься.

— А если, — предложил он, так как еще не разучился соображать, — я добьюсь отмены наичрезвычайнейшего наивоеннейшего положения? Тогда ты, толстая твоя голова, ухитришься мне помочь?

— Ты меня абсолютно не интересуешь! — грубо рявкнул врач Супостат, уж действительно потерявший способность соображать, да еще и пистолетами размахивал. — Как мне получить деньги?

— Никак ты их не получишь, — брезгливо ответил Фонди-Монди-Дунди-Пэк, решительно вставая. — Ари-ведерчик! Я иду уничтожать шефа. Сиди и не чирикай. Учти, Супостат ты безголовый, что любым словом против меня ты навредишь себе смертельно!

И он со спокойным и невозмутимым видом направился к дверям, вслед ему неслось:

— Стой, стрелять буду! Стрелять буду, стой!

Едва за ним захлопнулась дверь, врач Супостат, как, впрочем, и рассчитывал Фонди-Монди-Дунди-Пэк, схватил телефонную трубку и прохрипел в нее:

— Шефа...

— Кто это? Чего надо? Быстро!

— Шеф... это я... Су... су...

— Дурак Супостат, что ли?

— Так... это... шеф... точно...

— Чего тебе, тунеядец? Быстро!

— Я не знаю... как... как сказать... не знаю...

— Тогда пошел вон!

— Подождите, шеф, подождите! Нечто важное... катастрофическое... вас сейчас это... ну...

— Если ты быстро, в трех-четырех словах не скажешь ничего путного, я засажу тебя в карцер с крысами на двадцать с половиной суток! Кормить буду только мышами!

— Вас сейчас убьют! — заорал врач Супостат и с телефонной трубкой от страха залез под стол.

— У тебя, что, мозги заплыли жиром? — тоже за-

орал генерал Шито-Крыто, но уже почти в психическом расстройстве.

— БХ-три нуля идет убивать вас! У него много денег! Сорок тысяч в хорошей валюте! Я боюсь за вас, шеф! Прошу учесть, что я честно, хотя и трусливо, предупредил вас! Надеюсь получить по заслугам.

— Получишь, получишь по заслугам, немедленно получишь! — Генерал Шито-Крыто швырнул трубку на рычаг и приказал в микрофон: — Охрана! Врача Супостата в карцер с крысами на сто одни сутки! В меню только мышинное мясо!

Дверь открылась, и в кабинет вошел Фонди-Монди-Дунди-Пэк, неторопливо приблизился к столу и сказал:

— Чао-мао, шеф. Вот мы и встретились еще раз. В последний.

Генерал Шито-Крыто хрипло хрюкнул, схватился правой рукой за грудь (пистолет он носил у самого сердца), покачнулся, хрипнул, но уже без хрюка, и осел в кресло, и замер, как бездыханный.

— Слаб ты нервами, оказывается, стал, — облегченно вздохнув, произнес Фонди-Монди-Дунди-Пэк и закурил. Делал он это медленно, словно наслаждаясь каждой затяжкой, а на самом деле курить ему совсем не хотелось, дым был горьким, в горле першило, и бывший БХ-000 просто пытался хоть немного унять волнение. Но ему было еще и радостно: ни разу в жизни не работал он так рискованно и удачно, как вот сейчас.

Он включил рацию, настроился на нужную волну и начал передавать в эфир, не сводя глаз с генерала Шито-Крыто:

— Щука... щука... я молодой рыбак... срочно готовь удочку... щука... щука... я молодой рыбак... срочно готовь удочку... Прием.

Из эфира полетел ответ:

— Молодой рыбак... молодой рыбак... я щука... я щука... удочка готова... удочка готова... Прием.

Фонди-Монди-Дунди-Пэк передохнул от подкатившей к горлу острой радости и ответил:

— Щука... щука... вас понял... вас понял... Конец.

Теперь оставалось самое главное и самое опасное. Он включил микрофон и приказал:

— Срочно шофера к шефу.

Итак, генерал Шито-Крыто неподвижно сидел в кресле, бывший его агент БХ-000 встал перед столом,

и, как только шофер вошел в кабинет, Фонди-Монди-Дунди-Пэк громко сказал:

— Слушаюсь, шеф! Немедленно еду, мы успеем! Не беспокойтесь, у нас в запасе полчаса.— Он повернулся к шоферу, продолжая закрывать собой генерала Шито-Крыто, приказал: — Быстро! Быстро! Должны успеть! На аэродром!

Последние слова он договаривал уже в машине.

Ух... все в порядке. Удочка, то есть самолет, ждет его.

«Навсегда прощай, «Гроб и молния», бывшая «Тигры-выдры»! Прощай, бывший мой шеф, господин генерал Шито-Крыто! — думал Фонди-Монди-Дунди-Пэк.— Жаль, нельзя было тебя укокошить! Но я больше не агент. Я просто рыбак. Больше меня ловить не будут. А я буду ловить рыбку большую и маленькую!»

Он устало развалился на сиденье, ваял телефонную трубку, попросил:

— Шефа.

Телефонистка ответила:

— Шеф в госпитале. Инфаркт. Кто спрашивает?

— Когда шеф придет в себя, передайте ему приветик.

— От кого?

— Он догадается.

— Простите, а что с шефом? — спросил шофер.

— Разрыв сердца. По-научному — инфаркт. Это от переутомления.

...А утром Фонди-Монди-Дунди-Пэк уже спрашивал полковника Егорова:

— Когда я смогу поехать на рыбалку?

ГЛАВА № 60

Выздоровление Толика Прутикова

Психоневропатолог Моисей Григорьевич Азбарагуз перед тем, как выписать из больницы Толика Прутикова, принял его родителей и бабушку у себя в кабинете и заговорил довольно суровым голосом:

— Мальчик абсолютно здоров. Более того, он стал значительно лучше, чем был до заболевания. Теперь его отличает высокая степень сознательности и полное понимание своих жизненных обязанностей.

— Нужно его регистрировать или нет? — поспешно спросила мама.

— Я бы даже не стал задавать такого вопроса, — очень строго ответил Моисей Григорьевич. — Мальчик нуждается в постоянном медицинско-научном контроле. Все теперь зависит от вас. Будет в семье трудовая обстановка — мальчик вырастет во всех отношениях здоровым.

— Позвольте, простите, извините, — растерянно пробормотала мама. — Я что-то не совсем допонимаю. Вернее, просто ничего не понимаю. Вы его вылечили или нет?

— Мы его вылечили, — недовольным тоном ответил Моисей Григорьевич, — но в силу предыдущего крайне неверного воспитания организм мальчика предрасположен ко всем заболеваниям, связанным с ленью. Спасет Толика, повторяю, лишь подлинно трудовая обстановка в семье.

— Будет, будет такая обстановка! — заверила бабушка Александра Петровна. — Я гарантирую!

Дома Толик с удивлением смотрел, как папа Юрий Анатольевич самозабвенно возится у плиты, ловко накрывает на стол, а мама безуспешно пытается ему помочь.

— Вот отдохну денек, — сказал Толик, — и все вместе будем трудиться.

— Зачем — все? — поразилась мама. — Доктор сказал, чтобы обстановка была трудовая. И речи не было о том, чтобы всем дома трудиться. Папа все прекрасно научился делать! Бабушка там чего-то гарантировала. А ты, сын, под моим руководством начнешь готовиться к новому учебному году.

— Да я все успею! Я в больнице научился супы и компоты варить! Картошку с колбасой жарить умею и чай заваривать!

— Это все пока ни к чему! — авторитетно заверила мама. — Будем воспитываться по плану. Сначала добьемся высокой успеваемости и примерного поведения на уроках и в перемены. Доверьтесь мне. Ведь у меня большой опыт обучения и воспитания детей.

— Меня больше не надо воспитывать, — убежденно сказал Толик. — Я теперь сам все понимаю, честное слово! Моисей Григорьевич, знаете, как надо мной потрудились! Всю дурь из меня вытащил! — Он рассмеял-

ся. — Но контрразведчиком я все равно буду!

— Это у тебя не опять ли началось? — сразу обеспокоилась бабушка. — Опять шпиономизм?

— Что ты! Нет, теперь это серьезно. Говорят, что кто хоть раз в жизни поймал шпиона, не ловить их уже не может. Пока я буду ловить лентяев. Мойсей Григорьевич просил меня помогать ему.

Мама посмотрела на него, как на человека, которому недолго осталось жить на этом белом свете, страдальческим тоном проговорила:

— Послушай меня, сынуля... Эти лентяи... зачем они тебе? Зачем их ловить?

— Это общественная задача, мама. Понимаешь? Вот я на себе испытал, что такое быть ленивым. Умереть можно. А шпионы — самые подлые существа на нашей планете. Я и решил посвятить себя...

- Сначала надо окончить школу!
— Одно другому не мешает, мама. Пока я буду ловить лентяев и помогать папе по хозяйству.

ГЛАВА № 61,

**предпоследняя, без названия даже,
потому что обрывается неожиданно**

На другой день после выхода из больницы Толин принялся помогать Моисею Григорьевичу в научной регистрации.

И в этот же день он убедился, что мальчишки боятся ее, как завуча.

После многочасовой беготни и длинейших уговоров ему удалось зарегистрировать только двух приятелей-лодырей и одну знакомую тунеядку.

Но зато в этот же день четырех своих детей зарегистрировал старший санитар Тимофей Игнатьевич.

Верно говорят: лиха беда — начало!

Надежда генерала Шито-Крыто на то, что регистрация ленивых и склонных к лени детей сорвется или хотя бы надолго затянется, не сбылась: регистрация началась.

ОТ АВТОРА

Здесь мне приходится спешно оборвать повествование, потому что начинается событие, описанию подготовки к которому и посвящена эта книга.

ГЛАВА № 62,

**последняя и тоже без названия,
потому что состоит всего из одной фразы**

В 5 час. 00 мин. по среднеевропейскому времени, едва и кое-как оправившись от болезни, начальник шпионской организации «Гроб и молния» генерал Шито-Крыто отдал приказ: приступить к выполнению операции «Братцы-тунеядцы»!

**Конец десятой части,
последней из написанных
лично
автором**

**Часть одиннадцатая,
которой автор
предлагает дать короткое название**

«ФИНАЛ»

**и просит уважаемых читателей написать ее
самим — как они себе представляют дальней-
шее развитие событий. Ведь именно против
них и направлена операция «Братцы-тунеяд-
цы»!**

К О Н Е Ц

1969 г.

СОДЕРЖАНИЕ

5

**Многотрудная,
полная невзгод и опасностей
жизнь Ивана Семенова,
второклассника и второгодника.
Повесть**

89

**Дядя Коля — поп Попов
жить не может без футбола.
Повесть**

271

**Руки вверх! или Враг № 1.
Роман**

**Лев Иванович
ДАВЫДЫЧЕВ**

**ИВАН СЕМЕНОВ, ДЯДЯ КОЛЯ — ПОП ПОПОВ,
ГЕНЕРАЛ ШИТО-КРЫТО И ДР.**

Повести и роман для детей

Зав. редакцией А. ЛУКАШИН

Редактор Н. ГАШЕВА

Художественные редакторы С. ЛУЗИН, Т. КЛЮЧАРЕВА

Технический редактор Л. ПСАРЕВА

Корректоры Г. ВОРСУК, И. ПАРХОМОВСКАЯ

ИБ № 1386

Сдано в набор 12.12.85. Подписано в печать 27.10.86. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 2. Гарнитура школьная. Печать высокая. Усл. печ. л. 28,56. Усл. кр.-отг. 29,73. Уч.-изд. л. 28,332. Тираж 100 000 экз. Заказ № 694. Цена 1 р. 30 к.

Пермское книжное издательство. 614000, г. Пермь, ул. К. Маркса, 30. Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства «Звезда». 614600, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

